Printed in Russia

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

К. М. СТАНЮКОВИЧА.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

Подъ редакціею и съ біографическимъ очеркомъ
П. В. Быкова и съ приложеніемъ портрета
К. М. Станюковича.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1907 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1907.

Артистическое заведеніе А. Ф. МАРКСА. Измайл. пр., № 29.

МОРСКІЕ РАЗСКАЗЫ.

ГРОЗНЫЙ АДМИРАЛЪ.

I.

Лишь только кукушка на старинныхъ часахъ въ столовой, выскочивъ изъ дверки, прокуковала шесть разъ, давая знать о наступленіи сумрачнаго сентябрьскаго утра 1860 г., какъ изъ спальни его высокопревосходительства, адмирала Алексѣя Петровича Ветлугина, занимавшаго съ женой и двумя дочерьми обширный деревянный особнякъ на Васильевскомъ островѣ, раздался громкій, продолжительный кашель, свидѣтельствовавшій, что адмиралъ изволилъ проснуться, и что въ домѣ, слѣдовательно, долженъ начаться тотъ боязливый трепетъ, какой еще въ бо́льшей степени царилъ, бывало, и на корабляхъ, которыми въ старину командовалъ суровый морякъ.

Услыхавъ первые приступы обычнаго утренняго кашля, пожилой камердинеръ Никандръ, только-что приготовившій все для утренняго кофе адмирала и сторожившій въ столовой его пробужденіе, стремглавъ бросился бѣгомъ внизъ, на кухню, сіявшую умопомрачительной чистотой и блескомъ мѣдныхъ кастрюль, въ порядкѣ разставленныхъ на полкахъ, — и крикнулъ повару Ларіону:

— Встаетъ!

— Есть! — по-матросски отвѣчалъ Ларіонъ, внезапно засуетясь у плиты, на которой варились кофе и сливки, и уже облеченный въ бѣлый поварской костюмъ, съ колпакомъ на головѣ.

— Хлѣбъ, смотри, не подожги, какъ вчера! — озабоченно наставлялъ Никандръ. — А то самъ знаешь, что́ будетъ.

Круглолицый молодой поваръ Ларіонъ, крѣпостной какъ и Никандръ, наканунѣ воли, отлично зналъ, что́ будетъ. Еще не далѣе какъ вчера онъ обомлѣлъ отъ страха, когда его позвали наверхъ къ адмиралу. Однако дѣло ограничилось лишь тѣмъ, что адмиралъ молча ткнулъ ему подъ носъ ломтемъ подгорѣвшаго хлѣба.

— Не подожгу... Вчера точно ошибся маленечко, Никандра Иванычъ... Передержалъ.

— То-то, не передержи! Да чтобы сливки съ пылу! Черезъ десять минутъ надо подавать. Не опоздай, смотри!

Съ этими словами Никандръ выбѣжалъ изъ кухни, забѣжалъ въ свою каморку, чтобы взять платье и на диво вычищенные сапоги адмирала, и вернулся въ комнаты. Въ столовой онъ снова озабоченно осмотрѣлъ столъ—все ли въ порядкѣ, оглядѣлъ полъ — нѣтъ ли гдѣ пыли, и затѣмъ, отворивъ осторожно двери, прошелъ черезъ кабинетъ въ маленькую, уже опустѣвшую спальню и, поставивъ сапоги и сложивъ бережно платье, сталъ дожидаться съ простыней въ рукахъ, когда его кликнутъ для обычнаго обтиранія, послѣ холодной ванны, которую адмиралъ бралъ ежедневно.

Этотъ Никандръ, котораго прочіе слуги въ домѣ звали Никандрой Иванычемъ, служившій при адмиралѣ безотлучно и въ морѣ и на берегу въ теченіе двадцати лѣтъ, былъ сухощавый и крѣпкій человѣкъ лѣтъ подъ пятьдесятъ, съ смышленымъ, нѣсколько мрачнымъ лицомъ. Гладко выбритыя щеки и подбородокъ и коротко остриженные волосы придавали Никандру военный видъ. Человѣкъ онъ былъ несообщительный, исправный до педантизма и проворный, какъ и всѣ слуги адмирала, не терпѣвшаго медлительныхъ движеній. Вышколенный баріномъ и до сихъ поръ сохранившій знакъ этой «школы», въ видѣ надорваннаго праваго уха, въ которомъ блестѣла сережка, — хорошо изучившій характеръ и привычки Ветлугина, Никандръ сумѣлъ такъ приспособиться къ грозному адмиралу, что тотъ гнѣвался на своего камердинера относительно рѣдко и по-своему благоволилъ къ нему. Да и не за что было и придраться къ Никандру — до того онъ былъ исправенъ и безукоризненъ въ исполненіи своихъ обязанностей. Вся его жизнь была, такъ сказать, поглощена однимъ адмираломъ, заботами, чтобы все было сдѣлано вовремя, чтобы въ комнатахъ была чистота, напоминающая чистоту корабельной палубы, и неодолимымъ, вѣчно напоминающимъ о себѣ страхомъ адмиральскаго гнѣва. Казалось, лично о себѣ Никандръ и не думалъ и собственныхъ интересовъ не имѣлъ, а существовалъ на бѣломъ свѣтѣ исключительно для адмирала. И только въ послѣднее время, когда слухи о волѣ стали настойчивѣе, на сдержанномъ, мрачномъ лицѣ Никандра появлялось по временамъ какое-то загадочное выраженіе не то радости, не то недоумѣнія.

Онъ неизмѣнно просыпался въ пять часовъ утра, всегда съ тревожной мыслью: не проспалъ ли? Торопливо одѣвшись,

Никандръ въ своемъ затертомъ гороховомъ сюртукѣ и въ мягкихъ войлочныхъ башмакахъ начиналъ мести комнаты и что-нибудь убиралъ или чистилъ вплоть до полудня. Съ полудня онъ неизмѣнно облекался въ черную пару и снова находилъ себѣ работу до обѣда, когда вмѣстѣ съ другимъ слугой подавалъ къ столу. Затѣмъ онъ убиралъ серебро и посуду (все было у него на рукахъ и подъ его отвѣтственностью), подавалъ чай и успокаивался только въ одиннадцать часовъ, когда адмиралъ обыкновенно ложился спать, и всѣ въ домѣ облегченно вздыхали. Тогда Никандръ уходилъ въ свою каморку (на половинѣ адмиральши служилъ другой лакей) и, прочитавъ «Отче нашъ», укладывался на своей койкѣ и засыпалъ, какъ и просыпался, опять-таки съ тревожными мыслями, на этотъ разъ о завтрашнемъ днѣ: о томъ, напримѣръ, что надо завтра приготовить мундиръ, надѣть ордена и звѣзды, сходить къ портному, взять изъ починки старый адмиральскій сюртукъ и доложить адмиралу, что запасъ сахара на исходѣ.

Прочіе слуги въ домѣ уважали и любили Никандра, и всѣ звали его по имени и отчеству. Онъ былъ добрый и справедливый человѣкъ, нисколько не гордился своимъ званіемъ камердинера и старшаго слуги и хотя былъ требователенъ и, случалось, ругалъ за лодырство, но никогда не ябедничалъ и не подводилъ своего брата. Напротивъ! Бывало, что онъ являлся заступникомъ и принималъ на себя чужія вины.

Изъ ванной доносилось фырканіе моющагося адмирала. Затѣмъ слышно было, какъ онъ крякнулъ, погрузившись въ холодную, прямо изъ-подъ крана, воду. Тогда Никандръ, физіономія котораго выражала сосредоточенное и напряженное вниманіе, пододвинулся поближе къ двери въ ванную. Минуты черезъ три оттуда раздался отрывистый, повелительный окрикъ: «эй!» — и въ ту же секунду Никандръ уже былъ за дверями и, накинувъ простыню на мускулистое, закраснѣвшее мокрое тѣло вздрагивавшаго высокаго адмирала, сталъ сильно растирать ему спину, пояспицу и грудь. Адмиралъ лишь отъ удовольствія покрякивалъ и временами говорилъ:

— Крѣпче!

И Никандръ теръ во всю мочь.

Когда адмиралъ произнесъ наконецъ: «стопъ!»—Никандръ быстро сдернулъ простыню, подалъ сорочку и вышелъ вонъ. Адмиралъ всегда одѣвался самъ.

Черезъ десять минутъ его высокопревосходительство, за-

глянувъ въ кабинетѣ, по морской привычкѣ, на барометръ и термометръ, вышелъ въ столовую въ своемъ легкомъ халатѣ изъ цвѣтной китайки и сафьянныхъ туфляхъ, направляясь быстрой и легкой походкой къ столу. Какъ бо́льшая часть моряковъ, адмиралъ слегка горбилъ спину.

Одновременно съ его появленіемъ въ столовой, Никандръ подалъ на столъ кофейникъ, сливки, ветчину и тарелку съ ломтями бѣлаго хлѣба, поджаренными въ сливочномъ маслѣ. Подставивъ адмиралу стулъ, камердинеръ отошелъ къ дверямъ, и адмиралъ сталъ пить изъ большой чашки кофе, заѣдая его горячими «тостами» и холодной ветчиной. Пилъ и ѣлъ онъ съ большимъ аппетитомъ и необыкновенно скоро, точно торопился, боясь куда-нибудь опоздать.

II.

Несмотря на то, что адмиралу стукнуло уже семьдесятъ четыре года, никто не далъ бы ему этихъ преклонныхъ лѣтъ — такъ еще онъ былъ полонъ жизни, крѣпокъ и моложавъ. Высокій, плотный, но не полный, широкоплечій и мускулистый, онъ никогда въ жизни серьезно не болѣлъ и пользовался неизмѣнно могучимъ здоровьемъ. Онъ еще и теперь, несмотря на свои годы, вбѣгалъ безъ передышки на лѣстницы верхнихъ этажей, исхаживалъ, не чувствуя усталости, десятки верстъ и лѣтомъ въ деревнѣ скакалъ на конѣ, травя лисицъ и зайцевъ.

Его продолговатое, сухощавое лицо, отливавшее рѣзкимъ румянцемъ, съ загрубѣлой отъ долгихъ плаваній кожей, имѣло суровый, повелительный видъ. Въ немъ было что-то жесткое, непреклонное и властное. Сразу чувствовался въ адмиралѣ человѣкъ желѣзной воли, привыкшій повелѣвать на палубѣ своего корабля. Его небольшіе сѣрые глаза, съ рѣзкимъ и холоднымъ, какъ сталь, блескомъ, глядѣли изъ-подъ нависшихъ, чуть-чуть засѣдѣвшихъ бровей съ выраженіемъ какого-то презрительнаго спокойствія стараго человѣка, видавшаго на своемъ вѣку всякіе виды и знающаго себѣ цѣну. Высокій его лобъ былъ прорѣзанъ морщинами, и двѣ глубокія борозды шли по обѣимъ сторонамъ прямого, съ небольшой горбиной, носа; но тщательно выбритыя щеки, казалось, не поддавались вліянію времени: онѣ были свѣжи, гладки и румяны. Густые свѣтло-каштановые волосы на головѣ, подстриженные, какъ требовала форма, едва серебрились, и только короткіе колючіе усы были совсѣмъ сѣды. Прическу адмиралъ носилъ старинную: небольшой подфабренный кокъ возвышался надъ серединой лба, какъ пѣтушій гребень, а

виски прикрывались широкими, впередъ зачесанными, гладкими прядками.

Въ свое время Ветлугинъ былъ лихимъ капитаномъ, и суда, которыми онъ командовалъ, всегда считались образцовыми по порядку, чистотѣ, желѣзной дисциплинѣ и «дрессировкѣ» матросовъ. У него, какъ любовно говорили старые моряки, были не матросы, а «черти», дѣлавшіе чудеса по быстротѣ и лихости работъ. Но даже и въ давно прошедшее жестокое время, когда во флотѣ царили линьки, и звѣрская кулачная расправа считалась обязательнымъ элементомъ морского обученія, Ветлугинъ выдѣлялся своей жестокостью, такъ что матросы называли его между собою не иначе, какъ «генералъ-арестантомъ» или «палачомъ-мордобоемъ». За малѣйшую оплошность онъ наказывалъ безпощадно. Офицеры боялись, а матросы положительно трепетали грознаго капитана, когда онъ, бывало, стоя на ютѣ и опершись на поручни, зорко наблюдалъ, весь вниманіе, за паруснымъ ученіемъ.

И матросы дѣйствительно работали, какъ «черти», восхищая старыхъ парусныхъ моряковъ своимъ, въ сущности ни къ чему не нужнымъ проворствомъ, доведеннымъ до послѣдняго предѣла человѣческой возможности. Еще бы не работать, подобно «чертямъ»! Матросы знали своего командира, знали, что если марсели на ученіи будутъ закрѣплены не въ двѣ минуты, а въ двѣ съ четвертью, то капитанъ, наблюдавшій за продолжительностью работъ съ минутной склянкой въ рукахъ, отдастъ приказаніе «спустить шкуру» всѣмъ марсовымъ опоздавшаго марса. А это значило, по тѣмъ временамъ, получить отъ озвѣрѣвшихъ боцмановъ, подъ наблюденіемъ не менѣе озвѣрѣвшаго старшаго офицера, ударовъ по сту линьковъ — короткой веревкой, въ палецъ толщины, съ узломъ на концѣ.

Почти послѣ каждаго ученья на бакѣ корабля производилась экзекуція десятковъ матросовъ. Виноватый спускалъ рубаху и, заложивъ за голову руки, становился между двумя боцманами; тѣ по очереди, съ разстановкой, били несчастнаго линьками между лопатками. Матросъ, съ блѣднымъ отъ страданія лицомъ, при каждомъ ударѣ безпомощно изгибая спину, вскрикивалъ и стоналъ. Синева выступала на тѣлѣ, и затѣмъ кровь струилась по истерзанной, обнаженной спинѣ.

Разумѣется, не всѣмъ безслѣдно проходили подобныя наказанія. Многіе послѣ трехмѣсячнаго плаванія подъ командой «генералъ-арестанта» заболѣвали, чахли, дѣлались, по выраженію того времени, «негодными» и, случалось, провалявшись въ госпиталѣ, умирали. Никто объ этомъ не задумы-

вался и менѣе всего Ветлугинъ. Онъ поступалъ согласно понятіямъ времени, и совѣсть его была спокойна. Служба требовала суровой муштровки, «лихихъ» матросовъ и беззавѣтнаго повиновенія, а жестокость была въ модѣ.

Этотъ же самый Ветлугинъ, спокойно, съ сознаніемъ чувства долга «спускавшій шкуры» съ людей, въ то же время неустанно заботился о матросахъ: объ ихъ пищѣ, обмундированіи, частныхъ работахъ, объ ихъ отдыхѣ и досугѣ. Боже сохрани было у него на кораблѣ потревожить, безъ крайней необходимости, команду во время обѣда или ужина, или въ то время, когда она, по судовому расписанію, отдыхаетъ. Онъ запарывалъ шкиперовъ, баталеровъ и каптенармусовъ, если замѣчалъ злоупотребленія. Отдача подъ судъ грозила ревизору, если бы Ветлугинъ замѣтилъ, что матроса обкрадываютъ. Онъ презиралъ казнокрадовъ и, самъ до щепетильности честный, никогда ни пользовался никакими, даже и считавшимися въ тѣ времена «безгрѣшными», доходами въ видѣ разныхъ «экономій» и «остатковъ». Всѣ эти «экономіи» и «остатки» шли на улучшеніе пищи и одежды матросовъ. У него въ экипажѣ *) матросы всегда были щегольски одѣты, ѣли отлично. имѣли и на берегу по чаркѣ водки и получали наруки незначительныя деньги въ добавленіе къ своему скудному жалованью. Въ этомъ отношеніи Ветлугинъ былъ безупреченъ.

Точно такъ же онъ не терпѣлъ непотизма и никогда ни о чемъ не просилъ даже за своихъ сыновей. Старшаго своего сына, моряка-офицера, служившаго на эскадрѣ, которой, уже адмираломъ, командовалъ Ветлугинъ, онъ такъ допекалъ, былъ до того къ нему строгъ и придирчивъ, что сынъ просилъ о переводѣ въ другую флотскую дивизію, чтобы только не быть подъ начальствомъ грознаго адмирала-отца. Если онъ и просилъ за сыновей, то для того только, чтобы имъ не мирволили и держали въ ежовыхъ рукавицахъ.

Прокомандовавъ въ теченіе многихъ лѣтъ эскадрами, Ветлугинъ былъ наконецъ произведенъ въ полные адмиралы и получилъ почетное береговое мѣсто въ Петербургѣ.

Въ описываемое время адмиралъ Ветлугинъ давно былъ на покоѣ и не плавалъ, переставъ быть грозою во флотѣ. Ему ужъ не приходилось слѣдить зоркимъ напряженнымъ глазомъ съ подзорной трубою въ рукахъ, со своего флагманскаго стопушечнаго корабля, за любимой своей эскадрой, шедшей въ бейдевиндъ, подъ марселями и брамселями, двумя стройными колоннами, въ составѣ нѣсколькихъ кораблей и фрегатовъ,

*) Экипажъ флотскій то, что въ арміи полкъ.

съ легкими посылочными судами — шкунами и тендерами, плывущими, словно маленькія птички, по бокамъ гордыхъ кораблей-лебедей,— не приходилось, говорю, слѣдить за эскадрой, которой онъ только-что приказалъ сдѣлать сигналъ: «прибавить парусовъ и гнать къ вѣтру!» Ужъ онъ не любуется быстрымъ исполненіемъ сигнала и не видитъ передъ собою этихъ моментально окрылившихся всѣми парусами кораблей, которые быстро понеслись по морю. Не видитъ онъ и этого, совсѣмъ накренившагося тендера, подъ командою его сына, молодого лихого лейтенанта,—тендера, подъ всѣми парусами несущагося къ адмиральскому кораблю. Онъ проносится подъ самой кормой адмирала и, получивъ на ходу приказаніе идти въ Севастополь, мастерски дѣлаетъ крутой поворотъ и, чертя бортомъ воду, мчится словно чайка, скрываясь отъ глазъ по обыкновенію на видъ суроваго, но въ душѣ довольнаго адмирала-отца.

Да, ничего онъ этого не видитъ, да и не на что теперь смотрѣть! Парусамъ судамъ подписанъ смертный приговоръ, и уже паровые корабли плаваютъ въ морѣ, попыхивая изъ трубъ черпымъ густымъ дымомъ, оскорбляющимъ мысленный взоръ стараго «паруспика», презрительно называющаго новыя суда «самоварами», благодаря которымъ исчезнутъ будто бы настоящіе лихіе моряки и «школа».

Теперь адмиралу приходилось лишь вспоминать прошлое въ тиши своего кабинета или съ такими же представителями старой эпохи, какъ онъ самъ, стариками-адмиралами, слегка фрондируя и презрительно подсмѣиваясь надъ новыми порядками и реформами, вводившимися во флотѣ въ то время общаго преобразовательнаго движенія, охватившаго Россію вслѣдъ за крымской войной.

Старый адмиралъ чувствовалъ, что пѣсня его спѣта безповоротно, и что на свѣтѣ совершается нѣчто для него неожиданное и не совсѣмъ понятное. Всѣ незыблемые, казалось, устои колебались. Освобожденіе крестьянъ было на носу. Отовсюду вѣяло чѣмъ-то новымъ, какимъ-то духомъ свободы и обновленія. Во флотѣ собирались отмѣнить тѣлесныя наказанія. Въ «Морскомъ Сборникѣ», котораго адмиралъ былъ подписчикомъ, печатались диковинныя статьи: о свободѣ воспитанія, о необходимости реформъ, при чемъ осмѣивались старые морскіе порядки и выражалось негодованіе на жестокое обращеніе съ людьми. Мичмана, казалось, адмиралу, уже не съ прежней почтительностью отдаютъ ему честь при встрѣчѣ. Адмиралъ былъ нѣсколько ошеломленъ, но не смирился передъ требованіями времени.

Его особняка на Васильевскомъ островѣ, повидимому, нисколько не коснулась новая жизнь. Тамъ онъ попрежнему оставался грознымъ адмираломъ, считая свою квартиру чѣмъ-то въ родѣ корабля. Онъ сдѣлался еще суровѣе, попрежнему не удостоивалъ никого изъ семьи разговоромъ, предпочитая подчасъ лучше жестоко скучать въ одиночествѣ, чѣмъ потерять тотъ престижъ страха и трепета, который внушалъ онъ всѣмъ своимъ домочадцамъ. И всѣ они попрежнему продолжали трепетать передъ грознымъ адмираломъ.

Одинъ лишь младшій сынъ Сережа, семнадцатилѣтній юноша, кончавшій курсъ въ морскомъ корпусѣ, вселялъ въ адмиралѣ, по временамъ, нѣкоторыя подозрѣнія. Старику казалось, что этотъ «щенокъ» въ послѣднее время не такъ испуганно и поспѣшно опускаетъ свои быстрые черные глаза подъ суровымъ взглядомъ адмирала, и что будто бы въ глазахъ «мальчишки» скользитъ какая-то неуловимая улыбка.

Передъ суровымъ взоромъ адмирала до сихъ поръ смиренно опускаютъ глаза, чувствуя невольный страхъ, и жена и всѣ дѣти, начиная съ первенца, почтеннаго женатаго капитанъ-лейтенанта, украшеннаго орденами, и вдругъ этотъ «щенокъ» съ черными глазами какъ будто оказываетъ строптивость!

И грозный адмиралъ дѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ «щенка», когда тотъ приходилъ по праздникамъ изъ корпуса, хотя и зорко слѣдилъ за нимъ во время обѣда, сурово хмуря брови и готовый придраться къ чему-нибудь, чтобы «разнести» своего Веніамина, олицетворявшаго, въ глазахъ адмирала, ненавистный ему «новый духъ».

III.

Адмиралъ выпилъ свои двѣ большія чашки кофе, поднялся и, заложивъ за спину руки, сталъ ходить по столовой своей обычной быстрой, живой походкой. Убиравшій со стола Никандръ замѣтилъ, что адмиралъ часто вздергиваетъ плечами и по временамъ издаетъ отрывистые звуки, точно прочищаетъ горло,—значитъ, онъ не въ духѣ,—и Никандръ спрашивалъ себя: отчего это? Ужъ не узналъ ли онъ, сохрани Богъ, что Леонидъ Алексѣичъ (третій сынъ адмирала, кавалерійскій офицеръ) кутитъ и играетъ въ азартныя игры? Объ этомъ Никандръ прослышалъ отъ лакея Леонида Алексѣича и сокрушался за молодого барина, зная, что добра не будетъ, если адмиралъ какъ-нибудь узнаетъ про это. Или не замѣтилъ ли баринъ вчера, что на половинѣ барыни гости оставались послѣ одиннадцати часовъ? Или ужъ не изъ-за Варвары ли

дѣло? Не встрѣтилъ ли онъ кого-нибудь у новой своей сударки?

Не разрѣшивъ однако причины дурного настроенія адмирала, Никандръ пошелъ убирать кабинетъ и спальню. «Ужо будетъ гроза!» — подумалъ старый камердинеръ, мрачно вздыхая.

Къ семи часамъ поваръ Ларіонъ уже стоялъ у дверей, выжидая, когда баринъ обратитъ на него вниманіе. Онъ наконецъ обратилъ и, приблизившись къ повару, — который низко поклонился и затѣмъ замеръ, вытянувъ руки по швамъ, — быстро, точно и ясно заказалъ обѣдъ (адмиралъ распоряжался всѣмъ въ домѣ самъ) и крикнулъ:

— Понялъ?

— Понялъ, ваше высокопревосходительство!

Затѣмъ адмиралъ, по обыкновенію, освѣдомлялся: что сегодня готовятъ для людей? (Для людского обѣда было недѣльное расписаніе на каждый день). Ларіонъ доложилъ, что кислыя щи съ говядиной и пшенная каша съ масломъ. Тогда адмиралъ шелъ въ кабинетъ, доставалъ изъ письменнаго стола деньги и, возвратившись, неизмѣнно говорилъ суровымъ тономъ, подавая повару деньги:

— Не транжирь... смотри!

— Слушаю, ваше высокопревосходительство!—такъ же неизмѣнно отвѣчалъ Ларіонъ и стоялъ, какъ вкопанный, пока адмиралъ не говорилъ ему: «Пошелъ!» или не дѣлалъ соотвѣтствующаго знака рукой.

Ровно въ восемь часовъ, когда на военныхъ судахъ поднимается флагъ и гюйсъ и начинается день, адмиралъ уже былъ въ сюртукѣ, застегнутый на всѣ пуговицы. Маленькіе остроконечные воротнички, въ видѣ треугольниковъ, торчали изъ-за чернаго шелковаго шейнаго платка, обмотаннаго, по-старинному, поверхъ другого платка — бѣлаго. Одѣтъ онъ былъ всегда не безъ щегольства и любилъ душиться.

Черезъ четверть часа онъ неизмѣнно шелъ гулять, несмотря ни на какую погоду, и, проходя въ прихожую, обыкновенно спрашивалъ у Никандра, махнувъ головой по направленію къ половинѣ адмиральши:

— Спятъ?

— Точно такъ!

Адмиралъ недовольно крякалъ, надѣвалъ пальто и фуражку и выходилъ на улицу. Гулялъ онъ часъ или полтора и всегда по Васильевскому острову. На набережной онъ иногда останавливался и смотрѣлъ, какъ грузятся иностранные пароходы и, видимо, сердился, если работали тихо, сердился и

уходилъ. При встрѣчахъ хорошенькихъ женскихъ лицъ адмиралъ молодцовато пріосанивался, и съ лица его сходило обычное суровое выраженіе. Къ женщинамъ адмиралъ чувствовалъ слабость и, несмотря на свой преклонный возрастъ, былъ порядочнымъ-таки ловеласомъ. Когда онъ разговаривалъ съ дамами, особенно молодыми и красивыми, глядя на него, нельзя было подумать, что это грозный адмиралъ. Онъ словно весь преображался: былъ необыкновенно галантенъ, веселъ и разговорчивъ и очаровывалъ вниманіемъ и любезностью. Недаромъ въ свое время онъ пользовался большимъ успѣхомъ среди дамъ и смущалъ адмиральшу своими невѣрностями. Крайне воздержный вообще въ жизни, — онъ почти не пилъ вина, не курилъ и ѣлъ умѣренно, — адмиралъ имѣлъ лишь одну слабость: не могъ равнодушно видѣть хорошенькую женщину, особенно если у нея былъ, какъ онъ выражался, «красивый товаръ».

Возвратившись домой, адмиралъ спрашивалъ у Никандра: «встали?» и, получивъ отвѣтъ, что «изволили встать и кушаютъ чай», — проходилъ прямо въ кабинетъ и проводилъ тамъ все время до обѣда, если не выѣзжалъ на службу или съ визитами. Сперва онъ читалъ газеты «Times» и «С.-Петербургскія Вѣдомости» и читалъ ихъ отъ доски до доски, хмурясь по временамъ, когда какая-нибудь статья возбуждала его неодобреніе, что въ послѣднее время случалось-таки часто. Покончивъ съ газетами, онъ присаживался къ письменному столу и въ календарѣ дѣлалъ краткія отмѣтки и замѣчанія, преимущественно критическаго характера, о новѣйшихъ событіяхъ и мѣропріятіяхъ. Затѣмъ онъ просматривалъ «Морской Сборникъ» или читалъ какую-нибудь историческую книгу, ходилъ по своему обширному, скромно убранному кабинету, по стѣнамъ котораго висѣли превосходныя англійскія портреты-гравюры Екатерины, Николая, Нельсона, Суворова и Румянцева, и такимъ образомъ коротал свое время. На половину адмиральши и двухъ дочерей-дѣвицъ, бывшихъ институтокъ Смольнаго монастыря, онъ заходилъ въ какихъ-нибудь рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ и съ женой и съ дочерьми встрѣчался лишь за обѣдомъ или въ гостиной, если пріѣзжали гости, къ которымъ адмиралъ выходилъ. Дочери никогда не осмѣливались переступить порога его кабинета безъ зова, да и сама адмиральша входила туда, когда нужно было спросить денегъ, всегда со страхомъ.

Иногда къ адмиралу заходилъ кто-нибудь изъ товарищей-адмираловъ. Такихъ онъ принималъ у себя въ кабинетѣ,

приказывалъ подать марсалы и англійскихъ галетовъ, и угрюмый кабинетъ оживлялся. Старики выхваливали прошлыя времена, бранили нынѣшній флотъ и удивлялись тому, «что нынче творится».

— Резервъ какой-то сочинили... Многихъ вонъ... Слышалъ, Алексѣй Петровичъ?

— Слышалъ... А мальчишку назначаютъ морскимъ министромъ.

«Мальчишка» этотъ былъ 55-лѣтній вице-адмиралъ.

— Дожили!—иронически восклицалъ гость, сухенькій, низенькій старичокъ-адмиралъ, извѣстный во флотѣ своимъ обычнымъ восклицаніемъ передъ товарищескими обѣдами: «Кто хочетъ быть пьянъ—садись подлѣ меня, кто хочетъ быть сытъ — садись подлѣ брата!»

— Не до того доживемъ! Пропадетъ нашъ флотъ!

Отведя свои души, адмиралы условливались насчетъ преферанса завтра вечеркомъ, гость уходилъ, и старикъ снова оставался одинъ.

Въ половинѣ 12-го Никандръ обязательно входилъ въ кабинетъ и докладывалъ, что «проба» готова. Вслѣдъ затѣмъ появлялся поваръ Ларіонъ въ бѣломъ костюмѣ, въ безукоризненно чистомъ колпакѣ на головѣ, съ подносомъ, на которомъ въ двухъ маленькихъ деревянныхъ чашкахъ была «проба» людского обѣда. Этотъ обычай, существующій на военныхъ судахъ, строго соблюдался и въ домѣ адмирала.

Адмиралъ обыкновенно съѣдалъ полчашки щей, хлебая ихъ деревянной ложкой, и отвѣдывалъ кашу. Если—что случалось рѣдко — проба была нехороша, щи недостаточно жирны и мясо жилистое, адмиралъ нѣсколько разъ тыкалъ кулакомъ въ лицо Ларіона. Блѣдный, съ подносомъ въ рукахъ, онъ только жмурился при видѣ адмиральскаго кулака и уходилъ иногда съ разбитымъ въ кровь лицомъ.

Сегодня щи были отличныя. Адмиралъ, стоя, выхлебалъ почти всю чашку, отвѣдалъ каши и, махнувъ рукой, сказалъ: «обѣдать!»

Въ это время вся прислуга, какъ мужская, такъ и женская, должна была собраться въ кухнѣ: въ комнатахъ оставался дежурный мальчикъ-казачокъ. На обѣдъ полагалось полчаса.

Послѣ завтрака адмиралъ присѣлъ-было въ кресло у окна и принялся за книгу, но ему не читалось. Онъ первно поднялся и заходилъ по кабинету, поводя плечами и сжимая кулаки. Видимо старикъ былъ не въ духѣ.

IV.

Въ это самое время въ спальнѣ у адмиральши шло совѣщаніе.

Адмиральша, высокая, полная, бѣлокурая женщина, за пятьдесятъ лѣтъ, съ кроткимъ нѣжнымъ лицомъ, сохранившимъ еще остатки замѣчательной красоты, совѣтовалась съ дочерьми: Анной, немолодой уже дѣвицей около тридцати лѣтъ, и молоденькой и хорошенькой Вѣрой, насчетъ покупки разныхъ вещей къ осени, необходимыхъ для нея и для дочерей. Сумма выходила довольно крупная, и это пугало адмиральшу. У нея на рукахъ не бывало денегъ; за каждымъ рублемъ приходилось обращаться къ мужу, и надо было улавливать хорошее его настроеніе, чтобы полученіе денегъ обошлось безъ непріятныхъ сценъ.

Эта женщина, выданная по шестнадцатому году замужъ за Ветлугина, котораго до замужества она видѣла всего два раза, представляла собой рѣдкій примѣръ кротости, терпѣнія и привязанности. Своей воли у нея не было — мужъ давно обезличилъ жену. И несмотря на всегдашнее его полупрезрительное отношеніе, несмотря на суровый его гнетъ, она продолжала боготворить мужа, какъ какое-то высшее существо, боялась и въ то же время любила его съ какой-то собачьей преданностью. Давно уже лишенная его супружескаго вниманія, она втайнѣ ревновала, оскорблялась его частыми невѣрностями и посторонними связями, не смѣя, разумѣется, заикнуться объ этомъ.

Послѣ долгаго совѣщанія, дамы рѣшили пока ограничиться двумястами рублей. Адмиральша сейчасъ же пойдетъ въ кабинетъ.

Подойдя къ дверямъ кабинета, она заглянула въ замочную щелку. Адмиралъ, только-что переставшій ходить, сидѣлъ за письменнымъ столомъ. Адмиральша перекрестилась и тихо стукнула въ двери. Отвѣта не было. Она постучала сильнѣй.

— Можно! — раздался рѣзкій, недовольный голосъ.

— Здравствуй, Алексѣй Петровичъ! Прости, что безпокою! — проговорила адмиральша своимъ тихимъ, пѣвучимъ, нѣсколько дрожащимъ отъ волненія голосомъ, приближаясь къ столу.

— Здравствуй!..

Адмиралъ протянулъ женѣ руку (они ужъ давно не цѣловались при встрѣчахъ) и, не поднимая головы, рѣзко спросилъ:

— Что нужно?

Адмиральша, говорившая всегда медленно, заторопилась:

— Анютѣ и Вѣрѣ необходимы платья и башмаки. И у меня тальма совсѣмъ старая, ей ужъ шесть лѣтъ. Кромѣ того...

— Сколько? — перебилъ ее адмиралъ.

— Надо бы по крайней мѣрѣ двѣсти рублей, но если ты находишь, что это много, я могу и не дѣлать тальмы.

На лицѣ адмирала выражалось нетерпѣніе. Онъ не выносилъ многословія, а адмиральша не умѣла говорить съ морской краткостью.

— Короче, Анна Николаевна! Я спрашиваю: сколько?

— Двѣсти рублей.

Адмиралъ вынулъ изъ стола пачку и, подавая женѣ, сказалъ:

— Сосчитай!

Та перечла и поблагодарила за деньги.

— Очень-то франтить не на что. Скажи имъ. Слышишь?

— Самое необходимое.

И спросила:

— Можно намъ взять карету?

— Возьмите!

Адмиральша повернулась-было, чтобъ уходить, какъ адмиралъ вдругъ сердито проговорилъ:

— Вчера... письмо... (Адмиралъ презрительно кивнулъ на лежавшее на столѣ письмо). Впередъ жалованье, а? Пишетъ: «необходимо»!? Мотыга! Видно, на кутежи... на шампанское!?

Адмиралъ зашевелилъ усами и продолжалъ послѣ паузы:

— Предупреди этого болвана, чтобы не смѣлъ писать, и скажи, что я ни копейки не буду ему давать, коль скоро онъ не перестанетъ мотать... Тоже принцъ... Кутить!

Адмиральша сразу догадалась, о комъ идетъ рѣчь, и, пробуя заступиться за своего любимца, робко и тихо промолвила:

— Я ничего не слыхала... Кажется, Леня...

— Не слыхала!? — перебилъ адмиралъ, передразнивая жену.—Не слыхала!?—повторилъ онъ, поднимая на адмиральшу злые глаза. — Ты вѣдь ничего не слышишь, а я не слыхалъ, а знаю! Такъ скажи ему, когда онъ покажется, что на кутежи денегъ у меня нѣтъ... Слышишь?

— Я скажу, — совсѣмъ тихо проронила адмиральша.

— Не то я съ нимъ поговорю... Необходимо!? Кую я, что ли, деньги? Скотина! — вдругъ крикнулъ адмиралъ и стукнулъ кулакомъ по столу такъ громко, что адмиральша вздрогнула. — Я ему покажу форсить! На Кавказъ въ армію

упрячу подлеца. Такъ и скажи... Ступай! — рѣзко оборвалъ адмиралъ, отворачиваясь.

Адмиральша вышла испуганная, съ тревогой въ сердцѣ. Этотъ Леонидъ, въ самомъ дѣлѣ, безумный. Вздумалъ писать отцу! Не одинъ ужъ разъ давала она потихоньку своему любимцу свои брильянтовыя вещи, умоляя его не кутить, а онъ...

«Надо серьезно съ нимъ поговорить. Отецъ исполнитъ угрозу!»—подумала адмиральша, не подозрѣвая, какой страшный сюрпризъ готовитъ всей семьѣ безпутный красавецъ Леня и какую штуку удеретъ сегодня Сережа — этотъ «непокорный Адольфъ», какъ шутя звали младшаго сына мать и сестры за его рѣчи, совсѣмъ диковинныя въ Ветлугинскомъ домѣ.

V.

Передъ самымъ обѣдомъ семья адмирала должна была собираться въ гостиной.

Боже сохрани, если въ это время Ветлугинъ заставалъ тамъ какого-нибудь гостя, пріѣхавшаго съ визитомъ и не догадавшагося уйти до появленія адмирала въ гостиной, то-есть за пять минутъ до четырехъ часовъ. Въ такихъ случаяхъ адмиральша сидѣла какъ на иголкахъ, а дочери въ страхѣ волновались, особенно если гость былъ мало знакомъ адмиралу, молодъ и изъ статскихъ, къ которымъ старый морякъ не очень-то благоволилъ, называя ихъ презрительно «болтливыми сороками».

Увидавъ въ гостиной посторонняго, адмиралъ хмурилъ брови и недовольно крякалъ, еле кивая головой въ отвѣтъ на поклонъ гостя. Онъ выжидалъ минуту, другую, затѣмъ вынималъ изъ-за борта сюртука свою англійскую, стариннаго фасона, золотую луковицу-полухронометръ (хотя отлично зналъ время) и, взглянувъ на часы, говорилъ:

— Мы, кажется, обѣдаемъ въ четыре!

Адмиральша и дочери краснѣли, не смѣя взглянуть на гостя. Тотъ, сконфуженный, вскакивалъ, разсыпаясь въ извиненіяхъ, и, откланявшись, поспѣшно исчезалъ, порядочно-таки напуганный суровымъ моряком, и, случалось, слышалъ изъ залы рѣзкій голосъ адмирала, спрашивающаго у жены:

— Это еще что за нахалъ?

Адмиральша робко объясняла, что это камеръ-юнкеръ Подковинъ... Пріѣзжалъ съ визитомъ... Онъ очень хорошо принятъ у адмирала Дубасова и вообще...

— Жениховъ ловите? — перебивалъ старикъ, поводя на

дамъ презрительнымъ взглядомъ.—Этотъ вашъ Подковкинъ—или какъ тамъ его?.. хамъ! Засиживается до обѣда. Чтобъ я его больше никогда не видалъ!—рѣзко обрывалъ Ветлугинъ.

И бѣдной адмиральшѣ, очень любившей общество и большой охотницѣ поболтать всласть, особенно на романическія темы, приходилось иногда отказывать знакомымъ, которые не нравились мужу, или же звать ихъ въ тѣ вечера, когда адмиралъ бывалъ въ англійскомъ клубѣ.

Въ этотъ день въ гостиной, по счастью, чужихъ не было. Къ обѣду явились сыновья Николай и Григорій, молодые офицеры, и Сережа, отпущенный изъ корпуса по случаю завтрашняго праздника.

Въ ожиданіи адмирала разговаривали тихо и остерегались громко смѣяться. На всѣхъ лицахъ была какая-то напряженность. Одинъ лишь Сережа, стройный, гладко остриженный юноша въ кадетской формѣ, съ живой, подвижной физіономіей и бойкими черными глазами, похожій своей наружностью на мать, а живостью манеръ и темпераментомъ—на отца, о чемъ-то съ жаромъ шепталъ любимой сестрѣ Аннѣ, которой онъ повѣрялъ всѣ свои тайны и завѣтныя идеи, юныя и свѣжія, какъ и самъ этотъ юноша, выраставшій въ эпоху обновленія.

Анна слушала своего фаворита съ выраженіемъ изумленія и испуга на своемъ серьезномъ и добромъ лицѣ и, когда Сережа остановился, тихо воскликнула:

— Ты съ ума сошелъ, Сережа?

Юноша усмѣхнулся. Онъ съ ума не сходилъ... Напротивъ, онъ за умъ взялся... Онъ обдумалъ свое намѣреніе и рѣшилъ поговорить съ отцомъ.

— Да развѣ онъ тебѣ позволитъ?

— Я постараюсь убѣдить его.

— Ты!? Папеньку!?

— Да, я!—задорно отвѣчалъ Сережа.—Онъ тронется горячей просьбой... Не каменный же онъ... Помнишь, Нюта, маркиза Позу? Подѣйствовалъ же онъ на короля Филиппа?.. Вѣдь подѣйствовалъ?

Но сестра, не раздѣлявшая иллюзій юнаго маркиза Позы, съ видомъ сомнѣнія покачала головой.

— Ахъ, Нюта, какъ жаль, что ты не читала «Темнаго царства»!—снова заговорилъ вполголоса Сережа.—Прелесть! Восторгъ! Ты должна прочитать... Я тебѣ принесу «Современникъ»... Ты увидишь, Нюта, къ чему ведетъ родительскій деспотизмъ... У насъ здѣсь то же темное царство, и вы всѣ...

Сережа вдругъ смолкъ, оборвавши рѣчь. Смолкли и другіе разговаривавшіе. Въ гостиную вошелъ адмиралъ, по обыкновенію ровно за пять минутъ до четырехъ часовъ.

Всѣ, кромѣ адмиральши, поднялись и поклонились. Адмиралъ кивнулъ головой, ни на кого не глядя, и заходилъ взадъ и впередъ, поводя плечами и хмуря брови. Всѣ снова усѣлись и заговорили шопотомъ. Эта атмосфера боязливаго трепета, повидимому, нравилась старому адмиралу, и онъ въ присутствіи семьи обыкновенно напускалъ на себя самый суровый видъ и рѣдко, очень рѣдко, удостоивалъ обращеніемъ къ кому-нибудь изъ членовъ семейства.

— Ты видишь? Папенька сегодня не въ духѣ!—шепнула Анна на ухо Сережѣ.

— Не въ духѣ? Онъ у васъ всегда не въ духѣ... Самодуръ! А вы трепещете, какъ рабы, хоть и считаете себя людьми!—отвѣчалъ вполголоса Сережа, и его возбужденное лицо дышало презрѣніемъ.

Анна громко кашлянула, чтобы отецъ не услыхалъ Сережиныхъ словъ, и, умоляюще взглядывая на брата, сжала ему руку.

Адмиралъ покосился на Сережу, но, очевидно, не слыхалъ, что онъ говорилъ. Онъ продолжалъ ходить по гостиной и, не обращая, казалось, ни на кого вниманія, досталъ изъ кармана красный фуляровый носовой платокъ, высморкался и обронилъ его.

Гриша первый со всѣхъ ногъ бросился подымать платокъ и подалъ его отцу съ самой почтительной улыбкой, сіявшей на его красивомъ лицѣ. Казалось, онъ весь былъ необыкновенно отъ этого счастливъ. Голубые его глаза свѣтились восторгомъ. Адмиралъ даже не поблагодарилъ молодого офицера, а какъ-то сердито вырвалъ у него платокъ и спряталъ въ карманъ.

Этотъ Гриша или, какъ всѣ его звали, «тихоня Гриша» былъ самый почтительный и, казалось, самый преданный сынъ, къ которому адмиралъ ни за что и никогда не могъ придраться. Тихій и разсудительный, исполнявшій свои сыновнія обязанности съ какимъ-то особеннымъ усердіемъ, глядѣвшій въ глаза отцу и матери, сдержанный и скромный не по лѣтамъ, онъ, несмотря на все свое добронравіе и стараніе всѣмъ понравиться, не пользовался однако большой любовью въ семьѣ. И самъ грозный адмиралъ, казалось, нисколько не цѣнилъ ни его всегдашней угодливости, ни его почтительно-радостнаго вида и былъ съ нимъ рѣзокъ и сухъ, какъ и съ другими дѣтьми, исключая первенца Василія, ко-

мандира корвета, и двухъ старшихъ замужнихъ дочерей-генеральшъ.

— Нашъ-то «Лукавый царедворецъ»!—шепнулъ сестрѣ Сережа, указывая смѣющимися глазами на брата, котораго Сережа недолюбливалъ, считая его отчаяннымъ карьеристомъ и угадывая въ немъ, несмотря на его смиренную скромность, хитраго и пронырливаго эгоиста.

Анна строго покачала головой. «Молчи!» дескать.

— Далеко пойдетъ Гришенька. Спинка у него гибкая!—продолжалъ шептать Сережа.

Адмиралъ вдругъ сдѣлалъ крутой поворотъ и остановился передъ Сережей.

Кроткая Анна въ страхѣ поблѣднѣла.

— Ты почему не въ корпусѣ?—грозно спросилъ адмиралъ.

— Завтра праздникъ!—отвѣчалъ чуть дрогнувшимъ отъ волненія, но громкимъ голосомъ Сережа, вставая передъ отцомъ.

Адмиралъ съ секунду глядѣлъ на «щенка», и въ стальныхъ глазахъ его, казалось, готовы были вспыхнуть молніи. Анна замерла въ ожиданіи отцовскаго гнѣва. Но адмиралъ внезапно повернулся и снова заходилъ по гостиной, грозный, какъ неразряженная туча.

Черезъ минуту появился Никандръ, весь въ черномъ, въ питяныхъ перчаткахъ, съ салфеткой въ рукѣ, и мрачно-торжественнымъ тономъ провозгласилъ:

— Кушать подано!

Адмиралъ быстрыми шагами направился въ столовую, и всѣ, съ адмиральшей во главѣ, двинулись вслѣдъ за нимъ.

— Прикуси ты свой языкъ, Сережа!—замѣтила Анна, шедшая съ братомъ позади.

— Нѣтъ, ты лучше посмотри, Нюточка, на «Лукаваго царедворца»! Идетъ-то онъ какъ!

— Какъ и всѣ, думаю...

— Нѣтъ, особенно... Приглядись: въ его походкѣ и смиреніе и въ то же время скрываемое до поры величіе будущаго военнаго министра... Гриша хоть и прапорщикъ, а втайнѣ ужъ мечтаетъ о министерствѣ... Онъ навѣрное будетъ министромъ.

— А ты всегда останешься невоспитаннымъ болваномъ!—чуть слышно и мягко проговорилъ, оборачиваясь, Гриша.

— Слушаю-съ, мой высокопоставленный и благовоспитанный братецъ! Не забудьте и нашу малость, когда будете сановникомъ!—отвѣчалъ, улыбаясь, Сережа, отвѣшивая брату почтительно-церемонный поклонъ.

— Оселъ!—шепнулъ Гриша, блѣднѣя отъ злости.

— Тѣмъ лучше, чтобы имѣть честь служить подъ вашимъ начальствомъ! — отпарировалъ Сережа, умѣвшій доводить сдержаннаго брата до бѣлаго каленія.

— Сережа, перестань!—остановила его Анна, не переносившая никакихъ ссоръ и бывшая общей миротворицей въ семьѣ.

— Я молчу... А то господинъ военный министръ, пожалуй, прикажетъ своимъ нѣжнымъ голоскомъ разстрѣлять Сергѣя Ветлугина!—произнесъ съ комическимъ страхомъ Сережа.

— Ахъ, Сергѣй, Сергѣй! — попеняла, улыбаясь кроткой улыбкой, Анна и значительно прибавила:

— Надѣюсь, ты отложишь свое намѣреніе и не будешь говорить съ отцомъ?

— Не надѣйся, ангелоподобная Анна... Ты пойми, голубушка: я обязанъ говорить...

— Безумный, упрямый мальчишка!—прошептала съ сокрушеніемъ Анна, пожимая по-отцовски плечами, и вошла вмѣстѣ съ юнымъ «маркизомъ Позой» въ обширную, нѣсколько мрачную столовую.

VI.

Выпивъ крошечную рюмку полынной водки и закусивъ кускомъ селедки, адмиралъ, выждавъ минуту-другую, пока закусятъ жена и дѣти, сѣлъ за столъ и заложилъ за воротникъ салфетку. По бокамъ его сѣли дочери, а около адмиральши, на противоположномъ концѣ,—сыновья. Два лакея быстро разнесли тарелки дьявольски горячаго супа и подали пирожки. Адмиралъ подавилъ въ супъ лимона, круто посыпалъ перцемъ и сталъ стремительно глотать горячую жидкость деревянной ложкой изъ какого-то рѣдкаго дерева. Три такія ложки, вывезенныя Ветлугинымъ изъ кругосвѣтнаго плаванія, совершеннаго въ двадцатыхъ годахъ, всегда имъ употреблялись дома.

Остальнымъ членамъ семейства, разумѣется, было неособенно удобно ѣсть горячій супъ серебряными ложками и поспѣвать за грознымъ адмираломъ, обнаруживавшимъ гнѣвное нетерпѣніе при видѣ медленной ѣды,—и почти всѣ домочадцы, не доѣдая супа, дѣлали знаки лакеямъ, чтобы они убирали тарелки, пока адмиралъ кончалъ. Если же, на бѣду, старикъ замѣчалъ убранную нетронутую тарелку, то съ неудовольствіемъ замѣчалъ:

— Мы, видно, одни фрикасе да пирожныя кушаемъ, а? Тоже испанскіе гранды!—язвительно прибавлялъ Ветлугинъ.

Почему именно испанскіе гранды должны были ѣсть исключительно фрикасе и пирожныя—это была тайна адмирала. Всѣ молодые Ветлугины, впрочемъ, довольно искусно надували его высокопревосходительство на супѣ, и старику рѣдко приходилось ловить неосторожныхъ, то-есть не умѣвшихъ во-время мигнуть Никандру или Ефрему.

Обыкновенно обѣдъ проходилъ въ гробовомъ молчаніи, если не было постороннихъ, и длился недолго. Обычныя четыре блюда подавались одно за другимъ скоро, и вышколенные лакеи отличались проворствомъ. Среди этой томительной тишины лишь слышалось тиканіе маятника да чавканіе грознаго адмирала. Если кто и обращался къ сосѣду, то шопотомъ, и сама адмиральша избѣгала говорить громко, отвѣчая только на вопросы мужа, когда онъ, въ рѣдкихъ случаяхъ, удостоивалъ ими жену.

Зато самъ адмиралъ иногда говорилъ краткіе, отрывистые монологи, ни къ кому собственно не обращаясь, но, очевидно, говоря для общаго свѣдѣнія и руководства. Такіе монологи разнообразили обѣдъ, когда адмиралъ бывалъ не въ духѣ. Всѣ въ домѣ звали ихъ «бенефисами».

Такой «бенефисъ» былъ данъ и сегодня. Туча, не разразившаяся грозой, разразилась дождемъ сердитыхъ и язвительныхъ сентенцій.

Какъ только адмиралъ скушалъ, со своей обычной быстротой, второе блюдо и запилъ его стаканомъ имбирнаго пива, выписываемаго имъ изъ Англіи, — онъ кинулъ быстрый взглядъ на своихъ подданныхъ, поспѣшно уплетавшихъ рыбу, съ опасностью, ради адмирала, подавиться костями,—и вдругъ заговорилъ, продолжая вслухъ выражать то, что бродило у него въ головѣ, и не особенно заботясь о красотѣ и отдѣлкѣ своихъ импровизацій.

— Мальчишка какой-нибудь... офицеришка... Шишъ въ карманѣ, а кричитъ: «Человѣкъ, шампанскаго!» Вмѣсто службы, какъ слѣдуетъ порядочному офицеру, на лихачахъ... «Пошелъ! Рубль на чай!» Подлецъ этакій! По трактирамъ да по театрамъ... Папироски, вино, карты, бильярды... По уши въ долгу... А кто будетъ платить за такого негодяя? Никто не заплатитъ! Развѣ какая-нибудь дура-мать! Такому негодяю мѣсто въ тюрьмѣ, коль скоро честь потерялъ... Да! Въ тюрьмѣ!—энергично подчеркнулъ адмиралъ, возвышая и безъ того громкій голосъ, точно кто-нибудь осмѣливался выражать сомнѣніе.—А поди ты... Пришелъ этотъ брандахлыстъ въ трактиръ, гроша нѣтъ, а опъ «шампанскаго!»— снова проговорилъ адмиралъ, передразнивая голосъ этого

воображаемаго «негодяя», безъ гроша въ карманѣ требующаго, по мнѣнію адмирала, шампанскаго.

Всѣ отлично понимали, что грозный адмиралъ главнымъ образомъ имѣлъ въ виду отсутствующаго безпутнаго Леонида. Но и Николай, добродушный и веселый поручикъ, не безъ нѣкотораго права могъ наматывать на свои шелковистые темные усы адмиральскую рѣчь, ибо тоже былъ повиненъ и въ лихачахъ, и въ ресторанахъ, и въ долгахъ, хотя и не походилъ, разумѣется, въ полной мѣрѣ на того «брандахлыста», котораго рисовала фантазія грознаго адмирала.

И Николай, какъ и всѣ, сидѣвшіе за столомъ, слушалъ грознаго адмирала, опустивши глаза въ тарелку и со страхомъ думая: какъ бы отецъ не провѣдалъ объ его долгахъ и не лишилъ сорока рублей, которые давалъ ежемѣсячно. Сережа слушалъ безъ особеннаго вниманія, занятый думами о рѣчи, которую онъ, по примѣру маркиза Позы, скажетъ адмиралу послѣ обѣда. Эти думы однако не помѣшали ему переглянуться съ сестрой Анной взглядомъ, говорящимъ, что «бенефисъ» къ нему не относится.

Гриша не опустилъ очей своихъ долу. Напротивъ, онъ впился въ адмирала своими большими и красивыми голубыми глазами и весь почтительно замеръ, боясь, казалось, пропустить одно слово и внимая, какъ очарованный. И его нѣжное румяное лицо женственной красоты свѣтилось выраженіемъ безмолвнаго одобренія добраго преданнаго сына, сознающаго, что онъ чистъ, какъ горлица, и что отцовскія угрозы его не касаются.

Но напрасно онъ тщился обратить на себя вниманіе адмирала. Ветлугинъ не видалъ его, а смотрѣлъ черезъ головы, куда-то въ уголъ столовой, и, послѣ небольшой паузы, снова заговорилъ:

— ...Въ 1796 году, когда меня съ братомъ Гавріиломъ привезли въ морской корпусъ, покойный батюшка далъ нашему дядькѣ пять рублей ассигнаціями для насъ... И съ тѣхъ поръ ничего не давалъ... Я офицеромъ на свое жалованье жилъ... Каждая копейка въ счету... И никогда не должалъ... А теперь?.. Всякій: «пожалуйте, папенька, денегъ!» Шалыганы!.. Государственнаго казначейства мало мотыгамъ!

Гриша одобрительно хихикнулъ, правда, очень тихо, но адмиралъ услыхалъ и, взглянувъ на сына, совершенно неожиданно крикнулъ со злостью:

— А ты чего вылупилъ на меня свои буркалы, а? Думаешь: Совершенство!.. Образцовый молодой щеголь! Тихоня! Очень ужъ ты тихъ... Изъ молодыхъ да ранній... Просвирки

старымъ генеральшамъ подносишь? Черезъ бабъ думаешь въ адъютанты попасть, а? У генеральшъ на посылкахъ быть!.. Просвирки!? Это развѣ служба?.. Мерзость!.. Вздумай у меня только въ адъютанты... Я тебя научу, какъ служить... А то просвирки!.. Что̀ выдумалъ, молодчикъ?.. Я съ задняго крыльца не забѣгалъ. Помни это, тихоня! А еще Ветлугинъ! Въ кого ты?—презрительно закончилъ адмиралъ.

Гриша слушалъ блѣдный, давно опустивъ свои прелестные глаза. Всѣ испытывали тяжелое чувство, и Анна, казалось, страдала болѣе всѣхъ за брата, которому отецъ бросалъ въ глаза такія обвиненія.

Между тѣмъ Никандръ, безстрастный и мрачный, уже цѣлую минуту стоялъ около адмирала съ блюдомъ жаркого. Адмиралъ наконецъ повернулъ голову и взялъ кусокъ телятины. Онъ ѣлъ и по временамъ разражался отрывистыми фразами:

— Шишъ въ карманѣ, а тоже «шампанскаго»!.. Брандахлысты!.. Просвирку!? Лакейство... Нечего сказать: служаки...

Наконецъ онъ смолкъ, и всѣ вздохнули свободнѣе. Остальнымъ не попало. Туча изсякла.

— А ты что̀, Анна?.. Нездорова?—вдругъ обратился адмиралъ къ дочери, замѣтивъ ея блѣдное лицо.

Тонъ его былъ по обыкновенію сухъ и рѣзокъ, но въ немъ звучала нѣжная нотка.

Это вниманіе, необыкновенно рѣдкое со стороны адмирала, смутило Анну своею неожиданностью, и она первое мгновеніе молчала.

— Глуха ты, что ли? Я спрашиваю: нездорова?

— Нѣтъ, я здорова, папенька...

— Блѣдна... Выпей марсалы!—рѣзко приказалъ адмиралъ.

Анна послушно выпила полрюмки марсалы.

— Дохлыя вы всѣ какія-то!—кинулъ адмиралъ съ презрительнымъ сожалѣніемъ, покосясь на обѣихъ дочерей, и поднялся съ мѣста.

Всѣ встали и начали креститься, за исключеніемъ адмирала. Затѣмъ дѣти поклонились отцу и стали подходить къ ручкѣ адмиральши.

Адмиралъ прошелъ къ себѣ, а остальные направились на половину адмиральши пить кофе. Адмиралу кофе подавали въ кабинетъ.

Одинъ лишь Сережа, несмотря на просьбы Анны, оставался въ столовой, рѣшительный, взволнованный, готовый исполнить свое намѣреніе. Ужъ въ головѣ его готова была

горячая рѣчь, которой онъ надѣялся тронуть грознаго адмирала.

VII.

И, несмотря на рѣшимость, Сережа все-таки испытывалъ жестокій страхъ при мысли, что вотъ сейчасъ онъ пойдетъ къ грозному адмиралу. Этотъ страхъ предъ отцомъ оставался еще съ дѣтства, когда, бывало, послѣ каждаго утренняго посѣщенія отцовскаго кабинета для пожеланія папенькѣ добраго утра, няня Аксинья обязательно должна была мѣнять ребенку панталончики,—такой паническій трепетъ наводилъ одинъ видъ грознаго адмирала на впечатлительнаго ребенка.

Дѣтство пролетѣло быстро, и Сережу съ юга отправили въ морской корпусъ. Оттуда онъ ходилъ по праздникамъ къ доброй и умной теткѣ, сестрѣ матери, у которой было совсѣмъ не такъ, какъ дома. У тетки чувствовалось свободно и легко. Дядя былъ старый профессоръ, мягкій и ласковый. Къ нимъ ходили учителя и студенты, и слышались совсѣмъ иныя рѣчи. Подъ вліяніемъ этой обстановки и этихъ рѣчей и выросталъ Сережа, пока адмиралъ не переѣхалъ въ Петербургъ, и Сережѣ опять приходилось проводить праздники въ отчемъ домѣ.

Но сѣмя уже было заброшено въ душу юноши, да и время было горячее, увлекавшее не однихъ юношей. И Сережа въ корпусѣ упивался журналами, читалъ Бѣлинскаго, обожалъ Добролюбова и, посѣщая иногда тетку, слушалъ восторженныя рѣчи людей, привѣтствовавшихъ зарю обновленія, жаждавшихъ свѣта знанія...

Сережа все еще стоялъ у окна въ столовой и не рѣшался идти. Двери кабинета были открыты. Адмиралъ еще не ушелъ спать, а сидѣлъ за письменнымъ столомъ и отхлебывалъ маленькими глотками кофе.

«Ужъ не поговорить ли завтра утромъ?»—промелькнуло въ головѣ юноши.

Но въ это мгновеніе Анна появилась въ дверяхъ столовой, и Сережѣ вдругъ стало стыдно за свое малодушіе. Онъ сдѣлалъ ей знакъ рукой и съ отвагой охотника, идущаго въ берлогу медвѣдя, несмотря на умоляющій шопотъ Анны, храбро вошелъ въ кабинетъ и въ ту же секунду совсѣмъ забылъ свою давно приготовленную рѣчь.

Грозный адмиралъ поднялъ голову и, казалось, глядѣлъ не особенно сурово.

— Папенька,—началъ Сережа нетвердымъ, дрожащимъ голосомъ:—я пришелъ къ вамъ съ большой-большой просьбой, отъ которой зависитъ вся моя будущая жизнь...

Этотъ горячій, взволнованный тонъ, это возбужденное открытое лицо юноши, съ дрожавшими на глазахъ слезами, въ первую минуту изумили адмирала.

— Какая тамъ будущая жизнь?.. Что̀ нужно?—удивленно спросилъ онъ.

— Я бы хотѣлъ серьезно учиться, чтобы быть со временемъ дѣйствительно полезнымъ человѣкомъ... Папенька! Позвольте мнѣ перейти изъ корпуса въ университетъ.

— Что̀?—вдругъ крикнулъ адмиралъ.—Повтори, что̀ ты сказалъ?

И глаза адмирала зажглись огонькомъ. Колючіе его усы заходили. Онъ, видимо, еще сдерживался и даже иронически улыбался, намѣреваясь сперва поиграть съ этимъ смѣлымъ «щенкомъ».

— Я говорю: разрѣшите мнѣ поступить въ университетъ!—повторилъ Сережа уже болѣе твердымъ голосомъ.

Это было ужъ слишкомъ! Адмиралъ, казалось, не вѣрилъ своимъ ушамъ.

— Въ университетъ! Бунтовать!? И ты, щенокъ, осмѣлился просить! ты смѣлъ, негодяй?.. Я тебѣ дамъ университетъ, пащенку этакому!

Сережа вспыхнулъ, и ноздри его задрожали, какъ у степного коника. Какая-то волна подхватила его. Онъ смѣло взглянулъ въ лицо адмирала и, сказалъ:

— Я васъ серьезно прошу объ этомъ, но если вы не позволите, я все равно...

Блѣдный и грозный вскочилъ адмиралъ, какъ ужаленный, съ кресла. Съ секунду онъ уставилъ свои стальные глаза на сына. Скулы его ходили. Онъ весь вздрагивалъ.

— Мерзавецъ! Ты смѣлъ?..

И съ поднятымъ кулакомъ и съ искаженнымъ отъ гнѣва лицомъ онъ двинулся къ сыну.

Сережа сталъ бѣлѣй рубашки, и его черные глаза заблестѣли, какъ у волчонка. Онъ отступилъ шага два назадъ и, инстинктивно сжимая кулаки, крикнулъ какимъ-то отчаяннымъ голосомъ, въ которомъ были и угроза и мольба:

— Убейте, если хотите, меня, но бить я себя не позволю! Слышите... Я не боюсь васъ!

Глаза обоихъ встрѣтились, какъ двѣ молніи. Должно-быть, въ глазахъ Сережи было что-то такое страшное и рѣшительное, что грозный адмиралъ вдругъ остановился, опустилъ ку-

лакъ и какимъ-то подавленнымъ, хриплымъ голосомъ произнесъ:

— Вонъ отсюда, мерзавецъ!

Сережа вышелъ, весь дрожа отъ волненія, чувствуя какой-то жгучій трепетъ и въ то же время радостное ощущеніе одержанной побѣды надъ грознымъ адмираломъ. Теперь ужъ онъ его физически не боялся, и ему вдругъ стало жаль отца.

Анна, видѣвшая сцену въ кабинетѣ, трепещущая и скорбная, встрѣтила брата въ коридорѣ, увела въ свою комнату и, усадивъ на кушетку, крѣпко обняла его и залилась слезами. Сережа улыбался и плакалъ, утѣшая сестру.

А грозный адмиралъ какъ сѣлъ въ кресло, такъ и закаменѣлъ въ немъ. Неподвижно просидѣлъ онъ весь вечеръ и все, казалось, не могъ сообразить происшедшаго. До того все это было невозможно, до того непонятно адмиралу, привыкшему къ безусловному повиновенію и не знавшему никогда никакой преподы своей волѣ. И вдругъ этотъ «щенокъ»! Эти рѣшительные, смѣлые глаза! Ужъ не перевернулся ли свѣтъ?..

Онъ переживалъ едва ли не впервые горечь стыда и униженія и невольно чувствовалъ, что побѣжденъ «щенкомъ»,— чувствовалъ, и злоба охватывала старика.

Но, несмотря на эту злобу, когда онъ пережилъ ея остроту, тамъ, гдѣ-то въ глубинѣ его души, пробивалось невольное чувство уваженія къ этому смѣлому, энергичному «щенку». И отцовская кровь говорила, что этотъ «щенокъ»—*его* сынъ по характеру.

Всѣ домашніе, кромѣ Анны, были поражены и возмущены поступкомъ Сережи. Адмиральша всплакнула, говорила, что дѣти ее въ гробъ сведутъ (хотя трудно было ожидать этого, судя по ея наружности), и бранила Сережу. Теперь онъ не можетъ показаться на глаза отцу, пока отецъ его не проститъ... И какъ онъ смѣлъ противорѣчить отцу? Гадкій мальчишка! Сережа слушалъ упреки матери самымъ покорнымъ образомъ и, когда адмиральша кончила, поцѣловалъ ее такъ дѣтски-горячо, что адмиральша опять всплакнула, послала Анну въ спальню за флакономъ со спиртомъ и внезапно объявила, что она совсѣмъ больна. И, въ подтвержденіе этого факта, она приняла томный видъ, легла на диванъ, велѣла покрыть себя шалью и принести французскій романъ.

Вѣра прямо объявила, что Сережа помѣшался, а Гриша прошипѣлъ, что Сережѣ не сдобровать...

— Попадетъ онъ куда-нибудь!—многозначительно прибавилъ Гриша...

— Будь увѣренъ, что только не въ адъютанты,—поддразнилъ Сережа.

Весь вечеръ онъ провелъ у Анны въ комнатѣ. Чай тудa ему подалъ самъ Никандръ, и такъ сочувственно глядѣлъ на «барчука» и подалъ ему такихъ вкусныхъ кренделей, что Сережа особенно горячо поблагодарилъ его и сказалъ:

— Скоро волю объявятъ, Никандръ Ивановичъ...

— То-то... скоро, говорятъ, Сергѣй Алексѣичъ... А вы не отчаивайтесь, — неожиданно прибавилъ Никандръ: — потерпите, и вамъ воля будетъ!..

На слѣдующее утро адмиралъ надѣлъ мундиръ и поѣхалъ къ морскому министру просить о немедленномъ назначеніи Сережи на корветъ, отправляющійся черезъ двѣ недѣли въ кругосвѣтное плаваніе на три года.

Министръ съ удовольствіемъ обѣщалъ исполнить желаніе адмирала, хоть и нѣсколько удивился такому желанію...

— Сынъ вашъ кончаетъ курсъ... Осталось всего полгода... Будущимъ лѣтомъ и отправили бы молодца, ваше высокопревосходительство... Или очень ужъ хочется ему въ море?

— Онъ-то не хочетъ, да я этого хочу, ваше превосходительство.

— А что, развѣ пошаливаетъ?

— Сынъ мой, ваше превосходительство, не пошаливаетъ!— внушительно отвѣтилъ адмиралъ. — Онъ честный и смѣлый молодой человѣкъ, но... захотѣлъ вдругъ въ студенты... Такъ пусть провѣтрится въ морѣ... Дурь-то эта и выйдетъ-съ.

— Пусть провѣтрится!.. Это вы отличное средство придумали, Алексѣй Петровичъ!..—засмѣялся министръ.—А то въ студенты! Съ чѣмъ это сообразно!?

Такого сюрприза со стороны адмирала юный «маркизъ Поза» не ожидалъ, сидя въ корпусѣ и мечтая послѣ производства выйти въ отставку и поступить въ университетъ.

Вмѣсто университета, пришлось торопливо собираться и во что бы то ни стало примириться съ грознымъ адмираломъ передъ долгой разлукой.

VIII.

До ухода корвета въ море оставалось лишь три дня, а Сережа все еще не получалъ разрѣшенія показаться на глаза адмирала. Адмиралъ словно забылъ о сынѣ и ни единымъ словомъ не упоминалъ о немъ при домашнихъ. Тѣ, въ свою очередь, остерегались при отцѣ говорить о Сережѣ.

Бѣдная адмиральша не знала, какъ и быть. Неужели Сережа такъ-таки и уйдетъ на цѣлые три года въ кругосвѣт-

ное плаваніе, не прощенный отцомъ и не простившись съ нимъ передъ долгой разлукой? Это обстоятельство крайне сокрушало добрую женщину; она немало пролила слезъ и немало фантазировала о томъ, какъ бы потрогательнѣе примирить отца съ сыномъ и самой принять въ этомъ примиреніи дѣятельное участіе,—но, разумѣется, все только ограничилось однѣми чувствительными мечтами нѣсколько сентиментальной адмиральши. Заговорить съ мужемъ о Сережѣ она не осмѣливалась, очень хорошо зная, что это ни къ чему не поведетъ, и что мужъ на нее же раскричится. Въ подобныхъ случаяхъ адмиралъ обыкновенно самъ объявлялъ черезъ нее помилованіе опальному члену семьи, и лишь послѣ такого объявленія подвергшійся отцовской опалѣ могъ являться на глаза отцу безъ риска быть выгнаннымъ.

Случалось, что такія опалы длились долго, и адмиральша помнила, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ старшій сынъ Василій цѣлыхъ два мѣсяца не допускался къ отцу, вызвавъ его гнѣвъ какимъ-то неосторожно сказаннымъ словомъ противорѣчія. А этотъ отчаянный мальчишка, этотъ безумный Сережа совершилъ поступокъ, неслыханный въ преданіяхъ ветлугинскаго дома. Мало того, что онъ дерзнулъ перечить отцу, онъ еще осмѣлился угрожать и сказать, что не боится его?!

«И вѣдь дѣйствительно не испугался!»—съ изумленіемъ думала адмиральша, не понимая, какъ это можно не бояться Алексѣя Петровича. А главное, послѣ всего, что̀ позволилъ себѣ дерзкій сынъ,—онъ вышелъ цѣлымъ и невредимымъ изъ отцовскаго кабинета. Эта безнаказанность особенно поражала и ставила втупикъ Анну Николаевну, помнившую былыя расправы суроваго отца съ дѣтьми. Она рѣшительно не могла сообразить, какъ могло случиться подобное чудо.

При такихъ обстоятельствахъ страшно было и приступиться къ адмиралу, тѣмъ болѣе, что послѣднее время онъ былъ неприступно-суровъ. Онъ придирался ко всѣмъ домашнимъ, кричалъ за обѣдомъ на сыновей, особенно на Гришу, одинъ покорно-почтительный видъ котораго приводилъ, казалось, адмирала въ раздраженіе, распекалъ дочерей и жену. Не далѣе какъ на-дняхъ она просила у мужа позволенія сходить дочерямъ къ теткѣ, и когда адмиралъ сказалъ, что «нельзя», адмиральша имѣла неосторожность освѣдомиться: «отчего нельзя?»

— Оттого, что земля кругла! Понимаешь, сударыня?—крикнулъ на нее адмиралъ, сверкнувъ очами.

Доставалось за это время и слугамъ. Никандръ былъ нѣ-

сколько разъ обруганъ, а Ефремъ и поваръ Ларіонъ жестоко избиты за какую-то неисправность. Однимъ словомъ, грозный адмиралъ бушевалъ, словно бы желая удостовѣриться послѣ сцены съ Сережей, что всѣ остальные его подданные попрежнему трепещутъ передъ нимъ, покорные его волѣ.

Убѣдившись въ этомъ, адмиралъ понемногу сталъ «отходить».

Не рѣшаясь говорить съ мужемъ о Сережѣ прямо, адмиральша, сокрушавшаяся все болѣе и болѣе по мѣрѣ приближенія дня ухода корвета, отважилась наконецъ напомнить о сынѣ стороной и, войдя въ кабинетъ адмирала, спросила уныло-жалобнымъ тономъ:

— Ты позволишь намъ, Алексѣй Петровичъ, проводить Сережу... Черезъ три дня корветъ уходитъ... Можно тогда поѣхать въ Кронштадтъ?

Адмиралъ бросилъ на жену презрительно-удивленный взглядъ и отвѣтилъ:

— Дурацкій вопросъ! Конечно, проводите... И пусть всѣ братья проводятъ. Дай знать своему балбесу Леониду!

И съ этими словами Ветлугинъ опустилъ глаза на книгу, дѣлая видъ, что занятъ и разговаривать не желаетъ.

Адмиральша ушла изъ кабинета грустная.

«Онъ, очевидно, не хочетъ простить Сережу!» — думала она, не получивъ объявленія о помилованіи строптиваго сына.

А «строптивый сынъ» все это время приходилъ въ отчій домъ и уходилъ изъ него съ задняго крыльца. Бо́льшую часть времени онъ проводилъ въ комнатѣ Анны, куда никогда не заглядывалъ отецъ. Тамъ же онъ и ночевалъ, а сестра перебиралась къ матери. Туда же потихоньку Никандръ приносилъ обѣдъ и подавалъ чай. Всѣ были увѣрены, что адмиралъ, отдавшій приказаніе не пускать Сережу въ домъ, не знаетъ о присутствіи сына, но адмиралъ отлично зналъ объ этомъ, хотя и дѣлалъ видъ, что ничего не знаетъ.

Мать и Анна заботливо снарядили Сережу: онѣ сдѣлали ему статское платье и дюжину голландскихъ рубашекъ, чтобы ему было въ чемъ съѣзжать на берегъ въ заграничныхъ портахъ, и снабдили на дорогу деньгами—вѣдь до производства въ офицеры Сережа никакого жалованья получать не будетъ! На снаряженіе сына мать принуждена была заложить брильянтовую брошь да Анна великодушно отдала своему любимцу весь свой капиталъ, сто рублей, подаренные ей отцомъ на именины. Не забыла Сережу и тетка.

IX.

Потерпѣвъ неудачу въ своей дипломатической миссіи, адмиральша вошла къ Аннѣ и, увидѣвъ, что Сережа и сестра весело и оживленно бесѣдуютъ, приняла обиженно-страдальческій видъ и разсказала о своей безплодной попыткѣ передъ адмираломъ въ самомъ мрачномъ тонѣ.

— Послушай, Сережа!—обратилась она вслѣдъ затѣмъ къ сыну: — отецъ тебя не проститъ... Ты такъ и уйдешь безъ отцовскаго благословенія!—продолжала адмиральша, забывшая, вѣроятно, что адмиралъ никогда не благословлялъ дѣтей и вообще не могъ терпѣть всякихъ чувствительныхъ сценъ.—Вѣдь это ужасно! Ты, въ самомъ дѣлѣ, страшно виноватъ передъ отцомъ... Страшно виноватъ!—повторяла она.—А между тѣмъ ты и ухомъ не ведешь. Сидишь тутъ и весело разговариваешь въ то время, когда я хлопочу о твоемъ прощеніи.

— Но позвольте, маменька...—началъ-было Сережа.

— Ахъ, не спорь, пожалуйста. Не огорчай меня еще больше. И безъ того я изъ-за тебя не сплю ночей. Вы меня всѣ, кажется, въ гробъ сведете!—прибавила свою обычную фразу адмиральша, готовая и любившая поплакать при каждомъ удобномъ случаѣ и необыкновенно скоро переходившая отъ слезъ къ смѣху и обратно.

— Чего же вы хотите отъ Сережи?—вступилась Анна.— Вы только и говорите ему каждый день, что онъ виноватъ. Пожалѣйте и его...

Сережа отвѣтилъ сестрѣ благодарнымъ взглядомъ и мягко сказалъ матери:

— Допустимъ, что я виноватъ, маменька, но дѣла ужъ не поправишь. Отецъ не хочетъ даже проститься со мной... Что же мнѣ дѣлать?

Адмиральша нѣсколько секундъ молчала и затѣмъ, словно бы осѣненная счастливой мыслью, значительно и торжественно произнесла:

— Знаешь, что я тебѣ посовѣтую, Сережа?

— Что, маменька?

— Иди сейчасъ къ отцу (онъ не очень сердитый!—вставила адмиральша) и пади ему въ ноги... Скажи, что ты сознаёшь свою вину, и вообще что-нибудь въ этомъ родѣ. Чувство подскажетъ слова. Это его троетъ. Онъ, навѣрное, проститъ и дастъ тебѣ денегъ!—совсѣмъ неожиданно прибавила адмиральша такой прозаическій финалъ къ своимъ чувствительнымъ словамъ.

Но это предложеніе, видимо, не понравилось Сережѣ, и онъ отвѣтилъ:

— Какъ же я буду говорить то, чего не чувствую? Я люблю отца, но не стану бросаться ему въ ноги.

— Ну и дуракъ... и болванъ... и оселъ!—вдругъ вспылила адмиральша.—И уходи безъ отцовскаго прощенія!.. Нѣтъ, рѣшительно, этотъ мальчишка сведетъ меня въ могилу! — закончила она и, всхлипывая, ушла къ себѣ въ спальню.

Но не прошло и четверти часа, какъ она вернулась уже безъ слезъ на глазахъ, съ двумя червонцами въ рукѣ.

— Вотъ тебѣ, Сережа! Неожиданные!—проговорила она со своей обычной нѣжностью, улыбаясь кроткою, чарующею улыбкой, и подала червонцы сыну.—Сейчасъ, совсѣмъ случайно, я ихъ нашла у себя въ комодѣ. Вообрази, Анюта, они завалились въ щель, а я-то ихъ мѣсяцъ тому назадъ искала, помнишь? Еще бѣдную Настю подозрѣвала... Теперь нашлись какъ разъ кстати!..

Сережа съ горячностью цѣловалъ нѣжную, пухлую руку матери.

— Пойдемте-ка, дѣти, ко мнѣ чай пить... Твое любимое варенье будетъ, непокорный Адольфъ!—продолжала адмиральша съ ласковою шуткой, обнимая Сережу...—Въ плаваніи такимъ вареньемъ не полакомишься. Идемъ! *Онъ* не заглянетъ къ намъ... *Онъ* сейчасъ куда-то уѣхалъ!—прибавила адмиральша успокоительнымъ и веселымъ тономъ.

И, когда они пили чай въ ея маленькой гостиной, она такъ ласково и нѣжно глядѣла на Сережу и все подкладывала ему черной смородины щедрой рукой.

— *Онъ* навѣрное простится съ тобой! Не можетъ быть, чтобы не простился!.. Вѣдь ты на три года уходишь, мой милый!—говорила адмиральша, видимо желая утѣшить и себя и Сережу.

— И я такъ думаю!—замѣтила Анна.

— Ну... еще Богъ вѣсть, проститъ ли папенька!—вставила красивая Вѣра.

— Ты глупости говоришь, Вѣра!..—съ сердцемъ произнесла адмиральша.

— Да вы же сами говорили, что папенька не проститъ... Я повторяю ваши же слова!—язвительно прибавила Вѣра.

— Такъ что же, что я говорила?.. Ну, говорила, а теперь думаю иначе... А ты не каркай, какъ ворона! «Говорила»! Мало ли что скажешь! Отецъ вотъ позволилъ всѣмъ намъ ѣхать въ Кронштадтъ провожать Сережу!—прибавила адми-

ральша, въ видѣ вѣскаго аргумента въ пользу прощенія, и съ укоризной взглянула на дочь.

X.

Но прошелъ день, прошелъ другой, а грозный адмиралъ ни слова не проронилъ о Сережѣ, и адмиральша совсѣмъ упала духомъ, потерявъ всякую надежду на прощеніе сына. Она—всегда благоговѣвшая передъ мужемъ и признававшая его своимъ повелителемъ—теперь даже позволила себѣ мысленно обвинять его, находя, что слишкомъ жестоко такъ карать бѣднаго мальчика, хотя бы и виноватаго. И эти послѣдніе дни она съ какой-то особенной страстной порывистостью ласкала своего Веніамина, проливая надъ нимъ слезы и кстати вспоминая, съ болью въ сердцѣ, о своей грустной долѣ отверженной жены послѣ рожденія именно этого самаго Сережи.

И всѣ невѣрности мужа, всѣ эти его связи съ гувернантками, съ боннами, нянъками и горничными, почти на глазахъ, безъ всякой пощады ея женскаго самолюбія и достоинства жены, — всплывали съ ядовитой горечью въ воспоминаніяхъ адмиральши, оскорбляя ея чувство затаенной ревности. И теперь *онъ*—адмиральша хорошо это знала, умѣя узнавать любовныя шашни мужа съ какимъ-то особеннымъ искусствомъ—имѣетъ любовницу, эту «подлую» Варвару, бывшую ея же горничной, и, конечно, тратитъ на нее деньги, а вотъ несчастный мальчикъ, сынъ его, уходитъ въ плаваніе на три года, а отецъ не подумалъ даже объ его нуждахъ.

«Онъ просто ненавидитъ Сережу!»—рѣшила адмиральша и сквозь слезы глядѣла на румянаго и здороваго юношу съ сожалѣніемъ и скорбью.

— И пусть не прощается... Пусть злится!—говорила теперь адмиральша сыну.—Ты не сокрушайся объ этомъ, мой мальчикъ... Онъ потомъ одумается и проститъ тебя. Не преступникъ же ты, въ самомъ дѣлѣ?

Въ этотъ канунъ ухода Сережи въ плаваніе семья адмирала сидѣла за обѣдомъ грустная и подавленная. Отсутствіе за столомъ опальнаго младшаго Ветлугина, наканунѣ долгой разлуки, легло на всѣхъ мрачной тѣнью. Всѣ сидѣли молча, потупивъ глаза. Адмиральша то и дѣло вздыхала и подносила надушенный платокъ къ своимъ раскраснѣвшимся отъ слезъ глазамъ. Даже Никандръ былъ суровѣе обыкновеннаго и своимъ отчаянно-мрачнымъ видомъ напоминалъ добросовѣстнаго участника похоронной процессіи.

Грозный адмиралъ не удостоивалъ обратить вниманіе на

это всеобщее уныніе и, словно въ пику всѣмъ, былъ въ отличномъ расположеніи духа. Онъ не поводилъ плечами, не крякалъ и, къ общему удивленію, не обругалъ явившагося къ обѣду блестящаго Леонида за его письмо съ просьбой впередъ жалованья. Онъ только при видѣ Леонида замѣтилъ:

— Пожаловалъ наконецъ?

Какъ и всегда, адмиралъ ѣлъ съ большимъ аппетитомъ, во время обѣда не проронилъ ни слова и, казалось, ни на кого не глядѣлъ. Но Анна, хорошо изучившая отца и наблюдавшая за нимъ съ тревогой въ сердцѣ за брата, совсѣмъ неожиданно перехватила добрый взглядъ отца, брошенный на нее и тотчасъ же хмуро отведенный, и въ ту же минуту почему-то рѣшила (хотя и не могла бы объяснить: почему?), что отецъ простилъ Сережу и непремѣнно позоветъ къ себѣ.

И вся она внезапно просвѣтлѣла. Въ ея большихъ, добрыхъ сѣрыхъ глазахъ лучилась радостная улыбка.

Словно бы понимая ея мысли и причину этой перемѣны настроенія, грозный адмиралъ кинулъ ей, вставая изъ-за стола:

— Зайди ко мнѣ!

Анна поняла, зачѣмъ онъ зоветъ, и радостная и счастливая, безъ обычной робости, вошла въ кабинетъ вслѣдъ за адмираломъ.

Адмиралъ подошелъ къ письменному столу и, выдвигая ящикъ, спросилъ:

— Деньги нужны?

— Вы, папенька, недавно подарили сто рублей.

— А ихъ нѣтъ? Отдала своему любимцу?

Смущенная Анна отвѣчала, что отдала.

— То-то. Вотъ возьми!—продолжалъ своимъ обычнымъ рѣзкимъ тономъ адмиралъ, подавая сторублевую бумажку.— Не транжирь... пригодятся! Не благодари... не люблю!—остановилъ онъ Анну, открывшую-было ротъ.—И безъ того понимаю людей!—прибавилъ грозный адмиралъ и, совершенно неожиданно для Анны, потрепалъ ее по щекѣ своей сухой морщинистой рукой.— Постой! Отдай матери!

Съ этими словами Ветлугинъ досталъ изъ ящика толстую пачку и вручилъ ее Аннѣ.

— Небось намотали на этого сумасброда? Глаза выплакали? Распустили нюни? Глупо! Ему же въ пользу... Ну, ступай, да пошли сюда Сергѣя. Онъ тамъ у васъ прячется... знаю!

У адмиральши на половинѣ всѣ были въ тревожномъ ожиданіи и, когда увидѣли на порогѣ радостное лицо Анны, всѣ облегченно вздохнули, предчувствуя добрыя вѣсти.

— Иди, Сережа, къ папенькѣ. Онъ зоветъ тебя!—проговорила Анна, бросаясь на шею къ брату.

— Только умоляю тебя, Сережа... будь благоразуменъ!—взволнованно промолвила адмиральша, готовая всплакнуть на этотъ разъ отъ радости.—Не забывай, что ты виноватъ, и проси прощенія...

— Смотри, не надури, Сережа!—напутствовали его братья.—Изъ-за тебя всѣмъ намъ попадетъ!

Слегка поблѣднѣвшій отъ волненія, Сережа быстро направился къ отцовскому кабинету и постучалъ въ затворенныя двери.

— Входи!—раздался голосъ адмирала.

XI.

Войдя въ кабинетъ, Сережа остановился у порога.

— Здравствуй, Сергѣй!—произнесъ адмиралъ, поднимая голову и пристально взглядывая на взволнованнаго юношу.

Онъ въ первый разъ вмѣсто «Сережи» называлъ сына «Сергѣемъ» и этой новой кличкой какъ бы производилъ его въ чинъ взрослаго.

— Здравствуйте, папенька!—отвѣтилъ, кланяясь, Сережа и не двигался съ мѣста, ожидая отцовскаго зова.

— Двери!—возвысилъ голосъ старикъ.

И, когда Сережа торопливо заперъ за собой двери, адмиралъ проговорилъ:

— Подойди-ка поближе, смѣльчакъ!

— Простите меня, папенька,—началъ-было Сережа чуть-чуть дрогнувшимъ голосомъ, приближаясь къ отцу.

Но адмиралъ сердито крякнулъ и повелительнымъ жестомъ руки остановилъ Сережу. Этотъ жестъ краснорѣчиво говорилъ, что адмиралъ не желаетъ никакихъ объясненій.

— Смѣлъ очень!—кинулъ онъ, когда Сережа приблизился.—Помни: не всегда смѣлость города беретъ, особенно на службѣ. Можно и головы не сносить!

И вслѣдъ за этими словами адмиралъ протянулъ свою костлявую руку.

Сережа нагнулся, чтобы поцѣловать, но адмиралъ быстро ее отдернулъ, затѣмъ снова протянулъ и крѣпко пожалъ Сережину руку.

Этимъ пожатіемъ адмиралъ, казалось, не только прощалъ сына, но и выражалъ, какъ справедливый человѣкъ, невольное уваженіе къ юному «смѣльчаку», не побоявшемуся защитить свое человѣческое достоинство. И Сережа, тронутый безмолвнымъ прощеніемъ, безъ упрековъ и угрозъ, которыхъ

ожидалъ, почувствовалъ, что съ этой минуты между отцомъ и нимъ устанавливаются новыя отношенія, и что онъ въ глазахъ грознаго старика уже не прежній «щенокъ». Онъ понялъ, какъ трудно было такому человѣку, какъ Ветлугинъ, перенести и простить его смѣлую и дерзкую выходку. А между тѣмъ въ непривѣтномъ, повидимому, взглядѣ этихъ сѣрыхъ, холодныхъ глазъ Сережа, никогда не знавшій никакой ласки вѣчно-суроваго отца, инстинктивно угадывалъ отцовское, тщательно скрываемое чувство. И это еще болѣе умилило Сережу.

— Когда снимаетесь?—спрашивалъ адмиралъ, взглядывая на своего Веніамина и втайнѣ любуясь его открытымъ и смѣлымъ лицомъ.

— Завтра, въ три часа дня.

— Конечно, подъ парами уйдете?—съ презрительной гримасой продолжалъ Ветлугинъ.—А я такъ на стопушечномъ кораблѣ въ ворота Купеческой гавани, въ Кронштадтѣ, подъ парусами входилъ... И ничего... не били судовъ... А тебѣ «самоварникомъ» придется быть... По крайней мѣрѣ, спокойно!..—язвительно прибавилъ адмиралъ.

— Мы бо̀льшую часть плаванія будемъ подъ парусами ходить!—обиженно замѣтилъ Сережа, заступаясь за честь своего корвета.

— А чуть опасныя мѣста или въ портъ входить... дымить будете? Ну, что̀ дѣлать... Дымите себѣ, дымите!.. Ночуешь на корветѣ?

— На корветѣ. Съ шестичасовымъ пароходомъ уѣзжаю въ Кронштадтъ!

Адмиралъ, никогда въ жизни никуда не опаздывавшій и всегда торопившій своихъ домашнихъ, имѣвшихъ несчастіе куда-нибудь съ нимъ отправляться, взглянулъ на часы.

— Еще часъ съ четвертью времени!—замѣтилъ онъ.—Ничего съ собой не берешь?

— Все на корветѣ.

— А часовъ у тебя нѣтъ?

— Нѣтъ.

— Вотъ возьми... вѣрные. Самъ вывѣрялъ! Пять секундъ ухода въ сутки, знай!—говорилъ адмиралъ, подавая Сережѣ серебряные глухіе часы съ такой же цѣпочкой, купленные имъ для сына еще недѣлю тому назадъ.—Смотри, заводи въ опредѣленное время! — прибавилъ онъ строго.

Сережа поблагодарилъ и надѣлъ часы.

Послѣ минутнаго молчанія адмиралъ значительно произнесъ:

— Слушай, Сергѣй! Мое желаніе, чтобы ты служилъ во флотѣ. Твои отецъ, дѣдъ и прадѣдъ—моряки. Пусть же старшій и младшій изъ моихъ сыновей сохранятъ во флотѣ имя Ветлугиныхъ! Изъ тебя можетъ выйти бравый морякъ... Ты смѣлъ и находчивъ... Поплавай... пріучись... Увидишь, что морская служба хорошая. Ты полюбишь ее и не бросишь, чтобы сдѣлаться статской «сорокой» или какимъ-нибудь пустымъ шаркуномъ... Для того я и просилъ министра назначить тебя въ плаваніе.

Сережа молчалъ, но рѣшимость его исполнить свой «планъ» не поколебалась послѣ словъ адмирала. Онъ все-таки будетъ «сорокой», не сдѣлавшись, конечно, «пустымъ шаркупомъ». Но грозный адмиралъ, морякъ до мозга костей, былъ увѣренъ, что Сережа полюбитъ море и службу и пойдетъ по стопамъ отца, и, разумѣется, не предвидѣлъ въ эти минуты своихъ будущихъ разочарованій и безсильнаго старческаго гнѣва, когда сынъ настоитъ на отставкѣ и, къ изумленію отца, откажется отъ всякой служебной карьеры.

— Увѣренъ, Сергѣй,—продолжалъ Ветлугинъ, и голосъ его звучалъ торжественно строго:—что ты будешь честно служить отечеству и престолу. Твой отецъ ни у кого не искалъ, ни передъ кѣмъ не кланялся, а тянулъ лямку по совѣсти, исполняя свой долгъ. Ни казны ни матроса не обкрадывалъ. Есть такіе негодяи... У меня, кромѣ жалованья да деревушки отъ покойнаго батюшки, ничего нѣтъ!—гордо прибавилъ адмиралъ.

Сережа жадно ловилъ эти слова, и радостное, горделивое чувство за отца сіяло на лицѣ сына.

— Будь справедливъ... Не лицепріятствуй... Не вреди товарищамъ. Будь строгъ, но безъ вины матросовъ не наказывай, заботься о нихъ... не позволяй ихъ обкрадывать. Я былъ въ свое время строгъ, очень даже строгъ по службѣ... тогда пощады не давали. Но, во всякомъ случаѣ, не будь жестокъ съ матросами, чтобы тебѣ не пришлось потомъ прибѣгать къ безпощаднымъ мѣрамъ, къ какимъ однажды пришлось прибѣгнуть мнѣ... Избави тебя Богъ отъ этого!

Сережа смутно слышалъ о чемъ-то ужасномъ, бывшемъ въ жизни отца, но что именно было, никто изъ домашнихъ не зналъ, и Ветлугинъ никогда объ этомъ не говорилъ. И юноша замеръ въ страхѣ ожиданія чего-то страшнаго. Онъ и хотѣлъ знать истину и боялся ея.

Грозный адмиралъ смолкъ и задумался. Точно какая-то тѣнь внезапно пронеслась надъ нимъ и омрачила его суровое, непреклонное лицо. И онъ, опустивъ голову, нѣсколько вре-

мени пребывалъ въ безмолвіи, словно бы переживалъ въ эту минуту давно забытый эпизодъ изъ далекаго прошлаго, воспоминаніе о которомъ даже и въ такомъ желѣзномъ человѣкѣ, какъ Ветлугинъ, повидимому, вызывало тяжелое впечатлѣніе.

Наконецъ онъ поднялъ голову и сказалъ:

— Все равно, ты впослѣдствіи услышишь. Такъ лучше узнай отъ меня.

Грозный адмиралъ сердито крякнулъ и началъ:

— Въ двадцать третьемъ году я былъ посланъ въ дальній вояжъ *) на шлюпѣ **) «Отважномъ», какъ одинъ изъ лучшихъ капитановъ... Тогда вѣдь въ дальній вояжъ ходили очень рѣдко, и попасть въ такое плаваніе было большой честью... Когда я имѣлъ стоянку въ Гавръ-де-Грасѣ, ночью на шлюпѣ вдругъ вспыхнулъ бунтъ... Меня чуть не убили интрипелемъ ***)... Я положилъ на мѣстѣ злодѣя и пригрозилъ стрѣлять картечью изъ орудія... Бунтъ былъ подавленъ въ самомъ началѣ... Затѣмъ...

Старикъ на секунду остановился и еще мрачнѣе и суровѣе, словно то, что онъ станетъ разсказывать, было самое худшее,—продолжалъ, понижая голосъ:

— ...Затѣмъ я немедленно снялся съ якоря, вышелъ въ океанъ и повѣсилъ двухъ главныхъ зачинщиковъ на нокахъ гротъ-марса-реи. Къ разсвѣту я вернулся въ Гавръ принимать провизію...

Ветлугинъ смолкъ. Сережа былъ блѣднѣй рубашки. Онъ понялъ, почему у отца былъ бунтъ, и съ невольнымъ ужасомъ глядѣлъ на старика.

— Необходимо было! — прибавилъ, словно бы оправдывая этотъ поступокъ мести, грозный адмиралъ, поднимая на блѣднаго потрясеннаго юношу глаза и тотчасъ же отводя ихъ.

У Сережи подступали къ горлу слезы. Его возмущенное сердце отказывалось пріискать оправданіе. Онъ не могъ понять, что «необходимо было» повѣсить двухъ человѣкъ за свою же вину и послѣ того, какъ ужъ бунтъ былъ прекращенъ. Разнородныя чувства наполняли его потрясенную душу: негодованіе и ужасъ, любовь и жалость къ отцу, на совѣсти котораго лежитъ ужасное воспоминаніе.

— Теперь другія времена, другіе порядки!—заговорилъ послѣ молчанія грозный адмиралъ.—Хотятъ безъ тѣлесныхъ

---

*) Въ старину моряки кругосвѣтное плаваніе называли «дальнимъ вояжемъ».

**) Шлюпъ—трехмачтовое судно, похожее на нынѣшніе корветы.

***) Интрипель—абфдажный топоръ.

наказаній выучить матроса, сохранить дисциплину и морской духъ... Что-жъ? Попробуйте. Быть-можетъ, и удастся, хотя сомнѣваюсь.

— Нашъ капитанъ не сомнѣвается, папенька!—взволнованно и горячо возразилъ Сережа.—У насъ на корветѣ совсѣмъ не будетъ линьковъ.

— Не будетъ? Но распоряженія еще нѣтъ? Тѣлесныя наказанія еще не отмѣнены!

— Все равно... капитанъ не хочетъ ихъ... И онъ отдалъ приказъ, чтобы никто не смѣлъ бить матросовъ, и просилъ офицеровъ, чтобы они не ругались...

— И не ругались?—усмѣхнулся адмиралъ.

— Да, папенька... Нашъ капиталъ превосходный человѣкъ.

— Ну, и поздравляю твоего капитана! — иронически воскликнулъ старикъ и нахмурилъ брови.

Вслѣдъ затѣмъ адмиралъ поднялся съ кресла и, подавая Сережѣ двадцать пять рублей, проговорилъ съ обычной суровостью:

— Вотъ тебѣ на дорогу... Не мотай... Помни: я не кую денегъ. Разсчитывай на себя и бойся долговъ... Въ портахъ, смотри, будь осторожнѣе... Всякія дамы тамъ есть... Остерегайся... Ну, прощай... Служи хорошо... Разъ въ мѣсяцъ пиши, какъ это вы, умники, безъ наказаній будете плавать съ вашимъ капитаномъ и содержать въ должномъ порядкѣ военное судно!—язвительно прибавилъ старикъ. — Мать, братья и сестры тебя завтра проводятъ, а я въ Кронштадтъ не поѣду... Нечего мнѣ смотрѣть на вашъ корветъ. Я привыкъ видѣть суда въ щегольскомъ порядкѣ, а у васъ, воображаю, порядокъ?! Отъ одного угля сколько пыли! Чай, чухонская лайба, а не военное судно?

Сережа хотѣлъ-было возразить, что ихъ корветъ въ отличномъ порядкѣ и нисколько не похожъ на лайбу, но адмиралъ, видимо, не желалъ слушать и сказалъ, протягивая руку:

— Ну, будь здоровъ. Ступай! Не опоздай, смотри, на корветъ!

И, крѣпко пожавъ Сережину руку, онъ направился въ спальню, чтобы, по обыкновенію, отдохнуть часъ послѣ обѣда.

Таково было прощаніе грознаго адмирала съ сыномъ передъ трехлѣтней разлукой.

XII.

— Ну, что? Какъ онъ тебя простилъ, Сережа? Какъ все было? Разсказывай, разсказывай по порядку. Ну, ты вошелъ къ нему въ кабинетъ... А онъ что?

Такими словами встрѣтила Сережу адмиральша, горѣвшая любопытствомъ и очень любившая, чтобы ей все разсказывали съ мелочными подробностями и съ чувствомъ.

Но Сережа, грустный и задумчивый, еще не освободившійся отъ перваго впечатлѣнія, вызваннаго отцовскимъ признаніемъ, долженъ былъ разочаровать адмиральшу. Прощеніе произошло почти безъ словъ. Никакихъ трогательныхъ сценъ не было.

— И отецъ не бранилъ тебя? Не упрекалъ?—удивлялась мать.

— Нѣтъ, маменька.

— О чемъ же вы такъ долго говорили?

— Отецъ давалъ совѣты насчетъ службы!..

— А денегъ далъ?

— Далъ и подарилъ часы.

— Ну, и слава Богу, что все такъ кончилось!.. Я, впрочемъ, предвидѣла...

— Напротивъ, маменька, вы говорили, что папенька не проститъ!—снова съязвила красивая Вѣра.

— Вѣра! Выведешь ты меня изъ терпѣнія, гадкая дѣвчонка!—вспылила адмиральша.

— Вѣра! Какъ можно раздражать maman?—вступился Гриша.

— Ну, ты... просвирки... Пожалуйста, безъ замѣчаній!—огрызнулась Вѣра и ушла.

Объ отцовскомъ признаніи Сережа матери не сказалъ ни слова, но, оставшись наединѣ съ Анной, въ ея комнатѣ, онъ все разсказалъ сестрѣ и, окончивъ разсказъ, воскликнулъ:

— Ахъ, Нюта, голубчикъ... Вѣдь это ужасно... И какъ тяжело за отца!

— Ему, вѣрно, еще тяжелѣе!—отвѣтила потрясенная разсказомъ Анна.—Но не намъ судить папеньку, Сережа. Пусть его судятъ другіе!—внушительно и серьезно прибавила кроткая дѣвушка.

Въ тотъ же вечеръ Сережа уѣхалъ въ Кронштадтъ. На слѣдующее утро вся семья адмирала пріѣхала провожать Сережу на корветъ. При прощаніи адмиральша дала волю слезамъ и возвратилась домой совсѣмъ разстроенная.

Въ тотъ же вечеръ адмиралъ спрашивалъ Анну:

— Съ кѣмъ Сергѣй помѣщенъ въ каютѣ?

— Съ мичманомъ Лопатинымъ.

— Ну, что, молоддомъ онъ?.. Не раскисалъ?..

— Нѣтъ, папенька...

— То-то!..—одобрительно замѣтилъ адмиралъ.

Когда на слѣдующій день Ветлугинъ увидалъ за обѣдомъ, что жена его вытираетъ слезы, онъ сурово замѣтилъ:

— Все еще нюнишь?.. О Сергѣѣ нечего нюнить... Лучше поплачь о своемъ балбесѣ Леонидѣ...

Адмиральша вопросительно взглянула на мужа.

— Да, о немъ лучше пореви! Этотъ негодяй въ долгу, какъ въ шелку. Утромъ ко мнѣ приходили на него жаловаться... Не платитъ долговъ... Я ни копейки не заплачу. Слышишь?—грозно крикнулъ старикъ.—Пусть лучше этотъ подлецъ пулю въ лобъ себѣ пуститъ. Такъ и скажи ему!

XIII.

По субботамъ адмиралъ неизмѣнно обѣдалъ въ англійскомъ клубѣ и оставался тамъ часу до двѣнадцатаго, играя въ вистъ или въ преферансъ. Онъ любилъ игру и игралъ превосходно, не прижимисто, а, напротивъ, рискованно, но по большой не садился. «Шальныхъ денегъ для этого у меня нѣтъ!»—замѣчалъ адмиралъ. Азартныхъ игръ Ветлугинъ не могъ терпѣть и строго наказывалъ сыновьямъ никогда въ нихъ не играть.

— Въ банкъ играютъ только дураки или негодяи,—часто говаривалъ онъ.

По вечерамъ въ эти субботы, когда адмиралъ отсутствовалъ и въ домѣ всѣ чувствовали облегченіе, къ общительной и гостепріимной адмиральшѣ приходили гости, преимущественно товарищи сыновей, молодые люди, которыхъ притягивала красивая Вѣра, блондинка съ пепельными волосами и черными насмѣшливыми глазами. Она умѣла очаровывать и играть людьми, эта холодная и эгоистическая дѣвушка, но сама не увлекалась. Кокетничая со своими поклонниками, она втайнѣ мечтала о приличной партіи, по разсудку, и возмущала старшую свою сестру Анну и своимъ безсердечнымъ кокетствомъ и своими слишкомъ практическими взглядами на бракъ.

И адмиральша съ дочерьми и ихъ гости бывали до крайности смущены и испуганы, когда адмиралъ совсѣмъ неожиданно появлялся на половинѣ адмиральши, въ ея маленькой красной гостиной, послѣ одиннадцати часовъ, возвратившись изъ клуба. Не обращая никакого вниманія на гостей и еле кивая головой на ихъ усиленно почтительные поклоны, адмиралъ начиналъ тушить лампы, и засидѣвшіеся гости торопливо и смущенно прощались и уходили при общемъ тяжеломъ молчаніи.

— Довольно, наболтались. Спать пора! — сердито говорилъ адмиралъ и удалялся, пожимая гнѣвно плечами.

Адмиральша благоразумно молчала въ такихъ случаяхъ.

Иногда, замѣтивъ раскраснѣвшееся и оживленное лицо красивой Вѣры, онъ останавливалъ на мгновеніе взглядъ на дочери и презрительно кидалъ ей:

— Не очень-то виляй хвостомъ съ мужчинами, принцесса! Замочишь! Ишь расфуфырилась, фуфыра!.. Неприлично!..

Подобныя внезапныя посѣщенія бывали, впрочемъ, весьма рѣдки и всегда лишь послѣ проигрыша въ клубѣ. Проигрышъ свыше десяти рублей приводилъ адмирала въ дурное расположеніе духа, и Никандръ, знавшій уже по неистовому звонку, что адмиралъ возвращается съ проигрышемъ, стремглавъ бѣжалъ отворять двери и становился мрачнѣй, въ ожиданіи какой-нибудь гнѣвной придирки. Обыкновенно же адмиралъ дѣлалъ видъ, что не знаетъ о гостяхъ адмиральши, и, возвратившись изъ клуба, прямо шелъ къ себѣ, раздѣвался и тотчасъ же засыпалъ, какъ убитый.

Со своей стороны и адмиральша, любившая посидѣть съ гостями, принимала мѣры противъ неожиданныхъ появленій адмирала, разгонявшаго такъ грубо ея знакомыхъ. Пріѣзда адмирала изъ клуба стерегли, и, какъ только раздавался его звонокъ, въ гостиной адмиральши уменьшали огонь въ лампѣ, и всѣ затихали, пока Никандръ не сообщалъ кому-нибудь изъ молодыхъ Ветлугиныхъ, что адмиралъ раздѣлся и легъ почивать.

Въ одну изъ субботъ Ветлугинъ возвратился изъ клуба мрачнѣе ночи. Противъ обыкновенія, онъ не тотчасъ же легъ спать. Облачившись въ свой китайчатый халатъ, адмиралъ нѣсколько времени ходилъ по кабинету, опустивъ голову, вздрагивая по временамъ точно отъ жестокой боли и судорожно сжимая кулаки. Губы его что-то шептали. Онъ присѣлъ затѣмъ къ столу, написалъ своимъ крупнымъ, стариковскимъ почеркомъ телеграмму, сдѣлавъ въ десяти словахъ три грамматическихъ ошибки, и, кликнувъ Никандра, стоявшаго въ страхѣ за дверями, велѣлъ немедленно ее отнести.

Когда, минутъ черезъ двадцать, Никандръ вернулся, въ кабинетѣ еще былъ огонь. Старый камердинеръ осторожно пріотворилъ двери и засталъ адмирала сидящимъ въ креслѣ передъ письменнымъ столомъ. Лицо его было неподвижно сурово, и взглядъ сѣрыхъ стальныхъ глазъ спокойно жестокъ. Такимъ Никандръ давно уже не видалъ своего барина и понялъ, что случилось что-то особенное съ Леонидомъ Алексѣичемъ. Телеграмма была адресована къ нему въ Царское Село.

Никандръ положилъ на столъ телеграфную квитанцію и сдачу.

— Барыня не спитъ? — спросилъ адмиралъ.

— Изволятъ ложиться.

— Меня не жди... Ступай!

Но Никандръ, заперевъ двери, не ушелъ спать, а оставался въ столовой, въ глубокой темнотѣ. Удалился онъ лишь тогда, когда огонь въ кабинетѣ исчезъ и изъ спальни донесся кашель.

Гости адмиральши разошлись, какъ только Никандръ доложилъ Аннѣ, что баринъ очень сердитъ и посылаетъ телеграмму Леониду Алексѣичу. Анна прочла телеграмму. Въ ней адмиралъ вызывалъ сына съ первымъ поѣздомъ.

Эта телеграмма встревожила Анну. Отецъ почти никогда не посылалъ телеграммъ и вообще не любилъ ихъ, находя, что депеши большей частью сообщаютъ такія глупости, которыя можно сообщить и въ письмѣ.

«Значитъ, случилось что-нибудь важное!»—рѣшила Анна.

И страхъ за брата омрачилъ ея лицо и сдѣлалъ ея лучистые глаза грустными.

«Какихъ натворилъ еще глупостей этотъ безпутный, легкомысленный Леонидъ? Опять приходилъ какой-нибудь кредиторъ, или отецъ узналъ, что братъ кутитъ и играетъ въ банкъ? Тогда отецъ навѣрное исполнитъ свою угрозу—переведетъ Леонида въ армію, на Кавказъ, и тамъ, въ глуши, бѣдный, безхарактерный братъ можетъ совсѣмъ пропасть... Это было бы ужасно! И сколько разъ его предупреждали и мать и она! И сколько разъ онъ, весело смѣясь, давалъ имъ слово, что перестанетъ кутить. Вотъ теперь и будетъ исторія!»

Такъ раздумывала Анна, всегда близко къ сердцу принимавшая всякія домашнія неурядицы и горячо любившая всѣхъ членовъ семьи. Она жалѣла безпутнаго брата, возбудившаго, какъ видно, серьезный гнѣвъ отца, представляла себѣ ужасную сцену въ кабинетѣ и придумывала, чѣмъ бы ей помочь Леониду и какъ бы предотвратить грозу. Но ничего она придумать не могла и рѣшила только завтра же, какъ пріѣдетъ братъ, отдать ему свои сто рублей.

Не желая огорчать теперь же мать, Анна не сказала ей о телеграммѣ къ ея любимцу, и адмиральша, послѣ ухода гостей, раздѣвалась при помощи молодой и миловидной горничной Насти, веселая и довольная послѣ пріятно проведеннаго вечера. Еще бы! Сегодня одинъ изъ гостей, извѣстный молодой юристъ и немножко литераторъ, разсказалъ ей двѣ необыкновенныя романическія исторіи и притомъ разсказалъ превосходно: со всѣми подробностями и драматическими пе-

рипетіями и трагической развязкой одной исторіи, заставившей адмиральшу нѣсколько разъ подносить батистовый платокъ къ глазамъ.

Даже сообщенное извѣстіе, что адмиралъ вернулся изъ клуба сердитый, не испортило отличнаго расположенія духа адмиральши.

«Вѣрно, проигралъ, потому и сердитый!»—заключила она, продолжая вспоминать романическія исторіи и разсчитывая завтра же разсказать ихъ своей пріятельницѣ, адмиральшѣ Дубасовой, такой же охотницѣ до нихъ, какъ и сама адмиральша.

Когда Анна зашла къ матери въ спальню проститься, адмиральша спросила ее по-французски:

— Ты какъ думаешь, Анюта... Ивинъ разсказывалъ дѣйствительныя происшествія или сочинилъ ихъ?

— А Богъ его знаетъ!

— Во всякомъ случаѣ необыкновенно интересно, если даже и сочинилъ... Вѣдь все это могло быть... И онъ увѣряетъ, что было...

— Значитъ, было...

— Но онъ не хотѣлъ назвать фамилій героевъ и героинь... И наконецъ я слышала бы объ этой исторіи... Сдается мнѣ, что Ивинъ сочинилъ все... Но какъ прелестно онъ говоритъ, Анюта!.. И вообще онъ очень интересенъ... А бѣдный Черновъ, замѣтила, Анюта?

— Что, маменька?

— У него на лицѣ что-то фатальное... страдальческое... Совсѣмъ влюбленъ въ Вѣру... Вотъ увидишь, на-дняхъ онъ пріѣдетъ дѣлать предложеніе.

— И сдѣлаетъ глупость!—съ живостью промолвила, невольно краснѣя, Анна.

— Глупость?

— Еще бы! Вѣдь Вѣра не пойдетъ за него.

— Это почему? Черновъ такой милый и порядочный молодой человѣкъ... И изъ хорошей семьи. И Вѣра сегодня была съ нимъ особенно любезна.

— Она любитъ со всѣми кокетничать, наша Вѣра, но ея сердце спокойно, и едва ли она считаетъ Чернова достойнымъ быть ея супругомъ!—промолвила, повидимому, спокойно Анна.

Но голосъ ея дрогнулъ. Этотъ разговоръ задѣлъ больную струну ея горячаго сердца. Она сама давно уже втайнѣ питала любовь къ Чернову, влюбленному въ ея сестру.

— Ну, и дура эта Вѣра! Принца ей, что ли, надо, чтобы влюбиться?—воскликнула адмиральша.

Анна не сочла нужнымъ объяснить, что холодной и практической Вѣрѣ нужна «блестящая партія», то-есть мужъ съ положеніемъ и большими средствами, и что сильно любить она неспособна. Анна промолчала и, простившись съ матерью, медленно вышла изъ комнаты, оставивъ адмиральшу въ непріятномъ недоумѣніи, точно передъ совершенно неожиданной развязкой романа. Дѣло въ томъ, что съ нѣкотораго времени адмиральша задалась мыслью соединить два любящія сердца, увѣренная, что Вѣрѣ Черновъ очень нравится. Что Черновъ влюбленъ, въ этомъ не было сомнѣнія. Оставалось только сдѣлать предложеніе. Отецъ навѣрное согласился бы на этотъ бракъ. Онъ видимо благоволилъ къ молодому капитанъ-лейтенанту, пользовавшемуся репутаціей образованнаго и блестящаго моряка и уже назначенному, несмотря на свои двадцать шесть лѣтъ, командиромъ клипера. И вдругъ всѣ эти ея планы должны были рушиться. Анна, кажется, права.

«Глупая, холодная дѣвчонка!»—подумала адмиральша и отпустила спать свою миловидную, съ вздернутымъ задорно носомъ, Настю, на которую ужъ адмиралъ въ послѣднее время начиналъ пристально заглядываться и разъ даже, встрѣтивъ Настю въ коридорѣ и любуясь ея «товаромъ» съ видомъ опытнаго знатока,—взялъ ее за подбородокъ и какъ-то особенно крякнулъ.

XIV.

Никандръ только-что помолился и собирался лечь спать въ своей тѣсной каморкѣ, рядомъ съ кухней, какъ вдругъ среди тишины, нарушаемой лишь по временамъ храпомъ повара Ларіона, на кухнѣ звякнулъ чей-то нетерпѣливый звонокъ.

Никандръ, со свѣчой въ рукѣ, пошелъ отворять двери и былъ изумленъ, увидавъ передъ собой Леонида Ветлугина. Онъ былъ видимо смущенъ и разстроенъ, этотъ блестящій красавецъ, высокій и статный блондинъ съ большими черными, нѣсколько наглыми глазами, сводившій съ ума немалю женщинъ своею ослѣпительною красотой. Всегда веселый и смѣющійся, онъ былъ теперь подавленъ.

— Отецъ спитъ?—спросилъ онъ, входя въ кухню.

— Недавно легли. Теперь, вѣрно, почиваютъ, Леонидъ Алексѣичъ!—отвѣчалъ Никандръ съ какою-то особенной почтительной нѣжностью.

— А маменька?

— Барыня, вѣрно, еще не спитъ...

— Ну, и отлично... Мнѣ надо маменьку видѣть.

— Пожалуйте... Я вамъ посвѣчу... Только дозвольте сюртукъ надѣть...

Черезъ минуту Никандръ вернулся изъ каморки и сказалъ:

— А вамъ, Леонидъ Алексѣичъ, баринъ часъ тому назадъ телеграмму послали.

— Телеграмму?

— Точно такъ-съ... Прosятъ завтра съ первымъ поѣздомъ пожаловать.

Леонидъ какъ-то весь съежился и прошепталъ:

— Узналъ ужъ?.. Ну, да все равно... Что, онъ очень сердитъ?

— Сердитые вернулись изъ клуба... и не сразу легли... Въ очень угрюмой задумчивости сидѣли... Да что̀ такое случилось, Леонидъ Алексѣичъ?

— Скверныя, братъ Никандръ, дѣла!

Богъ дастъ, лучше будутъ, Леонидъ Алексѣичъ!.. А я вотъ къ вамъ съ покорнѣйшей просьбой... Не откажите, Леонидъ Алексѣичъ!..—прибавилъ Никандръ съ почтительнымъ поклономъ.

— Какая просьба, Никандръ?..—удивился молодой Ветлугинъ.

— Быть-можетъ, вы временно въ денежномъ затрудненіи-съ, Леонидъ Алексѣичъ... Такъ удостойте принять отъ слуги... Разживетесь, отдадите... У меня есть четыреста рублей... Скопилъ-съ за время службы въ вашемъ домѣ...

Леонидъ былъ обрадованъ.

— Спасибо, голубчикъ Никандръ. Деньги мнѣ до-зарѣзу нужны... И завтра непремѣнно, иначе бѣда... Я затѣмъ и къ маменькѣ пріѣхалъ... Мнѣ много денегъ нужно... Попрошу ее гдѣ-нибудь достать... И у тебя возьму... Скоро возвращу...

— Объ этомъ не извольте безпокоиться... Какъ будете отъ маменьки возвращаться, я вамъ ихъ приготовлю... Искренно признателенъ, что приняли... и дай вамъ Богъ изъ бѣды выпутаться, Леонидъ Алексѣичъ!—горячо проговорилъ Никандръ.

— Бѣды-то много, Никандръ... Много, братецъ!

Когда адмиральша увидала въ этотъ позднiй часъ своего любимца Леню, блѣднаго и убитаго, сердце матери екнуло отъ страха.

— Спасите, маменька!—проговорилъ Леонидъ.

И онъ сталъ объяснять, что ему нужно завтра же тысячу двѣсти рублей: иначе онъ можетъ попасть подъ судъ.

— Ахъ, Леня,—произнесла только адмиральша и залилась слезами.

— Маменька! Слезы не помогутъ. Можете ли вы меня спасти? И безъ того мнѣ плохо... Я долженъ выйти изъ полка и уже подалъ въ отставку.

— Въ отставку?.. За что?..

— За что?.. За долги... На меня жаловались!..—какъ-то неопредѣленно отвѣчалъ Леонидъ.

— Но что скажетъ отецъ?

— Что скажетъ? Онъ уже знаетъ и завтра приказалъ явиться. Будетъ ругаться, какъ матросъ, я знаю, и прикажетъ не являться на глаза. Такъ развѣ можно служить въ нашемъ полку на жалованье да съ тѣми несчастными сорока рублями въ мѣсяцъ, которые онъ мнѣ давалъ?.. Посудите сами... Къ чему же отецъ разрѣшилъ мнѣ служить въ кавалеріи?.. Ну, я и надѣлалъ долговъ, думалъ попытать счастія въ игрѣ, не повезло, и у меня на шеѣ пятнадцать тысячъ долга.

Адмиральша ахнула при этой цифрѣ.

— Кто-жъ ихъ заплатитъ?..

— Разумѣется, не отецъ... Онъ вѣдь предпочтетъ видѣть меня скорѣй въ гробу, чѣмъ заплатить за сына. Скаредъ онъ... Но у меня есть выходъ... Я женюсь на богатой.

— На комъ?

— На одной вдовѣ... купчихѣ.. И старше меня.

— Фи, Леня! Купчиха! какой mauvais genre... Ветлугинъ—на купчихѣ! Отецъ не позволитъ!

— Разбирать нечего, маменька. Или пулю въ лобъ, или женитьба. Я предпочитаю послѣднее. Позволитъ ли отецъ или нѣтъ, мнѣ теперь все равно... Мнѣ надо выпутаться... Но пока я еще не богатъ, выручите меня. Понимаете ли, мнѣ нужно тысячу двѣсти рублей не позже завтрашняго дня... Я бросался повсюду и наконецъ пріѣхалъ къ вамъ. На васъ, маменька, послѣдняя надежда... Дайте вашъ фермуаръ, я его заложу... Послѣ свадьбы выкуплю.

— Леня, голубчикъ... А если отецъ узнаетъ?

— Отецъ узнаетъ? Что-жъ, вамъ лучше видѣть меня подъ судомъ за растрату?

— Что ты, что ты, Леня?.. Какъ тебѣ не стыдно такъ говорить? Бери фермуаръ, если онъ можетъ спасти тебя отъ позора, мой мальчикъ!

Сынъ бросился цѣловать руки матери и черезъ четверть часа ушелъ, оставивъ мать въ смятеніи и горѣ.

Никандръ проводилъ молодого Ветлугина и почтительно вручилъ ему всѣ свои сбереженія.

— Завтра буду въ одиннадцать часовъ!—проговорилъ Леонидъ, уходя.

— Слушаю-съ, Леонидъ Алексѣичъ... Быть-можетъ, папенька за ночь и «отойдутъ»!—прибавилъ Никандръ, желая подбодрить молодого Ветлугина.

Но эти ободряющія слова не утѣшили Леонида. Онъ съ какимъ-то тупымъ страхомъ виноватаго животнаго думалъ о завтрашнемъ объясненіи съ грознымъ адмираломъ.

XV.

За ночь адмиралъ «не отошелъ» и вышелъ къ кофе мрачный и суровый. Выраженіе какой-то спокойной жестокости не сходило съ его лица.

Отправляясь на обычную прогулку, адмиралъ сказалъ Никандру:

— Если безъ меня пріѣдетъ Леонидъ Алексѣичъ—пусть подождетъ.

Онъ вернулся ранѣе обыкновеннаго и тотчасъ же спросилъ:

— Онъ здѣсь?

— Никакъ нѣтъ. Еще не пріѣзжали!

Всѣ въ домѣ уже знали, что съ Леонидомъ случилась большая бѣда, и что онъ выходитъ изъ полка. Адмиральша съ трепетомъ ожидала свиданія Леонида съ отцомъ. Анна не смыкала всю ночь глазъ и теперь сидѣла у себя въ комнатѣ, печальная, предчувствуя нѣчто страшное. Она знала непомѣрное самолюбіе отца и понимала, какъ долженъ быть онъ оскорбленъ и отставкой сына и, главное, этой невозможной позорной женитьбой. Одна только Вѣра, повидимому, довольно равнодушно относилась ко всей этой исторіи и думала, что жениться на богатой купчихѣ далеко не преступленіе.

Наконецъ въ одиннадцать часовъ пріѣхалъ Леонидъ. Онъ былъ въ своемъ блестящемъ мундирѣ очень красивъ. Лицо его, блѣдное и взволнованное, выражало испугъ. Глаза глядѣли растерянно.

— Ну, докладывай, Никандръ, — проговорилъ онъ и хотѣлъ-было улыбнуться, но вмѣсто улыбки лицо его какъ-то болѣзненно искривилось.

Черезъ минуту онъ входилъ въ кабинетъ. Адмиральша въ слезахъ послала ему изъ столовой благословеніе. Мрачный Никандръ перекрестился.

При видѣ этого красавца-сына адмиралъ вздрогнулъ и поблѣднѣлъ. Ненавистью и презрѣніемъ дышало его жестокое лицо.

Онъ не обратилъ вниманія на поклонъ сына и сказалъ:

— Затвори двери на ключъ!

Когда Леонидъ затворилъ, адмиралъ глухимъ голосомъ, точно что-то перехватывало ему горло, продолжалъ:

— Подойди ближе.

Леонидъ приблизился.

— Остановись и отвѣчай на вопросы.

Онъ примолкъ на минуту и спросилъ:

— Правда, что тебя выгоняютъ изъ полка за долги?

— Правда, папенька.

— Только за это?

— За это.

— Лжешь, подлецъ! Вчера мнѣ все разсказалъ твой полковой командиръ.

Леонидъ въ ужасѣ замеръ.

Адмиралъ продолжалъ допросъ.

— Правда ли, что ты, носящій фамилію Ветлугина, взялъ деньги у бѣдной швеи, съ которой былъ въ связи, и не отдалъ ей денегъ, такъ что она принуждена была жаловаться командиру полка?

— Правда,—чуть слышно прошепталъ Леонидъ.

— Правда ли, что ты далъ подложный вексель, подписанный чужимъ именемъ?

— Правда!—прошепталъ Леонидъ.—Но я уплатилъ по этому векселю.

— Правда ли наконецъ, что ты собираешься жениться на богатой вдовѣ купца Поликарпова, бывшей содержанкѣ князя Андросова?

— Да!—отвѣчалъ блѣдный, какъ смерть, Леонидъ.

— И послѣ всего этого ты еще живешь на свѣтѣ—ты, опозорившій честное имя Ветлугиныхъ?—продолжалъ адмиралъ хриплымъ шопотомъ.

Леонидъ молчалъ въ тупомъ отчаяніи.

— Послушай... Мертвые срама не имутъ. Если ты боишься, я тебѣ помогу... Хочешь? Пиши записку, что ты застрѣлился... Смертъ лучше позорной жизни... Пистолетъ у меня есть...

Адмиралъ проговорилъ эти слова съ ужасающимъ спокойствіемъ, и въ тонѣ его голоса какъ будто даже звучала примирительная нота.

Паническій страхъ обуялъ Леонида при этомъ жестокомъ предложеніи. Онъ бросился къ ногамъ отца и сталъ молить о пощадѣ.

Тогда произошла ужасная сцена. Адмиралъ моментально превратился въ бѣшенаго звѣря.

— Такъ ты не хочешь, подлецъ?!—заревѣлъ онъ и, вскочивъ съ кресла, сталъ топтать ногами распростертаго сына.

И когда тотъ наконецъ поднялся, адмиралъ началъ бить кулаками красивое, когда-то счастливое, смѣющееся лицо Леонида. Его тупая, безотвѣтная покорность, казалось, усиливала ярость адмирала. Онъ былъ невыразимо отвратителенъ въ эти минуты, этотъ деспотъ—звѣрь, не знавшій пощады.

Отчаянный стукъ Анны въ двери нѣсколько отрезвилъ бѣшенаго адмирала.

— Гадина! Ты мнѣ больше не сынъ!—крикнулъ онъ, задыхаясь.

— А вы мнѣ больше не отецъ!—въ какомъ-то отчаяніи позора отвѣчалъ Леонидъ и выбѣжалъ изъ комнаты, избитый и окровавленный.

Анна рыдала, а бѣдная мать была въ истерикѣ.

Съ тѣхъ поръ имя Леонида Ветлугина никогда не упоминалось при адмиралѣ. Его какъ будто не существовало.

Онъ женился на бывшей содержанкѣ, уѣхалъ съ ней за границу, года въ два промоталъ женино состояніе и, вернувшись одинъ въ Россію, жилъ гдѣ-то въ глуши. Мать и Анна тайкомъ отъ отца помогали ему. Вскорѣ Леонидъ заболѣлъ чахоткой и, почти умирающій, написалъ отцу письмо съ просьбой о прощеніи, но адмиралъ не отвѣтилъ на письмо сына.

Мѣсяцевъ шесть спустя адмиральша однажды пришла къ мужу и, рыдая, сказала, что Леонидъ скончался.

— И слава Богу!—сурово промолвилъ отецъ.

XVI.

Старый адмиралъ, недовольно и скептически относившійся къ освободительному движенію шестидесятыхъ годовъ, грозившему, по его мнѣнію, разными бѣдами,—въ то же время, по какому-то странному противорѣчію, не смотрѣлъ непріязненно, по примѣру большинства помѣщиковъ, на крестьянскую реформу. Твердо вѣровавшій въ дворянскія традиціи, считавшій «благородство происхожденія» необходимымъ качествомъ порядочнаго человѣка, гордившійся древностью дворянскаго рода, Ветлугинъ никогда не былъ завзятымъ крѣпостникомъ и, какъ помѣщикъ, былъ довольно милостивый и, по тѣмъ временамъ, даже представлялъ исключеніе.

Онъ отдалъ въ пользованіе всю помѣщичью землю крестьянамъ и бралъ съ нихъ самый незначительный оброкъ, причемъ часто прощалъ недоимки, если староста, выбранный са-

мими же крестьянами, представлялъ резонные къ тому доводы, такъ что крестьянамъ Ветлугина, знавшимъ о грозномъ баринѣ только по наслышкѣ, отъ тѣхъ односельцевъ, которые служили у адмирала въ домѣ,—жилось спокойно и хорошо. Барина своего они почти и не видали—усадьбы господской не было въ имѣніи—и только въ послѣднее время, когда адмиралъ перешелъ изъ Чернаго моря на службу въ Петербургъ и пріѣзжалъ иногда по лѣтамъ гостить къ младшему своему брату въ Смоленскую губернію,—онъ заглядывалъ въ свои Починки на часъ, на два, встрѣчаемый торжественно всей деревней.

Отношенія между бариномъ и его вотчиной обыкновенно ограничивались лишь тѣмъ, что разъ въ годъ, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, староста Акимъ, умный и степенный старикъ, уважаемый своими односельцами и крѣпко преданный интересамъ деревни, отсылалъ «сіятельному адмиралу и кавалеру», какъ значилось на конвертѣ, изрядную пачку засаленныхъ бумажекъ при письмѣ, писанномъ какимъ-нибудь грамотеемъ, подъ диктовку Акима. Въ этихъ письмахъ подробно сообщалось о всѣхъ событіяхъ и выдающихся случаяхъ, бывшихъ въ теченіе года: о рожденіяхъ и смерти, бракахъ, очередныхъ рекрутахъ, объ урожаѣ или недородѣ, о пожарахъ, падежахъ и т. п. Письма всегда были строго дѣловыя, безъ всякихъ изъявленій чувствъ, ибо адмиралъ разъ навсегда приказалъ «подобныхъ пустяковъ» не писать. Адмиралъ немедленно же отвѣчалъ старостѣ о полученіи денегъ въ самой лаконической формѣ. Иногда только въ его отвѣтныхъ письмахъ прибавлялось приказаніе: выслать къ такому-то времени на подводѣ съ надежнымъ человѣкомъ «расторопнаго мальчишку» или «дѣвку» лѣтъ пятнадцати для службы въ адмиральскомъ домѣ. Относительно «дѣвки» адмиралъ всегда давалъ нѣкоторыя поясненія, выраженныя въ краткихъ словахъ, а именно, чтобы выслали «почище лицомъ, здороваго сложенія, не рябую и не корявую». Примѣты эти заканчивались строгимъ наказомъ своеобразнаго эстетика-адмирала: «тощей, безобразной и придурковатой дѣвки отнюдь не высылать».

Надо, впрочемъ, сказать, что приказанія о высылкѣ «расторопныхъ» мальчишекъ и «дѣвокъ почище лицомъ» посылались не очень часто, такъ какъ штатъ крѣпостной прислуги въ адмиральскомъ домѣ былъ, для крѣпостного времени, не особенно великъ. Во время службы адмирала въ Черномъ морѣ изъ мужской прислуги крѣпостными были камердинеръ Никандръ, кучеръ да казачокъ. Обязанности лакея адмиральши и повара исполняли обыкновенно денщики изъ матросовъ.

Долгое время въ поварахъ у адмирала жилъ одинъ полякъ Францъ изъ арестантскихъ ротъ, особенно любимый адмираломъ за его мастерское знаніе своего дѣла. И, несмотря на то, что этотъ Францъ былъ отчаянный картежникъ и пьяница и притомъ буйный во хмелю, часто пугавшій адмиральшу своимъ видомъ, — адмиралъ все-таки держалъ Франца, хотя и нерѣдко приказывалъ «спустить ему шкуру». Безшабашный поваръ всегда, бывало, грозилъ большимъ кухоннымъ ножомъ тому, кто подступится къ нему для исполненія адмиральскаго повелѣнія, и когда наконецъ нѣсколько человѣкъ матросовъ связывали его и приводили на конюшню, онъ и подъ жестокими ударами розогъ кричалъ, что не боится «пана-адмирала», что покажетъ ему себя, и при этомъ костилъ адмирала всякими ругательствами. Но когда Францъ вытрезвлялся, онъ снова становился тихимъ и покорнымъ человѣкомъ и проводилъ свободное время за чтеніемъ книгъ, держась особнякомъ отъ прочей прислуги и взирая на нее даже съ нѣкоторымъ высокомѣріемъ шляхтича, какимъ онъ себя называлъ. Во время большихъ званыхъ обѣдовъ Францъ всегда отличался на славу. Онъ въ такіе дни остерегался напиваться и не пускалъ никого къ себѣ на кухню, работая одинъ безъ помощниковъ въ теченіе ночи, такъ что прочая прислуга пресерьезно говорила, что «поляку помогаютъ черти». Такъ Францъ прожилъ въ адмиральскомъ домѣ лѣтъ шесть, почти все время своего пребыванія въ арестантскихъ ротахъ, и затѣмъ, отбывъ наказаніе, уѣхалъ на родину, въ Польшу, о которой говорилъ всегда съ любовью и восторгомъ.

Женской прислуги изъ крѣпостныхъ бывало больше. Кромѣ старой Аксиньи Петровны, выняньчившей чуть ли не все поколѣніе молодыхъ Ветлугиныхъ и обязательно не любившей ни одной бонны и гувернантки, которымъ Аксинья Петровна устраивала всякія каверзы, и прачки, въ домѣ находилось нѣсколько молодыхъ горничныхъ. У адмиральши было двѣ (одна для шитья) и по одной у каждой изъ дочерей, какъ только послѣднія пріѣзжали изъ института. По выходѣ адмиральскихъ дочерей замужъ, горничныя эти поступали въ ихъ владѣніе, въ числѣ приданаго.

При каждомъ прибытіи изъ деревни подростка-дѣвушки, ее приводили на смотръ адмиралу и адмиральшѣ. Если привезенная была недурна собой, онъ какъ-то особенно выпячивалъ нижнюю губу и милостиво трепалъ по щекѣ оторопѣвшую и смущенную дѣвушку.

— Ну, дѣвчонка, смотри, служи хорошо!—говорилъ не

особенно строгимъ тономъ адмиралъ, приказывая Никандру отвести къ барынѣ.

Въ такихъ случаяхъ мужикъ, привезшій дѣвушку, получалъ серебряный рублевикъ и наказъ передать старостѣ барское спасибо.

Но когда вновь прибывшая не отвѣчала почему-либо вкусамъ адмирала, онъ безъ всякаго милостиваго слова приказывалъ отвести ее къ супругѣ и сердито выговаривалъ мужику:

— Лучше у васъ въ деревнѣ дѣвки, что ли, не было, что прислали такого одра?

— Не было, баринъ, не было, ваше свѣтлѣйшее присходительство! Самую чистую тебѣ предоставили... Была у Корнея дочка, ничего, гожа, да въ рябовинкахъ малость...

— Ступай! — рѣзко обрывалъ адмиралъ и недовольно крякалъ.

Адмиральша, напротивъ, бывала въ послѣднемъ случаѣ довольна. Зато, чѣмъ пригожѣе была привезенная дѣвушка, тѣмъ болѣе сжималось сердце ревнивой адмиральши, предвидѣвшей въ очень близкомъ будущемъ новое испытаніе для своей ревности и новое оскорбленіе своему самолюбію.

И, надо сказать правду, адмиральша рѣдко ошибалась въ своихъ предчувствіяхъ.

Весьма часто, если не всегда, всѣ эти молоденькія дѣвушки дѣлались жертвами похотливаго адмирала. Если онѣ готовились быть матерями, ихъ выдавали замужъ или отправляли обратно въ деревню съ приказомъ старостѣ: пристроить дѣвку и прислать новую.

Такимъ образомъ адмиралъ женилъ и Никандра и кучера Якова. Никандръ именно съ тѣхъ поръ, говорятъ, и сдѣлался мрачнымъ, и когда года черезъ четыре овдовѣлъ, потерявъ передъ тѣмъ двухъ дѣтей, адмиральскихъ крестниковъ,—то не обнаружилъ особеннаго горя отъ этихъ потерь и, какъ огня, боялся новой женитьбы по распоряженію барина. По счастію для Никандра, адмиралъ болѣе не сватался своего камердинера.

Одна изъ такихъ жертвъ адмиральскаго каприза сдѣлалась даже настоящей фавориткой влюбившагося въ нее адмирала. Онъ нанялъ для нея квартиру въ отдаленной Матросской слободкѣ, отдѣлалъ квартиру не безъ роскоши и, накупивъ для своей фаворитки бѣлья и платьевъ, переселилъ ее въ устроенный имъ «пріютъ любви», приставивъ къ ней старую женщину, исполнявшую обязанности прислуги и въ то же время аргуса. Нечего и говорить, что фавориткѣ строго запрещалось выходить куда-нибудь одной и принимать кого-

нибудь. Эта связь была, конечно, извѣстна всѣмъ, и многіе молодые мичмана частенько прогуливались въ слободкѣ, пытаясь обратить на себя вниманіе красивой, чернобровой Макриды съ роскошной косой и ослѣпительными зубами. Но Макрида только лукаво играла глазами и держала себя неприступно, такъ что подозрительность адмирала была усыплена настолько, что онъ позволилъ Макридѣ, вмѣсто приставленной имъ старухи, нанять прислугу по своему выбору.

Такъ продолжалось года три. Связь эта, къ ужасу адмиральши, не прекращалась, и адмиралъ все болѣе и болѣе привязывался къ своей Макридѣ, какъ вдругъ совершенно неожиданно фаворъ Макриды окончился и притомъ весьма для нея трагически.

XVII.

Однажды адмиралъ, вернувшійся съ эскадрой на рейдъ поздно вечеромъ, съѣхалъ на берегъ и отправился пѣшкомъ въ слободку.

Былъ двѣнадцатый часъ на исходѣ теплой, душистой южной ночи. Полная луна лила свой мягкій свѣтъ на маленькіе бѣлые домики тихой спящей слободки, но въ «пріютѣ любви» адмирала, изъ-за густой листвы садика, весело мигалъ огонекъ. Этотъ огонекъ возбудилъ въ адмиралѣ подозрительное удивленіе, и онъ тихими шагами подошелъ къ домику. Подозрѣніе его усилилось, когда калитка оказалась незапертой. Сердито ерзая плечами, онъ вошелъ во дворъ и тихо постучалъ въ двери. За дверями послышалась бѣготня, и испуганный голосъ кухарки звалъ «Макриду Ивановну».

Тогда адмиралъ, легко гнувшій подковы, рванулъ дверь и, грозный, съ поблѣднѣвшимъ лицомъ и сверкающими глазами, очутился въ прихожей. Кухарка, увидѣвши барина, только ахнула и уронила въ страхѣ свѣчку. Адмиралъ шагнулъ въ комнаты и въ ту же минуту услыхалъ стукъ отвореннаго въ спальной окна и чей-то скачокъ въ садъ. Въ ту же секунду адмиралъ разбилъ окно въ передней комнатѣ и, заглянувъ внизъ, увидалъ при нѣжномъ свѣтѣ предательницы-луны стройную фигуру поспѣшно удаляющагося знакомаго молодого мичмана, на ходу натягивавшаго сюртукъ.

Адмиралъ молча заскрежеталъ зубами въ безсильной ярости, видя, какъ молодой мичманъ перелѣзъ черезъ ограду садика и былъ таковъ.

Повернувъ голову, онъ увидалъ въ дверяхъ Макриду въ одной рубашкѣ, съ обнаженной грудью и распущенными роскошными волосами, спускавшимися до колѣнъ. Со свѣчой

въ рукахъ, освѣщавшей ея красивое, блѣдное, какъ смерть, лицо, она глядѣла съ безмолвнымъ ужасомъ на грознаго адмирала. Адмиралъ отвелъ отъ нея взглядъ, и плечи его вздрагивали. Онъ молчалъ, и это молчаніе обдавало смертельнымъ холодомъ несчастную дѣвушку. И она въ какомъ-то отчаяніи опустилась на колѣни, съ мольбой сложивъ свои обнаженныя бѣлыя руки.

Адмиралъ молча вышелъ, черезъ четверть часа былъ уже на пристани и отвалилъ на дожидавшейся его гичкѣ на свой флагманскій корабль.

Вахтенный офицеръ, встрѣтившій его, замѣтилъ, что адмиралъ былъ чѣмъ-то очень разстроенъ и имѣлъ самый «освирѣпѣлый видъ».

На слѣдующій же день весь городъ и вся эскадра знали о вчерашнемъ скандалѣ, и между молодежью было много смѣха. Адмиралъ съ утра съѣхалъ на берегъ, приказавъ двумъ боцманамъ явиться къ нему съ линьками къ одиннадцати часамъ вечера.

Цѣлый день адмиралъ былъ мраченъ. Адмиральша уже узнала о вчерашнемъ скандалѣ и была очень довольна, что̀ приводило адмирала въ большее бѣшенство. Всѣ въ домѣ съ трепетомъ ждали расправы... Уже съ утра Макрида была заперта въ сараѣ, одѣтая въ затрапезное платье. Чудные волосы ея были, по приказанію адмирала, острижены.

Въ одиннадцать часовъ вечера адмиралъ, вмѣстѣ съ двумя боцманами, удалился въ конюшню, куда привели и Макриду. Двери были наглухо затворены, но несмотря на это оттуда раздавались раздирающіе душу крики и стоны. Потомъ все затихло. Адмиральша, потрясенная, теперь жалѣла несчастную Макриду. Полумертвою ее ночью отнесли въ слободку и черезъ двѣ недѣли отправили еще не совсѣмъ оправившуюся въ деревню, гдѣ она впослѣдствіи спилась и черезъ нѣсколько лѣтъ умерла.

Дочь Макриды, слишкомъ похожая на адмирала, была помѣщена на воспитаніе и затѣмъ отдана въ пансіонъ въ Петербургѣ. Адмиралъ любилъ свою, какъ онъ называлъ, «воспитанницу», часто навѣщалъ ее, и она изрѣдка, по воскресеньямъ, приходила въ ветлугинскій домъ на короткое время. И добрая адмиральша ласкала эту дѣвочку, надѣляла ее лакомствами и нерѣдко плакала, вспоминая свои обиды и жалѣя бѣдную «батардку», какъ адмиральша про себя называла дѣвочку. Когда эта дѣвочка шестнадцати лѣтъ умерла,—адмиральша искренно ее оплакивала и была вмѣстѣ съ мужемъ на ея похоронахъ.

XVIII.

Вскорѣ послѣ обнародованія манифеста объ освобожденіи крестьянъ, адмиралъ однажды призвалъ сыновей въ кабинетъ и сказалъ имъ:

— Наше родовое имѣніе не велико... Послѣ надѣла останется всего пятьсотъ десятинъ... Дѣлить его между вами не стòитъ... Какъ ты полагаешь, Василій?—прибавилъ онъ, обращаясь къ старшему сыну, высокому, плотному моряку, лѣтъ тридцати пяти, очень похожему на адмирала лицомъ.

— Полагаю, что не стòитъ.

Не спрашивая мнѣнія другихъ сыновей, Николая и Гриши, адмиралъ продолжалъ:

— Мое намѣреніе отдать всю землю крестьянамъ и не брать съ нихъ ничего за надѣлъ... Имъ это въ пользу, и они помянутъ добромъ Ветлугиныхъ. Не правда ли?

На лицѣ Гриши при этихъ словахъ промелькнуло невольное грустное выраженіе, хотя онъ и первый поторопился сказать:

— Конечно, папенька... Такой актъ милосердія...

— Тебя пока не спрашиваютъ!—рѣзко перебилъ адмиралъ, замѣтившій печальную мину почтительнаго Гриши.—Какъ ты полагаешь, Василій?

— Доброе сдѣлаете дѣло, папенька!—отвѣчалъ морякъ.

— И я такъ думаю... Надѣюсь, что и отсутствующій Сергѣй такъ же думаетъ... А ты, Николай?

— И я нахожу, что это справедливо.

— Ну, а ты, Григорій, уже поспѣшилъ апробовать этотъ «актъ милосердія», — иронически подчеркнулъ адмиралъ. — Значитъ, и дѣлу конецъ.

Наступила короткая пауза, во время которой адмиралъ досталъ изъ письменнаго стола какой-то исписанный цифрами клочокъ бумаги, и затѣмъ сказалъ:

— Взамѣнъ имѣнія, которое должно бы быть раздѣлено на четыре части, ибо сестеръ вашихъ я уже выдѣлилъ деньгами, по три тысячи на каждую...

— На пять частей, папенька? — перебилъ отца старшій сынъ.—Вы, вѣрно, забыли, что всѣхъ насъ пять братьевъ,— прибавилъ морякъ, вспоминая объ опальномъ Леонидѣ.

— Я помню, что говорю!—крикнулъ, вспыхивая, адмиралъ и продолжалъ:—такъ вмѣсто родового имѣнія я выдамъ каждому изъ моихъ четырехъ сыновей (адмиралъ подчеркнулъ «четырехъ») деньгами, какія причитаются за выкупную ссуду и за пятьсотъ десятинъ... На каждаго изъ васъ придется по четыре тысячи... Вотъ здѣсь на бумажкѣ и разсчетъ...

И адмиралъ кинулъ на столъ бумажку, исписанную цифрами.

— Хочешь посмотрѣть, Григорій?—насмѣшливо замѣтилъ адмиралъ повеселѣвшему сыну.

Гриша покраснѣлъ, какъ ракъ, и не двинулся съ мѣста.

— Деньги эти предназначены изъ аренды, которую мнѣ недавно пожаловалъ государь императоръ на 12 лѣтъ по двѣ тысячи, и которыя мнѣ выдадутъ сразу. Другихъ денегъ у меня нѣтъ... Изъ этой же аренды Анна и Вѣра получатъ свои приданныя деньги... Согласны?

Всѣ, конечно, согласились, послѣ чего адмиралъ ихъ отпустилъ, объяснивъ, что Василій получитъ деньги черезъ мѣсяцъ, а Николай, Григорій и Сергѣй—по достиженіи 30-лѣтняго возраста.

— А затѣмъ ни на что не разсчитывайте!—крикнулъ имъ вдогонку адмиралъ.

Когда мужики черезъ старосту Акима узнали о милости барина, они сперва не повѣрили,—до того это было неожиданно. Но бумага, присланная адмираломъ старостѣ, окончательно убѣдила мужиковъ, и они благословляли барина, простивъ всѣ его тяжкія вины относительно многихъ своихъ дочерей. Староста Акимъ пріѣзжалъ потомъ въ Петербургъ благодарить адмирала, и грозный адмиралъ, видимо, былъ тронутъ искренней и горячей благодарностью деревни, въ лицѣ ветхаго старика Акима, котораго онъ не допустилъ къ рукѣ, а милостиво пожалъ ему руку и нѣсколько минутъ съ нимъ бесѣдовалъ.

На другой день послѣ разговора съ сыновьями, адмиралъ сказалъ рано утромъ Никандру:

— Люди, конечно, знаютъ о волѣ, которую даровалъ имъ государь императоръ. Объяви имъ, что кто не хочетъ у меня оставаться, можетъ черезъ недѣлю уходить.

— Слушаю, ваше высокопревосходительство!

— Иди и сейчасъ же принеси отвѣтъ!

Никандръ и безъ того зналъ, что рѣшительно всѣ, за исключеніемъ Алены, горничной Анны, да Настасьи, горничной адмиральши, собирались уходить. Уже давно на кухнѣ шли объ этомъ разговоры, и послѣ манифеста радости не было конца. Всѣ осѣняли себя крестными знаменіями и облегченно вздыхали при мысли, что они свободны и могутъ избавиться отъ вѣчнаго трепета, который наводилъ на всѣхъ грозный адмиралъ.

Черезъ пять минутъ Никандръ вошелъ въ кабинетъ.

— Ну, что? Кто уходитъ?

— Ефремъ, ваше высокопревосходительство.

— И пусть. Лодырь. А Ларіонъ?

— Тоже просится...

— А Артемій кучеръ?

— Хочетъ побывать въ деревнѣ, повидать дѣтей.

— Гм... И Ѳедька, пожалуй, тоже уходить?—освѣдомился, хмурясь все болѣе и болѣе, адмиралъ о 15-лѣтнемъ «казачкѣ».

— Хочетъ въ ученье въ портные поступить, ваше высокопревосходительство! — докладывалъ Никандръ съ какою-то особенною почтительностью.

Адмиралъ помолчалъ и, сурово поводя бровями, продолжалъ:

— А дѣвки?

— Олена да Настасья хотятъ остаться, если будетъ ваше желаніе.

Адмиралъ недовольно крякнулъ и снова помолчалъ.

— Нанять повара, кучера и лакея для барыни!—приказалъ онъ.—Да, смотри, людей поразторопнѣе... Насчетъ жалованья самъ переговорю.

— Слушаю-съ, ваше высокопревосходительство! — отвѣчалъ Никандръ, видимо самъ чѣмъ-то озабоченный.

— Двухъ дѣвокъ довольно, — продолжалъ адмиралъ. — Алена можетъ ходить за двумя барынями, а если Настасья передумаетъ и не останется, барыня сама найдетъ себѣ горничную... А прачки не нужно... Можно отдавать стирать бѣлье...

— Слушаю-съ!

Адмиралъ снова смолкъ и вдругъ спросилъ:

— Ну, а ты какъ, Никандръ? Останешься при мнѣ или нѣтъ?

Въ голосѣ адмирала звучала безпокойная нотка.

Никандръ смутился.

— Я положу десять рублей жалованья, а если тебѣ мало— прибавлю...

— Я, ваше высокопревосходительство, не гонюсь за жалованьемъ. И такъ, слава Богу, одѣтъ и обутъ...

— Такъ остаешься?

— Я бы просилъ уволить меня...

Адмиралъ насупился и сталъ мраченъ. Этотъ Никандръ, къ которому онъ такъ привыкъ, и тотъ собирается уходить. Этого онъ не ожидалъ.

А Никандръ между тѣмъ продолжалъ робко, точно виноватый:

— Я, ваше высокопревосходительство, имѣю намѣреніе сходить на богомолье, въ Іерусалимъ.

— Въ Іерусалимъ? — переспросилъ озадаченный адмиралъ.

— Точно такъ-съ.

— Зачѣмъ тебѣ туда?

— Сподобиться видѣть святыя мѣста и помолиться Искупителю грѣховъ нашихъ... Уже давно о семъ было мое мечтаніе, ваше высокопревосходительство.

Адмиралъ удивленно взглянулъ на Никандра, лицо котораго теперь было торжественно и серьезно и не имѣло обычнаго мрачнаго вида.

— Ну, что-жъ, если ты такой дуракъ, ступай себѣ въ Іерусалимъ!—сердито воскликнулъ адмиралъ.—Скоро собираешься?—прибавилъ онъ.

— Какъ разрѣшите, ваше высокопревосходительство!

— Мнѣ что разрѣшать? Ты теперь свободный... Подыщи мнѣ человѣка и уходи!—раздраженно замѣтилъ старикъ.

— Покорно благодарю, ваше высокопревосходительство.

Никандръ удалился, а адмиралъ долго еще сидѣлъ въ кабинетѣ, угрюмый и озадаченный.

Тяжело было вначалѣ адмиралу привыкать къ новымъ лицамъ и, главное, не видѣть вокругъ себя того трепета, къ которому онъ такъ привыкъ. Приходилось сдерживаться и не давать воли рукамъ, которыя такъ и чесались при видѣ какого-нибудь безпорядка. А угодить такому ревнителю чистоты и порядка, какъ адмиралъ, было трудно. И онъ иногда не сдерживался и дрался... Прислуга уходила, нерѣдко жаловалась, и адмиралу приходилось отплачиваться деньгами... Вдобавокъ уже ходили слухи о мировыхъ судьяхъ. Всѣ эти новые порядки все болѣе и болѣе раздражали адмирала, и онъ срывалъ свое сердце на женѣ и на дѣтяхъ, для которыхъ оставался прежнимъ грознымъ повелителемъ.

Жизнь въ домѣ становилась адомъ. Адмиралъ все дѣлался угрюмѣе и злѣе. Обѣды, когда собиралась семья, бывали мученіемъ для всѣхъ домашнихъ. Вдобавокъ адмиральша не смѣла уже болѣе принимать у себя, даже и по субботамъ, никого изъ гостей, почему-либо непріятныхъ адмиралу. По-прежнему адмиралъ цѣлые дни сидѣлъ, запершись у себя въ кабинетѣ, и одно сознаніе его присутствія нагоняло на всѣхъ испугъ... Только по вечерамъ всѣ вздыхали свободнѣе.

Адмиралъ почти каждый вечеръ уходилъ къ новой своей фавориткѣ, бывшей горничной жены, Настѣ.

XIX.

Прошелъ годъ, и младшая дочь адмирала, Вѣра, нашла себѣ жениха. Правда, онъ былъ лѣтъ на тридцать ея старше и

болѣзненный человѣкъ, но зато генералъ, съ хорошимъ положеніемъ и состояніемъ. Старый адмиралъ, казавшійся передъ генераломъ совсѣмъ молодцомъ, былъ очень удивленъ, когда, передавая предложеніе дочери, тотчасъ же получилъ ея согласіе.

— Ты обдумала?—спросилъ онъ.

— Обдумала, папенька!

— И онъ тебѣ больше Чернова нравится?

— Онъ мнѣ нравится!

— Что-жъ, я согласенъ, коли ты такъ хочешь... Ступай замужъ... Тебѣ, фуфырѣ, давно пора...

И, взглядывая на красавицу Вѣру съ презрѣніемъ, замѣтилъ:

— Разсчетлива, сударыня. Изъ молодыхъ да ранняя. Ты съ Григоріемъ въ масть... Пожалуй, и онъ на старушкѣ женится, коли у старушки будетъ состояніе... Поздравляю!.. Только, смотри, будь вѣрной женой, а то и такой дохлый, какъ твой будущій супругъ, выгонитъ тебя изъ дому, какъ шлюху! А ужъ я тебя потомъ не приму!—сурово прибавилъ адмиралъ.

Вѣра расплакалась.

— Ступай къ себѣ нюнить!—прикрикнулъ адмиралъ.— Тоже нюня! Сама выходитъ за разслабленнаго, а туда же обижается!..

По выходѣ замужъ Вѣры, въ домѣ адмирала стало еще мрачнѣе. У адмиральши почти никто не бывалъ, и некому ей было разсказывать любовныхъ исторій... Анна цѣлые дни читала, а адмиральша, не умѣвшая обходиться безъ общества, стала чаще посѣщать знакомыхъ и возвращалась лишь къ обѣду, стараясь и вечеромъ уѣхать куда-нибудь поболтать.

Въ одинъ изъ зимнихъ вечеровъ адмиральшу привезли домой безъ чувствъ въ каретѣ и перенесли въ спальню. Анна, остававшаяся одна дома, тотчасъ же послала за докторомъ, который объявилъ, что съ адмиральшей ударъ.

Анна не отходила отъ матери, которая лишилась языка и только мычала, грустно поводя своими добрыми глазами на всѣхъ скоро собравшихся у постели дѣтей. Адмирала не было дома. Хотя всѣ знали, что онъ проводитъ вечеръ у своей новой фаворитки, но не рѣшались за нимъ послать туда. Наконецъ въ двѣнадцатомъ часу адмиралъ вернулся, вошелъ въ спальную и, увидавши жену уже въ агоніи, наклонился надъ умирающей и крѣпко поцѣловалъ ее. Адмиральша, казалось, узнала мужа, какъ-то жалобно и грустно замычала, и крупныя капли слезъ скатились изъ ея глазъ. Рукой, не поражен-

ной ударомъ, она взяла руку адмирала и приложила къ своимъ запекшимся губамъ.

Черезъ полчаса ея не стало, и грозный адмиралъ ушелъ изъ ея комнаты со слезами на глазахъ. Почти всю ночь онъ пробылъ около трупа въ глубокой задумчивости. О чемъ вспоминалъ онъ, часто взглядывая на спокойное и доброе лицо покойницы? Это было его тайной, но видно было, что совѣсть его переживала тяжкія испытанія, потому что подъ утро онъ вышелъ изъ спальни жены совсѣмъ осунувшійся и, казалось, сразу постарѣвшій.

Похороны были блестящія, и къ веснѣ надъ могилой адмиральши стоялъ великолѣпный памятникъ.

Первое время послѣ смерти жены адмиралъ какъ-то притихъ. Онъ былъ по временамъ необычно ласковъ съ Анной и за обѣдомъ не бранилъ сыновей и не глумился надъ Гришей. И со слугами былъ терпимѣе.

Но прошло полгода, и все это измѣнилось. Жизнь Анны стала настоящимъ испытаніемъ. Адмиралъ точно находилъ удовольствіе ее мучить, пользуясь ея кротостью, которая, казалось, его по временамъ приводила въ бѣшенство. Въ минуты раздраженія онъ корилъ, что она старая дѣвка и не умѣла во-время выйти замужъ.

— Теперь, небось, никто не возьметъ!—язвительно прибавлялъ адмиралъ.

Анна со слезами на глазахъ уходила къ себѣ въ комнату и горько раздумывала о своей судьбѣ... Она видѣла ясно, что ея присутствіе почему-то стѣсняетъ отца.

«Ужъ не задумалъ ли онъ жениться на Настѣ?»—думала иногда Анна со страхомъ и отвращеніемъ, оскорбляясь за память матери.

Доставалось отъ адмирала и сыновьямъ, и они стали рѣже приходить обѣдать къ адмиралу, такъ что часто адмиралъ обѣдалъ вдвоемъ съ Анной и въ это время давалъ волю своему раздраженію.

За кроткую Анну пробовалъ вступиться однажды старшій братъ Василій. Пріѣхавши какъ-то разъ изъ Кронштадта, онъ пришелъ къ отцу и сталъ говорить ему о тяжелой жизни Анны.

— Она тебѣ жаловалась на меня?—крикнулъ адмиралъ.

— Нѣтъ, не жаловалась, но я самъ вижу.

— Видишь? Ты видишь? Ты за собой смотри... Яйца курицу не учатъ! Ступай вонъ!—вдругъ загремѣлъ голосъ адмирала.

Морякъ пожалъ плечами и юшелъ къ Аннѣ. Та пришла въ ужасъ, когда узнала, что братъ изъ-за нея поссорился съ отцомъ, и сказала, что она не броситъ отца, если только онъ самъ не предложитъ ей оставить домъ.

На другой же день за обѣдомъ адмиралъ сказалъ Аннѣ:

— Ты жаловалась на меня, а?

— И не думала, папенька.

— Думаешь, братецъ заступится... А наплевать мнѣ на твоего братца и на всѣхъ васъ... Тоже хороши дѣти! Я поступаю, какъ хочу. Никто мнѣ не указъ. Слышишь ли, дура?

— Слышу, папенька.

— То-то же... И захочу, такъ и женюсь, если вздумается!—вдругъ неожиданно крикнулъ адмиралъ, точно желая подразнить свою дочь.—Да... И женюсь, коли вздумаю... И женюсь!

Анна молчала и со страхомъ думала: «Неужели это отецъ серьезно говоритъ?»

Мѣсяца два послѣ этого адмиралъ однажды объявилъ ей, что хочетъ совсѣмъ уѣхать изъ Петербурга и поселиться гдѣ-нибудь въ маленькомъ городкѣ на югѣ.

— Старъ сталъ и хочу отдохнуть... Да и климатъ тамъ лучше... А ты оставайся здѣсь... Живи съ Василіемъ или съ сестрой. Я тебѣ буду давать сто рублей въ мѣсяцъ... А то мы только другъ друга раздражаемъ. Захочешь навѣстить меня, буду радъ!.. Не бойсь, не женюсь,—шутливо прибавилъ онъ.

И скоро послѣ этого разговора адмиралъ получилъ безсрочный отпускъ и переѣхалъ въ маленькій глухой городокъ въ Крыму вмѣстѣ съ Настей, а Анна перебралась къ старшему брату Василію.

XX.

Прошло болѣе десяти лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ адмиралъ уѣхалъ изъ Петербурга.

Четыре первые года онъ прожилъ въ маленькомъ глухомъ городкѣ на югѣ, подъ конецъ соскучился въ захолустьѣ, гдѣ нельзя было имѣть приличную для него партію въ преферансъ, и переѣхалъ въ губернскій городъ N.

Тамъ, въ небольшомъ одноэтажномъ домикѣ, окруженномъ густымъ садомъ, адмиралъ доживалъ свой вѣкъ, вдали отъ дѣтей, вдвоемъ съ неразлучной Настасьей, жившей у него подъ названіемъ экономки.

Старый адмиралъ такъ привязался и привыкъ къ своей

раздобрѣвшей, цвѣтущей здоровьемъ, пышной и румяной экономкѣ, что страшился мысли разстаться съ ней. Умная и ловкая, умѣвшая нравиться сластолюбивому старику и угождать ему, никогда не возбуждая его ревнивыхъ подозрѣній, Настасья хорошо сознавала силу своей власти и была, кажется, первой и послѣдней женщиной, которая могла сказать, что держитъ грознаго адмирала въ рукахъ.

Обыкновенно разсчетливый даже и въ любовныхъ своихъ похожденіяхъ, не любившій зря бросать деньги, онъ, на закатѣ своей жизни, сталъ проявлять щедрость и, задабривая «Настеньку» (такъ адмиралъ называлъ свою экономку), часто одаривалъ ее деньгами, вещами и платьями, требуя, чтобы она всегда одѣта была хорошо и къ лицу. Однажды даже старикъ намекнулъ, что за вѣрную службу и преданность онъ осчастливитъ Настеньку послѣ своей смерти.

— Я и такъ осыпана вашими милостями, благодѣтель-баринъ!—воскликнула молодая женщина.—Живите себѣ на здоровье... Вы еще совсѣмъ молодецъ!—прибавила Настя, зная, что подобный комплиментъ былъ пріятнѣе всего старику.

— Да, осчастливлю... Все, что у меня есть, тебѣ оставлю...

Настасья, уже скопившая кое-что, никакъ не разсчитывала на подобное благополучіе и не смѣла вѣрить такому счастію. Она знала, что бережливый старикъ далеко не проживалъ въ послѣдніе годы всего получаемаго содержанія, и что у него образовался изрядный капиталъ, который обезпечилъ бы ее на всю жизнь... Неужели старикъ не шутитъ и оставитъ все ей?

Она бросилась цѣловать адмиралу руки и съ хорошо разъигранной искренностью отвѣтила:

— Что вы, голубчикъ-баринъ? Зачѣмъ мнѣ, вашей слугѣ? У васъ есть дѣти наслѣдники.

— Дѣти!?—воскликнулъ адмиралъ, хмуря брови.—А чортъ съ ними! Они фыркаютъ... я знаю... Недовольны, что я тебя приблизилъ... Говорятъ: «старикъ изъ ума выжилъ»... Ну и я ими недоволенъ... Что слѣдуетъ, отдалъ имъ, а больше ни гроша!..

Въ виду такой перспективы, тѣмъ съ бо́льшимъ терпѣніемъ несла молодая женщина иго старческой привязанности и съ большимъ стараніемъ угождала старику и исполняла всѣ его похотливые капризы, тщательно скрывая свое отвращеніе. Адмиралъ вѣрилъ ея преданности и не замѣчалъ, что ловкая и хитрая фаворитка, несмотря на увѣренія въ вѣрности, его обманываетъ и раздѣляетъ свои ласки между старымъ адмираломъ и его кучеромъ Иваномъ, красивымъ, совсѣмъ моло-

дымъ парнемъ, смутившимъ холодную натуру дебелой Настасьи. Нечего и говорить, что она умѣла хранить эту связь въ строгой тайнѣ, ожидая смерти адмирала, чтобы выйти замужъ за Ивана и пожить наконецъ для себя, а не для прихоти «стараго грѣховодника».

Адмиралу уже стукнуло восемьдесятъ девять лѣтъ. Сильно постарѣлъ онъ-таки за послѣднее время! Онъ побѣлѣлъ какъ лунь и больше сгорбился. Его лицо, попрежнему суровое, съ старческимъ румянцемъ на щекахъ, было изрыто морщинами и высохло, имѣя видъ муміи. Стальные глаза потеряли свой острый блескъ и выцвѣли, но зубы его всѣ были цѣлы, голосъ звучалъ сильно, память была отличная, никакихъ недуговъ онъ не зналъ—только иногда чувствовалъ слабость и позывъ къ дремотѣ—и по временамъ, въ минуты гнѣва, напоминалъ былого, полнаго мощи, грознаго адмирала. Въ такія минуты и сама Настасья испытывала невольный трепетъ и вспоминала старые разсказы дворни ветлугинскаго дома о расправѣ съ Макридой, уличенной въ невѣрности.

Въ его маленькомъ домикѣ, почти за городомъ, попрежнему царилъ образцовый порядокъ и все сіяло безукоризненной чистотой, напоминавшей чистоту военныхъ кораблей. Нигдѣ ни пылинки! Нигдѣ стула не на мѣстѣ! Мѣдныя ручки и замки у дверей блестѣли, и полы (особенная слабость адмирала) были такъ же великолѣпны, какъ и корабельная палуба. Въ саду господствовалъ такой же порядокъ, какъ и во всемъ домѣ; и тамъ, въ маленькой пристройкѣ, хранились подъ замкомъ гробъ и памятникъ, пріобрѣтенные адмираломъ для себя нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда ему пошелъ восемьдесятъ пятый годъ. Гробъ былъ дубовый, безъ обивки и безъ всякихъ украшеній, прочно сдѣланный, по заказу адмирала, кромка на кромку и принятый имъ отъ гробовщика послѣ нѣсколькихъ исправленій и тщательнаго и всесторонняго осмотра.

— Ты что же, каналья, гвоздей мало положилъ?—сердито говорилъ адмиралъ гробовщику, когда тотъ принесъ въ первый разъ свою работу.—И гвозди желѣзные, а не мѣдные, какъ я приказывалъ!.. Передѣлать! Да ручки чтобы покрѣпче, а то гляди, подлецъ!..

И съ этими словами адмиралъ рванулъ ручку и поднесъ ее къ самому носу ошалѣвшаго мастера.

Памятникъ изъ темно-сѣраго мрамора представлялъ собою небольшой обелискъ съ якоремъ, обвитымъ канатомъ, и другими морскими атрибутами внизу, утвержденный на гранитной глыбѣ. Сдѣланъ онъ былъ по рисунку, сочиненному адмира-

ломъ и, надо сознаться, не обличавшему большой художественности въ авторѣ. При заказѣ памятника адмиралъ сильно торговался и заставилъ-таки монументщика сбавить цѣну на цѣлыхъ пятьдесятъ рублей.

— Куда прикажете ставить памятникъ?—полюбопытствовалъ мастеръ и освѣдомился насчетъ надписи.

— Прислать ко мнѣ... Надпись послѣ дамъ!—рѣзко отвѣтилъ адмиралъ, не входя въ объясненія.

На памятникѣ была вырѣзана золотыми буквами слѣдующая надпись, составленная адмираломъ послѣ многихъ передѣлокъ:

Адмиралъ
Алексѣй Петровичъ Ветлугинъ.
Родился 10-го Генваря 1786 года.
Въ офицерскихъ чинахъ былъ 30 лѣтъ.
Въ адмиральскихъ чинахъ былъ...
Совершилъ кругосвѣтный вояжъ и сдѣлалъ
50 морскихъ кампаній.
Скончался... 18...
Всего житія...
Поставленъ иждивеніемъ адмирала.

Предусмотрительный адмиралъ велѣлъ вырѣзать только двѣ первыя цифры года смерти, на случай если умретъ не въ семидесятыхъ, а въ восьмидесятыхъ годахъ, и въ духовномъ завѣщаніи поручалъ душеприказчику дополнить недостающія на памятникѣ цифры. Гробъ и памятникъ содержались въ полномъ порядкѣ, и адмиралъ лично за этимъ наблюдалъ.

XXI.

Старикъ сохранилъ всѣ свои прежнія привычки. Какъ и прежде, онъ неизмѣнно вставалъ въ шесть часовъ, бралъ холодную ванну, пилъ кофе съ горячими «тостами» и холодной ветчиной и, одѣтый къ восьми часамъ въ сюртукъ (а по праздникамъ въ сюртукъ съ эполетами), съ орденомъ св. Александра Невскаго на шеѣ и съ Георгіемъ въ петлицѣ, отправлялся, несмотря ни на какую погоду, на свою обычную прогулку, продолжавшуюся часъ или два и развлекавшую старика. Эти прогулки давали ему новыя впечатлѣнія и кое-какое подобіе дѣятельности, имъ же самимъ созданной отъ скуки бездѣлья, въ качествѣ добровольнаго наблюдателя за порядкомъ и чистотой въ городѣ. Губернаторъ шутя называлъ адмирала лучшимъ своимъ помощникомъ, котораго полиція боится болѣе, чѣмъ его самого.

Но ужъ теперь адмиралъ не носился, какъ прежде, своей быстрой и легкой походкой, не зная усталости,—годы брали свое,—а шелъ тихимъ шагомъ и уже съ большой черной палкой въ рукѣ, направляясь въ базарные дни непремѣнно къ базару.

Всѣ въ городѣ знали высокую сгорбленную фигуру стараго адмирала, строго и внимательно посматривающаго по сторонамъ. Обыватели при встрѣчѣ почтительно ему кланялись, дворники снимали шапки, а городовые вытягивались въ струнку, провожая безпокойнымъ взглядомъ грознаго адмирала. Въ отвѣтъ адмиралъ кивалъ головой или прикладывалъ лѣвую руку къ козырьку фуражки. Замѣтивъ хорошенькую даму, адмиралъ, по старой привычкѣ, пріосанивался, выпячивалъ грудь и довольно крякалъ, прибавляя почему-то шагу. По пути онъ нерѣдко останавливался около домовъ, гдѣ была грязь или не подметенъ тротуаръ, и грозилъ дворнику палкой, кидая ему своимъ рѣзкимъ сердитымъ тономъ:

— Грязь... мерзость... Чтобы не было!

И шелъ далѣе.

Доставалось отъ него и городовымъ, и квартальнымъ, и торговцамъ, у которыхъ замѣчалъ недоброкачественные продукты. Въ особенности онъ донималъ полицію.

Замѣтивъ безпорядки на улицѣ, онъ энергично грозилъ палкой, а при какой-нибудь обидѣ, чинимой городовымъ обывателю, адмиралъ непремѣнно вмѣшивался въ разбирательство и грозно кричалъ:

— Небось, гривенника не дали?.. Мерзавецъ!.. Губернатору скажу!

И полицейскіе боялись, какъ огня, адмирала, всюду сующаго свой носъ. Еще недавно, благодаря Ветлугину, одинъ частный приставъ, отчаянный мздоимецъ, не только слетѣлъ съ мѣста, но былъ отданъ губернаторомъ за разныя беззаконія подъ судъ. Въ качествѣ свидѣтеля, и самаго безпощаднаго, на судѣ фигурировалъ самъ адмиралъ. Во время слѣдствія адмиралъ не соблаговолилъ пожаловать къ слѣдователю, а попросилъ его къ себѣ на квартиру, но въ судъ явился въ полной парадной формѣ, въ звѣздахъ и орденахъ. Несмотря на любезное предложеніе предсѣдателя давать показанія въ креслѣ, нарочно принесенномъ для престарѣлаго адмирала, адмиралъ отвѣчалъ на вопросы суда и сторонъ стоя и хотя чувствовалъ утомленіе, но превозмогалъ его, чтобы не показаться передъ публикой, среди которой было много дамъ, немощнымъ старикомъ. Онъ въ первый разъ былъ въ новомъ судѣ, который до того сильно бранилъ, и

внимательно дослушалъ все дѣло. Послѣ этого посѣщенія адмиралъ, кажется, до нѣкоторой степени примирился съ новыми судами, хотя и находилъ, что прокуроръ и адвокатъ болтаютъ много лишнихъ пустяковъ, и что взяточника-пристава наказали очень легко, сославши на три года въ Архангельскую губернію.

— Ему бы, негодяю, арестантскую куртку слѣдовало надѣть для примѣра прочимъ!—говорилъ съ сердцемъ адмиралъ.—Это былъ бы судъ!..

— Законовъ такихъ нѣтъ, ваше высокопревосходительство!—деликатно возражалъ ему губернаторъ, вскорѣ послѣ суда посѣтившій старика.

— То-то и скверно, что нынче такихъ законовъ нѣтъ, ваше превосходительство! А при покойномъ государѣ Николаѣ Павловичѣ, значитъ, были. Я помню, какъ одного генерала,—былъ онъ комендантомъ,—заслуженнаго, потерявшаго ногу на Кавказѣ,—Николай Павловичъ разжаловалъ въ солдаты за то, что тотъ обкрадывалъ арестантовъ. Такъ и умеръ солдатомъ. И подѣломъ!

Губернаторъ, необыкновенно вѣжливый статскій генералъ, старавшійся быть всѣмъ пріятнымъ, снисходительно соглашался, чтобы не спорить со старикомъ, и терпѣливо просиживалъ полчаса, выслушивая воркотню адмирала насчетъ общей распущенности, неуваженія къ властямъ и разныхъ другихъ золъ, происходящихъ оттого, что «нынче никто не боится начальства».

Когда адмиралъ появлялся на базарѣ, торговки обыкновенно пересмѣивались и тихонько говорили: «Старый чортъ идетъ!» Многіе торговцы, завидя адмирала, прятали или прикрывали гнилой товаръ, зная, что онъ подыметъ исторію. Городовые откуда-то появлялись на свѣтъ Божій.

А старикъ медленно проходилъ въ толпѣ по рядамъ, среди поклоновъ и привѣтствій базарнаго люда. Всякій тамъ зналъ его. Адмиралъ, справляясь о цѣнахъ, смотрѣлъ мясо, дичь и рыбу, хотя ничего не покупалъ, спрашивалъ, откуда дичь и рыба, много ли въ привозѣ, каковъ ловъ и т. п., пробовалъ черный хлѣбъ и, если находилъ что-либо гнилымъ или несвѣжимъ, сердито замѣчалъ:

— Гнильемъ торгуешь, а? Понюхай-ка!

И, взявши гнилую рыбу, подносилъ ее къ лицу торговца. Обыкновенно тотъ клялся и божился, что рыба только-что дала духъ отъ жары, и откидывалъ ее въ сторону, чтобы снова положить на мѣсто, когда старикъ уйдетъ.

Проходя мимо торговокъ, торгующихъ яйцами, молокомъ,

бубликами и зеленью, адмиралъ нерѣдко останавливался у смазливыхъ бабъ и иногда вступалъ въ разговоры.

— Какъ торгуешь, бабенка? Авдотья, кажется?—спрашивалъ адмиралъ, трепля ее по щекѣ рукой.

— Авдотья и есть, баринъ. А торгую, баринъ, плохо.

— Плохо? Зачѣмъ же плохо? Такой красавицѣ стыдно торговать плохо. На вотъ тебѣ, молодка, на разживу.

Съ этими словами онъ давалъ ей новенькій серебряный гривенникъ. Запасъ новой мелочи всегда былъ у него въ кошелькѣ.

Торговка благодарила и прибавляла:

— Черешенокъ купили бы, баринъ... Черешенки славныя.

— Вижу. Поваръ ужъ взялъ.

— Онъ не у меня, баринъ, бралъ, а у Маланьи.

— Завтра у тебя возьметъ.

И, ущипнувъ за подбородокъ молодую бабу, старикъ весело крякалъ и проходилъ далѣе, брезгливо обходя старыхъ и непригожихъ торговокъ.

Побродивъ съ полчаса по базару и непремѣнно распушивъ кого-нибудь, адмиралъ возвращался домой, завернувъ по дорогѣ иногда въ лавку, чтобы купить лакомство или какую-нибудь обновку, и дарилъ Настасьѣ.

Стараясь убить время до обѣда, онъ придумывалъ себѣ разныя занятія: сперва записывалъ въ календарѣ происшествія утра со всѣми мелочными подробностями, затѣмъ выдвигалъ ящики письменнаго стола и перебиралъ лежавшія тамъ вещи и бумаги, осматривалъ платье въ шкапу, заглядывалъ на минуту въ комнату своей скучающей, заплывшей отъ жиру фаворитки, бродилъ по комнатамъ и глядѣлъ, все ли въ порядкѣ и на мѣстѣ. Замѣтивъ, что кресло въ гостиной стоитъ несимметрично, онъ его выравнивалъ. Во время такихъ осмотровъ обыкновенно доставалось лакею. Когда приносили газеты—все тѣ же «Times» и «С.-Петербургскія Вѣдомости»,—онъ надѣвалъ большія, въ черепаховой оправѣ, очки, безъ которыхъ уже не могъ читать, принимался за чтеніе и нерѣдко за чтеніемъ незамѣтно поклевывалъ носомъ въ своемъ кожаномъ креслѣ.

Во время франко-прусской войны адмиралъ съ большимъ интересомъ слѣдилъ за событіями и особенно негодовалъ на бездѣйствіе французскаго флота.

— Вотъ и хваленые броненосцы! Никуда показаться не могутъ... Срамъ!—нерѣдко ворчалъ старый морякъ.

И, случалось, бросалъ газету и ходилъ по кабинету, мечтая о томъ, какъ бы онъ разнесъ нѣмцевъ съ прежней своей щегольской эскадрой.

За морскимъ дѣломъ онъ слѣдилъ, продолжая имъ интересоваться, и часто бранилъ нашъ броненосный флотъ и новое поколѣніе моряковъ. Прочитавъ въ газетѣ, что броненосецъ сталъ при выходѣ изъ Кронштадта на мель или столкнулся съ другимъ судномъ, адмиралъ съ злорадствомъ повторялъ:

— Хороши моряки! Нечего сказать, управляются! Мы съ одними парусами ходили и не стукались другъ съ другомъ, не щупали дна, а нынѣ и съ машинами ходить не умѣютъ!.. Мо-ря-ки! Позоръ!

Если не было гостя, приглашеннаго къ обѣду, Настасья обѣдала съ адмираломъ. Гости, впрочемъ, бывали очень рѣдко. Разъ или два въ мѣсяцъ адмиралъ приглашалъ обѣдать одного или двухъ постоянныхъ своихъ партнеровъ: отставного старичка-генерала и капитана 1-го ранга въ отставкѣ, Ѳедора Ивановича Конотопца, который еще мичманомъ служилъ въ эскадрѣ Ветлугина. Съ этимъ морякомъ адмиралъ обращался, точно тотъ все еще былъ мичманъ, и третировалъ какъ мальчишку, хотя этому «мальчишкѣ» уже было около шестидесяти лѣтъ. И морякъ не обижался и смотрѣлъ на адмирала, какъ на начальника. Особенно доставалось ему за картами.

— Срамъ-съ, Ѳедоръ Ивановичъ!.. Были прежде бравымъ офицеромъ, а играете, какъ сапожникъ.

— Я, ваше высокопревосходительство, полагалъ...

— А вы не полагайте-съ... Онъ полагалъ... и дернулъ въ чужую масть?.. А еще морякъ... Стыдно-съ!—сердито прибавлялъ адмиралъ.

— Виноватъ, ваше высокопревосходительство! — робко замѣчалъ добродушный Ѳедоръ Ивановичъ, трусившій, по старой памяти, грознаго адмирала.

Этотъ же Ѳедоръ Ивановичъ, гулявшій иногда по утрамъ съ адмираломъ, былъ неизмѣннымъ и покорнымъ слушателемъ его воркотни и его политическихъ соображеній и добродушно принималъ на себя громы обвиненій на молодыхъ моряковъ, на которыхъ, въ лицѣ стараго Ѳедора Ивановича, давно уже покинувшаго службу, нападалъ старикъ, все еще видѣвшій въ своемъ покорномъ слушателѣ молодого человѣка.

— Чортъ знаетъ, что у васъ теперь дѣлается! Ай да молодые моряки! Чай, и забыли, какъ поворотъ оверъ-штагъ дѣлать?

Ѳедоръ Ивановичъ, дѣйствительно забывшій прежнее свое ремесло, добросовѣстно замѣчалъ:

— Это вѣрно, ваше высокопревосходительство, забылъ.

— То-то и есть... Ни къ чорту вы не годитесь!

Кромѣ двухъ названныхъ партнеровъ да еще третьяго, на-

чальника мѣстной дивизіи, адмиралъ ни съ кѣмъ не водилъ знакомствъ, ограничиваясь лишь обмѣномъ визитами съ губернаторомъ да комендантомъ. Архіерея адмиралъ почему-то недолюбливалъ и бывалъ въ соборѣ лишь въ царскіе дни. Въ свою очередь и преосвященный, человѣкъ очень строгой жизни, не благоволилъ къ моряку и называлъ его «старымъ вольтеріанцемъ, погрязшимъ въ блудѣ». И они никогда другъ друга не замѣчали при случайныхъ встрѣчахъ.

Когда по вечерамъ не было партіи, старикъ пилъ чай въ комнатѣ у своей экономки и короталъ съ ней вечеръ, слушая ея болтовню или заставляя ее пѣть пѣсни. А то игралъ съ ней въ дурачки по гривеннику партію, прощая всегда ей проигрышъ. Въ десять часовъ Настасья укладывала адмирала спать, оставаясь подлѣ него, пока онъ не засыпалъ.

Въ послѣднее время старикъ спалъ плохо, нерѣдко просыпался въ три часа, вставалъ, раскладывалъ пасьянсъ или ходилъ угрюмый и скучающій, не зная что̀ дѣлать, по кабинету, ожидая, когда кукушка въ столовой прокукуетъ шесть разъ, войдетъ слуга для обтиранія, и въ маленькомъ домикѣ начнется обычная жизнь.

XXII.

Со своими дѣтьми адмиралъ почти прекратилъ всякія сношенія. Никогда особенно ихъ не любившій, онъ подъ старость окончательно озлобился противъ своихъ близкихъ и, казалось, забылъ объ ихъ существованіи. Даже къ Аннѣ, его прежней любимицѣ, онъ охладѣлъ и, посылая ей ежемѣсячно деньги, не писалъ ни строчки. Анна лишь благодарила и увѣдомляла о полученіи. Сперва сыновья и дочери изрѣдка еще писали отцу, но онъ не отвѣчалъ на письма, и переписка сама собою прекратилась. Никого изъ дѣтей онъ не желалъ видѣть, и никто его не навѣщалъ.

Одна только Анна, года черезъ два послѣ отъѣзда адмирала изъ Петербурга, просила разрѣшенія пріѣхать къ нему погостить. Старикъ, послѣ совѣщанія съ Настасьей, позволилъ и ко времени пріѣзда дочери удалилъ экономку и заперъ ея роскошно убранную комнату на ключъ.

Недолго прогостила Анна у отца. Присутствіе дочери видимо раздражало адмирала, принужденнаго стѣсняться изъ-за нея и не видѣть около себя любимой экономки. Анна, конечно, поняла, въ чемъ дѣло. Эта запертая комната и разряженная, раздобрѣвшая Настасья, которую Анна встрѣтила какъ-то на улицѣ, краснорѣчиво свидѣтельствовали о роли экономки въ домѣ. Къ тому же и всѣ въ маленькомъ городкѣ

громко говорили о скандальной связи стараго адмирала и смѣялись надъ ней, и эти слухи дошли до Анны, глубоко оскорбленной за память матери.

И она поспѣшила уѣхать.

Старикъ былъ видимо обрадованъ отъѣздомъ дочери и, прощаясь съ нею, не выражалъ желанія когда-нибудь увидѣться, а сухо проговорилъ:

— Будь здорова... Вѣрно, ужъ не увидимся... Обо мнѣ не заботьтесь... У меня есть преданный человѣкъ... А если вы тамъ фыркаете... недовольны... то и фыркайте... Я поступаю, какъ хочу...

И, вдругъ закипая гнѣвомъ, прибавилъ:

— Твоя старшая сестрица Ольга Алексѣевна осмѣлилась написать письмо... Совѣты даетъ, какъ жить, а!? Я отвѣтилъ, что она дерзкая дура и чтобы никогда больше не смѣла писать... Дѣти!? Хороши дѣти! Никого не хочу знать!— неожиданно крикнулъ старикъ.—Такъ и скажи всѣмъ... Слышишь...

— Слушаю, папенька! — грустно проронила обиженная Анна.

Вскорѣ послѣ ея отъѣзда адмиралъ получилъ извѣстіе, что первенецъ его, Василій, утонулъ на кронштадтскомъ рейдѣ, ѣхавши на берегъ на шлюпкѣ подъ парусами въ очень свѣжую погоду. Адмиралъ принялъ эту вѣсть со старческимъ эгоизмомъ и не особенно печалился. Ему только было жаль, что достойный представитель Ветлугиныхъ погибъ для флота. Адмиралъ возлагалъ теперь надежды на младшаго сына Сергѣя. Онъ поддержитъ честь имени Ветлугиныхъ во флотѣ, и такимъ образомъ моряки Ветлугины не исчезнутъ.

Но надеждамъ стараго моряка не суждено было сбыться. Молодой мичманъ, только-что вернувшійся изъ кругосвѣтнаго плаванія, въ которомъ пробылъ пять лѣтъ вмѣсто трехъ, извѣщалъ отца о своемъ намѣреніи выйти въ отставку и просилъ его разрѣшенія, безъ котораго высшее морское начальство не соглашалось уволить молодого офицера.

Это письмо привело въ ярость грознаго адмирала. Тонъ его былъ почтительный, но твердый, и старикъ теперь невольно припомнилъ, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ былъ побѣжденъ «щенкомъ». И это воспоминаніе еще болѣе сердило его.

«Въ отставку... мерзавецъ!»—нѣсколько разъ злобно повторилъ старикъ и въ безсильномъ гнѣвѣ разорвалъ письмо на мелкіе кусочки и плюнулъ на нихъ.

Разумѣется, онъ не отвѣчалъ на посланіе Сережи.

Прошли недѣли двѣ, и отъ него снова было получено письмо, но на этотъ разъ уже болѣе настоятельное. «Если вы, папенька, не дадите разрѣшенія, я устрою, что меня исключатъ. Хотите вы, чтобы офицера, носящаго имя Ветлугина, выгнали изъ флота?»—писалъ, между прочимъ, Сережа, дѣйствуя на гордость и самолюбіе старика.

Адмиралъ, знавшій, что этотъ «упрямый негодяй» исполнитъ угрозу, принужденъ былъ, съ яростью въ сердцѣ, согласиться. Онъ написалъ объ этомъ министру, а сыну отправилъ письмо, адресуя его безъ имени и отчества, просто: «Мичману Ветлугину», слѣдующаго содержанія:

«Позора не желаю и противъ вѣтра плыть не могу. Чортъ съ тобой, негодяй! Выходи въ отставку и забудь отнынѣ, что ты мой сынъ. Скотина!

«Адмиралъ Ветлугинъ».

Съ тѣхъ поръ онъ особенно не взлюбилъ строптиваго Сережу, олицетворявшаго, въ глазахъ старика, ненавистный ему «духъ времени».

Такимъ образомъ обрывались отношенія между адмираломъ и его дѣтьми.

Одинъ лишь Гриша неизмѣнно и аккуратно писалъ отцу, поздравляя его съ каждымъ большимъ праздникомъ и съ днями рожденія и именинъ. И несмотря на то, что не получилъ отъ адмирала ни одного отвѣта, Гриша все-таки продолжалъ посылать ему почтительно-покорныя письма, не забывая сообщать въ нихъ о своихъ быстрыхъ служебныхъ успѣхахъ. Въ этомъ году онъ собрался жениться и неожиданно пріѣхалъ въ городъ N, чтобы получить папенькино благословеніе. Остановился Гриша не у отца, а въ гостиницѣ, тотчасъ же собралъ справки и узналъ, что есть духовное завѣщаніе въ пользу Настасьи, и что у отца въ банкѣ около пятидесяти тысячъ. Гриша нахмурился, выругалъ про себя папеньку и, облачившись въ мундиръ, отправился въ маленькій домикъ адмирала.

XXIII.

Старикъ дремалъ съ газетой въ рукахъ у себя въ кабинетѣ, когда къ крыльцу подкатилъ въ извозчичьемъ фаэтонѣ красивый молодой полковникъ съ аксельбантами. Лакей, никогда не видавшій молодого Ветлугина, доложилъ, что адмиралъ почиваетъ у себя въ кабинетѣ.

— Ничего, ничего, братецъ... я подожду... Скажи-ка Настасьѣ Ивановнѣ, что Григорій Алексѣичъ пріѣхалъ. А

то, еще лучше, я самъ пойду къ папенькиной экономкѣ... Гдѣ она?

И съ этими словами Гриша прошелъ въ ея комнату, указанную слугой.

— Здравствуйте, Настя.., Не узнали?—ласково и необыкновенно привѣтливо заговорилъ онъ, протягивая руку молодой экономкѣ.

Та въ первую минуту, при видѣ молодого барина, испугалась и была смущена.

— Не узнали, постарѣлъ, видно?—продолжалъ Гриша и, взявши за руку Настю, притянулъ ее къ себѣ и троекратно съ ней поцѣловался.—Какая же вы стали хорошенькая!—прибавилъ онъ, оглядывая молодую женщину своими большими голубыми глазами.

— Что вы, баринъ!—промолвила Настя, краснѣя отъ удовольствія.—Да что-жъ вы сюда... Пожалуйте въ гостиную...

— Я у васъ посижу, пока папенька спитъ... У васъ тутъ славно...

Гриша присѣлъ, усадивъ все еще смущенную Настасью, и въ нѣсколько минутъ очаровалъ ее своимъ обращеніемъ. Она думала, что онъ и говорить-то съ ней не станетъ, а между тѣмъ этотъ красивый полковникъ говорилъ съ ней, какъ съ ровней. Онъ разспрашивалъ объ отцѣ, поблагодарилъ, что она бережетъ старика, и сообщилъ ей, что собирается жениться и заѣхалъ на день, на два, чтобы попросить папенькинаго благословенія.

Настасья вызвалась сейчасъ же доложить адмиралу о пріѣздѣ Григорія Алексѣича. Баринъ не спитъ... такъ дремлетъ.

Они вышли вмѣстѣ. Гриша снова повторилъ, что Настя похорошѣла, и, весело разговаривая, они вошли въ столовую.

Адмиралъ между тѣмъ пересталъ дремать и, услышавъ голоса, показался на порогѣ кабинета. Увидавъ Гришу вмѣстѣ съ экономкой, онъ удивленно и безъ особенной радости взглянулъ на сына и строго спросилъ:

— Ты какъ сюда попалъ безъ моего разрѣшенія?

Гриша подбѣжалъ, чтобы поцѣловать руку отца, которую тотъ поспѣшилъ отдернуть, и сталъ извиняться, что пріѣхалъ, не предупредивши. Онъ былъ по близости въ деревнѣ у родителей дѣвушки, на которой онъ хотѣлъ бы жениться, и пріѣхалъ просить благословенія отца. Не желая безпокоить папеньку, онъ остановился въ гостиницѣ, тѣмъ болѣе, что можетъ пробыть только день или два.

— Не угодно ли вамъ, баринъ, покушать чего-нибудь съ дороги или кофею?—спросила Настя.

— Спасибо вамъ, милая Настенька. Ничего не хочу!— отвѣчалъ съ привѣтливой улыбкой Гриша.

Обращеніе сына съ экономкой видимо понравилось старику, и онъ уже съ меньшей суровостью проговорилъ:

— Будешь обѣдать у меня... Не взыщи, чѣмъ Богъ послалъ!..

И позвалъ его въ кабинетъ со словами:

— Ну, разскажи, на комъ ты женишься... Вижу: по службѣ хорошо идешь!

Гриша обстоятельно все разсказалъ; партія была приличная, и старикъ замѣтилъ:

— Что-жъ, женись... Очень радъ!

Въ теченіе часа до обѣда Гриша не переставалъ занимать старика. Онъ разсказалъ ему много новостей и между прочимъ, какъ бы невзначай, сообщилъ, что адмиралы Дубасовъ и Игнатьевъ недавно получили по 5.000 десятинъ въ Самарской губерніи.

— Вотъ бы и вамъ, папенька, получить...

— Развѣ даютъ?

— Какъ же, всѣмъ заслуженнымъ лицамъ даютъ.

Настя не обѣдала съ Ветлугиными. Обѣдъ прошелъ по обыкновенію быстро и въ молчаніи. Послѣ обѣда Гриша, простившись съ отцомъ, попросилъ позволенія зайти проститься съ Настасьей...

Это опять-таки очень было пріятно старику.

На другой день Гриша уѣхалъ изъ N, получивъ отъ отца, вмѣсто образа, полторы тысячи. Столь щедрымъ подаркомъ Гриша былъ всецѣло обязанъ Настасьѣ. При прощаніи онъ снова, какъ бы вскользь, напомнилъ о землѣ въ Самарской губерніи, разсчитывая, что послѣ смерти отца пожалованное имѣніе достанется сыновьямъ.

Но разсчеты предусмотрительнаго Гриши не оправдались. Дѣйствительно, адмиралъ вскорѣ написалъ въ министерство письмо, въ которомъ просилъ министра ходатайствовать о пожалованіи ему, по примѣру прочихъ, земли, но только въ N-ской губерніи. Когда министръ ему отвѣтилъ, что казенныя земли въ N-ской губерніи раздачѣ не подлежатъ, а что можетъ быть пожалована лишь земля въ Самарской или Уфимской губерніяхъ, адмиралъ отвѣтилъ, что тамъ земли не желаетъ.

— Что, не удалась дипломатическая поѣздка, мой высокопоставленный братецъ?— подсмѣивался потомъ Сережа, встрѣтившись съ братомъ на родственномъ обѣдѣ у одной изъ сестеръ.—Самарская-то землица тю-тю!

XXIV.

Мѣсяца черезъ четыре послѣ посѣщенія Гриши, адмиралъ, проснувшись однажды, почувствовалъ такую слабость, что не взялъ холодной ванны и не пошелъ на прогулку.

Такъ прошла недѣля. Старикъ видимо слабѣлъ, терялъ аппетитъ и цѣлые дни дремалъ. На предложенія экономки послать за докторомъ онъ отвѣчалъ отказомъ.

Наконецъ ужъ онъ не могъ вставать съ постели. Тогда только онъ велѣлъ къ вечеру послать за докторомъ.

Врачъ внимательно обслѣдовалъ старика: слушалъ сердце, выстукивалъ грудь, осматривалъ опухшія ноги и, прописавъ лѣкарство, сказалъ, что зайдетъ на слѣдующее утро.

— Что у меня?—спросилъ адмиралъ.

— Ничего особеннаго... Такъ, общая слабость...

— Говорите прямо. Я не боюсь смерти!—строго промолвилъ старикъ.—Опасенъ?

— Опасны, ваше высокопревосходительство!

Дѣйствительно адмиралъ совсѣмъ осунулся. Черты его землистаго лица заострились, и печать смерти уже лежала на немъ.

Адмиралъ сдѣлалъ движеніе головой въ знакъ благодарности.

Докторъ вышелъ, приказалъ послать за лѣкарствомъ и предупредилъ экономку, что адмиралъ очень плохъ.

Ночью старикъ поминутно просыпался. Не отходившая отъ него Настасья давала ему лѣкарство. Онъ принималъ его неохотно и, когда экономка говорила, что это ему поможетъ, адмиралъ отрицательно шевелилъ головой и отвѣчалъ:

— Глупости!..

Къ утру адмиралъ совсѣмъ ослабѣлъ. Онъ съ большимъ трудомъ могъ повернуться на другой бокъ и сердился, когда Настасья хотѣла помочь ему.

— Не надо. Самъ могу! Оставь!

Въ восемь часовъ утра, выпивъ горячаго кофе, онъ велѣлъ попросить къ себѣ Ѳедора Ивановича, который былъ его душеприказчикомъ, и губернатора.

Когда явился Ѳедоръ Ивановичъ, адмиралъ произнесъ:

— Умирать, братецъ, пора...

— Что вы, ваше высокопревосходительство. Еще поживемъ-съ!

— Вздоръ!—сердито отвѣтилъ старикъ.

Въ это время вошелъ докторъ. Онъ снова выслушалъ адмирала и хотѣлъ-было выстукивать его высохшую желтую грудь, но старикъ, морщась, сказалъ:

— Не надо. Довольно!

Врачъ незамѣтно вызвалъ изъ спальни Ѳедора Ивановича и сказалъ, что старику жить нѣсколько часовъ, не болѣе.

— Какая у него болѣзнь?

— Старость,—отвѣтилъ докторъ.—Сердце почти не работаетъ.

Когда Ѳедоръ Ивановичъ вернулся, адмиралъ сказалъ ему:

— Доктору за два визита пять рублей!

Вскорѣ пріѣхалъ губернаторъ.

— Что это, ваше высокопревосходительство, захворать вздумали?—веселымъ тономъ началъ-было деликатный губернаторъ.

— Умирать-съ вздумалъ, — рѣзко перебилъ адмиралъ. — Прошу извинить, что обезпокоилъ ваше превосходительство...

Онъ сдѣлалъ знакъ экономкѣ, чтобы вышла, и продолжалъ:

— Прошу, ваше превосходительство, переслать вотъ этотъ пакетъ, послѣ моей смерти, морскому министру! — указалъ глазами адмиралъ на большой запечатанный пакетъ, лежавшій на столикѣ, около кровати.—Въ немъ моя записка о флотѣ и собственноручное письмо ко мнѣ Нельсона, когда я служилъ у него на эскадрѣ. И насчетъ пенсіи дочери,— прибавилъ онъ.

Губернаторъ взялъ пакетъ и молча поклонился.

— Все, что послѣ меня останется: деньги, имущество, я завѣщалъ экономкѣ... Ѳедоръ Иванычъ душеприказчикъ. Буду просить, ваше превосходительство, чтобы ее на первыхъ порахъ не обидѣли, чтобы никого въ домъ не пускали... особенно сына Григорія...

Губернаторъ обѣщалъ оказать свое содѣйствіе.

Послѣ минутнаго молчанія, видимо уставшій старикъ снова заговорилъ довольно твердымъ голосомъ:

— Хоронить меня попрошу со всѣми почестями, подобающими полному адмиралу. Впереди должны нести мои флаги: контръ-адмиральскій, вице-адмиральскій и адмиральскій... Они всѣ стоятъ въ залѣ. Затѣмъ ордена... Ѳедоръ Иванычъ знаетъ порядокъ.

— Все будетъ исполнено, ваше высокопревосходительство...

— Гробъ, могила и памятникъ давно готовы.. На похороны деньги отложены... Ѳедоръ Иванычъ! Посмотрите-ка въ правомъ верхнемъ боковомъ ящикѣ въ письменномъ столѣ.

Ѳедоръ Ивановичъ вышелъ въ кабинетъ и скоро вернулся съ конвертомъ, на которомъ крупнымъ стариковскимъ почеркомъ было написано: «На мои похороны».

— Тутъ шестьсотъ рублей... больше не тратить, Ѳедоръ

Иванычъ... Хоронитъ меня пусть приходскій попъ. Архіерея не нужно... Слышите, Ѳедоръ Иванычъ?

— Слушаю, ваше высокопревосходительство!

— Ну, теперь все, кажется... Покорно благодарю, ваше превосходительство, за вниманіе,—проговорилъ адмиралъ, протягивая изъ-подъ одѣяла сморщенную побѣлѣвшую руку.

Губернаторъ дотронулся до холодѣющей уже руки адмирала и, повторивъ обѣщаніе исполнить всѣ его распоряженія, ушелъ, обѣщавъ завтра навѣстить его высокопревосходительство.

Старикъ закрылъ глаза и, казалось, дремалъ.

Тогда въ кабинетъ вошла Настасья, вся взволнованная, со слезами на глазахъ (она слышала весь разговоръ, стоя у дверей) и, приблизившись къ постели, проговорила:

— Голубчикъ-баринъ, не хотите ли причаститься... Богъ здоровья пошлетъ.

Адмиралъ ни слова не отвѣтилъ.

Она повторила просьбу. Адмиралъ недовольно взглянулъ на свою фаворитку потускнѣвшими глазами и снова опустилъ вѣки.

Черезъ четверть часа онъ открылъ глаза и слабѣющимъ голосомъ произнесъ:

— Сегодня на почту придутъ деньги, Ѳедоръ Иванычъ... Жалованье и аренда за треть...

— Точно такъ, ваше высокопревосходительство...

— Нельзя ли оформить, чтобы и это Настенькѣ, а по дѣтямъ?

— Ужъ поздно, ваше высокопревосходительство.

— Жаль... жаль...—коснѣющимъ языкомъ пролепеталъ старикъ.—Такъ пусть одной Аннѣ... Ну, ступайте... Подремлю,—прибавилъ онъ чуть слышно и закрылъ глаза.

Ѳедоръ Иванычъ и Настасья вышли за двери.

Когда черезъ нѣсколько времени они заглянули въ спальню, грозный адмиралъ уже заснулъ навѣки съ спокойно-суровымъ выраженіемъ на лицѣ.

Кукушка въ столовой прокуковала три раза.

НЯНЬКА.

ПОСВЯЩАЕТСЯ
Константину Константиновичу
СТАНЮКОВИЧУ.

I.

Однажды вешнимъ утромъ, когда въ кронштадтскихъ гаваняхъ давно уже кипѣли работы по изготовленію судовъ къ лѣтнему плаванію, въ столовую небольшой квартиры капитана второго ранга Василія Михайловича Лузгина вошелъ денщикъ, исполнявшій обязанности лакея и повара. Звали его Иванъ Кокоринъ.

Обдергивая только-что надѣтый поверхъ форменной матросской рубахи засаленный черный сюртукъ, Иванъ доложилъ своимъ мягкимъ, вкрадчивымъ тенорком:

— Новый денщикъ явился, барыня. Баринъ изъ экипажа прислали.

Барыня, молодая, видная блондинка съ большими сѣрыми глазами, сидѣла за самоваромъ, въ голубомъ капотѣ, въ маленькомъ чепцѣ на головѣ, прикрывавшемъ неубранные, завязанные въ узелъ, свѣтлорусые волосы, и пила кофе. Рядомъ съ ней, на высокомъ стульчикѣ, лѣниво отхлебывалъ молоко, болтая ногами, черноглазый мальчикъ лѣтъ семи или восьми, въ красной рубашкѣ съ золотымъ позументомъ. Сзади стояла, держа грудного ребенка на рукахъ, молодая, худощавая, робкая дѣвушка, босая и въ затасканномъ ситцевомъ платьѣ. Ее всѣ звали Анюткой. Она была единственной крѣпостной Лузгиной, отданной ей въ числѣ приданаго еще подросткомъ.

— Ты, Иванъ, знаешь этого денщика?—спросила барыня, поднимая голову.

— Не знаю, барыня.

— А какъ онъ на видъ?

— Какъ есть грубая матрозня! Безо всякаго обращенія, барыня!—отвѣчалъ Иванъ, презрительно выпячивая свои толстыя, сочныя губы.

Самъ онъ вовсе не походилъ на матроса.

Полнотѣлый, гладкій и румяный, съ рыжеватыми намасленными волосами, съ веснущатымъ, гладко выбритымъ лицомъ человѣка лѣтъ тридцати пяти и съ маленькими, заплывшими глазками, онъ и наружнымъ своимъ видомъ и нѣкоторою развязностью манеръ напоминалъ собою скорѣе дворoваго, привыкшаго жить около господъ.

Онъ съ перваго же года службы попалъ въ денщики и съ тѣхъ поръ постоянно находился на берегу, ни разу не ходивши въ море.

У Лузгиныхъ онъ жилъ въ денщикахъ вотъ уже три года и, несмотря на требовательность барыни, умѣлъ угождать ей.

— А не замѣтно, что онъ пьяница?—снова спросила барыня, не любившая пьяныхъ денщиковъ.

— Не оказываетъ будто по личности, а кто его знаетъ? Да вотъ сами изволите осмотрѣть и допросить денщика, барыня!—прибавилъ Иванъ.

— Ну, пошли его сюда!

Иванъ вышелъ, бросивъ на Анютку быстрый, нѣжный взглядъ.

Анютка сердито повела бровями.

II.

Въ дверяхъ показался коренастый, маленькаго роста, чернявый матросъ съ мѣдною серьгой въ ухѣ. На видъ ему было лѣтъ пятьдесятъ. Застегнутый въ мундиръ, высокій воротникъ котораго рѣзалъ его красно-бурую шею, онъ казался неуклюжимъ и весьма неказистымъ. Переступивъ осторожно черезъ порогъ, матросъ вытянулся, какъ слѣдуетъ, передъ начальствомъ, вытаращилъ на барыню слегка глаза и замеръ въ неподвижной позѣ, держа по швамъ здоровенныя волосатыя руки, жилистыя и черныя отъ впитавшейся смолы.

На правой рукѣ недоставало двухъ пальцевъ.

Этотъ черный, какъ жукъ, матросъ съ грубыми чертами некрасиваго, рябоватаго, съ красной кожей лица, сильно заросшаго черными, какъ смоль, баками и усами, съ густыми взъерошенными бровями, которыя придавали его типичной физіономіи заправскаго марсоваго нѣсколько сердитый видъ,—произвелъ на барыню видимо непріятное впечатлѣніе.

«Точно лучше не могъ найти»,—мысленно произнесла она, досадуя, что мужъ выбралъ такого грубаго мужлана.

Она снова оглядѣла стоявшаго неподвижно матроса и обратила вниманіе и на его слегка изогнутыя ноги съ большими, точно медвѣжьими ступнями, и на отсутствіе двухъ паль-

цевъ, и—главное—на носъ, широкій, мясистый носъ, малиновый цвѣтъ котораго внушалъ ей тревожныя подозрѣнія.

— Здравствуй! — произнесла наконецъ барыня недовольнымъ, сухимъ тономъ, и ея большіе сѣрые глаза стали строги.

— Здравія желаю, вашескобродіе,—гаркнулъ въ отвѣтъ матросъ зычнымъ баскомъ, видимо не сообразивъ размѣра комнаты.

— Не кричи такъ!—строго сказала она и оглянулась, не испугался ли ребенокъ.—Ты, кажется, не на улицѣ, а въ комнатѣ. Говори тише.

— Есть, вашескобродіе, — значительно понижая голосъ, отвѣтилъ матросъ.

— Еще тише. Можешь говорить тише?

— Буду стараться, вашескобродіе!—произнесъ онъ совсѣмъ тихо и сконфуженно, предчувствуя, что барыня будетъ «нудить» его.

— Какъ тебя зовутъ?

— Ѳедосомъ, вашескобродіе.

Барыня поморщилась точно отъ зубной боли. Совсѣмъ неблагозвучное имя!

— А фамилія?

— Чижикъ, вашескобродіе!

— Какъ?—переспросила барыня.

— Чижикъ... Ѳедосъ Чижикъ!

И барыня и мальчуганъ, давно уже оставившій молоко и не спускавшій любопытныхъ и нѣсколько испуганныхъ глазъ съ этого волосатаго матроса, невольно засмѣялись, а Анютка фыркнула въ руку,—до того фамилія эта не подходила къ его наружности.

И на серьезномъ, напряженномъ лицѣ Ѳедоса Чижика появилась необыкновенно добродушная и пріятная улыбка, которая словно бы подтверждала, что и самъ Чижикъ находитъ свое прозвище нѣсколько смѣшнымъ.

Мальчикъ перехватилъ эту улыбку, совсѣмъ преобразившую суровое выраженіе лица матроса. И нахмуренныя его брови, и усы, и баки не смущали больше мальчика. Онъ сразу почувствовалъ, что Чижикъ добрый, и онъ ему теперь рѣшительно нравился. Даже и запахъ смолы, который шелъ отъ него, показался ему особенно пріятнымъ и значительнымъ.

И онъ сказалъ матери:

— Возьми, мама, Чижика.

— Taisez-vous!—замѣтила мать.

И, принимая серьезный видъ, продолжала допросъ:

— У кого ты прежде былъ денщикомъ?

— Вовсе не былъ въ этомъ званіи, вашескобродіе.

— Никогда не былъ денщикомъ?

— Точно такъ, вашескобродіе. По флотской части состоялъ. Форменнымъ, значитъ, матросомъ, вашескобродіе...

— Зови меня просто барыней, а не своимъ дурацкимъ вашескобродіемъ.

— Слушаю, вашеско... виноватъ, барыня!

— И вѣстовымъ никогда не былъ?

— Никакъ нѣтъ.

— Почему же тебя теперь назначили въ денщики?

— По причинѣ пальцевъ! — отвѣчалъ Ѳедосъ, опуская глаза на руку, лишенную большого и указательнаго пальцевъ.—Марса-фаломъ оторвало прошлымъ лѣтомъ на «конвертѣ», на «Копчикѣ»...

— Такъ мужъ тебя знаетъ?

— Три лѣта съ ими на «Копчикѣ» служилъ подъ ихъ командой.

Это извѣстіе, казалось, нѣсколько успокоило барыню. И она уже менѣе сердитымъ тономъ спросила:

— Ты водку пьешь?

— Употребляю, барыня! ——добросовѣстно признался Ѳедосъ.

— И... много ее пьешь?

— Въ плепорцію, барыня.

Барыня недовѣрчиво покачала головой.

— Но отчего же у тебя носъ такой красный, а?

— Съ роду такой, барыня.

— А не отъ водки?

— Не должно быть. Я завсегда въ своемъ видѣ, ежели когда и выпью въ праздникъ.

— Денщику пить нельзя... Совсѣмъ нельзя... Я терпѣть не могу пьяницъ! Слышишь? — внушительно прибавила барыня.

Ѳедосъ повелъ нѣсколько удивленнымъ взглядомъ на барыню и промолвилъ, чтобы подать реплику:

— Слушаю-съ!

— Помни это.

Ѳедосъ дипломатически промолчалъ.

— Мужъ говорилъ, на какую должность тебя берутъ?

— Никакъ нѣтъ. Только приказали явиться къ вамъ.

— Ты будешь ходить вотъ за этимъ маленькимъ барономъ,—указала барыня движеніемъ головы на мальчика.— Будешь при немъ нянькой.

Ѳедосъ ласково взглянулъ на мальчика, а мальчикъ на Ѳедоса, и оба улыбнулись.

Барыня стала перечислять обязанности денщика-няньки. Онъ долженъ будить маленькаго барина въ восемь часовъ и одѣть его; весь день находиться при немъ безотлучно и беречь его, какъ зѣницу ока. Каждый день ходить гулять съ нимъ... Въ свободное время стирать его бѣлье...

— Ты стирать умѣешь?

— Свое бѣлье сами стираемъ!—отвѣчалъ Ѳедосъ и подумалъ, что барыня, должно-быть, не очень башковата, если спрашиваетъ, умѣетъ ли матросъ стирать.

— Подробности всѣхъ твоихъ обязанностей я потомъ объясню, а теперь отвѣчай: понялъ ты, что отъ тебя требуется?

Въ глазахъ матроса скользнула едва замѣтная улыбка. «Не трудно, дескать, понять!»—говорила, казалось, она.

— Понялъ, барыня!—отвѣчалъ Ѳедосъ, нѣсколько удрученный и этимъ торжественнымъ тономъ, какимъ говорила барыня, и этими длинными объясненіями, и окончательно рѣшилъ, что въ барынѣ большого разсудка нѣтъ, коли она такъ зря «языкомъ брешетъ».

— Ну, а дѣтей ты любишь?..

— За что дѣтей не любить, барыня. Извѣстно... дитё. Что съ него взять...

— Иди на кухню теперь и подожди, пока вернется Василій Михайловичъ... Тогда я окончательно рѣшу: оставлю я тебя или нѣтъ.

Находя, что матросу въ мундирѣ слѣдуетъ добросовѣстно исполнить роль понимающаго муштру подчиненнаго, Ѳедосъ, по всѣмъ правиламъ строевой службы, повернулся налѣво кругомъ, вышелъ изъ столовой и прошелъ на дворъ покурить трубочки.

III.

— Ну что, Шура, тебѣ, кажется, понравился этотъ мужланъ?

— Понравился, мама. И ты его возьми.

— Вотъ у папы спросимъ: не пьяница ли онъ?

— Да вѣдь Чижикъ говорилъ тебѣ, что не пьяница.

— Ему вѣрить нельзя.

— Отчего?

— Онъ матросъ... мужикъ. Ему ничего не стоитъ солгать.

— А онъ умѣетъ разсказывать сказки? Онъ будетъ со мной играть?

— Вѣрно умѣетъ и играть долженъ...

— А вотъ Антонъ не умѣлъ и не игралъ со мной.

— Антонъ былъ лѣнтяй, пьяница и грубьянъ.

— За это его и посылали въ экипажъ, мама?

— Да.

— И тамъ сѣкли?

— Да, милый, чтобы его исправить.

— А онъ возвращался изъ экипажа всегда сердитый... И со мной даже говорить не хотѣлъ...

— Оттого, что Антонъ былъ дурной человѣкъ. Его ничѣмъ нельзя было исправить.

— Гдѣ теперь Антонъ?

— Не знаю...

Мальчикъ примолкъ, задумавшись, и наконецъ серьезно проговорилъ:

— А ужъ ты, мама, если меня любишь, не посылай Чижика въ экипажъ, чтобы его тамъ сѣкли, какъ Антона, а то и Чижикъ не будетъ разсказывать мнѣ сказокъ и будетъ браниться, какъ Антонъ...

— Онъ развѣ смѣлъ тебя бранить?

— Подлымъ отродьемъ называлъ... Это, вѣрно, что-нибудь нехорошее...

— Ишь негодяй какой!.. Зачѣмъ же ты, Шура, не сказалъ мнѣ, что онъ тебя такъ называлъ?

— Ты послала бы его въ экипажъ, а мнѣ его жалко...

— Такихъ людей не стоитъ жалѣть... И ты, Шура, не долженъ ничего скрывать отъ матери.

При разговорѣ объ Антонѣ Анютка подавила вздохъ.

Этотъ молодой, кудрявый Антонъ, дерзкій и безшабашный, любившій выпить и тогда хвастливый и задорный, оставилъ въ Анюткѣ самыя пріятныя воспоминанія о тѣхъ двухъ мѣсяцахъ, что онъ пробылъ въ нянькахъ у барчука.

Влюбленная въ молодого денщика, Анютка нерѣдко проливала слезы, когда баринъ, по настоянію барыни, отправлялъ Антона въ экипажъ для наказанія. А это частенько случалось. И до сихъ поръ Анютка съ восторгомъ вспоминаетъ, какъ хорошо онъ игралъ на балалайкѣ и пѣлъ пѣсни. И какіе у него смѣлые глаза! Какъ онъ не спускалъ самой барынѣ, особенно когда выпьетъ! И Анютка втайнѣ страдала, сознавая безнадежность своей любви. Антонъ не обращалъ на нее ни малѣйшаго вниманія и ухаживалъ за сосѣдской горничной.

Куда онъ милѣе этого барынина наушника, противнаго рыжаго Ивана, который преслѣдуетъ ее своими любезностя-

ми... Тоже воображаетъ о себѣ, рыжій дьяволъ! Проходу на кухнѣ не даетъ...

Въ эту минуту ребенокъ, бывшій на рукахъ у Анютки, проснулся и залился плачемъ.

Анютка торопливо заходила по комнатѣ, закачивая ребенка и напѣвая ему пѣсни звонкимъ пріятнымъ голоскомъ.

Ребенокъ не унимался. Анютка пугливо взглядывала на барыню.

— Подай его сюда, Анютка! Совсѣмъ ты не умѣешь нянчить!—раздражительно крикнула молодая женщина, разстегивая бѣлою пухлою рукой воротъ капота.

Очутившись у груди матери, малютка мгновенно затихъ и жадно засосалъ, быстро перебирая губенками и весело глядя передъ собою глазами, полными слезъ.

— Убирай со стола, да смотри, не разбей чего-нибудь.

Анютка бросилась къ столу и стала убирать съ безтолковой торопливостью запуганнаго созданія.

IV.

Въ началѣ перваго часа, когда въ порту зашабашили, изъ военной гавани, гдѣ вооружался «Копчикъ», вернулся домой Василій Михайловичъ Лузгинъ, довольно полный, представительный брюнетъ, лѣтъ сорока, съ небольшимъ брюшкомъ и лысый, въ потертомъ рабочемъ сюртукѣ, усталый и голодный.

Въ моментъ его прихода завтракъ былъ на столѣ.

Морякъ звонко поцѣловалъ жену и сына и выпилъ одну за другой двѣ рюмки водки. Закусивъ селедкой, онъ набросился на бифштексъ съ жадностью сильно проголодавшагося человѣка. Еще бы! Съ пяти часовъ утра, послѣ двухъ стакановъ чая, онъ ничего не ѣлъ.

Утоливъ голодъ, онъ нѣжно взглянулъ на свою молодую, пріодѣтую, пригожую жену и спросилъ:

— Ну что, Марусенька, понравился новый денщикъ?

— Развѣ такой денщикъ можетъ понравиться?

Въ маленькихъ, добродушныхъ, темныхъ глазахъ Василія Михайловича мелькнуло безпокойство.

— Грубый, неотесанный какой-то... Сейчасъ видно, что никогда не служилъ въ домахъ.

— Это точно, но зато, Маруся, онъ надежный человѣкъ. Я его знаю.

— И этотъ подозрительный носъ... Онъ навѣрное пьяница! — настаивала жена.

— Онъ пьетъ чарку-другую, но увѣряю тебя что не пьяница,—осторожно и необыкновенно мягко возразилъ, Лузгинъ.

И, зная хорошо, что Марусенька не любитъ, когда ей противорѣчатъ, считая это кровной обидой, онъ поспѣшилъ прибавить:

— Впрочемъ, какъ хочешь. Если не нравится, я пріищу другого денщика.

— Гдѣ опять искать?.. Шурѣ не съ кѣмъ гулять... Ужъ Богъ съ нимъ... Пусть остается, поживетъ... Я посмотрю, какое это сокровище твой Чижикъ!

— Фамилія у него дѣйствительно смѣшная!—проговорилъ, смѣясь, Лузгинъ.

— И имя самое мужицкое... Ѳедосъ!

— Что-жъ, можно его иначе звать, какъ тебѣ угодно... Ты, право, Маруся, не раскаешься... Онъ честный и добросовѣстный человѣкъ... Какой форъ-марсовый былъ!.. Но если ты не хочешь—отошлемъ Чижика... Твоя княжая воля...

Марья Ивановна и безъ увѣреній мужа знала, что влюбленный въ нее простодушный и простоватый Василій Михайловичъ дѣлалъ все, что только она хотѣла, и былъ покорнѣйшимъ ея рабомъ, ни разу въ теченіе десятилѣтняго супружества и не помышлявшимъ о сверженіи ига своей красивой жены.

Тѣмъ не менѣе она нашла нужнымъ сказать:

— Хотъ мнѣ и не нравится этотъ Чижикъ, но я оставлю его, такъ какъ ты этого хочешь.

— Но, Марусенька... Зачѣмъ?.. Если ты не хочешь.

— Я его беру!—властно произнесла Марья Ивановна.

Василію Михайловичу оставалось только благодарно взглянуть на Марусеньку, оказавшую такое вниманіе къ его желанію. И Шурка былъ очень доволенъ, что Чижикъ будетъ его нянькой.

Новаго денщика опять позвали въ столовую. Онъ снова вытянулся у порога и безъ особенной радости выслушалъ объявленіе Марьи Ивановны, что она его оставляетъ.

Завтра же утромъ онъ переберется къ нимъ со своими вещами. Помѣстится вмѣстѣ съ поваромъ.

— А сегодня въ баню сходи... Отмой свои черныя руки,— прибавила молодая женщина, не безъ брезгливости взглядывая на просмоленныя шершавыя руки матроса.

— Осмѣлюсь доложить, вразъ не отмоешь... Смола!—пояснилъ Ѳедосъ и, какъ бы въ подтвержденіе справедливости этихъ словъ, перевелъ взглядъ на бывшаго своего командира.

«Дескать, объясни ей, коли она ничего не понимаетъ!»

— Со временемъ смола выйдетъ, Маруся... Онъ постарается ее вывести...

— Такъ точно, вашескобродіе.

— И не кричи ты такъ, Ѳеодосій... Ужъ я тебѣ нѣсколько разъ говорила...

— Слышишь, Чижикъ... Не кричи!—подтвердилъ Василій Михайловичъ.

— Слушаю, вашескобродіе...

— Да смотри, Чижикъ, служи въ денщикахъ такъ же хорошо, какъ служилъ на корветѣ. Береги сына.

— Есть, вашескобродіе!

— И водки въ ротъ не бери!—замѣтила барыня...

— Да, братецъ, остерегайся,—нерѣшительно поддакнулъ Василій Михайловичъ, чувствуя въ то же время фальшь и тщету своихъ словъ и увѣренный, что Чижикъ при случаѣ выпьетъ въ мѣру.

— Да вотъ еще что, Ѳеодосій... Слышишь, я тебя буду звать Ѳеодосіемъ...

— Какъ вгодно, барыня.

— Ты разныхъ тамъ мерзкихъ словъ не говори, особенно при ребенкѣ. И если на улицѣ матросы ругаются, уводи барина.

— То-то, не ругайся, Чижикъ. Помни, что ты не на бакѣ, а въ комнатахъ!

— Не извольте сумлѣваться, вашескобродіе.

— И во всемъ слушайся барыни. Что она прикажетъ, то и исполняй. Не противорѣчь...

— Слушаю, вашескобродіе...

— Боже тебя сохрани, Чижикъ, осмѣлиться нагрубить барынѣ. За малѣйшую грубость я велю тебѣ шкуру спустить! — строго и рѣшительно сказалъ Василій Михайловичъ.—Понялъ?

— Понялъ, вашескобродіе.

Наступило молчаніе.

«Слава Богу, конецъ!»—подумалъ Чижикъ.

— Онъ больше тебѣ не нуженъ, Марусенька?

— Нѣтъ.

— Можешь идти, Чижикъ... Скажи фельдфебелю, что я взялъ тебя!—проговорилъ Василій Михайловичъ добродушнымъ тономъ, словно бы минуту тому назадъ и не грозилъ «спустить шкуру».

Чижикъ вышелъ словно изъ бани и, признаться, былъ сильно озадаченъ поведеніемъ бывшаго своего командира.

Еще бы!

На корветѣ онъ казался орелъ-орломъ, особенно когда стоялъ на мостикѣ во время авраловъ или управлялся въ

свѣжую погоду, а здѣсь вотъ, при женѣ, совсѣмъ другой, «въ родѣ бытто послушливаго теленка». И опять же: на службѣ онъ былъ съ матросомъ «доберъ», дралъ рѣдко и съ разсудкомъ, а не зря, и этотъ же самый командиръ изъ-за своей «бѣлобрысой» шкуру грозитъ спустить.

«Эта заноза-баба всѣмъ здѣсь командуетъ!»—подумалъ Чижикъ не безъ нѣкотораго презрительнаго сожалѣнія къ бывшему своему командиру.

«Ей, значитъ, трафь»,—мысленно проговорилъ онъ.

— Къ намъ перебираетесь, землякъ?—остановилъ его на кухнѣ Иванъ.

— То-то къ вамъ,—довольно сухо отвѣчалъ Чижикъ, вообще не любившій денщиковъ и вѣстовыхъ и считавшій ихъ, по сравненію съ настоящими матросами, лодырями.

— Мѣста, небось, хватитъ... У насъ помѣщеніе просторное... Не прикажете ли цыгарку?..

— Спасибо, братецъ. Я—трубку... Пока-что до свиданія.

Дорогой въ экипажъ, Чижикъ размышлялъ о томъ, что въ денщикахъ, да еще съ такой «занозой», какъ Лузгиниха, будетъ «нудно». Да и вообще жить при господахъ ему не нравилось.

И онъ пожалѣлъ, что ему оторвало марса-фаломъ пальцы. Не лишись онъ пальцевъ, былъ бы онъ попрежнему форменнымъ матросомъ до самой отставки.

— А то: «водки въ ротъ не бери!» Скажи, пожалуйста, что выдумала бабья дурья башка!—вслухъ проговорилъ Чижикъ, подходя къ казармамъ.

V.

Къ восьми часамъ слѣдующаго утра Ѳедосъ перебрался къ Лузгинымъ со своими пожитками—небольшимъ сундучкомъ, тюфякомъ, подушкой въ чистой наволочкѣ розоваго ситца, недавно подаренной кумой-боцманшей, и балалайкой. Сложивъ все это въ уголъ кухни, онъ снялъ съ себя стѣсняющій его мундиръ и, облачившись въ матросскую рубаху и надѣвши башмаки, явился къ барынѣ, готовый вступить въ свои новыя обязанности няньки.

Въ свободно сидѣвшей на немъ рубахѣ, съ широкимъ отложнымъ воротомъ, открывавшимъ крѣпкую жилистую шею, и въ просторныхъ штанахъ Ѳедосъ имѣлъ совсѣмъ другой—непринужденный и даже не лишенный нѣкоторой своеобразной пріятности—видъ лихого, бывалаго матроса, сумѣющаго найтись при всякихъ обстоятельствахъ. Все на немъ сидѣло ловко и производило впечатлѣніе опрятности. И пахло отъ

него, по мнѣнію Шурки, какъ-то особенно пріятно: смолой и махоркой.

Барыня, внимательно оглядѣвшая и Ѳедоса и его костюмъ, нашла, что новый денщикъ ничего-себѣ, не такъ уже безобразенъ и мужиковатъ, какъ казался вчера. И выраженіе лица не такое суровое.

Только его темныя руки все еще смущали госпожу Лузгину, и она спросила, кидая брезгливый взглядъ на руки матроса:

— Ты въ банѣ былъ?

— Точно такъ, барыня.—И, словно бы оправдываясь, прибавилъ:—Сразу смолы не отмыть. Никакъ невозможно.

— Ты все-таки чаще руки мой. Держи ихъ чисто.

— Слушаю-съ.

Затѣмъ молодая женщина, опустивъ глаза на парусинные башмаки Ѳедоса, замѣтила строгимъ тономъ:

— Смотри... Не вздумай еще босымъ показываться въ комнатахъ. Здѣсь не палуба и не матросы...

— Есть, барыня.

— Ну, ступай, напейся чаю... Вотъ тебѣ кусокъ сахара.

— Покорно благодарю! — отвѣчалъ матросъ, осторожно принимая кусокъ, чтобы не коснуться своими пальцами бѣлыхъ пальцевъ барыни.

— Да долго не сиди на кухнѣ. Приходи къ Александру Васильевичу.

— Приходи поскорѣй, Чижикъ!—попросилъ и Шурка.

— Живо обернусь, Лександра Васильичъ!

Съ перваго же дня Ѳедосъ вступилъ съ Шуркой въ самыя пріятельскія отношенія.

Первымъ дѣломъ Шурка повелъ Ѳедоса въ дѣтскую и сталъ показывать свои многочисленныя игрушки. Нѣкоторыя изъ нихъ возбудили удивленіе въ матросѣ, и онъ разсматривалъ ихъ съ любопытствомъ, чѣмъ доставилъ мальчику большое удовольствіе. Сломанную мельницу и испорченный пароходъ Ѳедосъ обѣщалъ починить—будутъ дѣйствовать.

— Ну? — недовѣрчиво спросилъ Шурка. — Ты развѣ сумѣешь?

— То-то попробую.

— Ты и сказки умѣешь, Чижикъ?

— И сказки умѣю.

— И будешь мнѣ разсказывать?

— Отчего-жъ не разсказать? По времени можно и сказку.

— А я тебя, Чижикъ, за то любить буду...

Вмѣсто отвѣта, матросъ ласково погладилъ голову маль-

чика шершавой рукой, улыбаясь при этомъ необыкновенно мягко и ясно своими глазами изъ-подъ нависшихъ взъерошенныхъ бровей.

Такая фамильярность не только не была непріятна Шуркѣ, который слышалъ отъ матери, что не слѣдуетъ допускать какой-нибудь короткости съ прислугой, но, напротивъ, еще болѣе расположила его къ Ѳедосу.

И онъ проговорилъ, понижая голосъ:

— И знаешь что̀, Чижикъ?

— Что̀, барчукъ?..

— Я никогда не стану на тебя жаловаться мамѣ...

— Зачѣмъ жаловаться?.. Не бойсь, я не забижу ничѣмъ маленькаго барчука... Дитё забижать не годится. Это самый большой грѣхъ... Звѣрь и тотъ не забиждаетъ щенятъ... Ну, а ежели, случаемъ, промежъ насъ и выйдетъ свара какая, — продолжалъ Ѳедосъ, добродушно улыбаясь: — мы и сами разберемся безъ маменьки... Такъ-то лучше, барчукъ... А то что̀ кляузы заводить зря?.. Нехорошее это дѣло, братецъ ты мой, кляузы... Самое послѣднее дѣло!—прибавилъ матросъ, свято исповѣдывавшій матросскія традиціи, воспрещающія кляузы.

Шурка согласился, что это нехорошее дѣло, — онъ и отъ Антона и отъ Анютки это слышалъ не разъ,—и поспѣшилъ объяснить, что онъ даже и на Антона не жаловался, когда тотъ назвалъ его «подлымъ отродьемъ», чтобъ его не отправляли сѣчь въ экипажъ...

— И безъ того его часто посылали... Онъ мамѣ грубилъ! И пьяный бывалъ!—прибавилъ мальчикъ конфиденціальнымъ тономъ...

— Вотъ это правильно, барчукъ... Совсѣмъ правильно!— почти нѣжно проговорилъ Ѳедосъ и одобрительно потрепалъ Шурку по плечу. — Сердце-то дѣтское умудрило пожалѣть человѣка... Положимъ, этотъ Антонъ, прямо сказать, виноватъ... Развѣ можно на дитѣ вымещать сердце?.. Дуракъ онъ во всей формѣ! А вы-то дуракову вину оставили безо вниманія, даромъ что глупаго возраста... Молодца, барчукъ!

Шурка былъ видимо польщенъ одобреніемъ Чижика, хотя оно и шло вразрѣзъ съ приказаніемъ матери не скрывать отъ нея ничего.

А Ѳедосъ осторожно присѣлъ на сундукъ и продолжалъ:

— Скажи вы тогда маменькѣ про эти самыя Антоновы слова, отодрали бы его, какъ сидорову козу... Сдѣлайте ваше одолженіе!

— А это что̀ значитъ?.. Какая такая коза, Чижикъ?..

— Скверная, барчукъ, коза,—усмѣхнулся Чижикъ.—Это такъ говорится, ежели, значитъ, очень долго сѣкутъ матроса... Въ родѣ какъ до безчувствія...

— А тебя сѣкли, какъ сидорову козу, Чижикъ?..

— Меня-то?.. Случалось прежде... Всяко бывало...

— И очень больно?

— Небось, несладко...

— А за что?..

— За флотскую часть... вотъ за что... Особенно не разбирали...

Шурка помолчалъ и, видимо желая подѣлиться съ Чижикомъ кое-чѣмъ небезынтереснымъ, наконецъ проговорилъ нѣсколько таинственно и серьезно:

— И меня сѣкли, Чижикъ.

— Ишь ты, бѣдный... Такого маленькаго?..

— Мама сѣкла... И тоже было больно...

— За что-жъ васъ-то?..

— Разъ за чашку мамину... я ее разбилъ, а другой разъ, Чижикъ, я мамы не слушалъ... Только ты, Чижикъ, никому не говори...

— Не бойся, милой, никому не скажу...

— Папа, тотъ ни разу не сѣкъ.

— И любезное дѣло... Зачѣмъ сѣчь?

— А вотъ Петю Голдобина, — знаешь адмирала Голдобина?—такъ того все только папа его наказываетъ... И часто...

Ѳедосъ неодобрительно покачалъ головой. Недаромъ и матросы не любили этого Голдобина. Форменная собака!

— А на «Копчикѣ» папа наказываетъ матросовъ?

— Безъ эстаго нельзя, барчукъ.

— И сѣчетъ?

— Случается. Однако папенька вашъ доберъ... Его матросы любятъ...

— Еще бы... Онъ очень добрый!.. А хорошо теперь погулять бы на дворѣ, Чижикъ!—воскликнулъ мальчикъ, круто мѣняя разговоръ и взглядывая прищуренными глазами въ окно, изъ котораго лились снопы свѣта, заливая блескомъ комнату.

— Что-жъ, погуляемъ... Солнышко такъ и играетъ. Веселитъ душу-то.

— Только надо маму спроситъ...

— Знамо надо отпроситься... Безъ начальства и насъ не пускаютъ!

— Вѣрно пуститъ?

— Надо быть, пуститъ!

Шурка убѣжалъ и, вернувшись черезъ минуту, весело воскликнулъ:

— Мама пустила! Только велѣла теплое пальто надѣть и потомъ ей показаться. Одѣнь меня, Чижикъ!.. Вонъ пальто виситъ... Тамъ и шапка и шарфъ на шею...

— Ну-жъ и одежи на васъ, барчукъ... Ровно въ морозъ!—усмѣхнулся Ѳедосъ, одѣвая мальчика...

— И я говорю, что жарко...

— То-то жарко будетъ...

— Мама не позволяетъ другого пальто... Ужъ я просилъ... Ну, идемъ къ мамѣ!

Марья Ивановна осмотрѣла Шурку и, обращаясь къ Ѳедосу, проговорила:

— Смотри, береги барина... Чтобъ не упалъ да не ушибся!

«Какъ доглядишь! И что за бѣда, коли мальчонка упадетъ!»—подумалъ Ѳедосъ, совсѣмъ не одобрявшій барыню за ея праздныя слова, и официально-почтительно отвѣтилъ:

— Слушаю-съ!

— Ну, идите...

Оба довольные, они ушли изъ спальной, сопровождаемые завистливымъ взглядомъ Анютки, няньчившей ребенка.

— Одинъ секундъ обождите меня въ колидорѣ, барчукъ... Я только переобуюсь.

Ѳедосъ сбѣгалъ въ комнату за кухней, переобулся въ сапоги, взялъ буршлатъ и фуражку, и они вышли на большой дворъ, въ глубинѣ котораго былъ садъ съ зеленѣющими почками на оголенныхъ деревьяхъ.

VI.

На дворѣ было славно.

Вешнее солнышко привѣтливо глядѣло съ голубого неба, по которому двигались перистыя, бѣлоснѣжныя облачки, и пригрѣвало изрядно. Въ воздухѣ, полномъ бодрящей остроты, пахло свѣжестью, навозомъ и, благодаря сосѣдству казармъ, кислыми щами и чернымъ хлѣбомъ. Вода капала съ крышъ, блестѣла въ колдобинкахъ и пробивала канавки на обнажённой, испускавшей паръ землѣ съ едва пробившейся травкой. Все на дворѣ словно трепетало жизнью.

У сарая бродили, весело кудахтая, куры, и неугомонный пестрый пѣтухъ съ важнымъ дѣловымъ видомъ шагалъ по двору, отыскивая зеренъ и угощая ими своихъ подругъ. У колдобинъ гоготали утки. Стайка воробьевъ то и дѣло сле-

тала изъ сада на дворъ и прыгала, чирикая и ссорясь другъ съ другомъ. Голуби разгуливали по крышѣ сарая, расправляли на солнцѣ сизыя перья и ворковали о чемъ-то. На самомъ припекѣ, у водовозной бочки, дремала большая рыжая дворняга и по временамъ щелкала зубами, ловя блохъ.

— Прелѣсть, Чижикъ! — воскликнулъ полный радости жизни Шурка и, словно пущенный на волю жеребенокъ, бросился со всѣхъ ногъ черезъ дворъ къ сараю, вспугивая воробьевъ и куръ, которыя удирали во всѣ лопатки и отчаяннымъ кудахтаньемъ заставили пѣтуха остановиться и въ недоумѣніи поднять ногу.

— То-то хорошо! — промолвилъ матросъ.

И онъ присѣлъ на опрокинутомъ боченкѣ у сарая, вынулъ изъ кармана маленькую трубчонку и кисетъ съ табакомъ, набилъ трубочку, придавилъ мелкую махорку корявымъ большимъ пальцемъ и, закуривъ, затянулся съ видимымъ наслажденіемъ, оглядывая весь дворъ—и куръ, и утокъ, и собаку, и травку, и ручейки—тѣмъ проникновеннымъ, любовнымъ взглядомъ, какимъ могутъ только смотрѣть люди, любящіе и природу и животныхъ.

— Осторожнѣй, барчукъ!.. Не попадите въ ямку... Ишь воды-то... Уткѣ и лестно...

Шуркѣ скоро надоѣло бѣгать, и онъ присѣлъ къ Ѳедосу. Мальчика словно тянуло къ нему.

Они почти цѣлый день пробыли на дворѣ,—только ходили завтракать да обѣдать въ домъ, и въ эти часы Ѳедосъ обнаружилъ такое обиліе знаній, умѣлъ такъ все объяснить и насчетъ куръ, и насчетъ утокъ, и насчетъ барашковъ на небѣ, что Шурка рѣшительно пришелъ въ восторженное удивленіе и проникся какимъ-то благоговѣйнымъ уваженіемъ къ такому богатству свѣдѣній своего пѣстуна и только удивлялся, откуда это Чижикъ все знаетъ.

Словно бы цѣлый новый міръ открывался мальчику на этомъ дворѣ, и онъ впервые обратилъ вниманіе на все, что на немъ было и что оказывалось столь интереснымъ. И онъ въ восторгѣ слушалъ Чижика, который, разсказывая про животныхъ или про травку, казалось, самъ былъ и животнымъ и травой, до того онъ, такъ сказать, весь проникался ихъ жизнью...

Поводъ къ такому разговору подала шалость Шурки. Онъ запустилъ камнемъ въ утку и подшибъ ее... Та съ громкимъ гоготомъ отскочила въ сторону...

— Неправильно это, Лександра Васильичъ!—проговорилъ Ѳедосъ, покачивая головой и хмуря нависшія свои брови.—

Не-хо-ро-шо, братецъ ты мой!—протянулъ онъ съ ласковымъ укоромъ въ голосѣ.

Шурка вспыхнулъ и не зналъ, обидѣться ему или нѣтъ, и, сдѣлавъ видъ, что не слышитъ замѣчанія Ѳедоса, съ искусственно-беззаботнымъ видомъ сталъ ссыпать ногой землю въ канавку.

— За что безотвѣтную утицу обидѣли!.. Вонъ она, бѣдная, хромлетъ и думаетъ: «за что меня мальчикъ зря зашибъ?..» И она пошла къ своему селезню жаловаться.

Шуркѣ было неловко — онъ понималъ, что поступилъ нехорошо—и въ то же время его заинтересовало, что Чижикъ говоритъ, будто утки думаютъ и могутъ жаловаться.

И онъ, какъ всѣ самолюбивыя дѣти, не любящія сознаваться предъ другими въ своей винѣ, подошелъ къ матросу и, не отвѣчая по существу, заносчиво проговорилъ:

— Какую ты дичь несешь, Чижикъ! Развѣ утки могутъ думать и еще жаловаться?

— А вы полагаете какъ?.. Небось, всякая тварь понимаетъ и свою думу думаетъ... И промежъ себя разговариваетъ по-своему... Гляди-ко-сь, какъ воробушекъ-то зачиликалъ? — указалъ Ѳедосъ тихимъ движеніемъ головы на воробья, слетѣвшаго изъ сада.—Ты думаешь, онъ спроста, шельмецъ: «чиликъ, да чиликъ!» Вовсе нѣтъ! Онъ, братецъ ты мой, отыскалъ корму и сзываетъ товарищей. «Летите, молъ, братцы, кантовать вмѣстѣ! Вали-валомъ, ребята!» Тоже воробей, а небось понимаетъ, что одному ѣсть харчъ негодится... Я, молъ, ѣмъ, и ты ѣшь, а не то что потихоньку отъ другихъ...

Шурка присѣлъ рядомъ на боченкѣ, видимо заинтересованный.

А матросъ продолжалъ:

— Вотъ хоть бы взять собаку... Лайку эту самую... Нешто она не понимаетъ, какъ сегодня въ обѣдъ Иванъ ее кипяткомъ ошпарилъ отъ своего озорства?.. Тоже нашелъ надъ кѣмъ куражиться! Надъ собакой, лодырь безстыжій!— съ сердцемъ говорилъ Ѳедосъ...—Небось, теперь эта самая Лайка къ кухнѣ не подойдетъ... И подальше отъ кухни-то... Знаетъ, какъ тамъ ее встрѣтятъ... Къ намъ вотъ не боится!

И съ этими словами Ѳедосъ подозвалъ лохматую, далеко не казистую собаку съ умной мордой и, погладивъ ее, проговорилъ:

— Что, братъ, попало отъ дурака-то?.. Покажи-ка спину!..

Лайка лизнула руку матроса.

Матросъ осторожно осмотрѣлъ ея спину.

— Ну, Лаечка, не очень-то тебя ошпарили... Ты больше отъ досады, значитъ, визжала... Не бойся... Ужъ теперь я тебя въ обиду не дамъ...

Собака опять лизнула руку и весело замахала хвостомъ.

— Вонъ и она чувствуетъ ласку... Смотрите, барчукъ... Да что собака... Всякая насѣкомая и та понимаетъ, да сказать только не можетъ... Травка и та словно пискнетъ, какъ ты ее придавишь...

Много еще говорилъ словоохотливый Ѳедосъ, и Шурка былъ совсѣмъ очарованъ. Но воспоминаніе объ уткѣ смущало его, и онъ безпокойно проговорилъ:

— А не пойдемъ ли, Чижикъ, посмотрѣть утку... Не сломана ли у нея нога?

— Нѣтъ, видно, ничего... Вонъ она переваливается... Небось, безъ фершела поправилась? — засмѣялся Ѳедосъ и, понявши, что мальчику стыдно, погладилъ его по головѣ и прибавилъ:—Она, братецъ ты мой, ужъ не сердится... Простила... А завтра мы ей хлѣба принесемъ, если насъ гулять пустятъ...

Шурка уже былъ влюбленъ въ Ѳедоса. И нерѣдко потомъ въ дни своего отрочества и юношества, имѣя дѣло съ педагогами, вспоминалъ о своемъ денщикѣ-нянькѣ и находилъ, что никто изъ нихъ не могъ сравниться съ Чижикомъ.

Въ девятомъ часу вечера Ѳедосъ уложилъ Шурку спать и сталъ разсказывать ему сказку. Но сонный мальчикъ не дослушалъ ея и, засыпая, проговорилъ:

— А я не буду обижать утокъ... Прощай, Чижикъ!.. Я тебя люблю!

Въ тотъ же вечеръ Ѳедосъ сталъ устраивать себѣ уголокъ въ комнатѣ, рядомъ съ кухней.

Снявши съ себя платье и оставшись въ исподнихъ и въ ситцевой рубахѣ, онъ открылъ свой сундучокъ, внутренняя доска котораго была оклеена разными лубочными картинками и этикетами съ помадныхъ банокъ, — тогда олеографій и иллюстрированныхъ изданій еще не было, — и первымъ дѣломъ досталъ изъ сундучка маленькій потемнѣвшій образокъ Николая Чудотворца и, перекрестившись, повѣсилъ къ изголовью. Затѣмъ повѣсилъ зеркальце и полотенце и, положивъ на козлы, замѣнявшія кровать, свой блинчатый тюфячокъ, постлалъ его простыней и накрылъ ситцевымъ одѣяломъ.

Когда все было готово, онъ удовлетворенно оглядѣлъ свой новый уголокъ и, разувшись, сѣлъ на кровать и закурилъ трубку.

Въ кухнѣ еще возился Иванъ, только-что убравшій самоваръ.

Онъ заглянулъ въ комнатку и спросилъ:

— А ужинать развѣ не будете, Ѳедосъ Никитичъ?

— Нѣтъ, не хочу...

— И Анютка не хочетъ... Видно, придется одному ужинать... А то чаю не угодно ли? У меня сахаръ завсегда водится!—проговорилъ, какъ-то плутовато подмигивая глазомъ, Иванъ.

— Спасибо на чаѣ... Не стану...

— Что-жъ, какъ угодно!—какъ будто обижаясь, сказалъ Иванъ, уходя.

Не нравился ему новый сожитель, очень не нравился. Въ свою очередь и Иванъ не пришелся по вкусу Ѳедосу. Ѳедосъ не любилъ вообще «вѣстовщину» и денщиковъ, а этого плутоватаго и нахальнаго повара въ особенности. Особенно ему не понравились разныя двусмысленныя шуточки, которыя онъ отпускалъ за обѣдомъ Анюткѣ, и Ѳедосъ сидѣлъ молча и только сурово хмурилъ брови. Иванъ тотчасъ же понялъ, отчего «матрозня» сердится, и примолкъ, стараясь поразить его своимъ «высшимъ обращеніемъ» и хвастливыми разговорами о томъ, какъ имъ довольны и какъ его цѣнятъ и барыня и баринъ.

Но Ѳедосъ отмалчивался и рѣшилъ про себя, что Иванъ совсѣмъ «пустой человѣкъ». А за Лайку назвалъ его такипрямо «безсовѣстнымъ» и прибавилъ:

— Тебя бы такъ ошпарить. А еще считаешься матросомъ!

Иванъ отшутился, но затаилъ въ своемъ сердцѣ злобу на Ѳедоса, тѣмъ болѣе, что его осрамили при Анюткѣ, которая видимо сочувствовала словамъ Ѳедоса.

— Однако и спать ложиться!—проговорилъ вслухъ Ѳедосъ, докуривъ трубку.

Онъ всталъ, торжественно громко произнесъ «Отче нашъ» и, перекрестившись, легъ въ постель. Но заснуть еще долго не могъ, и въ головѣ его бродили мысли о прошлой пятнадцатилѣтней службѣ и о новомъ своемъ положеніи.

«Мальчонка добрый, а какъ съ этими уживусь—съ «бѣлобрысой», да съ «лодыремъ»?—задавалъ онъ себѣ вопросъ. Въ концѣ концовъ онъ рѣшилъ, что какъ Богъ дастъ, и наконецъ заснулъ, вполнѣ успокоенный этимъ рѣшеніемъ.

VII.

Ѳедосъ Чижикъ, какъ и бо́льшая часть матросовъ того времени, когда крѣпостное право еще доживало свои по-

слѣдніе годы, и во флотѣ, какъ и вездѣ, царила безпощадная суровость и даже жестокость въ обращеніи съ простыми людьми,—былъ, разумѣется, большимъ философомъ-фаталистомъ.

Все благополучіе своей жизни, преимущественно заключавшееся въ охраненіи своего тѣла отъ побоевъ и линьковъ, а лица отъ серьезныхъ поврежденій, — за легкими онъ не гнался и считалъ ихъ относительнымъ благополучіемъ, — Ѳедосъ основывалъ не на одномъ только добросовѣстномъ исполненіи своего труднаго матросскаго дѣла и на хорошемъ поведеніи, согласно предъявляемымъ требованіямъ, а главнѣйшимъ образомъ на томъ, «какъ Богъ дастъ».

Эта, не лишенная нѣкоторой трогательности и присущая лишь русскимъ простолюдинамъ, исключительная надежда на одного только Господа Бога разрѣшала всѣ вопросы и сомнѣнія Ѳедоса относительно его настоящей и будущей судьбы и служила едва ли не единственной поддержкой, чтобы, какъ выражался Чижикъ, «не впасть въ отчаянность и не попробовать арестантскихъ ротъ».

И, благодаря такой надеждѣ, онъ оставался все тѣмъ же исправнымъ матросомъ и стоикомъ, отводящимъ свою возмущенную людскою неправдой душу лишь крѣпкою бранью и тогда, когда даже воистину христіанское терпѣніе русскаго матроса подвергалось жестокому испытанію.

Съ тѣхъ поръ, какъ Ѳедосъ Чижикъ, оторванный отъ сохи, былъ сданъ, благодаря капризу старухи-помѣщицы, въ рекруты и, никогда не видавшій моря, попалъ, единственно изъ-за своего малаго роста, во флотъ,—жизнь Ѳедоса представляла собою довольно пеструю картину переходовъ отъ благополучія къ неблагополучію, отъ неблагополучія къ той, едва даже понятной теперь, невыносимой жизни, которую матросы характерно называли «каторгой», и обратно—отъ «каторги» къ благополучію.

Если, «давалъ Богъ», командиръ, старшій офицеръ и вахтенные начальники попадались по тѣмъ суровымъ временамъ не особенно бѣшеные и дрались и пороли, какъ выражался Ѳедосъ, «не зря и съ разсудкомъ», то и Ѳедосъ, какъ одинъ изъ лучшихъ марсовыхъ, чувствовалъ себя спокойнымъ и довольнымъ, не боялся сюрпризовъ въ видѣ линьковъ, и природное его добродушіе и нѣкоторый юморъ дѣлали его однимъ изъ самыхъ веселыхъ разсказчиковъ на бакѣ.

Если же «Богъ давалъ» командира или старшаго офицера, что̀ называется на матросскомъ жаргонѣ, «форменнаго арестанта», который за опозданіе на нѣсколько секундъ при

постановкѣ или при уборкѣ парусовъ приказывалъ «спустить шкуры» всѣмъ марсовымъ, то Ѳедосъ терялъ веселость, дѣлался угрюмъ и послѣ того, какъ его драли какъ сидорову козу, случалось, нерѣдко загуливалъ на берегу. Однако все-таки находилъ возможнымъ утѣшать падавшихъ духомъ молодыхъ матросовъ и съ какою-то странною увѣренностью для человѣка, спина котораго сплошь покрыта синими рубцами съ кровавыми подтеками,—говорилъ:

— Богъ дастъ, братцы, нашего арестанта переведутъ куда... Замѣсто его не такой дьяволъ поступитъ... Отдышимся... Не все же терпѣть-то

И матросы вѣрили,—имъ такъ хотѣлось вѣрить,—что «Богъ дастъ» уберутъ куда-нибудь «арестанта».

И терпѣть, казалось, было легче.

Ѳедосъ Чижикъ пользовался большимъ авторитетомъ и въ своей ротѣ и на судахъ, на которыхъ плавалъ, какъ человѣкъ «правильный», вдобавокъ «съ умомъ» и лихой марсовой, не разъ доказавшій и знаніе дѣла и отвагу. Его уважали и любили за его честность, добрый характеръ и скромность. Особенно расположены къ нему были молодые, безотвѣтные матросики. Ѳедосъ такихъ всегда бралъ подъ свою защиту, оберегая ихъ отъ боцмановъ и унтеръ-офицеровъ, когда они слишкомъ куражились и звѣрствовали.

Достойно замѣчанія, что въ дѣлѣ исправленія такихъ боцмановъ Ѳедосъ нѣсколько отступалъ отъ своего фатализма, возлагая надежды не на одно только «какъ Богъ дастъ», но и на силу человѣческаго воздѣйствія, и даже главнымъ образомъ на послѣднее.

По крайней мѣрѣ, когда увѣщательное слово Ѳедоса, сказанное съ глазу на глазъ какому-нибудь неумѣренному «мордобою»-боцману, слово, полное убѣдительной страстности «пожалѣть людей»,—не производило надлежащаго впечатлѣнія, и боцманъ продолжалъ попрежнему драться «безо всякаго разсудка»,—Ѳедосъ обыкновенно прибѣгалъ къ предостереженію и говорилъ:

— Ой, не зазнавайся, боцманъ, что̀ вошь въ коростѣ! Богъ гордыхъ не любитъ. Смотри, какъ бы тебя, братецъ ты мой, не проучили... Самъ, небось, знаешь, какъ вашего брата проучиваютъ!

Если къ такому предостереженію боцманъ оставался глухъ, Ѳедосъ покачивалъ раздумчиво головой и строго хмурилъ брови, видимо принимая какое-то рѣшеніе.

Несмотря на свою доброту, онъ однако во имя долга и охраненія неписаннаго, обычнаго матросскаго права, собиралъ

нѣсколько достойныхъ довѣрія матросовъ на тайное совѣщаніе о поступкахъ боцмана-звѣря, и на этомъ матросскомъ судѣ Линча обыкновенно постановлялось рѣшеніе: «проучить боцмана», что̀ и приводилось въ исполненіе при первомъ же съѣздѣ на берегъ.

Боцмана избивали гдѣ-нибудь въ переулкѣ Кронштадта или Ревеля до полусмерти и доставляли на корабль. Обыкновенно боцманъ того времени и не думалъ жаловаться на виновниковъ, объяснялъ начальству, что въ пьяномъ видѣ имѣлъ дѣло съ матросами съ иностранныхъ купеческихъ кораблей, и послѣ такой серьезной «выучки» уже дрался съ «большимъ разсудкомъ», продолжая, конечно, ругаться съ прежнимъ мастерствомъ, за что, впрочемъ, никто не былъ въ претензіи.

И Ѳедосъ въ такихъ случаяхъ нерѣдко говорилъ съ обычнымъ добродушіемъ:

— Какъ выучили, такъ и человѣкомъ сталъ. Боцманъ какъ боцманъ...

Самъ Ѳедосъ не желалъ быть «начальствомъ» — совсѣмъ это не подходило къ его характеру — и онъ рѣшительно просилъ не производить его въ унтеръ-офицеры, когда одинъ изъ старшихъ офицеровъ, съ которымъ онъ служилъ, хотѣлъ представить Ѳедоса.

— Будьте милостивы, ваше благородіе, ослобоните отъ такой должности!—взмолился Ѳедосъ.

Изумленный старшій офицеръ спросилъ.

— Это почему?

— Не приверженъ я быть унтерцеромъ, ваше благородіе. Вовсе не по мнѣ это званіе, ваше благородіе... Явите божескую милость, дозвольте остаться въ матросахъ!—докладывалъ Ѳедосъ, не объясняя однако мотивовъ своего нежеланія.

— Ну, если не хочешь, какъ знаешь... А я думалъ тебя наградить...

— Радъ стараться, ваше благородіе! Премного благодаренъ, ваше благородіе, что дозволили остаться матросомъ...

— И оставайся, коли ты такой дуракъ! — проговорилъ старшій офицеръ.

А Ѳедосъ ушелъ изъ каюты старшаго офицера радостный и довольный, что избавился отъ должности, въ которой приходилось «собачиться» со своимъ же братомъ-матросомъ и находиться въ болѣе непосредственныхъ отношеніяхъ съ господами офицерами.

«Ну ихъ... Отъ грѣха лучше подальше!»

Всего бывало въ теченіе долгой службы Ѳедоса. И пороли, и били его, и похваливали, и отличали. Послѣдніе три года службы его на «Копчикѣ», подъ начальствомъ Василія Михайловича Лузгина, были самыми благополучными годами. Лузгинъ и старшій офицеръ были люди добрые по тѣмъ временамъ, и на «Копчикѣ» матросамъ жилось относительно хорошо. Не было ежедневныхъ порокъ, не было вѣчнаго трепета. Не было безсмысленной флотской муштры.

Василій Михайловичъ зналъ Ѳедоса, какъ отличнаго форъ-марсоваго, и, выбравъ его загребнымъ на свой вельботъ, еще лучше познакомился съ матросомъ, оцѣнивъ его добросовѣстность и аккуратность.

И Ѳедосъ думалъ, что, «Богъ дастъ», онъ прослужитъ еще три года съ Василіемъ Михайловичемъ тихо и спокойно, какъ у Христа за пазухой, а тамъ его уволятъ въ «безсрочную» до окончанія положеннаго двадцатипятилѣтняго срока службы, и онъ пойдетъ въ свою дальнюю симбирскую деревушку, съ которой не порывалъ связей и разъ въ годъ просилъ какого-нибудь грамотнаго матроса писать къ своему «дражайшему родителю» письмо, обыкновенно состоящее изъ добрыхъ пожеланій и поклоновъ всѣмъ роднымъ.

Матросъ, не во-время отдавшій внизу марса-фалъ, которымъ оторвало Ѳедосу, бывшему на марсѣ, два пальца, былъ невольнымъ виновникомъ въ перемѣнѣ судьбы Чижика.

Матроса жестоко отодрали, а Чижика немедленно отправили въ кронштадтскій госпиталь, гдѣ ему вылущили оба пальца. Онъ выдержалъ операцію, даже не охнувъ. Только стиснулъ зубы, и по его поблѣднѣвшему отъ боли лицу катились крупныя капли пота. Черезъ мѣсяцъ ужъ онъ былъ въ экипажѣ.

По случаю потери двухъ пальцевъ онъ надѣялся, что, «Богъ дастъ», его назначатъ въ «неспособные» и уволятъ въ безсрочный отпускъ. По крайней мѣрѣ такъ говорилъ ротный писарь и совѣтовалъ черезъ кого-нибудь «исхлопотать». Такихъ примѣровъ бывало!

Но исхлопотать за Ѳедоса было некому, а самъ онъ не рѣшался безпокоить ротнаго командира. Какъ бы еще не попало за это.

Такимъ образомъ Чижикъ остался на службѣ и попалъ въ няньки.

VIII.

Прошелъ мѣсяцъ съ тѣхъ поръ, какъ Ѳедосъ поступилъ къ Лузгинымъ.

Нечего и говорить, что Шурка былъ безъ ума отъ своей няньки, находился вполнѣ подъ его вліяніемъ и, слушая его разсказы о штормахъ и ураганахъ, которые доводилось испытать Чижику, о матросахъ и объ ихъ жизни, о томъ, какъ черные люди арапы почти голые ходятъ на далекихъ островахъ за Индѣйскимъ океаномъ, слушая про густые лѣса, про диковинные фрукты, про обезьянъ, про крокодиловъ и акулъ, про чудное высокое небо и горячее солнышко,—Шурка самъ непремѣнно хотѣлъ быть морякомъ, а пока старался во всемъ подражать Чижику, который въ то время былъ его идеаломъ.

Съ чисто-дѣтскимъ эгоизмомъ онъ не отпускалъ отъ себя Чижика, чтобъ быть всегда вмѣстѣ, забывая даже и мать, которая, со времени появленія Чижика, какъ-то отошла на второй планъ.

Еще бы! Она не умѣла такъ занятно разсказывать, не умѣла дѣлать такихъ славныхъ бумажныхъ змѣевъ, волчковъ и лодокъ, которые дѣлалъ Чижикъ. И ко всему этому онъ съ Чижикомъ не чувствовалъ надъ собою придирчивой няньки. Они были больше пріятелями и, казалось, жили одними интересами и часто, не сговариваясь, выражали одни и тѣ же мнѣнія.

Эта близость съ денщикомъ-матросомъ нѣсколько пугала Марью Ивановну, а нѣкоторая отчужденность отъ матери, которую она, конечно, замѣтила, даже заставила ее ревновать Шурку къ нянькѣ. Кромѣ того, Марьѣ Ивановнѣ, какъ бывшей институткѣ и строгой ревнительницѣ манеръ, казалось, будто Шурка при Чижикѣ немного огрубѣлъ, и манеры его стали угловатѣе.

Тѣмъ не менѣе Марья Ивановна не могла не сознаться, что Чижикъ добросовѣстно исполняетъ свои обязанности, и что при немъ Шурка значительно поздоровѣлъ, не капризничаетъ и не нервничаетъ, какъ бывало прежде, и она совершенно спокойно уходила изъ дома, зная, что можетъ вполнѣ положиться на Чижика.

Но, несмотря на такое признаніе заслугъ Чижика, онъ все-таки былъ несимпатиченъ молодой женщинѣ. Она терпѣла Ѳедоса только ради ребенка и обращалась съ нимъ съ высокомѣрною холодностью и почти нескрываемымъ презрѣніемъ барыни къ мужлану-матросу. Главное, что возмущало ее въ денщикѣ, это—недостатокъ въ немъ той почтительной угодливости, которую она любила въ прислугѣ и которою особенно отличался ея любимецъ Иванъ. А въ Ѳедосѣ—никакой привѣтливости. Всегда нѣсколько хмурый при ней, съ служебнымъ лаконизмомъ подчиненнаго отвѣчающій

на ея вопросы, всегда отмалчивающійся на ея замѣчанія, которыя, по мнѣнію Чижика, «бѣлобрысая» дѣлала зря,—онъ далеко не отвѣчалъ требованіямъ Марьи Ивановны, и она чувствовала, что этотъ матросъ втайнѣ далеко не признаётъ ея авторитета и совсѣмъ не чувствуетъ признательности за всѣ тѣ благодѣянія, которыя, казалось барынѣ, онъ получилъ, попавъ къ нимъ въ домъ изъ казармы. Это возмущало барыню.

Чувствовалъ это отношеніе къ себѣ «бѣлобрысой» и Чижикъ и самъ, въ свою очередь, недолюбливалъ ее, и главнымъ образомъ за то, что она совсѣмъ ужъ утѣсняла бѣдную, безотвѣтную Анютку, шпыняя ее за всякую малость, сбивая съ толку окриками и нерѣдко давая ей пощечины, и не то что съ пыла, а прямо-таки отъ злого сердца, этакъ хладнокровно и еще съ улыбочкой.

«Эка злющая вѣдьма!»—не разъ думалъ про себя Ѳедосъ, насупливая брови и становясь мрачнымъ, когда бывалъ свидѣтелемъ, какъ «бѣлобрысая», не спѣша, устремивъ большіе сѣрые и злые глаза на замершую въ страхѣ Анютку, хлещетъ своею бѣлою, пухлою рукой въ кольцахъ по худенькимъ, блѣднымъ щекамъ дѣвушки.

И онъ жалѣлъ Анютку, быть-можетъ, даже болѣе чѣмъ жалѣлъ,—эту миловидную, загнанную дѣвушку съ испуганнымъ взглядомъ синихъ глазъ, и, случалось, когда барыни не было дома, ласково ей говорилъ:

— А ты не робѣй, Аннушка... Богъ дастъ, недолго терпѣть... Слышно, скоро волю всѣмъ объявятъ. Потерпи, а тамъ уйдешь, куда захочешь, отъ своей вѣдьмы. Богъ-то умудрилъ царя!

Эти участливыя слова бодрили Анютку и наполняли ея сердце благодарнымъ чувствомъ къ Чижику. Она понимала, что онъ ее жалѣетъ, и видѣла, что только благодаря Чижику противный Иванъ не такъ нахально, какъ прежде, преслѣдуетъ ее своими любезностями.

Зато Иванъ ненавидѣлъ Ѳедоса со всею силой своей мелкой душонки и вдобавокъ ревновалъ его, приписывая отчасти Чижику полное невниманіе Анютки къ его особѣ, которую онъ считалъ довольно-таки привлекательною.

Ненависть эта еще болѣе усилилась послѣ того, какъ Ѳедосъ однажды засталъ на кухнѣ Анютку, отбивавшуюся отъ объятій повара.

При появленіи Ѳедоса, Иванъ тотчасъ же оставилъ дѣвушку и, принявъ безпечно-развязный видъ, проговорилъ:

— Шутю съ дурой, а она сердится...

Ѳедосъ сталъ мрачнѣе черной тучи.

Не говоря ни слова, подошелъ онъ вплотную къ Ивану и, поднося къ его поблѣднѣвшему, испуганному лицу свой здоровенный волосатый кулакъ, едва сдерживаясь отъ негодованія, произнесъ:

— Видишь?

Струсившій Иванъ зажмурилъ отъ страха глаза при столь близкомъ сосѣдствѣ такого громаднаго кулака.

— Тѣсто изъ подлой твоей хайлы сдѣлаю, ежели ты еще разъ тронешь дѣвушку, подлецъ этакой!

— Я, право, ничего... Я только такъ... Пошутилъ, значитъ...

— Я тебѣ... пошутю... Нешто можно обижать такъ человѣка, безстыжій ты кобель?

И, обращаясь къ Анюткѣ, благодарной и взволнованной, продолжалъ:

— Ты мнѣ, Аннушка, только скажи, если онъ пристанетъ... Рыжая его морда будетъ на сторонѣ... Это вѣрно!

Съ этими словами онъ вышелъ изъ кухни.

Въ тотъ же вечеръ Анютка шепнула Ѳедосу:

— Ну, теперь этотъ подлый человѣкъ будетъ еще больше наушничать на васъ барынѣ... Ужъ онъ наушничалъ... Я слышала изъ-за дверей третьяго-дня... говоритъ: вы, молъ, всю кухню провоняли махоркой...

— Пусть себѣ кляузничаетъ!—презрительно бросилъ Ѳедосъ...—Мнѣ и трубки, что ли, не покурить? — прибавилъ онъ, усмѣхаясь.

— Барыня страсть не любитъ простого табаку...

— А пусть себѣ не любитъ! Я не въ комнатахъ курю, а въ своемъ, значитъ, помѣщеніи... Тоже матросу безъ трубки нельзя...

Послѣ этого происшествія Иванъ во что бы то ни стало хотѣлъ сжить ненавистнаго ему Ѳедоса и, понимая, что барыня недолюбливаетъ Чижика, сталъ при всякомъ удобномъ случаѣ нашептывать барынѣ на Ѳедоса.

Онъ, дескать, и съ маленькимъ бариномъ совсѣмъ вольно обращается, не такъ, какъ слуга, онъ и барыниной доброты не чувствуетъ, онъ и съ Анюткой что-то шепчется часто... Стыдно даже.

Все это говорилось намеками, предположеніями, сопровождаемое увѣреніями въ своей преданности барынѣ.

Молодая женщина все это слушала и стала съ Чижикомъ еще суровѣе и придирчивѣе. Она зорко наблюдала за нимъ и за Анюткой, часто входила невзначай будто въ дѣтскую,

выспрашивала у Шурки, о чемъ съ нимъ говоритъ Чижикъ, но никакихъ сколько-нибудь серьезныхъ уликъ преступности Ѳедоса найти не могла, и это еще болѣе злило молодую женщину, тѣмъ болѣе, что Ѳедосъ, какъ будто и не замѣчая, что барыня на него гнѣвается, нисколько не измѣнялъ своихъ служебно-официальныхъ отношеній.

«Богъ дастъ, бѣлобрысая уходится»,—думалъ Ѳедосъ, когда невольная тревога подчасъ закрадывалась въ его сердце при видѣ ея недовольнаго, строгаго лица.

Но «бѣлобрысая» не переставала придираться къ Чижику, и вскорѣ надъ нимъ разразилась гроза.

IX.

Въ одну субботу, когда Ѳедосъ, только-что вернувшійся изъ бани, пошелъ укладывать мальчика, Шурка, всегда дѣлившійся впечатлѣніями со своимъ любимцемъ-пѣстуномъ и сообщавшій ему всѣ домашнія новости, тотчасъ же промолвилъ:

— Знаешь, что̀ я тебѣ скажу, Чижикъ...

— Скажи, такъ узна̀ю, — проговорилъ, усмѣхнувшись, Ѳедосъ.

— Мы завтра ѣдемъ въ Петербургъ... къ бабушкѣ. Ты не знаешь бабушки?

— То-то не знаю.

— Она добрая-предобрая, въ родѣ тебя, Чижикъ... Она—папина мать... Съ первымъ пароходомъ ѣдемъ...

— Что же, дѣло хорошее, братецъ ты мой. И добрую бабку свою повидаешь, и на «праходѣ» прокатишься... Въ родѣ бытто на морѣ побываешь...

Наединѣ Ѳедосъ почти всегда говорилъ Шуркѣ «ты». И это очень нравилось мальчику и вполнѣ соотвѣтствовало ихъ дружескимъ отношеніямъ и взаимной привязанности. Но въ присутствіи Марьи Ивановны Чижикъ не позволялъ себѣ такой фамильярности: и Ѳедосъ и Шурка понимали, что при матери нельзя было показывать интимной ихъ короткости.

«Небось, прицѣпится, — разсуждалъ Ѳедосъ: — дескать, барское дитё, а матросъ его тыкаетъ. Извѣстно, «фанаберистая» барыня!»

— Ты, Чижикъ, разбуди меня пораньше. И новую курточку приготовь и новые сапоги...

— Все изготовлю, будь спокоенъ... Сапоги отполирую въ лучшемъ видѣ... Одно слово, въ полномъ паратѣ тебя отпущу.. Такимъ будешь молодцомъ, что наше вамъ почтеніе!—весело и любовно говорилъ Чижикъ, раздѣвая Шурку.—Ну, теперь помолись-ка Богу, Лександра Васильичъ.

Шурка прочиталъ молитву и юркнулъ подъ одѣяло.

— А будить тебя рано не стану,—продолжалъ Чижикъ, присаживаясь около Шуркиной кровати:—въ половинѣ восьмого побужу, а то, не выспамшись, нехорошо...

— И маленькая Адя ѣдетъ, и Анютка ѣдетъ, а тебя, Чижикъ, мама не беретъ. Ужъ я просилъ маму, чтобы и тебя взяли съ нами, такъ не хочетъ...

— Зачѣмъ меня брать-то? Лишній расходъ.

— Съ тобою было бы веселѣе.

— Небось, и безъ меня не заскучишь... День-то не бѣда тебѣ безъ Чижика побыть... А я и самъ попрошусь со двора. Тоже и мнѣ въ охотку погулять... Ты какъ полагаешь?

— Иди, иди, Чижикъ!.. Мама вѣрно пуститъ...

— То-то надо бы пустить... Во весь мѣсяцъ ни разу не ходилъ со двора...

— А ты куда же пойдешь, Чижикъ?

— Куда пойду? А сперва въ церкву пойду, а потомъ къ кумѣ-боцманшѣ заверну... Ейный мужъ мнѣ старинный пріятель... Вмѣстѣ въ дальнюю ходили... У нихъ посижу... Покалякаемъ... А потомъ на пристань схожу, матросиковъ погляжу... Вотъ и гулянка... Однако спи, Христосъ съ тобой!

— Прощай, Чижикъ! А я тебѣ гостинца отъ бабушки привезу... Она всегда даетъ...

— Кушай самъ на здоровье, голубокъ!.. А коли не пожалѣешь, лучше Анюткѣ дай... Ей лестнѣе.

— И ей дамъ... и тебѣ!—сонным голосомъ пролепеталъ Шурка.

Шурка всегда угощалъ своего пѣстуна лакомствами, нерѣдко нашивалъ ему и куски сахара. Но отъ нихъ Чижикъ отказывался и просилъ Шурку не брать «господскаго припаса», чтобы не вышло какой кляузы.

И теперь, тронутый вниманіемъ мальчика, онъ проговорилъ съ нѣжностью, на какую только былъ способенъ его грубоватый голосъ:

— Спасибо тебѣ за ласку, милый... Спасибо... Сердчишко у тебя, у мальца, доброе... И разсудливъ по своему глупому возрасту... и простъ... Богъ дастъ, какъ выростешь, и вовсе будешь форменнымъ человѣкомъ... правильнымъ... Никого не забидишь... И Богъ за то тебя любить будетъ... Такъ-то, братъ, лучше... Никакъ ужъ и уснулъ?

Отвѣта не было. Шурка уже спалъ.

Чижикъ перекрестилъ мальчика и тихо вышелъ изъ комнаты.

На душѣ у него было свѣтло и покойно, какъ и у этого ребенка, къ которому старый, не знавшій ласки, матросъ привязался со всею силою своего любящаго сердца.

X.

На слѣдующее утро, когда Лузгина, въ нарядномъ шелковомъ голубомъ платьѣ, съ взбитыми начесами свѣтло-русыхъ волосъ, свѣжая, румяная, пышная и благоухающая, съ браслетами и кольцами на бѣлыхъ пухлыхъ рукахъ, торопливо пила кофе, боясь опоздать на пароходъ, Ѳедосъ приблизился къ ней и сказалъ:

— Дозвольте, барыня, отлучиться со двора сегодня.

Молодая женщина подняла на матроса глаза и недовольно спросила:

— А тебѣ зачѣмъ идти со двора?

Въ первое мгновеніе Ѳедосъ не зналъ, что̀ и отвѣчать на такой «вовсе глупый», по его мнѣнію, вопросъ.

— Къ знакомымъ, значитъ, сходить,—отвѣчалъ онъ послѣ паузы.

— А какіе у тебя знакомые?

— Извѣстно, матросскаго званія...

— Можешь идти,—проговорила послѣ минутнаго раздумья барыня.—Только помни, что̀ я тебѣ говорила... Не вернись отъ своихъ знакомыхъ пьянымъ!—строго прибавила она.

— Зачѣмъ пьянымъ? Я въ своемъ видѣ вернусь, барыня!

— Безъ своихъ дурацкихъ объясненій! Къ семи часамъ быть дома!—рѣзко замѣтила молодая женщина.

— Слушаю-съ, барыня!—съ офиціальной почтительностью отвѣтилъ Ѳедосъ.

Шурка удивленно посмотрѣлъ на мать. Онъ рѣшительно недоумѣвалъ, за что мама сердится и вообще не любитъ такого прелестнаго человѣка, какъ Чижикъ, и, напротивъ, никогда не браните противнаго Ивана. Иванъ и Шуркѣ не нравился, несмотря на его льстивое и заискивающее обращеніе съ молодымъ барчукомъ.

Проводивъ господъ и обмѣнявшись съ Шуркой прощальными привѣтствіями, Ѳедосъ досталъ изъ глубины своего сундучка тряпицу, въ которой хранился его капиталъ—нѣсколько рублей, скопленныхъ имъ за шитье сапогъ. Чижикъ недурно шилъ сапоги и умѣлъ даже шить съ фасономъ, вслѣдствіе чего, случалось, получалъ заказы отъ писарей, подшкиперовъ и баталеровъ.

Осмотрѣвъ свои капиталы, Ѳедосъ вынулъ изъ тряпки одну засаленную рублевую бумажку, спряталъ ее въ карманъ шта-

новъ, разсчитывая изъ этихъ денегъ купить себѣ восьмушку чая, фунтъ сахара и запасъ махорки, а остальныя деньги, бережно уложивъ въ тряпочку, снова запряталъ въ уголокъ сундука и заперъ сундукъ на ключъ.

Поправивъ огонекъ въ лампадкѣ передъ образкомъ у изголовья, Ѳедосъ расчесалъ свои черные, какъ смоль, баки и усы, обулся въ новые сапоги и, облачившись въ форменную матросскую сѣрую шинель съ ярко горѣвшими мѣдными пуговицами и надѣвши чуть-чуть на бокъ фуражку, веселый и довольный вышелъ изъ кухни.

— Обѣдать нешто дома не будете?—кинулъ ему вдогонку Иванъ.

— То-то не буду!..

«Экая необразованная матрозня!—какъ есть «чучила»,—мысленно напутствовалъ Ѳедоса Иванъ.

И самъ онъ, франтовато одѣтый въ сѣрый пиджакъ, въ бѣлой манишкѣ, воротникъ которой былъ повязанъ необыкновенно яркимъ галстукомъ, съ бронзовой цѣпочкой на жилетѣ, глядя въ окно на проходившаго Чижика, презрительно оттопырилъ толстыя свои губы, покачалъ кудластой головой съ рыжими волосами, обильно умащенными коровьимъ масломъ, и въ маленькихъ его глазкахъ сверкнулъ огонекъ.

XI.

Ѳедосъ первымъ дѣломъ направился въ Андреевскій соборъ и какъ разъ попалъ къ началу службы.

Купивъ копеечную свѣчку и пробравшись впередъ, онъ поставилъ свѣчку у образа Николы-угодника и, вернувшись, сталъ совсѣмъ позади, въ толпѣ бѣднаго люда. Всю обѣдню онъ выстоялъ серьезный и сосредоточенный, стараясь направить мысли на божественное, и усердно и истово осѣнялъ себя широкимъ, размашистымъ крестнымъ знаменіемъ. При чтеніи евангелія онъ умилился, хотя и не все понималъ, что̀ читали. Умилялся и при стройномъ пѣніи пѣвчихъ и вообще находился въ приподнятомъ настроеніи человѣка, отрѣшившагося отъ всякихъ житейскихъ дрязгъ.

И, слушая пѣніе, слушая слова любви и милосердія, произносимыя мягкимъ теноркомъ священника, Ѳедосъ уносился куда-то въ особый міръ, и ему казалось, что тамъ, «на томъ свѣтѣ», будетъ необыкновенно хорошо и ему и всѣмъ матросамъ; куда лучше, чѣмъ было на грѣшной землѣ...

Нравственно-удовлетворенный и какъ бы внутренне-сіяющій, вышелъ Ѳедосъ по окончаніи службы изъ церкви и на паперти, гдѣ толпились по обѣ ея стороны и по бокамъ сту-

пеней лѣстницы нищіе, одѣлилъ по грошику десять человѣкъ, подавая преимущественно мужчинамъ и старикамъ.

Все еще занятый разными, какъ онъ называлъ, «божественными» мыслями насчетъ того, что Господь все видитъ и если попускаетъ на свѣтѣ неправду, то болѣе всего для испытанія человѣка, готовя потерпѣвшему на землѣ самую лучшую будущую жизнь, которой, разумѣется, не видать, какъ ушей своихъ, форменнымъ «арестантамъ» изъ капитановъ и офицеровъ,—Чижикъ ходко шагалъ въ одинъ изъ дальнихъ переулковъ, гдѣ въ маленькомъ деревянномъ домишкѣ нанималъ комнату отставной боцманъ Флегонтъ Нилычъ и его жена Авдотья Петровна, имѣвшая на рынкѣ ларекъ со всякою мелочью.

Низенькій и худощавый старикъ Нилычъ, бодрый еще на видъ, несмотря на свои шестьдесятъ слишкомъ лѣтъ, сидѣлъ за накрытымъ цвѣтною скатертью столомъ въ чистой ситцевой рубахѣ, широкихъ штанахъ и въ башмакахъ, одѣтыхъ на босыя ноги, и слегка вздрагивающею, костлявою рукою съ предусмотрительной осторожностью наливалъ изъ полуштофа въ стаканчикъ водку.

И въ выраженіи его морщинистаго, отливавшаго старческимъ румянцемъ лица, съ крючковатымъ носомъ и большой бородавкой на выбритой, по случаю воскресенья, щекѣ и маленькихъ, все еще живыхъ глазъ было столько сосредоточеннаго благоговѣйнаго вниманія, что Нилычъ и не замѣтилъ, какъ въ двери вошелъ Ѳедосъ.

И Ѳедосъ, словно бы понимая всю важность этого священнодѣйствія, далъ знать о своемъ присутствіи только тогда, когда стаканчикъ былъ налитъ до краевъ, и Нилычъ его выцѣдилъ съ видимымъ наслажденіемъ.

— Флегонту Нилычу—нижайшее! Съ праздникомъ!

— А, Ѳедосъ Никитичъ!—весело воскликнулъ Нилычъ, какъ звали его всѣ знакомые, пожимая Ѳедосу руку.—Садись, братецъ, сейчасъ шти Авдотья Петровна принесетъ...

И, наливая вновь стаканчикъ, поднесъ его Ѳедосу.

— Я, братъ, ужъ колупнулъ.

— Будь здоровъ, Нилычъ! — проговорилъ Чижикъ и, медленно выпивъ рюмку, крякнулъ.

— И гдѣ это ты пропадалъ?.. Ужъ я въ казармы хотѣлъ идти... Думаю: совсѣмъ забылъ насъ... А еще кумъ...

— Въ денщики попалъ, Нилычъ...

— Въ денщики?.. Къ кому?..

— Къ Лузгину, капитану второго ранга... Можетъ, слыхалъ?

— Слыхалъ... Ничего себѣ... Ну-ко-сь!.. вторительно?..

И Нилычъ снова налилъ стаканчикъ.

— Будь здоровъ, Нилычъ

— Будь здоровъ, Ѳедосъ!—проговорилъ и Нилычъ, выпивая въ свою очередь.

— Съ имъ-то ничего жить, только жонка его, я тебѣ скажу...

— Зудливая нешто?

— Какъ есть заноза и злющая. Ну, и о себѣ много полагаетъ... Думаетъ, что бѣлая да ядреная, такъ ужъ лучше и нѣтъ...

— Ты у нихъ по какой же части?

— Въ няпькахъ при барчукѣ. Мальчонка славный, душевный мальчонка... Кабы не заноза эта самая, легко было бы жить... А она всѣмъ въ домѣ командуетъ...

— А самъ?

— То-то онъ у ей въ родѣ бытто подвахтеннаго. Передъ ей и не пикнетъ, а, кажется, съ разсудкомъ человѣкъ... Совсѣмъ въ покорности.

— Это бываетъ, братецъ ты мой! Бы-ваетъ! — протянулъ Нилычъ.

Самъ онъ, когда-то лихой боцманъ и «человѣкъ съ разсудкомъ», тоже находился подъ командой своей жены, хотя при постороннихъ и хорохорился, стараясь показать, что онъ ея нисколько не боится.

— Дайся только бабѣ въ руки, она тебѣ покажетъ кузькину маменьку. Извѣстно, въ бабѣ настоящаго разсудка нѣтъ, а только одна брехня,—продолжалъ Нилычъ, понижая голосъ и въ то же время опасливо посматривая на двери. — Бабу надо держать въ струнѣ, чтобы понимала начальство. Да что это моя-то копается? Рази пойти ее шугануть!..

Но въ эту минуту отворилась дверь, и въ комнату вошла Авдотья Петровна, здоровая, толстая и высокая женщина лѣтъ пятидесяти съ очень энергичнымъ лицомъ, сохранившимъ еще остатки былой пригожести. Достаточно было взглянуть на эту внушительную особу, чтобы оставить всякую мысль о томъ, что низенькій и сухенькій Нилычъ, казавшійся передъ женой совсѣмъ маленькимъ, могъ ее «шугануть». Въ засученныхъ красныхъ ея рукахъ былъ завернутый въ тряпки горшокъ со щами. Сама она такъ и пылала.

— А я думала, съ кѣмъ это Нилычъ стрекочетъ... А это Ѳедосъ Никитичъ!.. Здравствуйте, Ѳедосъ Никитичъ... И то забыли!—говорила густымъ низкимъ голосомъ боцманша.

И, поставивши горшокъ на столъ, протянула куму руку и бросила Нилычу:

— Поднесъ гостю-то?

— А то какъ же? Небось, тебя не дожидались!

Авдотья Петровна повела взглядомъ на Нилыча, точно дивясь его прыти, и разлила по тарелкамъ щи, отъ которыхъ шелъ паръ и вкусно пахло. Затѣмъ достала изъ шкапчика съ посудой еще два стаканчика и наполнила всѣ три.

— Что правильно, то правильно! Петровна, братецъ ты мой, разсудливая женщина! — замѣтилъ Нилычъ не безъ льстивой нотки, умильно глядя на водку.

— Милости просимъ, Ѳедосъ Никитичъ, — предложила боцманша.

Чижикъ не отказался.

— Будьте здоровы, Авдотья Петровна! Будь здоровъ, Нилычъ!

— Будьте здоровы, Ѳедосъ Никитичъ!

— Будь здоровъ, Ѳедосъ!

Всѣ трое выпили, и у всѣхъ были серьезныя и нѣсколько торжественныя лица. Перекрестившись, начали хлебать въ молчаніи щи. Только по временамъ раздавался низкій голосъ Авдотьи Петровны:

— Милости просимъ!

Послѣ щей полуштофъ былъ пустъ.

Боцманша пошла за жаренымъ и, возвратившись, вмѣстѣ съ кускомъ мяса поставила на столъ еще полуштофъ.

Нилычъ, видимо подавленный такимъ благородствомъ жены, воскликнулъ:

— Да, Ѳедосъ... Петровна, одно слово...

Къ концу обѣда разговоръ сдѣлался оживленнѣе. Нилычъ уже заплеталъ языкомъ и размякъ. Чижикъ и боцманша, оба красные, были клюкнувши, но нисколько не теряли своего достоинства.

Ѳедосъ разсказывалъ о «бѣлобрысой», о томъ, какъ она утѣсняетъ Анютку, и какой у нихъ подлый денщикъ Иванъ, и философствовалъ насчетъ того, что Богъ все видитъ, и навѣрное быть Лузгинихѣ въ аду, коли она не одумается и не вспомнитъ Бога.

— Какъ вы полагаете, Авдотья Петровна?

— Другого мѣста ей не будетъ, сволочи! — энергично отрѣзала боцманша. — Мнѣ знакомая прачка тоже сказывала, какая она уксусная сука...

— Небось, тамъ, въ пеклѣ значитъ, ее отполируютъ въ лучшемъ видѣ... От-по-ли-ру-ютъ! Сдѣлай одолженіе! Не хуже, чѣмъ на флотѣ! — вставилъ Нилычъ, имѣвшій, повидимому, объ адѣ представленіе, какъ о мѣстѣ, гдѣ будутъ такъ

же отчаянно пороть, какъ и на корабляхъ.—А повару раскровяни морду. Не станетъ онъ тогда кляузничать

— И раскровяню, ежели нужно будетъ... Совсѣмъ оголтѣлый песъ. Добромъ не выучишь!—проговорилъ Чижикъ и вспомнилъ объ Анюткѣ.

Петровна стала жаловаться на дѣла. Совсѣмъ нынче подлыя торговки стали, особенно изъ молодыхъ. Такъ и норовятъ изъ-подъ носа отбить покупателя.

— А мужчинское извѣстное дѣло. Матросъ да солдатъ къ молодымъ торговкамъ лѣзетъ, какъ окунь на червя... Купитъ на двѣ копейки, а самъ, безстыдникъ, норовитъ уколупнуть. бабу на рубь... А другая подлющая баба и рада... Такъ зѣнками и вертитъ...

И, словно припомнивъ какую-то непріятность, Петровна приняла нѣсколько воинственный видъ, подперевъ бокъ своею здоровенною рукой, и воскликнула:

— А я терплю-терплю, а глаза черномазой Глашкѣ выцарапаю! Знаете Глашку-то?.. — обратилась боцманша къ Чижику.—Вашего экипажа матроска... Марсоваго Ковшикова жена?..

— Знаю... За что же вы, Авдотья Петровна, хотите Глашку проучить?

— А за то самое, что она подлая! Вотъ за что... У меня покупателевъ неправильно отбиваетъ... Вчера подошелъ ко мнѣ антиллеристъ... Человѣкъ ужъ въ возрастѣ въ такомъ, что старому дьяволу нечего разбирать бабьи подлости... Ему на томъ свѣтѣ ужъ и паекъ готовъ... Ну, подошелъ къ ларьку, такъ по правиламъ, значитъ, ужъ мой покупатель, и всякая честная торговка должна перестать драть глотку на зазывъ... А Глашка замѣсто того, мерзавка, грудь пятитъ, чтобы ульстить антиллериста, и голосомъ воетъ: «Ко мнѣ, кавалеръ!.. Ко мнѣ, солдатикъ бравый!.. Я дешевле продамъ!» И зубы скалитъ, толсторожая... И что бы вы думали?.. Старый-то облѣзлый песъ облестился, что его, дурака, молодая баба назвала бравымъ солдатикомъ, и къ ней... У нея и купилъ. Ну, и отчесала же я ихъ обоихъ: и антиллериста и Глашку!.. Да развѣ эту подлюгу словомъ проймешь?

Ѳедосъ и въ особенности Нилычъ хорошо знали, что Петровна въ минуты возбужденія ругалась не хуже любого боцмана и могла, казалось, пронять всякаго. Недаромъ всѣ на рынкѣ—и торговки и покупатели—боялись ея языка.

Однако мужчины изъ деликатности промолчали.

— Безпремѣнно выцарапаю ей глаза, ежели еще разъ Глашка осмѣлится!—повторила Петровна.

— Небось, не посмѣетъ!.. Съ такой, можно сказать, умственной бабой не посмѣетъ!—проговорилъ Нилычъ.

И, несмотря на то, что уже былъ достаточно «зарифившись» и еле плелъ языкомъ, обнаружилъ однако дипломатическую хитрость, начавъ выхваливать добродѣтели своей супруги... Она, дескать, и большого ума, и хозяйственна, и мужа своего кормитъ... однимъ словомъ, такой другой женщины не сыскать по всему Кронштадту. Послѣ чего намекнулъ, что если бы теперь да по стаканчику пива, то было бы самое лучшее дѣло... Только по стаканчику...

— Какъ ты объ этомъ полагаешь, Петровна?—просительнымъ тономъ проговорилъ Нилычъ...

— Ишь вѣдь, старый хрычъ... къ чему подъѣзжаетъ!.. И безъ того слабъ... А еще пива ему дай... То-то лестныя слова мололъ, лукавый.

Однако Петровна говорила эти рѣчи безъ сердца и, какъ видно, сама находила, что пиво вещь недурная, потому что вскорѣ надѣла на голову платокъ и вышла изъ комнаты.

Черезъ нѣсколько минутъ она вернулась, и нѣсколько бутылокъ пива красовались на столѣ.

— И провористая же баба Петровна, я тебѣ скажу, Ѳедосъ... Ахъ, что за баба!—повторялъ въ пьяномъ умиленіи Нилычъ послѣ двухъ стакановъ пива.

— Ишь, разлимонило уже! — не безъ снисходительнаго презрѣнія промолвила Петровна.

— Меня разлимонило? Стараго боцмана?.. Неси еще пару бутылокъ... Я одинъ выпью... А пока вали, милая супруга, еще стаканчикъ...

— Будетъ съ тебя...

— Петровна! Уважь супруга...

— Не дамъ!—рѣзко отвѣтила Петровна...

Нилычъ принялъ обиженный видъ.

Былъ уже пятый часъ, когда Ѳедосъ, простившись съ хозяевами и поблагодаривъ за угощеніе, вышелъ на улицу. Въ головѣ у него шумѣло, но ступалъ онъ твердо и съ особенною аффектаціей становился во фронтъ и отдавалъ честь при встрѣчѣ съ офицерами. И находился въ самомъ добродушномъ настроеніи и всѣхъ почему-то жалѣлъ. И Анютку жалѣлъ, и встрѣтившуюся ему на дорогѣ маленькую дѣвочку пожалѣлъ, и кошку, прошмыгнувшую мимо него, пожалѣлъ, и проходившихъ офицеровъ жалѣлъ. Идутъ, молъ, а того не понимаютъ, что они несчастные... Бога-то забыли, а Онъ, Батюшка, все видитъ...

Сдѣлавъ необходимыя покупки, Ѳедосъ пошелъ на Петров-

скую пристань, встрѣтилъ тамъ среди гребцовъ на дожидающихъ офицеровъ шлюбкахъ знакомыхъ, поговорилъ съ ними, узналъ, что «Копчикъ» находится теперь въ Ревелѣ, и въ седьмомъ часу вечера направился домой.

Лайка встрѣтила Чижика радостнымъ бреханьемъ.

— Здравствуй, Лаечка... Здорово, братъ! — ласково привѣтствовалъ онъ собаку и сталъ ее гладить...—Что, кормили тебя?.. Небось, забыли, а? Погоди... принесу тебѣ... Чай, въ кухнѣ что̀ найдется...

Иванъ сидѣлъ на кухнѣ у окна и игралъ на гармоніи.

При видѣ Ѳедоса, выпившаго, онъ съ довольнымъ видомъ усмѣхнулся и проговорилъ:

— Хорошо погуляли?

— Ничего себѣ погулялъ...

И, пожалѣвъ, что Иванъ сидитъ дома одинъ, прибавилъ:

— Иди и ты погуляй, пока господа не вернутся, а я буду домъ сторожить...

— Куда ужъ теперь гулять... Семь часовъ! Скоро и господа вернутся...

— Твое дѣло, а ты мнѣ дай косточекъ, если есть...

— Бери... Вонъ лежатъ...

Чижикъ взялъ кости, отнесъ ихъ собакѣ и, вернувшись, присѣлъ на кухнѣ и неожиданно проговорилъ:

— А ты, братецъ мой, лучше живи по-хорошему... Право... И не напущай ты на себя форцу... Всѣ помремъ, а на томъ свѣтѣ форцу, любезный ты мой, не спросятъ...

— Это вы въ какихъ, напримѣръ, смыслахъ?

— А во всякихъ... И къ Анюткѣ не приставай... Силкомъ дѣвку не привадишь, а она, самъ видишь, отъ тебя бѣгаетъ... За другой лучше гоняйся... Грѣшно забиждать дѣвку-то... И такъ она забижена!—продолжалъ Чижикъ ласковымъ тономъ.—И всѣмъ намъ безъ свары жить можно... Я тебѣ безъ всякаго сердца говорю...

— Ужъ не вамъ ли Анютка приглянулась, что вы такъ заступаетесь?..—насмѣшливо проговорилъ поваръ.

— Глупый!.. Я въ отцы ей гожусь, а не то чтобы какія подлости думать...

Однако Чижикъ не продолжалъ разговора въ этомъ направленіи и нѣсколько смутился.

А Иванъ между тѣмъ говорилъ вкрадчивымъ теноркомъ:

— Я, Ѳедосъ Никитичъ, и самъ ничего лучшаго не желаю, какъ жить, значитъ, въ полномъ съ вами согласіи... Вы сами мною пренебрегаете...

— А ты форцъ-то свой брось... Вспомни, что ты матрос-

скаго званія человѣкъ, и никто тобой пренебрегать не будетъ... Такъ-то, братъ... А то, въ денщикахъ околачиваясь, ты и вовсе совѣсть забылъ... Барынѣ кляузничаешь... Развѣ это хорошо?.. Ой, нехорошо это!.. Неправильно...

Въ эту минуту раздался звонокъ. Иванъ бросился отворять двери.

Пошелъ и Ѳедосъ встрѣчать Шурку.

Марья Ивановна пристально оглядѣла Ѳедоса и произнесла:

— Ты пьянъ!..

Шурка, хотѣвшій-было подбѣжать къ Чижику, былъ рѣзко отдернутъ за руку.

— Не подходи къ нему... Онъ пьянъ!

— Никакъ нѣтъ, барыня... Я вовсе не пьянъ... Почему вы полагаете, что я пьянъ?.. Я, какъ слѣдуетъ, въ своемъ видѣ и все могу справлять... И Лександру Васильича уложу спать и сказку разскажу... А что выпилъ я маленько... это точно... У боцмана Нилыча... Въ самую плепорцію... по совѣсти.

— Ступай вонъ!—крикнула Марья Ивановна.—Завтра я съ тобой поговорю.

— Мама... мама... Пусть меня Чижикъ уложитъ!

— Я сама тебя уложу! А пьяный не можетъ укладывать.

Шурка залился слезами.

— Молчи, гадкій мальчишка!—крикнула на него мать...— А ты, пьяница, чего стоишь? Ступай сейчасъ же на кухню и ложись спать.

— Эхъ, барыня, барыня!—проговорилъ съ выраженіемъ не то упрека, не то сожалѣнія Чижикъ и вышелъ изъ комнаты.

Шурка не переставалъ ревѣть. Иванъ торжествующе улыбался.

XII.

На слѣдующее утро Чижикъ, вставшій, по обыкновенію, въ шесть часовъ, находился въ мрачномъ настроеніи. Обѣщаніе Лузгиной «поговорить» съ нимъ сегодня, по соображеніямъ Ѳедоса, не предвѣщало ничего хорошаго. Онъ давно видѣлъ, что барыня терпѣть его не можетъ, зря придираясь къ нему, и съ тревогой въ сердцѣ догадывался, какой это будетъ «разговоръ». Догадывался и становился мрачнѣе, сознавая въ то же время полную свою безпомощность и зависимость отъ «бѣлобрысой», которая почему-то стала его начальствомъ и можетъ сдѣлать съ нимъ все, что ей угодно.

«Главная причина—зла на меня, и нѣтъ въ ей ума, чтобы понять человѣка!»

Такъ размышлялъ о Лузгиной старый матросъ и въ эту минуту не утѣшался сознаніемъ, что она будетъ на томъ свѣтѣ въ аду, а мысленно довольно-таки энергично выругалъ самого Лузгина за то, что онъ даетъ волю такой «злющей вѣдьмѣ», какъ эта бѣлобрысая. Ему бы, по-настоящему, слѣдовало усмирить ее, а онъ...

Ѳедосъ вышелъ на дворъ, присѣлъ на крыльцѣ и, порядочно-таки взволнованный, курилъ трубочку за трубочкой, въ ожиданіи, пока закипитъ поставленный имъ для себя самоваръ.

На дворѣ уже началась жизнь. Пѣтухъ то и дѣло вскрикивалъ какъ сумасшедшій, привѣтствуя радостное, погожее утро. Въ зазеленѣвшемъ саду чирикали воробьи и заливалась малиновка. Ласточки носились взадъ и впередъ, скрываясь на минутку въ гнѣздахъ, и снова вылетали на поиски за добычкой.

Но сегодня Ѳедосъ не съ обычнымъ радостнымъ чувствомъ глядѣлъ на все окружающее. И когда Лайка, только-что проснувшаяся, поднялась на ноги и, потянувшись всѣмъ своимъ тѣломъ, подбѣжала, весело повиливая хвостомъ, къ Чижику, онъ поздоровался съ ней, погладилъ ее и, словно бы отвѣчая на занимавшія его мысли, проговорилъ, обращаясь къ ласкавшейся собакѣ:

— Тоже, братъ, и наша жизнь въ родѣ твоей собачьей... Какой попадется хозяинъ...

Вернувшись на кухню, Ѳедосъ презрительно повелъ глазами на только-что вставшаго Ивана и, не желая обнаруживать передъ нимъ своего тревожнаго состоянія, принялъ спокойно-суровый видъ. Онъ видѣлъ вчера, какъ злорадствовалъ Иванъ въ то время, когда кричала барыня, и, не обращая на него никакого вниманія, сталъ пить чай.

На кухню вошла Анютка, заспанная, немытая, съ румянцемъ на блѣдныхъ щекахъ, имѣя въ рукахъ барынино платье и ботинки. Она поздоровалась съ Ѳедосомъ какъ-то особенно ласково послѣ вчерашней исторіи и не кивнула даже въ отвѣтъ на любезное привѣтствіе повара съ добрымъ утромъ.

Чижикъ предложилъ Анюткѣ попить чайку и далъ ей кусокъ сахара. Она наскоро выпила двѣ чашки и, поблагодаривъ, поднялась.

— Пей еще... Сахаръ есть,—сказалъ Ѳедосъ.

— Благодарствуйте, Ѳедосъ Никитичъ. Надо барынино платье чистить поскорѣй. И неравно ребенокъ проснется...

— Давай я, что ли, почищу, а ты пока угощайся чаемъ!— предложилъ Иванъ.

— Тебя не просятъ!—рѣзко оборвала повара Анютка и вышла изъ кухни.

— Ишь какая сердитая, скажите, пожалуйста!—кинулъ ей вслѣдъ Иванъ.

И, покраснѣвшій отъ досады, взглянулъ исподлобья на Чижика и, усмѣхнувшись, подумалъ:

«Ужо будетъ тебѣ сегодня, матрознѣ!»

Ровно въ восемь часовъ Чижикъ пошелъ будить Шурку. Шурка уже проснулся и, припомнивъ вчерашнее, самъ былъ невеселъ и встрѣтилъ Ѳедоса словами:

— А ты не бойся, Чижикъ... Тебѣ ничего не будетъ!..

Онъ хотѣлъ утѣшить и себя и своего любимца, хотя въ душѣ и далеко былъ не увѣренъ, что Чижику ничего не будетъ.

— Бойся—не бойся, а что̀ Богъ дастъ! — отвѣчалъ, подавляя вздохъ, Ѳедосъ.—Съ какой еще ноги маменька встанетъ!—угрюмо прибавилъ онъ.

— Какъ съ какой ноги?

— А такъ говорится. Въ какомъ, значитъ, характерѣ будетъ... А только твоя маменька напрасно полагаетъ, что я вчера пьяный былъ... Пьяные не такіе бываютъ. Ежели человѣкъ можетъ, какъ слѣдуетъ, сполнять свое дѣло, какой же онъ пьяный?..

Шурка вполнѣ съ этимъ согласился и сказалъ:

— И я вчера мамѣ говорилъ, что ты совсѣмъ не былъ пьянъ, Чижикъ... Антонъ не такой бывалъ... Онъ качался, когда шелъ, а ты вовсе не качался...

— То-то и есть... Ты вотъ малолѣтокъ и то понялъ, что я былъ въ своемъ видѣ... Я, братъ, знаю мѣру... И папенька твой ничего бы не сдѣлалъ, увидавши меня вчерась. Увидалъ бы, что я выпилъ въ плепорцію... Онъ понимаетъ, что матросу въ праздникъ не грѣхъ погулять... И никому вреды отъ того нѣтъ, а маменька твоя разсердилась. А за что? Что̀ я ей сдѣлалъ?..

— Я буду маму просить, чтобъ она на тебя не сердилась... Повѣрь, Чижикъ...

— Вѣрю, хорошій мой, вѣрю... Ты-то доберъ... Ну, иди теперь чай пить, а я пока комнату твою уберу,—сказалъ Чижикъ, когда Шурка былъ готовъ.

Но Шурка, прежде чѣмъ идти, сунулъ Чижику яблоко и конфетку и проговорилъ:

— Это тебѣ, Чижикъ. Я и Анюткѣ оставилъ.

— Ну, спасибо. Только я лучше спрячу... Послѣ самъ скушаешь на здоровье.

— Нѣтъ, нѣтъ... Непремѣнно съѣшь... Яблоко пресладкое... А я попрошу маму, чтобы она не сердилась на тебя, Чижикъ... Попрошу!—снова повторилъ Шурка.

И съ этими словами, озабоченный и встревоженный, вышелъ изъ дѣтской.

— Ишь вѣдь—дитё, а чуетъ, какова маменька!—прошепталъ Ѳедосъ и принялся съ какимъ-то усерднымъ ожесточеніемъ убирать комнату.

XIII.

Не прошло и пяти минутъ, какъ въ дѣтскую вбѣжала Анютка и, глотая слезы, проговорила:

— Ѳедосъ Никитичъ! Васъ барыня зоветъ!

— А ты чего плачешь?

— Сейчасъ меня била и грозитъ высѣчь...

— Ишь, вѣдьма!.. За что?

— Вѣрно, этотъ подлый человѣкъ ей чего наговорилъ... Она сейчасъ на кухнѣ была и вернулась злющая-презлющая...

— Подлый человѣкъ всегда подлаго слушаетъ.

— А вы, Ѳедосъ Никитичъ, лучше повинитесь за вчерашнее... А то она...

— Чего мнѣ виниться!—угрюмо промолвилъ Ѳедосъ и пошелъ въ столовую.

Дѣйствительно, госпожа Лузгина, вѣроятно, встала сегодня съ лѣвой ноги, потому что сидѣла за столомъ хмурая и сердитая. И, когда Чижикъ явился въ столовую и почтительно вытянулся передъ барыней, она взглянула на него такими злыми и холодными глазами, что мрачный Ѳедосъ сталъ еще мрачнѣе.

Смущенный Шурка замеръ въ ожиданіи чего-то страшнаго и умоляюще смотрѣлъ на мать. Слезы стояли въ его глазахъ.

Прошло нѣсколько секундъ въ томительномъ молчаніи.

Вѣроятно, молодая женщина ждала, что Чижикъ станетъ просить прощенія за то, что вчера былъ пьянъ и осмѣлился дерзко отвѣчать.

Но старый матросъ, казалось, вовсе и не чувствовалъ себя виноватымъ.

И эта «безчувственность» дерзкаго «мужлана», не признающаго, повидимому, авторитета барыни, еще болѣе злила молодую женщину, привыкшую къ раболѣпію окружающихъ.

— Ты помнишь, что было вчера?—произнесла она наконецъ тихимъ голосомъ, медленно отчеканивая слова.

— Все помню, барыня. Я пьянымъ не былъ, чтобы не помнить.

— Не былъ?— протянула, зло усмѣхнувшись, барыня.—Ты, вѣрно, думаешь, что пьянъ только тотъ, кто валяется на землѣ?..

Ѳедосъ молчалъ: что, молъ, отвѣчать на глупости!

— Я тебѣ что говорила, когда брала въ денщики? Говорила я тебѣ, чтобы ты не смѣлъ пить? Говорила?.. Что-жъ ты стоишь, какъ пень?.. Отвѣчай!

— Говорили.

— А Василій Михайловичъ говорилъ тебѣ, чтобы ты меня слушался и чтобы не смѣлъ грубить? Говорилъ? — допрашивала все тѣмъ же ровнымъ, безстрастнымъ голосомъ Лузгина.

— Сказывали.

— А ты такъ-то слушаешь приказанія?.. Я выучу тебя, какъ говорить съ барыней... Я покажу тебѣ, какъ представляться тихоней да исподтишка заводить шашни... Я все вижу... все знаю! — прибавила Марья Ивановна, бросая взглядъ на Анютку.

Тутъ Ѳедосъ не вытерпѣлъ.

— Это ужъ вы напрасно, барыня... Какъ передъ Господомъ Богомъ говорю, что никакихъ шашней не заводилъ... А ежели вы слушаете кляузы да наговоры подлеца вашего повара, то какъ вамъ будетъ угодно... Онъ вамъ еще не то набрешетъ!—проговорилъ Чижикъ.

— Молчать! Какъ ты смѣешь такъ со мной говорить!? Анютка! Принеси мнѣ перо, чернила и почтовой бумаги!

— Мама! — умоляющимъ, вздрагивающимъ голосомъ воскликнулъ Шурка.

— Убирайся вонъ!—прикрикнула на него мать.

— Мама... мамочка... милая... хорошая... Если ты меня любишь... не посылай Чижика въ экипажъ...

И, весь потрясенный, Шурка бросился къ матери и, рыдая, припалъ къ ея рукѣ.

Ѳедосъ почувствовалъ, что у него щекочетъ въ горлѣ. И хмурое лицо его просвѣтлѣло въ благодарномъ умиленіи.

— Пошелъ вонъ!.. Не твое дѣло!

И съ этими словами она оттолкнула мальчика... Пораженный, все еще не вѣря рѣшенію матери, онъ отошелъ въ сторону и плакалъ.

Лузгина въ это время быстро и нервно писала записку къ экипажному адъютанту. Въ этой запискѣ она просила «не отказать ей въ маленькомъ одолженіи»—приказать высѣчь ея денщика за пьянство и дерзости. Въ концѣ записки она сообщала, что завтра собирается въ Ораніенбаумъ на музыку, и надѣялась, что Михаилъ Александровичъ не откажется ей сопутствовать.

Запечатавъ конвертъ, она отдала его Чижику и сказала:

— Сейчасъ отправляйся въ экипажъ и отдай это письмо адъютанту!

— Слушаю-съ!—дрогнувшимъ голосомъ отвѣтилъ матросъ, хмуря нависшія брови и стараясь скрыть волненіе, охватившее его.

Шурка рванулся къ матери.

— Мамочка... ты этого не сдѣлаешь... Чижикъ!.. Постой... не уходи! Онъ чудный... славный... Мамочка!.. милая... родная... Не посылай его!—молилъ Шурка.

— Ступай!—крикнула Лузгина денщику.—Я знаю, что ты подучилъ глупаго мальчика... Думалъ меня разжалобить?..

— Не я училъ, а Богъ! Вспомните Его когда-нибудь, барыня!—съ какою-то суровою торжественностью проговорилъ Ѳедосъ и, кинувъ взглядъ, полный любви, на Шурку, вышелъ изъ комнаты.

— Ты, значитъ, гадкая... злая... Я тебя не люблю!—вдругъ крикнулъ Шурка, охваченный негодованіемъ и возмущенный такою несправедливостью.—И я никогда не буду любить тебя!—прибавилъ онъ, сверкая заплаканными глазенками.

— Вотъ ты какой!? Вотъ чему научилъ тебя этотъ мерзавецъ!? Ты смѣешь такъ говорить съ матерью?

— Чижикъ не мерзавецъ... Онъ хорошій, а ты... нехорошая!—въ бѣшеной отвагѣ отчаянія продолжалъ Шурка.

— Такъ я и тебя выучу, какъ говорить со мной, мерзкій мальчишка! Анютка! Скажи Ивану, чтобы принесъ розги...

— Что-жъ... сѣки... гадкая... злая... Сѣки!..—въ какомъ-то дикомъ ожесточеніи вопилъ Шурка.

И въ то же время личико его покрывалось смертельною блѣдностью, все тѣло вздрагивало, а большіе, съ расширенными зрачками, глаза съ выраженіемъ ужаса смотрѣли на двери...

Раздирающіе душу вопли наказываемаго ребенка донеслись до ушей Ѳедоса, когда онъ выходилъ со двора, имѣя за обшлагомъ рукава шинели записку, содержаніе которой не оставляло въ матросѣ никакихъ сомнѣній.

Полный чувства любви и состраданія, онъ въ эту минуту забылъ о томъ, что ему самому подъ конецъ службы предстоитъ порка, и, растроганный, жалѣлъ только мальчика. И онъ почувствовалъ, что этотъ барчукъ, не побоявшійся пострадать за своего пѣстуна, отнынѣ сталъ ему еще дороже и совсѣмъ завладѣлъ его сердцемъ.

— Ишь вѣдь подлая! Даже родное дитё не пожалѣла!—проговорилъ съ негодованіемъ Чижикъ и прибавилъ шагу, чтобы не слыхать этого дѣтскаго крика, то жалобнаго, мо-

лящаго, то переходящаго въ какой-то ревъ затравленнаго, безпомощнаго звѣрька.

XIV.

Молодой мичманъ, сидѣвшій въ экипажной канцеляріи, былъ удивленъ, прочитавъ записку Лузгиной. Онъ служилъ раньше въ одной ротѣ съ Чижикомъ и зналъ, что Чижикъ считался однимъ изъ лучшихъ матросовъ въ экипажѣ и никогда не былъ ни пьяницей, ни грубьяномъ.

— Ты что̀ это, Чижикъ? Пьянствовать началъ?

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе...

— Однако... Марья Ивановна пишетъ...

— Точно такъ, ваше благородіе...

— Такъ въ чемъ же дѣло, объясни.

— Вчера выпилъ я маленько, ваше благородіе, отпросившись со двора, и вернулся какъ слѣдуетъ, въ настоящемъ видѣ... въ полномъ, значитъ, разсудкѣ, ваше благородіе...

— Ну?

— А госпожѣ Лузгиной и покажись, что я пьянъ... Извѣстно, по женскому своему понятію, она не разсудила, какой есть пьяный человѣкъ...

— Ну, а насчетъ дерзостей?.. Ты нагрубилъ ей?

— И грубостей не было, ваше благородіе... А что̀ насчетъ ейнаго повара-денщика я сказалъ, что она слушаетъ его подлыя кляузы, это точно...

И Чижикъ правдиво разсказалъ, какъ было дѣло.

Мичманъ нѣсколько минутъ былъ въ раздумьѣ. Онъ знакомъ былъ съ Маріей Ивановной, одно время былъ даже къ ней неравнодушенъ и зналъ, что это дама очень строгая и придирчивая съ прислугой, и что мужъ ея довольно-таки часто посылалъ денщиковъ въ экипажъ для наказанія, разумѣется, по настоянію жены, такъ какъ всѣмъ было извѣстно въ Кронштадтѣ, что Лузгинъ, самъ человѣкъ мягкій и добрый, находится подъ башмакомъ у красивой Марьи Ивановны.

— А все-таки, Чижикъ, я долженъ исполнить просьбу Марьи Ивановны,—проговорилъ наконецъ молодой офицеръ, отводя отъ Чижика нѣсколько смущенный взоръ.

— Слушаю, ваше благородіе.

— Ты понимаешь, Чижикъ, я долженъ...—мичманъ подчеркнулъ слово «долженъ»—ей вѣрить. И Василій Михайловичъ просилъ, чтобы требованія его жены о наказаніяхъ денщиковъ исполнялись, какъ его собственныя.

Чижикъ понималъ только, что его будутъ сѣчь по желанію «бѣлобрысой», и молчалъ.

— Я тутъ, Чижикъ, ни при чемъ!—словно бы оправдывался мичманъ.

Онъ ясно сознавалъ, что совершаетъ несправедливое и беззаконное дѣло, собираясь наказать матроса по просьбѣ дамы, и что, по долгу службы и совѣсти, не долженъ совершать его, имѣй онъ хоть немножко мужества. Но онъ былъ слабый человѣкъ и, какъ всѣ слабые люди, успокаивалъ себя тѣмъ, что если Чижика онъ не накажетъ теперь, то по возвращеніи изъ плаванія Лузгина матросъ будетъ наказанъ еще безпощаднѣе. Кромѣ того придется поссориться съ Лузгинымъ и, быть-можетъ, имѣть непріятности и съ экипажнымъ командиромъ; послѣдній былъ друженъ съ Лузгиными, втайнѣ, кажется, даже вздыхалъ по барынькѣ, прельщавшей стараго, какъ спичка худенькаго, моряка главнымъ образомъ своимъ пышнымъ станомъ, и, не отличаясь большою гуманностью, находилъ, что матросу никогда не мѣшаетъ «всыпать».

И молодой офицеръ приказалъ дежурному приготовить все, что̀ нужно, въ цейхгаузѣ для наказанія.

Въ большомъ цейхгаузѣ тотчасъ же была поставлена скамейка. Два унтеръ-офицера съ напряженно-недовольными лицами стали по бокамъ, имѣя въ рукахъ по толстому пучку свѣжихъ зеленыхъ прутьевъ. Такіе же пучки лежали на полу на случай, если понадобится мѣнять розги.

Еще не совсѣмъ «закалившійся», недолго служившій во флотѣ, мичманъ, слегка взволнованный, сталъ поодаль.

Сознавая всю несправедливость предстоящаго наказанія, Чижикъ съ какою-то угрюмой покорностью, чувствуя стыдъ и въ то же время позоръ оскорбленнаго человѣческаго достоинства, сталъ раздѣваться необыкновенно торопливо, словно ему было неловко, что онъ заставляетъ ждать и этихъ двухъ хорошо знакомыхъ унтеръ-офицеровъ и этого молодого мичмана.

Оставшись въ одной рубахѣ, Чижикъ перекрестился и легъ ничкомъ на скамейку, положивъ голову на скрещенныя руки, и тотчасъ же зажмурилъ глаза.

Давно уже его не наказывали, и эта секунда-другая въ ожиданіи удара была полна невыразимой тоски отъ сознанія своей безпомощности и униженія... Передъ нимъ пронеслась вся его безотрадная жизнь.

Мичманъ между тѣмъ подозвалъ къ себѣ одного изъ унтеръ-офицеровъ и шепнулъ:

— Полегче!

Унтеръ-офицеръ просвѣтлѣлъ и шепнулъ о томъ же товарищу.

— Начинай! — скомандовалъ молодой человѣкъ, отворачиваясь.

Послѣ десятка ударовъ, не причинившихъ почти никакой боли Чижику, такъ какъ эти зеленые прутья, послѣ энергичнаго взмаха, едва только касались его тѣла,—мичманъ крикнулъ:

— Довольно! Явись послѣ ко мнѣ, Чижикъ!

И съ этими словами вышелъ.

Чижикъ, попрежнему угрюмый, испытывая стыдъ, несмотря на комедію наказанія, торопливо одѣлся и проговорилъ:

— Спасибо, братцы, что не били... Однимъ только срамомъ отдѣлался...

— Это адъютантъ приказывалъ. А тебя за что это прислали, Ѳедоссъ Никитичъ?

— А за то, что глупая и злющая баба у меня теперь въ родѣ главнаго начальника...

— Это кто же?..

— Лузгиниха...

— Извѣстная живодерка! Часто присылаетъ сюда денщиковъ!—замѣтилъ одинъ изъ унтеръ-офицеровъ.—Какъ же ты будешь жить-то теперь у нея?

— Какъ Богъ дастъ... Надо жить... Ничего не подѣлаешь... Да и мальчонка ейный, у котораго я въ нянькахъ, славный... И его, братцы, бросить жалко... Изъ-за меня и его сѣкли... Заступался, значитъ, передъ матерью...

— Ишь ты... Не въ мать, значитъ.

— Вовсе не похожъ... Доберъ—страсть!

Чижикъ явился въ канцелярію и прошелъ въ кабинетъ, гдѣ сидѣлъ адъютантъ. Тотъ передалъ Чижику письмо и проговорилъ:

— Отдай Марьѣ Ивановнѣ... Я ей пишу, что тебя строго наказали...

— Премного благодаренъ, что пожалѣли стараго матроса, ваше благородіе!—съ чувствомъ проговорилъ Чижикъ.

— Я что-жъ... Я, братецъ, не звѣрь... Я и совсѣмъ бы не наказалъ тебя... Я знаю, какой ты исправный и хорошій матросъ!—говорилъ все еще смущенный мичманъ.—Ну, ступай къ своей барынѣ... Дай тебѣ Богъ съ ней ужиться... Да смотри... не болтай, какъ тебя наказывали!—прибавилъ мичманъ.

— Не извольте сумлѣваться! Счастливо оставаться, ваше благородіе!

XV.

Шурка сидѣлъ, забившись въ уголъ дѣтской, съ видомъ запуганнаго звѣрька. Онъ то и дѣло всхлипывалъ. При ка-

ждомъ новомъ воспоминаніи о нанесенной ему обидѣ рыданія подступали къ горлу, онъ вздрагивалъ, и злое чувство приливало къ сердцу и охватывало все его существо. Онъ въ эти минуты ненавидѣлъ мать, но еще болѣе Ивана, который явился съ розгами веселый и улыбающійся и такъ крѣпко сжималъ его бьющееся тѣло во время наказанія. Не держи его этотъ гадкій человѣкъ такъ крѣпко, онъ бы убѣжалъ.

И въ головѣ мальчика бродили мысли о томъ, какъ онъ отомститъ повару... Непремѣнно отомститъ... И разскажетъ папѣ, какъ только онъ вернется, какъ несправедливо поступила мама съ Чижикомъ... Пусть папа узнаетъ...

По временамъ Шурка выходилъ изъ своего угла и взглядывалъ въ окно: не идетъ ли Чижикъ?.. «Бѣдный Чижикъ! Вѣрно, и его больно сѣкли... А онъ и не знаетъ, что и меня высѣкли за него. Я ему все... все разскажу!»

Эти мысли о Чижикѣ нѣсколько успокаивали его, и онъ ждалъ возвращенія своего друга съ нетерпѣніемъ.

Марья Ивановна, сама взволнованная, ходила по своей большой спальнѣ, полная ненависти къ денщику, изъ-за котораго ея Шурка осмѣлился такъ говорить съ матерью. Положительно этотъ матросъ имѣетъ скверное вліяніе на мальчика, и его слѣдуетъ удалить... Вотъ только вернется изъ плаванія Василій Михайловичъ, и она попроситъ его взять другого денщика. А пока—нечего дѣлать—придется терпѣть этого грубьяна. Навѣрное, онъ не посмѣетъ теперь напиваться пьянымъ и грубить ей послѣ того, какъ его въ экипажѣ накажутъ... Необходимо было его проучить!

Марья Ивановна нѣсколько разъ тихонько заглядывала въ дѣтскую и снова возвращалась, напрасно ожидая, что Шурка придетъ просить прощенія.

Раздраженная, она то и дѣло бранила Анютку и стала допрашивать ее насчетъ ея отношеній съ Чижикомъ.

— Говори, подлянка, всю правду... Говори...

Анютка клялась въ своей невиновности.

— Поваръ такъ тотъ, барыня, прохода мнѣ не давалъ!—говорила Анютка:—все лѣзъ съ разными подлостями, а Ѳедосъ никогда и не думалъ, барыня...

— Отчего же ты раньше мнѣ ничего не сказала о поварѣ?—подозрительно спрашивала Лузгина.

— Не смѣла, барыня... Думала, отстанетъ...

— Ну, я васъ всѣхъ разберу... Ты смотри у меня!.. Поди, узнай, что дѣлаетъ Александръ Васильевичъ!

Анютка вошла въ дѣтскую и увидала Шурку, кивающаго въ окно возвращавшемуся Чижику.

— Барчукъ! Маменька приказали узнать, что̀ вы дѣлаете... Что̀ прикажете сказать?

— Скажи, Анютка, что я пошелъ въ садъ погулять...

И съ этими словами Шурка выбѣжалъ изъ комнаты, чтобы встрѣтить Чижика.

XVI.

У воротъ Шурка бросился къ Ѳедосу.

Участливо заглядывая въ его лицо, онъ крѣпко ухватился за шершавую, мозолистую руку матроса и, глотая слезы, повторялъ, ласкаясь къ нему:

— Чижикъ!.. Милый, хорошій Чижикъ.

Мрачное и смущенное лицо Ѳедоса озарилось выраженіемъ необыкновенной нѣжности.

— Ишь вѣдь, сердешный!—взволнованно прошепталъ онъ.

И, бросивъ взглядъ на окна дома—не торчитъ ли «бѣлобрысая», Ѳедосъ быстрымъ движеніемъ поднялъ Шурку, прижалъ его къ своей груди и осторожно, чтобы не уколоть его своими щетинистыми усами, поцѣловалъ мальчика. Затѣмъ онъ такъ же быстро опустилъ его на землю и проговорилъ:

— Теперь иди домой поскорѣй, Лександра Васильичъ. Иди, мой ласковый...

— Зачѣмъ? Мы вмѣстѣ пойдемъ.

— То-то не надо вмѣстѣ. Неравно маменька изъ окна углядитъ, что ты встрѣлъ свою няньку, и опять засерчаетъ.

— И пусть глядитъ... Пусть злится!

— Да ты никакъ бунтовать противъ маменьки? — промолвилъ Чижикъ.—Не годится, милый мой, Лександра Васильичъ, бунтовать противъ родной матери. Ее почитать слѣдуетъ... Иди, иди... ужо наговоримся...

Шурка, всегда охотно слушавшійся Чижика, такъ какъ вполнѣ признавалъ его нравственный авторитетъ, и теперь готовъ былъ исполнить его совѣтъ. Но ему хотѣлось поскорѣй утѣшить друга въ постигшемъ его несчастіи, и потому, прежде чѣмъ уйти, онъ не безъ нѣкотораго чувства горделивости произнесъ:

— А знаешь, Чижикъ, и меня высѣкли!

— То-то знаю. Слышалъ, какъ ты кричалъ, бѣдненькій... Изъ-за меня ты потерпѣлъ, голубчикъ!.. Богъ тебѣ это зачтетъ, небось! Ну иди же, иди, родной, а то намъ съ тобой опять попадетъ...

Шурка убѣжалъ, еще болѣе привязанный къ Чижику. Несправедливое наказаніе, которому они оба подверглись, сильнѣе закрѣпило ихъ любовь.

Выждавъ минуту-другую у воротъ, Ѳедосъ твердою и рѣшительною походкой направился черезъ дворъ въ кухню, стараясь подъ видомъ презрительной суровости скрыть предъ посторонними невольный стыдъ высѣченнаго человѣка.

Иванъ оглядѣлъ Чижика улыбающимися глазами, но Чижикъ даже и не удостоилъ обратить вниманія на повара, точно его и не было на кухнѣ, и прошелъ въ свой уголокъ въ сосѣдней комнатѣ.

— Барыня приказали, чтобы вы немедленно явились къ ней, какъ вернетесь изъ экипажа!— крикнулъ ему изъ кухни Иванъ

Чижикъ не отвѣчалъ.

Не спѣша, снялъ онъ шинель, переобулся въ парусинные башмаки, досталъ изъ сундука яблоко и конфетку, данныя ему утромъ Шуркой, сунулъ ихъ въ карманъ и, вынувъ изъ-за обшлага шинели письмо экипажнаго адъютанта, пошелъ въ комнаты.

Въ столовой барыни не было. Тамъ была одна Анютка. Она ходила взадъ и впередъ по комнатѣ, закачивая ребенка и напѣвая своимъ пріятнымъ голоскомъ какую-то пѣсенку.

Замѣтивъ Ѳедоса, Анютка подняла на него свои испуганные глаза. Въ нихъ теперь свѣтилось выраженіе скорби и участья.

— Вамъ барыню, Ѳедосъ Никитичъ? — шепнула она, подходя къ Чижику.

— Доложи, что я вернулся изъ экипажа, — промолвилъ смущенно матросъ, опуская глаза.

Анютка направилась-было въ спальню, но въ ту же минуту Лузгина вошла въ столовую.

Ѳедосъ молча подалъ ей письмо и отошелъ къ дверямъ.

Лузгина прочла письмо. Видимо удовлетворенная тѣмъ, что просьба ея была исполнена, и что дерзкаго денщика строго наказали, она проговорила:

— Надѣюсь, наказаніе будетъ тебѣ хорошимъ урокомъ, и ты не осмѣлишься болѣе грубить...

Чижикъ угрюмо молчалъ.

А Лузгина между тѣмъ продолжала уже болѣе мягкимъ тономъ:

— Смотри же, Ѳеодосій, веди себя, какъ слѣдуетъ порядочному денщику... Не пей водки, будь всегда почтителенъ къ своей барынѣ... Тогда и мнѣ не придется наказывать тебя...

Чижикъ не ронялъ ни слова.

— Понялъ, что я тебѣ говорю?— возвысила голосъ барыня, недовольная этимъ молчаніемъ и угрюмымъ видомъ денщика.

— Понялъ!

— Такъ что-жъ ты молчишь?.. Надо отвѣчать, когда съ тобой говорятъ!

— Слушаю-съ!—автоматически отвѣчалъ Чижикъ.

— Ну, ступай къ молодому барину... Можете идти въ садъ...

Чижикъ вышелъ, а молодая женщина вернулась въ спальную, возмущенная безчувственностью этого грубаго матроса. Рѣшительно Василій Михайловичъ не понимаетъ людей. Расхваливалъ этого денщика, какъ какое-то сокровище, а онъ и пьетъ, и грубитъ, и не чувствуетъ никакого раскаянія.

— Ахъ, что̀ за грубый народъ эти матросы!—произнесла вслухъ молодая женщина.

Послѣ завтрака она собралась въ гости. Передъ тѣмъ, что̀ уходить, она приказала Анюткѣ позвать молодого барина.

Анютка побѣжала въ садъ.

Въ глубинѣ густого, запущеннаго сада, подъ тѣнью раскидистой липы сидѣли рядомъ на травѣ Чижикъ и Шурка. Чижикъ мастерилъ бумажный змѣй и о чемъ-то тихо разсказывалъ. Шурка внимательно слушалъ.

— Пожалуйте къ маменькѣ, барчукъ! — проговорила Анютка, подбѣгая къ нимъ, вся раскраснѣвшаяся.

— Зачѣмъ?—недовольно спросилъ Шурка, который чувствовалъ себя такъ хорошо съ Чижикомъ, разсказывавшимъ ему необыкновенно интересныя вещи.

— А не знаю. Маменька собрались со двора. Должно-быть, хотятъ съ вами проститься...

Шурка неохотно поднялся.

— Что̀, мама сердитая?—спросилъ онъ Анютку.

— Нѣтъ, барчукъ... Отошли...

— А ты торопись, ежели маменька требуетъ... Да смотри, не бунтуй, Лександра Васильичъ, съ маменькой-то. Мало ли что̀ у матери съ сыномъ выйдетъ, а все надо почитать родительницу,—ласково напутствовалъ Шурку Чижикъ, оставляя работу и закуривая трубочку.

Шурка вошелъ въ спальню боязливо, имѣя обиженный видъ, и смущенно остановился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ матери.

Въ нарядномъ шелковомъ платьѣ и бѣлой шляпкѣ, красивая, цвѣтущая и благоухающая, Марья Ивановна подошла къ Шуркѣ и, ласково потрепавъ его по щекѣ, проговорила съ улыбкой:

— Ну, Шурка, довольно дуться... Помиримся... Проси у мамы прощенья за то, что ты назвалъ ее гадкой и злой... Цѣлуй руку...

Шурка поцѣловалъ эту бѣлую пухлую руку въ кольцахъ, и слезы подступили къ его горлу.

Дѣйствительно, онъ виноватъ: онъ назвалъ маму злой и гадкой. А Чижикъ недаромъ говоритъ, что грѣшно быть дурнымъ сыномъ.

И Шурка, преувеличивая свою вину подъ вліяніемъ охватившаго его чувства, взволнованно и порывисто проговорилъ:

— Прости, мама!

Этотъ искренній тонъ, эти слезы, дрожавшія на глазахъ мальчика, тронули сердце матери. Она, въ свою очередь, почувствовала себя виноватой за то, что такъ жестоко наказала своего первенца. Предъ ней представилось его страдальческое личико, полное ужаса, въ ея ушахъ слышались его жалобные крики, и жалость самки къ дѣтенышу охватила молодую женщину. Ей хотѣлось теперь горячо приласкать мальчика.

Но она торопилась ѣхать съ визитами, и ей было жаль новаго парароднаго платья, и потому она ограничилась лишь тѣмъ, что, нагнувшись, поцѣловала Шурку въ лобъ и сказала:

— Забудемъ, что̀ было. Ты вѣдь больше не будешь бранить маму?

— Не буду.

— И любишь попрежнему свою маму?

— Люблю.

— И я тебя люблю, моего мальчика. Ну, до свиданія. Ступай въ садъ...

И съ этими словами Лузгина потрепала еще разъ Шурку по щекѣ, улыбнулась ему и, шелестя шелковымъ платьемъ, вышла изъ спальни.

Шурка возвращался въ садъ, не совсѣмъ удовлетворенный. Впечатлительному мальчику и слова и ласка матери казались недостаточными и не соотвѣтствующими его переполненному чувствомъ раскаянія сердцу. Но еще болѣе его смущало то, что съ его стороны примиреніе было не полное. Хотя онъ и сказалъ, что любитъ маму попрежнему, но чувствовалъ въ эту минуту, что въ душѣ его еще оставалось что-то непріязненное къ матери, и не столько за себя, сколько за Чижика.

XVII.

— Ну, какъ дѣла, голубокъ? Замирился съ маменькой? — спрашивалъ Ѳедоръ подошедшаго тихими шагами Шурку.

— Помирился... И я, Чижикъ, прощенія просилъ, что обругалъ маму...

— А развѣ такое было?

— Было... Я маму назвалъ злой и гадкой.

— Ишь вѣдь ты какой у меня отчаянный! Маменьку да какъ отчекрыжилъ!..

— Это я за тебя, Чижикъ!—поспѣшилъ оправдаться Шурка.

— То-то понимаю, что за меня... А главная причина—сердце твое не стерпѣло неправды... вотъ изъ-за чего ты взбунтовался, махонькій... Оттого ты и Антона жалѣлъ... Богъ за это проститъ, хучь ты и матери родной сгрубилъ... А все-таки это ты правильно, что повинился. Какъ-никакъ, а мать... И когда ежели человѣкъ чувствуетъ, что виноватъ—повинись. Что бы тамъ ни вышло, а самому легче будетъ... Такъ ли я говорю, Лександра Васильичъ? Вѣдь легче?..

— Легче,—проговорилъ раздумчиво мальчикъ.

Ѳедосъ пристально поглядѣлъ на Шурку и спросилъ:

— Такъ что же ты ровно затихъ, посмотрю, а? Какая такая причина, Лександра Васильичъ? Сказывай, а мы вмѣстѣ обсудимъ. Послѣ замиренія у человѣка душа бываетъ легкая, потому все тяжелое зло изъ души-то выскочитъ, а ты, гляди-ко-сь, какой туманливый... Или маменька тебя позудила?..

— Нѣтъ, не то, Чижикъ... Мама меня не зудила...

— Такъ въ чемъ же бѣда?.. Садись-ка на травку да сказывай... А я буду змѣя кончать... И важнецкій, я тебѣ скажу, у насъ змѣй выйдетъ... Завтра утромъ, какъ вѣтерокъ подуетъ, мы его спустимъ...

Шурка опустился на траву и нѣсколько времени молчалъ.

— Ты вотъ говоришь, что зло выскочитъ, а у меня оно не выскочило!—вдругъ проговорилъ Шурка.

— Какъ такъ?

— А такъ, что я все-таки сержусь на маму и не такъ люблю ее, какъ прежде... Это вѣдь не хорошо, Чижикъ? И хотѣлъ бы не сердиться, а не могу...

— За что же ты сердишься, коли вы замирились?

— За тебя, Чижикъ...

— За меня?—воскликнулъ Ѳедосъ.

— Зачѣмъ мама напрасно посылала тебя въ экипажъ? За что она называетъ тебя дурнымъ, когда ты хорошій?

Старый матросъ былъ тронутъ этой привязанностью мальчика и этой живучестью возмущеннаго чувства. Мало того, что онъ потерпѣлъ за своего пѣстуна, онъ до сихъ поръ не можетъ успокоиться.

«Ишь вѣдь Божья душа!»—умиленно подумалъ Ѳедосъ и въ первое мгновеніе рѣшительно не зналъ, что̀ на это отвѣтить и какъ успокоить своего любимца.

Но скоро любовь къ мальчику подсказала ему отвѣтъ.

Съ чуткостью преданнаго сердца онъ понялъ лучше самыхъ опытныхъ педагоговъ, что надо уберечь ребенка отъ ранняго озлобленія противъ матери и во что бы то ни стало защитить въ его глазахъ ту самую «подлую бѣлобрысую», которая отравляла ему жизнь.

И онъ проговорилъ:

— А ты все-таки не сердись! Раскинь умишкомъ, и сердце отойдетъ... Мало ли какое у человѣка бываетъ понятіе... У одного, скажемъ, на аршинъ, у другого—на два... Мы вотъ съ тобой полагаемъ, что меня здря наказали, а маменька твоя, можетъ, полагаетъ, что не здря. Мы вотъ думаемъ, что я не былъ пьяный и не грубилъ, а маменька, братецъ ты мой, можетъ, думаетъ, что я и пьянъ былъ и грубилъ, и что за это меня слѣдовало отодрать по всей формѣ...

Передъ Шуркой открывался, такъ сказать, новый горизонтъ. Но, прежде чѣмъ вникнуть въ смыслъ словъ Чижика, онъ не безъ участливаго любопытства спросилъ самымъ серьезнымъ тономъ:

— А тебя очень больно сѣкли, Чижикъ? Какъ сидорову козу?—вспомнилъ онъ выраженіе Чижика.—И ты кричалъ?

— Вовсе даже не больно, а не то что какъ сидорову козу!—усмѣхнулся Чижикъ.

— Ну?!.. А ты говорилъ, что матросовъ сѣкутъ больно.

— И очень больно... Только меня, можно сказать, ровно и не сѣкли. Такъ только для сраму наказали и чтобы маменькѣ угодить, а я и не слыхалъ, какъ сѣкли... Спасибо, добрый мичманъ въ адъютантахъ... Онъ и пожалѣлъ... не приказалъ по формѣ сѣчь... Только ты, смотри, объ этомъ не проговорись маменькѣ... Пусть думаетъ, что меня какъ слѣдуетъ отодрали...

— Ай да молодецъ мичманъ... Это онъ ловко придумалъ. А меня, Чижикъ, такъ очень больно высѣкли...

Чижикъ погладилъ Шурку по головѣ и замѣтилъ:

— То-то я слышалъ и жалѣлъ тебя... Ну да что̀ объ этомъ говорить... Что̀ было, то прошло.

Наступило молчаніе.

Ѳедосъ хотѣлъ-было предложить сыграть въ дураки, но Шурка, видимо чѣмъ-то озабоченный, спросилъ:

— Такъ ты, Чижикъ, думаешь, что мама не понимаетъ, что виновата передъ тобой?

— Пожалуй, что и такъ. А можетъ и понимаетъ, да не хочетъ показать виду передъ простымъ человѣкомъ. Тоже бываютъ такіе люди, которые гордые. Вину свою чуютъ, а не сказываютъ...

— Хорошо... Значитъ, мама не понимаетъ, что ты хорошій, л отъ этого тебя не любитъ?

— Это ейное дѣло судить о человѣкѣ, и за то сердце противъ маменьки имѣть никакъ невозможно... Къ тому же, по женскому званію, она и совсѣмъ другого разсудка, чѣмъ мужчина... Ей человѣкъ не сразу оказывается... Богъ дастъ, опосля и она распознаетъ, каковъ я есть, значитъ, человѣкъ, и станетъ меня лучше понимать. Увидитъ, что хожу я за ея сыночкомъ какъ слѣдуетъ, берегу его, сказки ему сказываю, ничему дурному не научаю, и что живемъ мы съ тобой, Лександра Васильичъ, согласно, — сердце-то материнское, глядишь, свое и окажетъ. Любя свое дитё родное, и няньку евойную не станетъ утѣснять дарма. Все, братецъ ты мой, временемъ приходитъ, пока Господь не умудритъ... Такъ-то, Лександра Васильичъ... И ты зла не таи противъ своей маменьки, другъ мой сердечный!—заключилъ Ѳедосъ.

Благодаря этимъ словамъ мать была до нѣкоторой степени оправдана въ глазахъ Шурки, и онъ, просвѣтлѣвшій и обрадованный, какъ бы въ благодарность за это оправданіе, разрѣшившее его сомнѣнія, порывисто поцѣловалъ Чижика и увѣренно воскликнулъ:

— Мама непремѣнно полюбитъ тебя, Чижикъ! Она узнаетъ, какой ты! Узнаетъ!

Ѳедосъ, далеко не раздѣлявшій этой радостной увѣренности, съ ласкою глядѣлъ на повеселѣвшаго мальчика.

А Шурка оживленно продолжалъ:

— И тогда мы, Чижикъ, отлично заживемъ... Никогда мама не пошлетъ тебя въ экипажъ... И этого гадкаго Ивана прогонитъ... Это вѣдь онъ наговариваетъ на тебя мамѣ... Я его терпѣть не могу... И меня онъ крѣпко давилъ, когда мама сѣкла... Какъ папа вернется, я ему все разскажу про этого Ивана... Вѣдь правда, надо разсказать, Чижикъ?

— Не говори лучше... Не заводи кляузъ, Лександра Васильичъ. Не путайся въ эти дѣла... Ну ихъ! — брезгливо промолвилъ Ѳедосъ и махнулъ рукой съ видомъ полнѣйшаго пренебреженія:—правда, братъ, сама окажетъ, а жаловаться барчуку на прислугу, безъ крайности, не годится... Другой несмышленый да озорной ребенокъ и здря родителямъ пожалуется, а родители не разберутъ и прислугу отшлифуютъ. Небось, не сладко. Тоже и Иванъ этотъ самый... Хучь онъ

и довольно даже подлый человѣкъ, что на своего же брата господамъ брешетъ, а ежели по-настоящему-то разсудить, такъ онъ и совѣсть-то потерялъ не по своей только винѣ. Онъ, напримѣръ, ежели пришелъ наушничать, такъ ты его, подлеца, въ зубы, да разъ, да два, да въ кровь,—говорилъ, загораясь негодованіемъ, Ѳедосъ.—Небось, больше не придетъ... И опять же: Иванъ все въ денщикахъ околачивался, ну и вовсе безсовѣстнымъ сталъ... Извѣстно ихнее лакейское дѣло: настоящей, значитъ, трудливой работы нѣтъ, а прямо сказать—одна только фальшь... Тому угоди, тому подай, къ тому подлестись,—человѣкъ и фальшитъ, да брюхо отращиваетъ, да чтобы скуснѣе объѣдки господскіе сожрать... Будь онъ форменнымъ матросомъ, можетъ, и Иванъ этой въ себѣ подлости не имѣлъ... Матросики вывели бы его на линію... Такъ обломали бы его, что мое вамъ почтеніе!.. То-то оно и есть!.. И Иванъ сталъ бы другимъ Иваномъ... Однако брешу я, старый, только скуку навожу на тебя, Лександра Васильичъ... Давай-ка въ дураки, а то въ рамцу... Веселѣе будетъ...

Онъ вынулъ изъ кармана карты, вынулъ яблоко и конфетку и, подавая Шуркѣ, промолвилъ:

— На-ко-сь, покушай...

— Это твое, Чижикъ...

— Ѣшь, говорятъ... Мнѣ и скусу не понять, а тебѣ лестно... Ѣшь!

— Ну, спасибо, Чижикъ... Только ты возьми половину.

— Развѣ кусочекъ... Ну, сдавай, Лександра Васильичъ... Да смотри, опять не объегорь няньку... Третьяго-дня все меня въ дуракахъ оставлялъ! Дошлый ты въ картахъ!—промолвилъ Ѳедосъ.

Оба примостились поудобнѣе на травѣ, въ тѣни, и стали играть въ карты.

Скоро въ саду раздался веселый торжествующій смѣхъ Шурки и намѣренно ворчливый голосъ нарочно проигрывающаго старика:

— Ишь вѣдь, опять оставилъ въ дуракахъ... Ну-жъ и дока ты, Лександра Васильичъ!

XVIII.

Конецъ августа на дворѣ. Холодно, дождливо и непривѣтливо. Солнца не видать изъ-за свинцовыхъ тучъ, окутавшихъ со всѣхъ сторонъ небо. Вѣтеръ такъ и гуляетъ по грязнымъ кронштадтскимъ улицамъ и переулкамъ, напѣвая тоскливую осеннюю пѣсню, и порой слышно, какъ реветъ море.

Большая эскадра старинныхъ парусныхъ кораблей и фрегатовъ уже возвратилась изъ долгаго крейсерства въ Балтійскомъ морѣ подъ начальствомъ извѣстнаго въ тѣ времена адмирала, который, охотникъ выпить, говорилъ, бывало, у себя за обѣдомъ: «Кто хочетъ быть пьянъ, садись подлѣ меня, а кто хочетъ быть сытъ, садись подлѣ брата». Братъ былъ тоже адмиралъ и славился обжорствомъ.

Корабли втянулись въ гавань и «разоружались», готовясь къ зимовкѣ. Кронштадтскіе рейды опустѣли, но зато затихшія лѣтомъ улицы оживились.

«Копчикъ» еще не вернулся изъ плаванія. Его ждали со дня на день.

Въ квартирѣ у Лузгиныхъ стоитъ тишина, та подавляющая тишина, которая бываетъ въ домахъ, гдѣ есть тяжело больные. Всѣ ходятъ на цыпочкахъ и говорятъ неестественно тихо.

Шурка боленъ и боленъ серьезно. У него воспаленіе обоихъ легкихъ, которымъ осложнилась бывшая у него корь. Вотъ ужъ двѣ недѣли, какъ онъ лежитъ пластомъ на своей кроваткѣ, исхудалый, съ осунувшимся личикомъ и лихорадочно-блестящими глазами, большими и скорбными, покорно притихшій, точно подстрѣленная птица. Докторъ два раза ходитъ въ день, и его добродушное лицо при каждомъ посѣщеніи дѣлается все серьезнѣе и серьезнѣе, при чемъ губы какъ-то комично вытягиваются, точно онъ ими выражаетъ опасность положенія.

Все это время Чижикъ находился безотлучно при Шуркѣ. Больной настоятельно требовалъ, чтобы Чижикъ былъ при немъ, и радъ былъ, когда Чижикъ давалъ ему лѣкарство, и улыбался подчасъ, слушая его веселыя сказки. По ночамъ Чижикъ дежурилъ, словно на вахтѣ, на креслѣ около Шуркиной кровати и не спалъ, сторожа малѣйшее движеніе тревожно спавшаго мальчика. А днемъ Чижикъ успѣвалъ бѣгать и въ аптеку и по разнымъ дѣламъ, и находилъ время смастерить какую-нибудь самодѣльную игрушку, которая заставила бы улыбнуться его любимца. И все это дѣлалъ какъ-то незамѣтно и покойно, безъ суеты и необыкновенно быстро, и при этомъ лицо его свѣтилось выраженіемъ чего-то спокойнаго, увѣреннаго и привѣтливаго, что успокоительно дѣйствовало на больного.

И въ эти дни сбылось то, о чемъ говорилъ въ саду Шурка. Обезумѣвшая отъ горя и отчаянія мать, сама похудѣвшая отъ волненія и недосыпавшая ночей, только теперь начала узнавать этого «безчувственнаго, грубаго мужлана», невольно дивясь той нѣжности его натуры, которая обнаружилась въ

его неустанномъ уходѣ за больнымъ и невольно заставила мать быть благодарной за сына.

Въ этотъ вечеръ вѣтеръ особенно сильно завывалъ въ трубахъ. Въ морѣ было очень свѣжо, и Марья Ивановна, подавленная горемъ, сидѣла въ своей спальнѣ... Каждый порывъ вѣтра заставлялъ ее вздрагивать и вспоминать то о мужѣ, который шелъ въ эту ужасную погоду изъ Ревеля въ Кронштадтъ, то о Шуркѣ.

Докторъ недавно ушелъ, серьезнѣе чѣмъ когда-либо...

— Надо ждать кризиса... Богъ дастъ, мальчикъ вынесетъ... Давайте мускусъ и шампанское... Вашъ денщикъ—отличная сидѣлка... Пусть онъ продежуритъ ночь около больного и даетъ ему, какъ приказано, а вамъ слѣдуетъ отдохнуть... Завтра утромъ буду...

Эти слова доктора невольно возстаютъ въ памяти, и слезы льются изъ ея глазъ... Она шепчетъ молитвы, крестится... Надежда смѣняется отчаяніемъ, отчаяніе—надеждой.

Вся въ слезахъ она прошла въ дѣтскую и приблизилась къ кроваткѣ.

Ѳедосъ тотчасъ же всталъ.

— Сиди, сиди, пожалуйста, — шепнула Лузгина и заглянула на Шурку.

Онъ былъ въ забытьѣ и прерывисто дышалъ... Она приложила руку къ его головѣ,—отъ нея такъ и пышало жаромъ.

«О, Господи!» — простонала молодая женщина, и слезы снова хлынули изъ ея глазъ...

Въ слабо освѣщенной комнатѣ царила тишина. Только слышалось дыханіе Шурки, да порою доносился сквозь закрытыя ставни заунывный стонъ вѣтра.

— Вы бы шли отдохнуть, барыня,—почти шопотомъ проговорилъ Ѳедосъ:—не извольте сумлѣваться... Я все справлю около Лександра Васильича...

— Ты самъ не спалъ нѣсколько ночей.

— Намъ, матросамъ, дѣло привычное... И я даже вовсе спать не хочу... Шли бы, барыня! — мягко повторилъ онъ.

И, глядя съ состраданіемъ на отчаяніе матери, онъ прибавилъ:

— И, осмѣлюсь вамъ доложить, барыня, не приходите въ отчаянность. Барчукъ на поправку пойдетъ.

— Ты думаешь?

— Безпремѣнно поправится! Зачѣмъ такому мальчику умирать. Ему жить надо!

Онъ произнесъ эти слова съ такою увѣренностью, что надежда снова оживила молодую женщину.

Она посидѣла еще нѣсколько минутъ и поднялась.

— Какой ужасный вѣтеръ!—проронила она, когда снова съ улицы донесся вой.—Какъ-то «Копчикъ» теперь въ морѣ?.. Съ нимъ не можетъ ничего случиться? Какъ ты думаешь?

— «Копчикъ» и не такую штурму выдерживалъ, барыня. Небось, взялъ всѣ рифы и знай покачивается себѣ, какъ боченокъ... Будьте обнадежены, барыня... Слава Богу, Василій Михайловичъ форменный командиръ...

— Ну, я пойду вздремнуть... Чуть что—разбуди.

— Слушаю-съ. Покойной ночи, барыня!

— Спасибо тебѣ за все... за все! — прошептала съ чувствомъ Лузгина и, значительно успокоенная, вышла изъ комнаты.

А Чижикъ всю ночь бодрствовалъ, и когда на слѣдующее утро Шурка, проснувшись, улыбнулся Чижику и сказалъ, что ему гораздо лучше, и что онъ хочетъ чаю, Чижикъ широко перекрестился, поцѣловалъ Шурку и отвернулся, чтобы скрыть подступающія радостныя слезы.

На другой день вернулся Василій Михайловичъ.

Узнавши отъ жены и отъ доктора, что Шурку выходилъ главнымъ образомъ Чижикъ, Лузгинъ, счастливый, что обожаемый сынъ его внѣ опасности, горячо благодарилъ матроса и предложилъ ему сто рублей.

— При отставкѣ пригодятся,—прибавилъ онъ.

— Осмѣлюсь доложить, вашескобродіе, что денегъ взять не могу!—проговорилъ нѣсколько обиженно Чижикъ.

— Почему это?

— А потому, вашескобродіе, что я не изъ-за денегъ за вашимъ сыномъ ходилъ, а любя...

— Я знаю, но все-таки, Чижикъ... Отчего не взять?

— Не извольте обижать меня, вашескобродіе... Оставьте при себѣ ваши деньги.

— Что ты?.. я и не думалъ тебя обижать!.. Какъ хочешь... Я тоже, братъ, отъ чистаго сердца тебѣ предлагалъ! — нѣсколько сконфуженно проговорилъ Лузгинъ.

И, взглянувъ на Чижика, вдругъ прибавилъ:

— И какой же ты, я тебѣ скажу, славный человѣкъ, Чижикъ!..

XIX.

Ѳедосъ благополучно пробылъ у Лузгиныхъ три года, пока Шурка не поступилъ въ морской корпусъ, и пользовался общимъ уваженіемъ. Съ новымъ денщикомъ-поваромъ, по-

ступившимъ вмѣсто Ивана, онъ былъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ.

И вообще жилось ему эти три года недурно. Радостная вѣсть объ освобожденіи крестьянъ пронеслась по всей Россіи... Повѣяло новымъ духомъ, и сама Лузгина какъ-то подобрѣла и, слушая восторженныя рѣчи мичмановъ, стала лучше обходиться съ Анюткой, чтобы не прослыть ретроградкой.

Каждое воскресенье Ѳедосъ отпрашивался гулять и послѣ обѣдни шелъ въ гости къ пріятелю-боцману и его женѣ, философствовалъ тамъ и къ вечеру возвращался домой, хотя и порядочно «треснувши», но, какъ онъ выражался, «въ полномъ своемъ разсудкѣ».

И госпожа Лузгина не сердилась, когда Ѳедосъ, случалось, при ней говорилъ Шуркѣ, отдавая ему непремѣнно какой-нибудь гостинецъ:

— Ты не думай, Лександра Васильичъ, что я пьянъ... Не думай, голубокъ... Я все, какъ слѣдуетъ, могу справить...

И словно бы въ доказательство, что можетъ, забиралъ сапоги и разное платье Шурки и усердно ихъ чистилъ.

Когда Шурку опредѣлили въ морской корпусъ, вышла и Ѳедосу отставка. Онъ побывалъ въ деревнѣ, скоро вернулся и поступилъ сторожемъ въ петербургскомъ адмиралтействѣ. Разъ въ недѣлю онъ обязательно ходилъ къ Шуркѣ въ корпусъ, а по воскресеньямъ навѣщалъ Анютку, которая послѣ воли вышла замужъ и жила въ нянькахъ.

Выйдя въ офицеры, Шурка, по настоянію Чижика, взялъ его къ себѣ. Чижикъ вмѣстѣ съ нимъ ходилъ въ кругосвѣтное плаванье, продолжая быть его нянькой и самымъ преданнымъ другомъ. Потомъ, когда Александръ Васильевичъ женился, Чижикъ няньчилъ его дѣтей и семидесятилѣтнимъ старикомъ умеръ у него въ домѣ.

Память о Чижикѣ свято хранится въ семьѣ Александра Васильевича. И самъ онъ, съ глубокою любовью вспоминая о немъ, нерѣдко говоритъ, что самымъ лучшимъ воспитателемъ его былъ Чижикъ.

КУЦЫЙ.

I.

Въ роскошное, раннее тропическое утро на Сингапурскомъ рейдѣ, гдѣ собралась русская эскадра Тихаго океана, плававшая въ 60-хъ годахъ, новый старшій офицеръ, баронъ фонъ-деръ-Берингъ, худощавый, долговязый и необыкновенно серьезный блондинъ лѣтъ тридцати пяти, въ первый разъ обходилъ, въ сопровожденіи старшаго боцмана Гордеева, корветъ «Могучій», заглядывая во всѣ, самые сокровенные, его закоулки. Баронъ только вчера вечеромъ перебрался на «Могучій», переведенный съ клипера «Голубь» по распоряженію адмирала, и теперь знакомился съ судномъ.

Несмотря на желаніе педантичнаго барона, въ качествѣ «новой метлы», къ чему-нибудь да придраться, это оказалось рѣшительно невозможнымъ. «Могучій», находившійся въ кругосвѣтномъ плаваніи уже два года, содержался въ образцовомъ порядкѣ и сіялъ съ верху до низу умопомрачающей чистотой. Недаромъ же прежній старшій офицеръ, милѣйшій Степанъ Степановичъ, назначенный командиромъ одного изъ клиперовъ,—любимый и офицерами и матросами,—клалъ всю свою добрую, безхитростную душу на то, чтобы «Могучій» былъ, какъ выражался Степанъ Степановичъ, «игрушкой», которой могъ бы любоваться всякій, понимающій дѣло, морякъ.

И дѣйствительно, «Могучимъ» любовались во всѣхъ портахъ, которые онъ посѣщалъ.

Обходя медлительной, нѣсколько развалистой походкой нижнюю жилую палубу, баронъ Берингъ вдругъ остановился на кубрикѣ и вытянулъ свой длинный, бѣлый указательный палецъ, на которомъ блестѣлъ перстень съ фамильнымъ гербомъ стариннаго рода курляндскихъ бароновъ Берингъ. Палецъ этотъ указывалъ на лохматаго крупнаго рыжаго пса, сладко дремавшаго, вытянувъ свою неказистую, далеко не породистую морду, въ укромномъ и прохладномъ уголкѣ матросскаго помѣщенія.

— Это что̀ такое?—внушительно и строго спросилъ баронъ послѣ секунды-другой торжественнаго молчанія.

— Собака, ваше благородіе! — поспѣшилъ отвѣтить боцманъ, подумавшій, что старшій офицеръ не разглядѣлъ въ полутемнотѣ кубрика собаки и принялъ ее за что-нибудь другое.

— Ду-ракъ!—спокойно, не повышая голоса, отчеканилъ баронъ.—Я самъ вижу, что это собака, а не швабра. Я спрашиваю: почему собака здѣсь? Развѣ можно на военномъ суднѣ держать собакъ! Чья это собака?

— Конвертская, ваше благородіе!

— Боцманъ... Какъ твоя фамилія?

— Гордеевъ, ваше благородіе!

— Боцманъ Гордеевъ! Выражайся яснѣе; я тебя не понимаю. Что̀ значитъ: корветская собака?—продолжалъ баронъ все тѣмъ же медленнымъ, тихимъ и нудящимъ голосомъ, произнося слова съ тою отчетливостью, съ какою говорятъ русскіе нѣмцы, и останавливая на лицѣ боцмана свои большіе, свѣтлые и холодные голубые глаза.

Пожилой боцманъ, котораго до сихъ поръ всѣ, кажется, отлично понимали, за исключеніемъ развѣ тѣхъ случаевъ, когда онъ, случалось, возвращался съ берега пьяный вдрызгъ, недоумѣвая смотрѣлъ въ безстрастное, бѣлое, отливавшее румянцемъ, безусое, продолговатое лицо, опушенное рыжеватыми бакенбардами въ видѣ котлетъ, и, видимо удрученный этимъ назойливымъ допросомъ, вмѣсто отвѣта, ожесточенно заморгалъ своими маленькими сѣрыми глазами.

— Такъ какая же это корветская собака?

— Матросская, значитъ, обчая, ваше благородіе! — объяснилъ съ угрюмымъ видомъ боцманъ и въ то же время сердито подумалъ: «не понимаешь, что ли, долговязый!»

Но «долговязый», казалось, не понималъ и сказалъ:

— Что̀ ты мнѣ вздоръ разсказываешь!.. У каждой собаки долженъ быть хозяинъ.

— То-то у ей нѣтъ, ваше благородіе. Она приблудная.

— Какая?—переспросилъ баронъ, видимо не зная значенія этого слова.

— Приблудная, ваше благородіе. Въ Кронштадтѣ увязалась за однимъ нашимъ матросикомъ и явилась на конвертъ, когда онъ вооружался въ гавани. Съ той поры «Куцый» и ходитъ съ нами. Такъ его назвали по причинѣ хвоста, ваше благородіе!—прибавилъ, въ видѣ поясненія, боцманъ.

— Собаки на военномъ суднѣ—безпорядокъ. Онѣ только гадятъ палубу.

— Осмѣлюсь доложить, ваше благородіе, что «Куцый» собака понятливая и ведетъ себя, какъ слѣдуетъ. За ей насчетъ этого ничего дурного не замѣчено!—вступился боцманъ за «Куцаго».—Прежній старшій офицеръ Степанъ Степанычъ дозволяли ее держать, потому какъ «Куцый», можно сказать, исправная собака, и команда ее любитъ.

— Слишкомъ много вамъ позволяли прежде, какъ посмотрю, и распустили. Я васъ всѣхъ подтяну, слышишь?—строго замѣтилъ баронъ, которому объясненія боцмана показались нѣсколько фамильярными, и самъ онъ, казалось, не особенно трепеталъ передъ старшимъ офицеромъ.

— Слушаю, ваше благородіе.

Баронъ на секунду задумался и наморщилъ лобъ, рѣшая въ своемъ умѣ участь «Куцаго». И боцманъ, весьма благоволившій къ «Куцому», со страхомъ ждалъ этого рѣшенія.

Наконецъ старшій офицеръ проговорилъ:

— Если я когда-нибудь замѣчу, что эта собака изгадитъ мнѣ палубу, я прикажу ее выкинуть за бортъ. Понялъ?

— Понялъ, ваше благородіе!

— И помни, что я два раза не повторяю своихъ приказаній,—внушительно прибавилъ баронъ, попрежнему не возвышая своего скрипучаго, однотоннаго голоса.

Боцманъ Гордеевъ, старый служака, видавшій на своемъ вѣку немало разнаго начальства и умѣвшій понимать людей, и безъ этого предупрежденія уже сообразилъ, что этотъ «долговязый», даромъ что говоритъ тихо, безъ пыла, а такая «чума», съ которой всѣмъ служить будетъ очень «нудно», не то что со Степаномъ Степанычемъ.

Услыхавъ нѣсколько разъ свою кличку, «Куцый» потянулся, открывая глаза, лѣниво поднялся, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, выходя изъ темнаго угла поближе къ свѣту, и, какъ смышленый, понимающій дисциплину, песъ, при видѣ незнакомаго человѣка въ офицерской формѣ, почтительно вильнулъ нѣсколько разъ своимъ обрубкомъ.

— Фуй, какая отвратительная собака!—брезгливо процѣдилъ баронъ, кидая взглядъ, полный презрѣнія, на невзрачную и неуклюжую большую дворнягу, съ жесткой, всклокоченной рыжей шерстью, обгрызенными, стоящими торчкомъ, ушами и широкой мордой, мѣстами покрытой плѣшинами, словно изъѣденной молью.

Только необыкновенно умные и добрые глаза «Куцаго», пристально оглядывавшіе барона, нѣсколько скрашивали его уродливую наружность. Но этихъ глазъ баронъ, вѣрно, не замѣтилъ.

— Чтобъ я не встрѣчалъ никогда этой мерзкой собаки!— проговорилъ баронъ.

И съ этими словами онъ повернулся и поднялся наверхъ, сопровождаемый удрученнымъ и нахмурившимся боцманомъ.

Поджавъ свой обрубокъ—слѣды злой шутки одного кронштадтскаго повара, «Куцый» побрелъ, прихрамывая на одну, давно сломанную, переднюю лапу, въ свой темный уголокъ, чуя, надо думать, что не имѣлъ счастья понравиться этому долговязому человѣку съ рыжими баками и съ злымъ взглядомъ, который не предвѣщалъ ничего хорошаго.

Одинъ матросъ, слышавшій слова старшаго офицера, ласково потрепалъ общаго корветскаго любимца, который въ отвѣтъ благодарно вылизывалъ шершавую матросскую руку.

II.

Испытывая чувство тоскливаго угнетенія, обычное въ простомъ русскомъ человѣкѣ, котораго донимаютъ нотаціями и «жалкими» словами, боцманъ еще цѣлую четверть часа, если не болѣе, выслушивалъ, стоя на вытяжкѣ въ каютѣ барона и теребя въ нетерпѣніи фуражку, его длинныя, обстоятельныя и монотонныя наставленія о томъ, какіе отнынѣ будутъ порядки на корветѣ, чего онъ будетъ требовать отъ боцмановъ и унтеръ-офицеровъ, какъ должны вести себя матросы, что̀ такое, по понятіямъ барона, настоящая дисциплина, и какъ онъ будетъ безпощадно взыскивать за пьянство на берегу.

Отпущенный наконецъ изъ каюты съ напутствіемъ «хорошо запомнить все, что̀ сказано, и передать кому слѣдуетъ», боцманъ радостно вздохнулъ и, весь красный, словно послѣ бани, выскочилъ наверхъ и пошелъ на бакъ выкурить поскорѣй трубочку махорки.

Тамъ его тотчасъ же обступили почти всѣ представители баковой аристократіи: фельдшеръ, баталеръ, подшкиперъ, машинистъ, два писаря и нѣсколько унтеръ-офицеровъ.

— Ну что̀, Акимъ Захарычъ, каковъ старшій офицеръ? Какъ онъ вамъ показался?—спрашивали боцмана со всѣхъ сторонъ.

Боцманъ въ отвѣтъ только безнадежно махнулъ своей волосатой, красной и жилистой рукой и сердито плюнулъ въ кадку.

И этотъ жестъ, и энергичный плевокъ, и раздраженное выраженіе загорѣлаго, краснобураго лица боцмана, опушеннаго черными, съ просѣдью, бакенбардами, съ краснымъ, похожимъ на картофелину, носомъ и съ нахмуренными бро-

вями, словомъ, все, казалось, говорило: «Дескать, лучше и не спрашивайте!»

— Сердитый?—спросилъ кто-то.

Но боцманъ не тотчасъ отвѣтилъ. Онъ сдѣлалъ сперва двѣ-три отчаянныя затяжки, сплюнулъ опять и, значительно оглядѣвъ всѣхъ слушателей, жаждавшихъ услышать оцѣнку такого умнаго и авторитетнаго человѣка, наконецъ выпалилъ, нѣсколько понижая однако свой зычный голосъ, стяжавшій горлу боцмана репутацію «мѣдной глотки»:

— Прямо сказать: чума турецкая!

Столь убѣжденная и рѣшительная оцѣнка произвела на присутствующихъ весьма сильное впечатлѣніе. Еще бы! Послѣ двухлѣтняго плаванія съ старшимъ офицеромъ, который, по выраженію матросовъ, былъ «доберъ» и «жалѣлъ» людей, не обременяя ихъ непосильными работами и ученіями, дрался рѣдко—и то съ пыла, а не отъ жестокости—и снисходительно относился къ матросской слабости — «нахлестаться» на берегу, имѣть дѣло съ «чумой» показалось очень непривлекательнымъ. Немудрено, что всѣ лица внезапно сдѣлались серьезными и задумчивыми.

Съ минуту длилось сосредоточенное и напряженное молчаніе.

— Въ какихъ однако смыслахъ *онъ* чума, Акимъ Захарычъ?—заговорилъ молодой, курчавый фельдшеръ, которому, по его должности, предстояло менѣе другихъ опасности имѣть столкновенія съ старшимъ офицеромъ. Знай себѣ доктора да лазаретъ, и шабашъ!

— Во всякихъ смыслахъ, братецъ ты мой, чума! То-есть вовсе нудный человѣкъ. Зудитъ, какъ пила, и никакой не даетъ тебѣ передышки, нѣмчура долговязая! Сейчасъ вотъ въ каютѣ допималъ. Глядитъ это на меня рыбьимъ глазомъ, а самъ: зу-зу-зу, зу-зу-зу,—передразнилъ барона боцманъ:— Я, говоритъ, васъ всѣхъ подтяну. У меня, говоритъ, новые порядки станутъ. Я, говоритъ, за береговое пьянство буду взыскивать во всей строгости... одно слово, зудилъ безъ конца... Совсѣмъ въ тоску привелъ.

— Унтерцеръ, что вчерась на катерѣ съ «Голубя» привезъ новаго старшаго офицера, тоже его не хвалилъ. Сказывалъ, что характерный и упрямый и всѣхъ на клиперѣ разговоромъ нудилъ,—вставилъ одинъ изъ унтеръ-офицеровъ.—На «Голубѣ» всѣ рады, что онъ ушелъ, потому приставалъ, ровно смола... А драться, сказывали, не дерется и не поретъ, но только наказываетъ по-своему: на ванты босыми ногами ставитъ, на ноки на высидку посылаетъ. Сказы-

валъ — очень придирчивъ и много о себѣ полагаетъ этотъ самый... какъ его по фамиліи?..

— Берниковъ, что ли,—отвѣтилъ боцманъ, передѣлывая нѣмецкую фамилію на русскій ладъ.—Изъ нѣмецкихъ бароновъ. А о себѣ онъ напрасно полагаетъ, потому полагать-то ему нечего! — авторитетно прибавилъ боцманъ.

— А что?

— А то, что въ немъ большого разсудка незамѣтно. Это по всѣмъ его словамъ оказываетъ. И на понятіе тугъ. Давеча, я вамъ скажу, не могъ взять вдомёкъ, что «Куцый» конвертская собака... Какая, говоритъ, конвертская? Непремѣнно ему хозяина подавай...

— Изъ-за чего у васъ о собакѣ-то разговоръ вышелъ? — спросилъ кто-то.

— А вотъ поди-жъ ты! Непонравился ему нашъ «Куцый», и шабашъ! Нельзя, говоритъ, на суднѣ держать собаку. И грозился, что прикажетъ выкинуть «Куцаго» за бортъ, если онъ нагадитъ на палубѣ... И чтобы я, говоритъ, его не встрѣчалъ!

— И что ему «Куцый»? Мѣшаетъ, что ли?

— То-то все ему мѣшаетъ, анаѳемѣ. И животную безсловесную, и тую притѣснилъ... Да, братцы, послалъ намъ Господь цацу, нечего сказать. Другое житье пойдетъ. Не разъ вспомнимъ Степанъ-Степаныча, дай Богъ ему, голубчику, здоровья! — промолвилъ боцманъ и, выбивъ трубочку, опустилъ ее въ карманъ своихъ штановъ.

— Капитанъ-то нашъ ему большого хода не дастъ, я такъ полагаю, — замѣтилъ молодой фельдшеръ. — Не допуститъ очень-то безобразничать. Шалишь, братъ! Не тѣ нонче права... Вотъ теперь мужикамъ волю даютъ, и всѣмъ права будутъ, чтобы по закону...

— Не досмотрѣть то всего капитану. Главная причина, что старшій офицеръ ближе всего до насъ касается!—возразилъ боцманъ.

— Можно и до капитана дойти въ случаѣ чего. «Такъ, молъ, и такъ!» — хорохорился фельдшеръ.

— Прытокъ больно! А ты разсуди, что и капитану, стало-быть, быдто зазорно противъ своего же брата идти и срамить его, скажемъ, изъ-за какого-нибудь унтерцера. Въ этомъ самая загвоздка и есть! Нѣтъ, братецъ ты мой, по одиночкѣ жаловаться не порядокъ, только здря начальство разстроишь, а толку не будетъ — тебѣ же попадетъ! Въ старину бывала другая правила! — прибавилъ боцманъ, строго охранявшій прежнія традиціи, такъ сказать, обычнаго матросскаго права.

— Какая, Акимъ Захарычъ?

— А такая, что ежели, примѣрно, безо всякаго, можно сказать, разсудка изматывали нашего брата, матроса, и вовсе уже не ставало терпѣнія, значитъ, отъ тиранства, тогда команда шла на отчаянность: выстроится, какъ слѣдуетъ, во фрунтъ и черезъ боцмановъ объявитъ командиру претензію.

— И что-жъ, выходилъ толкъ?

— Глядя по человѣку. Иной, вмѣсто разборки, велитъ перепороть половину команды, ну а другой выслушаетъ и разсудитъ по совѣсти. Помню, разъ на смотру — я еще тогда первый годъ служилъ — объявили мы адмиралу Чаплыгину претензію на командира Занозова—форменный звѣрь былъ!— такъ, вмѣсто разборки дѣла, у насъ на кораблѣ, братецъ ты мой, цѣлый день порка была... Такъ стонъ и стоялъ, и мнѣ сто линьковъ всыпали—вотъ тебѣ и вся претензія! Опять же въ другой разъ тоже объявили мы претензію капитану Чулкову — теперь онъ въ адмиралы вышелъ — на старшаго офицера. Такъ совсѣмъ другой оборотъ. Выслушалъ это Чулковъ, насупимшись, грозный такой, однако обѣщалъ по формѣ разсудить....

— Ну, и что же? Разсудилъ?

— Разсудилъ. Черезъ недѣлю старшій офицеръ списался съ фрегата, быдто по болѣзни, и мы вздохнули... И ничего намъ не было... Вотъ, братецъ ты мой, какія дѣла бывали... Извѣстно, шли на фартъ...

— Ну, нашъ командиръ, небось, не дастъ команды въ обиду!

— На капитана одна и надежда, а все-таки не доглядѣть ему за всѣмъ. Зазудитъ насъ «долговязая нѣмца»!

Еще нѣсколько времени продолжались толки о новомъ старшемъ офицерѣ. Всѣ рѣшили пока-что ждать поступковъ. Можетъ, онъ и испугается капитана и не станетъ мѣнять порядковъ, заведенныхъ Степанъ-Степанычемъ. Эти соображенія нѣсколько успокоили собравшихся. И тогда молодой писарекъ изъ кантонистовъ, отчаянный франтъ, съ аметистовымъ перстенькомъ на мизинцѣ, спросилъ:

— А какъ же теперь насчетъ берега будетъ, Акимъ Захарычъ? Отпуститъ *онъ* насъ на Сингапуръ посмотрѣть?

— Объ этомъ разговору не было.

— Такъ вы доложили бы старшему офицеру, Акимъ Захарычъ.

— Ужо доложу.

— Всякому лестно, я думаю, погулять на берегу. Здѣсь,

говорятъ, въ Сингапурѣ очень даже любопытно... И насчетъ красы природы и насчетъ ресторантовъ... И лавки, говорятъ, хорошія... Ужъ вы доложите, Акимъ Захарычъ, а то неизвѣстно еще, сколько простоимъ, того и гляди безъ удовольствія останемся.

Въ эту минуту на бакъ со всѣхъ ногъ прибѣжалъ молодой вѣстовой Ошурковъ и сказалъ боцману:

— Акимъ Захарычъ! Васъ старшій офицеръ требуетъ.

— Что̀ ему еще?

— Не могу знать. У себя въ каютѣ сидитъ и какія-то бумаги перебираетъ...

— Опять зудить начнетъ! Эка...

И, выпустивъ звучную ругань, боцманъ побѣжалъ къ старшему офицеру.

— А ты у новаго старшаго офицера остаешься, Вань, вѣстовымъ?—спрашивали на бакѣ у Ошуркова.

— То-то остаюсь. Ничего не подѣлаешь... Придется съ имъ терпѣть... По всему видно, что занозу мнѣ Богъ послалъ замѣсто Степанъ-Степаныча. Ужъ онъ мнѣ зудилъ насчетъ свойныхъ, значитъ, порядковъ... Чтобы, говоритъ, какъ машина, все сполнялъ!

III.

Ненависть новаго старшаго офицера къ «Куцому» и его угроза выбросить матросскую собаку за бортъ были встрѣчены общимъ глухимъ ропотомъ команды. Всѣ, казалось, удивлялись этой безсмысленной жестокости—лишить матросовъ ихъ любимца, который въ теченіе двухъ лѣтъ плаванія доставлялъ имъ столько развлеченій среди однообразія и скуки судовой жизни и былъ такимъ добрымъ, ласковымъ и благодарнымъ псомъ, платившимъ искренней привязанностью за доброе къ нему отношеніе людей, которое онъ наконецъ нашелъ послѣ нѣсколькихъ лѣтъ бродяжнической и полной невзгодъ жизни на улицахъ Кронштадта.

Смышленый и переимчивый, быстро усвоивавшій разные предметы матросскаго преподаванія, какихъ только штукъ ни продѣлывалъ этотъ смѣшной и некрасивый «Куцый», вызывая общій смѣхъ матросовъ и удивляя ихъ своею, дѣйствительно необыкновенной понятливостью! И сколько удовольствія и утѣхи доставлялъ онъ нетребовательнымъ морякамъ, заставляя ихъ хоть на время забывать и тяжелую морскую жизнь на длинныхъ океанскихъ переходахъ и долгую разлуку съ родиной! Онъ ходилъ на заднихъ лапахъ съ самымъ серьезнымъ выраженіемъ на своей умной мордѣ, но-

силъ поноску, лазилъ на ванты и стоялъ тамъ, пока ему не кричали: «Съ марсовъ долой», сердито скалилъ зубы и ворчалъ, если его спрашивали: «Куцый, хочешь, братъ, линьковъ?» и, напротивъ, строилъ радостную гримасу, виляя весело своимъ обрубкомъ, когда ему говорили: «Хочешь на берегъ?» Когда раздавался свистокъ и вслѣдъ затѣмъ окрикъ боцмана: «Пошелъ всѣ наверхъ», «Куцый» вмѣстѣ съ подвахтенными летѣлъ стремглавъ наверхъ, какая бы ни была погода, и дожидался на бакѣ, пока не свистали: «подвахтенныхъ внизъ!» А во время шторма онъ почти всегда бывалъ наверху и развлекалъ вахтенныхъ во время ихъ тяжелыхъ вахтъ. Когда свистали къ водкѣ, «Куцый» вмѣстѣ съ матросами присутствовалъ при раздачѣ и затѣмъ во время обѣда обходилъ на заднихъ лапахъ сидящихъ по артелямъ матросовъ, отовсюду получая щедрыя подачки, и весело брехалъ въ знакъ благодарности.

Послѣ обѣда, когда подвахтенные отдыхали, «Куцый» неизмѣнно ложился у ногъ Кочнева, пожилого и угрюмаго баковаго матроса, горькаго пьяницы, къ которому питалъ необыкновенно нѣжныя чувства и выказывалъ трогательную преданность. Онъ глядѣлъ матросу, что называется, въ глаза и всегда почти вертѣлся около него, видимо несказанно довольный, когда Кочневъ погладитъ его. Во время ночныхъ вахтъ «Куцый» обязательно бывалъ при Кочневѣ, и, когда тотъ сидѣлъ на носу, на часахъ, обязанный «смотрѣть впередъ», «Куцый» нерѣдко исполнялъ вмѣсто своего пріятеля обязанности часового. Онъ добросовѣстно мокъ подъ дождемъ, продуваемый насквозь свѣжимъ вѣтромъ, и, настороживъ изгрызенныя уши, зорко всматривался впередъ, въ темноту ночи, предоставляя матросу, закутанному въ дождевикъ и согрѣтому шерстью собаки, слегка вздремнуть, поклевывая носомъ. Завидѣвъ огонь встрѣчнаго судна или внезапно выросшій силуэтъ «купца», не носящаго по безпечности огней, «Куцый» громко лаялъ и будилъ задремавшаго часового. На берегъ «Куцый» всегда съѣзжалъ съ Кочневымъ, шелъ съ нимъ до ближайшаго кабака и, отлучившись на часокъ, чтобъ взглянуть на береговыхъ собакъ, возвращался, иногда изгрызенный, къ своему другу и уже не выпускалъ его изъ глазъ. Онъ внимательно и съ видимымъ сочувствіемъ слушалъ пьяные монологи матроса, подавалъ реплики виляньемъ обрубка или ласковымъ визгомъ, если пьяный Кочневъ велъ съ нимъ бесѣду на какія-нибудь, должно-быть, невеселыя темы, и сторожилъ матроса, когда тотъ валялся на улицѣ въ безчувственномъ состояніи, пока не подходили товарищи и не под-

бирали его. Однимъ словомъ, «Куцый» выказывалъ истинно-собачью привязанность къ тому человѣку, который доставилъ ему, гонимому бродягѣ, каждое утро рисковавшему попасть на арканъ фурманщика, спокойный пріютъ на корветѣ и сытую, пріятную жизнь среди добрыхъ людей, выразившихъ бродягѣ съ перваго же дня его появленія на корветѣ самое милое и любезное вниманіе, котораго онъ ужъ давно не видалъ.

Въ свою очередь, и угрюмый, мало общительный матросъ былъ сильно привязанъ къ своему найденышу, оказавшему такія блистательныя способности, не говоря уже о прекрасныхъ нравственныхъ качествахъ, и, кажется, только съ нимъ однимъ и велъ подъ пьяную руку длинныя интимныя бесѣды. Онъ разсказывалъ «Куцому» о томъ, какъ онъ неправильно, изъ-за одного «подлаго человѣка», былъ сданъ въ матросы, и о своей женѣ, которая живетъ въ родѣ быдто «форменной барыни», и о дочери, которая знать его не хочетъ... И «Куцый», казалось, понималъ, что этотъ угрюмый матросъ, нивши джинъ стаканчикъ за стаканчикомъ въ какомъ-нибудь иностранномъ кабачкѣ, разсказываетъ невеселыя вещи.

Знакомство съ «Куцымъ» произошло совершенно случайно. Это было въ Кронштадтѣ въ одинъ ненастный и холодный воскресный день, послѣ обѣда, дня за три до отхода «Могучаго» въ кругосвѣтное плаваніе. Порядочно «треснувши» и выписывая ногами самые затѣйливые вензеля, Кочневъ возвращался изъ кабака на корветъ, стоявшій въ военной гавани, какъ гдѣ-то въ переулкѣ замѣтилъ собаку, угрюмо прижавшуюся къ водосточной трубѣ и вздрагивающую отъ холода. Жалкій видъ этой намокшей, съ выдающимися ребрами, видимо безпріютной собаки, и притомъ самой неказистой наружности, обличавшей бродягу, тронулъ пьяненькаго матроса.

— Ты, братъ, чей будешь?.. Видно, бездомный песъ, а?— проговорилъ онъ заплетающимся языкомъ, останавливаясь около собаки.

Собака подозрительно взглянула своими умными глазами на матроса, точно соображая: дать ли ей немедленно тягу или выждать, не уйдетъ ли этотъ человѣкъ. Но нѣсколько дальнѣйшихъ словъ, произнесенныхъ ласковымъ тономъ, видимо успокоили ее насчетъ его недобрыхъ намѣреній, и она жалобно завыла. Матросъ подошелъ еще ближе и погладилъ ее; она лизнула ему руку, видимо тронутая лаской, и завыла еще сильнѣй.

Тогда Кочневъ сталъ шарить у себя въ карманахъ. Этотъ жестъ возбудилъ въ собакѣ жадное вниманіе.

— Голоденъ, небось, бѣдный!—говорилъ матросъ.—А ты?

потерпи... Вотъ и нашелъ, на твое счастье!—прибавилъ онъ, вынимая наконецъ изъ штановъ мѣдную монетку.

Онъ зашелъ въ мелочную лавочку и черезъ минуту бросилъ собакѣ куски чернаго хлѣба и отрѣзки рубцовъ, купленныхъ имъ на свои непропитыя еще двѣ копейки.

Собака съ алчностью бросилась на пищу и въ нѣсколько секундъ сожрала все и снова вопросительно смотрѣла на матроса.

— Ну, валимъ на конвертъ... Тамъ тебя накормятъ до-отвалу, коли ты такой голодный... Матросы—добрые ребята... Не бойся! И переночуешь на конвертѣ, а то что за радость мокнуть на дождѣ... Идемъ, собака!

Онъ ласково свистнулъ. Собака двинулась за нимъ и не безъ нѣкотораго смущенія вошла по сходнямъ на корветъ и вслѣдъ за матросомъ очутилась на бакѣ среди толпы людей, испуганная и будто сконфуженная своимъ непривлекательнымъ видомъ.

— Бродягу, братцы, нашелъ!—проговорилъ Кочневъ, указывая на собаку.

Несчастный ея видъ возбудилъ жалость въ матросахъ. Ее стали гладить и повели внизъ кормить. Скоро она, наѣвшись досыта, заснула недалеко отъ камбуза (кухни) и, не вѣря своему счастью, часто тревожно просыпалась во снѣ.

На утро, разбуженная чисткой верхней палубы, собака испуганно озиралась, но Кочневъ значительно успокоилъ ее, поставивъ передъ ней чашку съ жидкой кашицей, которой завтракали матросы.

Спустя нѣсколько времени, когда палуба была вымыта, Кочневъ вывелъ ее наверхъ, на бакъ, и предложилъ матросамъ оставить ее на корветѣ.

— Пущай плаваетъ съ нами.

Предложеніе было принято съ полнымъ сочувствіемъ. Обратились къ боцману съ просьбой испросить разрѣшеніе старшаго офицера, и, когда разрѣшеніе было получено, на бакѣ поднялся вопросъ, какую дать этому псу кличку.

Всѣ посматривали на весьма неказистую собаку, которая, въ отвѣтъ на ласковые взгляды, повиливала обрубкомъ хвоста и благодарно лизала руки матросовъ, которые гладили ее.

— Окромя какъ «Куцымъ» никакъ его не назвать!—предложилъ кто-то.

Кличка понравилась. И съ той же минуты «Куцый» былъ принятъ въ число экипажа «Могучаго».

Первоначальнымъ воспитаніемъ его занялся Кочневъ и выказалъ блестящія педагогическія способности. Черезъ не-

дѣлю уже «Куцый» понялъ неприкосновенность сверкавшей бѣлизной палубы и строгость моряковъ относительно чистоты, и сдѣлался исправной собакой. Въ первую же трепку въ Балтійскомъ морѣ онъ обнаружилъ и свои морскія качества. Его нисколько не укачивало, онъ ѣлъ съ такимъ же аппетитомъ, какъ и въ тихую погоду, и не выказывалъ ни малѣйшаго малодушія при видѣ громадныхъ волнъ, разбивающихся о бока корвета. Вскорѣ смышленый и ласковый «Куцый» сдѣлался общимъ любимцемъ и забавлялъ матросовъ своими штуками.

И такого-то славнаго пса грозили выкинуть за бортъ!

Вѣсть объ этомъ взволновала едва ли не болѣе всѣхъ Кочнева, и онъ рѣшилъ принять всѣ мѣры, чтобы этотъ «долговязый дьяволъ» не встрѣчалъ «Куцаго». И въ тотъ же день, когда «Куцый» съ веселымъ беззаботнымъ видомъ выскочилъ наверхъ, какъ только-что просвистали къ водкѣ, Кочневъ отвелъ его внизъ и, указавъ мѣсто въ самомъ темномъ уголкѣ кубрика, проговорилъ:

— Сиди, «Куцый», здѣсь смирно, а то бѣда! Ужо я принесу тебѣ пообѣдать!

IV.

Прошелъ мѣсяцъ.

За это время матросы достаточно присмотрѣлись къ новому старшему офицеру и не взлюбили его. Онъ, правда, до сихъ поръ никого не наказалъ линьками, никого не ударилъ и вообще не обнаруживалъ жестокости, и тѣмъ не менѣе барона ненавидѣли за его придирчивость, мелочность, за то, что онъ приставалъ «какъ смола», «зудилъ» провинившагося въ чемъ-нибудь матроса безъ конца и затѣмъ наказывалъ самымъ чувствительнымъ образомъ: оставлялъ виновнаго «безъ берега», лишая такимъ образомъ матроса единственнаго удовольствія дальнихъ плаваній. А то ставилъ на ванты или посылалъ на «высидку» на нокъ и—что казалось матросамъ еще обиднѣе—оставлялъ безъ чарки водки, столь любимой моряками.

Барона ненавидѣли и боялись и за эти наказанія, и за его безсердечный педантизмъ, не оставлявшій безъ вниманія ни малѣйшаго отступленія отъ расписанія судовой жизни. Всѣ чувствовали надъ собой гнетъ какой-то бездушной, упрямой машины и, главное, понимали, что въ душѣ баронъ презираетъ матроса и смотритъ на него исключительно какъ на рабочую силу. Никогда ни добраго слова, ни шутки! Всегда одинъ и тотъ же ровный и спокойный, скрипучій

голосъ, въ которомъ чуткое ухо слышало высокомѣрно-презрительную нотку. Всегда этотъ жесткій взглядъ голубыхъ безстрастныхъ глазъ!

Не пользовался онъ и уваженіемъ, какъ морякъ. На бакѣ, этомъ матросскомъ клубѣ, гдѣ даются мѣткія оцѣнки офицерамъ, находили, что онъ далеко не «орелъ», какимъ былъ Степанъ Степанычъ, а мокрая курица, выказавшая трусость во время шторма, прихватившаго корветъ по выходѣ изъ Сингапура. И дѣло онъ, по мнѣнію старыхъ матросовъ, понималъ не до тонкости, хотя и всюду совалъ свой носъ. И «башковатости» въ немъ было немного, а только одно упрямство. Однимъ словомъ, барона терпѣть не могли и иначе не звали, какъ «Чортовой Зудой». Всякій опасался его наставленій, словно чумы.

Вначалѣ баронъ вздумалъ-было измѣнить порядки на корветѣ и, вмѣсто прежнихъ недолгихъ ежедневныхъ ученій, сталъ «закатывать» ученія часа по три подъ-рядъ, утомляя матросовъ, и безъ того утомленныхъ шестичасовыми вахтами на ходу. Но, спасибо капитану, онъ скоро умѣрилъ усердіе старшаго офицера.

И объ этомъ юркій капитанскій вѣстовой Егорка разсказывалъ на бакѣ такъ:

— Призвалъ онъ этто, братцы, Чортову Зуду къ себѣ и говоритъ: «Вы, говоритъ, Карла Фернандычъ, напрасно новые порядки заводите и людей зря мучаете ученіями. Пусть, говоритъ, по-старому остается».

— Что-жъ на это Зуда?

— Покраснѣлъ весь, ровно ракъ вареный, Зуда проклятая, и въ отвѣтъ: «Слушаю-съ, говоритъ, но только я полагалъ, что какъ для пользы службы...»—«Извините, господинъ баронъ,—это ему капитанъ въ перебой:—я, говоритъ, и безъ васъ понимаю, какая, говоритъ, польза службы есть... И польза, говоритъ, службы требуетъ, чтобы матросовъ зря не нудили. Ему, говоритъ, матросу и безъ ученьевъ есть дѣла много, вахту справлять, и у насъ, говоритъ, матросы лихо работаютъ и молодцы, говоритъ... Такъ ужъ вы о пользѣ службы не извольте очинно безпокоиться... а затѣмъ, говоритъ, я больше ничего не желаю вамъ сказать...» Такъ, чортъ долговязый, и ушелъ ошпаренный! — заключилъ Егорка къ общему удовольствію собравшихся матросовъ.

Вообще баронъ фонъ-деръ-Берингъ пришелся какъ-то «не ко двору» со своими новыми порядками и взглядами на дисциплину. Въ каютъ-компаніи новаго старшаго офицера тоже не взлюбили, особенно молодежь, вся пропитанная но-

выми вѣяніями шестидесятыхъ годовъ и жаждавшая приложить ихъ къ дѣлу гуманнымъ обращеніемъ съ матросами. Чѣмъ-то старымъ, архаическимъ вѣяло отъ взглядовъ барона, завзятаго крѣпостника и консерватора. Безусловно честный и убѣжденный, не скрывавшій своихъ, какъ онъ говорилъ, «священныхъ принциповъ», всегда нѣсколько напыщенный и самолюбивый, прилизанный и до тошноты аккуратный, баронъ возбуждалъ непріязнь въ веселыхъ молодыхъ офицерахъ, которые считали его ограниченнымъ, тупымъ педантомъ и сухимъ человѣкомъ, мнившимъ себя непогрѣшимымъ и глядѣвшимъ на всѣхъ съ высоты своего курляндскаго баронства. Не нравился онъ и «паріямъ» флотской службы: штурману, артиллеристу и механику. И безъ того обидчивые и мнительные, они отлично чувствовали въ его изысканно-вѣжливомъ обращеніи снисходительное презрѣніе завзятаго барона, сознающаго свое превосходство.

Не пришелся по вкусу новый старшій офицеръ и капитану. Онъ не очень-то былъ благодаренъ адмиралу, наградившему его такой «нѣмецкой колбасой», и не догадывался, конечно, что хитрый адмиралъ нарочно назначилъ барона старшимъ офицеромъ именно къ нему, на «Могучій», увѣренный, что командиръ «Могучаго» скоро «сплавитъ» барона, и адмиралъ такимъ образомъ «умоетъ руки» и отошлетъ его съ эскадры въ Россію.

Въ каютъ-компаніи почти никто не разговаривалъ съ барономъ, исключая служебныхъ дѣлъ, и онъ былъ какимъ-то чужимъ въ дружной семьѣ офицеровъ «Могучаго». Только мичмана подчасъ не отказывали себѣ въ удовольствіи подразнить барона, громя крѣпостниковъ и консерваторовъ, не понимающихъ значенія великихъ реформъ, и расхваливая, въ присутствіи барона, Степана Степановича. «Вотъ-то пріятно было съ нимъ служить! Вотъ-то былъ знающій и дѣльный старшій офицеръ и добрый товарищъ! И какъ его любили матросы, и какъ онъ самъ понималъ матроса и любилъ его! И какъ они для него старались».

— Его даже и «Куцый» любилъ! — восклицалъ курчавый бѣлокурый мичманъ Кошутичъ, особенно любившій «травить» эту «нѣмецкую аристократическую дубину». — А «Куцаго» что-то не видать нынче наверху, господа... Прячется, бѣдная собака. Что бы это значило, а? — прибавлялъ нарочно мичманъ, знавшій объ угрозѣ старшаго офицера.

Баронъ только надувался, словно индюкъ, не обращая, повидимому, никакого вниманія на всѣ эти шпильки, и съ тупымъ упрямствомъ ограниченнаго человѣка не измѣнялъ

своего поведенія и какъ будто игнорировалъ общую къ себѣ нелюбовь.

Въ теченіе этого мѣсяца «Куцый» дѣйствительно не показывался на глаза старшаго офицера, хоть самъ и увидалъ его еще разъ издали, при чемъ Кочневъ, указавшій на барона, проговорилъ: «Берегись его, Куцый!» и проговорилъ такимъ страшнымъ голосомъ, что «Куцый» присѣлъ на заднія лапы. Прежняя привольная жизнь «Куцаго» измѣнилась. По утрамъ, во время обычныхъ обходовъ старшаго офицера, «Куцый» скрывался гдѣ-нибудь въ уголкѣ трюма или кочегарной, указанномъ ему Кочневымъ, который немало употребилъ усилій, чтобъ пріучить собаку сидѣть, не шелохнувшись, въ темномъ уголкѣ. И во время авраловъ ужъ «Куцый» не выбѣгалъ наверхъ. Благодаря урокамъ своего наставника, довольно было проговорить: «Зуда идетъ», чтобы «Куцый», поджавъ свой обрубокъ, стремительно улепетывалъ внизъ и забивался куда-нибудь въ самое сокровенное мѣстечко, откуда выходилъ только тогда, когда раздавался въ люкъ успокоительный свистъ какого-нибудь матроса. На верхнюю палубу «Куцаго» выводили матросы въ то время, когда баронъ обѣдалъ или спалъ, и въ эти часы забавлялись попрежнему забавными штуками умной собаки. «Не бойся, Куцый, — успокаивали его матросы:—Зуды нѣтъ». И матросы, оберегая своего любимца, ставили часовыхъ, когда «Куцый», бывало, давалъ свои представленія на бакѣ. Только по ночамъ, особенно по темнымъ безлуннымъ тропическимъ ночамъ, выспавшійся за день «Куцый» свободно разгуливалъ по баку и дружелюбно вертѣлся около матросовъ, но уже не дежурилъ съ Кочневымъ на часахъ, не смотрѣлъ впередъ и не лаялъ, какъ прежде, при видѣ огонька. Кочневъ его не бралъ съ собою, оберегая своего фаворита отъ гнѣва «Чортовой Зуды», котораго угрюмый матросъ ненавидѣлъ, казалось, больше, чѣмъ другіе.

Но, несмотря на всѣ эти предосторожности, надъ бѣднымъ «Куцымъ» въ скоромъ времени разразилась гроза.

V.

Былъ знойный палящій день въ Китайскомъ морѣ. На голубомъ небѣ — ни облачка, и на морѣ стоялъ мертвый штиль. Еще съ разсвѣта наступило безвѣтріе, паруса лѣниво повисли, и капитанъ приказалъ развести пары. Скоро загудѣли пары, и «Могучій», убравъ паруса, пошелъ полнымъ ходомъ, взявши курсъ на Нагасаки.

Старшій офицеръ, особенно заботившійся о томъ, чтобы «Могучій» пришелъ въ Нагасаки, гдѣ адмиралъ назначилъ

«рандеву», въ щегольскомъ видѣ, уже въ третій разъ обходилъ сегодня корветъ, придираясь ко всѣмъ и донимая всѣхъ своими нотаціями. Онъ видимо былъ не въ духѣ, хотя все было въ идеальномъ порядкѣ, все наверху горѣло и сіяло подъ блестящими лучами ослѣпительнаго, жгучаго солнца, повисшаго, словно раскаленный шаръ, надъ заштилѣвшимъ моремъ. Баронъ только-что имѣлъ снова не особенно пріятное объясненіе съ капитаномъ и считалъ себя нѣсколько обиженнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ его предположенія, направленныя, какъ онъ былъ увѣренъ, къ пользѣ службы, систематически отвергались этимъ «безхарактернымъ человѣкомъ», какъ презрительно называлъ баронъ капитана, и отношенія ихъ съ каждымъ днемъ все дѣлались суше и суше. Вдобавокъ и эти мичмана то и дѣло подпускали ему всякія шпильки, но такъ, что не было никакой возможности сдѣлать имъ замѣчанія. И баронъ, озлобленный и надутый, высокомѣрно думалъ о томъ, какъ трудно служить порядочному человѣку съ этими глупыми русскими «демократами», не понимающими настоящей дисциплины и готовыми подрывать престижъ власти.

Спустившись въ жилую палубу и занятый своими размышленіями, онъ безъ обычнаго вниманія заглядывалъ во всѣ уголки, приближаясь къ кубрику, какъ вдругъ мимо его ногъ стремглавъ пронесся «Куцый» и выбѣжалъ наверхъ.

— Мерзкая собака!—проговорилъ баронъ, нѣсколько испуганный неожиданнымъ появленіемъ «Куцаго», и, остановившись, невольно взглянулъ на мѣсто, по которому тотъ пробѣжалъ.

И въ то же мгновеніе взглядъ барона впился въ одну точку палубы, какъ разъ подъ люкомъ трапа, ведущаго на бакъ, и на лицѣ его появилась брезгливая гримаса.

— Боцмана послать!—крикнулъ баронъ.

Черезъ нѣсколько секундъ явился боцманъ Гордеевъ.

— Это что такое?—медленно процѣдилъ баронъ, указывая пальцемъ на палубу.

Боцманъ взглянулъ по направленію длиннаго бѣлаго пальца съ перстнемъ и смутился.

— Что это такое, спрашиваю я тебя, Гордеевъ?

— Сами изволите видѣть, ваше благородіе...

И боцманъ угрюмо назвалъ, что это такое.

Баронъ выдержалъ паузу и сказалъ:

— Ты помнишь, что я тебѣ говорилъ?

— Помню, ваше благородіе!—еще угрюмѣй отвѣчалъ боцманъ.

— Такъ чтобы черезъ пять минутъ эта паршивая собака была за бортомъ!

— Осмѣлюсь доложить, ваше благородіе!—заговорилъ боцманъ самымъ почтительнымъ тономъ, полнымъ мольбы:—что собака нездорова... И фершалъ ее осматривалъ, говоритъ: брюхомъ больна, но только скоро на поправку пойдетъ... Въ здоровомъ, значитъ, видѣ «Куцый» никогда бы не осмѣлился, ваше благородіе!.. Простите, ваше благородіе, «Куцаго»!—промолвилъ боцманъ дрогнувшимъ голосомъ.

— Гордеевъ! Я не имѣю привычки повторять приказаній... Мало ли какого вы мнѣ наврете вздора... Черезъ пять минутъ явись ко мнѣ и доложи, что приказаніе мое исполнено... Да выскоблить здѣсь палубу!—прибавилъ баронъ.

Съ этими словами онъ повернулся и ушелъ.

— У, идолъ!—злобно прошепталъ вслѣдъ барону боцманъ.

Онъ поднялся наверхъ и взволнованно проговорилъ, подходя къ Кочневу, который поджидалъ «Куцаго», чтобъ увести его внизъ.

— Ну, братъ, бѣда... Сейчасъ Чортова Зуда увидалъ внизу, что «Куцый» нагадилъ, и...

Боцманъ не окончилъ и только угрюмо качнулъ головой.

Кочневъ понялъ, въ чемъ дѣло, и внезапно измѣнился въ лицѣ. Мускулы на немъ дрогнули. Нѣсколько секундъ онъ стоялъ въ какомъ-то суровомъ, безмолвномъ отчаяніи.

— Ничего не подѣлаешь съ эстимъ подлецомъ! А ужъ какъ жалко собаки!—прибавилъ боцманъ.

— Захарычъ!.. Захарычъ!..—заговорилъ наконецъ матросъ умоляющимъ, прерывающимся голосомъ. — Да вѣдь «Куцый» больной... Рази можно съ больной собаки требовать? Ужъ, значитъ, вовсе брюхо прихватило, ежели онъ рѣшился на это... Онъ умный... Понимаетъ... Никогда съ имъ этого не было... И то сколько разъ выбѣгалъ сегодня наверхъ... Захарычъ, будь отецъ родной!.. Доложи ты этому дьяволу!

— Нешто я ему не докладывалъ? Ужъ какъ просилъ за «Куцаго». Никакого вниманія. Чтобы, говоритъ, черезъ пять минутъ «Куцый» былъ за бортомъ!

— Захарычъ!.. Сходи еще... попроси... Собака, молъ, больна...

— Что-жъ, я пойду... Только врядъ ли... Звѣрь!..—промолвилъ боцманъ и пошелъ къ старшему офицеру.

Въ это время «Куцый», невеселый по случаю болѣзни, осунувшійся, съ мутными глазами, съ сконфуженнымъ видомъ, словно чувствуя свою виновность, подошелъ къ Кочневу и лизнулъ ему руку. Тотъ съ какою-то порывистою

ласковостью гладилъ собаку, и угрюмое его лицо свѣтилось необыкновенною нѣжностью.

Черезъ минуту боцманъ вернулся. Мрачный его видъ ясно говорилъ, что попытка его не увѣнчалась успѣхомъ.

— Разжаловать грозилъ!.. — промолвилъ сердито боцманъ.

— Братцы!.. — воскликнулъ тогда Кочневъ, обращаясь къ собравшимся на бакѣ матросамъ. — Слышали, что злодѣй выдумалъ? Какія его такія права, чтобы топить конвертскую собаку? Гдѣ такое положенье?

Лицо угрюмаго матроса было возбуждено. Глаза его сверкали.

Среди матросовъ поднялся ропотъ. Послышались голоса:

— Это онъ надъ нами куражится, Зуда проклятая!

— Не смѣетъ, чума турецкая!

— За что топить животную!

— Такъ вызволимъ, братцы, «Куцаго»! Дойдемъ до капитана! Онъ доберъ, онъ разсудитъ! Онъ не дозволитъ!—взволнованно и страстно говорилъ угрюмый матросъ, не отпуская отъ себя «Куцаго», словно бы боясь съ нимъ разлучиться.

— Дойдемъ!—раздались одобрительные голоса.

— Акимъ Захарычъ! Становн насъ во фрунтъ всю команду.

Дѣло начинало принимать серьезный оборотъ. Акимъ Захарычъ озабоченно почесалъ затылокъ.

Въ эту минуту на бакѣ показался молодой мичманъ Кошутичъ, любимецъ матросовъ. При появленіи офицера матросы затихли. Боцманъ обрадовался.

— Вотъ, ваше благородіе,—обратился онъ къ мичману:— старшій офицеръ приказалъ кинуть «Куцаго» за бортъ, и команда этимъ очень обижается. За что безвинно губить собаку? Песъ онъ, какъ вамъ извѣстно, справный, два года ходилъ съ нами... И вся его вина, ваше благородіе, что онъ брюхомъ заболѣлъ...

Боцманъ объяснилъ, изъ-за чего вышла вся эта «дрязга», и прибавилъ:

— Ужъ вы не откажите, ваше благородіе, заступитесь за «Куцаго»... Попросите, чтобъ намъ его оставили...

И «Куцый», точно понимая, что рѣчь о немъ, ласково смотрѣлъ на мичмана и тихо помахивалъ своимъ обрубкомъ.

— Вонъ, ваше благородіе, и «Куцый» васъ проситъ.

Возмущенный до глубины души, мичманъ обѣщалъ заступиться за «Куцаго». На бакѣ волненіе улеглось. Въ лицѣ Кочнева свѣтилась надежда.

VI.

— Баронъ, — взволнованно проговорилъ мичманъ, влетая въ каютъ-компанію: — вся команда проситъ васъ отмѣнить приказаніе насчетъ «Куцаго» и позволить ему жить на свѣтѣ... За что же, баронъ, лишать матросовъ собаки!.. Да и какое она совершила преступленіе, баронъ?..

— Это не ваше дѣло, мичманъ Кошутичъ, — отвѣтилъ баронъ.—И я прошу васъ не забываться и мнѣній своихъ мнѣ не выражать. Собака будетъ за бортомъ!

— Вы думаете?

— Прошу васъ замолчать! — проговорилъ баронъ и поблѣднѣлъ.

— Такъ вы хотите взбунтовать команду, что ли, своей жестокостью!?—воскликнулъ мичманъ, полный негодованія.— Ну, это вамъ не удастся. Я иду сейчасъ къ капитану.

И Кошутичъ бросился въ капитанскую каюту.

Всѣ, бывшіе въ каютъ-компаніи, взглянули на старшаго офицера съ видимой непріязненностью. Баронъ блѣдный, съ презрительной улыбкой на губахъ, нервно теребилъ одну бакенбарду.

Минуты черезъ двѣ капитанскій вѣстовой доложилъ барону, что его проситъ къ себѣ капитанъ.

— Что тамъ за исторія съ собакой, баронъ? — спросилъ капитанъ и какъ-то кисло поморщился.

— Никакой исторіи нѣтъ. Я приказалъ ее выкинуть за бортъ,—холодно отвѣтилъ баронъ.

— За что же?

— Я предупреждалъ, что если увижу, что она гадитъ, я прикажу ее выкинуть за бортъ. Я увидалъ, что она нагадила, и приказалъ ее выкинуть за бортъ. Смѣю полагать, что приказаніе старшаго офицера должно быть исполнено, если только дисциплина во флотѣ дѣйствительно существуетъ!

«О, нѣмецкая дубина!»—подумалъ капитанъ, и лицо его еще болѣе сморщилось.

— А я попрошу васъ, баронъ, немедленно отмѣнить ваше распоряженіе и впредь оставить собаку въ покоѣ. Она на корветѣ съ моего разрѣшенія... Мнѣ жаль, что приходится вамъ отмѣнять свое же приказаніе, но нельзя же отдавать подобныя приказанія и безъ всякаго повода раздражать людей...

— Въ такомъ случаѣ, господинъ капитанъ, я имѣю честь просить васъ отмѣнить самому мое приказаніе, а я считаю это для себя невозможнымъ. И кромѣ того...

— Что еще?—сухо спросилъ капитанъ.

— Я боленъ и исполнять обязанностей старшаго офицера не могу.

— Такъ подайте рапортъ... И, быть-можетъ, вамъ береговой климатъ будетъ полезнѣе.

Баронъ поклонился и вышелъ.

На другой же день, послѣ прихода въ Нагасаки, баронъ фонъ-деръ-Беринтъ, къ общему удовольствію, списался съ корвета, и на «Могучій» былъ назначенъ другой старшій офицеръ. Матросы вздохнули.

Съ отъѣздомъ барона «Куцый» снова зажилъ свободной жизнью и сталъ пользоваться еще большимъ расположеніемъ матросовъ, такъ какъ благодаря ему корветъ избавился отъ «Чортовой Зуды».

Попрежнему «Куцый» съѣзжалъ на берегъ вмѣстѣ со своимъ другомъ Кочневымъ и сторожилъ его; попрежнему смотрѣлъ впередъ и забавлялъ матросовъ разными штуками, при чемъ при окрикѣ «Зуда идетъ!» стремительно улепетывалъ внизъ, но тотчасъ же возвращался, хорошо понимая, что врага его уже нѣтъ на корветѣ.

ПОБѢГЪ.

I.

Солнце быстро поднималось въ бирюзовую высь безоблачнаго неба, обѣщая жаркій день.

Оно заливало яркимъ блескомъ и эти зеркальныя, совсѣмъ заштилѣвшія, приглубыя севастопольскія бухты, далеко врѣзавшіяся въ берега, и стоявшіе на рейдѣ многочисленные военные корабли, фрегаты, бриги, шкуны и тендера прежняго черноморскаго флота, и красавецъ Севастополь, поднимавшійся надъ моремъ въ видѣ амфитеатра и сверкавшій своими фортами, церквами, домами и домиками слободокъ среди зеленыхъ купъ садовъ, бульваровъ и окрестныхъ хуторовъ.

Былъ шестой часъ на исходѣ прелестнаго августовскаго утра.

На корабляхъ давно уже кипѣла работа.

Къ подъему флаговъ, то-есть къ восьми часамъ, всѣ суда приводили въ тотъ обычный щегольскій видъ умопомрачающей чистоты и безукоризненнаго порядка, какимъ вообще отличались суда черноморскаго флота.

Съ ранняго утра тысячи матросскихъ рукъ терли, мыли, скоблили, оттирали или, по выраженію матросовъ, «наводили чистоту» на палубы, на пушки, на мѣдь—словомъ, на все, что было на палубахъ и подъ ними до самаго трюма.

Давно работали въ докахъ, адмиралтействѣ, въ разныхъ портовыхъ мастерскихъ, расположенныхъ по берегу. Среди грохота молотковъ и лязга пилъ порою раздавалась дружная «дубинушка», при которой русскіе люди какъ-то скорѣе поднимаютъ тяжести и ворочаютъ громадныя бревна.

Опустѣли и мрачные блокшивы, стоявшіе на мертвыхъ якоряхъ и, словно прокаженные, вдали отъ другихъ судовъ, въ самой глубинѣ корабельной бухты.

Это—пловучіе «мертвые дома».

Подневольные жильцы ихъ, арестанты военно-арестантскихъ ротъ, съ четырехъ часовъ уже разведены по разнымъ работамъ.

Въ толстыхъ холщевыхъ рубахахъ и такихъ же штанахъ, въ уродливыхъ сѣрыхъ шапкахъ на бритыхъ головахъ, они прошли, звякая кандалами, нѣсколькими партіями, въ сопровожденіи конвойныхъ солдатъ, по пустымъ еще улицамъ и возвратятся домой только вечеромъ, когда наступитъ прохлада, и «весь городъ» высыплетъ на бульвары и Графскую пристань.

И тогда во мракѣ чудной южной ночи эти блокшивы замигаютъ огоньки фонарей, и среди тишины бухты раздадутся протяжные оклики часовыхъ, каждыя пять минутъ одинъ за другимъ выкрикивающихъ: «слу-шай!»

Проснулись и слободки, окаймлявшія городъ, съ ихъ маленькими бѣлыми, похожими на мазанки, домами, населенными преимущественно семьями отставныхъ и служащихъ матросовъ, артиллерійскихъ солдатъ, казенныхъ мастеровыхъ и вообще бѣднымъ, рабочимъ людомъ.

Рынокъ—этотъ клубъ большинства населенія, расположенный у артиллерійской бухты—давно кишѣлъ народомъ.

Шумныя и оживленныя кучки толкались между ларьками, среди мясныхъ, телячьихъ и бараньихъ тушъ, куръ, утокъ и разной дичи, среди массы зелени и разнообразныхъ овощей юга—горъ арбузовъ и пахучихъ дынь и множества фруктовъ, привезенныхъ изъ ближнихъ садовъ. Торговали, кричали и сердились. Тутъ же дѣлились послѣдними новостями и сбывали поношенное платье и старую обувь.

У самаго берега бухты стояли рыбачьи суда сосѣдняго городка Балаклавы со свѣжею рыбой. Какой только ни было! И камбала, и скумбрія, и жирная кефаль, и бычки, и маленькая золотистая султанка, которую лакомки считаютъ за самую вкусную рыбу Чернаго моря. Только-что наловленныя устрицы лежали въ корзинкахъ и предлагались поварамъ и кухаркамъ.

Тутъ же, рядомъ съ рыбнымъ рынкомъ, въ прозрачной, словно хрусталь, водѣ заливчика бухты, отливавшей изумрудомъ, купалась толпа мальчишекъ. Съ веселымъ смѣхомъ бросались они въ воду, плескались, обдавали одинъ другого брызгами, плавали и ныряли, словно утки, соревнуя въ своемъ искусствѣ другъ передъ другомъ и передъ глазѣющей публикой.

Надъ рынкомъ, залитымъ блескомъ веселаго южнаго солнца, стоялъ непрерывный говоръ толпы. Рѣчь изобиловала неправильностями языка южныхъ городовъ и звучала мягкимъ тономъ малороссійскаго акцента. Среди этой рѣчи порой выдѣлялось торопливое, громкое и въ то же время вкрадчивое «сюсюканье» продавцовъ рыбы и устрицъ, халвы и

рахать-лукума—этихъ увлекающихся балаклавскихъ грековъ съ ихъ смуглыми, мясистыми лицами, горбатыми носами, черными съ поволокой глазами, напоминающими крупныя маслины, и съ быстрыми жестами оголенныхъ мускулистыхъ рукъ цвѣта темной бронзы. Слышались и гортанные звуки татаръ, сидѣвшихъ на корточкахъ у корзинъ съ грушами, виноградомъ и яблоками, съ выраженіемъ горделиваго безстрастія на своихъ красивыхъ лицахъ съ классическими чертами, напоминающими о чистой арійской крови ихъ предковъ — генуэзцевъ и грековъ, когда-то жившихъ въ Крыму. Порой разносились, покрывая говоръ толпы, отчаянныя клятвы «дамъ рынка» — бойкихъ, задорныхъ торговокъ-матросокъ— и ихъ энергичная брань, приправленная самыми великорусскими импровизаціями, которымъ могъ бы позавидовать любой боцманъ, и вызывавшими громкій и сочувственный смѣхъ рыночной публики.

Все здѣсь жило полною жизнью большого и оживленнаго морского города.

Никто, разумѣется, въ этой шумной толпѣ и не предвидѣлъ, что скоро Севастополь будетъ въ развалинахъ, и что эти прелестныя и оживленныя бухты опустѣютъ, и на поверхности рейда, гдѣ стоитъ теперь черноморскій флотъ, будутъ торчать, словно кресты надъ могилами, верхушки мачтъ потопленныхъ кораблей.

II.

Въ началѣ восьмого часа этого веселаго, свѣтлаго утра, въ дѣтской большого казеннаго дома командира порта и севастопольскаго военнаго губернатора худенькій мальчикъ, лѣтъ восьми или десяти, съ необыкновенно подвижнымъ лицомъ и бойкими карими глазами, торопливо оканчивалъ свой туалетъ при помощи старой няни Агаѳьи.

— Да ну же, скорѣй, няня! Ты всегда копаешься!—нетерпѣливо и властно говорилъ мальчикъ въ то время, какъ низенькая и коренастая Агаѳья расчесывала, не спѣша, его кудрявые, непокорные, густые каштановые волосы.

— Ишь вѣдь попрыгунъ!.. Ни минуты не постоитъ смирно. Всегда торопится точно на пожаръ,—ворчала няня, любовно посматривая въ то же время на своего любимца. — Да не вертись же, говорятъ. Такъ тебя и не причесать. Будешь нечесанный, какъ уличный мальчишка.

Но мальчикъ, видимо не особенно тронутый такими замѣчаніями и испытывавшій неодолимую тоску отъ долгаго чесанія, когда солнце такъ весело играетъ въ комнатѣ и въ раство-

ренное окно врывается струя свѣжаго воздуха вмѣстѣ съ ароматомъ цвѣтовъ сада, уже выдернулъ не вполнѣ причесанную кудрявую голову изъ рукъ няни и, улыбающійся, жизнерадостный и веселый, сталъ быстро надѣвать курточку.

— Дай хоть пригладить вихры, Васенька.

— И такъ хорошо, няня.

— Нечего сказать: хорошо!.. Адмиральскій сынъ, и торчатъ вихры. Небось, папенька замѣтитъ—не похвалитъ.

Вася уже не слыхалъ послѣднихъ словъ няни Агаѳьи, которую любилъ и не ставилъ ни въ грошъ, зная, что она вполнѣ въ его рукахъ и исполнитъ всѣ его прихоти. Онъ выскочилъ изъ дѣтской, на ходу застегивая курточку, и, пробѣжавъ анфиладу комнатъ, остановился у запертыхъ дверей кабинета.

Веселое лицо мальчика тотчасъ же приняло тревожное выраженіе. Онъ нѣсколько секундъ простоялъ у дверей, не рѣшаясь войти, и въ головѣ его пробѣжала обычная мысль о томъ, что ходить каждое утро къ отцу для того, чтобъ пожелать ему добраго утра,—весьма непріятная обязанность, безъ которой можно бы и обойтись.

«А все-таки нужно»,—мысленно проговорилъ онъ и, тихо пріотворивъ двери, вошелъ.

Въ большомъ кабинетѣ, у письменнаго стола, сидѣлъ, опустивъ глаза на бумаги, худощавый, высокій старикъ въ лѣтнемъ халатѣ, съ гладко выбритыми морщинистыми щеками, отливавшими здоровымъ румянцемъ, причесанный по-старинному, съ высокимъ кокомъ темныхъ, чуть-чуть сѣдѣвшихъ волосъ, который возвышался посрединѣ головы въ родѣ пѣтушинаго гребня. Короткіе подстриженные сѣдые усы торчали щетинкой.

Эти колючіе «тараканьи» усы всегда особенно пугали мальчика, наводя на него трепетъ, когда они нервно и быстро двигались, обнаруживая вмѣстѣ съ подергиваніемъ плечъ и движеніемъ скулъ дурное расположеніе духа суроваго и непреклоннаго адмирала, котораго рѣшительно всѣ въ домѣ, начиная съ адмиральши, боялись какъ огня.

— Добраго утра, папенька!—тихо, совсѣмъ тихо проговорилъ дрогнувшимъ отъ волненья голосомъ Вася, приблизившись къ письменному столу и не спуская съ отца замирающаго, словно бы очарованнаго взгляда, полнаго того выраженія, какое бываетъ въ глазахъ у маленькой птички, увидавшей передъ собою ястреба.

Слыхалъ ли отецъ привѣтствіе сына и нарочно, какъ это случалось не разъ, не обращалъ на него ни малѣйшаго вни-

манія, заставляя мальчика недвижно стоять у стола безконечную минуту-другую, или, занятый бумагами, дѣйствительно не замѣчалъ Васи,—трудно было рѣшить, но онъ не поворачивалъ головы.

Такъ прошло нѣсколько долгихъ секундъ.

А въ раскрытыя окна кабинета, полнаго прохлады, глядѣли густыя акаціи и тѣнистые, раскидистые орѣшники, не пропускавшіе лучей солнца, съ крупными грецкими орѣхами въ зеленой скорлупѣ, и невольно напоминали Васѣ о томъ, что тамъ, въ верхнемъ саду, вдали отъ дома, его ждутъ многія удовольствія, радости и пріятныя встрѣчи, о которыхъ никто изъ домашнихъ и не догадывался.

А усы отца стояли неподвижно, и скулы морщинистыхъ щекъ не двигались.

И мальчикъ, ощутивъ приливъ мужества, рѣшился снова проговорить, нѣсколько повышая свой мягкій высокій теноркъ:

— Добраго утра, папенька!

Быстрымъ, энергичнымъ движеніемъ адмиралъ вскинулъ голову и остановилъ серьезный, сосредоточенный и, казалось, недовольный взглядъ на своемъ младшемъ сынѣ—Веніаминѣ семьи.

И что-то мягкое и даже нѣжное на мгновеніе смягчило эти суровыя черты и засвѣтилось въ этихъ маленькихъ сѣрыхъ глазахъ, властныхъ и острыхъ, сохранившихъ, несмотря на то, что адмиралу было шестьдесятъ лѣтъ, живость, энергію и блескъ молодости.

— Здравствуй!—отрывисто и рѣзко проговорилъ адмиралъ.

И, противъ обыкновенія, вмѣсто того, чтобы кивнуть головой, давая этимъ знать, что мальчикъ можетъ уйти, онъ сегодня потрепалъ своей костлявой рукой по заалѣвшей щекѣ сына и продолжалъ тѣмъ же рѣзкимъ повелительнымъ тономъ:

— Здоровъ, конечно? Скоро въ Одессу... учиться. Перваго сентября поѣдешь на пароходѣ. Ну, ступай!

Вася не заставилъ себя ждать.

Онъ быстро исчезъ изъ кабинета и облегченно и радостно вздохнулъ, точно освободившись отъ какой-то тяжести, когда очутился въ диванной, рядомъ съ спальней матери, которая, какъ и сестры, еще спала.

Наскоро выпивъ стаканъ молока, приготовленный няней Агаѳьей, онъ сунулъ въ карманъ незамѣтно отъ няньки нѣсколько кусковъ сахара и бросился въ садъ.

Миновавъ цвѣтники, оранжереи и теплицы нижняго сада,

опъ торопливо перепрыгивалъ ступеньки небольшихъ лѣстницъ, отдѣлявшихъ террасу отъ огромнаго сада, длинныя аллеи котораго окаймлялись густыми шпалерами винограда, а на грядахъ, расположенныхъ по самой срединѣ террасъ и обложенныхъ красиво дерномъ, росли правильными рядами всевозможныя фруктовыя деревья, полныя крупныхъ пушистыхъ персиковъ, сочныхъ грушъ, большихъ желтыхъ и зеленыхъ сливъ, янтарныхъ рапетовъ, миндаля, грецкихъ орѣховъ и бѣлой и красной шелковицы.

Этотъ громадный, возвышавшійся террасами, садъ, выходившій на три улицы и обнесенный вокругъ каменной стѣной, съ его роскошными цвѣтниками у дома, съ оранжереями, теплицами, съ его бесѣдками, обвитыми пахучими цвѣтами, и большимъ деревяннымъ бельведеромъ, откуда открывался чудный видъ на Севастополь и его окрестности и откуда годъ спустя Вася въ подзорную трубу смотрѣлъ, какъ двигались французскія войска длинной синѣющей лентой черезъ Инкерманскую долину, направляясь къ южной сторонѣ города, — этотъ садъ содержался въ образцовомъ порядкѣ и сіялъ чистотой, плѣняя глаза, главнымъ образомъ, благодаря работѣ арестантовъ.

Партія ихъ, человѣкъ въ двѣнадцать-пятнадцать, раннимъ утромъ, какъ только солнце поднималось надъ городомъ, входила въ большую калитку верхняго сада съ задней улицы и работала въ немъ часовъ до трехъ или до четырехъ, пока двое конвойныхъ солдатиковъ дремали, опершись на ружья, у калитки или гдѣ-нибудь въ саду.

Арестанты, приходившіе ежедневно, кромѣ праздниковъ, на работу въ садъ командира порта, обыкновенно были одни и тѣ же. Они таскали откуда-то ушаты съ водой, поливали цвѣтники и гряды, пололи траву, подстригали деревья, мели дорожки, посыпали аллеи свѣжимъ гравіемъ и потомъ утрамбовывали ихъ—однимъ словомъ, дѣлали все, что̀ приказывалъ главный садовникъ, вольнонаемный нѣмецъ, аккуратный Карлъ Карловичъ.

Работа была не изъ тяжелыхъ, и арестанты, повидимому, были довольны, что имъ приходилось заниматься садомъ, и старались изо всѣхъ силъ.

Вотъ къ этимъ-то людямъ, отбывающимъ суровое наказаніе за свои вины, и торопился Вася.

III.

Несмотря на суровое приказаніе матери и сестеръ не только не разговаривать съ этими отверженными людьми, но

даже и не подходить къ нимъ близко, мальчикъ весело взбѣгалъ съ террасы на террасу и окидывалъ зоркимъ взглядомъ длинныя аллеи, предвкушая удовольствіе поболтать съ арестантами и попользоваться частью ихъ завтрака—хорошимъ кускомъ краснаго сочнаго арбуза, заѣдая его, какъ арестанты, ломтемъ чернаго хлѣба, круто посыпаннаго солью. И тѣмъ и другимъ они радушно дѣлились съ барчукомъ, наперерывъ угощая его.

Онъ находилъ этотъ завтракъ самымъ лучшимъ на свѣтѣ,—куда вкуснѣе всякихъ изысканныхъ блюдъ, подаваемыхъ у нихъ за обѣдомъ,—а въ компаніи этихъ бритыхъ людей, позвякивающихъ кандалами, чувствовалъ себя несравненно пріятнѣе, веселѣе и свободнѣе, чѣмъ дома, особенно во время обѣдовъ, когда всѣ домашніе сидѣли молчаливые и подавленные, а онъ самъ насильно глоталъ ложки противнаго супа, чтобы не навлечь гнѣва почти всегда суроваго отца, и съ нетерпѣніемъ ждалъ конца обѣда, безмолвный, не смѣя шевельнуться.

Познакомился онъ и сошелся съ арестантами только нынѣшнимъ лѣтомъ, благодаря тому, что бѣгалъ въ садъ одинъ, и что вообще за нимъ не было никакого надзора. До этого времени онъ ихъ очень боялся и, забѣгая въ верхній садъ, чтобъ полакомиться фруктами, старался прошмыгнуть мимо нихъ въ почтительномъ отдаленіи и обязательно бѣгомъ. Тогда онъ считалъ всѣхъ этихъ людей въ сѣрыхъ шапкахъ, роющихъ въ саду землю или развозящихъ въ тачкахъ песокъ, способными на всякія злодѣйства, готовыми даже, какъ увѣряла его еще давно няня Агаѳья, когда онъ капризничалъ, унести мальчика и потомъ его зажарить и съѣсть, хотя бы онъ былъ и адмиральскій сынъ. Эти слова няни въ свое время произвели глубокое впечатлѣніе на Васю, несмотря на то, что другія лица, какъ, напримѣръ, мать, сестры и братья, не заходили въ своихъ обвиненіяхъ такъ далеко. По крайней мѣрѣ, онъ ни отъ кого не слыхалъ подтвержденія Агаѳьиныхъ словъ. Но во всякомъ случаѣ отзывы, которые иногда, какъ бы мимоходомъ, бросались при мальчикѣ объ арестантахъ, не оставляли ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что эти люди совмѣщаютъ въ себѣ столько пороковъ, что и не сосчитать, и если-бъ ихъ выпустить на волю, то они дали бы себя знать! Недаромъ же имъ бреютъ головы и держатъ въ кандалахъ.

Такъ однажды говорилъ старичокъ-генералъ, пріѣхавшій съ визитомъ къ матери Васи, возмущенный по поводу какой-то жалобы, поданной арестантами на то, что ихъ плохо

кормятъ и не даютъ всего, что̀ имъ по закону полагается. Этотъ старичокъ, прикосновенный, кажется, къ дѣлу о растратѣ арестантскихъ суммъ, разумѣется, и не думалъ, что въ скоромъ времени, когда Севастополь будетъ въ опасности передъ непріятелемъ, всѣхъ этихъ арестантовъ выпустятъ на волю и снимутъ съ нихъ кандалы, и они сдѣлаются такими же доблестными защитниками осажденнаго города, какъ и остальные.

Всѣ эти разсказы еще сильнѣе подстрекали любопытство мальчика, и несмотря на страхъ, внушаемый ему этими ужасными людьми, онъ однако иногда рѣшался наблюдать ихъ, но, разумѣется, на такомъ разстояніи, чтобы, въ случаѣ какой-либо опасности, дать немедленно тягу.

Ихъ разговоры самаго мирнаго характера, долетавшіе до ушей Васи, добродушное мурлыканье какой-нибудь пѣсенки во время работы и наконецъ многія другія наблюденія совсѣмъ не соотвѣтствовали тому представленію объ арестантахъ, которое имѣлъ мальчикъ съ чужихъ словъ, и нѣсколько поколебали его вѣру въ справедливость показаній няни Агаоьи.

Особенно поразили его два факта.

Однажды весной онъ увидалъ, какъ одинъ изъ арестантовъ, пожилой, высокій брюнетъ съ сердитымъ взглядомъ большихъ, глубоко-сидящихъ глазъ, съ нависшими черными всклоченными бровями, котораго Вася считалъ самымъ страшнымъ и боялся болѣе другихъ, замѣтивъ выпавшаго изъ гнѣзда крошечнаго воробышка, тотчасъ же подошелъ къ нему, взялъ его и, бережно зажавъ въ рукѣ, полѣзъ на дерево и положилъ на мѣсто, къ радости безпокойно вертѣвшейся около и тревожно чирикавшей воробьихи. И когда онъ слѣзъ съ дерева и принялся снова разсыпать изъ тачки на аллею песокъ, лицо его, къ удивленію Васи, свѣтилось лаской и добротой.

Въ другой разъ арестанты нашли въ саду заброшеннаго щенка, маленькаго, облѣзлаго, худого, и отнеслись къ нему съ большою внимательностью и даже нѣжностью. Вася видѣлъ, какъ они совали ему въ ротъ разжеванный мякишъ чернаго хлѣба, какъ положили его въ укромный уголокъ, заботливо прикрывъ его какой-то тряпкой, и слышалъ, какъ они рѣшили взять его съ собою, и это рѣшеніе, видно, обрадовало всѣхъ.

— А то пропадетъ! — замѣтилъ тотъ же страшный арестантъ съ нависшими бровями.—А я, братцы, за нимъ ходить буду, замѣсто, значитъ, няньки!—прибавилъ онъ съ веселымъ смѣхомъ.

По соображеніямъ Васи, эти факты во всякомъ случаѣ свидѣтельствовали, что и этимъ страшнымъ людямъ не чужды проявленія добрыхъ чувствъ.

Для разрѣшенія своихъ сомнѣній Вася вскорѣ обратился къ старому денщику-матросу, Кирилѣ, бывшему у нихъ въ домѣ однимъ изъ лакеевъ, съ вопросомъ: правда ли, что арестанты уносятъ мальчиковъ и потомъ ѣдятъ ихъ?

Вмѣсто отвѣта Кирила, человѣкъ вообще солидный, серьезный и даже нѣсколько мрачный, такъ громко разсмѣялся, открывая свой большой ротъ, что Вася даже нѣсколько сконфузился, сообразивши, что попалъ впросакъ, предложивши видимо нелѣпый вопросъ.

— Кто это вамъ сказалъ, барчукъ?—спросилъ наконецъ Кирила со смѣхомъ.

— Няня.

— Набрехала она вамъ, Василій Лександрычъ, въ родѣ хавроньи, а вы взяли да и повѣрили! Слыханное ли это дѣло, чтобы, съ позволенія сказать, ѣли человѣковъ? Во всемъ крещеномъ свѣтѣ нѣтъ такого положенія, хоть кого вгодно спросите. Есть, правда, одинъ такой островъ, далеко отсюда, за окіянами, гдѣ вовсе дикіе люди живутъ, похожіе на обезьяновъ, такъ тѣ взаправду жрутъ, черти, человѣчье мясо. Мнѣ одинъ матросъ сказывалъ, что ходилъ на дальнюю *) и вездѣ побывалъ. Жрутъ, говорятъ, и крысу, и всякую насѣкомую, и змѣю, и человѣка, ежели чужой къ имъ попадется. Но окромя этого самаго острова нигдѣ этимъ не занимаются, чтобы мальчиковъ ѣсть. А русскій человѣкъ и подавно на это не согласится. Это васъ нянька нарочно пужала. Извѣстно—баба! Не понимаетъ, дурья башка, что брешетъ дитѣ!—пренебрежительнымъ тономъ прибавилъ Кирила.

— Да я и не повѣрилъ нянѣ. Я самъ знаю, что людей не ѣдятъ!—оправдывался задѣтый за живое самолюбивый мальчикъ.—Я такъ только спросилъ. И я знаю, что арестанты вовсе не страшные!—прибавилъ Вася не вполнѣ однако увѣреннымъ тономъ, втайнѣ желая получить на этотъ счетъ разъясненія такого знающаго человѣка, какимъ онъ считалъ Кирилу.

— Съ чего имъ быть страшными? Такіе же люди, какъ и всѣ мы. Только незадачливые, значитъ, несчастные люди—вотъ и все.

— А за что же они, Кирила, попали въ арестанты?

— А за разныя дѣла, барчукъ. Они вѣдь всѣ изъ солдатъ

*) Такъ матросы называютъ кругосвѣтное плаваніе.

да изъ матросовъ.... Долго ли до грѣха при строгой-то службѣ? Кои и за настоящія, прямо сказать, нехорошія вины... На грабежъ пустился или въ воровствѣ попался... Ну, и избываетъ свой грѣхъ... А кои изъ-за своего непокорнаго карахтера.

— Какъ такъ?—спросилъ Вася, не понимая Кирилу.

— А такъ. Не стерпѣлъ, значитъ, утѣсненіевъ, взбунтовался духомъ отъ боя да порки—ну и сдерзничалъ начальству на службѣ,—вотъ и арестантская куртка! А то и за пьянство попасть можно, всяко бывастъ! Ты и не ждешь, а вдругъ очутишься въ арестантскихъ ротахъ!

— За что же?

— А за то, ежели, примѣрно, нравный человѣкъ да напорется на какого-нибудь звѣря-командира, который поретъ безо всякаго разсудка и за всякій, можно сказать, пустякъ... Терпитъ-терпитъ человѣкъ, да наконецъ и не вытерпитъ, да отъ обиды въ сердцахъ и нагрубитъ... Небось, расправа коротка... Проведутъ скрозь строй... вынесутъ замертво и потомъ въ арестанты... И вы, барчукъ, не вѣрьте, что про нихъ нянька брешетъ... И бояться ихъ нечего, пренебрегать ими не годится... Ихъ жалѣть надо, вотъ что я вамъ скажу, барчукъ,—заключилъ Кирила.

Послѣ такихъ разъясненій, вполнѣ, казалось, подтверждавшихъ и собственныя наблюденія Васи, онъ значительно меньше сталъ бояться арестантовъ, рисковалъ подходить къ нимъ поближе и вглядывался въ эти самыя обыкновенныя, по большей части добродушныя лица, не имѣющія въ себѣ ничего злодѣйскаго. И они разговаривали, шутили и смѣялись точно такъ, какъ и другіе люди, а ѣли — казалось Васѣ — необыкновенно аппетитно и вкусно.

И однажды, когда Вася жадно глядѣлъ, какъ они утромъ уписывали, запивая водой, ломти чернаго хлѣба, посыпанные солью,—одинъ изъ арестантовъ съ такимъ радушіемъ предложилъ барчуку попробовать «арестантскаго хлѣбца», что Вася не отказался и съ большимъ удовольствіемъ съѣлъ два ломтя и пробылъ въ ихъ обществѣ. И всѣ смотрѣли на него такъ доброжелательно, такъ ласково, всѣ такъ добродушно говорили съ нимъ, что Вася очень жалѣлъ, когда шабашъ кончился, и арестанты разошлись по работамъ, привѣтливо кивая головами своему гостю.

Съ тѣхъ поръ между адмиральскимъ сыномъ и арестантами завязалось прочное знакомство, о которомъ Вася, разумѣется, благоразумно умалчивалъ, зная, что дома его за это не похвалятъ. И чѣмъ ближе онъ узнавалъ ихъ, тѣмъ болѣе и болѣе убѣждался, что и няня, и мать, и сестры, и стари-

чокъ-генералъ — рѣшительно заблуждаются, считая ихъ ужасными людьми. Напротивъ, по мнѣнію Васи, они были славные и добрые, и онъ только удивлялся, за что такихъ людей, которые такъ усердно работали, такъ хорошо къ нему относились, баловали его самодѣльными игрушками и такъ гостепріимно угощали его, — за что, въ самомъ дѣлѣ, имъ обрили головы и на ноги надѣли кандалы, лишивъ бѣдныхъ возможности бѣгать, какъ бѣгаетъ онъ.

Вася со всѣми своими новыми знакомыми былъ въ хорошихъ отношеніяхъ, но болѣе всего подружился съ однимъ молодымъ, бѣлокурымъ, небольшого роста, стройнымъ арестантомъ, съ голубыми ласковыми глазами. Онъ не зналъ, за что попалъ этотъ человѣкъ въ арестанты, и не интересовался знать, рѣшивъ почему-то, что, вѣрно, не за важную вину.

Онъ чувствовалъ какую-то особенную привязанность къ этому арестанту съ задумчивымъ грустнымъ взглядомъ и за то, что тотъ разсказывалъ отличныя сказки, и за то, что онъ былъ часто грустенъ, и за его мягкій ласковый голосъ, и за его необыкновенно добрую и пріятную улыбку — короче, рѣшительно за все.

Звали его Максимомъ. Арестанты называли его еще «соловьемъ» за то, что часто во время работы онъ пѣлъ пѣсни и пѣлъ ихъ замѣчательно хорошо.

Когда мальчикъ, бывало, слушалъ его пѣніе, полное безпредѣльной тоски, невольное чувство безконечной жалости къ этому пѣвцу въ кандалахъ охватывало его маленькое сердце, и къ горлу подступали слезы.

И нерѣдко, нервно потрясенный, онъ убѣгалъ.

IV.

Вася попалъ въ садъ какъ разъ во время.

Арестанты только-что зашабашили на полчаса и, расположившись кто кучками, кто въ одиночку, въ концѣ одной изъ аллей, подъ тѣнью стѣны, завтракали казеннымъ чернымъ хлѣбомъ и купленными на свои копейки арбузами.

Вася подбѣжалъ къ нимъ и, веселый, зарумянившійся, полный радости жизни, весело кивалъ головой въ отвѣтъ на общія привѣтствія съ добрымъ утромъ. Съ разныхъ сторонъ раздавались голоса:

— Каково почивали, барчукъ?

— Нянька не пужала васъ?

— Не угодно ли кавуна, барчукъ?

— У меня добрый кавунъ!

— Барчукъ съ Максимкой будетъ завтракать. Максимка нарочно большой кавунъ на рынкѣ взялъ.

— А гдѣ же Максимъ? — спрашивалъ Вася, ища глазами своего пріятеля.

— А вонъ онъ, отъ людей подъ виноградникъ забился... Идите къ нему, барчукъ, да прикажите ему не скучить... А то онъ опять вовсе заскучилъ...

— Отчего?

— А спросите его... Видно, не привыкъ еще къ нашему арестантскому положенію... Тоскуетъ, что̀ птица въ неволѣ.

— А вчерась дома еще отъ унтерцера попало!—вставилъ чернявый пожилой арестантъ съ нависшими всклоченными бровями, придававшими его рябоватому лицу нѣсколько свирѣпый видъ.

— За что попало?—поинтересовался Вася.

— А ежели по совѣсти сказать, то вовсе здря... Не примѣтилъ Максимка унтерцера и не осторонился, а этотъ дьяволъ его въ зубы... да разъ, да другой... Это хучь кому, а обидно, какъ вы полагаете, барчукъ? Еще если бы за дѣло, а то здря!—объяснялъ пожилой арестантъ главную причину обиды.

Вася, и по собственному опыту своей недолгой еще жизни знавшій, какъ обидно, когда, бывало, и его наказывали дома не всегда справедливо, а такъ, въ минуты вспышки гнѣва отца или дурного расположенія матери, поспѣшилъ согласиться, что это очень обидно, и что унтеръ-офицеръ, побившій Максима, дѣйствительно дьяволъ, которому онъ охотно бы «начистилъ морду».

Вызвавъ послѣдними словами, заимствованными имъ изъ арестантскаго жаргона, одобрительный смѣхъ и замѣчаніе, что «барчукъ разсудилъ правильно», Вася поспѣшилъ къ своему пріятелю Максиму.

— Здравствуй, Максимъ!—проговорилъ онъ, когда залѣзъ подъ виноградникъ и увидалъ молодого арестанта, около котораго лежали только-что нарѣзанные куски арбуза и нѣсколько ломтей чернаго хлѣба.

— Добраго утра, панычъ!—отвѣтилъ Максимъ своимъ мягкимъ голосомъ, съ сильнымъ малороссійскимъ акцентомъ.— Каково почивали? Попробуйте, какой кавунокъ добрый .. Кушайте на здоровье!—прибавилъ онъ, подавая Васѣ кусокъ арбуза и ломоть хлѣба и ласково улыбаясь при этомъ своими большими грустными глазами.—Я васъ дожидался...

— Спасибо, Максимъ... Я присяду около тебя... Можно?

— Отчего не можно? Садитесь, панычъ... Здѣсь хорошо, прохладно.

Вася присѣлъ и, вынувъ изъ кармана нѣсколько кусковъ сахара и щепотку чая, завернутаго въ бумажку, подалъ ихъ арестанту и проговорилъ:

— Вотъ возьми... Чаю выпьешь...

— Спасибо, панычъ... Добренькій вы... Только какъ бы вамъ не досталось, что вы сахаръ да чай изъ дома уносите.

— Не бойся, Максимъ, не достанется. И никто не узнаетъ... У насъ всѣ спятъ. Только папенька всталъ и сидитъ въ кабинетѣ. Да у насъ чаю и сахару много!—торопливо объяснялъ Вася, желая успокоить Максима, и съ видимымъ наслажденіемъ принялся уплетать сочный арбузъ, заѣдая его чернымъ хлѣбомъ и не обращая большого вниманія на то, что сокъ заливалъ его курточку.

Супувъ чай и сахаръ въ карманъ штановъ, Максимъ тоже принялся завтракать.

— Еще, панычъ!—проговорилъ онъ, замѣтивъ, что Вася уже съѣлъ одинъ кусокъ.

— А тебѣ мало останется?—замѣтилъ мальчикъ, видимо колебавшійся между желаніемъ съѣсть еще кусокъ и не обидѣть арестанта.

— Хватитъ... Да мнѣ что-то и ѣсть не хочется.

— Ну, такъ я еще съѣмъ кусочекъ.

Скоро арбузъ и хлѣбъ были покончены, и тогда Вася спросилъ:

— А ты что такой невеселый, Максимъ?

— Веселья немного, панычъ, въ арестантахъ..

— Въ кандалахъ больно?

— Въ неволѣ погано, панычъ... И на службѣ было тошно, а въ арестантахъ еще тошнѣе...

— Ты былъ солдатомъ или матросомъ?

— Матросомъ, панычъ, въ сорокъ второмъ экипажѣ служилъ... Можетъ, слыхали про капитана перваго ранга Богатова... Онъ у насъ былъ командиромъ корабля «Тартарарховъ»*).

— Я его знаю... Онъ у насъ бываетъ... Такой толстый, съ большимъ пузомъ...

— Такъ изъ-за этого самаго человѣка я и въ арестанты попалъ. Нехай ему на томъ свѣтѣ попомнится за то, что онъ меня несчастнымъ сдѣлалъ.

— Что-жъ ты, нагрубилъ ему?

— То-то... нагрубилъ... Я, панычъ, былъ матросъ тихій,

---

*) Такъ матросы черноморскаго флота называли корабль «Трехъ Іерарховъ».

смирный, а онъ довелъ меня до затменія... Такъ сѣкъ, что и не дай Боже!

— За что же?

— А за все. И вино и безвинно... За флотскую часть. Два раза въ гошпиталѣ изъ-за его лежалъ... Ну, душа и не стерпѣла... Назвалъ его злодѣемъ... Злодѣй и есть... И засудили меня, панычъ. Гоняли скрозь строй, а потомъ въ арестанты... Ужъ лучше было бы потерпѣть... Можетъ, отъ этого человѣка избавился и къ другому бы попалъ—не такому злодѣю. По крайности въ матросахъ все-таки на волѣ жилъ... А тутъ, сами знаете, панычъ, какая есть арестантская доля... хоть пропадай съ тоски... И всякій можетъ тобой помыкать... Извѣстно — арестантъ! — прибавилъ съ грустною усмѣшкой Максимъ.

Вася, слушавшій Максима съ глубокимъ участіемъ, послѣ нѣсколькихъ секундъ раздумья, проговорилъ съ самымъ рѣшительнымъ видомъ:

— Такъ отчего ты, Максимъ, не убѣжишь, если тебѣ такъ нехорошо?

Радостный огонекъ блеснулъ въ глазахъ арестанта при этихъ словахъ, и онъ отвѣтилъ:

— А вы какъ думаете?.. Давно убѣгъ бы, коли-бъ можно было, панычъ... Пошелъ бы до своей стороны...

— А гдѣ твоя сторона?

— Въ Каменецъ-Подольской губерніи... Можетъ, слыхали городъ Проскуровъ... Такъ отъ него верстовъ десять наша деревня... Поглядѣлъ бы на мать да на батьку и пошелъ бы за австрійскую границу шукать доли! — продолжалъ Максимъ взволнованнымъ шопотомъ, весь оживившійся и словно бы невольно высказывая свою давно лелѣянную завѣтную мечту о побѣгѣ. — Только вы смотрите, панычъ, никому не сказывайте насчетъ того, что я вамъ говорю, а то меня до смерти засѣкутъ!—прибавилъ Максимъ и словно бы испугался, что повѣрилъ свою тайну барчуку. Долго ли ему разболтать?

Вася торжественно перекрестился и со слезами на глазахъ объявилъ, что ни одна душа не узнаетъ о томъ, что говорилъ Максимъ. Онъ можетъ быть спокоенъ, что за него Максима не высѣкутъ. Хоть онъ и маленькій, а держать слово умѣетъ.

И когда Максимъ, повидимому, успокоился этимъ увѣреніемъ, Вася, и самъ внезапно увлеченный мыслью о побѣгѣ Максима за австрійскую границу, о которой, впрочемъ, имѣлъ очень смутное понятіе, продолжалъ таинственно серьезнымъ тономъ заговорщика:

— Ты говоришь, что нельзя убѣжать, а я думаю, что очень даже легко.

— А какъ же, панычъ?—съ ласковою улыбкой спросилъ Максимъ.

— А ты разбей здѣсь у насъ въ саду кандалы... Я тебѣ молотокъ принесу, а потомъ перелѣзь черезъ стѣну да и бѣги на австрійскую границу.

Максимъ печально усмѣхнулся.

— Въ арестантской-то одежѣ? Да меня заразъ поймаютъ.

— А ты ночью.

— Ночью съ блокшивы не убѣчь... Мы за желѣзными запорами, да и часовые пристрѣлятъ...

Возбужденное лицо Васи омрачилось. И онъ печально произнесъ:

— Значитъ, такъ и нельзя убѣжать?

Арестантъ не отвѣчалъ и какъ-то напряженно молчалъ. Казалось, будто какая-то мысль озарила его, и его худое, блѣдное лицо вдругъ стало необыкновенно возбужденнымъ, а глаза загорѣлись огонькомъ. Онъ какъ-то пытливо и тревожно глядѣлъ на мальчика, точно хотѣлъ проникнуть въ его душу, точно хотѣлъ что-то сказать и не рѣшался.

— Что-жъ ты молчишь, Максимъ? Или боишься, что я тебя выдамъ?—обиженно промолвилъ Вася.

— Нѣтъ, панычъ... Вы не обидите арестанта... Въ васъ душа добрая!—сказалъ увѣренно и серьезно Максимъ и, словно рѣшившись на что-то очень для него важное, прибавилъ почти шопотомъ:—А насчетъ того, чтобъ убѣчь, такъ оно можно, только не такъ, какъ вы говорите, панычъ.

— А какъ?

— Коли-бъ, примѣрно, достать платье.

— Какое?

— Женское, скажемъ, такое, какъ ваша нянька носитъ.

— Женское?—повторилъ мальчикъ.

— Да, и, примѣрно, платокъ бабій на голову... Тогда можно бы убѣчь!

Вася на секунду задумался и вслѣдъ затѣмъ рѣшительно проговорилъ:

— Я тебѣ принесу нянино платье и платокъ.

— Вы принесете... панычъ?

Отъ волненія онъ не могъ продолжать и, вдругъ схвативъ руку Васи, прижалъ ее къ губамъ и покрылъ поцѣлуями.

Въ отвѣтъ Вася крѣпко поцѣловалъ арестанта.

— Какъ же вы это сдѣлаете?.. А какъ поймаютъ...

— Не бойся, Максимъ... Никто не поймаетъ... Я ловко

это сдѣлаю, когда всѣ будутъ спать. Только куда его положить?

— А сюда... подъ виноградникъ. Да накройте его листомъ, чтобы не видно было.

— А то не прикрыть ли землей? Какъ ты думаешь, Максимъ?—съ серьезнымъ, дѣловымъ видомъ спрашивалъ Вася.

— Нѣтъ, что̀ ужъ вамъ трудиться, панычъ; довольно и листомъ. Сюда никто и не заглянетъ.

— Ну, ладно. А я завтра рано-рано утромъ все сюда принесу. А то еще лучше ночью... Я не побоюсь ночью вь садъ идти. Чего бояться?

— Благослови васъ Боже, милый панычъ. Я буду вѣкъ за васъ молиться.

— Эй! На работу!—донесся издали голосъ конвойнаго.

— Я еще къ тебѣ прибѣгу, Максимъ. Мы вѣдь больше не увидимся. Завтра тебя не будетъ!—съ грустью въ голосѣ произнесъ Вася.

Съ этими словами онъ вылѣзъ изъ виноградника и пошелъ въ домъ.

V.

Цѣлый день Вася находился въ возбужденномъ состояніи, озабоченный предстоявшимъ предпріятіемъ. Увлеченный этими мыслями, онъ даже ни разу не подумалъ о томъ, что̀ грозитъ ему, если отецъ какъ-нибудь узна̀етъ объ его поступкѣ. Планъ похищенія нянина платья и молотка, который онъ вчера видѣлъ въ комнатѣ, поглотилъ его всего, и онъ уже сдѣлалъ днемъ рекогносцировку въ нянину комнату и увидѣлъ, гдѣ лежитъ молотокъ, и намѣтилъ платье, висѣвшее на гвоздѣ. День этотъ тянулся для него невыносимо долго. Онъ то и дѣло выбѣгалъ въ садъ, озабоченно ходилъ по аллеямъ и часто подбѣгалъ къ Максиму, когда видѣлъ его одного. Подбѣгалъ и перекидывался таинственными словами.

— Прощай, голубчикъ Максимъ... Можетъ-быть, завтра ужъ ты будешь далеко!—проговорилъ онъ со слезами на глазахъ передъ тѣмъ, какъ арестанты собирались уходить изъ сада.

— Прощайте, панычъ!—шепнулъ арестантъ, взглядывая на мальчика взглядомъ, полнымъ неописуемой благодарности.

Арестанты выстроились и ушли, позвякивая кандалами. Вася долго еще провожалъ ихъ глазами.

По счастью, никто изъ домашнихъ не обратилъ вниманія на взволнованный видъ мальчика. Правда, за обѣдомъ отецъ два раза бросилъ на него взглядъ, отъ котораго Вася замеръ отъ

страха. Ему показалось, что отецъ прочелъ въ душѣ его намѣренія и вотъ сейчасъ крикнетъ ему: «я все знаю, негодный мальчишка!»

Но вмѣсто этого отецъ только спросилъ:

— Отчего не ѣшь?

— Я ѣмъ, папенька.

— Мало. Надо ѣсть за обѣдомъ!—крикнулъ онъ.

И Вася, не чувствовавшій ни малѣйшаго аппетита, усердно набивалъ себѣ ротъ, втайнѣ обрадованный, что отецъ ни о чемъ не догадывается.

Къ вечеру молотокъ уже лежалъ подъ кроватью Васи. Пошелъ онъ въ этотъ день спать рапѣе обыкновеннаго, хотя за чайнымъ столомъ и сидѣли гости и разсказывали интересныя вещи.

Когда онъ подошелъ къ матери, она взглянула на него и озабоченно спросила, ощупывая его голову:

— Ты, кажется, боленъ, Вася?.. У тебя все лицо горитъ.

— Я здоровъ, мама... Усталъ, вѣрно.

Онъ поцѣловалъ ея нѣжную, бѣлую руку, простился съ сестрами и гостями и, довольный, что отца не было дома и что не нужно было съ нимъ прощаться, пробѣжалъ въ дѣтскую.

— Няня, спать! — крикнулъ онъ.

— Что сегодня рано? Или набѣгался?

— Набѣгался... усталъ, няня!—говорилъ онъ, стараясь не глядѣть ей въ глаза и чувствуя нѣкоторое угрызеніе совѣсти передъ человѣкомъ, котораго собирался ограбить.

Няня раздѣла его и предложила ему разсказать сказку, но онъ отказался. Ему спать хочется. Онъ сейчасъ заснетъ.

— Ну, такъ спи, родной!

Она поцѣловала Васю, перекрестила его и хотѣла-было уходить, какъ Вася вдругъ проговорилъ:

— А знаешь, няня, послѣ моихъ именинъ я подарю тебѣ новое платье.

— Спасибо, голубчикъ. Что это тебѣ взбрело на умъ, къ чему мнѣ платье... У меня и такъ много платьевъ.

— А сколько?

— Да шесть будетъ окромя двухъ шерстяныхъ.

— А! — удовлетворенно произнесъ мальчикъ и прибавилъ:—Такъ я тебѣ, няня, что-нибудь другое подарю... Послѣ именинъ у меня будетъ много денегъ...

— Ишь ты, добрый мой... Спасибо на посулѣ. Ну, спи, спи. И я пойду спать.

Черезъ нѣсколько времени Вася услышалъ изъ сосѣдней комнаты храпъ няни Агаѳьи.

Первы его были слишкомъ натянуты, и онъ не засыпалъ, рѣшивши не спать до того времени, пока не заснутъ всѣ въ домѣ, и онъ можетъ безопасно пробраться въ садъ черезъ диванную, тихонько отворивъ двери въ садъ, которыя обыкновенно запирались на ключъ. Мать не услышитъ, а спальня отца въ другомъ концѣ дома. Наконецъ можно выпрыгнуть и изъ окна—не высоко.

До него доносились звуки корабельныхъ колоколовъ, каждые полчаса отбивавшихъ склянки. Онъ слышалъ монотонное и протяжное: «слу-шай!» перекрикивающихся въ отдаленіи часовыхъ и думалъ упорно и настойчиво о томъ, что онъ не долженъ заснуть и не заснетъ,—думалъ, какъ онъ отворитъ окно, прислушается, все ли тихо, и какъ пройдетъ къ нянѣ на цыпочкахъ за платьемъ, думалъ о Максимѣ, какъ онъ завтра обрадуется и удеретъ на австрійскую границу. И ему тамъ будетъ хорошо, и его никто не поймаетъ. И никто не узнаетъ, что это онъ, Вася, помогъ ему убѣжать. И ему пріятно было сознавать, что онъ будетъ его спасителемъ. Эти мысли, бродившія въ его возбужденной головѣ, смѣнились другими. И онъ убѣжитъ за австрійскую границу, если въ пансіонѣ, въ Одессѣ, куда его отвезутъ въ сентябрѣ, будетъ нехорошо и его будутъ сѣчь. Дома сѣчетъ отецъ, — онъ смѣетъ, а другіе не смѣютъ! Непремѣнно удеретъ, разыщетъ Максима и поселится вмѣстѣ съ нимъ. Эта мысль казалась ему соблазнительной, но еще соблазнительнѣе была другая, внезапно пришедшая,—какъ онъ уже большимъ и генераломъ, послѣ долгаго отсутствія, вдругъ подъѣдетъ на бѣломъ красивомъ конѣ къ дому, и какъ всѣ удивятся, что онъ генералъ. И отецъ не высѣчетъ его, — онъ ужъ большой,—а будетъ изумленъ, что онъ такой молодой и уже генералъ. И мать, и сестры, и братья—всѣ будутъ удивлены и всѣ будутъ поздравлять его. И онъ разскажетъ, почему онъ бѣжалъ и какъ отличился на войнѣ.

«Хо-ро-шо!»—подумалъ онъ, потягиваясь и не сознавая ясно, бредитъ ли онъ наяву или засыпаетъ.

— Нельзя спать!—прошепталъ онъ и тотчасъ же заснулъ. Что-то точно толкнуло его въ бокъ, и онъ проснулся и быстро присѣлъ на постели, испуганный, что проспалъ и обманулъ Максима, и первое мгновеніе не могъ сообразить, сколько теперь времени. Онъ протеръ глаза и озирался вокругъ. Сквозь бѣлую штору пробивался слабый свѣтъ. Слава Богу! Еще, кажется, не поздно.

Онъ вскочилъ съ постели, отдернулъ штору и взглянулъ въ окно. Только-что разсвѣтало, и въ саду стоялъ еще полумракъ.

— Пора!

Едва ступая босыми ножонками, пробрался онъ въ комнату няни, взялъ оттуда платье и платокъ, лежавшій около ея постели, и вернулся къ себѣ. Черезъ нѣсколько секундъ онъ ужъ былъ одѣтъ, все похищенное свернуто и завязано въ два полотенца.

Надо было рѣшить вопросъ: какъ пробраться въ садъ, черезъ окно или идти черезъ комнаты? Тихонько растворивъ окно, онъ заглянулъ внизъ и отвернулся: слишкомъ высоко! Тогда онъ снялъ съ себя башмаки и въ однихъ чулкахъ вышелъ за двери.

Сердце его сильно билось, когда онъ, затаивъ дыханье, прислушиваясь къ каждому шороху, пробирался по коридору, мимо комнатъ сестеръ, и наконецъ вошелъ въ диванную. Вотъ и дверь... Осторожно повернулъ онъ ключъ... разъ, два... раздался шумъ... Онъ на минуту замеръ въ страхѣ и со всѣхъ ногъ пустился въ садъ, перепрыгивая ступеньки лѣстницъ. Вотъ и вторая терраска сверху... Стремглавъ добѣжавъ до конца аллеи, онъ положилъ платье въ указанное мѣсто, набросалъ на него кучу виноградныхъ листьевъ и побѣжалъ домой.

Когда онъ благополучно вернулся и легъ въ постель, его трясло точно въ лихорадкѣ. Онъ былъ безконечно счастливъ и въ то же время страшно трусилъ, что вдругъ все откроется, и отецъ прикажетъ его самого отдать въ арестанты.

VI.

Проснулся онъ на другой день поздно. Няня стояла передъ нимъ. Онъ вспомнилъ все, что было ночью, и поглядѣлъ на нее. Ничего. Она, по обыкновенію, ласковая и добрая — видно, ни о чемъ не догадывается. На головѣ ея другой платокъ.

— Ишь, соня... Заспался сегодня... Вставай, уже девятый часъ...

Вася быстро поднялся, одѣлся и позволилъ сегодня нянькѣ расчесать основательно свои кудри.

— А не видалъ ты гдѣ-нибудь, Васенька, моего платка съ головы? Искала, искала—нигдѣ не могла найти, точно скрозь землю провалился!—озабоченно проговорила она, обыскивая Васину кровать.

— Нѣтъ, няня, не видалъ.

— Чудное дѣло!—прошептала старуха.

— Да ты, няня, не тревожься. Я тебѣ новый платокъ куплю.

— Не въ томъ дѣло... Не жаль платка, да куда онъ дѣвался?

И, когда Вася былъ готовъ, няня сказала:

— А папенька сердитый сегодня.

— Отчего?

— У насъ, Васенька, бѣда случилась.

— Бѣда? Какая бѣда, няня?

— Одинъ арестантъ изъ сада убѣжалъ утромъ.

У Васи радостно забилось сердце. Однако онъ постарался скрыть свое волненіе и съ напускнымъ равнодушіемъ спросилъ:

— Убѣжалъ? Какъ же онъ убѣжалъ?

— То-то и диво. Только-что хватились... Платье свое арестантское оставилъ и убѣжалъ... Всѣ дивуются,—откуда онъ досталъ платье... Не голый же ушелъ... Теперь идетъ переборка... Всѣхъ допрашиваетъ конвойный офицеръ... И папенькѣ доложили... Прогнѣвался... Вдругъ изъ губернаторскаго сада арестантъ убѣжалъ!

Ни живъ ни мертвъ явился Вася въ кабинетъ отца. Дѣйствительно, адмиралъ былъ не въ духѣ и въ отвѣтъ на обычное «здравствуйте, папенька»—только кивнулъ головой. Съ облегченнымъ сердцемъ ушелъ Вася, убѣдившись, что отецъ ничего не знаетъ, и вскорѣ услышалъ крики отца, который распекалъ явившагося къ нему съ рапортомъ полицеймейстера.

Вася цѣлый день провелъ въ тревогѣ, ожидая, что вотъ-вотъ его позовутъ на допросъ къ отцу.

Но никто его не звалъ. За обѣдомъ отецъ даже былъ въ духѣ и соблаговолилъ сказать адмиральшѣ, высокой, полной, пожилой женщинѣ, сохранившей еще слѣды былой красоты:

— А ты слышала, что сегодня случилось? Каналья-арестантъ убѣжалъ изъ нашего сада.

— Какъ же это онъ могъ?

— Арестанты показываютъ, что у него съ собою узелокъ былъ, когда ихъ вели съ блокшива... Вѣрно, тамъ платье и было... Онъ переодѣлся и убѣжалъ... Комендантъ совсѣмъ распустилъ ихъ... Ужъ я ему говорилъ... И конвойные плохо смотрятъ... Ну, да недолго побѣгаетъ... Сегодня или завтра, вѣрно, поймаютъ... Какъ проведутъ сквозь строй, не захочетъ бѣгать!

У Васи екнуло сердце. Неужели поймаютъ?

Однако, когда черезъ нѣсколько дней мать спросила отца, поймали ли арестанта, тотъ сердито отвѣчалъ:

— Нѣтъ... Словно въ воду канулъ, мерзавецъ! И никакъ не могли узнать, откуда онъ досталъ платье!

Когда черезъ недѣлю Вася уже совсѣмъ успокоился и вышелъ утромъ въ садъ, пожилой арестантъ съ всклоченными черными бровями, срѣзавшій гнилые сучья съ дерева, таинственно поманилъ мальчика къ себѣ и, когда тотъ подошелъ къ нему, осторожно, чтобы никто не видалъ, супулъ ему въ руки маленькій рѣзной крестикъ и проговорилъ:

— Максимка приказалъ вамъ передать, барчукъ.

И, ласково глядя на Васю, прибавилъ необыкновенно нѣжнымъ голосомъ:

— Пошли вамъ Богъ всего хорошаго, добрый барчукъ!

ВЪ ТРОПИКАХЪ.

I. Ночь.

I.

Среди шопота тропической ночи, полнаго какой-то таинственной прелести, почти безшумно плыветъ, словно птица съ гигантскими крыльями, трехмачтовый паровой военный корветъ «Соколъ» подъ всѣми парусами, имѣя бомъ-брамсели на верхушкахъ своихъ, немного подавшихся назадъ, мачтъ.

Небольшой, изящныхъ линій, красавецъ-корветъ, на которомъ находится сто семьдесятъ матросовъ, четырнадцать офицеровъ, докторъ и іеромонахъ съ Коневскаго монастыря, идетъ съ благодатнымъ, вѣковѣчнымъ пассатомъ, направляясь на югъ, узловъ по семи-восьми въ часъ, легко и свободно, съ тихимъ гуломъ, разсѣкая воду, разсыпающуюся у носа алмазной пылью, и равномѣрно слегка покачиваясь на исполинской груди старика-океана. Необыкновенно спокойный и ласковый океанъ лѣниво, съ нѣжнымъ рокотомъ, катитъ свои бездонныя, могучія волны, но не бьетъ ими сердито бока чуть-чуть накренившагося «Сокола», а, напротивъ, кротко облизываетъ ихъ и словно шепчетъ морякамъ, что въ этихъ широтахъ онъ не коваренъ, и его нечего бояться. Широкая серебристая лента, сверкая фосфорическимъ блескомъ, стелется за кормой, выдѣляясь среди чернѣющаго океана, и исчезаетъ вдали потерянным слѣдомъ.

А что за дивная тропическая ночь на этомъ океанскомъ просторѣ, съ міріадами звѣздъ и звѣздочекъ, то ярко и весело, то задумчиво и томно мигающихъ съ высоты темнаго, словно бархатнаго, купола!

Послѣ дневного зноя, мало умѣряемаго пассатнымъ вѣтромъ, съ ослѣпительно-жгучимъ солнцемъ, висящимъ въ безоблачной бирюзовой выси раскаленно-золотистымъ ядромъ, необыкновенно легко и привольно дышится въ эти ласковыя, волшебныя тропическія ночи, быстро, почти безъ сумерекъ,

наступающія вслѣдъ за закатомъ солнца и вѣющія нѣжной прохладой. Полной грудью жадно глотаешь освѣжающій, насыщенный озономъ, морской воздухъ и всѣмъ существомъ ощущаешь прелесть этой ночи, испытывая какую-то приподнятость настроенія и безотчетный восторгъ.

Глядя на этотъ таинственно-дремлющій океанъ, на это, сверкающее брильянтами, небо, прислушиваясь къ тихому рокоту волнъ, точно освобождаешься отъ обыденной пошлости. Думы становятся возвышеннѣй и смѣлѣй, и грезы, неопредѣленныя и безпредѣльныя, какъ океанская даль, уносятъ куда-то далеко-далеко...

До полуночи оставалась склянка (полчаса).

Въ этотъ часъ почти всѣ спятъ на нашемъ пловучемъ островкѣ, оторванномъ отъ родины, далекомъ отъ близкихъ, отъ милыхъ, и спятъ наверху, на палубѣ, такъ какъ внизу душно и жарко.

Не спитъ только вахтенный офицеръ, молодой мичманъ Лучицкій, шагающій, весь въ бѣломъ, взадъ и впередъ по мостику и отрывающійся отъ мечтательныхъ думъ и воспоминаній, чтобъ зорко оглядѣть горизонтъ и время отъ времени крикнуть вполголоса часовымъ на бакѣ: «Впередъ смотрѣть!»

Не спитъ, конечно, и вахтенное отдѣленіе матросовъ.

Примостившись поудобнѣе небольшими кучками у мачтъ или у пушекъ, они тихо, словно бы боясь нарушить тишину волшебной ночи, «лясничаютъ» между собой про «свои мѣста», которыя такъ далеко отсюда, про Кронштадтъ, про прежнія плаванія, про добрыхъ и злыхъ командировъ и про корветскаго боцмана, котораго надо бы проучить на берегу, такъ какъ онъ «дерется безъ всякаго разсудка». Нѣкоторые, охваченные теплымъ дыханіемъ ночи, полудремлютъ сторожкой, матросской дремой, готовые очнуться при звукѣ командпаго голоса... А то кто-нибудь изъ мастеровъ-сказочниковъ сказываетъ тихимъ и пѣвучимъ ритмомъ сказочной рѣчи сказку про Ивана Царевича или Бову Королевича, и нѣсколько человѣкъ внимательно слушаютъ.

Такъ коротается ночная вахта.

Въ тропикахъ не грѣхъ и «полясничать» и вздремнуть матросу. Ни боцманъ, ни вахтенный унтеръ-офицеръ за это не разразятся потокомъ той артистической ругани, къ которой моряки вообще чувствуютъ слабость и безъ которой не могутъ обойтись. Вахты, слава Богу, спокойныя, и слѣдовательно можно и вздохнуть послѣ труднаго плаванія въ Нѣмецкомъ морѣ и штормовыхъ дней въ Атлантическомъ

океанѣ, на параллели Бискайскаго залива, гдѣ бѣдный «Соколъ» выдержалъ-таки изрядную трепку подъ штормовыми парусами и долженъ былъ послѣ нея зайти въ Лиссабонъ, чтобъ исправить кое-какія поврежденія.

Здѣсь, въ тропикахъ, матросамъ легко и привольно. Имъ не приходится, стоя на вахтѣ, кутаться въ свои просмоленныя, парусинныя дождегыя пальтишки, стараясь закрыться отъ брызгъ разсвирѣпѣвшихъ сѣдыхъ волнъ, съ бѣшенствомъ нападающихъ черезъ палубу у бака, — не приходится быть постоянно «на чеку» у своихъ снастей, въ напряженномъ ожиданіи то поворота, то брасопки рей, вслѣдствіе зашедшаго вѣтра, то отдачи марса-фаловъ.

Ихъ, этихъ тружениковъ моря, часто попавшихъ прямо отъ сохи на океанъ, не посылаютъ здѣсь крѣпить брамсели или брать рифы у марселей, работая на стремительно качающихся реяхъ надъ океанской бездной, подъ ревъ засвѣжѣвшаго вѣтра и при громадномъ волненіи, бросающемъ корветъ, словно щепку, съ бока на бокъ и вверхъ и внизъ. Не приходится, купаясь ногами въ водѣ, крѣпить кливера на бугшпритѣ, зарывающемся въ воду.

Подвахтенные, спящіе рядами на палубѣ, могутъ здѣсь спать спокойно, подъ открытымъ небомъ. Ихъ не разбудитъ грозный окрикъ боцмана: «Пошелъ всѣ наверхъ!» Нѣтъ. Все это осталось позади, и всего этого еще будетъ довольно впереди, а пока этотъ легкій и нѣжный, вѣчно дующій въ одномъ и томъ же направленіи, пассатъ, этотъ ласковый океанъ, голубое небо съ постояннымъ солнцемъ и чудныя тропическія ночи дѣлаютъ плаваніе въ тропикахъ восхитительнымъ.

— Эка благодать Господня! — шепчетъ кто-то въ одной кучкѣ, пріютившейся на шканцахъ.

— Въ такихъ-то мѣстахъ и плыть, братцы, не страшно,— замѣчаетъ первогодокъ, молодой низенькій матросикъ изъ Вятской губерніи.

— А только такихъ-то мѣстовъ мало на Божьемъ свѣтѣ...

— Мало?—спрашиваетъ первогодокъ.

— И вовсе мало... Вотъ спустимся книзу, тогда другое дѣло пойдетъ...

— Гляди, ребята: звѣздочка упала. Вонъ опять падаетъ...

Матросы подняли головы. Кто-то спросилъ:

— И куда онѣ тепериче упали?

— Въ окіянъ, надо быть.

— Никуда не упали. Разсыплются по пути, сгорятъ и шабашъ! Въ родѣ быдто ракеты!—авторитетно пояснилъ марсовой Прохоровъ.

— Ишь ты... Еще падаютъ...

Матросы задумчиво примолкли и глядѣли на падающія звѣзды.

II.

За эти три съ половиной часа ночной вахты мичманъ Лучицкій успѣлъ вволю намечтаться и надуматься. Дѣла ему было немного. Только внимательно наблюдай: не нависло ли въ далекомъ сумракѣ горизонта зловѣщее черное облако, грозящее приближеніемъ бурнаго, быстро проносящагося, шквала съ проливнымъ тропическимъ дождемъ,—чтобъ вовремя встрѣтить шквалъ, убравши минутъ на пять паруса,—да посматривай въ бинокль: не блеснетъ ли по близости зеленый или красный огонекъ судна?

Но ни онъ ни сигнальщикъ, стоящій на мостикѣ съ подзорной трубой, не видятъ ни зловѣщихъ тучъ ни судовыхъ огней. Смотрящіе впередъ съ бака двое часовыхъ тоже не видятъ ничего, что̀ заставило бы ихъ крикнуть.

И вахтенный мичманъ, вдоволь уже насладившійся красотою ночи, шагаетъ по мостику или, уставшій отъ ходьбы, прислонится къ поручнямъ и думаетъ и мечтаетъ, какъ только можетъ мечтать здоровый, жизнерадостный, полный добрыхъ намѣреній, молодой человѣкъ двадцати двухъ лѣтъ, для котораго жизнь — еще книга съ бѣлыми листами, несомнѣнно прелестными. О чемъ только ни передумалъ онъ въ эту вахту отъ восьми часовъ! Онъ думалъ о томъ, какъ хорошо и весело на свѣтѣ, какъ обаятельна эта ночь, и какъ жаль, что красавица Леночка въ Петербургѣ и не можетъ любоваться такою прелестною ночью вмѣстѣ съ нимъ... Что-то она теперь дѣлаетъ, милая? Думалъ онъ, что какъ ни хорошо теперь, а впереди станетъ еще лучше, свѣтлѣе и радостнѣе, когда онъ какъ-нибудь отличится и, молодымъ капитанъ-лейтенантомъ, будетъ командовать такимъ же щегольскимъ корветомъ, какъ «Соколъ», и будетъ такимъ же добрымъ и гуманнымъ, какъ и капитанъ «Сокола», этотъ благородный человѣкъ, никогда не ударившій матроса и запретившій у себя на корветѣ тѣлесныя наказанія, несмотря на то, что они не отмѣнены... Превосходный этотъ Василій Ѳедоровичъ... Съ такимъ капитаномъ отлично плавать...

«Отлично... Превосходный человѣкъ... Отлично!» — мысленно повторялъ мичманъ, готовый сейчасъ же чѣмъ-нибудь доказать свою преданность капитану, котораго дѣйствительно любили матросы и молодые офицеры, сочувствовавшіе его гуманнымъ идеямъ.

«Можетъ ли онъ однако быть такимъ чудеснымъ, какъ Василій Ѳедоровичъ?»

И мичманъ анализировалъ себя: свой характеръ, свои недостатки и слабости. Ахъ, какъ много въ немъ дурного, мелкаго, эгоистичнаго! Онъ непремѣнно долженъ переработать себя, читать больше, сдѣлаться добрѣе, умнѣе и снисходительнѣе въ своихъ сужденіяхъ о другихъ людяхъ. Съ завтрашняго же дня онъ будетъ вести дневникъ и добросовѣстно записывать въ немъ всѣ свои помыслы и дѣла... Это пріучитъ къ самовоспитанію.

Но всѣ эти думы и мечты внезапно исчезаютъ, и мысли молодого человѣка на нѣкоторое время останавливаются исключительно на смугломъ молодомъ женскомъ личикѣ съ парой карихъ глазъ, на которыхъ еще блестятъ слезы,—съ нѣжными щечками и кругленькимъ подбородкомъ съ ямочкой. «Ахъ, эта славная Леночка!» И образъ ея, подъ обаяніемъ нѣжной ночи и звѣзднаго неба, кажется ему еще милѣй и привлекательнѣй здѣсь, на океанѣ, вдали отъ Петербурга.

Онъ вспоминаетъ, и съ большой экспансивностью, свое послѣднее свиданіе передъ разлукой, восемь мѣсяцевъ тому назадъ, съ этой хорошенькой Леночкой, его троюродной сестрой, съ которой они что-то около года вели горячіе и необыкновенно отвлечённые споры, читали умныя книжки и прикидывались «добрыми друзьями», хотя втайнѣ были влюблены другъ въ друга, стыдясь однако въ этомъ признаться. До самаго дня разлуки оба они храбрились, но когда, наканунѣ ухода корвета въ море, Вася Лучицкій пришелъ проститься и засталъ Леночку въ гостиной одну (отецъ, адмиралъ, послѣ обѣда, почивалъ, а адмиральша куда-то ушла),— оба молодые люди вдругъ присмирѣли и затихли, словно обиженныя дѣти...

Онъ припомнилъ,—и не первый это разъ,—какъ Леночка была грустна, какъ начала было разсказывать о прочитанномъ томѣ Шлоссера, но внезапно смолкла, губы сложились въ гримаску, и слезы потекли изъ ея глазъ. А дальше?.. Дальше этотъ первый поцѣлуй, долгій и нѣжный, которымъ они обмѣнялись, поглядывая однако на двери, послѣ неожиданно слетѣвшихъ съ губъ взаимныхъ признаній, эти слезы счастія на просвѣтлѣвшемъ, зардѣвшемся лицѣ дѣвушки, обоюдныя клятвы не разлюбить другъ друга, эту маленькую, тоненькую ручку, съ бирюзой на мизинцѣ, которую онъ осыпалъ поцѣлуями и орошалъ слезами...

«И зачѣмъ пришла тогда эта женщина!»—досадуя даже заднимъ числомъ, припомнилъ молодой человѣкъ, имѣвшій

дерзость такъ называть адмиральшу, мать Леночки и свою двоюродную тетку, вѣроятно, потому, что послѣ появленія «этой женщины» въ гостиной вспоминать что-либо особенно пріятное было трудно. Напротивъ, скорѣе осталось одно непріятное воспоминаніе, въ виду того, что адмиральша, видимо недовольная, что застала молодыхъ людей однихъ и нѣсколько смущенныхъ, не оставляла Леночки въ теченіе цѣлаго вечера, далеко не по-родственному была суха съ племянникомъ и, въ самый трогательный моментъ прощанія, довольно ядовито попросила его привезти портреты красавицъ во всѣхъ портахъ, гдѣ Васенька влюбится, при чемъ выразила, не безъ презрительной улыбки, надежду, что коллекція будетъ обширная.

Вспоминая о Леночкѣ, молодой мичманъ довольно самонадѣянно рѣшилъ въ эту минуту, что его любовь къ Леночкѣ, несмотря на карканья адмиральши, выдержитъ всякія испытанія, и что, возвратившись черезъ три года изъ плаванія, и, конечно, лейтенантомъ, онъ тотчасъ же полетитъ къ ней въ Моховую, 15, и непремѣнно женится на Леночкѣ, хотя бы «эта женщина» была и противъ. Адмиралъ?.. Но кто же не зналъ въ домѣ, не исключая даже вѣстового Егорки, что адмиралъ былъ эхомъ адмиральши... Что-жъ! Они повѣнчаются и безъ согласія родителей. Богъ съ нимъ, съ приданымъ. Онъ и самъ прикопитъ въ плаваніи тысчонку, что ли, на первое обзаведеніе. Леночка вѣдь не гонится за обстановкой,—недаромъ они вмѣстѣ читали хорошія книжки...

Такъ мечталъ Лучицкій, не предвидя, разумѣется, что скоро, очень даже скоро онъ забудетъ эти «вешнія грезы» любви, прелестный образъ Леночки затмится не менѣе, если не болѣе прелестными образами другихъ избранницъ и затѣмъ останется однимъ лишь благодарнымъ воспоминаніемъ — и то подъ старость — о первой чистой и непорочной любви. Не подозрѣвалъ онъ, что и Леночкины клятвы окажутся такими же легкомысленными, какъ и его, и что послѣ двухъ ея посланій, смоченныхъ слезами и нефранкированныхъ, онъ мѣсяца черезъ четыре получитъ въ Санъ-Франциско заказное, вполнѣ оплаченное письмо отъ самой адмиральши, въ которомъ «эта женщина» сообщитъ, что Леночка вышла замужъ за капитана 1-го ранга Кобылкина и очень счастлива, чего отъ души вмѣстѣ съ теткой и дядей желаетъ и Васѣ.

Да и вообще, мечтая въ эту восхитительную тропическую ночь въ ноябрѣ 1865 года, подъ 10^0 сѣверной широты и подъ 20^0 западной долготы, могъ ли молодой мичманъ хоть на

минуту усомниться, что не сбудутся его мечты, и смѣлъ ли онъ предполагать, что жизнь жестоко впослѣдствіи обманетъ его даже самыя скромныя надежды!

Устроивъ свою личную жизнь счастливымъ бракомъ съ Леночкой, мичманъ вспомнилъ, что пора отдаться дѣйствительности, и потому добросовѣстно оглядѣлъ въ бинокль горизонтъ справа и слѣва, и впереди и сзади, посмотрѣлъ на компасъ: на румбѣ ли правятъ рулевые, и, больше для очистки совѣсти, чѣмъ по необходимости, крикнулъ негромко своимъ красивымъ баритономъ, который не одна Леночка называла «бархатнымъ», когда Лучицкій пѣлъ романсы:

— На бакѣ! Впередъ смотрѣть!

— Есть! Смотримъ! — тотчасъ же отвѣчали два голоса съ бака.

Лучицкій усталъ и отъ ходьбы и отъ мечтаній—нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, мечтать безъ конца, хотя бы и объ избранницѣ сердца, и въ чудную тропическую ночь, и даже мичману. Къ концу вахты мечтательное настроеніе прошло, смѣнившись сильнымъ влеченіемъ къ койкѣ. Растянуться бы да и заснуть! А эта послѣдняя склянка передъ смѣной, казалось, тянется дьявольски долго (всѣмъ стоящимъ на ночныхъ вахтахъ обязательно такъ кажется).

Молодой мичманъ потянулся, сладко зѣвнулъ, вспомнилъ, что на вахтѣ офицеру заснуть — преступленіе, и, чтобы прогнать сонъ, сталъ снова думать о Леночкѣ: старался представить себѣ ея граціозную, стройную фигуру, ея обыкновенно привлекательную улыбку, открывающую рядъ маленькихъ, ровныхъ, жемчужныхъ зубовъ, старался вспомнить ея голосъ, ея рѣчи, но странное дѣло — всѣ эти мысли какъ-то путались въ его головѣ, обрывались, мѣшались съ другими, и образъ прелестной Леночки совершенно неожиданно явился съ рыжими усами и рыжими бакенбардами въ видѣ котлетъ, поразительно напоминавшій далеко не прелестное лицо начальника 1 вахты, лейтенанта Максима Петровича Невзорова, который долженъ былъ вступить на вахту съ полупочи до четырехъ часовъ утра, смѣнивъ Лучицкаго. Паруса вдругъ куда-то исчезли изъ глазъ, и вмѣсто оксана онъ увидѣлъ какую-то освѣщенную залу, гдѣ полъ не качается подъ ногами, и всѣ ходятъ, не разставляя ногъ колесомъ... И тутъ же Максимъ Петровичъ и съ нимъ какая то дама, и... Мичманъ очнулся, задремавши стоя минуту-другую... Фу, чортъ возьми! Хорошо, что никто не видалъ, что онъ, считавшійся исправнымъ офицеромъ, вдругъ задремалъ на вахтѣ.

А эта тихая, нѣжная ночь такъ и вѣетъ сномъ, и не хочется разстаться съ поручнями, на которыя такъ пріятно облокотиться и, надвинувъ на глаза фуражку, подремать еще минуточку, одну минуточку. Ахъ какъ хочется спать въ эти послѣдніе четверть часа передъ смѣной. Чего бы только ни отдалъ мичманъ за возможность немедленно раздѣться и юркнуть въ койку!.. Покопайся онъ въ своей совѣсти, то, пожалуй, готовъ былъ бы въ эту критическую минуту отказаться и отъ Леночки, представь ему на выборъ: бодрствовать, или спать.

Признаться, только самолюбивая жилка моряка заставила Лучицкаго отойти отъ этихъ соблазнительныхъ поручней, грозившихъ быть для мичмана тѣмъ же, чѣмъ была Капуя для Аннибала, и рѣшительно зашагать по мостику, чтобы побороть неодолимое желаніе.

И на ходу вѣки такъ и слипаются.

— Сигнальщикъ!

— А... о... Есть! — порывисто откликнулся тоже вздремнувшій сигнальщикъ.

— Поди, братъ, узнай, разбудили ли лейтенанта Невзорова?

Черезъ минуту сигнальщикъ вернулся и сказалъ:

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе, еще не побудили.

— Почему?

— Вѣстовой ихній Антошка сказывалъ, что лейтенантъ Невзоровъ приказали будить за пять минутъ. Ни на секундъ раньше!

Лучицкій уже заранѣе сердится, почему-то предполагая, что Невзоровъ, всегда аккуратный, не успѣетъ одѣться въ пять минутъ и опоздаетъ смѣнить его во-время. Опозданіе смѣны съ вахты, хотя бы на минутку-другую, считается у моряковъ почти-что преступленіемъ, и Боже сохрани совершить его. Въ крайнемъ случаѣ надо предупредить, если кто-нибудь разсчитываетъ опоздать на вахту, особенно на ночную.

«Это вѣдь свинство со стороны Невзорова! Воображаетъ, что старый лейтенантъ, такъ я стерплю. Чорта съ два! Опоздай онъ хоть на минуту — я ему пропою!»

Такъ думаетъ молодой мичманъ и, забывши свое торжественное обѣщаніе быть снисходительнымъ въ сужденіи о людяхъ, чувствуетъ внезапный приливъ злости къ Невзорову и за то, что онъ «дантистъ»—бьетъ матросовъ, не обращая вниманія на просьбы капитана не драться, и ругается, «какъ боцманъ», и за то, что Невзоровъ исповѣдуетъ самые ретро

градные взгляды, и за то, что онъ циникъ, но главнымъ образомъ за то, что онъ можетъ опоздать.

Лучицкій подходитъ къ освѣщенному внутри компасу и взглядываетъ на свои часы. Серебряная его луковица показываетъ, что до полуночи остается еще цѣлыхъ десять минутъ. Ужасно много!

И, не довѣряя показанію своихъ часовъ, вчера только провѣренныхъ по хронометру, онъ посылаетъ сигнальщика справиться: какъ время на часахъ въ каютъ-компаніи?

— Безъ восьми, ваше благородіе! — докладываетъ, вернувшись, сигнальщикъ.

— Такъ скажи вѣстовому, чтобы онъ разбудилъ лейтенанта Невзорова!—послѣ нѣкотораго колебанія приказываетъ мичманъ, для котораго теперь каждая минута казалась вѣчностью.

Сигнальщикъ, привыкшій къ этимъ гонкамъ господъ офицеровъ передъ концомъ вахтъ, спустился внизъ и въ каютъ-компаніи, слабо освѣщенной чуть-чуть покачивающейся надъ большимъ столомъ висячей лампой, увидалъ вѣстового Антошку, сторожившаго минуты на большихъ столовыхъ часахъ, прибитыхъ надъ привинченнымъ къ полу піанино.

— Антошка!—окликнулъ шопотомъ сигнальщикъ.—Вахтенный приказалъ тебѣ побудить барина.

Заспанный, бѣлобрысый молодой вѣстовой съ большими добрыми, на выкатѣ, глазами, обернулся и такъ же тихо проговорилъ:

— Буди, братецъ, самъ, коли хочешь, чтобъ онъ запустилъ тебѣ въ рожу щибletкой, а я не согласенъ. Нешто не знаешь, какой онъ со сна сердитый... Чуть ежели раньше какъ за пять минутъ, безпремѣнно отчешетъ... А мичману, что ли, не терпится?—прибавилъ, усмѣхнувшись, Антошка.

— То-то не терпится... Гоняетъ... Даве уже заклевалъ носомъ... Ночь-то сонная.

И, выдержавъ паузу, сигнальщикъ промолвилъ, еще понижая голосъ:

— А что, Антошка, не одолжишь ли окурка?

Антошка досталъ изъ кармана штановъ два маленькіе окурка папиросъ и подалъ сигнальщику.

— Вотъ спасибо, братъ. Ужо покурю, а то совсѣмъ махорки мало осталось... Раскурилъ...

Часовая стрѣлка передвинулась, показывая безъ пяти двѣнадцать, и Антошка, торопливо ступая своими босыми ногами по клеенкѣ, вошелъ въ открытую настежь каюту Невзорова,

откуда раздавался громкій храпъ, и принялся будить лейтенанта, а сигнальщикъ вернулся наверхъ и доложилъ:

— Побудили, ваше благородіе.

— Встаетъ?

— Должно, встаютъ.

Наконецъ съ бака, среди тишины, раздается восемь мѣрныхъ ударовъ колокола, радостно отзывающихся въ ушахъ молодого мичмана, и съ послѣднимъ ударомъ на мостикъ поднимается плотная и приземистая фигура лейтенанта Невзорова въ бѣломъ, разстегнутомъ кителѣ, надѣтомъ поверхъ ночной рубашки съ раскрытымъ воротомъ, въ башмакахъ на босыхъ ногахъ, въ широкихъ штанахъ и фуражкѣ совсѣмъ почти на затылкѣ.

Въ то же время боцманъ Артюхинъ, ставши у гротъ-мачты, протяжно свистнулъ въ дудку и вслѣдъ затѣмъ зычнымъ голосомъ крикнулъ на всю палубу:

— Второе отдѣленіе на вахту! Вставай... Живо!

— Эка реветъ, дьяволъ! — сердито прошепталъ какой-то матросъ, проснувшійся отъ боцманскаго окрика, и повернулся на другой бокъ.

Среди лежащихъ въ повалку на палубѣ матросовъ началось движеніе. Тѣ, кому приходилось вступать на вахту, потягивались, зѣвая и крестясь, поднимались со своихъ тощихъ тюфячковъ и, торопливо натянувъ штаны, выходили на шканцы, на провѣрку. Разбуженные боцманомъ другіе матросы, оглядѣвшись вокругъ, снова засыпали.

— Ну, что, Василій Васильичъ, очень спать хочется?— добродушно говорилъ своимъ низкимъ баскомъ Невзоровъ, поднявшись на мостикъ и сладко позѣвывая...

И у Лучицкаго тотчасъ же исчезла злоба противъ Невзорова, который, несмотря на свое «ретроградство» и скверную привычку драться, былъ все-таки добрымъ, хорошимъ товарищемъ и лихимъ, знающимъ свое дѣло морякомъ.

— Отчаянно, Максимъ Петровичъ,—отвѣчалъ молодой мичманъ. — Въ началѣ вахты еще ничего...

— Мечтали, видно, о какой-нибудь дамочкѣ въ Кронштадтѣ? — перебилъ, засмѣявшись сквернымъ, циничнымъ смѣхомъ, Невзоровъ и прибавилъ:—Вотъ въ Ріо-Жанейро придемъ... Тамъ, я вамъ скажу, вы скоро влюбитесь въ какую-нибудь бразильскую дамочку и забудете свою зазнобу, коли есть... Вѣдь навѣрно есть, а?.. Ну и жарко-жъ спать въ каютѣ... Съ завтрашняго дня буду спать наверху... Прохладнѣе...

— И ночи какія очаровательныя... Поглядите-ка, Максимъ Петровичъ, небо-то какое!

— А ну его къ чорту небо!.. Это вы только о небесахъ думаете и небесами восхищаетесь... Однако сдавайте-ка вахту да ступайте спать...

Мичманъ сказалъ, какой курсъ, сколько ходу, какіе стоятъ паруса и, пожавъ руку Невзорова, пошелъ на ютъ и, раздѣвшись, вспрыгнулъ въ подвѣшенную койку и скоро заснулъ.

А Невзоровъ спустился на палубу, обошелъ корветъ, провѣрилъ вахтенныхъ, часовыхъ на бакѣ и, поднявшись на мостикъ, зашагалъ медленными шагами и вполнѣ мечталъ о Ріо-Жанейро, о бразиліанкахъ и о вкусныхъ обѣдахъ и ужинахъ на берегу и, разумѣется, съ хорошими винами. Но вдругъ вспомнилъ и объ одной молодой вдовѣ въ Петербургѣ, которой онъ два раза дѣлалъ предложеніе и два раза получалъ отказъ. Вспомнилъ—и задумался. Вѣроятно, и на Максима Петровича подѣйствовала прелесть тропической ночи и навѣяла на него, помимо его воли, задумчивое настроеніе, не имѣющее ничего общаго ни съ бразиліанками, ни съ обѣдами и ужинами, ни со службой. Онъ, разумѣется, никому бы не сознался, что въ эту ночь и онъ поглядывалъ на звѣзды, сердито крякалъ, испытывая какое-то странное чувство томленія и грусти, и думалъ болѣе, чѣмъ слѣдовало бы такому цинику, какимъ онъ представлялся всѣмъ на корветѣ, говоря, что не понимаетъ любви, длящейся болѣе недѣли,— объ этой высокой и полной, цвѣтущей блондинкѣ, лѣтъ тридцати, съ холодными сѣрыми глазами, румяными щеками и роскошнымъ бюстомъ, которую онъ и послѣ двухъ отказовъ не можетъ забыть и которой онъ, по секрету отъ всѣхъ, написалъ уже два любовныя письма, оставшіяся безъ отвѣта. А если бы она отвѣтила? Подала бы хоть тѣнь надежды? Онъ готовъ былъ бы ждать годъ, два, три до той счастливой минуты, когда она согласится быть его другомъ и женой...

Увы! Онъ не догадывался, что эта полная, цвѣтущая вдова—одна изъ тѣхъ женскихъ безстрастныхъ натуръ, которыя заботятся лишь о себѣ, о своемъ здоровьѣ, о своемъ спокойствіи... За что она продастъ свою свободу обезпеченной вдовы на полубѣдное существованіе вдвоемъ!? Какая онъ партія! Да и къ чему ей замужъ?

Но Максимъ Петровичъ, проведшій бо́льшую часть своей жизни въ плаваніяхъ и знавшій женщинъ лишь по мимолетнымъ знакомствамъ, разумѣется, не понималъ своего идола и, влюбленный, какъ мальчишка, надѣлялъ его всѣми совершенствами и приписывалъ отказы вдовушки исключительно тому, что онъ ей не нравится.

— Эка что за чепуха сегодня лѣзетъ въ голову! — досадливо проговорилъ вслухъ Максимъ Петровичъ и рѣшилъ про себя, что давно пора бросить всю эту «канитель» и навсегда забыть эту женщину.

Казалось, онъ ужъ забывалъ ее, предаваясь, при съѣздахъ на берегъ, широкому разгулу, а вотъ теперь, какъ нарочно, снова вспомнилъ и расчувствовался, какъ какой-нибудь мичманенокъ. «Срамъ, Максимъ Петровичъ! Ну ее къ чорту, эту «каменную вдову»! Пусть себѣ маринуется впрокъ!»

— Сигнальщикъ! Дай-ка трубу! — сердито закончилъ вслухъ лейтенантъ.

А ночь уже начинала блѣднѣть, и тускнѣющія звѣзды мигали все слабѣе и слабѣе. Океанъ засѣрѣлъ, переливаясь съ тихимъ гуломъ своими волнами. Горизонтъ раздвинулся, и на самомъ краю его виднѣлось бѣлѣющееся пятно парусовъ какого-то судна. Наступалъ предразсвѣтный сумракъ, повѣяло острой прохладой, и чудная тропическая ночь, послѣ недолгой борьбы, медленно угасала, словно пугаясь загорающагося на востокѣ багрянца, предвѣщающаго восходъ солнца.

II. Утро.

I.

Горизонтъ на востокѣ разгорался все ярче и ярче въ лучезарномъ блескѣ громаднаго зарева, сверкая золотомъ и багряцемъ. Небо тамъ горѣло въ переливахъ и сочетаніяхъ самыхъ волшебныхъ яркихъ цвѣтовъ; подернутое выше, надъ горизонтомъ, нѣжной золотисто-розовой дымкой. А на противоположной его сторонѣ еще трепеталъ въ агоніи предразсвѣтный сумракъ, и еле мигали едва замѣтныя-рѣдкія звѣзды.

Наконецъ солнце обнажилось отъ своихъ пурпурныхъ одеждъ и медленно, будто нехотя, выплыло изъ-подъ горизонта, жгучее и ослѣпительное. И мгновенно все вокругъ освѣтилось, ожило, точно пробудившись отъ сна, и сбросило съ себя таинственность ночи, принявъ прозрачную ясность и опредѣленность.

На далекое, видимое глазомъ, пространство синѣлъ океанъ, окаймленный со всѣхъ сторонъ голубыми рамками высокаго бирюзоваго купола, по которому кое-гдѣ носились маленькія бѣлоснѣжныя перистыя облачка прихотливыхъ узоровъ. Они нагоняли другъ друга, соединялись, вновь расходились и исчезали, словно тая въ воздушномъ эфирѣ. Попрежнему

веселый и ласковый, океанъ почти безшумно, съ тихимъ однообразнымъ рокотомъ катилъ свои могучія волны съ серебристыми верхушками, слегка и бережно покачивая маленькій корветъ. Океанъ почти пустъ, куда ни взгляни. Только справа бѣлѣютъ, рѣзко выдѣляясь въ прозрачномъ воздухѣ, паруса трехмачтоваго судна, судя по рангоуту—«купца», идущаго однимъ курсомъ съ «Соколомъ», который замѣтно нагоняетъ своего попутчика и, вѣроятно, скоро, по выраженію моряковъ, «покажетъ ему свои пятки». Высоко рѣя въ воздухѣ, быстро проносится «фрегатъ», направляясь наперерѣзъ къ далекому берегу Америки; неожиданно спустится на волны стайка бѣлоснѣжныхъ альбатросовъ, покачается на водѣ, схватитъ добычу и, расправивъ свои громадныя крылья, взовьется наверхъ и исчезнетъ изъ глазъ; гдѣ-нибудь вблизи шумно пуститъ фонтанъ разыгравшійся китъ, и снова безмолвно и пустынно на безбрежной дали океана.

Это чудное, радостное утро, дышащее бодрящей свѣжестью, весело загляну.ло и на корветъ и залило его блескомъ свѣта. И все—людскія фигуры, мачты, паруса, снасти—что̀ въ таинственномъ мракѣ казалось чѣмъ-то смутнымъ, неопредѣленно-фантастическимъ и большимъ, приняло теперь рѣзкую отчетливость формъ и очертаній, словно избавившись отъ волшебныхъ чаръ дивной тропической ночи. И смолкли сказки, и отлетѣли грезы у людей, которыхъ утро застало бодрствующими.

Надувшіеся паруса сразу побѣлѣли, принявъ свои настоящіе размѣры, и паутина снастей, отдѣлявшихся одна отъ другой, рѣзко вырисовывалась по бокамъ мачтъ съ ихъ марсами и салингами. Закрѣпленныя по-походному по обоимъ бортамъ орудія, черныя и внушительныя на своихъ станкахъ, выдѣлялись на общемъ фонѣ палубы, почти сплошь покрытой спящими людьми. На ютѣ, въ подвѣшенныхъ койкахъ, спали офицеры, а отъ шканцевъ и до бака, занимая середину судна, лежали на разостланныхъ тюфякахъ, въ самыхъ разнообразныхъ позахъ, спящіе подвахтенные матросы, обвѣваемые нѣжнымъ дыханіемъ пассата. Храпъ раздается по всему корвету. Поклевывавшіе носами вахтенные матросы подбодрились, стоя у своихъ снастей или дежуря на марсахъ, и многіе привѣтствовали восходъ солнца крестнымъ знаменіемъ. Не безъ зависти поглядывая на спящихъ товарищей, они осторожно, чтобы не наступить на кого-нибудь, по очереди пробирались на бакъ—выкурить трубочку махорки у кадки съ водой и перекинуться словомъ-другимъ о своихъ матросскихъ дѣлишкахъ. Заложивъ назадъ свои жилистыя, здоро-

венныя, просмоленныя руки, видъ которыхъ внушаетъ почтительное уваженіе матросамъ-«первогодкамъ», боцманъ Андреевъ, Артемій Кузьмичъ, какъ зовутъ его матросы, низенькій, крѣпкій, скуластый человѣкъ лѣтъ подъ пятьдесятъ, съ черными, засѣдѣвшими баками и краснымъ обвѣтрившимся лицомъ, ходитъ взадъ и впередъ по баку съ обычнымъ своимъ суровымъ начальственнымъ видомъ, твердо и цѣпко ступая по палубѣ своими мускулистыми босыми ногами, и словно уже предвкушаетъ близость утренней чистки и «убирки» судна, во время которой — благо капитанъ спитъ — онъ дастъ полную волю своей ругательной импровизаціи, а подчасъ и рукамъ, если подвернется какой-нибудь изъ молодыхъ матросовъ, который, по мнѣнію боцмана, еще требуетъ «выучки»; превозмогая невольно охватывающую дремоту, только-что вступившій на вахту съ 4 часовъ утра, второй лейтенантъ жмуритъ сонные глаза, равнодушный къ чудному утру и окружающей прелести. Ну ее къ Богу! Онъ бы съ восторгомъ поспалъ еще часокъ-другой. И лейтенантъ, заспанный, еще не совсѣмъ, казалось, очнувшійся, тоже завистливо посматриваетъ на ютъ, гдѣ счастливцы-товарищи безмятежно спятъ и будутъ еще спать до подъема флага.

Проходитъ склянка, и сонное состояніе исчезаетъ. Лейтенантъ всѣмъ существомъ наслаждается прелестью ранняго утра и полной грудью вдыхаетъ насыщенный озономъ воздухъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ проникается и важностью лежащихъ на немъ обязанностей вахтеннаго начальника и, поднявъ голову, зорко и внимательно оглядываетъ паруса. Гротъ-марсель не дотянутъ до мѣста, и лиселя съ правой чуть-чуть «полощатъ». Срамъ! Что подумали бы о немъ капитанъ и старшій офицеръ, если-бъ увидали такое безобразіе? «И хорошъ Невзоровъ, нечего сказать, а еще считается настоящимъ «морскимъ волкомъ»! Сдалъ вахту и не замѣтилъ, что у него неисправности»,—не безъ злорадства подумалъ второй лейтенантъ, тоже имѣвшій претензію (и не безосновательную) на званіе лихого морского офицера. Спустившись съ мостика, онъ прошелъ на бакъ, чтобъ осмотрѣть, хорошо ли стоятъ паруса на фокъ-мачтѣ и кливера на носу.

На бакѣ его встрѣтилъ вахтенный юный гардемаринъ, сонный и румяный, а боцманъ, уже замѣтившій, что брамъ-рея плохо обрасоплена, и потому уголъ брамселя «играетъ», и что форъ-стеньга-стаксель «мотается зря», сконфуженно нахмурился, когда вахтенный начальникъ, остановившись и разставивъ фертомъ ноги, задралъ назадъ голову.

— Господинъ Наумовъ, полюбуйтесь: форъ-брамъ-рея не

по вѣтру... Форъ-стеньга-стаксель не вытянутъ... А ты чего смотришь, Андреевъ? А еще боцманъ! — мѣняя тонъ, проговорилъ вахтенный офицеръ, строго обращаясь къ боцману.

— Въ темнотѣ не видать было, ваше благородіе.

— Въ темнотѣ не видать! Ужъ давно свѣтло,—ворчливо проговорилъ лейтенантъ, сознавая въ душѣ, что и онъ цѣлую склянку «проморгалъ» эти неисправности, и, уходя, приказалъ гардемарину обрасопить, какъ слѣдуетъ, брамъ-рею и натянуть стаксель.

И, поднявшись на мостикъ, лейтенантъ вполголоса, чтобы своимъ звучнымъ, крикливымъ теноркомъ не разбудить людей, скомандовалъ выправить лиселя съ правой и вытянуть до мѣста гротъ-марса-шкотъ. И когда все было исправлено и дотянуто до мѣста, онъ съ чувствомъ удовлетворенія взглянулъ на паруса, выслушалъ докладъ сигнальщика, что лагъ показалъ семь съ половиной узловъ хода, и, оживившійся, не чувствуя болѣе желанія соснуть, бодро заходилъ по мостику, посматривая по временамъ въ бинокль на «купца», короткій и пузатый корпусъ котораго заставлялъ предполагать въ немъ голландца. И дѣйствительно, когда корветъ почти нагналъ его, на «купцѣ» взвился голландскій флагъ и тотчасъ же былъ опущенъ. То же самое сдѣлали и на «Соколѣ», отвѣтивъ на обычную вѣжливость при встрѣчахъ судовъ.

Солнце быстро поднималось кверху. На бакѣ пробили двѣ склянки—пять часовъ, когда обыкновенно встаетъ команда. И съ послѣднимъ ударомъ колокола боцманъ уже былъ у мостика и, прикладывая растопыренную свою руку къ околышу надѣтой на затылокъ фуражки, спрашивалъ:

— Прикажете будить команду, ваше благородіе?

— Буди.

Получивъ разрѣшеніе, Андреевъ вышелъ на середину корвета и, просвиставъ въ дудку долгимъ, протяжнымъ свистомъ, гаркнулъ во всю силу своего зычнаго голоса:

— Вставать! Койки убирать! Живо!

— Эка, подлецъ, какъ оретъ!—проворчалъ во снѣ кто-то изъ офицеровъ, спящихъ на ютѣ, и, позвавъ сигнальщика, велѣлъ кликнуть своего вѣстового, чтобы перебраться въ каюту и тамъ досыпать. Примѣру этому послѣдовали и остальные офицеры, расположившіеся на ютѣ, зная очень хорошо, что во время утренней уборки «мѣдная глотка» боцмана въ состояніи разбудить мертваго.

Между тѣмъ разбуженные боцманскимъ окрикомъ матросы просыпались, будили сосѣдей и, протирая глаза, зѣвая и

крестясь, быстро вставали и, складывая подушку, простыни и одѣяло въ парусинныя койки, сворачивали ихъ аккуратными кульками, перевязывая крестъ-накрестъ черными веревочными лентами. Прошло не болѣе пяти минутъ, и вся палуба была свободна. Раздалась команда класть койки, и матросы, разсыпавшись, словно бѣлые муравьи, по бортамъ, укладывали свои красиво свернутые кульки въ бортовыя гнѣзда, въ то время какъ нѣсколько человѣкъ выравнивали ихъ; скоро онѣ красовались по обоимъ бортамъ, бѣлыя какъ снѣгъ и выровненныя на удивленье, лаская самый требовательный «морской глазъ».

Послѣ десятка минутъ скораго матросскаго умыванія и прически, вся команда, въ своихъ рабочихъ, не особенно чистыхъ рубахахъ, становится во фронтъ и, обнаживъ головы, подхватываетъ слова утренней молитвы, начатой матросомъ-запѣвалой, обладавшимъ превосходнымъ баритономъ. И это молитвенное пѣніе ста семидесяти человѣкъ звучитъ какъ-то торжественно среди океана, при блескѣ этого чуднаго тропическаго утра, далеко-далеко отъ родины, на палубѣ корвета, который кажется совсѣмъ крошечной скорлупкой на этой безпредѣльной водяной пустынѣ, спокойной и ласковой здѣсь, но грозной и подчасъ бѣшеной въ другихъ мѣстахъ, гдѣ съ ея яростью уже познакомился корветъ и снова не разъ испытаетъ ее, миновавъ благодатные тропики. И, словно чувствуя это, матросы, особливо старые, побывавшіе въ морскихъ передѣлкахъ, съ особеннымъ чувствомъ поютъ молитву, серьезные и сосредоточенные, осѣняя свои загорѣлыя лица истовыми и широкими крестными знаменіями, какъ будто оправдывая поговорку: «кто въ морѣ не бывалъ, тотъ Богу не маливался».

Звуки молитвы замерли, и матросы разошлись, чтобы позавтракать размазней съ сухарями и напиться чаю, послѣ чего на корветѣ началась та ежедневная педантическая уборка и тщательная чистка, которая является на военныхъ судахъ предметомъ особой заботливости и какимъ-то священнымъ культомъ. Подъ акомпанементъ поощрительныхъ словечекъ боцмановъ и унтеръ-офицеровъ, матросы, вооруженные камнями, скребками, голиками и пескомъ, съ засученными рукавами и поднятыми до колѣнъ штанами, разсѣялись по палубѣ и начали ее тереть пескомъ и скоблить камнемъ, мести швабрами и голиками, окачивая затѣмъ водой изъ брандспойтовъ и изъ парусинныхъ ведеръ, которыя то и дѣло опускали за бортъ. Другіе въ то же время мыли борты, предварительно ихъ намыливъ, и затѣмъ вытирали

щетками. Вездѣ, и наверху, и въ жилой палубѣ, и еще ниже: въ машинномъ отдѣленіи и трюмахъ, мыли, чистили, скребли и скоблили. Всюду обильно лилась вода и гуляли швабры. Когда наконецъ корветъ былъ вымытъ, какъ слѣдуетъ, во всѣхъ своихъ закоулкахъ, приступили къ такъ-называемой на матросскомъ жаргонѣ «убиркѣ» и, надо признаться, убирали корветъ едва ли не старательнѣе и усерднѣе, чѣмъ убираютъ какую-нибудь молодую красавицу-даму, отправляющуюся на балъ и мечтающую затмить всѣхъ своихъ соперницъ. Прибирали и подвѣшивали бухты снастей, наводили глянецъ на орудія и на мѣдь на поручняхъ, люкахъ, компасѣ, кнехтахъ, словомъ, не оставляя въ покоѣ ни одного предмета, который только было можно вычистить. Повсюду, въ ловкихъ матросскихъ рукахъ, желтыхъ отъ толченаго кирпича, мелькали суконки, тряпки, пемза, и повсюду раздавался осипшій отъ брани, но все еще зычный густой басъ боцмана Андреева. Впрочемъ, справедливость требуетъ замѣтить, что боцманъ Андреевъ, вообще человѣкъ очень добрый и больше напускавшій на себя строгость, ругался главнымъ образомъ для соблюденія своего достоинства. Нельзя же—боцманъ! И какой же былъ бы онъ боцманъ въ старыя времена, если-бъ не ругался такъ, какъ только могутъ ругаться боцмана, щеголявшіе передъ матросами неистощимостью фантазіи и неожиданностью эпитетовъ.

Старшій офицеръ, высокій, длинный и худощавый человѣкъ, лѣтъ около сорока, съ серьезнымъ и флегматическимъ на видъ лицомъ, поднялся одновременно съ командой и давно уже бродитъ по корвету, не спѣша ступая своими длинными ногами, и появляется то тутъ, то тамъ, зорко и молчаливо наблюдая за чисткой и уборкой судна, отдавая приказанія боцману о дневныхъ работахъ или подшкиперу насчетъ починки старыхъ парусовъ и стараго такелажа.

По званію своему старшаго офицера, помощникъ и правая рука капитана, онъ несетъ свою трудную, полную постоянныхъ заботъ, службу съ какимъ-то суровымъ спокойствіемъ рыцаря долга, никогда не жалуясь, не кипятясь безъ толку, всегда молчаливый и лаконическій. Педантъ, какъ почти всѣ старшіе офицеры, самолюбивый и до крайности щепетильный во всемъ, что касалось корвета, онъ заботился о немъ, о его чистотѣ, порядкѣ и великолѣпіи, словно мать о ребенкѣ. Онъ серьезно сокрушался, если на «Соколѣ» ставили или крѣпили паруса секундами двумя-тремя позже, чѣмъ на другомъ военномъ суднѣ, словомъ—ему хотѣлось, чтобы «Соколъ» во всемъ былъ первымъ. Онъ былъ требователенъ

по службѣ и настойчивъ, но не «скрипѣлъ», какъ говорятъ матросы про начальниковъ, любящихъ донимать простого человѣка «жалкими» словами, и матросы, звавшіе старшаго офицера между собой «журавлемъ», находили, что онъ, хоть и любитъ строгость, но ничего себѣ, «справедливый журавль» и зря человѣка не обидитъ. Однако побаивались его—такой ужъ серьезный и внушительный видъ былъ у Степана Степановича, несмотря на то, что онъ никогда не прибѣгалъ къ тѣлеснымъ наказаніямъ и рѣдко, очень рѣдко дрался.

Уже восьмой часъ. Корветъ совсѣмъ прибранъ. Старшій офицеръ обошелъ его, заглянувъ во всѣ закоулки, и все нашелъ въ полномъ порядкѣ. Все сіяло блескомъ и чистотой. Даже быкъ, послѣдній изъ четырехъ быковъ, взятыхъ въ Порто-Гранде, стоялъ въ своемъ стойлѣ вычищенный, съ лоснящейся шерстью, и спокойно жевалъ сѣно, не ожидая, конечно, что на-дняхъ его убьютъ. Клѣтки съ курами и утками и самодѣльный хлѣвъ, въ которомъ хрюкали двѣ свиньи,—все это будущія жертвы для капитанскаго и каютъ-компанейскаго стола,—были заботливо убраны, и живущія въ нихъ даже обкачены, по матросскому усердію, водой. Не мѣшаетъ, молъ, и имъ помыться! Только на ютѣ Степанъ Степановичъ слегка нахмурился, замѣтивъ на безукоризненно бѣлой палубѣ маленькое, едва замѣтное пятнышко, и, подозвавъ ютоваго унтеръ-офицера, проговорилъ, указывая на пятно своимъ длиннымъ и костлявымъ пальцемъ:

— Это что?

— Пятно, ваше благородіе,—отвѣчалъ сконфуженно унтеръ-офицеръ:—не отходитъ.

— Выскоблить. Должно отойти!—замѣтилъ старшій офицеръ и поднялся на мостикъ.

Матросы, уже переодѣтые въ чистыя рубахи, толпятся на бакѣ у кадки съ водой—этомъ главномъ центрѣ матросскаго клуба—и, въ ожиданіи подъема флага и начала разныхъ дневныхъ работъ и ученій, слѣдующихъ по расписанію, оживленно бесѣдуютъ между собой. Нерѣдко слышится смѣхъ. Лица у всѣхъ довольныя и веселыя. Видно, что люди не забиты и не загнаны.

— И долго намъ такъ плыть, братцы, по-хорошему, какъ у Христа за пазухой?—спрашивалъ низенькій бѣлокурый молодой матросикъ, съ большими сѣрыми глазами на необыкновенно добродушномъ и симпатичномъ лицѣ, свѣжемъ и румяномъ, усѣянномъ веснушками,—въ первый разъ, прямо отъ сохи, попавшій въ «дальнюю», какъ называютъ матросы кругосвѣтныя плаванія.

— А ты какъ объ этомъ полагаешь? Небось, хорошо такъ-то плавать? Да только шалишь, братъ. Такихъ благодатныхъ мѣстовъ у Господа немного!—замѣтилъ кто-то въ отвѣтъ.

— Денъ двадцать! — авторитетно заговорилъ «Егорычъ», плотный и приземистый пожилой баковой лихой матросъ съ мѣдной серьгой въ ухѣ, пользовавшійся общимъ уваженіемъ команды, обращаясь къ «первогодку» и своему земляку, которому покровительствовалъ.

И, сдѣлавъ нѣсколько затяжекъ изъ своей маленькой трубочки, продолжалъ:

— А тамъ, братецъ ты мой, спустимся совсѣмъ книзу, а оттеда, значитъ, повернемъ въ Индѣйскій окіянъ. Ну, тамъ... извѣстно, другое дѣло. Тамъ настояще узнаешь, каково матросское званіе, и каковъ есть окіянъ. Не приведи Богъ какія тамъ «штурмы» бываютъ!—прибавилъ Егорычъ, ходившій уже во второй разъ въ дальнее плаваніе.

— Страшно?—съ наивнымъ простодушіемъ спросилъ молодой матросикъ.

— Всего увидишь. А что страшно, такъ не надо бояться, и не будетъ страшно. Бойся не бойся, а все равно никуда не уйдешь съ «конверта». Кругомъ вода!—промолвилъ Егорычъ съ улыбкой, указывая своей шершавой, просмоленной жилистой рукой на океанъ.

— Ддда, отсюда не убѣжишь, братъ!—разсмѣялся одинъ изъ присутствующихъ.

— Къ акуламъ развѣ... Живо сожретъ, подлая... Даве утромъ шнырила, шельма, около борта... Страсть какая большая.

— А ходили мы тогда, братцы, — продолжалъ Егорычъ, обращаясь ко всѣмъ:—на клиперѣ «Голубчикѣ», слыхали про «Голубчика»? Такъ какъ зашли мы въ Индѣйскій окіянъ, этакъ денъ черезъ пять, насъ прихватила штурма, а опосля ураганъ, и думали: всѣмъ намъ шабашъ, придется Господу Богу отдавать душу... Ужъ чистыя рубахи собирались одѣвать, чтобы на тотъ свѣтъ, значитъ, какъ слѣдоваетъ явиться. Однако Господь вызволилъ... Одинъ только марсовой утонулъ—царство ему небесное! Ну, да и капитанъ былъ у насъ отчаянный—можетъ, слыхали Алексѣя Алексѣевича Ящурова, въ адмиралы теперь вышелъ? Формепный, прямо сказать, былъ капитанъ. И дѣло свое зналъ и съ матросомъ былъ доберъ на рѣдкость, въ родѣ нашего командира. Одно слово—душевный человѣкъ... Видно, Господь насъ тогда пожалѣлъ за евойную доброту къ матросамъ... А то совсѣмъ собрались-было тонуть, братцы... Даже и капитанъ нашъ, ужъ на что безстрашный, и тотъ призадумался...

Егорычъ замолчалъ и, выбивъ золу изъ трубки, сунулъ ее въ карманъ штановъ и хотѣлъ уходить, какъ нѣсколько голосовъ остановили его:

— Да ты куда, Егорычъ?.. Ты сказывай, какъ, молъ, вы штурмовали...

— Объясни толкомъ, какъ это васъ Богъ спасъ, а то раззадорилъ только.

Но особенно, повидимому, былъ заинтересованъ молодой матросикъ. Взволнованнымъ голосомъ, въ которомъ слышались молящія нотки, онъ проговорилъ:

— Нѣтъ ужъ, уважь, Егорычъ... Разскажи...

— Да что разсказывать-то? Извѣстно, всего въ морѣ бываетъ... На то и матросы,—промолвилъ, какъ бы не желая разсказывать, Егорычъ.

Однако остался и, откашлявшись, началъ разсказъ.

Всѣ притихли.

II.

— Шли этто мы въ тѣ поры на «Голубчикѣ» съ мыса Надежнаго *) на Яву островъ, тамъ городъ такой есть, Батавія, и съ первыхъ же денъ, какъ вышли мы съ мыса, стало, братцы мои, свѣжѣть, и что дальше, то больше... Ну, мы, какъ слѣдоваетъ, марсели въ четыре рифа, дуемъ себѣ съ попутнымъ вѣтромъ... «Голубчикъ» былъ крѣпкій... Поскрипываетъ только, бѣжитъ себѣ съ горы на гору да раскачивается... Люки, извѣстное дѣло, задраены наглухо... Ничего себѣ, улепетываемъ отъ волны... А волна, прямо сказать, была здоровая. Какъ взглянешь назадъ, такъ и кажется, что вотъ и захлеснетъ совсѣмъ сзади эта самая водяная гора. Сперва-начала было страшно, однако въ скорости привыкли, потому какъ эта гора стѣной за кормой станетъ, въ тотъ же секундъ ужъ «Голубчикъ» по другой волнѣ ровно летитъ въ пропасть, и корма, значитъ, опять на горѣ, а носъ взроетъ воду, такъ что бушпритъ весь уйдетъ, и снова—ай-да!—такъ и взлетитъ на горку... Ловокъ онъ былъ, клиперокъ-то нашъ, такъ и прыгалъ... Ну, извѣстно, на бакѣ не стой, того и гляди смоетъ... Стоимъ на вахтѣ и всѣ къ серединѣ жмемся...

— Ишь ты... Совсѣмъ бѣда!—вырвалось невольное восклицаніе у взволнованнаго молодого матросика, слушавшаго разсказъ съ напряженнымъ вниманіемъ.

— Глупый!—добродушно усмѣхаясь, продолжалъ Егорычъ:—самая-то бѣда была впереди, а тогда еще никакой

*) Мысъ Доброй Надежды.

большой бѣды не было. Судно крѣпкое, доброе, только рулевые не плошай и держи въ разрѣзъ волны, чтобы она бокомъ не захлеснула... И у насъ, значитъ, никакой опаски. Разсчитываемъ: стихнетъ, молъ, погода, не вѣкъ же ей быть, и опять камбузъ разведутъ, варка будетъ, а то солонинка да сухари; ну и этой подлой мокроты не станетъ — обсушимся... Простоишь вахту, такъ весь мокрый, ровно утка, спустишься внизъ да такъ мокрый и въ койку—гдѣ ужъ тутъ переодѣваться, того и гляди лбомъ стукнешься, качка—страсть! Ну, и опять же, видимъ, и начальство не робѣетъ—такъ намъ чего робѣть. Стоитъ этто нашъ командиръ Алексѣй Алексѣичъ на мостикѣ въ кожанѣ своемъ да въ зюйдвесткѣ, спокойный такой, безстрашный, да только рулевымъ командуетъ, какъ править; а у штурвала стояли двое коренныхъ рулевыхъ да четверо подручныхъ... Ловко правили... Въ тѣ дни командиръ безсмѣнно почти наверху находился, никому, значитъ, въ такую погоду не довѣрялъ... Днемъ только на часокъ-другой спустится внизъ, къ себѣ въ каюту, а за себя оставитъ старшаго офицера, подремлетъ однимъ глазомъ, выпьетъ рюмочку марсалы или какого тамъ вина, закуситъ галеткой и снова выскочитъ на мостикъ. «Идите, молъ, Иванъ Иванычъ,—это старшаго офицера такъ звали,—а я, говоритъ, побуду на верху»... И опять, какъ слѣдуетъ по присягѣ и совѣсти, смотритъ за «Голубчикомъ», ровно добрая мать за больнымъ дитей. Самъ изъ лица блѣдный такой, глаза красные отъ недосыпки, однако виду бодраго... Нѣтъ-нѣтъ да и пошутитъ съ вахтеннымъ офицеромъ... тоже, братцы, и командирская должность, прямо сказать, въ родѣ бытто анаѳемской, а главное дѣло—отвѣчать за всѣхъ приходится. И за матросскія души Богу-то отвѣтишь на томъ свѣтѣ, ежели сплоховалъ и погубилъ ихъ. Въ комъ совѣсть есть, тотъ это и понимаетъ, а въ которомъ ежели нѣтъ, и который матроса тѣснитъ, у того Господь и разумъ отнимаетъ во время штурмы... Оробѣетъ вовсе, ровно не командиръ, а баба глупая... Ну, а въ такомъ разѣ и всѣ оробѣютъ... А море, братцы, робкихъ не почитаетъ... Коли ты передъ имъ струсилъ—тутъ тебѣ и покрышка!

Егорычъ, вообще любившій пофилософствовать, на минуту замолчалъ и сталъ набивать свою трубочку. Закуривъ ее, онъ сдѣлалъ двѣ затяжки, не поморщившись отъ крѣпчайшей махорки, и, благосклонно протянувъ трубку молодому матросику, продолжалъ:

— Хорошо. Жарили мы, братцы, этакимъ манеромъ, съ попутной штурмой, дня два и валяли узловъ по одинна-

дцати, какъ на третій день, этакъ утромъ, штурма сразу полегчала, и къ полудню вѣтеръ вдругъ стихъ, словно пропалъ, только волна все еще ходила, не улеглась... И стало, братцы, какъ-то душно на морѣ, ровно дышать тягостно, понависли тучи совсѣмъ черныя, закрыли солнышко, и среди бѣлаго дня темно стало... И наступила тишь кругомъ... А вдали, по краямъ, вездѣ мгла... Мы, глупые молодые матросы, обрадовались-было—не понимали, къ чему дѣло-то клонитъ, думали—стихло, такъ и слава тебѣ Господи, сейчасъ, молъ, камбузъ разведутъ, и мы похлебаемъ горячихъ щей; но только старики-матросы, видимъ, промежъ себя толкуютъ что-то, а боцманъ нашъ смотритъ кругомъ и только головой покачиваетъ. «Не къ добру, говоритъ, все это. Дѣло въ серьезъ будетъ. Ураганъ, говоритъ, индійскій идетъ... Подкрадывается, шельма, тишкомъ, людей обманываетъ!» И тутъ же позвали его къ старшему офицеру. Вѣстовой прибѣжалъ: «тую-жъ минуту иди, говоритъ». А капитанъ со старымъ штурманомъ, замѣсто того, чтобы отдохнуть въ каютѣ, не сходятъ съ мостика: все кругомъ въ «бинки» (бинокли) смотрятъ, а то на компасъ да на вымпелъ на гротъ-мачтѣ: есть ли, значитъ, вѣтеръ и откуда онъ... А вѣтру—ни-ни. Качаетъ съ боку на бокъ на зыби «Голубчикъ», и зарифленные марселя шлепаютъ. Дышать еще нуднѣе стало, словно давитъ сверху. Той минуткой прибѣжалъ на бакъ одинъ мичманъ и говоритъ товарищу мичману, что подручнымъ на вахтѣ стоялъ: «Барометръ, говоритъ, шибко падаетъ, кажись, ураганъ будетъ. Только бы въ центру урагана не попасть!» Приказали разводить пары. И всѣ офицеры высыпали наверхъ—на мглу на эту самую, что кругомъ, всѣ такъ и смотрятъ. А вахтенный вскричалъ: «свистать всѣхъ наверхъ, стеньги спущать и паруса крѣпить!» Заоралъ и боцманъ, а всѣ и безъ того наверху. Скомандовалъ старшій офицеръ, и полѣзли мы, братцы, по вантамъ, только держимся, потому—качка. Спустили стеньги, остались съ однѣми кургузыми мачтами, закрѣпили марсели и поставили штормовые триселя и штурмовую бизань—вотъ и всего. Тутъ и всѣ поняли, что щей не будетъ, а готовимся мы къ такой бурѣ, какой не видывали. Приказано было осмотрѣть, хорошо ли закрѣплены орудія. Самъ капитанъ осмотрѣлъ, спустился внизъ, тамъ все высмотрѣлъ и вернулся на мостикъ... Ничего, такой же безстрашный. Совѣсть, значитъ, спокойная. «Приготовился, молъ, а тамъ что Богъ дастъ!»

— Не приготовься вы во-время—шабашъ!—замѣтилъ подо-

шедшій боцманъ Андреевъ.—Одинъ россійскій клиперъ такъ и пропалъ со всѣми людьми въ ураганѣ... А купцовъ много пропадаетъ въ Индѣйскомъ... Занозистый океанъ!—прибавилъ боцманъ и выругалъ его.

— То-то и есть, пропали бы и мы... Не дай Богъ попасть въ ураганъ,—подтвердилъ Егорычъ:—да сплоховать... Онъ тебя живо слопаетъ...

— Что-жъ дальше-то? Разсказывай, Егорычъ,—нетерпѣливо проговорило сразу нѣсколько слушателей.

— Прошло такъ минутъ, примѣрно, съ десять... Стоимъ это мы всѣ на бакѣ и ни гу-гу, молчимъ, потому всѣмъ жутко,—какъ вдругъ мгла на насъ все ближе и ближе, обхватила со всѣхъ сторонъ, и закрутилъ, братцы, такой страшный вихорь, что клиперъ нашъ ровно задрожалъ весь, заскрипѣлъ, и повалило его на бокъ и стало трепать, ровно щепу. А кругомъ—Господи Боже ты мой!—словно въ котлѣ вода кипитъ, только пѣна бѣлая... Волны такъ и вздымаются и бьются другъ о дружку. У меня, признаться, отъ страху мураши по спинѣ забѣгали. Держусь это я за лееръ на навѣтренной сторонѣ, у шкафута, гляжу, какъ волны по баку перекатываются, и думаю: «сейчасъ сгибнемъ», и шепчу молитву. Однако вижу: «Голубчикъ» приподнялся, держится, только двухъ шлюпокъ нѣтъ, сорвало... А у штурвала, около рулевыхъ, капитанъ въ рупоръ кричитъ: «Держись крѣпче, ребята. Не робѣй, молодцы!» И отъ евойнаго голоса быдто страхъ немного отошелъ. А тутъ еще слышу: боцманъ нашъ ругается; ну, думаю, живы еще, значитъ... Мотало насъ, трепало во всѣ стороны—держится «Голубчикъ», только жалостно такъ скрипитъ, быдто ему больно... И какъ же не больно, когда его волны изничтожить хотятъ?.. Капитанъ только рулевыхъ подбодряетъ да нѣтъ-нѣтъ и на мачты взглянетъ... Гнутся, бѣдныя, однако стоятъ... Такъ, братцы вы мои, крутило насъ примѣрно съ часъ времени... Адъ кромѣшный да и только... Вѣтеръ такъ и воетъ, и вода вокругъ шумитъ... Крестимся только... Какъ вдругъ что-то треснуло быдто... Гляжу, а фокъ-мачта закачалась и съ трескомъ упала... Пошли мы ее освобождать, чтобы скорѣй за бортъ... полземъ съ опаской, чтобы не смыло волной; ноги въ водѣ... Тутъ и старшій офицеръ: «Живо, ребята, поторапливайся!» Ну, мачту спихнули, а марсовой Маркутинъ зазѣвался, и смыло его,—только и видѣли бѣднягу. Перекрестились и еще крѣпче держимся, кто за что попало... А вихорь сильнѣе закрутилъ, и стало, братцы вы мои, кидать клиперъ во всѣ стороны, руля не сталъ слушать, а волны

такъ и перекатываются по палубѣ; баркасъ, какъ перышко, унесло; рубка, что наверху, въ щепки... Посмотрѣлъ я на нашего Алексѣя Алексѣевича... Вижу,—какъ смерть блѣдный, только глаза огнемъ горятъ... И всѣ офицеры блѣдные, и всѣ смотрятъ на капитана... У всѣхъ, видно, на умѣ одна дума: «смерть, молъ, надо принять въ окіянѣ!» И у меня та же дума. И такъ, братцы, жутко и тошно на душѣ, что и не сказать! Вспомнилась этто своя деревня, батюшка съ матушкой, а Господь умирать велитъ... А смерти не хочется! «Господи, говорю, помоги! Не дай намъ погибнуть!» А около меня шканечный унтерцеръ Ивановъ, степенный и благочестивый такой старикъ,—онъ и вина не пилъ никогда,—перекрестился и говоритъ: «Надо внизъ спуститься, чистыя рубахи одѣть, исполнить, говоритъ, христіанскую матросскую правилу, чтобы на тотъ свѣтъ въ чистомъ видѣ. А ты, говоритъ, матросикъ,—это онъ мнѣ:—не плачь. Богъ зоветъ, надо покориться». И такъ это онъ спокойно говоритъ, что пуще сердце мое надрывается.

— Господи, страсти какія!—вырвалось восклицаніе изъ груди молодого матросика, который—весь напряженное вниманіе—слушалъ Егорыча и, казалось, самъ переживалъ перипетіи морской драмы.

— Тутъ, братцы, налетѣла волна и подхватила меня. Господь помиловалъ—откинула меня на другую сторону и у пушки, на шканцахъ, задержала, и ребята помогли. «Молодцомъ, Егоровъ, держись!»—крикнулъ капитанъ. Держусь, мокрый весь, безъ шапки. А «Голубчика» опять валитъ на бокъ, больше да больше... Не встаетъ... Подвѣтренный бокъ совсѣмъ въ водѣ... Вотъ-вотъ опрокинемся... Волосъ дыбомъ всталъ. «Право на бортъ!» не своимъ голосомъ крикнулъ капитанъ. «Руби гротъ-мачту!» Но тую-жъ минуту застукала машина... Клиперъ поднялся, и мачту не тронули... «Голубчикъ» послушливѣй сталъ. Привели въ бейдевиндъ. Такимъ манеромъ трепало насъ до вечера, и томились мы, каждый секундъ ждавши гибели. Къ вечеру вихорь этотъ анаѳемскій стихъ, ураганъ самый понесся далѣе... Всѣ вздохнули и благодарили Господа... Послѣ офицеры сказывали, что ураганъ краешкомъ захватилъ клиперъ—это, молъ, такъ разсчиталъ командиръ, а попади мы, молъ, къ нему въ середку, быть бы всѣмъ на днѣ. На утро истрепанный, искалѣченный «Голубчикъ», безъ фокъ-мачты, — замѣсто ея фальшивую поставили,—безъ шлюпокъ, безъ рубки, безъ бортовъ, шелъ подъ парами и парусами на ближній отъ насъ Маврикій островъ... По бѣднягѣ Маркутину отслужили честь-честью панихиду,—

капитанъ и всѣ до единаго офицеры были, а послѣ панихиды капитанъ велѣлъ собрать наверху всю команду и благодарилъ насъ, матросовъ, и приказалъ выдать по лишней чаркѣ. Всякому доброе слово сказалъ, похвалилъ, а спасибото надо было бы сказать ему, голубчику-то нашему... Онъ-то не оробѣлъ и управился...

— И долго вы чинились на этомъ самомъ Маврикѣ? — спросилъ кто-то.

— Недѣли двѣ стояли—поправлялись. Фокъ-мачту новую справили, шлюпки купили, такелажъ вытянули, одно слово, все какъ слѣдуетъ, а затѣмъ айда на Яву-островъ... Ну, погода свѣжая была, почитай всю дорогу зарифившись шли, но отъ урагана Богъ помиловалъ!—закончилъ Егорычъ при общемъ молчаніи.

— Однако сейчасъ флагу подъемъ!—проговорилъ онъ, и вышелъ изъ круга.

III.

Минутъ за пять до восьми часовъ изъ своей каюты вышелъ командиръ корвета «Соколъ», невысокаго роста, плотный брюнетъ лѣтъ сорока, съ мужественнымъ и добрымъ лицомъ, весь въ бѣломъ, съ безукоризненно-свѣжими отложными воротничками, открывавшими слегка загорѣвшую шею. Съ обычной привѣтливостью пожимая руки офицерамъ, собравшимся на шканцахъ къ подъему флага, онъ поднялся на мостикъ, поздоровался съ старшимъ офицеромъ и вахтеннымъ начальникомъ, оглянулъ паруса, бросилъ взглядъ на сіявшую во всемъ блескѣ палубу и, видимо довольный образцовымъ порядкомъ своего корвета, осмотрѣлъ въ бинокль горизонтъ и проговорилъ, обращаясь къ старшему офицеру:

— Экая прелесть какая въ тропикахъ, Степанъ Степанычъ...

— Жарко только, Василій Ѳедоровичъ...

— Подъ тентомъ еще ничего... Кстати, какое сегодня у насъ ученіе по расписанію?

— Артиллерійское, а послѣ обѣда стрѣльба изъ ружей въ цѣль...

— Артиллерійское сдѣлайте покороче... Такъ, четверть часа или двадцать минутъ—не болѣе, чтобъ не утомлялись люди... А когда послѣдняго быка думаете бить?

— Завтра, Василій Ѳедоровичъ. Ужъ пять дней команда на консервахъ да на солонинѣ, а завтра воскресенье.

— Какъ съѣдятъ быка, придется матросамъ на однихъ консервахъ сидѣть, да и намъ тоже, этакъ недѣльки двѣ...

Живность-то скоро съѣдимъ... А въ Ріо я, кажется, не зайду. Команда, слава Богу, здорова—ни одного больного. Чего намъ заходить, не правда ли?

Старшій офицеръ, вообще рѣдко съѣзжавшій на берегъ, согласился, что не стоитъ заходить.

— Не бѣда и на консервахъ посидѣть. Въ старину подолгу и на одной солонинѣ сидѣли. Помню, я молодымъ офицеромъ былъ, когда эскадра крейсировала въ Балтійскомъ морѣ, такъ цѣлый мѣсяцъ кромѣ солонины—ничего... И самъ адмиралъ нарочно ничего другого не ѣлъ... А придемъ на Мысъ, опять возьмемъ быковъ и оттуда въ Зондскій проливъ.

— На флагъ!—скомандовалъ вахтенный офицеръ.

Разговоры смолкли. На корветѣ воцарилась тишина.

Сигнальщикъ держалъ въ рукахъ минутную склянку. И лишь только песокъ пересыпался изъ одной половины въ другую, какъ раздалась команда вахтеннаго начальника:

— Флагъ поднять!

Всѣ обнажили головы. На военномъ суднѣ начинался день. Пробило восемь ударовъ, и новый вахтенный офицеръ взбѣжалъ на смѣну стоявшаго съ четырехъ часовъ утра. Въ то же время начальники отдѣльныхъ частей: старшій офицеръ, старшій штурманъ, старшій артиллеристъ, старшій механикъ и докторъ по очереди подходили къ капитану рапортовать о состояніи своихъ частей. Разумѣется, все было благополучно. Отрапортовавъ, всѣ уходили внизъ, въ каютъ-компанію, гдѣ на столѣ шумѣлъ большой самоваръ и аппетитно глядѣли свѣжія булки, и масло, и лимонъ, и консервованныя сливки. Разсѣвшись за столомъ, пили чай, шутили, смѣялись, разсказывали о проведенныхъ ночныхъ вахтахъ. Каютъ-компанія на «Соколѣ» подобралась дружная, и сразу чувствовалось, что между всѣми царитъ согласіе, несмотря на то, что «Соколъ» находился въ переходѣ ужъ двѣ недѣли, и отсутствіе впечатлѣній извнѣ могло невольно, при однообразіи судовой жизни, сдѣлать отношенія непріятными, какъ часто бываетъ, когда люди, скученные вмѣстѣ, надоѣдаютъ другъ другу. Но это еще было впереди. Пока еще каждый не былъ вполнѣ изученъ другимъ, разсказы и анекдоты еще не повторялись въ нѣсколькихъ изданіяхъ, и скука плаванія не заставляла отыскивать другъ въ другѣ несимпатичныя черты, раздувать ихъ и коситься другъ на друга до перваго порта, гдѣ новыя впечатлѣнія снова вносили въ каютъ-компанію оживленіе и шумные разговоры, и люди, на длинномъ переходѣ откапывающіе въ ближнемъ дурныя стороны, снова дѣлались добрыми, терпимыми товарищами. Къ тому же и библіотека еще

не вся была прочитана, и—главное—не было въ каютъ-компаніи интригановъ, да и старшій офицеръ, молчаливый Степанъ Степановичъ, какъ-то ловко и во-время умѣлъ прекращать споры, принимавшіе слишкомъ страстный характеръ, особенно у молодыхъ мичмановъ.

Всѣ спрашиваютъ, напримѣръ, у старшаго штурмана, каково суточное плаваніе. Довольно суровый на видъ, но добрякъ въ душѣ, штурманъ, низенькій и маленькій человѣкъ, совсѣмъ сѣдой, несмотря на свои сорокъ пять лѣтъ, вначалѣ отвѣчаетъ терпѣливо и благодушно, что «отмахали» сто сорокъ миль, но когда, послѣ многократныхъ отвѣтовъ, только-что вошедшій въ каютъ-компанію мичманъ Лучицкій опять спрашиваетъ, штурманъ нѣсколько сердится и отвѣчаетъ съ раздраженіемъ.

— Да вы не сердитесь, Иванъ Ѳедорычъ!—говоритъ мичманъ, и такъ добродушно говоритъ, и такая на лицѣ его милая улыбка, что старшій штурманъ тотчасъ же и самъ улыбается.

Иванъ Ѳедоровичъ, безукоризненный служака, одинъ изъ тѣхъ штурмановъ стараго времени, съ которымъ, какъ въ старину говорили, командиру можно «спокойно спать»; онъ много плавалъ на своемъ вѣку и посѣдѣлъ уже давно, посѣдѣлъ въ одну ужасную ночь, когда шкуна, на которой онъ служилъ, разбилась въ бурунахъ въ Охотскомъ морѣ, у Гижиги. Изо всей команды спаслось только двое матросовъ да онъ, и цѣлые три дня они находились на голомъ островѣ, безъ пищи, пока ихъ не нашли рыбаки. Объ этомъ крушеніи Иванъ Ѳедоровичъ неохотно вспоминаетъ, особенно когда корветъ на ходу, такъ какъ почтенный старшій штурманъ нѣсколько суевѣренъ, какъ многіе старые штурмана, и до сихъ поръ никто изъ каютъ-компаніи не слышалъ еще отъ него подробностей объ этой ужасной ночи и о трехдневномъ голоданіи.

По обыкновенію, Иванъ Ѳедоровичъ торопливо допиваетъ свой третій стаканъ, съ папироской, и, окончивъ его, бѣжитъ съ секстаномъ въ рукѣ брать высоты солнца и потомъ дѣлать вычисленія.

Чай отпитъ. Вѣстовые убрали со стола. Старшій офицеръ снова наверху, гдѣ матросы разведены по работамъ. Старшій штурманъ сидитъ и вычисляетъ. Многіе взялись за книги. Одинъ изъ мичмановъ сѣлъ за піанино и играетъ вальсъ Шопена. Докторъ и артиллеристъ, оба глубокомысленные, погружены въ шахматную игру...

А наверху бо́льшая часть подвахтенныхъ матросовъ за-

нята: кто плететъ матъ, кто чинитъ парусъ, кто учится бросать лотъ, кто скоблитъ шлюпку, забравшись въ нее, кто что-нибудь стругаетъ, помогая плотникамъ, словомъ, каждый занятъ какой-нибудь легкой работой и каждый непремѣнно, сидя въ бѣлой рубахѣ съ разстегнутымъ воротомъ, напѣваетъ про себя какую-нибудь пѣсенку, напоминающую далекую родину. Общая любимица мартышка Дунька носится, какъ угорѣлая, по вантамъ, а Лайка, песъ неизвѣстной породы, прибѣжавшій еще въ Кронштадтѣ на корветъ и оставленный матросами, давшими ему имя Лайки, безмятежно дремлетъ въ тѣни, подъ пушкой.

Вахтенный офицеръ ходитъ взадъ и впередъ по мостику, и нечего ему дѣлать... И посматриваетъ онъ на блестящую полосу океана, гдѣ, перелетая съ мѣста на мѣсто, сверкаетъ на солнышкѣ летучая рыбка. За кормой носятся альбатросы...

А солнце, палящее, ослѣпительное, поднимается все выше и выше, заливая свѣтомъ маленькій корветъ, и мягкій пассатъ, раздувая его паруса, уноситъ моряковъ все дальше и дальше отъ родного Сѣвера.

ОТМѢНА ТѢЛЕСНЫХЪ НАКАЗАНІЙ.

I.

То было на рейдѣ Гонконга.

Въ жаркое солнечное воскресенье, передъ обѣдней, команда корвета была выстроена во фронтъ. Капитанъ корвета, въ мундирѣ и орденахъ, веселый и довольный, подошелъ къ фронту и, поздоровавшись съ матросами, торжественно-радостнымъ голосомъ поздравилъ ихъ съ царской милостью—съ отмѣной тѣлесныхъ наказаній. И вслѣдъ затѣмъ онъ прочиталъ среди глубокой тишины только-что полученный изъ Россіи приказъ.

Матросы прослушали чтеніе въ напряженномъ вниманіи.

— Надѣюсь, ребята, вы оправдаете довѣріе государя императора и будете такими же молодцами, какъ и были!— проговорилъ, окончивъ чтеніе, командиръ, который еще до офиціальнаго уничтоженія тѣлесныхъ наказаній запретилъ ихъ у себя на корветѣ.

— Рады стараться, вашескобродіе! — дружно гаркнули въ отвѣтъ матросы, какъ одинъ человѣкъ.

Команда спустилась внизъ къ обѣднѣ. Послѣ обѣдни былъ благодарственный молебенъ.

Нѣсколько дней среди матросовъ шли оживленные толки. Нечего и говорить, что темой бесѣдъ былъ прочитанный капитаномъ приказъ. Нѣкоторые старики-матросы относились къ нему съ недовѣріемъ. Въ самомъ дѣлѣ, что-то ужъ очень диковинно было. Вдругъ нельзя пороть!

— Ты, Василій, понялъ, что̀ вчерась читали? — спрашивалъ на другой день послѣ обѣда старый баковый матросъ Григорій Шипъ своего пріятеля Василія Архипова.

— Не очень чтобы понялъ... Быдто и невдомекъ... Болтаютъ что-то пустое ребята.

— Спина-то матросская нонѣ застрахована, вотъ оно что̀, братецъ ты мой!

— Врешь!—отвѣчалъ Архиповъ и хотѣль-было ложиться отдыхать.

— То-то не вру... Уши-то у меня есть. Небось, слышалъ, какъ капитанъ бумагу читалъ, что изъ Рассеи запретъ на линьки вышелъ... Шабашъ, молъ, братъ. Стопъ-машина!

— Пустое! — опять возразилъ Архиповъ, старый пьяница-матросъ, прослужившій во флотѣ около двадцати лѣтъ и не допускавшій даже мысли, что можно обойтись безъ линьковъ.

— Экой ты Ѳома невѣрный... Ну, у господъ спроси...

Архиповъ скептически улыбнулся и только рукой махнулъ. Однако немного погодя подошелъ къ проходившему молодому мичману и спросилъ:

— Правда, ваше благородіе, что Гришка мелетъ, быдто нонече нельзя пороть?

Молодой офицеръ сталъ добросовѣстно объяснять приказъ, и старый матросъ слушалъ его въ безмолвномъ изумленіи, видимо пораженный и сбитый съ толку; но когда мичманъ дошелъ до штрафныхъ, для которыхъ тѣлесное наказаніе отмѣнено не было,—красное загорѣлое лицо Архипова снова приняло свое обычное выраженіе какое-то простодушнаго скептицизма не безъ оттѣнка лукавства.

Онъ поблагодарилъ офицера и на вопросъ того: «понялъ ли?» отвѣчалъ: — «Вполнѣ отлично понялъ, ваше благородіе»,—и, когда офицеръ отошелъ, замѣтилъ товарищу съ тонкой усмѣшкой:

— Не вѣрь ты эфтому ничему, Гришка... Право, не вѣрь...

— Тебѣ, что ли, дураку, вѣрить?—осердился Шипъ.

— Дуракъ-то выходишь ты, а не я...

— Это какъ же?

— А такъ же! Пущай бумага вышла, а будетъ нужно выдрать, выдерутъ!—тономъ глубокаго убѣжденія говорилъ Архиповъ. — Теперче ты марса-фала во-время не отдалъ или, примѣрно, сгрубилъ... Ну какъ тебя не выдрать, какъ сидорову козу? Или опять же, разсуди самъ, умная голова, что съ тобой дѣлать, ежели ты пьянъ напился и пропилъ казенную вещь? Вѣдь не въ Сибирь же... Раздѣнутъ да и всыплютъ...

— Врешь... Въ «темную» посадятъ.

— Какія еще выдумалъ «темныя»?—насмѣшливо кинулъ Архиповъ.

— Карцырь, значитъ, такой будетъ...

— Карцырь!?—переспроосилъ Архиповъ.

— Да, братъ... Вчерась старшій офицеръ наказывалъ его

ладить. И сказывалъ Плентій-плотникъ: «Будетъ этто каморка въ трюмѣ темная и узенькая; не повернуться, говоритъ, въ ей». Ты пьянъ напился или въ другомъ проштрафился—и сиди тамъ одинъ на хлѣбѣ и водѣ... Это замѣсто порки...

— Замѣсто порки?

— Да.

Съ усмѣшкой поглядѣлъ Архиповъ на товарища и съ побѣдоноснымъ видомъ сказалъ:

— А ежели двадцать матросовъ наказать надо? Тогда какъ съ карцыремъ?

Шипъ задумался.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ тогда?

— Говорю тебѣ, Гришка, не вѣрь... Бумага-бумагой, а выпороть надо—выпорютъ... Переведутъ въ штрафные и исполосуютъ спину... Тогда вѣдь можно?..

— Штрафныхъ можно...

— То-то оно и есть. А то еще карцыри выдумалъ. Нешто ребенки мы, што ли?.. Безъ линька, братецъ, никакъ невозможно.

— А у насъ на «конвертѣ»... Небось, капитанъ не приказалъ.

— Не приказалъ! До перваго случая...

— Ну, это ты, Василій, врешь... У насъ никого еще не пороли, а ужъ плаваемъ мы годъ...

— Командиръ такой... чудной... Этакого я, признаться, отродясь не видывалъ... А другіе... самъ знаешь... Безъ эстаго во флотѣ нельзя! Однако давай, братецъ, отдыхать!.. Что зря болтать... Намъ все равно недолго околачиваться... Вернемся въ Рассею, въ чистую уйдемъ!..—проговорилъ Архиповъ, видимо не желая продолжать «пустяковый», по его мнѣнію, разговоръ.

И оба они растянулись у орудія.

II.

У шкафута собралась кучка молодыхъ матросовъ «первогодковъ». Одинъ изъ нихъ, Макаръ Погорѣловъ, бойкій малорослый блондинъ, смышленый, съ живымъ лицомъ, тихимъ возбужденнымъ голосомъ разсказывалъ:

— И станутъ теперь, братцы, на цѣпь сажать... въ самый трюмъ, значитъ, въ темную... И приказъ такой вышелъ: звать, молъ, ее, темную-то, «Камчаткой»... *) И скуютъ этто

*) Такъ прозвали на корветѣ матросы арестъ.

цѣпьми ноги и руки, и сиди... не повернись... Тамъ, братцы, ходу нѣтъ—тѣсно. А окромя сухаря и воды ничего ѣсть не дадутъ!.. А ужъ зато линькомъ ни Боже-ни! Никто не смѣетъ!

— И боцманъ не смѣетъ?—спросилъ кто-то съ сомнѣніемъ въ голосѣ.

— Сказываютъ тебѣ, не смѣетъ! — рѣшительно отвѣчалъ Макаръ.

— А какъ смѣетъ?

— Никакъ нельзя—потому бумага.

— А ежели хватитъ?

— Не бойсь, побоится...

Боцманъ Никитичъ услыхалъ эти разговоры и пришелъ въ негодованіе. Онъ подошелъ къ разговаривающимъ и грозно сказалъ:

— Вы что разорались, черти? Ай, дудки не слыхали: «отдыхать»! Ну и дрыхни, или молчи!

— Да никто не спитъ, Аѳанасій Микитичъ! — осторожно замѣтилъ бойкій матросикъ.

— Ты меня учить станешь, што ли? Ты у меня смотри... Этого нюхалъ?..

И съ этими словами боцманъ досталъ изъ кармана линекъ и поднесъ его къ лицу молодого матроса.

И Макаръ и остальные ребята струсили.

— Мы, Аѳанасій Микитичъ, ничего!.. — пробормоталъ Макаръ.

— То-то ничего... Ты не галди! Безпорядку дѣлать не годится!—съ меньшею суровостью замѣчаетъ боцманъ, довольный испугомъ матросовъ.

— Не годится, Аѳанасій Микитичъ, не годится!—поддакиваютъ молодые матросы.

Боцманъ ушелъ.

Матросы нѣкоторое время молчали.

Наконецъ кто-то сказалъ:

— Вотъ-те и не смѣетъ!

— Издохнуть—не смѣетъ!.. Это онъ для страху!—заговорилъ Макаръ.

— Для стра-а-а-ху? Онъ и взаправду огрѣетъ!

— Не можетъ! Завтра, сказывали ребята, приказъ отъ капитана выйдетъ, чтобы всѣ линьки, сколько ни на есть, за бортъ покидать! Чтобъ и духу его не было...

— А насчетъ того, чтобы драться, какъ будетъ братцы?—спросилъ одинъ изъ ребятъ.—Боцмана и унтера шибко лѣзутъ въ морду. Какъ по бумагѣ выходитъ, Макарка?

Макаръ немного подумалъ и отвѣчалъ:

— Нѣтъ, братцы, и въ морду нельзя... Потому тѣлесное... Слыхалъ я вчера, дохтуръ въ каютъ-компаніи говорилъ: «тронуть, молъ, пальцемъ никто не можетъ».

— Ну?

— Нынѣ, говоритъ, все по закону будетъ, по правдѣ и совѣсти...

— Ишь ты...

— Какъ волю крестьянамъ царь далъ, такъ и все прочее должно быть... чтобы честно!..—восторженно продолжалъ матросъ.—У насъ на «конвертѣ», сами, братцы, знаете, какой командиръ... добрый да правильный... И вездѣ такіе пойдутъ. Все по-новому будетъ... Россійскимъ людямъ жить станетъ легче... Это я вамъ вѣрно говорю, братцы... А что Микитичъ куражится, такъ это онъ такъ... Бумага-то ему поперекъ горла. Да ничего не подѣлаешь!.. Шалишь, братъ... Руки коротки!

III.

На бакѣ ораторствовалъ Жаворонковъ, матросъ лѣтъ тридцати пяти, изъ учебнаго экипажа, бывшій кантонистъ, шустрый, ловкій, наглый, не особенно нравственный продуктъ казарменнаго воспитанія. Готовился онъ въ писаря—это званіе было предметомъ его горячихъ желаній,—но за пьянство и вообще за дурное поведеніе Жаворонковъ въ писаря не попалъ и служилъ матросомъ, считая себя нѣсколько выше матросской среды и гордясь своимъ образованіемъ въ школѣ кантонистовъ. Матросъ онъ былъ неважный: лодырь порядочный и къ тому же не изъ смѣлыхъ, что̀ не мѣшало ему, разумѣется, быть большимъ хвастуномъ и бахваломъ.

— Теперь всѣмъ даны права!—говорилъ онъ, ухарски подбоченясь и видимо чувствуя себя вполнѣ довольнымъ въ роли оратора, котораго слушала изрядная кучка матросовъ.—И на все положенье—законъ! Поняли?

— На все?

— Безпремѣнно на все, по статутамъ...

На многихъ лицахъ недоумѣніе.

— Это какіе-жъ статуты?

— Законы, значитъ... Ты ежели свиноватилъ — судиться будешь... Пьянъ напился — судись... Промоталъ казенную вещь—судись... Своровалъ—опять же судись... А присудился, тебя въ штрафованные, а ужъ тогда, въ случаѣ чего, можно и безъ суда выдратъ...

— А какъ судить будутъ?

— По всей формѣ и строгости законовъ... Въ родѣ какъ у англичанъ судятъ... Вы вотъ спросите у Артюшки, какъ его третьяго-дня у англичанъ судили... Небось, какъ слѣдуетъ, при всемъ паратѣ... Такъ, что ли, Артюшка?

Неказистый на видъ матросъ усмѣхнулся и проговорилъ:

— Чудно было...

— Чудно! — передразнилъ Жаворонковъ. — А по-моему, очень даже правильно... Да ты разскажи...

— Да что разсказывать?.. Поставили этто меня въ загородку. Ихнее писаніе цѣловать велѣли. Опосля гличанинъ, котораго я, значитъ, въ пьяномъ видѣ, ударилъ, сталъ на меня доказывать. Всѣ слушали. Судья ихній, въ вольной одежѣ, посреди сидѣлъ... повыше этакъ, и тоже слушалъ. Какъ гличанинъ кончилъ, мнѣ велѣли на него доказывать. Опять слушали, какъ нашъ офицеръ на ихнемъ языкѣ мой доказъ говорилъ... Ну и взяли штрафъ... за бой, значитъ.

Этого «Артюшку» притянули къ суду за оскорбленіе полисмена въ Гонконгѣ. Онъ былъ на берегу и въ пьяномъ видѣ буянилъ. Когда полисменъ что-то сказалъ ему, матросъ ударилъ его. Англичане, бывшіе свидѣтелями этого пассажа, только ахнули отъ удивленія.

— Ловко попалъ!—замѣтилъ одинъ рыжій джентльменъ.— Прямо подъ глазъ!

Полисменъ побагровѣлъ отъ злости и свистнулъ. Пришло еще трое полисменовъ, и матроса отвели въ Police Station.

Объ этомъ тотчасъ же дали знать на корветъ и просили прислать переводчика къ мировому судьѣ, у котораго на слѣдующій же день назначено было разбирательство дѣла.

Переводчикомъ былъ одинъ изъ корветскихъ офицеровъ.

Началъ свою жалобу полисменъ. Обстоятельно объяснилъ онъ, какъ встрѣтилъ пьянаго русскаго матроса, который грозилъ кулакомъ на проходящихъ, и какъ вообще непристойно велъ себя...

«Но вообразите мое удивленіе, г. судья,—прибавилъ полисменъ: — когда на мое замѣчаніе русскій матросъ ударилъ меня».

Довольно долго говорилъ полисменъ и изрядно-таки позорилъ русскаго матроса за проступокъ, недостойный «честнаго гражданина», и въ концѣ концовъ требовалъ вознагражденія за обиду.

Обратились къ нашему матросу. Онъ поднялся съ мѣста и стоялъ въ довольно-таки непривлекательномъ видѣ: грязный и оборванный послѣ вчерашняго пьянства. Стоялъ и молчалъ.

— Разсказывай, Никитинъ, какъ было дѣло?—обратился къ нему нашъ офицеръ.

— Да что говорить, ваше благородіе?

— Говори что-нибудь!

— Шелъ этто я, ваше благородіе, по Гонконту изъ кабака... Признаться, хмеленъ былъ... Подвернулся мнѣ подъ-руку вотъ этотъ самый гличанинъ (и матросъ указалъ грязнымъ корявымъ пальцемъ на сидѣвшаго напротивъ чистоплотнаго полисмена)... и я полѣзъ драться...

Весь этотъ короткій спичъ матросъ произнесъ самымъ добродушнымъ тономъ.

Офицеръ объяснилъ судьѣ, что матросъ сознаётъ свою вину, и дѣло кончилось тѣмъ, что за него заплатили штрафъ.

Объ этомъ судьбищѣ и разсказывалъ «Артюшка».

— Вотъ оно какъ судять!—проговорилъ Жаворонковъ.— Такъ и у насъ будутъ... по всей формѣ и строгости... Права даны! Теперича, ежели боцманъ въ ухо, и я его въ ухо!

— Попробуй-ка!

— А думаешь: не попробую!.. — хвасталъ Жаворонковъ. — Нонче законъ-положенье... Статуты!

— И здоровъ тоже ты врать, какъ я погляжу, братецъ,— замѣтилъ, отходя, какой-то старый матросъ.

IV.

Боцмана, писаря, баталеръ, фельдшеръ и унтеръ-офицеры собрались въ палубѣ и тоже разсуждали объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній.

Особенно горячился боцманъ Никитичъ, невоздержный и на руку и на языкъ.

— Справься теперь съ ними... Что ты ему сдѣлаешь? Выходитъ, ничего ты ему сдѣлать не можешь... Линекъ бросить, сказано.

— Сказано?—переспросилъ другой боцманъ, Алексѣевъ.

— То-то и есть!

— А какъ насчетъ, значитъ, науки?.. Ежели смазать?— задалъ вопросъ одинъ унтеръ-офицеръ.

— Тоже не велѣно... Вчера старшій офицеръ призвалъ и говоритъ: «Всѣмъ унтерамъ накажи, чтобы въ рожи больше не лѣзли... А то, говоритъ, смотри!..»

— Однако и порядки пошли!—протянулъ Алексѣевъ.

— Удивительное дѣло!—вставилъ баталеръ.

— Про то я и говорю!—горячился Никитичъ. — Справься теперь съ ними. Не станешь изо всякаго пустяка съ лепортомъ... А вѣдь съ насъ же потребуютъ... Зачѣмъ звѣрство-

вать?.. Далъ въ зубы разъ-другой и довольно... И матросу стерпится... И понимаетъ онъ, что ты боцманъ...

— Извѣстно, надо, чтобы понималъ... Безъ эстаго къ чему и боцмана!—подтвердилъ другой боцманъ.

— Опять-таки позвольте, господа, сказать, — вмѣшался писарь.

— Насчетъ чего?

— Насчетъ того, что нынче другая на все мода... Чтобы все по благородству чувствъ... Посудите сами: вѣдь и матросъ свою физіономію имѣетъ... Зачѣмъ же безчестить ее?.. Виноватъ, ударьте его по спинѣ, положимъ... Все же спина, а не физіономія...

— Нешто почувствуетъ онъ по спинѣ?.. Онъ, окромя носа, никакого чувствія не имѣетъ...

— Ударьте такъ, чтобы почувствовалъ...

— Что ужъ тутъ говорить!.. Никакого толку не будетъ!

— Ужъ и зазнались, дьяволы!—говорилъ боцманъ Алексѣевъ.—Утромъ сегодня на вахтѣ... Кирька брамсельный ушелъ внизъ и сгинулъ, шельма... А ужъ вахтенный горло деретъ: зоветъ подлеца. Прибѣжалъ. «Гдѣ, говорю, былъ?»—«Въ палубѣ, говоритъ, былъ!»—да и смотритъ себѣ, быдто и офицеръ какой. Я его линькомъ хотѣлъ огрѣть, а онъ, какъ бы ты думалъ? «Не замайте, говоритъ... Нонче не тѣ права!»

— Я-бъ ему показалъ правовъ! Искровянилъ бы ему хайло...—гнѣвно замѣтилъ Никитичъ.

Долго еще бесѣдовали унтера. Однако въ концѣ концовъ рѣшили на совѣщаніи, что хоть бумага тамъ и вышла, а все же слѣдуетъ «учить» попрежнему... Только, разумѣется, съ опаской и съ разсудкомъ.

СВѢТЛЫЙ ПРАЗДНИКЪ.

I.

Цѣлыхъ двое сутокъ Страстной недѣли насъ жестоко-таки трепало въ Индѣйскомъ океанѣ, столь нелюбимомъ моряками за его частые и коварные сюрпризы. Благодаря предусмотрительности капитана, во-время приказавшаго спустить брамъ-стеньги и поставить штормовые паруса, мы съ честью выдержали ураганъ, благоразумно избѣгнувъ его центра, и не получили никакихъ серьезныхъ поврежденій. Только вельботъ смыло волной—вотъ и все.

Наконецъ, на третій день ураганъ ослабѣлъ, а въ пятницу и совсѣмъ прекратился. Вѣтеръ уже бѣшено не ревѣлъ, словно надрываясь какой-то исполинской грудью, и, подло переходя черезъ всѣ румбы, не крутилъ, дробя въ алмазную пыль, верхушки громадныхъ волнъ, разбивающихся съ страшнымъ гуломъ одна о другую. Океанъ не походилъ на грознаго, разъяреннаго, могучаго звѣря, готоваго поглотить однимъ глоткомъ ничтожную деревянную скорлупку съ сотней смѣлыхъ пловцовъ. Темныя, зловѣщія тучи исчезли; волна, утомленная, улеглась, барометръ быстро поднимался, и солнце, жгучее и ослѣпительное, снова весело глядѣло на маленькій трехмачтовый клиперъ съ высоты бархатнаго голубого неба, подернутаго, словно бѣлоснѣжнымъ кружевомъ, перистыми, нѣжными облачками.

Еще въ ночь на субботу отдали всѣ рифы у марселей, поставили фокъ, гротъ и брамсели, и ходкій граціозный «Голубчикъ», боровшійся съ ураганомъ въ крутой бейдевиндъ и почти не двигавшійся съ мѣста, понесся теперь съ ровнымъ попутнымъ муссономъ, точно птица, расправившая крылья, покойно и плавно покачиваясь, узловъ по десяти, по одиннадцати въ часъ, поднимаясь къ недалекому

ужъ экватору, за которымъ ждала насъ, послѣ долгаго и длиннаго перехода, стоянка въ роскошной Батавіи. Вахтенный офицеръ и вахтенные матросы вздохнули свободнѣй и не находятся въ нервномъ напряженіи,—вахты перестали быть «каторжными».

Снова были открыты задраенные наглухо люки, и снопы свѣта и волны чистаго свѣжаго воздуха ворвались въ душный кубрикъ и въ палубу. Съ ранняго утра затопили камбузъ, эти дни бездѣйствовавшій по случаю адской качки, и у камбуза въ это утро царило необычайное оживленіе и суматоха. Всѣ три кока (повара) въ бѣлыхъ колпакахъ торопились приготовить къ розговѣнью куличи, яйца и окорока; многіе матросы охотно имъ помогали въ этомъ дѣлѣ, и около камбуза постоянно толпилась кучка матросовъ. Снова одѣтые въ лѣтнія бѣлыя рубахи и босоногіе, они то и дѣло выползали наверхъ и собирались на бакѣ, у кадки съ водой, чтобы покурить и поляснячать. И офицеры послѣ подъема флага гуляли по шканцамъ, любуясь погожимъ утромъ и улыбаясь проказамъ общей любимицы Соньки. Куда-то забившаяся во время урагана маленькая обезьянка снова появилась наверху и, веселая и забавная, какъ сумасшедшая летала по вантамъ, спускалась внизъ и задирала дремавшаго у пушки, на солнышкѣ, нашего степеннаго и лѣниваго косматаго водолаза Муньку, дергая его за хвостъ и тотчасъ же удирая на ванты, когда Мунька начиналъ сердито ворчать.

Старшій штурманъ, довольный, что солнце, скрывавшееся три дня, свѣтитъ теперь, какъ онъ выражался, «во всю рожу», уже беретъ высоты, а старшій офицеръ Василій Иванычъ, давно уже осмотрѣвшій весь клиперъ вмѣстѣ съ боцманомъ, попыхивая папироской, благодушно допиваетъ свой третій стаканъ чая, сидя на диванѣ въ каютъ-компаніи, принявшей снова свой обычный безукоризненно-чистый видъ. Одного лишь капитана не видно. Онъ отсыпается послѣ трехъ сутокъ, почти безсмѣнно проведенныхъ имъ у штурвала, около рулевыхъ. Во время урагана онъ лишь на два, на три часа спускался днемъ, чтобы обсушиться и вздремнуть, и снова, на видъ спокойный и серьезный, съ осунувшимся лицомъ и скрытой тревогой въ душѣ, выходилъ наверхъ защищать свой любимый «Голубчикъ» отъ ярости урагана и спасти ввѣренныхъ ему людей.

Въ эту Страстную субботу, среди океана, вдали отъ родины и болѣе привычной для всѣхъ береговой обстановки, большая часть матросовъ, преимущественно старики, были въ какомъ-то особенномъ, торжественномъ настроеніи, видимо

безконечно довольные, что трепка прекратилась и можно встрѣтить праздникъ, не штормуя, а похоже, какъ и на берегу: честь-честью помолиться за Свѣтло-Христовой заутреней и разговѣться послѣ недѣли поста. Въ этотъ день, послѣ обычной утренней уборки клипера, никакихъ ученій и занятій не было, и свободные отъ вахты могли заниматься своими дѣлами. Матросы ходили къ образу, передъ которымъ старый матросъ Щербаковъ (образной) съ ранняго утра уже затеплилъ лампаду, молились, кладя земные поклоны, и уходили наверхъ, вынося свои парусинные чемоданчики. Примостившись на палубѣ, они осматривали чистыя, большею частью собственныя, бѣлыя рубахи, шейные платки, парусинные башмаки, чинились и прибирались. Сбившись по разнымъ угламъ кучками, многіе слушали евангеліе, читаемое нараспѣвъ какимъ-нибудь грамотнымъ матросомъ. Вообще готовились къ великому празднику истово и серьезно. Въ этотъ день почти никто не пилъ передъ обѣдомъ своей чарки, и нѣкоторые ничего не ѣли. Разговоры велись болѣе или менѣе соотвѣтствующіе настроенію, и всѣ воздерживались отъ привычныхъ крѣпкихъ словъ. Даже старый боцманъ Щукинъ, не умѣвшій сказать трехъ словъ, не уснастивъ ихъ самой отборной руганью, и тотъ сегодня имѣлъ нѣсколько сконфуженный видъ и ругался меньше.

Въ палубѣ красили яйца въ ситцевыхъ лоскуткахъ старыхъ матросскихъ рубахъ и складывали ихъ на столѣ. Матросы красильщики видимо съ увлеченіемъ занимались этимъ дѣломъ. Около нихъ толпились кучи молодыхъ матросовъ, и раздавались веселыя замѣчанія:

— Ровно бабы на деревнѣ яйца красите!

— И впрямь бабы!

Съ неменьшимъ любопытствомъ смотрѣли матросы, однако въ почтительномъ отдаленіи, чтобъ не разсердить коковъ, какъ они вынимали окорока и куличи, которые уносились тотчасъ же къ баталеру. Коки были въ профессіональномъ азартѣ и, несмотря на Страстную субботу, ругались немилосердно, чувствуя себя героями дня, на которыхъ обращено общее вниманіе. Положеніе ихъ было въ самомъ дѣлѣ трудное. Благодаря урагану, надо было за одинъ день испечь пропасть окороковъ и куличей для команды. Какъ тутъ не выругаться!

Чистившій невдалекѣ серебряное кадило, благочестивый Щербаковъ, старый хорошій баковый матросъ и образной, исполнявшій также во время требъ и обязанности дьячка, протяжно вздыхалъ и съ сокрушеніемъ качалъ головой, слыша раздававшуюся въ палубѣ ругань коковъ.

— Грѣховодники... Такой день, а они...

— Никакъ имъ нельзя, Тимоѳеичъ,—заступился за поваровъ стоявшій около вѣстовой ревизора, бойкій молодой матросъ съ мѣдной сережкой въ ухѣ.

— Отчего это нельзя?

— Потому въ самомъ полномъ ходу они у самаго этого камбуза... Спѣшка. Однихъ куличовъ сколько... Опять же окорока... А левизоръ безпремѣнно требуетъ, чтобы все было готово. Сами знаете левизора, какой онъ зубастый... Съ имъ, прямо сказать, и день какой—забудешь, потому зубовъ не пожалѣетъ, отшлифуетъ ихъ форменно. И то сказать: надо же къ празднику намъ разговѣться...

— И пустое однако ты говоришь, Ефимка...

— То-то не пустое, а побудьте вы сегодня примѣрно замѣсто этихъ самыхъ коковъ...

— Аксюткина послать! — раздался громкій раздраженный голосъ изъ открытой двери каютъ-компаніи.

— Есть!—крикнулъ въ отвѣтъ Ефимка.—Слышали, какъ зыкнулъ?—прибавилъ онъ, обращаясь къ Тимоѳеичу, словно бы въ защиту поваровъ, и побѣжалъ въ каютъ-компанію.

Ревизоръ, довольно вспыльчивый лейтенантъ, дѣйствительно не жалѣвшій матросскихъ зубовъ въ минуты гнѣва, несмотря на строгое приказаніе капитана не драться, былъ сегодня въ самомъ возбужденномъ настроеніи. Капитанъ просилъ, чтобы для матросовъ было устроено обильное розговѣнье, а тутъ, какъ нарочно, три дня нельзя было развести огня въ камбузѣ.

И ревизоръ, желавшій въ точности исполнить капитанское приказаніе, къ тому же и самъ искренно ему сочувствовавшій, такъ какъ понималъ, какъ пріятно матросамъ справить праздникъ какъ слѣдуетъ, цѣлый день суетился, и его сухощавая, маленькая подвижная фигурка то и дѣло мелькала въ палубѣ, направляясь къ камбузу и обратно. Онъ донималъ баталера и коковъ, спрашивая ихъ: «все ли будетъ готово», и обѣщалъ кокамъ по доллару на водку, если они постараются, и «разнести въ дребезги», если что-нибудь будетъ скверно. Нечего и говорить, что коки обѣщали стараться.

Въ свою очередь и мичманъ Коврайскій, мѣсяца два тому назадъ выбранный содержателемъ каютъ-компаніи и, какъ всѣ содержатели, весьма щекотливый къ критическимъ замѣчаніямъ относительно обѣдовъ и ужиновъ и вообще очень самолюбивый человѣкъ, — намѣревался удивить всѣхъ роскошью и изобиліемъ каютъ-компанейскаго пасхальнаго стола. Разумѣется, онъ держалъ въ строгомъ секретѣ, чѣмъ именно

онъ поразитъ, такъ какъ вся живность, взятая изъ Порто-Гранде еще полтора мѣсяца тому назадъ, была давно уже съѣдена, и мы сидѣли на солонинѣ и консервахъ, нетерпѣливо ожидая «берега», а съ нимъ и свѣжаго мяса.

Правда, на клиперѣ оставался еще въ живыхъ Васька, молодой и весьма жирный боровокъ, взятый еще поросенкомъ изъ Кронштадта. Но всѣ содержатели щадили этого любимца команды, выдрессированнаго однимъ изъ матросовъ, татариномъ Апаркой, когда-то бывшимъ медвѣжьимъ поводыремъ, который очень любилъ своего ученика и велъ дѣло его воспитанія съ терпѣніемъ и обдуманностью, сдѣлавшими бы честь многимъ педагогамъ. Этотъ Васька плавалъ съ нами восемь мѣсяцевъ и своей смышленостью и разными штуками доставлялъ на бакѣ матросамъ большое развлеченіе, столь цѣнимое при однообразной судовой жизни, вообще бѣдной удовольствіями. Онъ носилъ поноску, становился на заднія лапы и шелъ за подачкой, бѣжалъ на зовъ и каждое утро, когда мыли палубу, терпѣливо выносилъ окачиванье изъ бранспойта и, наперекоръ свиной натурѣ, былъ очень чистоплотенъ. Когда свистали всѣхъ наверхъ и шла авральная работа, Васька немедленно убирался въ свой маленькій домикъ изъ стараго ящика, устроенный заботливымъ пѣстуномъ и содержавшійся въ большомъ порядкѣ,—и выходилъ оттуда, лишь когда раздавалась команда: «подвахтенные внизъ!» При словахъ «боцманъ идетъ!» Васька, при общемъ смѣхѣ матросовъ, со всѣхъ ногъ улепетывалъ подъ барказъ, испуганно хрюкая, а когда спрашивали: «хочешь водки?» вертѣлъ куцымъ хвостикомъ и весело хрюкалъ. Одѣтый иногда въ матросскую рубаху, сшитую Апаркой, въ матросской шапкѣ на головѣ, Васька, бывало, давалъ, подъ руководствомъ своего воспитателя, цѣлыя представленія и былъ вообще persona grata на бакѣ, дѣля лавры съ забавной Сонькой. Еще бы! Сколько неподдѣльнаго удовольствія доставлялъ и сколько вызывалъ дружнаго смѣха этотъ смышленый Васька, развлекая матросовъ отъ томительной подчасъ скуки долгихъ переходовъ. Да и не однихъ матросовъ.

Разумѣется, озабоченный устройствомъ пасхальнаго стола мичманъ даже и мысленно не рѣшался посягнуть на матросскаго фаворита, и онъ, проплававъ съ нами три года, вернулся на «Голубчикѣ» въ Кронштадтъ упитаннымъ и умудреннымъ боровомъ и, по справедливости, поступилъ во владѣніе Апарки.

Несмотря на отсутствіе животныхъ, которыя могли бы быть зарѣзаны, мичманъ не унывалъ и еще наканунѣ таинственно о чемъ-то совѣщался съ буфетчикомъ и поваромъ и

съ ранняго утра метался, какъ угорѣлый, съ озабоченнымъ и въ то же время побѣдоноснымъ видомъ человѣка, увѣреннаго въ успѣхѣ. Онъ считалъ себя тонкимъ знатокомъ и гурманомъ и, вѣроятно, потому отчаянно надоѣдалъ повару, объясняя ему тайны соусовъ и приправъ, о которыхъ и самъ имѣлъ довольно смутныя понятія. И сегодня онъ разъ десять бѣгалъ къ камбузу, пробовалъ окорокъ, куличи и засматривалъ въ печь, гдѣ готовились сюрпризы, въ видѣ консервованныхъ куропатокъ.

— Ну, а какъ, Ивановъ, насчетъ пасхи? Выходитъ что-нибудь, братецъ?—озабоченно спрашивалъ толстенькій и румяный молодой мичманъ, возымѣвшій дерзкую мысль сочинить пасху изъ консервованныхъ сливокъ.

Пожилой рыжій матросъ Ивановъ, давно уже ходившій на судахъ офицерскимъ «кокомъ» и любившій свою профессію главнымъ образомъ, кажется, потому, что бо́льшую часть спиртныхъ и винныхъ порцій, дававшихся ему для приправъ, вливалъ въ себя, — съ обычнымъ своимъ невозмутимымъ апломбомъ отвѣчалъ:

— Выйдетъ, ваше благородіе.

— Ты еще не начиналъ?

— Никакъ нѣтъ, еще успѣю... Долго ли!

— Что-жъ ты положишь въ сгущенныя сливки?

— А всего положу, какъ докладывалъ, въ плепорціи... Рисовый пюрей, значитъ, изюмъ, миндаль, сахаръ, ванель для духу, и выйдетъ въ родѣ быдто настоящая пасха... и не узнать... А уборъ на ней будетъ изъ сухихъ фрухтъ.

— Какъ бы гадости какой не вышло!—безпокойно спрашивалъ толстенькій мичманъ, зная хвастовство Иванова.

— Не извольте сумнѣваться, ваше благородіе. Скусная пасха должна выйти. Слава Богу, всякія пасхи дѣлалъ... Отчего ей не выйти?..—прибавилъ Ивановъ съ хладнокровной самоувѣренностью.

И, чтобы отвязаться отъ надоѣдавшаго ему мичмана, Ивановъ съ самымъ свирѣпымъ видомъ началъ двигать кастрюли, стоявшія на плитѣ, а затѣмъ заглянулъ въ духовую печь и сталъ вытаскивать куличи.

Мичманъ ушелъ торжествующій, что поразитъ всѣхъ насъ пасхой, не предвидя, разумѣется, какую невозможную гадость состряпаетъ ни въ чемъ не сомнѣвающійся Ивановъ. Послѣ нѣсколькихъ стакановъ водки, потребованныхъ имъ для быстрѣйшаго подъема тѣста и въ значительной степени поднявшихъ духъ самого Иванова, онъ готовъ былъ сдѣлать пасху, изъ чего прикажутъ, хотя бы изъ капусты.

II.

Вечеръ былъ прелестный, вѣтеръ не свѣжѣлъ, и потому капитанъ разрѣшилъ въ эту ночь стоять на вахтѣ лишь одному отдѣленію, чтобы бо́льшее число матросовъ могло быть у заутрени.

Въ половинѣ двѣнадцатаго нижняя палуба была полна по-праздничному одѣтыми и прифранченными матросами. Впереди, у переборки, отдѣляющей каютъ-компанію отъ жилой палубы, была устроена маленькая походная церковь съ разборнымъ иконостасомъ, и у него, передъ аналоемъ, стоялъ въ траурной эпитрахили нашъ батюшка, отецъ іеромонахъ Виталій, и сиплымъ баскомъ, слегка распѣвая, читалъ Страсти Господни. Вблизи отъ него стояли офицеры, имѣя во главѣ капитана. Всѣ были въ шитыхъ золотомъ мундирахъ, въ орденахъ и при саблях. Немного поодаль стояли боцмана, подшкиперъ, баталеръ, фельдшеръ, писаря, словомъ вся, такъ-называемая, баковая аристократія, разодѣтая въ пухъ и прахъ (особенно «чиновники»), а сзади плотной стѣной толпились матросы.

Въ палубѣ стояла мертвая тишина и царилъ полумракъ. Нѣсколько свѣчей паникадила передъ большимъ образомъ клипера да съ десятокъ развѣшанныхъ фонарей еле освѣщали серьезныя и напряженныя лица матросовъ, съ благоговѣйнымъ вниманіемъ слушавшихъ евангеліе, хотя и не все понимавшихъ въ его славянскомъ текстѣ. Но если они и не все понимали, то, разумѣется, чувствовали величіе страданій и смерти Того, Кто былъ защитникомъ всѣхъ простыхъ, обремененныхъ и трудящихся. А не они ли именно эти самые трудящіеся, простые матросы, постоянно подвергавшіеся опасности?..

Словно понимая, что за такихъ простыхъ людей страдалъ Спаситель, они, кротко и умиленно душевно настроенные, безмолвно молились и, чувствуя подъ собой покачивавшуюся палубу, быть-можетъ, въ эти минуты поминали въ молитвахъ кровныхъ и близкихъ, оставленныхъ въ далекихъ бѣдныхъ деревушкахъ, все еще дорогихъ сердцамъ матросовъ, несмотря даже на долгую ихъ морскую службу. И просмоленныя шершавыя ихъ руки, безустанно дѣлающія трудное матросское дѣло, складываясь въ трехперстіе, медленно осѣняли ихъ груди широкими, мужицкими крестами.

Батюшка окончилъ чтеніе евангелія и вошелъ въ алтарь. Прошло нѣсколько минутъ, какъ изъ открытаго люка прозвучали удары колокола, медленно пробившіе восемь скля-

нокъ, и съ послѣднимъ ударомъ грянулъ выстрѣлъ изъ орудія. Тотчасъ же палуба освѣтилась сотней зажженныхъ восковыхъ свѣчъ и фонарями. Отецъ Виталій появился въ свѣтлой блестящей ризѣ и, въ предшествіи хора пѣвчихъ съ фонарями въ рукахъ, двинулся обходить клиперъ въ сопровожденіи капитана, офицеровъ и всей команды. Нашъ отличный хоръ пѣлъ: «Воскресеніе Твое, Христе Спасе, ангели поютъ на небесѣхъ», и съ этою пѣснью всѣ поднялись на палубу.

Ночь была чудная, теплая. Клиперъ, слегка накренившись, безшумно шелъ узловъ по семи, и наша процессія медленно двигалась по этому оторванному уголку далекой родины, а ярко мигающія звѣзды, среди которыхъ Южный Крестъ лилъ свой нѣжный свѣтъ, ласково смотрѣли сверху.

Когда обходъ былъ оконченъ, и батюшка, вернувшись съ другой стороны, благословивъ начало заутрени, запѣлъ своимъ сиплымъ, слегка дрожащимъ баскомъ: «Христосъ воскресе изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ», хоръ подхватилъ, и вслѣдъ за нимъ подхватили и всѣ матросы радостно и торжественно, съ внезапно просіявшими, умиленными лицами.

Подхватили и наверху вахтенные, толпившіеся у открытаго люка, и эта радостная пѣснь сотни моряковъ разнеслась и замерла среди тихо шумѣвшаго океана.

Началось богослуженіе.

По случаю великаго праздника, батюшка служилъ не такъ, какъ обыкновенно, торопясь, словно на почтовыхъ, зная, что морякамъ некогда, а медленно и благолѣпно, такъ что заутреня и обѣдня затянулись до двухъ часовъ, къ крайнему нетерпѣнію мичмановъ и гардемариновъ, уже чувствовавшихъ аппетитъ и жажду въ виду шампанскаго, обѣщаннаго толстенькимъ мичманомъ.

Наконецъ служба окончена, и началось христосованіе.

Сперва христосовались съ батюшкой, а затѣмъ подходили къ капитану. Всѣ до послѣдняго матроса цѣловались—и не іудинымъ, а хорошимъ поцѣлуемъ—съ этимъ благороднымъ и добрымъ человѣкомъ, ни разу не осквернившимъ своихъ рукъ битьемъ и ни разу не позволившимъ наказать матроса розгами. Каждый получалъ отъ капитана по красному яичку изъ большой корзины, стоявшей около него. Затѣмъ христосовались съ офицерами и другъ съ другомъ.

А наверху по всей палубѣ уже были разостланы брезенты для каждой артели, и на каждомъ брезентѣ красовались окорокъ, куличъ и крашеныя яйца, освѣщенные фонарями. На

шканцахъ уже стояла ендова съ водкой и при ней, конечно, баталеръ съ ассистентами.

Всѣ шумно высыпали наверхъ и тамъ продолжали христосоваться. Отецъ Виталій, и самъ значительно проголодавшійся и едва ли не чувствовавшій еще болѣе жажды, на этотъ разъ довольно скоро освятилъ всѣ яства и пошелъ освящать пасхальные столы у капитана и въ каютъ-компаніи, гдѣ уже почти всѣ были въ сборѣ. При появленіи батюшки кто-то весело крикнулъ:

— Скорѣй, батя... Вѣдь и вамъ хочется разговѣться... Коньякъ здѣсь стоитъ — прелесть... и мадера... и шампанское...

Наверху просвистали къ водкѣ. Капитанъ первый зачерпнулъ изъ ендовы чарку и сердечно крикнулъ:

— Съ праздникомъ, ребята!

— И васъ также, вашескобродіе! — гаркнули въ отвѣтъ матросы.

Послѣ раздачи водки началось розговѣнье.

Кончилось оно, когда звѣзды погасли и наступилъ предразсвѣтный сумракъ. А на востокѣ далекій горизонтъ уже загорался багрянцемъ, предвѣщающимъ близость восхода.

ОТЪ БРЕСТА ДО МАДЕРЫ.

Птицею райскою засвисталъ въ дудку боцманъ Никитичъ. Ревмя заревѣлъ онъ: «пошелъ всѣ наверхъ на якорь становиться!»—мимоходомъ стеганулъ раза два легонько линькомъ закопавшагося молодого матроса Гаврилку и полетѣлъ реи править.

Повыскакали матросы смотрѣть, въ какой это такой городъ входитъ корветъ. Рады они были всякому городу. Пора стояла дождливая, осенняя; окачиваться холодно, а тѣло расчесалось—бани требуетъ. Ну и опять же, вѣрно, портъ и не безъ кабаковъ, и не безъ тѣхъ кралей, что плѣняютъ такъ матроса за границей и которой несетъ онъ,—если ужъ краля очень вальяжна,—всю свою наличную денежную заслугу.

«На-жъ тебѣ, молъ, басурманская ты душа... Знай ты русскаго матроса и ндраву его не препятствуй».

И какая-нибудь Жюли или Матильда нраву матросскому не препятствуетъ, исправно обираетъ его разгулявшагося и ведетъ съ нимъ бесѣду деликатную, и такъ ведетъ (на то она и француженка), что и матросъ бесѣду ея понимать можетъ.

— Обходительна оченно,—говоритъ послѣ молодой матросъ Гаврила у себя на корветѣ:—и бестья-жъ эта, я вамъ, братцы, скажу, французинька... Такъ вотъ тебѣ и чешетъ по-нашему, такъ и чешетъ... «Русъ, говоритъ, люблю; русъ, говоритъ, бонъ». Ну и опять же: ласкова, шельма, знаетъ, какъ тебя ублажить.

Слушаютъ ребята эти лясы и одобрительно ухмыляются.

— Гличанки — тѣ варварки, горды, — замѣчаетъ пожилой марсовой Андреевъ:—морду отъ нашего брата воротятъ.

— Чистоту, Кирилычъ, любятъ. Ономнясь, я вамъ скажу, Оокина по рожѣ съѣздила одна гличанка-то... Зачѣмъ, гово-

ритъ, нетверезое ты экое рыло, цѣловаться, молъ, лѣзешь!» То-то, ребята сказывали, смѣху было.

Разбрелись матросы по палубѣ и глядятъ да поглядываютъ на скалы, между которыхъ тихимъ ходомъ идетъ корветъ.

Невесело что-то подходили мы къ рейду. Стоялъ пасмурный осенній день. Мелкій назойливый дождь мочилъ немилосердно, словомъ, погода вполнѣ подходила къ непривѣтливымъ сѣрымъ скаламъ съ разсѣянными на нихъ батареями, гдѣ мѣрно шагали по эспланадамъ закутанные въ сѣрые плащи часовые.

Корветъ входилъ въ Брестъ.

— Чтой-то за городъ будетъ, братцы? — спрашиваютъ другъ у друга матросы:—гличанскій или хранцузскій?

— Кто его знаетъ, братцы, какой онъ такой.

— Это Брестъ-городъ,—говоритъ кто-то: — хранцузскаго королевства портъ. Веселый, ребята, портъ. Я былъ тамъ, какъ на «Баянѣ» ходили, кабаковъ-те... Кабаковъ-те сколько...

— А скажи, братъ, бани тамъ есть?—спрашиваетъ Гаврила.

— Бани-то?.. Бань нѣту.

— Штобъ имъ пусто было! И видно нехристей. Нигдѣ этто бань нѣту. Въ Килѣ не было... И опять въ Бревзенѣ не было, и теперче нѣту. И што ты станешь дѣлать? Съ Кронштата не мымшись. Поди, такъ и насѣкомая заведется.

— Звѣстно она въ грязи живетъ,—замѣчаютъ матросы.

— Такъ какъ же быть, братцы?

— Ванныя есть въ Брестѣ, помыться можно.

— Што съ нея толку! Въ ванной не пропрѣешь. Одна слава—мытье... Ребята ходили въ эти ванныя, сказывали, что дрянно.

— Ну, Гаврилка, теперича ты бань нигдѣ не увидишь, все пойдутъ ванныя.

— Ишь ты!..

— А то станетъ жаръ, и такой, братецъ ты мой, жаръ, што ты мѣста не найдешь, ровно пекло пойдетъ, а въ водѣ китъ-рыба и акулье плаваетъ, дай только подальше зайтить. И хоша окачиваться станешь, все безъ толку, потому вода тамъ горяча, въ тропикахъ-то,—объясняетъ Кирилычъ.

— Это городъ значитъ такой, Тропики?

— Это страна такая... ну и зовется по-ихнему тропиками...

Разговаривающіе замолкли... Мимо проходилъ офицеръ...

— Такъ въ Брестѣ бань нѣту? — немного погодя снова началъ Гаврила.

— Ишь присталъ... Сказываютъ—ванныя...

— Ну тебя съ Богомъ, съ ванными!

— Гляди, братцы, кораблей-то сколько!..

— А и такъ... вона и городъ!..

— На контра-брасъ на правую!—рявкнулъ въ это время Никитичъ и кстати обозвался.

Разговоры на бакѣ прекратились. Матросы молча трекали снасть...

Рейдъ началъ открываться. Корветъ прибавилъ ходу, на немъ выправили реи, чтобы въ чужіе люди показаться, какъ слѣдуетъ военному судну, и, пройдя между французскими кораблями, кинулъ якорь.

Городъ виднѣлся вдали... Какъ матросы были рады городу, такъ и офицеры были ему рады... И если матросы такъ настойчиво допрашивали: «есть ли въ Брестѣ бани»,—то этотъ вопросъ могъ, по совѣсти, считаться болѣе важнымъ (ибо рѣшенъ вопросъ чистоплотности), чѣмъ тѣ, которыми офицеры осыпали товарища, бывшаго прежде въ Брестѣ...

— Что, какая лучшая въ Брестѣ гостиница?

— Бильярды съ лузами есть?..

— А насчетъ дамъ, каково оно?..

Такими вопросами закидывали лейтенанта Ивана Ивановича, который поспѣшилъ дать самые точные и удовлетворительные отвѣты...

Всѣ пошли собираться въ городъ и облачаться въ статскіе костюмы... И ужъ на какихъ же чучелъ многіе были похожи въ статскомъ платьѣ! Извѣстно, военный человѣкъ въ немъ на первый разъ неловокъ, не въ своемъ видѣ. Привыкъ онъ и признаковъ бѣлья не показывать изъ-за галстука, а тутъ надо жако разныя выставлять... Ну, конечно, съ непривычки трудно!

Пока одѣвались, въ каютъ-компаніи собрались прачки — всегдашнія первыя гостьи — и ужъ шумѣли тамъ препорядочно. Всѣ хлынули изъ каютъ посмотрѣть на прачекъ. Многимъ желательно было увидать молоденькихъ, чистенькихъ гризетокъ, но всѣ сильно ошиблись, увидѣвъ вмѣсто молодости и красоты—старость и неблагообразіе крикливыхъ бретонокъ, которыя и говорили такимъ ломанымъ французскимъ языкомъ, что понять было трудно.

Старыя тетки эти словно на лицахъ господъ офицеровъ прочли, что многіе не такихъ прачекъ ожидали... Одна изъ нихъ мигомъ выбѣжала наверхъ и скоро привела молодую, не совсѣмъ некрасивую дѣвушку, очень мило одѣтую, которая и не замедлила, лукаво улыбаясь, упрашивать отдать

бѣлье своей патроншѣ... Но другія старухи тѣмъ временемъ не дремали и многозначительно совали въ руки удостовѣренія отъ господъ русскихъ офицеровъ, прежде посѣщавшихъ Брестъ. Нѣкоторыя удостовѣренія, писанныя по-русски, не лишены были категоричности.

«Такая-то моетъ хорошо, но въ срокъ не привозитъ бѣлья... Не отдавайте ей мыть, господа... Она, вдобавокъ, морда!»

Былъ и такой сертификатъ:

«Къ старой коргѣ можно обращаться по разнымъ дѣламъ, въ коихъ россіянину въ чужомъ городѣ можетъ встрѣтиться надобность. Беретъ за мытье дорого, но у нея прачки молоденькія».

Одна рекомендація гласила:

«Господа, madame Girnaux хоть моетъ бѣлье отвратительно, но совѣтуемъ отдавать ей мыть, ибо въ награду за дурно-вымытое бѣлье вы познакомитесь съ ея племянницей, хорошенькой Мери (19 лѣтъ), брюнеткой съ голубыми глазами, но безъ рекомендаціи своей тетушки ни съ кѣмъ не знакомится».

Надо признаться, что на послѣдній сертификатъ изловилось большинство публики, и надо было видѣть, съ какимъ злорадствомъ другія прачки смотрѣли на госпожу Girnaux, веселую, довольную, уносившую одинъ за другимъ большіе узлы съ грязнымъ бѣльемъ.

И хотя мамзель Клара—живой сертификатъ—и стропила милыя гримаски, но все же не могла набрать столько бѣлья, сколько набрала тетка Girnaux.

— Развѣ отдать Кларѣ бѣлье?—говоритъ одинъ офицеръ другому.

— Бросьте... Точно не видите?.. Чисто кошка.

И сомнѣвающійся мичманъ рѣшительно приказываетъ вѣстовому отдать бѣлье Girnaux, а та приглашаетъ къ себѣ и объясняетъ, что ея племянница...

— О, это чудное созданіе... ее знаютъ всѣ ваши офицеры.

Вотъ и портные пріѣхали; суютъ въ руки свои карточки, другъ передъ другомъ выхваливаютъ свою умѣлость и берутся все шить, что̀ ни потребуется, и скоро, и дешево, и хорошо...

Толкотня въ каютъ-компаніи страшная... Шумъ невыносимый... Въ одномъ углу Антонъ Антонычъ все допытываетъ у Клары, сколько ей лѣтъ... Клара говоритъ, что семнадцать, но Антонъ Антонычъ утверждаетъ (и совершенно спра-

ведливо), что она вретъ, но Клара увѣряетъ, что она не вретъ, что она не стара... молода...

Тутъ кто-то съ портнымъ торгуется, и торгующійся входитъ въ азартъ; а у каюты вѣстовой Ворсунька ругаетъ m-me Girnaux за то, что она по-русски считать не умѣетъ.

— Вѣдьма французская... Ну, считай!.. Одна рубаха, двѣ... три... четыре... пять...

И бретонка, ровно попугай, повторяетъ: «одна рубакъ... две... тьри... читырь»... но потомъ сбивается, продолжаетъ: cinq, six...»

— Опять загалдѣла по-собачьи... Ишь бормочетъ... и не понять... Ужъ вы, ваше благородіе,—обращается Ворсунька къ своему барину:—съ меня не извольте опосля спрашивать... Я по-ихнему считать не умѣю... Може, бѣлья не достанетъ... я не отвѣтчикъ...

И у матросовъ на палубѣ тоже возня... И тамъ прачки суетятся. У кого изъ ребятъ завелся лишній франкъ, который онъ прогулять не разсчитываетъ,—тотъ отдаетъ мыть свое бѣльишко.

И тутъ есть—и помоложе и попригожѣй другихъ—прачка Жюли, съ которой ребята уже свели знакомство и которую по-дружески зовутъ Жюлькой.

— Ты теперича, Жюлька,—говоритъ марсовой Григорьевъ, хватая шершавой, смолистой пятерней узенькую талію быстроглазой, востроносой Жюли:—бѣлье-то вымой хорошо... Да портки чище... Ишь пропрѣли-то какъ,—суетъ онъ Жюли въ руки свои потемнѣвшіе отъ грязи портки... — Смотри, Жюлька, чтобъ было бонъ!..

— O monsieur... soyez sûr... Un franc la douzaine...

— Да ужъ я знаю, былъ у васъ... Одинъ франокъ дюжина... Валяй!.. Славная, братецъ, энта Жюлька,—обращается Григорьевъ къ подошедшему матросу...

— Шельма! одно слово...

— Ты заштопай, тетка... Мыть берешься и заштопай... понимаешь?.. и рубаху почини... И штаны тоже заштопай... потому деньги не дарма платить...

Такъ въ другомъ углу втолковывалъ старой бретонкѣ одинъ матросъ.

Прачка ничего не понимала и только говорила: — Oui, Oui!..

— Не понимаешь опять?.. Говорю, зачини-отъ бѣлье... Иглой значитъ...

И Макаровъ взялъ свои просмоленные штаны и, ткнувъ пальцемъ въ дыру, показываетъ, что эту дыру зачинить надо.

Бретонка начинаетъ понимать и говоритъ: encore un demi franc...

— Значитъ, полфранка еще, — переводитъ проходившій мимо фельдшеръ.

— Бога ты не боишься... Полъ-франока!.. Ступай, тетя, отколева пришла... другой отдамъ...

И Макаровъ хочетъ взять бѣлье назадъ.

Брѣтонка наконецъ соглашается.

— Ишь аспидка этакая!.. подавай ей полъ-франока, какъ же,—ворчитъ, уходя, матросъ.

— Иванъ Абрамычъ... подите-ка сюда,—зоветъ фельдшера боцманъ Никитичъ...—Что это она говоритъ, будто бы и невдомекъ?..

Фельдшеръ подходитъ и кое-какъ объясняется съ прачкой.

А ребята дивуются, на него глядя, какъ это онъ такъ по-*ихнему* хорошо знаетъ...

— Одно слово жидъ... жидъ всякой языкъ знаетъ,—говорятъ про него.

У рундука стоитъ матросъ, по прозванію «Левка-разбойникъ», получившій эту кличку за буйства, которыя онъ производитъ во хмелю...

Оригиналенъ былъ Левка. Онъ и съ виду на разбойника походилъ... Рыжій, съ изрытымъ отъ оспы, вѣчно суровымъ, задумчивымъ лицомъ, на которомъ, по выраженію остряковъ-матросовъ, «черти въ свайку играли»,—онъ далеко не казистъ, но его глаза,—славные, большіе черные глаза, угрюмо глядящіе исподлобья, иногда поражавшіе своимъ блескомъ, когда онъ вдругъ на кого-нибудь ихъ вскидывалъ,—выкупали неблагообразіе его лица и придавали ему какое-то мрачно-красивое выраженіе.

Леонтій Рябкинъ стоялъ въ раздумьѣ передъ нѣсколькими штуками грязнаго бѣлья, держа въ рукахъ четыре серебряныя монеты.

— Одинъ франокъ,—угрюмо разсуждалъ онъ, взявъ монету изъ одной руки въ другую: — пропью... Другой франокъ... тоже пропью... Третій... не... (тутъ Леонтій ухмыльнулся)... Рази бѣлье помыть на четвертый?...—Леонтій на бѣлье взглянулъ...—Ну его... бѣлье... самъ вымою... И четвертый пропью!—вдругъ рѣшилъ Рябкинъ, собралъ бѣлье въ кучу, сунулъ его въ рундукъ и опустилъ свои четыре франка въ карманъ штановъ.

Скоро всѣ отправились на катерѣ въ городъ... Пріѣхали, конечно, и офицеры прямо въ ресторанъ...

— Обѣдать!

— Рюмку водки!

— Пива!

— Омаровъ!

— Господа, давайте лучше сообща... платить легче...

— Давайте!

Гарсоны едва успѣваютъ подавать и, вѣрно, глядя на насъ, полагаютъ, что мы сутокъ трое не ѣли, ибо съ такою алчностью мы уписывали все, что̀ ни попадалось.

На томъ столѣ, гдѣ мы обѣдали, черезъ полчаса явился пепелъ... пятна отъ пролитаго пива и вина... Болтали и шумѣли мы такъ, что изъ сосѣдней комнаты съ удивленіемъ выглянули на насъ два французика, но, увидѣвъ насъ, сейчасъ же скрылись.

— Господа! — вскрикнулъ кто-то: — господа... Насъ обозвали эти французы...

— Полноте!—вмѣшиваются всѣ разомъ:—никакъ они насъ не обзывали...

— А все бы ихъ надо разнести!..

— Тише... господа... тише...

— Что-жъ омаровъ не даютъ? — кричатъ съ одного конца:—омаровъ!!!

— Monsieur? — подлетаетъ гарсонъ...

— Омаровъ!

Несутъ и омары...

Въ это время являются какіе-то два французскіе поручика и любезно раскланиваются. Одинъ изъ нихъ заявляетъ, что они, узнавъ, что русскіе офицеры—эти храбрые русскіе—здѣсь, возгорѣли желаніемъ познакомиться—«тѣмъ болѣе,—продолжаетъ ораторъ:—что Франція и Россія... о!.. эти двѣ великія націи чувствуютъ другъ къ другу симпатію... Въ Крыму мы были враги по необходимости, но друзья по принципу».

Они наговорили много комплиментовъ, кто-то изъ насъ началъ отвѣчать, крикнувъ передъ этимъ шампанскаго.

И пошла попойка, и пошли рѣчи!

Чего ужъ тутъ ни говорилось, какихъ тостовъ ни предлагалось...

— Куда-жъ, господа, послѣ обѣда? — спрашиваемъ другъ у друга, когда кофе съ достаточнымъ количествомъ рюмокъ коньяка было выпито.

— Въ театръ пойдемъ...

Шумной большой ватагой всѣ отправились въ театръ и вернулись на корветъ съ разсвѣтомъ.

Дня черезъ два послѣ прихода корвета въ Брестъ отпу-

стили и команду на берегъ... «Первая вахта на берегъ!»— скомандовалъ послѣ обѣда боцманъ Никитичъ...

Довольные, что наконецъ вернутся съ судна на землю, пошли одѣваться матросы. Скоро они вышли наверхъ въ чистыхъ щегольскихъ рубахахъ, причесанные, съ нѣсколько отмытыми смолистыми руками.

— Смотри, ребята... держись одной кучки,—говорилъ кто-то человѣкамъ пяти матросамъ:—чтобы вмѣстѣ вездѣ... И въ кабакъ вмѣстѣ... и гулять вмѣстѣ.

— Аѳанасей... сколько у тебя франоковъ?—спрашиваетъ Макаровъ Аѳанасія.

— Два... братъ...

— Дай полфранока...

— Зачѣмъ?

— Дай, говорю...

— Да зачѣмъ?..

— Пропить...

— Пропить?

— Говорятъ, пропить... нешто не слышишь?..

— А я-то что? Нешто ужъ и я не человѣкъ?

— Съ тебя хватитъ.

— Не дамъ, Макаровъ, я тебѣ полфранока... Лучше вмѣстѣ пойдемъ... угощу.

— Смотри, Аѳанасей, угости...

— Сказано, пойдемъ... Погуляемъ... Только держись,—и Аѳанасій даже языкомъ прищелкнулъ отъ будущаго удовольствія.

— Вы, ребята, наперво куды?... — спрашиваетъ одинъ матросъ товарищей.

— Мы, братцы, въ лавки...

— Что покупать?..

— Надоть рубаху... Вотъ Ѳедоровъ тоже штаны хочетъ торговать!..

— Купи, братецъ, мнѣ ножъ!

— А вы-то что сами?..

— Мы въ кабакъ... Гуляй, значитъ, душа...

— Такъ тебѣ ножъ купить?..

— Купи, ребята, кто-нибудь...

— А деньги?..

— Да вѣдь вы въ лавки?..

— Ну...

— Пить не станете?..

— По шкалику рази...

— А я, значитъ, гуляю... все пропью...

— А ножъ?

— Купи на свои... Опосля отдамъ, потому теперь я гуляю... А вы, значитъ, въ лавки...

Боцманъ Никитичъ надѣлъ тонкую рубаху съ батистовымъ передомъ, щегольски повязалъ черный шелковый галстукъ съ длинными концами; на грудь повѣсилъ свою дудку на серебряной цѣпи, шапку лихо надѣлъ немного на затылокъ и вышелъ наверхъ, держа въ рукахъ носовой платокъ, который между прочимъ онъ взялъ болѣе для форсу, ибо и при платкѣ онъ по привычкѣ сморкался классически, т. е. помощью двухъ пальцевъ.

— Гляди, ребята... боцманъ-то... раскуражился...

— Форситъ... неча сказать...

— А вѣдь упьется?..

— Звѣстно упьется. Кажинный разъ въ-лёжку привозятъ...

Никитичъ бесѣдовалъ съ «чиновниками», съ фельдшеромъ, писаремъ и другими унтерами, съ которыми вмѣстѣ собирался ѣхать на берегъ...

Франтъ нашъ фельдшеръ все упрашивалъ сперва по улицамъ гулять.

— Или, Степанъ Никитичъ,—вмѣшался писарь Мухинъ:—въ садъ пойдемте гулять... Вѣрно, въ городѣ садъ есть. Нельзя безъ саду...

— Да што въ саду-то?—говоритъ Никитичъ.

— Все же благородное развлеченіе.

— По-мнѣ въ трактиръ сперва...

— Въ трактиръ послѣ сада...

Однако Никитичъ не соглашался... И другіе унтера не соглашались.

— Иванъ Васильичъ,—обратился фельдшеръ къ Мухину, когда боцманъ и унтера куда-то пошли:—пойдемте гулять одни. Что съ ними гулять!..

— Конечно, Иванъ Абрамычъ...

— Они никакихъ чувствъ не имѣютъ... Только бы имъ напиться. Извѣстно, матросъ!..

— И еще пристыдятъ насъ.

— А мы, Иванъ Васильевичъ, благородно погуляемъ, зайдемъ въ лавки, а послѣ въ театръ... мы вѣдь не они...

— А въ садъ?..

— И въ саду погуляемъ.

Писарь и фельдшеръ рѣшили отдѣлиться отъ Никитича и время провести болѣе благородно, чѣмъ проведетъ его Никитичъ съ компаніей.

«Левка-разбойникъ» былъ мрачнѣе обыкновеннаго. Онъ всегда былъ мраченъ передъ тѣмъ, что напивался. Въ раз-

думьѣ ходилъ онъ взадъ и впередъ по баку и изрѣдка щупалъ свои четыре франка, спрятанные въ карманѣ. На его лицѣ явилась самая презрительная улыбка, когда онъ услыхалъ разговоръ писаря съ фельдшеромъ. Онъ быстро вскинулъ на нихъ глаза и потомъ такъ же быстро опустилъ ихъ и только сказалъ: «сволочь».

Леонтій рѣзко отдѣлялся отъ прочихъ... Постоянно молчаливый, угрюмый, особнякомъ сидѣлъ онъ за какой-нибудь работой, и хорошо, легко какъ-то спорилась работа въ его могучихъ, крѣпкихъ рукахъ... Говорилъ онъ съ другими мало, да и вообще съ нимъ, зная его суровый нравъ, рѣдко кто и заговаривалъ... Относились же всѣ къ нему съ уваженіемъ, а боцманъ даже съ нѣкоторымъ заискиваніемъ, потому что Леонтій былъ золото-матросъ изъ баковыхъ... Бывало, крѣпитъ парусъ въ свѣжій вѣтеръ, такъ любо глядѣть на него, безстрашнаго, вѣчно-спокойнаго, не суетящагося, разумно и толково дѣлающаго дѣло...

— Угрюмый человѣкъ!—говорили про него матросы.

— Чудакъ,—говоритъ боцманъ, но побаивается Леонтія, потому Леонтій шутить не любитъ, а коли обидятъ его понапрасну, то онъ обиды не стерпитъ.

На корветѣ Рябкинъ водки не пилъ. Онъ, кажется, мало ея пить не любилъ... Зато на берегу пилъ до безпамятства и сильно буйствовалъ. Почти всегда на корветъ привозили его мертвецки-пьянымъ и со шлюпки подымали на веревкѣ.

Еще мрачнѣе, еще суровѣе на другое утро бывалъ Леонтій и, будто совѣстясь, не подымалъ глазъ, если кто изъ начальства съ нимъ заговаривалъ...

Офицеровъ, что̀ съ матросами заводили разговоры отъ нечего дѣлать, Леонтій не любилъ... Я это зналъ и, несмотря на все мое желаніе узнать кое-что о его прошлой жизни, самого его никогда не спрашивалъ, будучи увѣренъ, что онъ и мнѣ отвѣтитъ такъ же, какъ отвѣтилъ одному изъ корветскихъ офицеровъ.

— Что̀ ты, Рябкинъ, все скучаешь?—спросилъ его однажды одинъ мичманъ.

Леонтій только вскинулъ глазами и продолжалъ строгать блочекъ...

— Что̀, скучно по Кронштадту, что ли?..

— А вамъ отъ этого легче станетъ, коли я скажу, ваше благородіе?

— Я такъ... узнать хотѣлъ...

— Нечего и узнавать, ваше благородіе,—угрюмо отвѣчалъ Леонтій, и мичманъ отошелъ прочь.

Леонтій былъ прямой человѣкъ и фальши въ другихъ терпѣть не могъ... Самъ обидъ не переносилъ и другихъ никогда не обижалъ. Напротивъ, молодыхъ матросовъ изъ рекрутъ защищалъ всегда отъ нападокъ и глумленій старыхъ.

Живо запечатлѣлась у меня слѣдующая сцена.

Вошли мы въ Нѣмецкое море. Вѣтеръ былъ изрядный, качка сильная... Нѣкоторые изъ матросовъ, впервые попавшіе въ море и не успѣвшіе еще привыкнуть ко всѣмъ суровостямъ морской службы, струхнули порядочно... Одинъ изъ рекрутовъ,—молодой такой, славный матросъ лѣтъ 20-ти, съ необыкновенно симпатичной физіономіей,—сидѣлъ, прижавшись къ баркасу, и, блѣдный, печальный, со страхомъ глядѣлъ на высокія волны, что̀, словно горы, подымались сбоку и будто залить хотѣли совсѣмъ корветъ...

— Что, ватрушка олонецкая?.. Чай, теперь и маменьку съ тетенькой вспомнилъ,—глумился надъ нимъ Куличковъ, матросъ изъ кантонистовъ.—Что, трусишь?

— Страшно... Волна вздымается-те какъ... И нутро мутитъ,—оправдывался новичокъ...

— Эхъ, баба ты!.. Вотъ я боцману скажу... онъ тебя на марсъ пошлетъ. Тамъ те растрясетъ.

— Не трожьте, дядя!..

— Ну, дай чарку за тебя.

— Пейте, что̀ теперь водка...

— Я те дамъ водки, шкура ты барабанная, учебная крыса... Что̀ молодого обижаешь?.. Смотри, Куличковъ!..

И сказавшій это Леонтій такъ взглянулъ на Куличкова, что тотъ только пробормоталъ:

— Я вѣдь шучу...

— Такъ впередъ не шути!.. А ты чего спужался, матросикъ, аль страшно?.. Привыкнешь, паря, обтерпишься,—ласково вдругъ заговорилъ Рябкинъ.

— Противно мнѣ... море-то... дядя...

— Зови меня, матросикъ, Левонтьемъ. Какой я тебѣ дядя?.. А что противно, такъ оно всякому спервоначалу-то противно...

— Тяжело терпѣть, Левонтій,—грустно сказалъ Василій.

— А что?

— Тоже жалко своихъ... мать-то... какъ, и опять Апроська... первой годъ женился.

Василій безнадежно махнулъ рукой, а Леонтій ласково глядѣлъ своими выразительными глазами на молодого рекрута и немного погодя сказалъ:

— Ты, Вася, коли что̀ тамъ съ работой не справишься,

у меня спроси... Да не робѣй, братъ. А кто обиждать захочетъ, спуску не давай... Что, аль опять мутитъ?..

— Мутитъ, Левонтій,—какъ смерть блѣдный, отвѣчалъ первогодокъ-матросъ...

— Пойдемъ, братъ, сухаря съѣшь...

И онъ заботливо свелъ матроса на палубу.

Потомъ Леонтій такъ привязался къ молодому матросу, что обида Василію была и ему обидой. Словно нянька ходилъ онъ за нимъ, и черезъ два мѣсяца изъ него вышелъ такой лихой матросъ, что Леонтій, глядя, бывало, какъ Василій безстрашно крѣпитъ брамсель въ свѣжій вѣтеръ, улыбался, и лицо его свѣтлѣло.

Леонтій мало говорилъ съ своимъ любимцемъ на корветѣ. Онъ разговора не любилъ, но на дѣлѣ показывалъ привязанность своей любящей натуры и ласково выслушивалъ нехитростныя воспоминанія молодого матроса, даже сочувственно улыбался, когда молодой матросъ такъ порывисто, такъ горячо разсказывалъ о молодой Апроськѣ.

Подъ пьяную руку Леонтій былъ словоохотливѣе.

На берегу онъ былъ всегда вмѣстѣ со своимъ фаворитомъ, но пить его не пріучалъ.

— Што толку-то въ нее... въ эфтой водкѣ-то; не пей, Вася, никогда не пей... Гадость она!.. Не съ добра ее пьютъ,—угрюмо говорилъ Леонтій и залпомъ выпивалъ стаканъ крѣпкаго спирта.

Какъ попалъ Леонтій въ рекруты, объ этомъ въ подробности не зналъ никто. Знали только, что онъ пошелъ изъ дворовыхъ. Да еще молва по корвету ходила, будто любовишка какая-то скрутила Леонтія, что прежде онъ не такой былъ.

Случай привелъ меня узнать кое-что про его прошлое отъ него самого же въ одномъ изъ брестскихъ кабаковъ.

Знаете ли что, читатель! Много, очень много тяжелаго и трагическаго подчасъ бываетъ въ жизни матроса.

Съ виду, кажется, благоденствуетъ матросъ—и сытъ и одѣтъ, будто и веселъ, пѣсни по вечерамъ поетъ, а вглядитесь поглубже, прислушайтесь иногда темной ночью, сидя на вахтѣ, какъ какой-нибудь молодой матросъ про свою деревню разсказываетъ, или какъ старикъ-матросъ клянетъ идола экипажнаго командира, отъ котораго онъ просился на три года въ «дальнюю»... «безвѣстную»...

Не всякому русскому матросу радостно дальнее плаванье. А онъ и туда даже самъ иной разъ просится... Знать, ужъ больно солоно пришлось отъ чего-нибудь. Одного жена без-

жалостная погнала въ «дальнюю»... «Скопи мнѣ, молъ, денегъ»... Другого, какого-нибудь безотвѣтнаго, били да пороли до того, что даже и терпѣливый русскій матросъ не стерпѣлъ и пошелъ проситься въ «кругосвѣтку», надѣясь, что въ плаваніи легче будетъ...

И терпитъ все матросъ. И бурю терпитъ, и вѣтеръ и дождь терпитъ... И работаетъ онъ трудную работу, крѣпитъ, качаясь надъ океаномъ, паруса въ свѣжую погодку; не досыпаетъ ночей; вѣчно находится въ опасности... И сноситъ все это онъ, и только вымѣщаетъ накипѣвшую досаду на водкѣ, да развѣ въ пѣснѣ у него изъ груди вырвется иногда такая надрывающая нотка, что насквозь проберетъ иного любителя русскихъ пѣсенъ.

Я былъ назначенъ въ Брестѣ ѣхать съ людьми на берегъ.

— Сажай-ка людей на шлюпку,—сказалъ я боцману.

— Ну, живо на шлюпку... Вались, кто на берегъ!—скомандовалъ Никитичъ.

Скоро полонъ-полнешенекъ баркасъ отвалилъ отъ борта. Только-что пристали къ пристани, матросы бросились изъ шлюпки и пошли гулять.

Наполнились кабаки, оживились... Въ какой-нибудь французской бюветкѣ русскій матросикъ закатываетъ, лихо упершись рукой въ бокъ: «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ», а другіе подтягиваютъ и постукиваютъ стаканчиками. Слушаютъ французскіе солдаты русскую пѣсню, спьяна восхищаются и лѣзутъ цѣловаться. Матросъ непрочь цѣловаться (онъ уже самъ пьянъ) и велитъ подать еще водки...

И пьютъ и галдятъ матросики...

— А я не спущу, не спущу ему,—вопитъ Макаровъ, насчетъ Аѳанасія угостившійся: — потому онъ не смѣетъ драться. За что-жъ?.. Посуди ты самъ, Аѳанасей... И рази онъ смѣетъ?..

Аѳанасій не понималъ, въ чемъ дѣло, однако отвѣчалъ:

— Шиби... и ты—чортова голова—шиби!..

— Давай, Аѳанасей, шибить!..

И они расшибли два стаканчика.

— Есть въ тебѣ... што ли, совѣсть?—допрашивалъ одинъ матросъ.

Французъ только моргалъ глазами...

— Ну и пей, французская морда! Пей, не куражься!..

И матросъ суетъ французу цѣлый стаканъ голаго спирта.

Тотъ въ испугѣ таращитъ глаза.

Въ небольшой кофейной сидятъ за столомъ Леонтій и Василій.

Я вошелъ и сѣлъ въ сторонкѣ, друзья меня не замѣтили.

— И полюбилъ я тебя, Вася... Потому видѣлъ... душа въ тебѣ... Безъ души человѣкъ што!.. И знаешь, што я тебѣ скажу?.. Такъ я и Сашку-варварку полюбилъ... Была въ ей душа!..

Леонтій остановился.

— Повадился ходить къ ей... Вижу, не противенъ... меня слушаетъ,—я и рѣшилъ... «Пойдешь, говорю, Сашка, за меня замужъ?» Удивилась... посмотрѣла такъ на меня... «Не могу, говоритъ, Леонтій Иванычъ. Хоша, говоритъ, я васъ почитаю, но и приверженности настоящей нѣтъ,—я къ другому имѣю приверженность!»

— Ишь ты!—воскликнулъ молодой матросикъ.

— Кто же этотъ злодѣй, скажи ты мнѣ, говорю, чтобы я ему скулы сворotилъ!.. Такая это меня злость взяла...—«Не скажу, говоритъ...» а сама такъ листомъ трясется, потому видитъ злость эту мою. — Скажи да скажи, — пристalъ я къ ней:—ничего, молъ, не сдѣлаю!..—«Лексѣевъ,—отвѣчаетъ:—фершалъ 9 экипажа! Вы, Леонтій Иванычъ, бережите, говоритъ, слово, а то грѣхъ...» Что мнѣ грѣхъ... коли все нутро ѣстъ! Ушелъ это я отъ нея, да въ кабакъ... Оттель къ фершалу и давай его бить... И билъ я его... билъ плюгаваго фельдшеришку, поколь сердце не отошло... Замертво оставилъ... Выдрали меня и разжаловали... былъ я, братъ, и унтеромъ!—усмѣхнулся Леонтій.—И стало мнѣ легче быдто, какъ я спакосничалъ Сашкѣ-то... Опосля встрѣтилъ этто я ее на улицѣ... Она отвернулась и плюнула, а мнѣ—словно бѣсъ радуетъ какой. «Видѣли, говорю, вашего миленькаго?.. живъ, что-ль, еще?..» Ничего не отвѣтила, словно отъ чумы прочь пошла.... Черезъ годъ ушелъ я изъ Кронштадта. Опоскудѣла жисть-то.

Левка вдругъ вытянулъ свою могучую руку и что есть силы хватилъ по столу. Зазвенѣли на полу стаканы... Подлетѣлъ гарсонъ... Леонтій досталъ франкъ и швырнулъ гарсону.

Скоро Рябкинъ былъ совсѣмъ пьянъ и ровно снопъ повалился на полъ....

— Вяжи меня, Вася, вяжи... не то убью!—кричалъ онъ.

Подошли еще матросы съ улицы. Леонтія связали, положили въ шлюпку и на веревкѣ подняли на корветъ...

Кричалъ онъ цѣлую ночь; грозился кому-то, говорилъ, что правды на свѣтѣ нѣтъ и матросъ безвинно терпитъ. Наконецъ онъ заснулъ. На утро, проснувшись, онъ цѣлый день ни съ кѣмъ не говорилъ.

Впослѣдствіи Рябкинъ спился совсѣмъ, и, когда корветъ

пришелъ въ Николаевскъ-на-Амурѣ, его списали съ корвета и перевели въ Сибирскій экипажъ.

Послѣ этого я еще разъ видалъ Леонтія. Сказывали мнѣ матросы, что пьянствовалъ онъ шибко... И драли его шибко, да розги его не брали. Выпорютъ его,—онъ встанетъ и снова пьетъ; все пропиваетъ...

А корветъ уже готовился оставлять Брестъ... Перваго декабря 1860 г. онъ былъ совсѣмъ готовъ къ уходу, и послѣ полудня, отсалютовавъ крѣпости, выходилъ съ рейда, чтобъ идти далеко-далеко и долго не видать Европы.

Первые дни океанъ не пугалъ. Погода стояла отличная. Одно худо: противный вѣтеръ заставлялъ лавировать и подвигаться миль по 30-ти въ сутки. Океанская качка ужъ и не безпокоила никого. Качка Нѣмецкаго моря пріучила ко всѣмъ качкамъ.

Но вотъ 10-го декабря заревѣлъ вѣтеръ... И пошелъ авралъ *). Раздался свистокъ и вслѣдъ за нимъ зычный боцманскій окрикъ:

— Пошелъ всѣ наверхъ третій рифъ брать!

Вѣтеръ не шутитъ. Заревѣлъ онъ на просторѣ и застоналъ въ снастяхъ.

Океанъ словно разсердился,—вспѣнился. Забурлилъ и гонитъ высокія волны, сѣдые гребешки которыхъ бѣшено разбиваются въ серебристую пыль о бока корвета.

Словно птица морская летитъ корветъ... Нѣтъ ему препятствія... Граціозно, легко подымается онъ на волнистую гору и снова опускается, имѣя ее уже за кормой... Только дрожь какая-то идетъ по всему судну, да духъ захватываетъ у непривычнаго, если за бортъ посмотрѣть... Одна пѣна, густая пѣна сердито клокочетъ сбоку.

Словно бѣшеные, бросаются матросы наверхъ... Разсыльный врывается въ каютъ-компанію, всѣхъ наверхъ», говоритъ, и самъ летитъ наверхъ. Все бѣжитъ сломя голову... Для не-моряка показалось бы, что судно ко дну идетъ... такая суматоха.

Андрей Ѳедосѣичъ, старый лейтенантъ, изъ породы тѣхъ, которые любятъ матроса и въ то же время непрочь его побить, несется на бакъ, на-лету надѣваетъ пальто и еще со шканецъ кричитъ, простирая руки къ небесамъ: «на мѣстахъ стоять!», не замѣчая въ усердіи къ службѣ, что всѣ на мѣстахъ стоятъ...

---

*) *Авраломъ* называется такая работа на кораблѣ, которая требуетъ присутствія наверху всего экипажа.

Все идетъ хорошо... Обезьянами взбѣжали матросы по марсамъ и расползлись по реямъ. Работа у нихъ кипитъ... Они дѣлаютъ свое трудное матросское дѣло и изрѣдка промежъ себя безъ всякой злобы переругиваются.

Офицеры стоятъ внизу, и отъ нетерпѣнія многихъ словно трясучка беретъ. Они покрикиваютъ, да подчасъ въ припадкѣ служебности и прошипятъ сквозь зубы: «Петровъ... ахъ ты...», но фразы не доканчиваютъ, ибо недавно только-что приказъ капитанскій вышелъ, запрещающій къ службѣ не идущія окончанія.

Крѣпятъ паруса и... о ужасъ! У фокъ-мачты одна веревочка, махонькая такая веревочка, нейдетъ... Ужъ Андрей Ѳедосѣичъ простеръ къ небесамъ руки, но пока еще крѣпится. И только въ безмолвіи кажетъ изрядный кулакъ на марсъ... А веревка, чтобы ей пусто было, словно нарочно нейдетъ.

Въ этотъ-то злосчастный моментъ—моментъ, многимъ морякамъ знакомый, раздается крикъ:

— На бакѣ! Что дѣлаютъ?.. Отчего снасть не идетъ?..

Андрей Ѳедосѣичъ напускается на Никитича.

— Ну, ужъ и боцманъ!.. Чего смотришь?.. Смотри, смотри же!—пустилъ Андрей Ѳедосѣичъ fortissimo.

Наконецъ терпѣніе Андрея Ѳедосѣича лопается, и онъ шумно забываетъ недавній приказъ объ окончаніяхъ, къ службѣ не идущихъ.

Никитичъ только сплюнулъ на сторону и самъ, по окончаніи выговора, сталъ ругаться направо и налѣво (больше для очистки совѣсти), выдѣлывая такія замысловатыя и чисто артистическія варіаціи на тему поминанія родственниковъ, которыя, конечно, незнакомы сухопутному жителю и въ которыхъ моряки дошли до виртуознаго совершенства.

Изругавъ родственниковъ и ближайшихъ знакомыхъ и унтеръ-офицера Матвѣича, что подъ руку подвернулся, ни въ чемъ неповиннаго въ веревочкѣ, Никитичъ снова сплюнулъ и засвисталъ по-соловьиному въ дудку.

Матвѣеву, въ свою очередь, захотѣлось на комъ-нибудь потѣшиться. «За что мнѣ-то попало!» Онъ взбѣжалъ на марсъ, далъ незамѣтнаго стрекача молодому матросу Гаврилкѣ, виновному, что не шла снасть, и, сорвавъ такимъ манеромъ сердце, незамѣтно же сошелъ внизъ.

Почесался Гаврилка... Нельзя было сорвать ему сердце на предметѣ одушевленномъ (а ужъ какъ хотѣлось!), и онъ сперва выругалъ на чемъ свѣтъ стоитъ бѣдную веревку и только тогда ее раздернулъ.

— А ты что драться лазилъ?—замѣчаетъ Андрей Ѳедосѣичъ.

— Согрѣшилъ, ваше благородіе, просто сами на грѣхъ наводятъ.

— Согрѣшилъ... Ахъ ты, подлая шкура,—сурово замѣчаетъ стоящій сбоку Леонтій.

— Ты, смотри, не драться... А то просушу... Слышишь?

— Да помилуйте, ваше благородіе. Я-то что же одинъ терпѣть буду?—жалобно говорилъ Матвѣевъ:—меня-жъ обфилатили... а я ужъ и не смѣй... Они за все подводятъ.

— Ну... Терпи!

— Не стерпишь,—подъ носъ себѣ ворчитъ унтеръ-офицеръ и уходитъ.

Но, увидѣвъ, что Андрей Ѳедосѣичъ ушелъ, онъ не могъ удержаться (такъ велика привычка), чтобы не показать отошедшему Гаврилкѣ хоть издали кулака; потомъ подошелъ къ нему и сказалъ:

— А ужъ ты, швандырь окаянный!.. Смотри!.. Скажи. варваръ ты этакой, за тебя я нешто отвѣты принимать должонъ? Погоди, голубчикъ... усахарю...

— Чего усахаришь-то?

— Ужо припомню,—шипитъ змѣей унтеръ-офицеръ:—припомню, голубчикъ, припомню, лѣнтяйка вологодская... припомню.

— Ну, чаво вы пристали-то... Матвѣичъ?

— Не разговаривать!—крикнулъ офицеръ и обернулся.

Матвѣевъ юркнулъ за мачту.

— Что, братъ,—съ участіемъ тихо шепчутъ Гаврилѣ другіе матросы:—отошло?

— Отошло, братцы,—говоритъ Гаврила, махнувъ рукой, и идетъ снасть тянуть.

— Андрей Ѳедосѣичъ!.. Андрей Ѳедосѣичъ!.. Посмотрите, ради Бога,—кричитъ шканечный офицеръ: — контра-брасъ у васъ не тянутъ!..

Голосъ и лицо этого офицера выражаютъ такую искреннюю грусть и такое отчаяніе, что не-морякъ подумалъ бы, что онъ о пособіи проситъ, говоря, что, молъ, малыя дѣти съ голоду умираютъ. Но морякъ въ душѣ, конечно, пойметъ все это отчаяніе и грусть...

Рифы взялись благополучно... «Подвахтенные внизъ!»—скомандовалъ старшій офицеръ.

Матросы (невахтенные) тоже сошли на палубу.

— Ужъ какъ ты, Гаврилка, прозѣвалъ... просто не знаю... Тресъ я тебѣ, тресъ снасть-то... ровно ослѣпъ ты, право.

— Какое ослѣпъ... видать-то видалъ я, что надо ее раздернуть, да думаю... сама, подлая, раздернется... а она, каторжная, и не раздернулась... Подъ марсомъ, выходитъ, зафлю... Какъ не замѣтить-то!—поясняетъ Гаврилка.—А ужъ я Матюшкѣ-подлецу не спущу... Съѣздилъ... хоша и не больно, а съѣздилъ... Еще, говоритъ, припомню... Ишь, раскуражился!

— Ну его къ Богу, Гаврилка... Ишь толчки считать вздумалъ.

— Ужо съѣдемъ на берегъ... взмылю его... право, взмылю...

— Ну, ужъ и взмылишь... врешь!

— А нешто не взмылю. Хайло ему начищу!

— Ты что тутъ раскричался!—замѣчаетъ боцманъ, проходя мимо.

— Да какъ же, Никитичъ... за что Матвѣевъ обидѣлъ понапрасну... Нынѣ и господа не дерутся, а тутъ всякой въ рожу лѣзетъ, ровно въ свою.

— Ну, говори!.. Что-жъ и не лѣзть!.. Съ вашимъ братомъ иначе нельзя. Надо когда и въ рожу.

Тѣмъ и кончилось все дѣло.

Скоро забылись непріятности авральной работы, и по всѣмъ уголкамъ палубы пошли разговоры... лясы матросскія...

Гаврила уже разсказывалъ, какъ онъ проводилъ въ отпуску время... Около него составился порядочный кружокъ.

— Ты, Гаврилка, сказывай, какъ ублажали-то тебя... въ деревнѣ, когда на побывку ходилъ.

— Извѣстно... ублажали... Потому рази матросъ — солдатъ... Солдатъ что? Только и знаетъ дѣловъ, что «на плечо», да «на караулъ», да «здравія желаемъ»... а ты теперь сумѣй брамсель крѣпить да лотъ кинуть... И нешто понимаетъ онъ, что такое лотъ?.. Опять не понимаетъ, потому солдатъ, и гдѣ ему это понять?.. Пришелъ я, братцы, въ село наканунѣ самаго Миколина дня... Прямо вошелъ въ избу... Почали охать да охать... Охъ, Гаврилко, да какой ты, говорятъ, куцый да поджарый сталъ... ровно тебя не кормили, говорятъ, долго... Мать сдуру въ слезы... Бабье и ну ревѣть... Не кормили да не кормили... Однако что съ ними дѣлать станешь — извѣстно, деревня! Сходилъ я, братцы, въ баню — знатно выпарился, опосля наѣлся и легъ спать... Наутро въ церкву... Какъ есть въ новомъ казакинѣ, при медали... Ну, извѣстно, почетъ... Дѣвки на тебя глядятъ... ребятишки за тобой бѣгутъ: «кавалеръ да кавалеръ»... Опять наѣлся до-отвалу и выпилъ... Стали спрашивать и дивиться... «Ты скажи да скажи, Гаврилка, какъ это тамъ у васъ на морѣ?» — Извѣстно, говорю, на морѣ

какъ... Теперче выдетъ, говорю, приказъ собираться въ кампанію... Возьмешь, говорю, свои потроха и переберешься на корабль... Ну, извѣстно, дивуются... «Какъ, говорятъ, на кораблѣ-то?»—Ну, скажешь, какъ на кораблѣ. Порядокъ, скажешь, и ежели ты какую снасть теперче не отдалъ, либо не раздернулъ — бьютъ, сказываю. — «Бьютъ нешто за веревку?»—спрашиваютъ. За все бьютъ, и ежели, говорю, ты не выскочилъ, когда всѣхъ наверхъ засвистали... опять же бьютъ!.. И поднялся, братцы мои, мужицкій хохотъ!.. «Какъ, говорятъ, свищутъ?» — Ну, сказалъ имъ. Такъ, молъ, и свищутъ... «А што, страшно, спрашиваютъ, на окіянѣ?»—Говорю, не былъ я на окіянѣ, а што въ морѣ, говорю, страшно, опять потому, когда штурма бываетъ... Такъ, братцы, сперва просто мочи не давали... Все ты имъ скажи да разскажи... И какое-такое море, и какъ вѣтеръ въ паруса дуетъ, и часто ли тебя порютъ, и какъ офицеры живутъ... Ну, опосля перестали спрашивать... И пошла же мнѣ, братцы, жисть... Потому лежи себѣ.

— А бабы?..

Тутъ Гаврилка только усмѣхнулся.

А въ другомъ уголкѣ старикъ разсказывалъ объ одномъ матросѣ, который на линьки «былъ сносливъ».

— Драли его часто... Да не брало ужъ... Бывало, дадутъ ему съ сотню, а онъ одѣнется да и спрашиваетъ, и такъ это спрашиваетъ, словно и не дранъ: «а что, братцы, скоро обѣдать-то?» Капитанъ узналъ, значитъ, объ эфтомъ, и бросили его драть.

— Заговоръ какой зналъ...—замѣчаетъ молодежь.

— Небось, съ чортомъ связался!.. Эхъ, дуралье!.. Просто шкура пообилась!—замѣчаютъ старые.

И въ такомъ родѣ шли бесѣды далеко на океанѣ...

И хотя вѣтеръ не стихалъ, и хоть корветъ сильно качало, однако все это не мѣшало и въ каютъ-компаніи одному изъ товарищей нашихъ играть на фортепіано, а другимъ преспокойно слушать, вовсе не думая ни о вѣтрѣ, ни о качкѣ. Конечно, кто былъ на вахтѣ, тому было скверно... а кто внизу—что тому, кромѣ развѣ скуки?..

Дня черезъ три стихъ вѣтеръ. Развели пары, и корветъ взялъ курсъ на Мадеру.

МАТРОСКА.

I.

Жадно, бывало, заглядывались матросы, возвращаясь небольшими кучками съ работъ въ военной гавани, на молодую, пригожую и свѣжую, какъ вешнее утро, жену рулевого Кислицына, Груню. При встрѣчахъ съ нею почти у каждаго изъ нихъ точно свѣтлѣло на душѣ, радостнѣй билось сердце, и невольная ласковая улыбка озаряла лицо.

И когда она, степенная, сосредоточенная и серьезная, проходила мимо, не удостоивъ никого даже взглядомъ, многіе съ чувствомъ обиды и въ то же время восхищенія смотрѣли вслѣдъ на крѣпкую и гибкую, хорошо сложенную, маленькую фигурку матроски, которая быстро шагала, слегка повиливая бедрами.

И нерѣдко кто-нибудь восторженно замѣчалъ:

— И что за славная эта Груня!

— Ддда, братецъ ты мой, баба!—сочувственно протягивалъ другой.—Но только ее не облестишь... Ни Боже ни!—не то съ досадой, не то съ почтеніемъ прибавлялъ матросъ.—Матроска правильная... честная... Не похожа на нашихъ кронштадтскихъ... Она кому угодно въ ухо съѣздитъ.

— Прошлымъ лѣтомъ одного лейтенанта такъ угостила, что морду-то у его ажно вздуло!—со смѣхомъ проговорилъ кто-то.

— За что это она?

— А вздумалъ, значитъ, лейтенантъ ее подъ микитки... Чортъ!

— Вотъ такъ ловко! Ай да молодца Грунька!—раздавались одобрительныя восклицанія.

Дѣйствительно въ Грунѣ было что-то особенно привлекательное.

Даже кронштадтскіе писаря, подшкиперы и баталеры, любители и поклонники, главнымъ образомъ, адмиральскихъ нянекъ

и горничныхъ, понимающихъ деликатное обращеніе и щеголявшихъ въ шляпкахъ и кринолинахъ,—и тѣ не оставались къ ней презрительно равнодушны. Побѣдоносно закручивая усы, пялили они глаза на эту бѣдно одѣтую матроску съ приподнятымъ подоломъ затасканной юбки, открывавшимъ ноги, обутыя въ грубые высокіе сапоги, въ старомъ шерстяномъ платкѣ на головѣ, изъ-подъ котораго выбивались на бѣлый лобъ прядки свѣтло-русыхъ волнистыхъ волосъ.

Но все какъ-то необыкновенно ловко сидѣло на Грунѣ. Въ щепетильной опрятности ея бѣднаго костюма чувствовалась инстинктивная кокетливость женщины, сознающей свою красоту.

При видѣ хорошенькой матроски, господа «чиновники», какъ зовутъ матросы писарей и разныхъ нестроевыхъ унтеръ-офицеровъ, отпускали ей комплименты и, шествуя за ней, громко выражали мнѣніе, что такой, можно сказать, красавицѣ по-настоящему слѣдовало бы ходить въ шляпкѣ и бурнусѣ, а не то что чумичкой... Только пожелай...

— Какъ вы полагаете, мадамъ? Вы кто такія будете: мадамъ или мамзель?

— Не угодно ли зайти въ трактиръ?.. Мы васъ угостимъ... Любите мадеру?

Вмѣсто отвѣта матроска показывала кулакъ, и господа «чиновники», нѣсколько шокированные такимъ грубымъ отвѣтомъ, пускали ей вслѣдъ:

— Экая мужичка необразованная... Какъ есть деревня!

Не оставляли Груню своимъ благосклоннымъ вниманіемъ, случалось, и молодые мичмана.

Запуская на матроску «глазенапы», они при удобномъ случаѣ преслѣдовали ее и спрашивали: гдѣ живетъ такая хорошенькая бабенка? чѣмъ она занимается? Можно бы ей пріискать хорошее мѣсто. Отличное! Напримѣръ, не хочетъ ли она поступить къ нимъ въ экономки?.. Ихъ всего трое...

— Что ты на это скажешь, красавица?

— Тебя какъ зовутъ?.. Куда ты идешь?

— Прелесть какая ты хорошенькая!.. Безъ шутокъ, поступай къ намъ въ экономки... хоть сегодня... сейчасъ.... И кто изъ насъ тебѣ понравится, тотъ можетъ тебя цѣловать сколько угодно... Согласна?

— Да ты что же, нѣмая, что ли?

Матроска дѣлала видъ, что ничего не слышитъ, и прибавляла шагу. И только ея бѣлое красивое лицо, съ прямымъ, слегка приподнятымъ носомъ, высокимъ лбомъ и строго сжатыми губами, алѣло отъ приливавшаго румянца, и порой въ ея сѣрыхъ, строгихъ глазахъ мелькала улыбка.

Ей втайнѣ было пріятно, что на нее, простую бѣдную матроску, обращаютъ вниманіе даже и господа.

Обыкновенно Груня не отвѣчала ни на какіе вопросы и предложенія уличныхъ ухаживателей.

«Пускай себѣ брешутъ, ровно собака на вѣтеръ!»—думала она и, не поворачивая головы, шла себѣ своей дорогой. Но если ужъ къ ней очень приставали, она внезапно останавливалась и, прямо и смѣло глядя въ глаза обидчикамъ, строго и властно, съ какою-то подкупающею искренностью простоты, говорила своимъ рѣзкимъ, низкимъ голосомъ:

— Да отвяжитесь, безстыдники! Вѣдь я мужняя законная жена!

И, невольно смущенные этимъ открытымъ, честнымъ взглядомъ, полнымъ негодованія, безстыдники поворачивали оглобли, рискуя въ противномъ случаѣ познакомиться съ самыми отборными и язвительными ругательствами, а то и съ силой руки недоступной матроски.

Черезъ годъ послѣ того, какъ Груня пріѣхала изъ деревни къ мужу въ Кронштадтъ, уже всѣ искатели уличныхъ приключеній знали тщету своихъ ухаживаній и оставили матроску въ покоѣ.

II.

Въ это майское погожее утро Груня возвращалась домой съ узломъ грязнаго бѣлья, только-что взятаго ею отъ одной барыни, на семью которой она постоянно стирала. Узелъ былъ большой, а дорога—не близкая. Нѣсколько утомившаяся послѣ быстрой ходьбы, матроска свернула въ глухой переулокъ и остановилась передохнуть. Опустивъ узелъ на-земь, она помахала вытянутой затекшей рукой и затѣмъ стала оправлять сбившійся на головѣ платокъ, какъ къ ней совсѣмъ неожиданно приблизился, сѣменя ногами и стараясь выпятить грудь колесомъ, старый, высокій и худой адмиралъ.

Это былъ адмиралъ Гвоздевъ, совершавшій обычную свою утреннюю прогулку, извѣстный подъ кличкой «генералъ-арестантъ». Такъ звали его и матросы и офицеры за его жестокое обращеніе съ людьми, обращавшее на себя вниманіе даже и въ тѣ жестокія времена. Кромѣ жестокости, Гвоздевъ былъ извѣстенъ и своимъ развратомъ, и объ его неразборчивыхъ уличныхъ похожденіяхъ, объ его часто мѣняющихся экономкахъ ходило въ Кронштадтѣ много анекдотовъ. Онъ былъ вдовецъ, и никто изъ дѣтей не жилъ съ нимъ. Всѣ разбѣжались.

Пораженный красотой матроски, адмиралъ какъ-то значительно крякнулъ и, озираясь по сторонамъ, спросилъ:

— Ты, милая, кто такая?

— Матроска, ваше превосходительство!—строго отвѣчала Груня, поднимая узелъ.

— Гмъ... матроска? Прехорошенькая ты матроска. Какъ тебя звать?

— Аграфеной люди зовутъ,—еще строже промолвила Груня.

— Ты что же это съ узломъ? Бѣлье стираешь, что ли?

— Точно такъ...

— А какого экипажа твой мужъ?

— Двѣнадцатаго...

— Моей, значитъ, дивизіи... Ты приходи-ка, Груня, къ своему начальнику... Знаешь, гдѣ адмиралъ Гвоздевъ живетъ? Тебѣ всякій покажетъ. Ты будешь стирать мое бѣлье. Такъ приходи сегодня же... слышишь?... Останешься довольна, красавица!—продолжалъ старикъ, многозначительно понижая голосъ.—Да ты что букой смотришь? Сробѣла, что ли? Ишь вѣдь какая ты вся бѣляночка!.. Какія у плутовки свѣжія щечки... А шея просто сливочная!

И, впившись жаднымъ, похотливымъ взглядомъ своихъ замаслившихся, маленькихъ темныхъ глазъ, которые на своемъ вѣку видѣли немало запоротыхъ людей, на крѣпкую высокую грудь матроски, поднимавшуюся подъ тонкимъ ситцемъ платья, адмиралъ протянулъ свою старческую, костлявую и сморщенную руку и длинными вздрагивающими пальцами ухватилъ за подбородокъ матроски.

Рѣзкимъ движеніемъ Груня отдернула голову и гнѣвно проговорила:

— Рукамъ воли не давай, ваше превосходительство!

И съ этими словами двинулась.

Адмиралъ понялъ это, какъ хитрый маневръ лукавой бабенки, и, стараясь нагнать матроску, говорилъ:

— Ишь какая сердитая... скажи пожалуйста... Да ты постой, не уходи, глупая... Слышишь, остановись... Что я тебѣ скажу...

И матроска вдругъ остановилась, полная какой-то внезапно охватившей ее рѣшимости. Остановилась и глядѣла адмиралу прямо въ глаза.

Должно-быть, старикъ не обратилъ вниманія на выраженіе ея лица, потому что, обрадованный, взволнованно шепталъ ей:

— Ты будь поласковѣе, глупая матроска!.. Ты мнѣ очень понравилась, слышишь?.. Я и твою судьбу устрою и твоего мужа не забуду... Поступай ко мнѣ въ прачки!.. У меня будешь жить... И стирать не заставлю... Понимаешь... Одѣну тебя какъ кралю... и награжу... Согласна?

Адмиралъ почти не сомнѣвался, что столь блестящія для матроски предложенія будутъ приняты.

Но, вмѣсто согласія, Аграфена гордо приподняла голову и негодующе проговорила вздрагивавшимъ отъ волненія голосомъ:

— Тебѣ бы Богу молиться, тиранство свое надъ людьми замаливать, а не за бабами бѣгать!.. Песокъ сыплется, а онъ на грѣхъ облещать... Стыда въ тебѣ нѣтъ, старый песъ... Тьфу!

Она плюнула и, бросивъ на адмирала уничтожающій, полный ненависти и презрѣнія взглядъ, пошла прочь.

На мгновеніе старый адмиралъ опалѣлъ—до того неожиданны были для него дерзкія рѣчи. Сообразивъ наконецъ ихъ значеніе, онъ побагровѣлъ и, сжимая кулаки, задыхающимся голосомъ прохрипѣлъ обычный свой окрикъ, разрѣшавшій всѣ его недоразумѣнія:

— Запорю!

Но, понявъ въ ту же минуту, что запороть эту матроску никакъ нельзя, онъ въ безсильной ярости выругалъ ее площадными словами и тихо поплелся назадъ, какъ-то безпомощно и растерянно поводя губами своего беззубаго рта, распаленный еще болѣе презрительнымъ отказомъ этой красивой матроски.

— Ишь вѣдь подлый!—повторяла взволнованная, негодующая Аграфена.

Она первый разъ встрѣтила того самаго «генералъ-арестанта», о которомъ не разъ слышала отъ мужа, знала, какую ненависть возбуждаетъ этотъ начальникъ, и рада была, что проучила «стараго пса».

«Пусть, молъ, отъ матроски услышалъ то, чего никто ему, злодѣю, не скажетъ».

Аграфена завернула наконецъ въ небольшой глухой Дунькинъ переулокъ, направляясь къ ветхому деревянному домику, въ которомъ квартировала, какъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дома увидѣла откуда-то появившагося и идущаго ей навстрѣчу, поскрипывая сапогами, молодого, пригожаго и щеголеватаго писаря въ новенькомъ сюртучкѣ, въ фуражкѣ набекрень, съ бронзовой цѣпочкой у борта и съ перстенькомъ на рукѣ.

Давно уже примѣтила матроска этого писарька, юнаго, почти мальчика, черноглазаго, съ румяными щеками и небольшими усиками, который въ послѣднее время что-то очень часто встрѣчался съ ней. То онъ появлялся на улицѣ непремѣнно въ то время, когда она шла, и слѣдовалъ за ней на почтительномъ разстояніи, то вдругъ, обѣжавъ улицу, шелъ навстрѣчу, потупляя при приближеніи глаза. То онъ поджи-

далъ ее, притаившись гдѣ-нибудь у воротъ, и робко и восторженно, совсѣмъ не такъ, какъ другіе, провожалъ ее восхищенными глазами. Когда случалось перехватывать строгій взглядъ матроски, хорошенькій писарекъ смущенно, словно виноватый, опускалъ глаза и такъ же быстро исчезалъ, какъ и появлялся.

Груня, разумѣется, понимала, что эти частыя встрѣчи не случайны, и не сердилась. Порой даже, завидя писарька, усмѣхалась про себя, польщенная и нѣсколько удивленная такимъ упорнымъ и деликатнымъ ухаживаніемъ. Этотъ черноволосый, кудрявый паренекъ казался ей тихимъ и робкимъ, ровно овца. Ни разу не позволилъ онъ себѣ какого-нибудь охальства. Слова не вымолвилъ, взгляда дерзкаго не кинулъ... Только глаза пялитъ.

«Пусть, глупый, шляется, коли хочетъ. Не гнать же его съ улицы... Да и за что?»—не разъ думала про себя Груня и только боялась, жалѣя писарька, какъ бы мужъ не поймалъ его около дома и, обозленный, въ пылу ревности, не прибилъ бы. Съ него это станетъ. Бывали дѣла. Страхъ какой онъ ревнивый!

И теперь, бросивъ на писарька едва замѣтный быстрый взглядъ, она увидала его робкое, грустное лицо. Съ самымъ серьезнымъ видомъ, не обращая на него ни малѣйшаго вниманія, молодая женщина прошла мимо и невольно покраснѣла, чувствуя на себѣ горячій, ласкающій взглядъ писарька.

— И впрямь дурень!—весело шепнула она, скрываясь въ воротахъ.

А писарекъ изъ кантонистовъ, Васька Антоновъ, извѣстный среди кронштадтскихъ горничныхъ, какъ неотразимый сердцеѣдъ, побѣдоносно закрутилъ свои усики и, принимая свой обычный веселый, нѣсколько хлыщеватый видъ, весело зашагалъ по улицѣ, полный увѣренности, что въ концѣ концовъ, играя въ любовь, онъ побѣдитъ неприступную матроску. Только мужъ скорѣй ушелъ бы въ море, а ужъ онъ сумѣетъ «оболванить» эту строгую деревенщину. Тоже фордыбачится... Воображаетъ, что если мужнина жена, такъ ужъ къ ней и не подступись!

— И не такихъ оболванивалъ!—самоувѣренно вымолвилъ хорошенькій писарекъ и оскалилъ крѣпкіе, бѣлые зубы, вспоминая свои многочисленныя побѣды, стяжавшія ему кличку «подлеца Васьки».

III.

Весь день Аграфена стирала бѣлье на дворѣ, близъ крыльца, съ ожесточеннымъ усердіемъ женщины, привыкшей къ работѣ

и любящей работу. Мысли ея заняты были бѣльемъ и разными домашними дѣлами. «Писаренокъ», какъ называла она своего робкаго поклонника, промелькнулъ разъ-другой въ ея головѣ, возбуждая въ матроскѣ чувства жалости и опасенія, какъ бы мужъ не увидалъ дурака-мальчишку, если онъ повадится шататься около дома. Надо сказать, чтобы онъ не шатался, этотъ писарекъ... Нечего-то дурить ему!

Въ полдень она сдѣлала передышку, чтобы пообѣдать тюрькой и кускомъ вчерашняго мяса, и снова принялась за работу.

Убравшись съ бѣльемъ, она сбѣгала въ лавочку за колбасой и ситникомъ, поставила самоваръ, собрала на столъ и, въ ожиданіи мужа, усталая присѣла на стулъ въ своей небольшой комнатѣ, которую они нанимали у старой вдовы-матроски, торговавшей на рынкѣ.

Эта низенькая комната съ русскою печью, покосившимися углами и двумя окнами почти въ уровень съ немощенымъ переулкомъ, поражала своею чистотой. Видно было, что хозяйка привыкла къ опрятной домовитости и порядку и заботилась о томъ, чтобы придать своему скромному жилью уютный видъ.

Ситцевый чистый пологъ раздѣлялъ комнату на двѣ части. Въ одной былъ небольшой столъ, покрытый цвѣтнымъ столешникомъ, нѣсколько стульевъ, шкапчикъ съ посудой, гладильная доска и корзина съ просушеннымъ бѣльемъ. За пологомъ главное мѣсто занимала большая двухспальная со взбитой периной кровать, прикрытая разноцвѣтнымъ ватнымъ одѣяломъ, съ горкою подушекъ въ свѣжихъ наволочкахъ. Большой красный сундукъ съ бѣльемъ и платьемъ, запертый висячимъ замкомъ, дополнялъ убранство спаленки. Прямо противъ кровати, въ переднемъ углу, была устроена божница съ нѣсколькими образами, суровые лики которыхъ выдавали старообрядческое письмо. Передъ образами теплилась лампада и стоялъ рядъ тонкихъ свѣчей желтаго воска, которыя зажигались по праздникамъ.

Покатый полъ, сіявшій бѣлизной своихъ выскобленныхъ и чисто вымытыхъ досокъ, украшался «дорожкой» изъ черной смолистой пахучей пеньки. Самодѣльныя ситцевыя шторки закрывали окна отъ любопытныхъ глазъ, и на подоконникахъ красовались горшки съ цвѣтами, преимущественно геранью. А на выбѣленныхъ стѣнахъ висѣло нѣсколько лубочныхъ картинъ духовнаго содержанія и—между ними—большая раскрашенная литографія, изображающая грѣшниковъ въ аду.

Въ началѣ седьмого часа пришелъ Григорій, вспотѣвшій, красный и усталый послѣ цѣлаго дня работы въ гавани, на

бригѣ «Вихрь», на которомъ Кислицынъ былъ рулевымъ. Отъ него сильно пахло смолой. Ею пропитаны были и его широкія жилистыя руки, и его рабочая, когда-то бѣлая, парусинная голландка, и штаны.

Онъ былъ совсѣмъ невзраченъ, этотъ приземистый, широкоплечій, совсѣмъ бѣлобрысый человѣкъ лѣтъ тридцати, съ рябоватымъ лицомъ, опушеннымъ свѣтлыми баками, маленькимъ широкимъ носомъ и толстыми губами, прикрытыми жесткими рыжими усами. Вмѣсто бровей у него были припухлыя красныя дуги. Ноги были слегка изогнуты.

Но и въ выраженіи голубыхъ серьезныхъ глазъ и скуластаго круглаго лица, и во всей фигурѣ матроса было что-то располагающее, внушающее къ себѣ довѣріе, что-то сильное и вмѣстѣ съ тѣмъ скромное. Чувствовалось, что это — человѣкъ честный и стойкій.

Глаза его радостно сверкнули при видѣ жены. Въ этомъ взглядѣ ясно свѣтилась безконечная любовь.

— Здорово, Груня! — ласково, почти нѣжно проговорилъ матросъ.

— Здравствуй, Григорій!

Голосъ матроски звучалъ привѣтливо, но не радостно. Спокойный взглядъ, которымъ она встрѣтила мужа, не былъ взглядомъ любящей женщины.

Григорій пошелъ въ сѣни мыться, затѣмъ переодѣлся и, выйдя изъ-за полога въ красной ситцевой рубахѣ и чистыхъ штанахъ, присѣлъ къ столу, видимо довольный, что находится дома, въ этой уютной, чисто прибранной комнатѣ, и что жена побаловала его и колбасой и ситникомъ. И всегда такъ она его балуетъ, когда онъ къ вечеру возвращается домой. Заботливая.

Онъ закусывалъ молча и, когда они стали пить чай, сообщилъ ей о томъ, какъ сегодня старшій офицеръ на бригѣ бѣсновался, полоумный, и выпоролъ пять человѣкъ.

— А ты, Груня, стирала?

— А то какъ же? Цѣлый день стирала.

И, помолчавъ, прибавила:

— Давече утромъ, какъ несла бѣлье, этотъ вашъ генералъ-арестантъ въ переулкѣ приставалъ...

— Ишь подлая собака!—зло проговорилъ Григорій, и довольное выраженіе мигомъ исчезло съ его лица. Онъ нахмурился.—Что-жъ онъ говорилъ тебѣ?

— Звалъ къ себѣ жить... Ты, говоритъ, одному мнѣ стирать станешь бѣлье. Судьбу нашу съ тобой обѣщалъ устроить... Останешься, говоритъ, довольна...

— А ты что? — нетерпѣливо перебилъ Григорій, бросая строгій и пытливый взглядъ на жену.

— Извѣстно что! — сердито отвѣтила Аграфена, видимо обиженная и этимъ вопросомъ и подозрительнымъ взглядомъ мужа. — Небось, такъ отчекрыжила стараго дьявола, что будетъ помнить!

И она подробно разсказала, какъ «отчекрыжила».

— Ай да молодца, Груня! Такъ ему и надо, подлецу! И тиранство ему вспомнила?.. И старымъ псомъ назвала? Ну и смѣлая же ты у меня матроска! — весело и радостно говорилъ Григорій.

Его лицо прояснилось. Большіе голубые глаза любовно и виновато остановились на Грунѣ.

Но прошло минутъ пять, и онъ снова нахмурился и спросилъ:

— А прощалыжника встрѣтила сегодня?

— Какого-такого прощалыжника? — въ свою очередь спросила Аграфена, поднимая на мужа холодный, усталый взглядъ.

— Будто не знаешь?—продолжалъ матросъ.

— Ты говори толкомъ, коли хочешь человѣка нудить.

— Кажется, толкомъ сказываю... Писаренокъ поскудный не услѣживалъ тебя?

— А почемъ я знаю?.. Не видала я твоего писаренка... Отвяжись ты съ нимъ. Чего пристадъ!

Раздражительный тонъ жены и, главное, этотъ равнодушно-холодный взглядъ, который она кинула, заставилъ Григорія почувствовать еще болѣе мучительное жало внезапно охватившей его ревности. И онъ значительно проговорилъ, отчеканивая слова:

— Я этому писаренку ноги обломаю, ежели онъ будетъ шататься около дома... Вчерась иду домой, а онъ тутъ какъ бродяга какой шляется... Какъ запримѣтилъ меня, такъ и фукнулъ... А то морду его бабью своротилъ бы на сторону... И безпремѣнно сворочу... Слышишь?

— Не глуха, слышу.

— То-то...

— Да ты чего зудишь-то? И все-то въ тебѣ подлыя мысли насчетъ жены... Постыдился бы... Кажется, я по совѣсти живу... Ничего дурного не дѣлаю... Веду себя честно, а ты ровно полоумный накидываешься... А еще говоришь: любишь. Развѣ такая любовь, чтобы человѣка мучить?

Григорій сознавалъ правоту этихъ горячихъ упрековъ. Онъ зналъ, что жена безупречна, и все-таки временами не

могъ отдѣлаться отъ подозрительной ревности. Безпредѣльно любившій жену, онъ чувствовалъ, что она не такъ любитъ его, какъ любитъ ее онъ, чувствовалъ это и въ ея постоянно ровномъ обращеніи и въ сдержанности ея ласкъ, и это-то и питало его ревнивыя чувства, несмотря на безукоризненное поведеніе жены.

Ему стало стыдно за то, что онъ безвинно обидѣлъ Груню, и онъ сказалъ:

— Ну, ну, не сердись, Груня... Я вѣдь такъ, шутю... Я знаю, что ты правильная жена.

И, словно бы стыдясь обнаружить передъ ней всю силу своей ревнивой и страстной любви, онъ принялъ умышленно равнодушный и властный видъ хозяина и примолкъ.

— Однако и спать пора. Завтра до свѣту вставать!—проговорилъ онъ, окончивъ чаепитіе.—Спасибо, что накормила и напоила... Идемъ, что ли, Груня? — ласково прибавилъ онъ, вставая изъ-за стола.

— Ступай, спи, а мнѣ еще убираться надо.

— Уберись и приходи... Нечего-то полуночничать!

Матросъ пошелъ спать, а матроска словно бы нарочно долго убиралась съ посудой.

— Ты что-жъ это, Груня? Долго будешь убираться? Иди спать, коли мужъ приказываетъ. Мужа слушаться надо!— раздался нетерпѣливый голосъ Григорія.

— Иду, ну тебя!

Молодая женщина съ равнодушнымъ, усталымъ и покорнымъ выраженіемъ на своемъ красивомъ лицѣ, потушивъ лампу, тихо скрылась за пологомъ.

Скоро въ полутьмѣ комнаты, чуть-чуть освѣщенной мерцаніемъ лампады передъ образами, раздался громкій храпъ матроса.

IV.

Григорій былъ женатъ около пяти лѣтъ.

Поморъ Архангельской губерніи, онъ, какъ и бо́льшая ихъ часть, придерживался старой вѣры. Въ церковь ходилъ только по обязанностямъ службы и втайнѣ молился по-своему. Однако въ немъ не было нетерпимости раскольника-изувѣра, и онъ не гнушался ѣсть съ матросами изъ одного бака и не считалъ ихъ погаными. Зато не пилъ вина и табакомъ не занимался.

Исправный и добросовѣстный, Григорій былъ отличнымъ матросомъ и съ перваго же года поступленія на службу назначенъ былъ рулевымъ.

Еще бы!

Съ малыхъ лѣтъ Григорій каждую весну отправлялся съ отцомъ и двумя работниками на Мурманъ, гдѣ въ одной изъ закрытыхъ бухтъ стоялъ на зимовкѣ небольшой, допотопной конструкціи, парусный карбасъ съ необходимою снастью для ловли трески. Этотъ карбасъ принадлежалъ отцу и составлялъ главный источникъ существованія семьи. Его оснащивали, проконопачивали, просмаливали, чинили старенькіе парусишки и, помолясь Богу и святымъ угодникамъ, уходили на промыселъ и проводили иногда въ непривѣтномъ Ледовитомъ океанѣ по цѣлымъ недѣлямъ, не приставая къ берегу.

Всего навидался и испыталъ Григорій въ эти опасныя плаванія.

Случалось, и не разъ, что смѣлые промышленники бывали на волосъ отъ смерти и уже готовились къ ней, когда свирѣпая сѣверная буря застигала въ океанѣ, далеко отъ берговъ, маленькое старое суденышко съ разорванными парусами и носила его, безпомощное бороться съ жестокимъ ураганомъ, по сѣдымъ, высокимъ волнамъ, грозившимъ ежеминутно поглотить маленькую скорлупку съ нѣсколькими выбивающимися изъ силъ смѣлыми ловцами.

Въ такихъ случаяхъ приходилось только надѣяться на Бога да на Николу-угодника, вызволяющаго отважныхъ моряковъ, которыхъ нужда и безшабашная отвага, соединенная съ невѣжествомъ, выгоняютъ на подобныхъ отчаянныхъ посудинахъ въ свирѣпый океанъ.

И старикъ-поморъ, отецъ Григорія, смѣло, не теряя присутствія духа, правившій рулемъ, чтобъ не поставить судна поперекъ волненія, въ такіе тяжкіе часы становился напряженнѣе и бывалъ молчаливѣе и суровѣе, чѣмъ обыкновенно. Въ его красномъ, обвѣтрившемся лицѣ стояло выраженіе какой-то угрюмой покорности человѣка, готоваго къ смерти и встрѣчавшаго ее не разъ лицомъ къ лицу. Только губы его шептали молитву Николѣ-угоднику, да временами смягченный взглядъ его зоркихъ глазъ любовно и тоскливо останавливался на сынишкѣ.

Много гибнетъ каждое лѣто такихъ поморскихъ судовъ вмѣстѣ съ людьми, но Никола-угодникъ какъ-то вызволялъ изъ всѣхъ опасностей карбасъ, на которомъ находился Григорій. Буря затихала и давала возможность бѣжать къ берегу подъ наскоро зачиненными парусами. И моряки, словно бы изумленные, что остались живы, только безмолвно крестились и снова принимались откачивать воду, набиравшуюся въ расшатанное бурею судно.

Случалось, что этихъ мореходовъ-мужиковъ, не имѣвшихъ, конечно, ни морскихъ картъ, ни компаса, о которыхъ и не слышали, а полагавшихся на свое морское чутье, на глазъ да на милосерднаго Бога, вмѣсто Мурмана заносило на Новую Землю, и тамъ, на безлюдномъ островѣ, въ какомъ-нибудь пустомъ становищѣ прежде зимовавшихъ промышленниковъ приходилось зимовать, питаясь, чѣмъ Богъ пошлетъ, и что̀ раздобычитъ ружьишко, и ждать вешняго солнышка, чтобы пуститься въ обратный путь къ Мурману и дать съ оказіей вѣсточку домой, что, молъ, живы и къ осени, если Богъ дастъ, будемъ въ деревнѣ.

Эта суровая, полная постоянной напряженной борьбы и опасностей жизнь сдѣлала Григорія смѣлымъ морякомъ, пріучила быть скромнымъ и правдивымъ — съ моремъ какая же можетъ быть ложь?—закалила въ немъ твердый, рѣшительный характеръ и развила привычку къ той молчаливой созерцательности, которая нерѣдко встрѣчается у людей, находящихся въ частомъ и близкомъ общеніи съ природой.

Правя рулемъ въ тихую погоду, когда остальные спали въ крошечной тѣсной каютѣ, пропитанной запахомъ трески, или сидя на отдыхѣ на палубѣ, послѣ нѣсколькихъ часовъ ловли рыбы, Григорій невольно наблюдалъ и этотъ безпредѣльный холмистый океанъ съ далеко раздвинувшимися рамками горизонта, и это высокое небо, и это никогда не заходящее холодное полярное солнце, и эти роскошно-яркіе снопы сѣвернаго сіянія. И, подавленный величіемъ и таинственностью всего окружающаго, онъ еще болѣе проникался весь религіознымъ чувствомъ страха и почтенія къ Творцу, и въ то же время въ немъ появлялась какая-то пытливая мечтательность, безсознательно требовавшая и отъ этого океана и отъ неба и солнца разрѣшенія вопросовъ и сомнѣній, неопредѣленныхъ и неясныхъ, но назойливыхъ и смущавшихъ его впечатлительную душу.

Въ такія минуты душевной приподнятости онъ спрашивалъ себя: отчего людская неправда царитъ на землѣ, когда Господь такъ всемогущъ? Зачѣмъ Онъ, всевидящій и милосердный, попускаетъ насиліе и зло, корысть и несправедливости?

Но тихо рокочущій океанъ не давалъ ему отвѣта. Не разгоняли сомнѣній ни солнце ни небо...

И онъ уходилъ спать неудовлетворенный, но съ твердымъ намѣреніемъ самому жить правильно.

Какъ-то шутя Григорій выучился самъ читать и писать и любилъ особенно читать евангеліе и разныя духовныя книги.

Когда старика-отца стали одолѣвать ревматизмы, двадцатилѣтній Григорій безъ него ходилъ на Мурманъ и промышлялъ на своемъ суденышкѣ, такой же смѣлый и хладнокровный, какимъ былъ и его отецъ. Возвращаясь осенью домой, онъ приносилъ всегда хорошую выручку за проданную рыбу, и старикъ-отецъ особенно любилъ своего младшаго сына.

Ему пошелъ двадцать четвертый годъ, и онъ еще не зналъ совсѣмъ женщинъ, сохраняя цѣломудріе, какъ однажды отецъ сказалъ ему, оставшись съ нимъ наединѣ:

— Пора тебѣ и жениться, Гришуха. Я ужъ тебѣ и невѣсту высмотрѣлъ... Знаешь Марью Коновалову изъ Засижья?

Григорій вдругъ измѣнился въ лицѣ и проговорилъ:

— Не неволь, батюшка. Нежелательна мнѣ эта невѣста.

— По какой такой причинѣ?—спросилъ, нахмурившись, отецъ, привыкшій къ безусловному повиновенію дѣтей.

— Нелюба она мнѣ, — почтительно, но твердо отвѣчалъ сынъ.

— Какъ окрутишься—полюбится. Дѣвка молодая, чистая, ядреная... И изъ хорошаго дому... Коноваловы, самъ знаешь, первые мужики въ Засижьѣ.

— Неповадна она мнѣ... Не по сердцу! — снова рѣшительно заявилъ Григорій.

— Ужъ не подыскалъ ли ты себѣ самъ невѣсты? Такъ сказывай, коли что... Слава Богу, давно въ лѣта вошелъ...

И старикъ пытливо заглянулъ въ лицо своего любимца.

Ни отецъ, ни мать, ни сестры, ни братъ, да и никто на селѣ не догадывался о томъ, что Григорій, обыкновенно застѣнчивый и избѣгавшій общества бабъ и дѣвокъ, словно бы боявшійся ихъ, былъ плѣненъ пригожей и степенной Груней, одной изъ дочерей бѣднаго вдоваго мужика-односельчанина. И восемнадцатилѣтняя Груня, на рукахъ у которой было, главнымъ образомъ, все домашнее хозяйство, за вѣчными заботами да хлопотами, кажется, тоже не замѣчала, какъ странно глядитъ на нее Григорій при встрѣчахъ и какъ ищетъ ихъ, не рѣшаясь однако не только намекнуть ей о своей любви, но даже заговорить съ ней. Охватила его страсть къ Грунѣ какъ-то внезапно, — точно ожгло всего и освѣтило внутри,—когда онъ вернулся поздней осенью съ Мурмана и однажды встрѣтилъ ее на улицѣ.

Григорій признался отцу, что дѣйствительно намѣтилъ себѣ невѣсту, и прибавилъ:

— Ежели она согласится и ежели будетъ ваше съ матушкой родительское благословеніе, то я женюсь съ охоткой, батюшка.

Онъ проговорилъ эти слова, повидимому, спокойно, но чуть вздрагивающій голосъ и заалѣвшее лицо. выдавали его волненіе.

— Ишь вѣдь скрытный какой! Никто и не примѣтилъ, какъ ты дѣвку подыскалъ... Кто-жъ это твоя пава? Признавайся... Ежели дѣвка хорошая, супротивъ твоего хотѣнья не пойду... Здѣшняя, что ли?

— Здѣшняя... Аграфена Синицына.

— Что-жъ, Аграфена дѣвка правильная, работящая и разсудливая... Золото-дѣвка, можно сказать. Только домъ ихъ вовсе бѣдный... Безприданница твоя Аграфена, а то чѣмъ не невѣста...

— Небось не въ бѣдный домъ войдетъ...

— Да я не перечу... Бери себѣ Аграфену.

Просіявшій Григорій поблагодарилъ отца за согласіе и вдругъ, внезапно омрачаясь, проговорилъ:

— Только пойдетъ ли за меня?

— Отчего не пойдетъ? — воскликнулъ старикъ, словно бы обиженный за сына и удивленный его сомнѣнію.—Всякая съ радостью за тебя пойдетъ. Ты, слава Богу, парень у меня не худой... Промышляешь не хуже меня... Смышленый и душевный парень... Ни табакомъ ни виномъ не занимаешься... Не бойсь, Аграфена не дура... Должна пойти. А ежели что, отецъ прикажетъ, такъ не посмѣетъ противъ воли... Я самъ сватомъ пойду...

— Только силкомъ не надо... Ежели, значитъ, противъ воли...

— Да развѣ ты съ ней не обладилъ?

— То-то не рѣшался! — застѣнчиво проговорилъ Григорій.

— Эхъ ты тюлень, тюлень! Всѣмъ-то ты взялъ, Гришуха, а вотъ только стыдливый какой-то... Точно малый ребенокъ... Ну, ну, не сумлѣвайся... Сама охоткой пойдетъ.

Отецъ Аграфены съ радостью принялъ предложеніе.

Не протестовала и Груня.

Хотя она и не чувствовала особенной склонности къ Григорію, но онъ противенъ ей не былъ. И ни для кого не билось сильнѣе ея сердце, и ничей взглядъ не смущалъ ея, не испытавшей еще любви. Замужъ выходить во всякомъ случаѣ надо, а Григорій парень тихій, добрый, непьющій и по всему селу считается лучшимъ промышленникомъ.

Въ тотъ же вечеръ Григорій съ какою-то торжественною серьезностью спросилъ молодую дѣвушку:

— Волей идешь за меня, Груня? Не принудили?

— А то какъ же? Неволей бы не пошла! — отвѣчала Груня.

Обрадованный, счастливый Григорій сталъ говорить ей, какъ любитъ онъ ее и какъ будетъ беречь свою «ласточку», и, пользуясь темнотой, порывисто привлекъ ее къ своей груди и сталъ осыпать ея лицо безумными поцѣлуями.

Но Груня, покорно отдаваясь этимъ поцѣлуямъ и слушая эти застѣнчивыя изліянія, не находила отклика въ своемъ сердцѣ и, казалось, была болѣе удивлена, чѣмъ счастлива.

V.

Григорій прожилъ съ молодою женой зиму и весной, по обыкновенію, отправился на Мурманъ. Плавая на своемъ карбасѣ, онъ тосковалъ по Грунѣ и съ нетерпѣніемъ ждалъ осени.

Пришла осень, онъ возвратился домой, но недолго пришлось ему наслаждаться радостью быть вмѣстѣ съ любимой женой.

Въ 1853 году пронеслась зловѣщая вѣсть о войнѣ. Пріуныли въ деревняхъ старики и старухи, пріуныли молодые парни. Вѣсть эта говорила о солдатчинѣ съ ея жестокостями того времени, о смерти, о разоренiи, о разлукѣ съ близкими на цѣлыя двадцать пять лѣтъ. Человѣкъ словно бы отрывался отъ родины и становился чужимъ для нея.

Вѣсти подтвердились. Пріѣхалъ исправникъ и прочиталъ бумагу объ усиленномъ наборѣ. Григорія, какъ младшаго сына, забрали и назначили матросомъ.

Отчаяніе Григорія, внезапно оторваннаго отъ деревни, отъ любимаго промысла, отъ молодой жены, было безпредѣльное. Старикъ-отецъ не выдержалъ и прослезился, прощаясь съ сыномъ навсегда. Доживетъ ли онъ до его возвращенія, и возвратится ли онъ когда-нибудь? Мать голосила. Одно только нѣсколько утѣшало Григорія, — надежда выписать къ себѣ Груню.

Прошелъ годъ службы.

Молодой матросъ зарекомендовалъ себя опытнымъ морякомъ и старался трудолюбіемъ и исправностью избѣжать позорныхъ наказаній. Онъ такъ педантично несъ службу и такъ велъ себя, что къ нему не могли придраться. Скоро онъ осмотрѣлся въ новомъ своемъ положеніи и, послѣ года разлуки, выписалъ наконецъ изъ деревни жену, скопивъ нѣсколько деньжонокъ и за винныя порціи, которыхъ не пилъ, и отъ получекъ за работу, которой онъ занимался въ свободное отъ службы время. Онъ былъ недурной столяръ и нерѣдко чинилъ разную мебель у господъ офицеровъ, довольствуясь тѣмъ, что дадутъ.

Помѣстилъ онъ пріѣхавшую Груню не въ казармѣ, гдѣ было отдѣльное помѣщеніе для женатыхъ нижнихъ чиновъ, а на вольной квартирѣ, нанявъ комнату у одной землячки, старухи-вдовы матроса Ивановны. Григорій ни за что не хотѣлъ жить съ женою въ казармѣ, среди шума и сваръ, постоянно бывшихъ въ этомъ длинномъ коридорѣ, по бокамъ котораго расположены были маленькія комнаты. Въ каждой изъ нихъ помѣщались иногда по двѣ или по три семьи, и объ уютѣ въ нихъ нечего было и думать. Да и слишкомъ свободные нравы матросскихъ женъ пугали степеннаго матроса. Онъ былъ какъ-то дежурнымъ въ этомъ бабьемъ царствѣ и видѣлъ сцены пьянства, сваръ, разврата и дракъ мужей съ женами и съ любовниками. Лучше подальше отъ грѣха. Лучше Грунѣ жить отдѣльно, тихо и спокойно, и онъ будетъ приходить по вечерамъ въ свой уголъ, чистый и домовитый, будетъ говорить съ Груней и пить чай съ глаза на глазъ, не чувствуя надъ собой чужихъ наблюденій и не слыша вѣчной сосѣдской руганн. Содержать жену онъ, слава Богу, сможетъ; не особенно много и нужно, чтобы прожить. Десять рублей они вмѣстѣ заработаютъ.

Вскорѣ Григорій, чинившій стулъ у своего экипажнаго командира, порекомендовалъ его супругѣ свою жену, какъ хорошую и аккуратную прачку. Барыня согласилась попробовать, осталась довольна, и Аграфена стала стирать на всю многочисленную семью экипажнаго командира. Затѣмъ нашелся и еще домъ, гдѣ Аграфена стирала. Она непрочь была забрать и еще работы, но мужъ не позволялъ, находя, что жена и безъ того утомляется. Вмѣстѣ съ тѣмъ Григорій разъ навсегда запретилъ Аграфенѣ брать въ стирку бѣлье отъ холостыхъ офицеровъ.

Черезъ нѣсколько времени комната Аграфены приняла тотъ уютный, опрятный видъ, который свидѣтельствовалъ и о нѣкоторомъ достаткѣ и о привычкѣ хозяевъ къ чистотѣ и порядку. Появились и занавѣски на окнахъ, и цвѣты, и смолистый матъ, сдѣланный Григоріемъ, и комодъ, и шкапчикъ его же работы. Аккуратная Аграфена видимо заботилась о томъ, чтобы комната была игрушкой.

И Григорій приходилъ по вечерамъ изъ казармы въ эту чистую, свѣтлую комнату, гдѣ, въ ожиданіи его, на покрытомъ скатерткой столѣ уже стоялъ самоваръ и приготовлена закуска, радостный, счастливый и признательный къ своей молодой, расторопной хозяйкѣ, присутствіе которой дѣлало эту комнату, казалось, еще свѣтлѣе.

Григорій любилъ жену со всею силою своей глубокой,

страстной и ревнивой натуры. Онъ не показывалъ ей этого, словно бы стыдясь своего влюбленнаго чувства, но эта любовь невольно свѣтилась въ его глазахъ и сказывалась въ нѣжной заботливости о женѣ и въ необыкновенно мягкомъ отношеніи. Никогда онъ ее не ударилъ, никогда не поносилъ грубымъ ругательствомъ и былъ ласковъ и кротокъ.

Аграфена понимала эту горячую любовь и, тронутая ею, старалась угождать мужу, уважала и цѣнила его, но чувствовала, что въ ней нѣтъ той страсти, которою былъ охваченъ мужъ. Сердце ея не трепетало при ласкѣ мужа; она спокойно переносила разлуку съ нимъ по лѣтамъ, когда онъ уходилъ въ плаваніе. Порой на нее нападала какая-то безотчетная грусть, какія-то неопредѣленныя желанія охватывали ея душу, и что-то захватывающее, свѣтлое и счастливое возставало передъ ней и проносилось отдаленнымъ лучезарнымъ призракомъ.

Въ такія минуты она испытывала неудовлетворенность своей жизни, была молчалива и холодна съ мужемъ и находила, что низенькій, бѣлобрысый Григорій съ большой головой и красными пятнами вмѣсто бровей совсѣмъ неказистъ. И, случалось, что-то непріязненное къ нему невольно закрадывалось въ ея сердце.

Она гнала прочь эти мысли, какъ навожденіе дьявола, плакала и молилась, припоминала, какой хорошій человѣкъ Григорій, какъ онъ бережетъ и любитъ ее, и, полная раскаянія, старалась быть внимательнѣе и нѣжнѣе къ мужу, который словно бы весь свѣтлѣлъ, счастливый и радостный, при малѣйшемъ проявленіи нѣжности своей Груни.

Но и въ такія минуты безпричинной тоски ничей мужской образъ не являлся передъ ней, и даже въ мысляхъ она никогда не представляла себѣ, чтобы она, «мужняя жена», строгая раскольница, полная страха Божія, могла впасть въ грѣхъ.

Никого она не любила.

И Григорій подчасъ втайнѣ мучился, чувствуя, что въ привязанности жены нѣтъ той страсти, какою былъ проникнутъ весь онъ. И холодъ ласкъ и спокойное отношеніе къ нему по временамъ возбуждали въ немъ подозрѣнія, что женѣ любъ кто-нибудь другой.

Тогда онъ, обыкновенно мягкій и кроткій, вдругъ прорывался и дѣлалъ рѣзкія сцены ревности и, зная, какъ заглядываются на его красавицу-жену мичмана, оскорблялъ ее съ негодованіемъ безумца, ослѣпленнаго ревностью, со страстностью горячо любящаго человѣка, не находящаго взаимной страсти.

Но спокойно-суровый отпоръ честной женщины, возмущенной оскорбительными подозрѣніями, эти ясные, свѣтлые глаза, загоравшіеся негодованіемъ и презрѣніемъ, отрезвляли его, и онъ, радостный и виноватый, самъ же стыдился своихъ подозрѣній. Онъ вѣрилъ, что никто ей не любъ. Онъ зналъ, что Груня слишкомъ честна и богобоязненна, чтобы когда-нибудь «нарушить законъ». Недаромъ же недоступность ея была извѣстна всѣмъ въ Кронштадтѣ, и матроска Груня пользовалась общимъ уваженіемъ. Никто про нее не могъ сказать дурного слова.

И Григорій послѣ такихъ сценъ старался задобрить жену, былъ еще кротче и нѣжнѣе и съ большею страстью осыпалъ ее ласками, забывая въ удовлетворенномъ чувствѣ мужа нравственную неудовлетворенность. Онъ усыплялъ ее тѣмъ, что приписывалъ сдержанность Груни въ проявленіи чувства къ нему не недостатку его, а свойству ея характера.

Его только огорчало, что у нихъ нѣтъ дѣтей.

VI.

Лукавый «писаренокъ», избалованный своими успѣхами среди горничныхъ и нянекъ и умѣвшій дѣйствительно «облещивать» ихъ, заставляя потомъ проливать слезы, — продолжалъ упорно ухаживать за Груней, разыгрывая не безъ искусства роль почтительнаго и робкаго влюбленнаго.

Такимъ способомъ онъ надѣялся тронуть недоступную матроску и прибавить новые лавры къ своему побѣдному вѣнцу кронштадтскаго «обольстителя».

Въ послѣднее время онъ участилъ свои встрѣчи съ Аграфеной.

Онъ вывѣдалъ, когда она ходитъ за бѣльемъ и когда относитъ его, шатался по раннимъ утрамъ на рынкѣ и чуть ли не каждый день попадался ей на глаза.

Съ тонкимъ разсчетомъ продувной бестіи, имѣвшей, несмотря на молодые годы, значительный опытъ въ любовныхъ дѣлахъ, онъ попрежнему не позволялъ себѣ съ матроской ни малѣйшей наглости, какою вообще отличался въ отношеніяхъ со своими поклонницами.

Съ Аграфеной, напротивъ, онъ былъ — сама невинность. Ни разу не заговаривалъ съ ней, не пускалъ ей комплиментовъ и только восторженно, словно бы очарованный, взглядывалъ на нее своими черными красивыми глазами и тотчасъ же смущенно опускалъ ихъ, если, случалось, перехватывалъ ея быстрый и строгій взглядъ.

Онъ понималъ, что встрѣчи эти не сердятъ матроску, но

въ то же время видѣлъ, что онѣ нисколько не подвигаютъ его къ пѣли.

Казалось, она рѣшительно не обращала вниманія на пригожаго, франтоватаго писарька, словно бы не замѣчая этихъ частыхъ встрѣчъ. Ни разу не усмѣхнулась, не подарила сколько-нибудь обнадеживающимъ взглядомъ, такъ что ему не представлялось даже удобнаго случая огорошить матроску тѣми затѣйливыми любовными словечками, на которыя онъ былъ такой мастеръ и которыми покорялъ многихъ горничныхъ.

Это невниманіе раздражало самолюбиваго, самонадѣяннаго писарька, и онъ сталъ упорнѣе въ своихъ выслѣживаніяхъ и назойливѣе. Случалось — когда матросы были на работѣ — онъ сторожилъ Аграфену въ переулкѣ и неожиданно встрѣчалъ ее у самаго дома, что видимо не нравилось матроскѣ.

Мало ли что могутъ подумать сосѣди, замѣтивши писаренка.

Однажды, часу въ шестомъ вечера, она вышла изъ воротъ и направилась въ лавочку купить кое-что для мужа, который долженъ былъ вернуться изъ гавани.

Возвращаясь домой съ покупками, Груня чуть не столкнулась у воротъ съ писарькомъ, точно выскочившимъ изъ-подъ земли.

Это наконецъ озлило матроску. Неравно еще и мужъ увидитъ и подумаетъ, что она приваживаетъ писарька.

«Надо отвадить этого дурня разъ навсегда»,—рѣшила она и, внезапно остановившись, сердито и сухо кинула ему:

— Ты чего у чужихъ воротъ околачиваешься да въ глаза тычешься?..

— Я такъ-съ, мимо шелъ, прогуливался, значитъ, Аграфена Ивановна! — съ напускною робостью отвѣчалъ Васька Антоновъ, снимая съ писарской галантностью фуражку и отставляя мизинецъ правой руки, чтобы показать аметистовый перстенекъ.

«Ишь, и имя мое вызналъ!»—подумала, невольно краснѣя, матроска и еще строже промолвила:

— То-то ты больно часто мимо ходишь... Ты лучше ходи другой дорогой, а то какъ бы тебѣ, парeньку, не помяли боковъ. Мой матросъ искровянитъ тебя въ лучшемъ видѣ...

«Васька-подлецъ» вскинулъ на Груню глаза и, понижая свой мягкій, вкрадчивый тенорокъ, проговорилъ съ восторженною рѣшимостью отважнаго человѣка, не могущаго болѣе скрывать своихъ чувствъ:

— Изъ-за васъ, Аграфена Ивановна, я жизни готовъ рѣ-

шиться, а не то что стращать меня, съ позволенія сказать, боками. Никого я не боюсь, потому какъ, осмѣлюсь вамъ доложить, нѣтъ силъ моего терпѣнья, чтобъ не видѣть вашего очаровательнаго лица... Только взглянуть, и я получаю блаженство очарованья... Простите мою смѣлость, Аграфена Ивановна, но я не могу удержать крика влюбленнаго сердца...

Пораженная неожиданнымъ признаніемъ, матроска на мгновеніе словно бы отдалась обаянью этихъ смѣлыхъ рѣчей и слушала ихъ точно какую-то нѣжную, невѣдомую доселѣ музыку, ласкающую, проникающую въ самую душу и заставляющую замирать сердце.

И вдобавокъ какъ пригожъ этотъ молодой, кудрявый писарекъ! Какою искреннею страстью дышатъ его слова! Какъ умоляюще и робко глядятъ на нее его черные, нѣжные глаза!

Но мгновеніе прошло, и Груня словно бы испугалась и устыдилась охватившаго ее настроенія.

Она приняла еще болѣе суровый видъ и, опуская голову, чтобы скрыть зааѣвшее лицо, произнесла рѣзкимъ голосомъ:

— Ты языкомъ-то не бреши, непутевый! Не шатайся здѣсь, слышишь?

— Не будьте столь жестоки, Аграфена Ивановна! Позвольте хоть издали ласкать взоръ лицезрѣніемъ вашей андельской красоты... Выслушайте, Аграфена Ивановна...

— Не мели пустого... Нечего мнѣ дурака слушать! — строго перебила его матроска.—Говорятъ, не бѣгай за мной. Не услѣживай... А не то смотри! — грозно прибавила Аграфена.

— Что-жъ, если такое будетъ ваше повелѣніе, то мнѣ остается предаться своей злосчастной судьбѣ! — продолжалъ писарь, стараясь выражаться какъ можно «забористѣе». — Прощайте, Аграфена Ивановна! Отнынѣ исчезну я изъ вашихъ прекрасныхъ глазъ, въ которыхъ искалъ забвенія отъ горестей жизни. Прощайте, жестокая!

Писарекъ произнесъ эти слова не безъ нѣкотораго драматизма, свидѣтельствовавшаго объ его сценическихъ способностяхъ, и, бросивъ нѣжный взглядъ на хорошенькую матроску, почтительно поклонился ей съ видомъ человѣка, сраженнаго печалью, и быстро отошелъ, направляясь въ сторону, противоположную той, откуда могъ появиться мужъ Аграфены, встрѣчи съ которымъ Васька предусмотрительно избѣгалъ.

Очутившись внѣ всякой опасности, угрожающей цѣлости его красивой физіономіи, Васька замедлилъ шагъ и, не со-

всѣмъ довольный результатами своего любовнаго краснорѣчія, все-таки, улыбаясь, проговорилъ вслухъ:

— Небось, восчувствуешь!..

И въ тотъ же вечеръ хвастливо говорилъ въ казармѣ своему пріятелю, угреватому и неказистому писарю Иванову:

— А матроску эту самую сегодня я, братецъ ты мой, пригвоздилъ!..

— Въ какихъ это смыслахъ понимать? — не безъ тайной зависти спросилъ Ивановъ.

— Объяснился, значитъ. Такъ, молъ, и такъ... Однимъ словомъ, огорошилъ въ лучшемъ видѣ.

— А въ морду не получилъ?

— Въ морду? Это которые ежели дураки пусть въ морду отъ бабъ получаютъ, а я, слава Богу, понятіе насчетъ ихъ имѣю!—не безъ хлыщеватаго апломба проговорилъ Васька и самоувѣренно закрутилъ усики.

— А за матроской, небось, два мѣсяца зря околачиваешься?

— Ужъ больно занозиста бабенка, а главная причина: въ задоръ вошелъ, вотъ что я тебѣ скажу. Можешь ты это понять? А горничныя эти всѣ да куфарки—надоѣли. Ты имъ одну любовную штучку загнешь, а ужъ онѣ, подлыя, и льнутъ... Выбирай, не хочу. А такой добиться, какъ Грунька, лестно и стоитъ побѣгать...

— Такъ и добьешься! — почему-то противорѣчилъ и даже съ чувствомъ злобы пріятель.

— Дай, братъ, срокъ... Небось, ей лестно было слушать, какъ я ей сегодня любовныя слова говорилъ.

— Не очень-то, я думаю, слушала...

— Врать не стану... Быдто и не очень. «Не бреши, говоритъ, писаренокъ... Не смѣй, говоритъ, услѣживать за мной...» А все-таки загвоздка вышла! — увѣренно прибавилъ Васька.

— Никакой загвоздки не вышло. Лучше не срамись, брось!.. Эта Грунька и мичмановъ отчесывала... Не облестить тебѣ матроски...

— Бросить? Нѣтъ, братъ, бросить теперь никакъ невозможно...

— Да ты сдурѣлъ, что ли, по матроскѣ?..

— То-то понравилась... Теперь, значитъ, самая настоящая игра начинается, а ты вдругъ: брось! Нѣтъ, я не брошу... Не отстану, хоть она и грозитъ, что мужъ бока намнетъ.. Это одинъ разговоръ... а съ ней, братецъ ты мой, совсѣмъ особенную линію надо вести. Другую обнялъ да и «айда, мадамъ!», а съ ней такъ нельзя... Она — баба строгая, норовистая. Ее, значитъ, надо облещивать по всей формѣ, не торопясь... Небось, братецъ, я знаю, какъ...

— И хвастаешься ты только, Васька! Никогда не облестить тебѣ Груньки. Не по твоему рылу!

— Дай только мужу уйти въ море, такъ увидишь...

— Ловокъ ты, Вась, насчетъ женскаго вѣдомства, что и говорить, но только тутъ какъ есть тебѣ крышка. Останешься въ дуракахъ!

— Я-то? Давай на парей!—задорно предложилъ Васька.

— Продуешь парей-то!

— Давай, говорю!

— Съ превеликимъ моимъ удовольствіемъ. На что?

— На три пары пива. Идетъ?

— Хочь на всю дюжину. Не мнѣ платить!

— Заплатишь!

— А какой, значитъ, срокъ?

— Черезъ мѣсяцъ Грунька не устоитъ противъ меня! — самоувѣренно воскликнулъ писарекъ.

— И все-то ты врешь... все-то ты врешь, подлецъ! — съ ожесточеніемъ проговорилъ Ивановъ и въ эту минуту ненавидѣлъ отъ всей души своего пріятеля, желая ему потерпѣть неудачу и послѣ зло посмѣяться надъ нимъ.

«Не думай, дескать, что ужъ ты такой ловкачъ, чортъ бы тебя взялъ!»

VII.

Аграфена вошла къ себѣ сердитая, словно бы чѣмъ-то недовольная и нѣсколько взволнованная.

«Ишь тоже съ чѣмъ присталъ!» — порывисто проговорила она и съ какимъ-то ожесточеніемъ принялась вдругъ чистить самоваръ, хотя онъ и безъ того былъ достаточно чистъ.

Вычистивши самоваръ, она его поставила, затѣмъ съ тою же порывистостью собрала на столъ, разставила тарелки со снѣдью и, такъ какъ больше нечего было дѣлать, присѣла на стулъ и старалась думать о томъ, какъ придетъ мужъ и обрадуется, что все у нея готово.

«Небось, голодный. Намаялся день на работѣ!»

Но вмѣстѣ съ мыслью о мужѣ въ голову ея лѣзли мысли о писарькѣ, который такъ складно говорилъ о томъ, какъ онъ ее любитъ и готовъ изъ-за нея рѣшиться жизни. И ничего ему дурного не нужно, — не то что другимъ мужчинамъ, — только издали на нее глядѣть.

Такъ съ ней никто никогда не говорилъ!

«Жестокая!» — пронеслись въ головѣ слова писаренка, и она пожалѣла, что такъ сурово обошлась съ нимъ.

И какъ онъ заробѣлъ, бѣдный!.. Какой ушелъ тоскливый!

Сама того не замѣчая, Аграфена, тронутая этимъ страстнымъ призывомъ любви, отдавалась мечтамъ о писарькѣ. И онѣ уносили ее далеко-далеко изъ этой комнаты... И мужъ казался ей такимъ постылымъ.

Какое-то невѣдомое, сладкое и въ то же время жуткое чувство охватило матроску. Ей чего-то хотѣлось, душа куда-то рвалась, потребность ласки и любви сказывалась въ этомъ замираніи сердца, въ какой-то жгучей истомѣ.

И пригожій, кудрявый, черноглазый писарекъ, нѣжный и робкій, стоялъ тутъ, передъ ней, и словно манилъ ее къ себѣ, суля ей любовь и счастье... Его ласковыя слова такъ и звучали въ ея ушахъ, и ей хотѣлось бы слушать ихъ безъ конца, слушать и цѣловать эти очи, цѣловать эти уста, отдаваясь его горячимъ ласкамъ...

Матроска поймала себя на такихъ мысляхъ и вдругъ ужаснулась.

О, Господи! О чемъ она сейчасъ думала, она — честная, вѣрная жена?

Суевѣрный страхъ, стыдъ и раскаяніе овладѣли Груней. Ея честная фигура возмущалась противъ такихъ помысловъ. Ничего подобнаго никогда съ ней не было, а теперь? Это дьяволъ смущаетъ ее!

И, полная ужаса, она бросилась за пологъ и, опустившись на колѣни передъ образами, горячо молилась о томъ, чтобы Пресвятая Богородица простила ее, великую грѣшницу.

Молитва нѣсколько успокоила Груню.

Писаренокъ казался ей теперь ненавистнымъ, какъ виновникъ ея преступленія. Попадись только онъ ей на глаза — она на него и не взглянетъ, на подлаго, а если онъ опять начнетъ услѣживать—плюнетъ ему въ морду. Не смѣй, молъ, бѣгать за мужниной женой!

«И какъ только могли придти ей въ голову такія подлыя мысли?» — думала она, полная стыда и негодованія, и вспоминала, какой у нея хорошій и добрый Григорій. И какъ онъ ее бережетъ, какъ любитъ, какъ всегда ласковъ съ ней...

И, когда въ седьмомъ часу явился Григорій и положилъ ей на столъ свертокъ съ пряниками, Груня какъ-то особенно привѣтно и ласково встрѣтила мужа.

Она видѣла, какъ отъ ея ласковыхъ словъ свѣтлѣло лицо Григорія, и его добрые глаза еще нѣжнѣе и любовнѣе смотрѣли на нее, и она, словно бы чувствуя потребность загладить вину, заботливѣе угощала его, и ей казалось въ эти минуты, что Григорій ей милъ и дорогъ, и что она его очень любитъ.

Груня разспрашивала его о дѣлахъ на бригѣ и, между прочимъ, освѣдомилась, скоро ли они уйдутъ въ море.

— Завтра вытянемся на рейдъ и денъ черезъ пять уйдемъ...

— Я тебѣ рубаху сошью...

— Спасибо, Груня...

— А заходить въ Кронштадтъ будете?

— То-то неизвѣстно... А ты развѣ будешь скучать по мужѣ?

— А то какъ же? Нешто одной весело?

— А ужъ какъ мнѣ тошно будетъ цѣлое лѣто безъ тебя, Груня!.. Если бы еще зашли въ Кронштадтъ лѣтомъ, а то, можетъ, и не зайдемъ... Будемъ, говорятъ, въ Балтійскомъ морѣ клейсеровать да когда въ порты заходить.

— На берегъ съѣзжать будешь?

— Что на берегу дѣлать? Я по кабакамъ не хожу да за дѣвками не гоняюсь, какъ другіе прочіе матросы...

— И женатые?

— А ты думала какъ? Это рѣдко какой человѣкъ понимаетъ, что ежели онъ въ законѣ, то соблюдать себя долженъ не хуже жены... По мнѣ, такъ это грѣхъ, а матросъ не считаетъ грѣхомъ... Ему, молъ, ничего... Зато и матроски, нечего тоже сказать... рады, какъ мужья-то уйдутъ... Небось, сама видала, какія здѣсь матроски?.. А ежели по совѣсти-то разсудить, то и мужья виноваты... Сами законъ не исполняютъ, такъ развѣ можно съ жены требовать?

Григорій любовно смотрѣлъ на жену и, полный счастья, продолжалъ:

— Вотъ мы съ тобой, Груня, не такіе... Мы Бога-то помнимъ... законъ исполняемъ... Живемъ, слава Богу, по совѣсти... Уйду я въ море, и сердце у меня спокойно... Знаю, что ты вѣрная мнѣ жена...

— И я стыдъ-то, кажется, имѣю!—проговорила, вся вспыхивая, Груня...

— То-то и есть. И ни на кого меня не промѣняешь... Любишь мужа-то?

— Какъ же мужа не любить!.. И на кого же мужа мѣнять?—горячо сказала Груня.

— И за меня можешь не сумлѣваться, Груня, — продолжалъ Григорій, радостный отъ этихъ словъ и чувствовавшій потребность излить свои чувства передъ любимой женой: — я тоже стыдъ имѣю... Ты вотъ годъ въ деревнѣ жила, и ни на кого я не смотрѣлъ... ни одной бабы не зналъ... хучь бы ихъ и не было... А ужъ теперь и подавно... Одна ты въ мысляхъ...

«Ишь какъ онъ меня любитъ!» — подумала тронутая матроска и чувствовала себя безконечно виноватой передъ мужемъ, вспомнивъ, что нѣсколько минутъ назадъ она считала его постылымъ.

Ей хотѣлось чѣмъ-нибудь доказать ему свою привязанность и отвѣтить ласковымъ словомъ.

И она сказала:

— И у меня, кромѣ тебя, никого нѣтъ на мысляхъ, Григорій.

Сказала, и краска залила ея щеки отъ лжи.

А Григорій понялъ это, какъ проявленіе страсти въ женѣ, и, необыкновенно счастливый, что она его любитъ, прошепталъ:

— Славная ты у меня, Груня!

Они долго просидѣли этотъ вечеръ за столомъ. Слѣдующій день было воскресенье, и Григорію не нужно было идти въ гавань. Они разговаривали о разныхъ дѣлахъ, о томъ, какъ Груня будетъ жить лѣто. Онъ наказывалъ ей не утруждать себя работой и не брать много стирки. У нихъ, слава Богу, есть двадцать рублей, прикопленныхъ на черный день; можно изъ этихъ денегъ тратить, въ случаѣ чего. И пусть она не отказываетъ себѣ въ пищѣ, пусть ѣстъ хорошо, да когда побалуетъ себя ягодами да пряниками, а онъ за лѣто скопитъ деньжонокъ за винную порцію.

— А я тебѣ вѣсточки о себѣ давать буду, Груня.

— Жалко, я не умѣю... А то бы я тебѣ отписала... Развѣ попросить кого написать?..

— Нѣтъ, ужъ кого просить!.. — не согласился на это ревнивый матросъ и прибавилъ:—дастъ Богъ, и придется повидаться лѣтомъ... Нашъ капитанъ тоже женатый... И ему лестно навѣстить супружницу...

Черезъ пять дней, рано утромъ, Аграфена провожала мужа до Купеческой гавани, гдѣ стоялъ баркасъ, готовый отвезти на бригъ отпущенныхъ на ночь женатыхъ матросовъ.

На людяхъ они простились безъ особыхъ нѣжностей. Только Груня какъ-то особенно сильно и горячо пожала мужу руку. Ей почему-то вдругъ сдѣлалось страшно, что онъ уходитъ, и она остается одна, и слезы показались на ея глазахъ.

— Ну, полно, Груня... Не плачь... Лѣто скоро пройдетъ...

— Смотри, Гриша... давай о себѣ вѣсточки... И почаще!..—говорила, всхлипывая, Груня.

— Вались на баркасъ, ребята!—крикнулъ унтеръ-офицеръ.— Сейчасъ отваливаемъ!

— Прощай, Груня...

— Прощай, Гриша...

Смѣхъ и говоръ провожавшихъ бабъ затихъ.

Скоро баркасъ былъ полонъ матросами и отвалилъ отъ пристани.

Въ восьмомъ часу утра Аграфена пошла на стѣну Купеческой гавани и видѣла, какъ двухмачтовый красивый бригъ «Вихрь», поставивъ всѣ паруса, слегка накренившись, уходилъ отъ Малаго кронштадтскаго рейда.

Она возвращалась домой, по обыкновенію, степенная и серьезная, ни на кого не глядя и не обращая вниманія на похвалы, порой раздававшіяся ей вслѣдъ.

О писаренкѣ она почти забыла. Онъ исполнилъ обѣщаніе и со времени послѣдней встрѣчи ни разу не показывался на глаза.

VIII.

Прошла недѣля съ тѣхъ поръ, какъ Григорій ушелъ на «Вихрѣ» въ плаваніе. Одна знакомая матроска сказывала, что «Вихрь» во все лѣто ни разу не зайдетъ въ Кронштадтъ. Ей одинъ писарь старый говорилъ, который «все знаетъ».

Писаренокъ точно въ воду канулъ.

Это показалось Аграфенѣ чѣмъ-то страннымъ, ей какъ будто было даже обидно, что онъ такъ добросовѣстно исполнилъ ея же приказаніе: «не услѣживать».

Если писаренокъ не «брехалъ» тогда зря, то могъ бы разъ-другой какъ будто ненарокомъ встрѣтиться. А то бѣгалъ-бѣгалъ два мѣсяца, пялилъ глаза, да и былъ таковъ! Какая же эта любовь?

«Ужъ не случилось ли чего съ нимъ?»—безпокоилась порой Груня.

И во время своихъ выходовъ на улицу она нѣтъ-нѣтъ да украдкой и взглядывала: не идетъ ли навстрѣчу этотъ пригожій, аккуратный, молодой писарекъ?

И матроска досадливо отворачивала взоръ, не встрѣчая своего поклонника ни на улицахъ ни на рынкѣ.

«А, можетъ, его назначили на какой-нибудь корабль и его нѣтъ въ Кронштадтѣ?»

Такъ порой думала матроска, но думы о писарькѣ не были продолжительными и не переходили въ грѣховныя мечты, какъ было разъ. Дьявольскаго навожденія, слава Богу, не было, и Грунѣ не въ чемъ было каяться.

Просто ей жаль этого робкаго паренька, котораго она такъ

строго «отчекрыжила», вотъ и все. Что можетъ быть другого? Не льстится же она, въ самомъ дѣлѣ, на хорошенькаго писаренка? Она и по имени его даже не знаетъ. Она, слава Богу, любитъ и почитаетъ своего матроса и помнитъ, что мужняя жена. Небось, законъ соблюдаетъ, и ни въ чемъ ее упрекнуть нельзя.

Подобными объясненіями она успокаивала себя, когда замѣчала, что въ голову ея подчасъ являлись мысли о писарѣ. Ей казалось, что она вовсе забыла о немъ думать—мало ли этихъ прощалыжниковъ-писарей въ Кронштадтѣ, — а онъ нѣтъ-нѣтъ да и вспомнится, и словно бы отъ этого воспоминанія и тепло и грустно на душѣ.

Почти увѣренная, что поклонникъ ея въ морѣ, матроска чуть не ахнула, когда однажды, часу въ восьмомъ утра, отправившись на рынокъ, она увидала этого самаго писаренка, шедшаго навстрѣчу.

Сердце ея забилось радостно и тревожно. Она чувствовала, что лицо ея заливается румянцемъ. Ей вдругъ сдѣлалось весело, и погожій іюньскій день ей показался еще свѣтлѣй и погожѣй.

А онъ шелъ, не спѣша, съ опущенной внизъ головой, точно подавленный какимъ-то горемъ, и не поднималъ глазъ.

Стараясь скрыть охватившее ее радостное волненіе, Аграфена приняла строгій видъ, опустила глаза и прибавила шагу. Вотъ-вотъ они сейчасъ сойдутся и разойдутся,—онъ на нее и не взглянетъ.

«Видно, и забылъ обо мнѣ!»—подумала задѣтая за живое матроска, исподлобья взглядывая на писарька.

Но въ ту же минуту онъ быстро поднялъ голову и, встрѣтивъ ея взглядъ восторженнымъ взглядомъ, весь словно бы просіявшій отъ счастья, снялъ фуражку и проговорилъ:

— Мое навѣки вамъ нижайшее почтеніе, Аграфена Ивановна! Дозвольте умолить васъ выслушать одно мое слово...

— Ну, здравствуй... Чего тебѣ надо еще?—строго промолвила Груня чуть-чуть дрожавшимъ голосомъ.

Она пріостановилась и вопросительно смотрѣла на этого хорошенькаго, свѣжаго и румянаго, щегольски одѣтаго писарька. Его большіе черные глаза такъ и впились въ ея лицо и точно ласкали своимъ нѣжнымъ взглядомъ и говорили о любви.

— Какъ вамъ угодно будетъ, Аграфена Ивановна, но только я не могу,—началъ онъ мягкимъ нѣжнымъ теноркомъ.

— Чего ты не можешь? говори толкомъ.

— Не могу исполнить вашего повелѣнія, чтобы не видать

васъ. Терпѣлъ двѣ недѣли и... нѣтъ больше силъ моихъ... Не будьте столь ко мнѣ жестоки... Позвольте хоть издали любоваться на васъ, Аграфена Ивановна...

— Опять замололъ! Не мели пустяковъ!—промолвила Груня, продолжая путь.

— Для васъ пустяки, а для меня, можетъ-быть, рѣшается судьба жизни!—продолжалъ Васька, идя рядомъ съ Аграфеной.—Не берите на душу грѣха въ погибели человѣка...

— Отстань... Что еще выдумалъ?

— Вовсе не выдумалъ, Аграфена Ивановна... Я цѣлыхъ двѣ недѣли, можно сказать, былъ въ непрерывной тоскѣ и въ непрерывныхъ мечтаніяхъ о васъ... Ни сна не было, ни аппетита. Такъ только поддерживалъ свое существованіе... Отмѣните ваше приказаніе... насчетъ моего обожанія. А не то... безъ лицезрѣнія вашего лица мнѣ лучше не жить.

— Сдурѣлъ ты, что ли?..

— Помраченіе форменное, Аграфена Ивановна. Первый разъ въ жизни почувствовалъ, что значитъ, когда обожаешь всѣми нервами своего существованія по гробъ жизни. Дозвольте встрѣчаться, а не то въ отчаянности я могу рѣшить себя жизни...

— Что ты? Что ты? — испуганно проговорила матроска, останавливаясь и съ участіемъ взглядывая на писарька, лицо котораго въ эту минуту имѣло самое трагическое выраженіе.— Какъ тебя звать-то?—прибавила она.

— Василіемъ!—мрачно проговорилъ писарь.

— Опомнись, Василій! Не говори такихъ словъ. Грѣхъ, большой грѣхъ!

— Вовсе я въ безпамятствѣ отъ чрезмѣрной любви къ вамъ, Аграфена Ивановна.

— Глупый! Развѣ можно любить чужихъ женъ! Я — въ законѣ. А ты заведи свою да и люби... Мало ли дѣвушекъ въ Кронштадтѣ.

Васька горько усмѣхнулся.

— Эхъ, Аграфена Ивановна! Можетъ, и много ихъ, да вы-то однѣ!

— Отвяжись... Не болтай... Иди, иди прочь!... Люди увидятъ.

И матроска, вся взволнованная, пошла, ускоряя шаги.

— Такъ это послѣднее ваше слово, Аграфена Ивановна?

— Да чего ты отъ меня хочешь?

— Видѣть васъ, только видѣть и знать, что вы не сердитесь на несчастнѣйшаго человѣка.

— Да какъ я могу запретить дураку смотрѣть на себя?..

Пяль глаза, коли тебѣ охота... Только смотри, около дома не ходи!..

— Чувствительно благодаренъ вамъ и за то... Пречувствительно. Вы, можно сказать, вернули меня къ жизни.

И съ этими словами Васька взялъ руку Аграфены и крѣпко-крѣпко пожалъ ее.

— Сегодняшній день—для меня незабвенный!—прибавилъ онъ и шепнулъ: — Прощай, любовь моя!.. Прощай, анделъ души моей!

И, приподнявъ фуражку, обогналъ матроску и еще долго оглядывался, словно бы не могъ отъ нея оторваться.

— Глупый!—шепнула матроска.

На душѣ у нея была радость. Эта любовь невольно находила откликъ, и она вдругъ почувствовала, что писарекъ ей необыкновенно милъ и дорогъ.

IX.

Молодая, впервые загорѣвшаяся страсть охватила молодую женщину, пробудивъ въ ней дремавшіе инстинкты. Напрасно боролась она съ ней. Напрасно прибѣгала къ заступничеству пресвятой Владычицы и Николѣ-угоднику. Ни горячія молитвы, ни слезы, ни усердные поклоны, ни воспоминанія о добромъ, хорошемъ Григорьѣ не помогали теперь. Этотъ красивый писарекъ овладѣлъ всѣми ея думами. Безсонныя лѣтнія ночи были полны грезъ о немъ. И какихъ грѣшныхъ грезъ!.. И она отдавалась имъ въ какой-то истомѣ, отдавалась, радостная и трепещущая, горячимъ поцѣлуямъ и на утро, со стыдомъ вспоминая о грѣшныхъ снахъ, снова молилась.

Выходя на улицу, она теперь тщательнѣе заботилась о своемъ туалетѣ и старалась одѣться къ лицу. Встрѣчъ она ждала съ нетерпѣніемъ, и сердце ея сильнѣе билось, когда писарекъ появлялся на дорогѣ. И ей было грустно, когда онъ ее не встрѣчалъ.

Но она старалась не показывать вида, что онъ ей такъ любъ, и таила про себя свою любовь. Попрежнему она была серьезна и даже сурова при встрѣчахъ и не допускала никакой короткости.

«Услѣживая» матроску, Васька дарилъ ее пронзительными взглядами и при удобномъ случаѣ отпускалъ ей чувствительные комплименты и говорилъ о своей любви.

— Не бреши... Негодится мнѣ слушать!—сурово останавливала его матроска.

Но Васька видѣлъ, какъ краснѣла она отъ удовольствія, и рѣшилъ, что пора дѣйствовать болѣе энергично.

И вотъ однажды днемъ, часу во второмъ, когда квартирная хозяйка Груни сидѣла у своего ларька на рынкѣ, и почти всѣ обитатели переулка дремали послѣ обѣда, Васька осторожно вошелъ во дворъ и тихо отворилъ двери комнаты.

Послѣ утра, проведеннаго въ стиркѣ, Груня тоже прилегла, но сна не было. Мысли ея были заняты писарькомъ. Сегодня на рынкѣ она не видала его. Отчего это онъ не пришелъ?

— Кто тамъ?.. Это ты, Ивановна?—окликнула Груня, заслышавъ шаги въ комнатѣ.

Отвѣта не было.

Тогда она вскочила съ постели и, наскоро застегивая раскрытый воротникъ платья, вышла за пологъ.

Краска залила ей лицо при видѣ писарька, о которомъ она только-что думала.

— Ты зачѣмъ? Нешто тебя звали? — сурово проговорила Аграфена, стараясь принять строгій видъ и въ то же время оправляя свои сбившіеся волосы.

— Простите мое дерзновеніе, Аграфена Ивановна,—робко проговорилъ, почтительно кланяясь, Васька:—я на одинъ секундъ... Шелъ мимо—уморился отъ жары и осмѣлился зайтить... Попрошу, молъ, напиться... И какъ же хорошо здѣсь у васъ, Аграфена Ивановна!.. Точно въ раю небесномъ! — прибавилъ Васька, озирая опрятную, чистую комнату.

Стараясь скрыть охватившее ее волненіе при видѣ этого нежданнаго, но желаннаго гостя, матроска торопливо прошла своими маленькими босыми ногами за двери и, вернувшись оттуда съ ковшикомъ, протянула его писарьку и сердито сказала:

— На, пей и проваливай!

Пальцы ихъ встрѣтились. Васька будто нечаянно придержалъ руку Груни въ своей рукѣ, когда бралъ ковшикъ.

— Бери, что ли, коли пить зашелъ! — смущенно промолвила Груня, отдергивая руку.

— Чувствительнѣйше благодаренъ, Аграфена Ивановна, что дозволили утолить жажду,—позвольте пожать вашу бѣлую ручку...

И, не дожидаясь ея согласія, онъ крѣпко пожалъ ей руку.

— А ковшикъ я самъ отнесу на мѣсто.

Онъ вышелъ за двери и, возвращаясь, незамѣтно заперъ ихъ на крючокъ.

— Ты зачѣмъ же вернулся? Напился и уходи съ Богомъ! — взволнованно произнесла Груня, увидавъ снова писарька.

— Дозвольте присѣсть хучь на минутку, Аграфена Ивановна. Ужасти какъ усталъ... Такая, можно сказать, угнетательная жара! — продолжалъ раскраснѣвшійся писаренокъ, лаская Груню загорѣвшимся взоромъ.—А тутъ у васъ такая прохлада.

— Отдыхай гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ...

— Одну минуточку...

— Уходи... уходи!.. Что люди скажутъ, увидавши, что ты здѣсь...

— И никто не увидитъ... Хозяйка ваша на рынкѣ... Народъ спитъ... А вы все: «люди»! Эхъ, Аграфена Ивановна! Вамъ, видно, нисколько не жаль человѣка?..

— Чего тебя жалѣть-то?

— За мою такую несчастную любовь нельзя даже и секундъ одинъ побыть у васъ... поглядѣть на ваши чудные глазки, на ваши сахарныя уста. За одинъ поцѣлуй умеръ бы сейчасъ на мѣстѣ, вотъ что... А вы столь жестоки, Аграфена Ивановна! Положимъ, я вамъ вовсе ненавистенъ, я это довольно даже хорошо понимаю, но неужели ненавистность такъ велика, что нельзя и минутки посидѣть?..

Онъ говорилъ тихимъ, вкрадчивымъ голосомъ, не спуская съ нея глазъ, полныхъ мольбы и страсти.

И красивое лицо Груни алѣетъ все болѣе и болѣе. Высокая грудь тревожнѣе дышитъ изъ-подъ тонкой ткани ситца. Глаза ея уже не строго, а смущенно и испуганно смотрятъ на писаренка и свѣтятся лаской.

— Глупый! Съ чего ты взялъ, что ненавистенъ? — какъ-то помимо воли ея вырвались эти слова.—Но ты уходи, слышишь, уходи!

Но Васька шелъ къ ней.

— Уходи, говорятъ!—въ страхѣ прошептала Груня, отступая назадъ и чувствуя, какъ трепещетъ ея сердце.

— Груня... Ненаглядная!.. Помру безъ тебя!

— Уходи, уходи!

Въ голосѣ ея звучала уже не угроза, а мольба.

— Ты гонишь, жестокая! А я долженъ страдать... Груня... Груня!—говорилъ онъ прерывающимся голосомъ.

И, весь охваченный страстью, онъ уже былъ около матроски...

— Голубка моя... Радость жизни!..

— Уйди... Уйди!—повторяла она.

Но вмѣсто того, чтобъ оттолкнуть его, она вдругъ порывисто и страстно обвила его шею и крѣпко прильнула къ устамъ писаренка.

Слезы лились изъ ея глазъ, и она, забывъ все на свѣтѣ, шептала:

— Вася!.. Голубчикъ!.. Желанный ты мой!..

X.

Мѣсяцъ пролетѣлъ для Груни словно бы въ какомъ-то счастливомъ снѣ.

Эта первая настоящая любовь совсѣмъ захватила молодую женщину, и она беззавѣтно отдалась ей со всею силою своей страстной натуры. Она безумно привязалась къ Васькѣ, который въ ея ослѣпленныхъ глазахъ былъ и красавцемъ, и умнымъ, и добрымъ. Это было какое-то обожаніе впервые влюбленной женщины, рабское поклоненіе кумиру. Онъ казался ей высшимъ существомъ и все въ немъ необыкновенно милымъ.

Богобоязненная и сдержанная прежде, она теперь словно бы хотѣла себя вознаградить за прежнюю жизнь безъ любви. Она, казалось, забыла и о грѣхѣ и о мужѣ, ни о чемъ не думая, ничего не пугаясь,—одинъ Вася былъ для нея источникомъ жизни и радости. Они видѣлись часто: позднею ночью тихо стучалъ онъ въ окно, и Груня отворяла его, впуская писарька.

Она глядѣла ему въ глаза и, казалось, готова была на все для него. Васька видѣлъ, что она «втемяшилась», какъ онъ выражался, и пользовался своимъ положеніемъ. Въ скоромъ времени Груня передала ему всѣ деньги, которыя у нея были, и заложила всѣ свои вещи. Она притихала, когда Васька былъ не въ духѣ, и терпѣливо сносила его ломаніе. А онъ таки-ломался надъ любящей женщиной, и ему доставляло какое-то удовольствіе дразнить ее, возбуждая ея ревность.

И Груня по цѣлымъ днямъ плакала, когда, случалось, Васька не приходилъ. Но стоило ему придти, стоило сказать ласковое слово—и она вся свѣтлѣла и спрашивала:

— Любишь ты меня?

— Не любилъ бы, небось, не ходилъ... А ты думала какъ?— прибавлялъ насмѣшливо писарекъ, самъ увлеченный страстью красавицы-матроски.

Но скоро увлеченіе его стало проходить. Онъ все рѣже и рѣже сталъ заходить къ Грунѣ и, когда та начинала упрекать, отвѣчалъ:

— Хочу—пришелъ, хочу—нѣтъ... Я—вольная птица...

— Такъ-то любишь?.. А что говорилъ?

— Мало ли что скажешь бабѣ... Не всякому слову вѣрь...

— Вася! Да Богъ-то у тебя есть?

— Слава Богу, крещеный...

Груня горько плакала. Тогда онъ утѣшалъ ее ласками, бралъ послѣднія деньги и уходилъ...

Наступилъ августъ мѣсяцъ, и Васька совсѣмъ пересталъ ходить къ Грунѣ. Во-первыхъ, боялся онъ, что скоро вернется мужъ и какъ бы ему не попало отъ него, а во-вторыхъ, онъ и охладѣлъ къ своей любовницѣ, — слишкомъ ужъ она «въ серьезъ» къ нему была «привержена», и это его пугало. Вдобавокъ онъ уже началъ пріударивать за франтоватой горничной изъ Петербурга, поступившей къ одному адмиралу и успѣвшей уже обратить на себя вниманіе господъ писарей и своимъ задорнымъ личикомъ, и фасонистыми костюмами, и шляпкой съ цвѣтами, и высокомѣрнымъ отношеніемъ къ ухаживателямъ.

«Дескать, я на всѣхъ васъ ноль вниманія!»

Въ качествѣ кронштадтскаго «сердцеѣда», Васька перенести этого не могъ и принялся бомбардировать адмиральскую горничную своими любовными словечками.

Груня загрустила. Почуяло ея сердце, что Васька разлюбилъ ее, и она первые дни ходила, какъ потерянная. Неужли такъ и бросилъ, не простившись даже? И она жадно искала съ нимъ встрѣчъ. Но онъ и не глядѣлъ на нее, разъ даже, проходя подъ-руку съ расфуфыренной чернявой горничной, усмѣхнулся и что-то прошепталъ своей спутницѣ на ухо, показывая на Груню.

Глубоко оскорбленная, вернулась Груня домой, и ей все еще не вѣрилось, что можно быть такимъ безсовѣстнымъ человѣкомъ.

— За что? За что? — шептала она, и горькія слезы катились по ея щекамъ.

На слѣдующій день, отправляясь за бѣльемъ, она встрѣтила Ваську.

— Вася!—позвала она.

— Ну, что тебѣ?—нетерпѣливо проговорилъ Васька.

— И тебѣ не стыдно?—кротко спросила матроска.

— Чего стыдиться-то? И вовсе мнѣ не стыдно!—нахально проговорилъ онъ, улыбаясь глазами.

— Зачѣмъ же ты облещивалъ?.. Говорилъ, что жисти рѣшишься... Значитъ, все вралъ?..

— А ты, деревня, и повѣрила?.. Думала, я и взаправду изъ-за тебя жизни рѣшусь... Держи карманъ...

Груня стала бѣлѣе полотна и наивно спросила:

— Зачѣмъ же ты вралъ?

— Извѣстно зачѣмъ... Чтобъ облестить... Ты такая недо-

трога была... Фу ты на... Не подходи... А я, значитъ, и подошелъ... Поняла теперь?.. А затѣмъ имѣю честь кланяться, мадамъ, мнѣ не по пути!..

Груня вернулась домой, но не могла приняться за обычную работу.

Точно завѣса спала съ ея глазъ, точно она очнулась отъ сна, когда припомнила все случившееся. На нее напалъ ужасъ. Господи! Что она сдѣлала? Изъ-за кого приняла столько грѣха? И оскорбленіе поруганной любви, и презрѣніе къ себѣ, и стыдъ передъ мужемъ, и страхъ передъ грѣхомъ — все это слилось въ одно чувство безпредѣльнаго отчаянія, охватившаго холодомъ ея душу.

Какъ нарочно въ голову ей приходили мысли о мужѣ. Такъ-то она отплатила за его любовь, за его нѣжныя заботы. Только теперь, при сравненіи съ этимъ «подлецомъ», поняла она, какъ Григорій ее любитъ и какое для него предстоитъ горе. Какъ она взглянетъ Григорію въ глаза, когда онъ вернется? Что скажетъ ему? Она, мужняя жена, она, до сихъ поръ соблюдавшая себя, могла сдѣлаться полюбовницей!..

О, Господи, какая она великая грѣшница, и нѣтъ ей прощенія!

И она съ искаженнымъ страданіями, поблѣднѣвшимъ лицомъ поднялась и, пройдя за пологъ, съ воплемъ тяжкаго горя пала ницъ передъ образами.

Тщетно искала въ молитвѣ успокоенія бѣдная женщина. Безпросвѣтный душевный мракъ охватилъ матроску, имѣвшую несчастіе искренно увлечься.

XI.

— Что-жъ, Ивановъ, припасъ деньги на пиво-то?—весело спрашивалъ Васька своего пріятеля, гуляя съ нимъ вскорѣ послѣ разрыва съ Груней въ кронштадтскомъ лѣтнемъ саду.

— Какое пиво?

— Забылъ, что ли, уговоръ насчетъ Груньки?

— Да ты нешто выигралъ парей? — проговорилъ, зеленѣя отъ завистливой злобы, неказистый и худой бѣлобрысый писарь.

Васька протяжно свистнулъ.

— Еще когда... Куда раньше срока...

— Что-жъ ты раньше не хвасталъ и не требовалъ парея?— недовѣрчиво спросилъ Ивановъ.

— Нашелъ желторотаго галчонка! Развѣ мнѣ неизвѣстна завистливая твоя душа? Безпремѣнно ты подстроилъ бы мнѣ

какую-нибудь пакость. Пошелъ бы къ ней и началъ бы стращать, чтобы самому попользоваться... Ты на это ловокъ, дьяволъ... Пакостилъ мнѣ не разъ... Научилъ, слава Богу...

— А теперь не боишься?

— Сдѣлай ваше одолженіе. Можешь теперь застращивать сколько угодно матроску... Мѣсяцъ почти съ ней путался, съ меня довольно. Надоѣла! — небрежно проговорилъ Васька и даже зѣвнулъ для большаго эффекта, считая это почему-то необходимымъ для такого неотразимаго обольстителя.—Теперь, братецъ мой, я новую горничную адмирала Рябчикова обхаживаю... Видалъ, что ли, эту пронзительную брунетку? Тоже, я тебѣ скажу, занозистая мамзеля. Такъ по-французски и сыплетъ... Ну да я ее скоро укрощу... шельму!—съ невозмутимымъ нахальнымъ апломбомъ прибавилъ Васька и прищурилъ глаза, оглядывая проходившихъ горничныхъ.

— И все-то ты врешь, все-то ты врешь, подлецъ, насчетъ Груньки!—какимъ-то сдавленнымъ голосомъ прохрипѣлъ Ивановъ.

— Смотри, не подавись отъ злости... Небось, завидно?—разсмѣялся Васька, привыкшій къ этимъ выходкамъ Иванова.—А пиво все-таки ставь!

— Чѣмъ же ты докажешь, что не врешь?

— Охота мнѣ передъ тобой врать—скажите пожалуйста!..

— А все врешь!—настойчиво и злобно повторилъ Ивановъ, хотя въ душѣ и увѣренъ былъ, что подлецъ Васька не вретъ.—Докажи, тогда поставлю пиво.

— Да вотъ спроси хоть Ѳедосѣева. Онъ какъ-то запопалъ меня, какъ я отъ Груньки въ окно подъ утро лѣзъ... Тогда повѣришь?...

— И спрошу... Эка безстыжій ты дьяволъ!.. Облестилъ честную бабу и бросилъ!.. И за что только такого подлеца бабы любятъ!—съ негодованіемъ воскликнулъ Ивановъ.

— Небось, ты бы не облестилъ?.. Ходу только нѣтъ при твоей уксусной харѣ, ты и урчишь на другихъ...

— И попадетъ же тебѣ когда-нибудь, Васька. Здорово попадетъ! Мужъ-то этой Груньки ревнивый и отчаянный, я тебѣ скажу, матросъ. Онъ не стерпитъ!

Васька видимо струсилъ, судя по мгновенно измѣнившемуся выраженію лица.

— Почемъ онъ узнаетъ?

— Небось, найдутся подлые люди, которые скажутъ!—значительно протянулъ Ивановъ.

— Да брось ты каркать, воронья душа... Я знать ничего не знаю и никакой, молъ, Груньки не касался... Отверчусь

въ случаѣ, ежели какая дрязга выйдетъ. Валимъ, братъ, лучше пиво пить, коли ты при деньгахъ. А брунетка, видно, не придетъ... Обѣщалась быть въ саду и нѣтъ ея! Должно, задержало что̀.

Ивановъ согласился поставить въ счетъ проиграннаго парн нѣсколько бутылокъ пива и, когда Васька подпилъ, онъ съ какимъ-то болѣзненнымъ развращеннымъ любопытствомъ разспрашивалъ о подробностяхъ его отношеній съ матроской и хотя злился, слушая о томъ, какъ привязана была Груня и какая она, можно сказать, «огонь-женщина», но все-таки не переставалъ разспрашивать, полный злобы и зависти къ этому «подлецу Васькѣ», пользующемуся жизнью, веселому и довольному, тогда какъ самъ онъ ни разу не испыталъ расположенія ни одной женщины — напротивъ, только возбуждалъ одно отвращеніе.

На другой же день Ивановъ выслѣдилъ Груню, когда она вышла изъ дома, и присталъ къ ней.

— Напрасно вы о Васькѣ-подлецѣ сокрушаетесь... Онъ забылъ и думать о васъ, Аграфена Ивановна,—говорилъ онъ своимъ скрипучимъ, точно сдавленнымъ голосомъ, слѣдуя за матроской. — А я бы васъ, значитъ, любилъ по-настоящему... Что̀ вы на это скажете?

Груня только поблѣднѣла и шла, не отвѣчая ни слова.

— Какой же вашъ будетъ отвѣтъ?.. Позвольте придтить къ вамъ съ визитомъ... Не откажите... Я болтать не буду, не то что Васька, никто не узна̀етъ!.. Вы даже и отвѣчать не хотите?.. Такъ, можетъ, вамъ лучше отвѣтить и согласиться... Право... хучь одно свиданіе назначьте!—продолжалъ писарь, оглядывая стройную фигурку матроски своими маленькими подслѣповатыми жадными глазками.—А не то можно и мужу вашему объяснить, какъ вы Ваську по ночамъ въ окна пускали... Небось, попадетъ вамъ въ такомъ случаѣ... и Васькѣ будетъ! Такъ какое ваше рѣшеніе? Когда прикажете придтить?..

Матроска вдругъ обернулась и, вся блѣдная отъ негодованія, оглядѣла тщедушнаго, неказистаго писаря такимъ презрительнымъ, уничтожающимъ взглядомъ, что тотъ весь какъ-то съежился, и его прыщеватое, землистаго цвѣта лицо съ уродливо-большимъ носомъ, нависшимъ надъ вздутыми губами, покрылось красными пятнами.

— Отстань! Не то плюну въ твою поганую харю,—проговорила матроска и, отвернувшись, пошла далѣе.

Писарь не рѣшился болѣе преслѣдовать матроску. Онъ только въ безсильной злобѣ крикнулъ ей вслѣдъ позорное ругательство и потомъ шепнулъ, словно утѣшая себя:

— Попомнишь ты поганую харю! Попомните вы оба съ Васькой!

На другой же день, сидя за столикомъ въ экипажной канцеляріи, онъ писалъ своимъ четкимъ красивымъ писарскимъ почеркомъ письмо Григорію, въ которомъ отъ имени доброжелателя извѣщалъ о томъ, что «его супруга находилась въ любовной связи съ писаремъ 12 флотскаго экипажа Васькой Антоновымъ въ теченіе мѣсяца и продолжала бы оную, если бы Васька не бросилъ Аграфену Ивановну, обобравши отъ нея всѣ деньги, которыя могъ выманить по своей подлости. И многія вещи, какъ-то: два новыхъ платья и шубка супруги вашей заложены для своего милаго дружка, заслужившаго такую любовную приверженность, что онѣ принимали Ваську почитай что каждую ночь у себя на квартирѣ, впуская и выпуская счастливаго полюбовника въ окно. Все сіе доподлинно вѣрно и сообщается вамъ, Григорій Ѳедоровичъ, дабы вы знали, какъ вѣрна вамъ ваша неблагодарная супруга, и какой подлый соблазнитель есть писарь 12 флотскаго экипажа Васька Антоновъ».

Ивановъ писалъ это письмо съ злобнымъ удовольствіемъ мелкой душонки, готовой мстить другимъ за свое ничтожество и за свои житейскія неудачи. Съ такимъ же чувствомъ удовлетвореннаго автора онъ перечелъ свое анонимное произведеніе и, вложивъ его въ конвертъ, крупными буквами надписалъ: «На бригъ «Вихрь», старшему рулевому Григорію Ѳедоровичу Кислицыну».

Оставалось узнать, гдѣ въ настоящее время находится «Вихрь», и въ какой портъ нужно адресовать, чтобы письмо скорѣе дошло, и Ивановъ, отпросившись у письмоводителя отлучиться на полчаса, сбѣгалъ въ штабъ и тамъ отъ знакомаго писаря узналъ, что «Вихрь» скоро зайдетъ въ Гельсингфорсъ и простоитъ въ этомъ портѣ недѣлю.

Письмо было въ тотъ же день сдано въ штабъ для отправки, послѣ чего Ивановъ почувствовалъ себя въ хорошемъ и веселомъ настроеніи человѣка, свершившаго какое-нибудь доброе дѣло. И вечеромъ въ казармѣ онъ былъ необыкновенно оживленъ и даже добродушенъ, дружески бесѣдуя со своимъ пріятелемъ Васькой. Онъ обѣщалъ поставить ему остальныя три бутылки проиграннаго пари завтра и вообще выказывалъ ему самое пріятельское расположеніе: хвалилъ его, что не зѣваетъ съ «бабами», и удивлялся разнообразію его талантовъ. Онъ и на гармоніи отлично играетъ, и «романцы жестокіе» отлично поетъ, и умѣетъ, шельма, къ начальству подольститься и лодырничать, когда другіе должны работать.

— Одно слово, счастливчикъ ты, Вася! — весело и добродушно говорилъ Ивановъ, распивая съ пріятелемъ чай.

— Да что это ты нонче такой веселый, Ивановъ? Ай гдѣ съ матроской сговорился?

— Ну ее, твою матроску!.. Не съ моей физіономіей... Да я и не льщусь... Больно угрюмистаго характера... Ну и мужъ у нея пресердитый.

— Такъ кухарчонку какую примѣтилъ?

— И куфарчонки, Вася, никакой не примѣтилъ, а такъ, значитъ, нашла веселая линія... Не все же скучать... Такъ-то, Вася...

И Ивановъ разсмѣялся, показывая рядъ черныхъ гнилыхъ зубовъ, а въ головѣ его пронеслась мысль:

«Ужо будетъ тебѣ отъ матроса. И не ждешь, какъ онъ твою смазливую рожу на сторону свернетъ!»

И онъ снова разсмѣялся и сталъ представлять, какъ у нихъ въ канцеляріи ругался сегодня письмоводитель.

XII.

Благодаря хвастовству Васьки и злостнымъ сплетнямъ его пріятеля, слухи о связи Аграфены Кислицыной съ писарькомъ быстро распространились по казармамъ и на рынкѣ.

Всѣ злорадствовали, особенно гулящія матроски и торговки рынка. Всѣ словно бы торжествовали, что Грунька, считавшаяся недоступной, свихнулась.

— Вотъ тебѣ и вѣрная мужняя жена! Такой тихоней представлялась, а поди-жъ ты!..

— А гордячка какая была! Я, молъ, въ законѣ... Ко мнѣ, молъ, не приставай... А сама такая же, какъ и другія. Чего только фордыбачилась! Точно цаца какая!

— Крѣпилась, носилась со своей славой и... «мое вамъ почтенье!»

— Это подлецъ Васька ее облестилъ...

— Кому же другому? Противъ этого лукаваго писаренка ни одной бабѣ не сустоять. Слова у него противъ бабъ есть... Одурманиваетъ, шельма!

Подобныя восклицанія раздавались на рынкѣ, какъ только донеслась туда вѣсть объ этой исторіи. Первымъ вѣстовщикомъ былъ Ивановъ. Всѣ торговки интересовались этой новостью, всѣ разспрашивали одна другую, каждая прибавляла что-нибудь свое, и въ концѣ концовъ о матроскѣ сложилась цѣлая легенда. Она-де, тихоня, мало того что принимала къ себѣ Ваську въ окно, еще бѣгала къ нему въ казармы, без-

стыжая... Паспу Васька отъ нея отвязался. Какъ только Ивановна ничего не примѣчала?

Ивановна, вдова-матроска, имѣвшая ларекъ на рынкѣ, умная и добрая старуха, искренно расположенная къ Грунѣ и ея мужу, горячо защищала свою жиличку, когда при ней ее бранили, хотя и догадывалась, что съ Груней случилось что-то недоброе. Недаромъ она такъ измѣнилась въ послѣднее время—затосковала.

— Все-то этотъ поганый писаришка вретъ! Долго ли на бабу наплести? А вы и рады зубы скалить да языкомъ брехать!—горячилась Ивановна, защищая Аграфену отъ общихъ нападокъ и глумленія.

— Видѣли, Ивановна, люди видѣли, какъ Васька-подлецъ отъ Груньки изъ окна вылѣзалъ!—съ какою-то страстностью говорили торговки.

— Кто видѣлъ!? Врете вы всѣ, злыни! И тотъ, кто говоритъ, что видѣлъ, брешетъ, какъ песъ! Слава Богу, я знаю Груньку. Она баба совѣстная, правильная... Она и генералъ-арестанту и прочимъ офицерамъ на ихъ подлости отказывала, а не то что связаться съ щенкомъ.. Она не чета какимъ другимъ-прочимъ.

— Ты, Ивановна, отъ старости, видно, ничего не видѣла, а Ѳедосѣевъ писарь—зрячій, онъ, небось, самъ видѣлъ, какъ Васька лѣзъ. Твоя Грунька почище другихъ-прочихъ будетъ... Другія-прочія начистоту, а Грунька тишкомъ да изъ себя быдто неприступную валяетъ, фальшитъ, значитъ... А ты не фальшь! Извѣстно, безъ мужа лѣтомъ молодой бабѣ скучно!.. Такъ ли я говорю, бабочки?—съ циничнымъ смѣхомъ замѣтила толстая, бѣлотѣлая, вся въ веснушкахъ, «рыжая Анка», матроска-торговка, извѣстная разнообразіемъ и обиліемъ своихъ любовныхъ авантюръ.

— Это вѣрно, Анка!

— Матросы по портамъ гуляютъ, а матроскамъ нешто убиваться изъ-за нихъ...

— Жирно будетъ!

И среди этихъ восклицаній раздался веселый смѣхъ молодыхъ бабъ.

— Васъ не перекричишь! Больно горласты! Тьфу!

И Ивановна съ сердцемъ плюнула и, сердитая, примолкла, отвернувшись къ своему ларьку.

Груня скоро почувствовала перемѣну отношеній къ себѣ.

Вскорѣ послѣ оскорбительнаго предложенія Иванова, ей дѣлались и другими лицами такія же оскорбительныя предложенія, и къ ней на улицахъ стали снова приставать и уже

гораздо нахальнѣе, съ разными двусмысленными шуточками, которыя явно намекали на писарька. На рынкѣ ее встрѣчали насмѣшливыми улыбками и при появленіи шушукались. Даже въ домѣ у экипажнаго командира, гдѣ барыня обыкновенно особенно ласково говорила съ матроской и всегда приказывала поить ее чаемъ, и тамъ, казалось Грунѣ, на нее смотрѣли какъ-то иначе, и барыня какъ будто стала суше.

И бѣдная матроска и сама ниже опустила голову и ужъ не смотрѣла, какъ прежде, прямо и смѣло всѣмъ въ глаза и избѣгала выходить на улицу безъ крайности. День-денской она стирала, а къ вечеру, усталая, горячо молилась и ложилась спать.

Но сонъ нескоро смежалъ ея глаза. Самыя безотрадныя мысли приходили къ ней въ голову, молитва не успокаивала ея смятенной души, полной отчаянія, и она считала себя великой грѣшницей, которой нѣтъ прощенія.

XIII.

Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ, когда Аграфена сидѣла со своими печальными думами за столомъ, лѣниво отхлебывая изъ блюдечка чай, въ комнату къ ней вошла Ивановна.

Это была высокая рябоватая старуха съ зоркими, умными и добродушными глазами, придававшими ея красноватому отъ загара и покрытому морщинами лицу выраженіе чего-то значительнаго, умнаго и пріятнаго. Сразу чувствовалось, что эта старуха, проживши долгій вѣкъ, не растеряла сердечной доброты и въ то же время должна была хорошо понимать людей.

— Чай да сахаръ, Груня! — проговорила она, входя въ комнату и крестясь по направленію къ образамъ. — Вотъ я опять пришла провѣдать тебя, милая... Одной-то въ своей клѣтушкѣ будто и скучно...

— Спасибо, Ивановна... Чаю выкушай...

— Пила, милая, только-что пила, какъ съ рынка вернулась.

— Чашечку?

— Ну, развѣ чашечку... для компаніи.

Нѣсколько времени обѣ женщины молча отхлебывали чай.

Старушка Ивановна нѣсколько разъ взглядывала съ выраженіемъ ласки и участія на грустное, словно бы закаменѣвшее лицо Аграфены, похудѣвшее и осунувшееся точно послѣ тяжкой болѣзни, и, поставивъ на столъ выпитую чашку и категорически отказавшись отъ другой, проговорила своимъ старческимъ, нѣсколько пѣвучимъ и тихимъ голосомъ:

— А я тебѣ, старая старуха, знаешь что̀ скажу, Груня?.. Напрасно ты такъ ужъ убиваешься въ своей отчаянности. А отчаянность—грѣхъ и на бѣду натолкнетъ... вотъ что̀. Изведешь ты себя, болѣзная. И то, на что ты стала похожа?

— Тяжко, Ивановна...

— А ты Богу молись.

— Молюсь, а все нѣтъ спокою... Стыдно и вспомнить, что̀ я натворила... Сама знаешь. Видно, Господь прощенія не даетъ такой грѣшницѣ...

— И не такихъ грѣшницъ Господь прощаетъ... Онъ, Батюшка, милосердный... это ты напрасно говоришь... И не такая ты грѣшная, какъ о себѣ полагаешь... Совѣсть-то въ тебѣ совѣстливая — ты и изводишься да думы думаешь... Эхъ, Груня, Груня! Кто изъ бабъ-то въ грѣхъ не впадалъ!.. Ты вотъ отъ своей вины всю душу свою измотала, а другая нагрѣшитъ и забыла... Въ томъ-то и горе твое, милая... Ну, покаялась — и будетъ... Господь-то тебя десять разъ простилъ, потому и вина-то твоя, ежели правильно судить, небольшая...

Аграфена удивленно подняла на Ивановну свои грустные сѣрые глаза, точно не понимая, какъ это такая почтенная старуха можетъ говорить, что ея вина небольшая.

— Ты что̀ такъ смотришь?.. И вовсе даже небольшая, — продолжала Ивановна съ какимъ-то подкупающимъ спокойствіемъ:—вѣдь ты этого самаго подлеца, что̀ тебя облестилъ своими подлыми словами и потомъ же, мерзавецъ, ославилъ по всему городу—навѣрно любила ровно бы какъ обезумѣвшая... Такъ ли я говорю?

— Такъ, Ивановна! — прошептала, краснѣя отъ стыда, Груня.

— И допрежь того ни къ кому такой привержености не имѣла?

— Нѣтъ...

— То-то оно и есть... А выдали тебя, глупую дѣвку, за Григорія, и не было къ нему никакой сердечной горячности... Что̀ за Ивана, что̀ за Петра, все равно тебѣ было. Такъ ли понять надо?

— Такъ, Ивановна...

— Я, небось, все вокругъ примѣчаю... Видѣла, какъ вы живете... Почитать-то ты почитала Григорія, угождала ему—человѣкъ-то онъ хорошій, — ну и какъ правильная баба законъ свой исполняла... А все-таки душа твоя ровно тосковала... Силкомъ вѣдь не полюбишь хоть самаго распрекраснаго что̀ ни есть человѣка... И жила ты, я тебѣ скажу, безъ

смуты, пока сердце твое не захотѣло любви и молодая кровь не взбунтовалась... Тутъ ужъ, милуша, рѣдкая баба устоитъ... Всякой пожить хоть минутку въ охотку... Ты не отъ озорства на грѣхъ пошла, а отъ кипучаго сердца... Такъ какая-жъ твоя большая вина?.. Коли и была вина противъ «закона», ты избыла вину-то... И всякій человѣкъ съ разсудкомъ, который бабу понимаетъ, долженъ простить... Такъ-то, Груня!.. Брось, милая, изводиться!.. Повѣрь, я правильно тебѣ говорю!—заключила старуха, ласково улыбаясь своею широкою, доброю улыбкой.

Однако эти утѣшающія слова не внесли въ сердце Груни примиренія, и она промолвила:

— Спасибо на ласковомъ словѣ, Ивановна... Добрая ты... не осуждаешь, а сама, небось, такъ, какъ я, не поступала...

— Эхъ, Груня, одинъ Богъ безъ грѣха!—протянула какъ-то загадочно старая Ивановна.—Можетъ, я хуже тебя грѣшила... Тоже не по волѣ замужъ выдали... Тоже кипучее сердце было... Ну, да что вспоминать!.. Что было, то было... Забудь и ты...

— То-то не забыть, Ивановна... А главное, какъ я на Григорія взгляну! Сама знаешь, какъ онъ меня любитъ... Что съ нимъ-то будетъ, какъ онъ узнаетъ?

— А зачѣмъ ему знать?

— Какъ зачѣмъ?.. Должна же я ему открыться...

— И вовсе не должна!—горячо возразила Ивановна.—Почему должна? Чтобъ развередить человѣка, да еще такого характернаго, какъ Григорій?.. Ты свою вину ему выложишь, тебѣ, положимъ, легче, а ему-то каково?.. Еще добро бы ты продолжала хороводиться, а то все кончено, отгуляла и отмучилась, подлеца вовсе забыла, стала еще болѣе почитать мужа и... на-кось, съѣшь: чего, молъ, я набѣдокурила на твою голову! Терзайся, молъ, любезный супругъ... Кушайте на здоровье!.. А вѣдь мужчина за бабій грѣхъ золъ... Онъ тутъ и разсудокъ весь свой мужчинскій теряетъ изъ-за своей обиды... Какъ, молъ, я неугоденъ бабѣ-то? И какъ она смѣла, такая-сякая?.. Съ такими долго ли до грѣха... Положимъ, коли любитъ — проститъ, а всячески въ емъ эта самая память, что ты его обезкуражила, навѣкъ останется... И пойдетъ разстройка. И онъ завсегда въ сумлѣніи, а ты, права не права, а завсегда виновата... Особенно когда мужъ ревнивый... Тогда не дай Богъ! Нѣтъ, Груня, Боже тебя сохрани... Лучше молчи, а не кайся... Богу покаялась, и довольно... Нечего зря мужа нудить!..

Старуха произнесла эту тираду съ какимъ-то особеннымъ

одушевленіемъ и съ тою убѣжденностью, которая будто бы намекала, что Ивановна по собственному опыту знаетъ, какъ неудобно каяться мужу въ своихъ грѣхахъ.

Повидимому, и эти вѣскіе доводы не вполнѣ убѣдили Груню. Она хоть и молчала, не желая противорѣчить старухѣ, но душа ея протестовала противъ лжи.

Ивановна замѣтила тщету своихъ увѣреній и, искренно желая спасти и Груню отъ будущей «разстройки», неминуемой, по ея мнѣнію, въ случаѣ признанія такому характерному и ревнивому мужу, какъ Григорій, и самого Григорія отъ горя и обиды, которыя могли довести его Богъ знаетъ до какой бѣды,—самоотверженно рѣшилась, въ видѣ послѣдняго аргумента, припомнить давно прошедшій эпизодъ изъ ея собственной супружеской жизни.

— Ты, какъ посмотрю я, не вѣришь старухѣ?—возбужденно проговорила Ивановна.—Такъ погляди!

И съ этими словами она сдернула съ головы платокъ и, нагнувъ свою засѣдѣвшую голову и приподнявъ жидковатую прядку волосъ, показала большой и глубокій бѣлѣющій шрамъ недалеко отъ виска.

— Видѣла?—спросила она, снова надѣвая платокъ.

— Видѣла.

— Что, небось, ловко съѣзжено?.. Еще слава Богу, что жива осталась. Два мѣсяца въ госпиталѣ пролежала. Дохтура говорили, что черепу поврежденіе вышло... Если бы, говорятъ, еще чуточку, то сразу духъ вонъ...

— Кто-жъ это тебя, Ивановна?

— Извѣстно кто! Мужъ, царствіе ему небесное!—съ чувствомъ проговорила Ивановна и набожно перекрестилась.

— За что же это онъ тебя?—спрашивала Груня, все еще не догадывавшаяся, какое отношеніе имѣетъ этотъ шрамъ къ ея собственному положенію.

— А за свое же безумство, за свое, милая... Тоже была въ твоихъ, примѣрно, годахъ за матросомъ и тоже была замужъ отдана, какъ и ты, безо всякой приверженности. Однако себя соблюдала до поры до времени... А пришла пора, мой-то ушелъ въ плаваніе, а тутъ подвернись такой же подлецъ, въ родѣ Васьки... «Агаша да Агашенька... анделъ...» ну, однимъ словомъ всѣ эти мужчинскія подлости свои повторялъ. Я и развѣсь уши... И показался онъ мнѣ втѣпоры самымъ желаннымъ человѣкомъ на свѣтѣ, этотъ унтерцеръ. Ну и втюрилась... Не ѣмъ, не сплю, только бы его увидать... Извѣстно, наша сестра если втюрится, то лишится всякаго разсудка... Души въ емъ не чаю... И не было бы ничего, если-бъ этотъ

подлецъ отсталъ... Проплакала бы я глаза и шабашъ... Такъ нѣтъ! И онъ свою линію велъ... зналъ, чѣмъ обольстить... Тоже прикинулся, что въ отчаянности... Я и пожалѣй... А коли наша сестра втюрится да пожалѣетъ... извѣстно, что̀ выйдетъ... Ну и вышло. Хороводились мы такъ лѣто, унтеръ-церъ и отсталъ... А тутъ мужъ вернулся... Я сгоряча бухъ ему въ ноги. «Такъ и такъ, молъ, виновата я была, законъ нарушила... Простите, говорю. Больше не буду». А онъ, толкомъ не выслушавши, хвать кочергу да со всей мочи... Потомъ бѣгалъ въ госпиталь, каялся и прощалъ—только, говоритъ, поправляйся... Но съ тѣхъ поръ—на что вѣрна была я жена, а мой матросъ—царство ему небесное!—чуть что̀, сейчасъ драться... И такая разстройка пошла, что не дай Богъ. Натерпѣлась я, пока мы оба въ лѣта не вошли. И еще самъ меня виноватилъ. «Ты, говоритъ, дура, чего мнѣ винилась! Нешто, говоритъ, лестно мнѣ знать, какъ мою да законную супругу чужой человѣкъ въ уста цѣловалъ?.. Нешто, говоритъ, легко мнѣ было свою жену да убить? Дура, говоритъ, и есть...» И впрямь дура была! Нѣтъ, Груня, милая, не винись лучше Григорію. Коли себя не жалѣешь, его-то пожалѣй. Жисть евойную не рушь,—закончила свой разсказъ Ивановна.

— А если онъ стороной узнаетъ?.. Даже одинъ писарь грозился, что отпишетъ мужу...

— Это подлюга Ивановъ? Да Григорій не повѣритъ подметному письму. Мало ли можно набрехать на человѣка... А ты отрекайся... Повѣрь, это мужчинѣ пріятнѣй... Можетъ, первое время онъ и будетъ въ сумлѣніи, а потомъ, какъ увидитъ, что ты ведешь себя честно да правильно—и сумлѣніе пройдетъ. И будете вы жить въ ладѣ да въ мирѣ... Такъ-то, Грунюшка... Посмекни-ка, что̀ тебѣ старуха совѣтуетъ... Ну, однако и наговорила я тебѣ... Пора старымъ костямъ и на покой. Мнѣ-то рано вставать... Прощай!.. Христосъ съ тобой... Спи, милая, хорошо да не нудь себя думами. Все перемелется, мука будетъ!

— Ахъ, Ивановна, что-то сдается мнѣ — не будетъ!—тоскливо проговорила Груня, провожая старуху.

— Будетъ, говорю тебѣ, будетъ... Духомъ-то не падай... Жизнь-то у тебя, у молодки, вся впереди... Живи только!

Ивановна вышла отъ жилички и передъ тѣмъ, что лечь спать въ своей крохотной каморкѣ, помолилась Богу за «рабу Божію Аграфену» и искренно пожалѣла ее, увѣренная, что Груня за стѣной не спитъ, а мучается, и что слова ея нисколько не подбодрили молодой женщины.

— Совѣсть-то въ ей больно назойливая! — проговорила

вслухъ Ивановна и рѣшила на слѣдующій вечеръ опять посидѣть съ Груней, чтобъ не оставлять ее, болѣзную, одну-одинешеньку съ ея кручиной.

XIV.

Послѣ долгаго и утомительнаго крейсерства въ Балтійскомъ морѣ, «Вихрь», къ общему удовольствію матросовъ и офицеровъ, цѣлый мѣсяцъ не бывавшихъ на берегу и питавшихся солониной и сухарями, въ девятомъ часу хмураго августовскаго утра подходилъ къ Гельсингфорсу.

Вѣтеръ былъ довольно свѣжій и попутный. Слегка накренившись, «Вихрь» быстро несся подъ всѣми своими парусами на двухъ высокихъ мачтахъ, держа курсъ на проходъ между скалами двухъ острововъ, на которыхъ расположены укрѣпленія Свеаборга—крѣпости, защищающей входъ на гельсингфорсскій рейдъ.

Проходъ между островами былъ не широкъ. При малѣйшей оплошности рулевыхъ, при отсутствіи у капитана глазомѣра, при недостаткѣ находчивости, возможно было со всего разбѣга налетѣть на одну изъ гранитныхъ глыбъ и разбиться въ дребезги.

Но командиръ брига, молодой еще капитанъ-лейтенантъ, три года командовавшій судномъ и знавшій всѣ его качества несравненно лучше и тоньше, чѣмъ качества своей молодой жены, разумѣется, и не думалъ уменьшать парусовъ.

Онъ считалъ бы это позоромъ, и его бы засмѣяли потомъ товарищи-моряки, а матросы смотрѣли бы, какъ на труса.

Въ тѣ времена и большіе трехдечные корабли, управляемые лихими капитанами (тогда еще ценза не было, и капитаны могли основательно изучать свои суда, долго ими командуя), влетали подъ брамселями и бомъ-брамселями (самые верхніе паруса) въ еще болѣе узкія ворота кронштадтской стѣнки или ревельской гавани,—такъ съ маленькимъ бригомъ и подавно было бы стыдно струсить.

И капитанъ совершенно спокойно стоялъ на мостикѣ, смѣривая зоркимъ глазомъ разстояніе до прохода, чтобы въ необходимый моментъ слегка привести къ вѣтру и влетѣть въ середину, вполнѣ увѣренный въ своемъ старшемъ рулевомъ Кислицынѣ, который стоялъ на штурвалѣ вмѣстѣ съ тремя своими подручными.

Нѣсколько напряженный и сосредоточенный, держа твердыми руками ручки штурвала, и Григорій, сильно загорѣвшій, съ надувшимися жилами красной шеи, оголенной изъ-подъ широкаго воротника синей фланелевой рубахи, впился своими

загорѣвшимися голубыми глазами впередъ, на бугшпритъ брига, и съ чувствомъ удовлетворенности мастера своего дѣла видѣлъ, что носъ судна несется по одному направленію, не уклоняясь отъ румба.

Онъ такъ же, какъ и капитанъ, зналъ до тонкости всѣ достоинства и недостатки «Вихря» относительно послушливости его рулю и, не любившій службы и тяготившійся ею, тѣмъ не менѣе любилъ этотъ бригъ, движеніе котораго направлялъ. Любилъ и относился къ нему почти какъ къ живому существу, одухотворяя его качества, и порою хвалилъ его, а порою сердился на него.

Онъ изучилъ его въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ службы своей рулевымъ. Онъ зналъ, при какихъ условіяхъ «Вихрь» артачится и рыскаетъ по сторонамъ, словно бы чѣмъ-то недовольный, и тогда бранилъ его мысленно, ворочая штурваломъ; зналъ, когда онъ такъ и норовитъ носомъ кинуться къ вѣтру, чтобы заполоскали кливера, и тогда надо было не зѣвать и не пускать его шалить, держа руль немного на вѣтрѣ; зналъ наконецъ, когда «Вихрь» послушливъ, какъ смышленое существо, и при малѣйшемъ движеніи руля носъ его покорно катится въ ту или другую сторону.

И тогда на некрасивомъ скуластомъ лицѣ Григорія свѣтилась довольная улыбка, и онъ мысленно одобрялъ «доброе» судно...

Ужъ эти сѣрыя скалы были совсѣмъ близко подъ носомъ.

«Пора бы и спускаться!»—подумалъ Григорій, цѣпко ухватившійся за штурвалъ и готовый немедленно, по командѣ, повернуть его.

Но молодой капитанъ медлилъ, словно наслаждаясь видомъ своего брига, несущагося прямо на скалу острова, и съ приподнятыми нервами дожидался послѣдняго момента, послѣ котораго уже не было спасенія.

И только когда этотъ моментъ наступилъ, когда бугшпритъ «Вихря» былъ въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ острова, онъ нервно и громче, чѣмъ бы слѣдовало, скомандовалъ, внезапно охваченный жуткимъ чувствомъ опасности:

— Право! Больше право!

Григорій въ то же мгновеніе завертѣлъ штурваломъ изо всей мочи.

И «Вихрь», немедленно быстро покатившись носомъ влѣво, пронесся между островомъ, по самой серединѣ прохода, и, салютуя изъ своихъ маленькихъ пушекъ контръ-адмиральскому флагу, раздувавшемуся на верхушкѣ мачты, вошелъ на гельсингфорсскій рейдъ и сталъ на якорь вблизи отъ эскадры, стоявшей тамъ.

Григорій закрѣпилъ штурвалъ руля, вычистилъ мѣдь на немъ, вытеръ его, потомъ навелъ глянецъ на компасъ и, справивши всѣ свои дѣла, пошелъ на бакъ.

Притулившись у борта, онъ посматривалъ на городъ, на корабли и мысленно перенесся въ Кронштадтъ.

— Что-то Груня? Какъ она поживаетъ, родная? Чай, скучаетъ одна, бѣдная!—думалъ Григорій.

Онъ нерѣдко тосковалъ по женѣ и съ самаго выхода изъ Кронштадта не имѣлъ о ней никакихъ извѣстій. Бригъ не заходилъ ни въ одинъ изъ портовъ, и нельзя было спросить о ней у матросовъ съ тѣхъ кораблей, которые побывали въ Кронштадтѣ. И ему ни разу не пришлось написать ей.

Тѣмъ временемъ капитанскій вельботъ, на которомъ командиръ ходилъ на флагманскій корабль съ рапортомъ къ адмиралу, вернулся, и гребцы, явившись на бакѣ, разсказывали, что эскадра только вчера какъ пришла изъ Кронштадта. Пять денъ тамъ стояла. Вотъ такъ счастливые матросики, которые побывали въ Кронштадтѣ, не то что они съ «Вихря».

— Ни тебѣ въ баню ни погулять!—жаловались гребцы.

— Ну, а Кронштадтъ, братцы, на своемъ мѣстѣ стоитъ!—говорилъ молодой, здоровый вельботный старшина.—Бабы всѣ знакомыя заскучили по насъ и велятъ всѣмъ кланяться!—прибавилъ со смѣхомъ матросъ, обращаясь къ толпившейся кучкѣ.

— А про мою матроску ничего не слыхалъ, Чекалкинъ? Жива? Здорова?—какъ будто спокойно спросилъ, подходя къ Чекалкину, Григорій, считая ниже своего достоинства обнаружить передъ товарищами своё душевное волненіе.

Молодой матросъ какъ-то смущенно отвелъ глаза и проговорилъ:

— Какъ же, слыхалъ... Здорова... Матросы видѣли ее на рынкѣ...—и какъ-то неловко замолчалъ.

Григорій замѣтилъ его смущеніе, и сердце въ немъ такъ и екнуло.

Однако онъ не показалъ и вида, что замѣтилъ что-то странное и въ глазахъ и въ тонѣ Чекалкина, и отошелъ прочь.

«Что это значитъ? Ужъ не пустили ли про Груню какіе-нибудь подлые слухи? Отъ подлыхъ кронштадтскихъ бабъ это станетъ. Злятся на Груню, что на ихъ не похожа!»—думалъ Григорій и рѣшилъ, какъ отпустятъ на берегъ, повидать одного стараго знакомаго матроса съ корабля и дознаться отъ него, въ чемъ дѣло.

Нѣсколько взволнованный, Григорій хотѣлъ-было спуститься внизъ, чтобъ приняться за письмо къ Грунѣ, какъ его нагналъ судовой писарь и, подавая ему конвертъ, проговорилъ:

— Вмѣстѣ съ казенными пакетами съ флагманскаго корабля и тебѣ пакетецъ есть, Кислицынъ. Вѣрно отъ дражайшей супруги!

— Должно-быть!—смущенно отвѣтилъ Григорій, обрадованный и вмѣстѣ съ тѣмъ изумленный письму отъ жены, котораго не ждалъ, такъ какъ не хотѣлъ, чтобъ кто-нибудь посторонній былъ посредникомъ между ними.

Сама Груня кое-какъ читала, но писать не умѣла.

Григорій спустился внизъ на кубрикъ и, усѣвшись на рундукѣ, вскрылъ конвертъ, и едва только прочелъ первыя строки анонимнаго произведенія Иванова, какъ сердце упало въ немъ, и лицо его исказилось выраженіемъ ужаса, злобы и страданія.

Онъ дочиталъ внимательно это письмо, столь обстоятельное и подробное, упоминавшее даже о заложенныхъ двухъ платьяхъ и шубкѣ, спряталъ его въ карманъ, и на него словно бы напалъ столбнякъ. Онъ стоялъ недвижно, съ застывшимъ, помутившимся взглядомъ, съ безпомощно опущенными руками.

Появленіе какого-то матроса заставило его придти въ себя, почувствовать приливъ бѣшеной ревности и сознать, что какое-то ужасное, тяжкое горе внезапно мучительно обрушилось на него, и въ то же время какая-то смутная надежда, что все, что̀ написано, неправда, клевета, мгновеніями проникала въ его душу и нѣсколько облегчала его.

Онъ былъ словно въ какомъ-то туманѣ и чувствовалъ только, что ему больно, невыносимо больно, и что надо узнать поскорѣй всю правду.

Переживая эти страданія глубоко-любящаго и ревниваго человѣка, Григорій однако имѣлъ мужество скрывать ихъ отъ постороннихъ глаза. Лицо его было только напряженнѣе и суровѣе и глаза возбужденнѣе.

Въ душевныхъ страданіяхъ, то вѣря, то не вѣря тому, что̀ написано о женѣ, то готовый перервать горло подлому писаришкѣ, то съ презрѣніемъ отгонявшій мысль, будто онъ могъ быть полюбовникомъ жены, провелъ Григорій утро, и когда послѣ полудня команду отпустили на берегъ, онъ тотчасъ нанялъ финку и поѣхалъ на корабль, гдѣ служилъ его знакомый старый матросъ.

Черезъ полчаса Григорій вернулся на бригъ мрачнѣе ночи.

Старый матросъ подтвердилъ, что слухи о подлецѣ Васькѣ ходили, и что онъ видѣлъ Аграфену, сильно заскучившую и исхудавшую.

XV.

На бригѣ всѣ скоро замѣтили, что Кислицынъ осунулся и сдѣлался мраченъ и неразговорчивъ, и догадывались о причинѣ. Вся команда ужъ знала, что Кислицына Грунька «связалась» съ писаремъ, и всѣ матросы, любившіе и уважавшіе Григорія, жалѣли его, хотя въ то же время и осуждали за то, что онъ, кажется, умственный матросъ, а такъ убивается изъ-за бабы.

— Изъ-за ихъ не стоитъ убиваться-то. Потому, извѣстно, баба—самая обманная тварь, какая только есть на свѣтѣ!—авторитетно говорилъ по этому поводу пожилой матросъ Гайка, жена котораго дѣйствительно могла внушить ему такія нелестныя понятія о женщинахъ вообще.—Скажемъ теперь такъ: ты изъ-за нея убиваешься, а она въ тую-жъ пору передъ кѣмъ-нибудь зѣнками, подлая, вертитъ или подоломъ, въ родѣ какъ угорь, повиливаетъ... А по-моему, братцы, такъ: чуть начала пошаливать—избей ты ее до послѣдняго дрызга и плюнь...

— Грунька Кислицына не такая... За ей прежде ничего не было слышно худого... Правильная была матроска...—заступился тотъ самый вельботный старшина Чекалкинъ, который первый привезъ на бригъ извѣстіе о томъ, что Аграфена «свихнулась».

— Не такая?—повторилъ черный, какъ жукъ, Гайка, глядя насмѣшливыми маленькими умными черными глазами изъ-подъ взъерошенныхъ бровей на молодого матроса.—А ты лазилъ, что ли, ей въ душу? Бабья душа, извѣстно, что бездонная прорва... Угляди-ка, что въ ей! Можетъ, песокъ, а можетъ, съ позволенія сказать, и грязь... Не такая!? Всѣ онѣ, братецъ ты мой, такія! Одного шитья. Недаромъ-то Богъ бабу всего-то изъ одного ребра сотворилъ... Другого матеріалу она и не стоитъ... Не то въ ей званіе—шалишь! Адамъ былъ сотворенъ по образу и по подобію Божію, а она прямо-таки изъ ребра... Понялъ ты разницу, братецъ ты мой?..

— Все это, можетъ, и вѣрно, но только Грунька Кислицына совѣстливая матроска... Это впервые грѣхъ съ ней случился, коли правда, что Васька-писарь ее облестилъ!—снова горячо вступился Чекалкинъ.

— Всѣ онѣ впервые!.. Моя матроска такъ каждый разъ, когда послѣ лѣта вернешься въ Кронштадтъ, говоритъ, что впервые... Вотъ теперь, какъ вернемся въ Кронштадтъ, она навѣрно бою отъ меня ждетъ,—со смѣхомъ замѣтилъ Гайка.

— Что-жъ, ты и будешь бить?—спросилъ кто-то.

— А то какъ же? это ужъ такія правила... А я бы еще изъ-за такой убивался!.. Давно ужъ меня и званія бы не было. А мое дѣло: вернулся въ Кронштадтъ и избилъ ее какъ слѣдуетъ по всей формѣ... Смотришь, на слѣдующій день— какъ встрепанная кошка... И жареное, и вареное, и водка на столѣ... Такъ и ублажаетъ! Какъ есть самая увертливая тварь. А Кислицынъ изъ-за такой твари какъ сычъ какой ходитъ... Вовсе даже довольно глупо!

— И попадетъ же теперь бѣдной Грунькѣ! — участливо вымолвилъ Чекалкинъ, давно ужъ неравнодушный къ красавицѣ-матроскѣ.

— Это какъ пить. Первымъ дѣломъ. Однако до настоящаго боя не доведетъ!—замѣтилъ не безъ сожалѣнія Гайка.

— Почему?

— Доберъ онъ слишкомъ къ своей бабѣ. Обожаетъ!

«Вихрь» простоялъ въ Гельсингфорсѣ недѣлю и неожиданно получилъ отъ адмирала приказаніе идти за почтой въ Кронштадтъ.

Всѣ обрадовались.

Только Григорій, казалось, не только не обрадовался, а, напротивъ, какъ будто сдѣлался еще угрюмѣе и угнетеннѣе.

— Что съ тобой, Кислицынъ?—спросилъ капитанъ, останавливаясь у штурвала, у котораго стоялъ Григорій и правилъ рулемъ, направляя «Вихрь» къ Кронштадту. — Ты здоровъ?

— Точно такъ, вашескородіе!

— А мнѣ показалось, что ты нездоровъ. Такой мрачный стоишь вмѣсто того, чтобы радоваться, что завтра увидишь свою Аграфену. Небось, радъ?—говорилъ капитанъ, знавшій, какіе примѣрные супруги были Кислицыны.

— Точно такъ, вашескородіе!—отвѣчалъ Григорій. Но лицо его не выразило ни малѣйшей радости.

Капитанъ пристально взглянулъ на своего любимца-рулевого и поднялся наверхъ.

На другой день, послѣ полудня, открылся Толбухинъ маякъ. Вѣтеръ чуть засвѣжѣлъ, и «Вихрь» ходко приближался къ Кронштадту.

Григорій, стоя у руля, съ какимъ-то страхомъ ожидалъ прихода на рейдъ и съѣзда на берегъ.

XVI.

— Груня, а Груня... ты дома?

Отвѣта не было.

И Ивановна, удивленная, что Груня не откликается, прошла за пологъ.

Распростертая на полу, матроска молилась передъ образами, у которыхъ горѣли свѣчи.

— Груня!—окликнула громче старуха.

Та поднялась блѣдная, совсѣмъ исхудавшая за послѣдніе дни, съ большими, ввалившимися, кроткими и потухшими глазами. Ея красивое лицо стало еще красивѣе и словно бы одухотвореннѣе и свѣтилось выраженіемъ какого-то удовлетвореннаго тихаго покоя.

Казалось, что Груню ужъ не тяготятъ никакія скорбныя думы, не мучатъ никакія сомнѣнія, и она, примиренная, нашла выходъ изъ того мрака, которымъ окутана была ея душа.

— И что это ты, Груня, все молишься да молишься? Кажется, давно ужъ замолила всѣ грѣхи!—ласково упрекнула Ивановна.—Я окликала тебя, а ты и не слыхала... А двери-то отперты, того и гляди обкрадутъ... А я нарочно къ тебѣ съ рынка прибѣжала... Сейчасъ матросикъ съ брандвахты былъ, сказывалъ, что «Вихорь» съ моря въ Кронштадтъ идетъ... Готовься мужа принимать... Вечоръ будетъ.

Груня вздрогнула.

— Будетъ?—переспросила она.

— То-то будетъ... Готовь закуску какую да шти, что ли, свари, да чтобы чай съ булкамъ, однимъ словомъ, что слѣдуетъ, чтобы честь-честью принять мужа... Да есть ли у тебя деньги?.. А то возьми у меня...

— Спасибо, Ивановна... Не надо мнѣ денегъ...

— Ну, а я опять къ ларьку... Ужо раньше приду... Да смотри, Груня, помни, что я тебѣ говорила... Нишкни! А ужъ если ты такъ хочешь, я съ мужемъ обо всемъ поговорю...

— Спасибо, Ивановна, за ласку!—дрогнувшимъ голосомъ промолвила Груня.—Ты ему, милая, все, все скажи, а я говорить не буду... Скажи, какая я великая грѣшница, какъ я мучилась, какъ молилась, какъ жалѣла, что огорчила его, добраго, хорошаго... Все скажи... Онъ навѣрно проститъ... Онъ пойметъ...

И съ этими словами Груня крѣпко поцѣловала Ивановну.

— Да ты что-жъ это... словно опять замучилась, голубка?

— Нѣтъ, Ивановна, конецъ мученіямъ!

— И слава Богу!.. Ну, прощай пока, ласточка!

— Прощай!

Какъ только-что старуха ушла, Груня одѣла платокъ на голову, заперла двери на замокъ, положивъ ключъ на полку въ прихожей, куда всегда его клала, когда уходила и думала, что въ ея отсутствіе придетъ мужъ, и, поклонившись на крыльцо, твердой походкой пошла къ Купеческой гавани.

День стоялъ мрачный. Вѣтеръ такъ и завывалъ, пропосясь по улицамъ и поднимая пыль.

На Господской улицѣ кто-то сзади окликнулъ Груню. Она обернулась, увидѣла Ваську, и по лицу ея пробѣжала судорога.

Она продолжала идти, но Васька догналъ ее и сказалъ:

— Смотри, Груня, мужу ни слова, а то—крышка и мнѣ и тебѣ!

Она ни слова не отвѣтила и только прибавила шагу.

Навстрѣчу шла кучка матросовъ. Поровнявшись съ нею, матросы хихикнули.

Она слышала, какъ кто-то сказалъ:

— Матроса своего бѣжитъ встрѣчать да виниться! Лѣто-то гуляла съ писарькомъ! А небось форсила... Я-де мужняя жена...

Еще какой-то офицеръ присталъ-было къ ней, но, не получивъ никакого отвѣта, пустилъ ей вслѣдъ:

— Писарей, видно, любишь, а офицеровъ нѣтъ!

Она только ежилась отъ этихъ оскорбленій и шла все скорѣй и скорѣй.

Вотъ и стѣнка. Она поднялась на деревянную стѣнку, отдѣляющую гавань отъ рейдовъ, и пошла по ней, придерживая руками раздувающееся платье.

Дойдя до угла у малаго рейда, она остановилась и взглянула на море. Знакомый ей «Вихрь» быстро приближался къ рейду... Она видѣла, какъ убрали паруса, и бригъ сталъ на якорь. Она заглянула внизъ. Свинцовыя волны съ шумомъ разбивались о стѣнку и обдавали брызгами матроску. Ей сдѣлалось холодно, и тоска охватила все ея существо. Тоска и отчаяніе. Но лицо ея попрежнему было спокойно и полно рѣшимости.

Она взглянула на сѣрое небо. Въ одно мгновеніе передъ ней пронеслась вся ея жизнь, чистая и безупречная до послѣдняго времени... Потомъ она вспомнила Ваську, позоръ, грѣхъ, мужа—и совсѣмъ подвинулась къ краю стѣнки.

«Господи, прости!»—прошептали ея уста.

И, перекрестившись, она съ жалобнымъ тихимъ крикомъ бросилась въ море.

Какой-то матросикъ, проходившій мимо, увидалъ ея паденіе и побѣжалъ на брандвахту.

Послали шлюбку, но тѣла не нашли.

XVII.

Въ седьмомъ часу вечера Григорій пришелъ домой и, увидавъ, что дверь на замкѣ, бросился къ Ивановнѣ.

— Гдѣ Аграфена?—спросилъ онъ.

Ивановна, вся въ слезахъ, молчала.

— Гдѣ, говорю, жена? сказывай! Или она совсѣмъ къ полюбовнику сбѣжала? Говори, старая!

— Бога въ тебѣ нѣтъ, Григорій!.. Сбѣжала!.. Она къ Богу сбѣжала, голубка... Она утопилась въ морѣ сегодня... Вотъ гдѣ твоя жена!

Григорій рыдалъ, какъ малый ребенокъ.

Ивановна, всхлипывая отъ слезъ, подробно разсказала ему все, что случилось, какъ подлый писарекъ ее облестилъ, какъ она мучилась, каялась и какъ сегодня еще утромъ просила передать мужу, чтобъ онъ ее простилъ...

— А мнѣ и невдомекъ, что она ужъ даве рѣшилась извести себя, бѣдная... Совѣсть-то, совѣсть ее замучила!..

Григорій всю ночь просидѣлъ у себя въ комнатѣ, не смыкая глазъ.

На утро онъ одѣлся и вмѣсто того, чтобы отправиться на бригъ, пошелъ въ казарму, гдѣ жили писаря.

Когда Васька увидѣлъ Григорія, медленно подходившаго къ нему, онъ мгновенно понялъ весь ужасъ своего положенія и хотѣлъ-было бѣжать, но Григорій загородилъ выходъ. Страхъ несчастнаго животнаго исказилъ красивыя черты писарька. Съ какимъ-то недоумѣвающимъ, растерянным и умоляющимъ взглядомъ широко раскрытыхъ глазъ смотрѣлъ онъ въ спокойное и неумолимое лицо матроса и только слабо ахнулъ, когда Григорій всадилъ ему въ грудь свой матросскій ножъ по самую рукоятку.

Затѣмъ Григорій вышелъ изъ казармы и, явившись въ свой экипажъ, доложилъ, что убилъ писаря Василія Антонова...

КИРИЛЫЧЪ.

I.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мнѣ пришлось гостить у однихъ знакомыхъ на хуторѣ въ степной части Крыма.

На этомъ хуторѣ, въ числѣ работниковъ, жилъ старый отставной матросъ прежняго черноморскаго флота Кирилычъ. Онъ пробылъ на службѣ лѣтъ двадцать и, какъ скромно выражался, «кое-что и повидалъ на своемъ вѣку». Онъ и «принялъ» немало линьковъ и «бою» отъ начальства, и съ «черкесомъ» воевалъ во время крейсерствъ у Абхазскихъ береговъ тогда еще непокореннаго Кавказа, онъ и съ «туркой дрался» въ синопскомъ сраженіи, бывши сигнальщикомъ на томъ самомъ кораблѣ, гдѣ имѣлъ свой флагъ адмиралъ Нахимовъ, и затѣмъ, во время осады Севастополя, безотлучно пробылъ шесть мѣсяцевъ на знаменитомъ четвертомъ бастіонѣ, пока ядро не раздробило ему лѣвую ногу.

Несмотря на свои семьдесятъ слишкомъ лѣтъ, этотъ маленькій старикашка съ сѣдой, коротко остриженной головой, съ выбритыми морщинистыми и побурѣвшими отъ загара щеками и щетинкой колючихъ сѣдыхъ усовъ, глядѣлъ молодцомъ. Почти всѣ зубы у него были цѣлы и зрѣніе чудесное. Только глуховатъ былъ на одно ухо — отъ бомбардировки оглохъ, по его словамъ.

Онъ бодро и скоро ковылялъ на своей деревяжкѣ и добросовѣстно исполнялъ обязанности караульщика большой бахчи, когда поспѣвали арбузы и дыни, и сторожа при хуторѣ зимой, когда уѣзжали господа.

Я любилъ навѣщать Кирилыча въ его владѣніяхъ, любилъ бесѣдовать съ нимъ и, главное, слушать его разсказы, полные интереса и того наивнаго юмора, которымъ отличается русскій человѣкъ даже и тогда, когда разсказываетъ далеко не веселыя вещи.

Какъ и большая часть старпковъ, онъ охотно вспоминалъ прошлое и, повидимому, радъ былъ моимъ визитамъ, тѣмъ болѣе, что я иногда баловалъ старика—приносилъ ему небольшую склянку водки, до которой Кирилычъ былъ большой охотникъ.

Бывало, на зорькѣ, когда еще солнце не поднималось и воздухъ былъ полонъ острой, бодрящей свѣжести, или передъ вечеромъ, когда спадала томительная жара, я пробирался между грядъ бахчи къ караулкѣ Кирилыча, сдѣланной изъ жердей, покрытыхъ рогожками. Она стояла посреди бахчи, и оттуда Кирилычъ озиралъ свои владѣнія, карауля вмѣстѣ съ маленькой черной лохматой собачонкой «Цыганкой» ввѣренную его надзору бахчу. Птицъ онъ отгонялъ трещеткой, а людей, которые покушались въ неумѣренномъ количествѣ воровать арбузы и дыни, огорашивалъ страшною руганью и, въ случаѣ чего, стращалъ ружьишкомъ, заряженнымъ дробью. Взять арбузъ одинъ-другой онъ никому не отказывалъ—ѣшь, молъ, съ Богомъ! Но наполнять мѣшки чужимъ добромъ не позволялъ и такихъ воровъ преслѣдовалъ немилосердно.

Обыкновенно лохматая Цыганка выбѣгала ко мнѣ навстрѣчу, заливаясь неистовымъ лаемъ, но, распознавъ знакомаго человѣка, смолкала и, весело виляя хвостомъ, возвращалась къ караулкѣ и свертывалась у входа калачикомъ. По утрамъ я почти всегда заставалъ Кирилыча или за бритьемъ, или только-что окончившимъ эту операцію. Брился онъ тѣмъ самымъ ножомъ, которымъ рѣзалъ и хлѣбъ, смотрясь въ маленькій осколокъ зеркальца, и хотя бритье такимъ способомъ едва ли было особенно пріятно, тѣмъ не менѣе Кирилычъ стоически переносилъ пытку и тщательно выскабливалъ свои щеки по привычкѣ хорошо вымуштрованнаго матроса николаевскаго времени.

Въ караулкѣ Кирилыча было чисто и опрятно и все прибрано къ мѣсту, словно бы въ корабельной каютѣ. Земля была устлана рогожками. Широкій деревянный обрубокъ служилъ столомъ, а другой—поменьше—стуломъ. На полкѣ, укрѣпленной бечевками, въ порядкѣ разставлена была посуда: котелокъ, мѣдный чайникъ, деревянная чашка, ведерко и двѣ кружки. Коврига чернаго хлѣба, обернутая чистой тряпицей, и помадная банка съ солью стояли тутъ же. Въ переднемъ углу висѣлъ крошечный образокъ, а у изголовья постели Кирилыча стояло одноствольное ружье, и кое-какія принадлежности костюма висѣли на гвоздикахъ. Постель Кирилыча состояла изъ бараньяго тулупа шерстью вверхъ, на которомъ была подушка въ ситцевой наволокѣ. Спалъ Кирилычъ всегда

на мѣху, чтобы не ужалила проклятая «таранта», какъ называлъ старикъ тарантуловъ, которые боятся бараньяго запаха. Однако, на всякій случай, онъ держалъ склянку съ настоемъ спирта на этомъ самомъ насѣкомомъ. Татары научили его этому средству противъ укуса тарантула.

Днемъ, во время жары, Кирилычъ ходилъ въ одной рубахѣ и исподнихъ, въ татарскихъ башмакахъ на босу ногу и въ матросской старой шапкѣ на головѣ, а когда наступала ночная свѣжесть, надѣвалъ куцое затасканное пальтишко и въ такомъ видѣ сиживалъ передъ караулкой, наслаждаясь вечерней прохладой и поглядывая на высокое бархатное небо, усѣянное звѣздами. Рядомъ съ нимъ дремала чуткая Цыганка, пробуждавшаяся при малѣйшемъ подозрительномъ шорохѣ.

Нерѣдко въ такіе чудные вечера сиживали мы вмѣстѣ съ Кирилычемъ. Обыкновенно, какъ только я заходилъ къ нему, онъ предлагалъ мнѣ кавуна или дыньки, и я, по его примѣру, ѣлъ чудный арбузъ, закусывая его чернымъ хлѣбомъ, круто посыпаннымъ крупной солью.

Среди торжественной тишины вечера Кирилычъ, бывало, разсказывалъ, понижая голосъ, о прежней службѣ съ ея строгостями и муштрой, о начальникахъ, о черкесѣ, о туркѣ, о французѣ, и особенно любилъ вспоминать о томъ, какъ самъ Павелъ Степанычъ Нахимовъ (царство ему небесное!) повѣсилъ ему на бастіонѣ Егорія.

Въ разсказахъ Кирилыча покойный адмиралъ являлся легендарнымъ героемъ, чуждымъ какихъ бы то ни было недостатковъ, и былъ единственнымъ начальникомъ, о которомъ старый матросъ не обмолвился какимъ-нибудь критическимъ замѣчаніемъ. И когда я спросилъ, поролъ ли Нахимовъ такъ же жестоко, какъ и другіе черноморцы того времени, то Кирилычъ даже съ сердцемъ воскликнулъ:

— Ну такъ что же! И поролъ ежели, то правильно, за дѣло, вашескобродіе!.. А другіе такъ вовсе безъ разсудка, по бѣшености... Одно слово... никому не сравняться съ покойнымъ Нахимовымъ. Во всѣхъ статьяхъ, можно сказать, начальникъ былъ!..

О себѣ и о своихъ подвигахъ — а о нихъ я слышалъ отъ одного стараго моряка-севастопольца, пріѣзжавшаго на хуторъ—Кирилычъ никогда не говорилъ, вѣроятно, и самъ не подозрѣвая, что броситься въ пороховой погребъ и вынуть изъ вертящейся бомбы горящую трубку—не совсѣмъ обыкновенное дѣло для человѣка, и когда я спросилъ его объ этомъ обстоятельствѣ, то онъ просто, словно бы не придавая своему подвигу ни малѣйшаго значенія, отвѣтилъ:

— Точно было такое дѣло. Вижу, подлая пробила пороховой погребъ, я и за ей. Думаю: бѣда будетъ, какъ взорветъ... Народу-то сколько пропадетъ!

— Да вѣдь вы могли первый погибнуть, Кирилычъ?

— Пожалуй, что и такъ,—простодушно промолвилъ Кирилычъ и, пыхнувъ острымъ дымкомъ махорки изъ своей коротенькой трубочки, прибавилъ: — однако Господь вызволилъ. Только руки себѣ спалилъ.

— А вотъ какъ ноги рѣшили, такъ вовсе страшно стало, вашескобродіе!—проговорилъ послѣ паузы Кирилычъ.

— Отчего страшно?

— Главная причина оттого, вашескобродіе, что думалъ я тогда: пропасть мнѣ безъ ноги. Какъ прокормиться съ одной ногой-то? Пенсіонъ за ногу, сказывали, маленькій, на его не пропитаешься, а подаяніемъ кормиться тоже какъ бытто зазорно матросу съ Егоріемъ. И докладывалъ я въ тѣ поры дохтуру: «нельзя ли, молъ, вашескобродіе, оставить какъ-нибудь при ногѣ?» Не согласился. «Никакъ, говоритъ, невозможно. Ежели, говоритъ, не отрѣзать—умрешь!» Ну, такъ и отрѣзали.

— И не пропали вы безъ ноги, Кирилычъ?

— То-то не пропалъ, вашескобродіе! — усмѣхнулся старикъ. — Сперва, послѣ замиренія, какъ вышла мнѣ чистая, жилъ я въ Севастополѣ яличникомъ, перевозилъ, значитъ, черезъ бухту народъ, который вернулся въ городъ. Ну, и которые пріѣзжіе были, чтобы на Севастополь полюбопытствовать... Тѣ, бывало, и полтину за перевозъ давали... А послѣ вотъ по хуторамъ пошелъ, потому люблю я, вашескобродіе, вольный воздухъ. Спасибо добрымъ людямъ, не брезгуютъ старымъ анвалидомъ... Небось, и деревянная нога службу справляетъ!—не безъ нѣкоторой гордости говорилъ Кирилычъ, хлопая по деревяжкѣ и, повидимому, вполнѣ довольный, что, послѣ двадцатипятилѣтней службы, геройскихъ подвиговъ и потери ноги, онъ не «пропалъ вовсе», а велъ полупищенское существованіе.—Вотъ только отрѣзанная нога иной разъ оказываетъ, вашескобродіе!—прибавилъ Кирилычъ.

— А что, болитъ?

— Ненастьемъ, значитъ, ломоту даетъ... А то, нечего Бога гнѣвить, сухъ я изъ себя, а внутренность вся здоровая, даромъ что за седьмой десятокъ перевалило. Паекъ-то ужъ давно мнѣ на томъ свѣтѣ по положенію идетъ, а Господь, видно, не пущаетъ. «Живи, говоритъ, старикъ, пока кости носятъ». Я вотъ и живу!

II.

Однажды, въ одинъ изъ прелестныхъ въ Крыму августовскихъ вечеровъ, старикъ какъ-то особенно оживленно разсказывалъ про бомбардировку Севастополя, про вылазки по ночамъ, про плѣнныхъ, про штурмъ, когда его «шарахнуло» въ ногу ядромъ, и, окончивъ свой разсказъ, совершенно неожиданно прибавилъ:

— А все-таки ни въ жизнь не взять бы французу Севастополя, вашескобродіе, хотя у француза и штуцера были!..

— Однако же взяли...

— А почему взяли, какъ вы полагаете?

— Да потому, что сила была на сторонѣ непріятеля.

— Си-ла? — иронически протянулъ Кирилычъ. — А я по своему глупому разсудку такъ полагаю, что Господь ужъ заранѣе опредѣлилъ наказать Севастополь. Потому и взяли.

— Наказать? За что?—удивленно спросилъ я.

— А за тѣ самые грѣхи, за которые Богъ наказалъ Содомъ-Гоморру!—горячо проговорилъ Кирилычъ, соединяя оба города въ одинъ. — Потому, доложу вамъ, вашескобродіе, слишкомъ ужъ распутно по части женскаго пола жили въ Севастополѣ. Вовсе забыли Бога. Такъ въ грѣхахъ, примѣрно сказать, и купались. Какая своя жена, какая чужая—не разбирали. Послѣ, молъ, разборка будетъ. Господа примѣръ показывали, а за ими и нашъ братъ, простой человѣкъ... У всѣхъ почитай полюбовницы были отъ женокъ... Ну, и тѣ не зѣвали. И такой въ родѣ быдто содомъ-гоморръ шелъ, что страсть!.. А Богъ смотрѣлъ-смотрѣлъ, терпѣлъ-терпѣлъ и подъ конецъ не стерпѣлъ. «Надо, говоритъ, разорить Севастополь, чтобы, молъ, камня на камнѣ не осталось!..» И въ тѣ поры императору Николаю Павловичу, отколѣ ни возьмись, вдругъ объявился во дворцѣ монахъ и прямо въ кабинетъ царскій. «Такъ, молъ, и такъ, Ваше Императорское Величество, дозвольте слово сказать». Дозволилъ. «Говори, молъ, свое слово». А монахъ лепортуетъ: «хотя, говоритъ, Ваше Величество, матросики и солдатики присягу исполнятъ, какъ слѣдоваетъ, по совѣсти, но только Севастополю не удержаться по той самой причинѣ, говоритъ, что Господь очень сердитъ, что всѣ Его, Батюшку, забыли. И для примѣра попомните, говоритъ, мое слово: французъ побѣдитъ. И тогда, говоритъ, Ваше Императорское Величество безпремѣнно прикажите Вашему сыну, чтобы распутство и жестокость начальства повелѣлъ искоренить и чтобы хрестьянамъ объявить волю. А ежели, говоритъ, Ваше Величество этого

не накажете сыну, то вовсе матушка Россія пропадетъ, и всякій будетъ имѣть надъ ней одолѣніе». Императоръ слушалъ, какъ монахъ дерзничалъ, да какъ крикнетъ, чтобы монаха тую-жъ минуту забрить въ солдаты. Прибѣжали на крикъ генералы, а монаха и слѣдъ простылъ. Нѣтъ его... Точно сквозь землю провалился... А въ скорости послѣ того императоръ и умеръ, потому не стерпѣлъ, что русскую державу и французъ одолѣлъ. То-то оно и есть! Вотъ самая причина, почему французъ взялъ Севастополь и послѣ замиренія вышла воля!—закончилъ Кирилычъ.

Мнѣ и раньше доводилось слышать отъ стариковъ-матросовъ, что Севастополь разоренъ за грѣхи, но черноморцы говорили объ этомъ далеко не въ такой категорической формѣ и не съ тою глубокою убѣжденностью, какою звучали слова Кирилыча. Что же касается до появленія какого-то монаха и связи паденія Севастополя съ освобожденіемъ крестьянъ, то едва ли въ данномъ случаѣ Кирилычъ не пріурочилъ разные слухи, ходившіе въ народѣ передъ волей, къ собственнымъ своимъ желаніямъ, угадавъ чутьемъ значеніе крымской войны.

— Ужъ развѣ такіе грѣшники жили въ Севастополѣ?—спросилъ я Кирилыча.

— То-то совсѣмъ срамота была... Всѣ, и старые и малые, на бабъ льстились.

— И жестокіе начальники, какъ вы говорите, были?

— Такіе, можно сказать, отчаянные въ жестокости, что и объяснить трудно... а вмѣстѣ съ тѣмъ жестокій-жестокій—убить, кажется, не жалко его—матроса казнилъ безъ всякой отдышки, а заботу объ емъ по-своему имѣлъ... Поди-жъ ты, какіе люди бываютъ!—въ какомъ-то философскомъ раздумьѣ прибавилъ Кирилычъ.

— Кто-жъ у васъ такой былъ?

— Много ихъ было, но только страшнѣй Сбойникова не было. Можетъ, слыхали про капитана перваго ранга Сбойникова?

— Слыхалъ по фамиліи... Онъ былъ убитъ въ Севастополѣ. И говорили, будто своими.

— Онъ самый и есть... Оченъ мудреный былъ человѣкъ...

— Вы разскажите про него, Кирилычъ...

— Да ужъ что худое говорить про покойника...

— Да вы не въ осужденіе...

Кирилычъ примолкъ, и показалось мнѣ въ полутьмѣ сумерекъ, будто бы мрачная тѣнь пробѣжала по его добродушному лицу отъ нахлынувшихъ воспоминаній.

Онъ подавилъ вздохъ и, рѣшительно сплюнувъ, началъ:

III.

— Его матросы такъ и звали «генералъ-арестантомъ» за его жестокость. Другого названія ему не было. «Генералъ-арестантъ» да «генералъ-арестантъ»!.. Сказывали, будто въ балтинскомъ флотѣ былъ такой же мучитель и было ему такое же прозвище, только врядъ ли балтинскій былъ такой лютой, какъ нашъ! Его, бывало, всегда назначали командиромъ на то судно, гдѣ какая ни на есть по службѣ неисправка была. «Онъ, молъ, собака, подтянетъ, приведетъ, можно сказать, до самой точки»... А служба, вашескобродіе, въ Черномъ морѣ тогда строгая была... тяжкая... Двоихъ, примѣрно, до неспособности отъ линьковъ доводили, зато третій, который ежели здоровье имѣлъ, въ родѣ дьявола по матросской части былъ... изо всѣхъ силъ, значитъ, старался и службу свою справлялъ... Не то шкуру, небось, спустятъ за всякую малость. Тогда шкуры-то нашей нисколько не жалѣли, въ родѣ быдто по турецкому барабану били, не то что теперь, когда матросу права дадены... Тогда, вашескобродіе, случалось, и до смерти запарывали... Иди на томъ свѣтѣ къ Господу Богу съ лепортомъ... а что которыхъ малосильныхъ въ чихотку вганивали—про то опять-таки одинъ Господь зналъ. Такое ужъ положеніе въ черноморскомъ флотѣ было, чтобы матросъ былъ обученъ какъ слѣдоваетъ... И ни тебѣ ни суда ни расправы матросику. Суньсяка жаловаться? Узнаешь, какъ скрозь строй гоняютъ! И всѣ господа по такому положенію словно озвѣрѣлые какіе-то были. Другой мичманъ пріѣдетъ изъ обученія добрый да жалостливый, изъ лица блѣднѣетъ, какъ по субботамъ на бакѣ стонъ-стономъ идетъ, а какъ прослужитъ годъ-другой, смотришь—и самъ такъ и чешетъ въ ухо да приказываетъ боцманамъ матросу шкуру снять... Привыкаетъ... А надо вамъ сказать, что этотъ самый генералъ-арестантъ по службѣ первый, почитай, капитанъ былъ. По всѣмъ частямъ дока... Ни одинъ боцманъ его не проведетъ... А ужъ управлялся судномъ—одно слово... И у его на судахъ первая по всему флоту команда была... Ихъ и звали чертями... Такъ вотъ какъ назначатъ Сбойникова на новое судно, онъ сейчасъ явится на корабль... команду во фронтъ и къ имъ... А самъ онъ изъ себя былъ небольшой, коренастый, чернявый... Лицо точно у цыгана и глаза этакіе пронзительные... Идетъ это спѣшно, усъ дергаетъ, поздоровкается какъ слѣдоваетъ и зыкнетъ:—«Знаете, молъ, такіе-сякіе, Сбойникова? Ежели, говоритъ, не знаете, то знайте, что я меньше трехсотъ линьковъ въ кису не на-

кладываю. Помните это и старайтесь!» А ужъ матросы и безъ того въ тоскѣ... Кто не зналъ «генералъ-арестанта»?.. Слава Богу!.. А все-таки, какъ слѣдуетъ, по всей формѣ въ отвѣтъ: «Рады стараться, вашескобродіе!» Еще бы не рады! Хорошо. Угостивши такимъ родомъ матросовъ—къ офицерамъ на шканцахъ.—«Такъ, молъ, и такъ, господа офицеры, прошу служить какъ слѣдуетъ, а не то не извольте пенять. Я, говоритъ, съ позволенія сказать, не... баба и бабства не потерплю... У меня, говоритъ, сейчасъ подъ судъ... Пусть, говоритъ, начальство разбираетъ!» Нагнавши это страху на офицеровъ, онъ маршъ въ каюту, а на другое утро ученье, а самъ со склянкой стоитъ, минуты, значитъ, отсчитываетъ... И ежели на какой секундъ заминка съ парусами ли, по антиллерійскому ли ученію, по пожарной ли тревогѣ—бывало, человѣкъ пятьдесятъ пошлетъ на бакъ... И слово свое держалъ, меньше трехсотъ не приказывалъ... И такъ, вашескобродіе, каждый день терзалъ людей... Смотришь, бывало, какъ полосуютъ нашего брата безо всякой жалости, такъ ровно въ глазахъ мутится. Такъ бы, кажется, и задушилъ этого дьявола... И былъ одинъ такой матросикъ, что не стерпѣлъ... Кинулся на его съ ножомъ.

— Что-жъ онъ?

— Отстранился вò-время... Догадался, значитъ, по глазамъ...

— Что же было матросу?

— А такое онъ объявилъ ему рѣшеніе: «Хочешь ты, говоритъ, помереть или мало-мало идтить въ вѣчную каторгу, такъ я тебя, такого-сякого, сей секундъ отошлю на берегъ и отдамъ подъ судъ, а не хочешь, такъ получи пятьсотъ линьковъ, и ничего, молъ, я не видалъ... Подумай, говоритъ, пять минутъ и опосля приходи ко мнѣ. Помирать тебѣ, говоритъ, дураку, рано, въ каторгѣ, братецъ, сгніешь, а шкура заживетъ...» Это онъ ему вдогонку.

— Ну, и что же выбралъ матросъ?

— Сталъ подъ линьки. Выдержалъ. А потомъ этого же самаго матроса—какъ бы вы думали, вашескобродіе?—Сбойниковъ въ унтерцеры произвелъ... И все отъ начальства тогда скрылъ и строго-настрого приказалъ ничего не болтать... Тоже по-своему пожалѣлъ... Не захотѣлъ загубить человѣка и ножъ этотъ самый простилъ... Вотъ и поди-жъ ты. Звѣрь-звѣрь, а тутъ поступилъ правильно... И то надо сказать. Тиранить онъ тиранилъ, а насчетъ пищи первый командиръ былъ! У него ни левизоръ ни баталеръ не смѣли, значитъ, обидѣть матроса. Ни Боже ни! Тутъ бы онъ не пожалѣлъ... И насчетъ обмундировки, чтобы все матросъ получалъ по положенію... А на

вино, ежели работали хорошо, такъ своихъ денегъ сколько тратилъ. Всей командѣ, бывало, отъ себя жаловалъ за каждый день... Небось, денегъ стоитъ... Совсѣмъ чудной былъ. А непреклонности своей не смирялъ... Даже и когда французъ пришелъ, и многіе офицеры притихли,—боялись, значитъ,—этотъ попрежнему остался генералъ-арестантомъ... Еще жесточѣй сталъ.

— Вы, Кирилычъ, съ нимъ служили?

— То-то служилъ, и онъ меня—по правдѣ сказать—мало тиранилъ. Даже приверженность имѣлъ,—какъ-то смущенно прибавилъ Кириллычъ.—Въ вѣстовые взялъ, а потомъ съ четвертаго бастіона перевелъ къ себѣ, состоять при немъ, когда его назначили, значитъ, траншейнымъ майоромъ *), на самую опасную должность... А вѣстовымъ я у его до войны два года прослужилъ... Тутъ-то я и пытался спознать его...

— И спознали?

— Никакъ не спозналъ... Не разобрать евойной души... когда въ ей звѣрь, когда человѣкъ... Видно, такого Богъ уродилъ...

— А тяжело было служить вѣстовымъ?

— Вовсе даже было легко, потому Сбойниковъ дома совсѣмъ легкимъ человѣкомъ былъ...

— Какъ легкимъ?

— А такъ, вспылитъ ежели, обругаетъ или вдаритъ въ зубы, только и всего... А чтобы тиранить—ни Боже ни! Это только онъ на кораблѣ да на службѣ, а такъ, значитъ, при немъ служить—одно только удивленье... Быдто даже и не генералъ-арестантъ... Но только съ полюбовницей своей—опять звѣрь-звѣремъ былъ... Трудно, вашескобродіе, и повѣрить, что онъ съ ей разъ сдѣлалъ...

— Изъ-за чего?

— Изъ-за ревности, вашескобродіе. Ревнивый онъ былъ страсть и любилъ эту самую Машку. А была она матросская вдова, такая ядреная, здоровая баба... Одно слово—козырь... И молодая, лѣтъ двадцати... Пошла она къ Сбойникову въ полюбовницы изъ-за денегъ... ну и помнила... каковы денежки да шелковыя платья, да скусная пища...

— Что-жъ онъ сдѣлалъ?

— А поймалъ онъ у нея какъ-то разъ матросика своего же экипажа да и велѣлъ ему эту Машку привязать косами

*) Траншей-майоръ, наблюдающій за траншеями и за «секретами», скрытыми отъ лица непріятеля.

къ крюку на потолкѣ... Матросикъ не осмѣлился перечить, со страху—исполнилъ приказаніе; тогда Сбойниковъ велѣлъ ему уйти и самъ вышелъ, да еще и двери заперъ... На разсвѣтѣ эту Машку замертво сняли... слышали, какъ она крикомъ кричала... Сломали двери... Видятъ обходные—виситъ человѣкъ и еле дышитъ... Доложили по начальству... Однако дѣло замяли... Тутъ въ скорости и войну объявили... Не до того было!..

Кирилычъ примолкъ и закурилъ трубочку.

— Экая благодать!—промолвилъ онъ, наслаждаясь вечеромъ.—И, подумаешь, какіе злодѣи были... И сколько горя терпѣли отъ ихъ...

— Что-жъ, жива осталась Маша?

— Отлежалась...

— А Сбойниковъ жалѣлъ ее?

— Еще какъ!.. Вы вотъ дальше послушайте, вашескобродіе, какой это былъ человѣкъ... Дайте только передохнуть. И то быдто въ горлѣ пересохло.

IV.

Кирилычъ выкурилъ трубку, откашлялся и совсѣмъ тихо, словно бы боясь нарушить торжественную тишину чуднаго вечера, проговорилъ:

— Да, вашескобродіе... Совсѣмъ чудной былъ этотъ самый генералъ-арестантъ. И въ вѣстовые-то онъ бралъ не такъ, какъ другіе...

— А какъ?

— Другіе которые командиры брали себѣ вѣстовыхъ изъ слабосильныхъ или неисправныхъ по флотской части матросовъ, а онъ такихъ не бралъ... «Не стоитъ, говоритъ, такихъ подлецовъ къ лодырству пріучать». И меня онъ взялъ, вы думаете, по какой причинѣ, вашескобродіе?

— По какой?

— За мою флотскую отчаянность, вашескобродіе.

— Какъ такъ?

— А такъ оно и было. Я, вашескобродіе, отчаяннымъ форъ-марсовымъ считался. На нокъ ходилъ, значитъ, штыкъ-болтъ вязалъ. Сами изволите понимать, вашескобродіе, что на штыкъ-болтѣ не всякому справиться. Бѣжишь, бывало, по рѣ въ родѣ быдто оголтѣлой собаки, какъ скомандуютъ паруса крѣпить или рифы брать. Долго ли при такой оголтѣлости сорваться.

— И срывались?

— А то какъ же! Срывались и на смерть расшибались о

палубу, а то въ море падали... Каждое лѣто такія дѣла случались у Сбойникова. Онъ вѣдь, анаѳема, за каждый секундъ промедленія поролъ. Такъ, небось, каждый марсовой изо всей силы рвался, въ бѣшенство, можно сказать, входилъ... не о томъ думалъ, что упадетъ, а какъ бы ему шкуру не спустилъ Сбойниковъ. Всякій, значитъ, его опасался. Онъ неисправки никогда не прощалъ. Что̀ другое—пьянство или какую шкоду на берегу проститъ, а неисправку по флотской части—ни Боже ни! По самой этой причинѣ и старались.

— Не всѣ же такіе были, какъ Сбойниковъ.

— Кто говоритъ... Этотъ былъ по жестокости первымъ во флотѣ, недаромъ ему и прозвище дали генералъ-арестанта,— но только, вашескобродіе, на всѣхъ судахъ безъ порки да безъ бою не выучивали. Такое, значитъ, было положеніе до войны... Ну, а послѣ, когда императоръ узналъ, какъ матросики Севастополь отстаивали, другое положеніе опредѣлилъ... Теперь, сказываютъ, на флотѣ такого боя нѣтъ... Правда это, вашескобродіе?

— Правда, Кирилычъ,—отвѣчалъ я.

— То-то одинъ унтерперъ мнѣ въ Севастополѣ сказывалъ, что нѣтъ, и легче, молъ, служить. И корабли пошли другого фасона. Безъ мачтъ, а то и есть мачты, такъ только для виду: ни рей на ихъ ни парусовъ... Такъ все паромъ ходятъ. Небось, матросу теперь и упасть-то не откудова... Ходи себѣ по палубѣ... Но только, вашескобродіе, неказисты эти нонѣшніе корабли... Видѣлъ я ихъ въ Севастополѣ...

— Не понравились?

— Вовсе дрянь противъ прежнихъ!—промолвилъ Кирилычъ тономъ полнѣйшаго презрѣнія.—Положимъ, теперь на ихъ опаски меньше, а я такъ полагаю, что безъ опаски какой и матросъ!.. Теперь онъ въ родѣ солдата, значитъ... только такъ, зря матросомъ называется... А въ старину мы настоящіе матросы были. Бывало, бѣжишь по рѣ̀е и вовсе забываешь, что упасть можешь. Такимъ родомъ и я чуть не убился, вашескобродіе...

— Какъ такъ?

— Сорвался я въ горячности съ нока, да на лету уцѣпился какъ-то за шкаторину и повисъ... Чувствую, нѣтъ силы моей держаться... Еще секундъ и упаду на палубу... Вижу свою смерть... Но только спасибо этому самому генералъ-арестанту—не допустилъ.

— Какъ не допустилъ?—удивился я.

— А голосомъ, вашескобродіе...

— Голосомъ?—переспросилъ я, недоумѣвая.

— То-то голосомъ. Увидалъ онъ меня въ такомъ видѣ на шкаторинѣ, да какъ крикнетъ, дьяволъ, со всей мочи съ мостика: «На смерть запорю, такой-сякой, ежели, говоритъ, упадешь. Держись!» И такъ я испугался этого крика, что зубами вцѣпился въ шкаторину... держусь. А тѣмъ временемъ конецъ подали съ реи... И меня подняли... Не подбодри онъ тогда меня страхомъ—не жить!—прибавилъ Кирилычъ.

Кирилычъ выдержалъ паузу и продолжалъ:

— Какъ просвисталъ боцманъ «съ марсовъ долой!»—велѣлъ меня позвать. Прибѣжалъ. А онъ стоитъ на мостикѣ, ноги разставилъ, самъ сгорбившись маленько, поглядѣлъ на меня своимъ пронзительнымъ глазомъ и говоритъ: «Молодчина, Кириловъ! Слушаешься своего командира, а то лежалъ бы ты, такой-сякой, съ пробитой головой. Какъ это ты сорвался? По какой такой причинѣ?»—«Отъ горячности, вашескобродіе», докладываю.—«А отчего, спрашиваетъ, ты руки за пазуху спряталъ?»—«Ногти, молъ, сорваны и кровь, говорю, вашескобродіе, каплетъ, такъ чтобы не загадить палубы!»—«Съ разсудкомъ ты, матросъ. Ну, ступай, говоритъ, въ лазаретъ... тамъ тебѣ пальцы починятъ, а за меня, говоритъ, пей десять денъ по чаркѣ!»

— И долго вы возились съ пальцами, Кирилычъ?

— Такъ, недѣлю, должно-быть, не могъ справлять должности, а тамъ опять на марсъ. Однако недолго мнѣ пришлось служить на марсѣ. Въ скорости послѣ того назначилъ онъ меня вѣстовымъ, а бывшаго своего опять сдѣлалъ марсовымъ да и въ тотъ же день приказалъ отодрать.

— За что?

— А на марсъ бѣжалъ сзади всѣхъ... Отсталъ... Извѣстно, въ вѣстовыхъ очижалѣлъ... А мнѣ говоритъ: «Отдохни, подлецъ, при мнѣ. Очень ужъ ты, такой-сякой, отчаянный, говоритъ, матросъ... Будешь, говоритъ, вѣстовымъ, да смотри — не воображай о себѣ, что ты капитанскій вѣстовой»...

— За что-жъ онъ васъ ругалъ?

— У его, вашескобродіе, безъ того, чтобъ не загнуть дурного слова, не было и разговора. Только меня онъ ругалъ не отъ сердца, а, значитъ, одобрительно... Такъ я у его два года въ вѣстовыхъ и прослужилъ... Сперва боялся, а послѣ—нисколько... Непривередливый былъ и взыску строгаго не было... И рѣдко-рѣдко когда въ горячности искровянитъ, да и то, какъ отойдетъ, повинится... «Извини, говоритъ, братецъ. Я, говоритъ, не въ своемъ правѣ бить человѣка

на берегу. Жалуйся на меня, если забижень!» И, бывало, карбованецъ дастъ... А жилъ онъ на берегу просто... Квартира у насъ была небольшая—двѣ комнаты да кухня... Только и всего работы, что содержи ее въ чистотѣ, подай ему утромъ самоваръ да почисти сапоги и платье... И еще жалованье платилъ отъ себя—три рубля въ мѣсяцъ, а обѣдать я въ казармы ходилъ... Самъ онъ рѣдко дома сидѣлъ... Чай отопьетъ и ушелъ... Тоже на охоту часто ходилъ; бывало, осенью на нѣсколько денъ закатывался со своимъ «Шарманомъ»—песъ лягавый у его былъ... И горячій охотникъ былъ... Разъ такъ и влѣпилъ зарядъ дроби въ ногу своему пріятелю, капитанъ-лейтенанту Кувшинникову. «Зачѣмъ, молъ, не въ очередь стрѣлялъ»... Много, бывало, дичи нанесетъ и сейчасъ пошлетъ меня разносить по знакомымъ. «Кланяйся, молъ, и скажи, что отъ Сбойникова». А дома не обѣдалъ. Больше все въ клубѣ или гдѣ у знакомыхъ. Вернется, отдохнетъ часъ-другой, выпьетъ чаю, да и айда къ своей душенькѣ.

— Это къ той самой... съ которой онъ потомъ такъ жестоко расправился?

— Къ той самой... И очень онъ къ ей приверженъ былъ. Одаривалъ ее—страсть!

— Вѣрно, хороша собой?

— То-то очень даже видна изъ себя... Такая чернобровая, глазъ черный, лицо чистое-пречистое... одно слово форменная бабенка, вашескобродіе. Но только и шельмоватая же была! Этого самаго Сбойникова долгое время обманывала—на сторонѣ, значитъ, гуляла, съ кѣмъ ни попадется... И больше лѣтомъ, когда онъ уходилъ въ море... Не очень-то опасалась своего. Думала: обожаетъ, такъ она въ полной, значитъ, у его довѣренности. И точно: сперва Сбойниковъ не догадывался, что она безъ его погуливаетъ,—вѣрилъ, какъ она зубы ему заговаривала. Ну, а она оставила всякую опаску... Пошла во всю... Жаль стало бабы, она хоть и гулящая, а добрая-предобрая, я вамъ скажу, и, бывало, скажешь ей:—«Ой, милая, не очень-то форси... Остерегайся... Какъ-нибудь да пронюхаетъ твои штуки генералъ-арестантъ, небось, не похвалитъ... Отъ такого звѣря всякой бѣды можно ждать»... А она куражится.—«Я, говоритъ, не казенный человѣкъ, а вольная вдова и не обязана его бояться... Я, говоритъ, съ эстимъ самымъ дьяволомъ связалась изъ интереса и никакой приверженности къ ему не имѣю. Начхать мнѣ на его!» Такъ, глупая, и докуражилась!..

— Куда она потомъ дѣлась?

— Куда ей дѣваться? Въ Севастополѣ осталась. Почти всю осаду пробыла въ городѣ по своей волѣ, пока ее не убило бомбой... Она отчаянная была—ничего не боялась. Почитай, каждый день къ отцу-матросу на батарею бѣгала... хлѣба, квасу, огурцовъ, того да другого принесетъ. «Кушайте, молъ, на здоровье». Бѣлье тоже стирала. Страсть ласковая къ отцу была! Прибѣжитъ, смѣется, зубы бѣлые скалитъ и балакаетъ съ матросиками... Всѣмъ и радостно... Отецъ, сказывали, запрещалъ ей ходить.—«Убьютъ, молъ, дура». Такъ она не слушала... «Я, говоритъ, тоже обязана свой городъ защищать, а Богъ, говоритъ, не захочетъ, меня не убьютъ... Ужъ если тогда Онъ меня спасъ отъ генералъ-арестанта, значитъ, и теперь спасетъ»... И опять смѣется, обнадеживаетъ себя... И къ намъ на бакстіонъ забѣгала.

— Къ вамъ зачѣмъ?

— А былъ у насъ, вашескобродіе, одинъ мичманъ молоденькій... хорошій такой мичманъ—недавно изъ корпуса опредѣлился. Такъ она къ ему бѣгала: узнать, значитъ, живъ ли, почему, молъ, въ слободку къ ей давно не заходилъ... Въ родѣ быдто прачки шлялась—тоже и ему бѣлье стирала—и привязалась къ этому мичману, ровно собачонка. Такъ въ глаза и смотритъ. Прикажи онъ, примѣромъ, ей стать подъ разстрѣлъ—стала бы, глупая, вашескобродіе... И то вѣдь бѣгала на бакстіонъ, подъ пулями да ядрами...

— А мичманъ привязанъ былъ къ ней?

— Одобрялъ, вашескобродіе, только при другихъ виду не показывалъ. Совѣстился, что къ ему дѣвка бѣгаетъ... И то надъ имъ смѣялись. Однако, какъ услыхалъ, что ее бомбой убило, какъ она съ бакстіона въ городъ шла, заскучилъ... Жалѣлъ, видно. Въ скорости и самъ, бѣдный, въ вылазкѣ голову сложилъ. Все просился: «возьмите да возьмите»... Отвагу показать хотѣлъ... Извѣстно, молодъ былъ, не понималъ, что сегодня ты цѣлъ, а завтра и нѣтъ тебя, и что соваться нечего. Суйся не суйся, а часъ придетъ—и шабашъ.

— А Сбойниковъ узналъ, что его прежняя любовница убита?

— Узналъ... Я тогда при емъ состоялъ въ родѣ какъ ординарцемъ... Очень даже заскучилъ... Въ задумчивости большой ходилъ, какъ бы не въ себѣ былъ... Поди-жъ ты! Приверженность-то, значитъ, осталась, даромъ что живую сказнить хотѣлъ... И вѣрите ли, вашескобродіе, послалъ меня разыскивать покойницу, далъ денегъ, чтобы похоронили честь-честью, и велѣлъ клокъ ейныхъ волосъ ему принести...

— А матросъ-отецъ живъ остался?

— Какое? Его еще раньше дочки штуцерной пулей убило наповалъ, и не пикнулъ... А добрая была эта Машка—царство ей небесное!—продолжалъ Кирилычъ и перекрестился, глядя на усѣянное звѣздами небо.—И мнѣ, бывало, когда рубаху постираетъ, когда свѣжихъ бубликовъ принесетъ на бакстіонъ... И всякому матросику рада была угодить. И за ранеными хаживала... Шустрая... вездѣ поспѣвала. Положимъ, грѣшна она была, что̀ и говоритъ, а только я такъ полагаю, вашескобродіе, что за ейную доброту да отважность Богъ всѣ грѣхи ей простилъ... Даромъ что женскаго званія, а животъ свой положила за Севастополь...

Кирилычъ примолкъ и задумался.

— Хо-ро-шо!—протянулъ онъ, глубоко вздохнувъ.—Ишь звѣзды-то повысыпали вокругъ мѣсяца...

Въ тишинѣ вечера раздался рѣзкій крикъ.

— Это дрохва, вашескобродіе. Должно, испугалась чего-нибудь!—промолвилъ Кирилычъ и опять погрузился въ молчаніе.

— Быть-можетъ, вы спать хотите, Кирилычъ?—спросилъ я.

— Какой сонъ? За день-то я отоспался... Ночью только и дохнуть можно... Не жаритъ... Хо-ро-шо!—повторилъ онъ.

Я сидѣлъ около, ожидая, что онъ будетъ продолжать разсказъ о Сбойниковѣ.

Но старикъ, кажется, уже и забылъ о немъ.

Такъ прошло нѣсколько минутъ.

V.

— А почему вы, Кирилычъ, ушли изъ вѣстовыхъ отъ Сбойникова?—спросилъ наконецъ я, желая навести его на прежнюю тему.

— По случаю войны. Когда стали воевать съ туркой, онъ поздравилъ меня съ войной и приказалъ на завтра же свою должность новому вѣстовому сдать. «А ты, говоритъ, явись въ экипажъ... Тебя снова на корабль марсовымъ назначатъ. Теперь, говоритъ, хорошій матросъ долженъ на своемъ мѣстѣ быть и, въ случаѣ чего, за матушку Рассею, говоритъ, сражаться и честь флага отстаивать. Понялъ? А затѣмъ, говоритъ, я тобою былъ доволенъ». И съ этими самыми словами далъ мнѣ десять карбованцевъ. Въ скорости мы съ Нахимовымъ-адмираломъ ушли въ море турку ловить и накрыли его подъ Синопомъ. Какъ вернулись въ Севастополь послѣ Синопа, пошелъ слухъ, что война будетъ долгая, и не съ однимъ туркой. Сказывали потомъ, быдто нашъ императоръ

Николай Павловичъ не согласился французскаго императора за ровню считать. «Я, говоритъ, настоящій императоръ, а ты, говоритъ, изъ какихъ-то бѣглыхъ арестантовъ. Я не согласенъ тебя за брата признать. Прусскій и австрійскій императоры—тѣ точно мои двоюродные братья, а какой же мнѣ, русскому царю, можетъ быть братъ—бѣглый арестантъ?»—Такъ и отписалъ ему и приказалъ своему любимому генералу отвезти письмо къ французскому императору и отдать, значитъ, въ собственныя руки. Тому, извѣстно, обидно стало, и онъ объявилъ войну да англичанъ на свою сторону переманилъ. За турку, значитъ, заступиться. «Мы, говоритъ, спеси-то собьемъ съ русскихъ, черноморскій флотъ изничтожимъ и Севастополь разоримъ». И точно, пришло ихнихъ кораблей видимо-невидимо... Всѣ такъ полагали, что Меньшиковъ не допуститъ высадки. Однако допустилъ. Войска, говоритъ, мало нашего. И въ первомъ же сраженіи нашихъ вовсе одолѣли... Побѣжали солдатики кто куда... Сказывали потомъ: у тѣхъ штуцера, а у насъ, молъ, ружьишки плохонькія — не берутъ. Онъ издалече бьетъ, а ты стой на разстрѣлѣ. И опять же: начальство вовсе безтолковое было... Генералы всѣ врозь. Никто никого не слухаетъ. Совсѣмъ дѣло плохо... Пошли, значитъ, французы съ англичанами на Севастополь... А Меньшиковъ тѣмъ временемъ съ войсками ушелъ... «Пропадай, молъ, Севастополь, а я не виноватъ. Зачѣмъ мнѣ подмоги не присылаютъ; я, говоритъ, давно просилъ. И генераловъ умныхъ просилъ, а мнѣ однихъ, говоритъ, глупыхъ генераловъ прислали. Безъ войска да безъ генераловъ я, говоритъ, сражаться не могу». И просилъ онъ, сказывали тогда, императора: «Ослобоните, Ваше Императорское Величество, а то на побѣду я не обнадеженъ!»Однако императоръ разсердился, «Врешь, Меньшиковъ... Армія моя первая на всемъ свѣтѣ. и ты мнѣ долженъ французовъ всѣхъ выгнать. А то смотри!»—Такъ Меньшиковъ и остался, — ничего не подѣлаешь противъ царскаго повелѣнія. А былъ этотъ самый Меньшиковъ съ большимъ разсудкомъ старикъ, но только не для войны, а по другимъ дѣламъ... И вѣры въ емъ въ войско не было... И генераловъ не уважалъ... И его никто при войскѣ не видалъ. Какъ увидали Нахимовъ да Корниловъ, чего набѣдокурилъ Меньшиковъ, поняли, что одна надежда на матросиковъ... «Вызволяй, молъ, братцы!.. Не отдадимъ Севастополя!..» И сейчасъ же это стали возить пушки съ кораблей на бакстіоны да строить новыя батареи на сухомъ пути. Дни и ночи работали. И всѣхъ, значитъ, арестантовъ выпустили — работай и вы, молъ, вмѣстѣ съ прочими, и зато вамъ будетъ проще-

ніе. И бабы и дѣвки, матросскія женки да дочери тогда старались вмѣстѣ со всѣми — помогали, всѣмъ жалко было Севастополя. Черезъ дня два всѣхъ насъ расписали по бакстіонамъ, а залишнимъ дали ружья и замѣсто войска назначили. Ждемъ мы такимъ родомъ непріятеля... А Корниловъ-адмиралъ объѣзжалъ, значитъ, по всѣмъ батареямъ да по городу и обнадеживаетъ: «Всѣ, говоритъ, лучше помремъ, а безъ бою не отдадимъ Севастополя!» Только онъ да Нахимовъ въ тѣ поры и распоряжались, а остальныхъ адмираловъ да генераловъ что-то не видно было. Сказывали, быдто вовсе пали духомъ: растерялись, значитъ. Городъ, молъ, беззащитенъ. «Что подѣлаешь съ горсткой матросовъ противъ всей арміи»... А Нахимовъ да Корниловъ подбадривали... Отчаянные были адмиралы... Первый отвагой бралъ, а другой и очень башковатый былъ... Ждемъ день, другой... И въ тѣ поры мы такъ и полагали, что помирать всѣмъ до одного... Гдѣ же горсткѣ сустоять противъ всей арміи?.. Однако Господь, видно, продлить испытаніе хотѣлъ и навелъ туману на ихнихъ генераловъ.

— Какого тумана?

— Да какъ же? Замѣсто того, чтобъ идти прямо на Севастополь съ Сѣверной стороны и брать Севастополь, а насъ всѣхъ перебить,—они въ обходъ пошли, чего-то испужались. Видимъ это мы, что они тянутся на Южную сторону — вздохнули... Значитъ, онъ осаду поведетъ... штурмовать не согласенъ. Тѣмъ временемъ и Меньшиковъ вернулся съ арміей. Дѣло и пошло въ затяжку... Мы знай себѣ все батареи строимъ... И онъ строитъ. Остроился и началъ бондировку. Страсть какъ жарилъ.

— А вы гдѣ были?

— На четвертомъ бакстіонѣ, вашескобродіе...

— А Сбойниковъ?

— А онъ рядомъ съ нами батареей командовалъ... И строилъ самъ... Въ два дня она у его, дьявола, была готова. Самъ день и ночь стоялъ — и чуть замѣтитъ, что матросъ отдохнуть захочетъ или покурить трубочки, онъ его приказываетъ отодрать линьками... Хуже, чѣмъ на суднѣ, страху нагонялъ... Война не война, а онъ все звѣрствовалъ... Другіе, которые прежде матроса не жалѣли, какъ война пошла, попритихли... Прежде, бывало, чуть-что — въ зубы или драть, а теперь—шабашъ... опаску, значитъ, имѣли, какъ бы за жестокость свои не пристрѣлили... Разбирай потомъ. А этотъ еще сердитѣй по службѣ сталъ — нисколько не перемѣнилъ характера... Ну и возроптали у его на батареѣ матросики...

Но только онъ вниманія не обращалъ на это, — свою линію велъ. И что бы вы полагали, вашескобродіе, онъ дѣлалъ? Бывало, велитъ комендору навести орудіе, и если бомба или ядро не попадетъ въ цѣль, онъ этого комендора на четверть часа на банкетъ, подъ непріятельскія, значитъ, пули на убой... Что выдумалъ-то? Рѣдко кто живымъ оставался. А одного писаря такъ прямо велѣлъ привязать... потому тотъ стоять со страха не могъ.

— А другіе стояли? — спросилъ я.

— Что будешь дѣлать? Стояли! Но только пошелъ по батареѣ ропотъ, все больше да больше. И безъ того каждый разъ отъ бондировки людей убиваютъ да ранятъ, а генералъ-арестантъ еще самъ подъ разстрѣлъ ставитъ... А надо вамъ сказать, стрѣляли на батареѣ Сбойникова, почитай, лучше всѣхъ. Первая батарея была. До того, значитъ, онъ застращалъ... Кому лестно подъ разстрѣлъ попасть? Однако терпѣли-терпѣли да разъ, когда Нахимовъ пріѣхалъ на батарею, какой-то комендоръ и скажи... «Такъ и такъ, ваше превосходительство, а терпѣть, молъ, командира никакъ невозможно... беззаконно разстрѣломъ наказываетъ...»

— Что-жъ Нахимовъ?

— Отвернулся, быдто не слыхалъ, и послѣ что-то Сбойникову говорилъ, отчитывалъ съ глаза на глазъ, потому видѣли, какъ вышли они изъ блиндажа оба красные. Нахимовъ все плечомъ поддергивалъ, видно, недоволенъ былъ, а генералъ-арестантъ насупимшись, на людей не глядитъ. Однако комендору, что претензію заявилъ, ничего не сдѣлалъ, а дня черезъ два самого Сбойникова на другой бакстіонъ перевели.

— А тамъ онъ не звѣрствовалъ?

— И тамъ чуть не взбунтовались матросы,—такъ онъ ихъ жестоко стрѣльбѣ училъ... Подъ разстрѣлъ не ставилъ, а забивалъ... бѣда! Потомъ мнѣ сказывалъ одинъ матросъ съ бакстіона, что они промежъ себя рѣшили пристрѣлить его, ежели случай подойдетъ. Однако случая не подходило. Послѣ подошелъ!—прибавилъ значительно Кирилычъ и замолкъ.

— Какой случай? Разскажите, Кирилычъ.

— Да что разсказывать? Пристрѣлили и шабашъ! Можетъ, и неправильно тогда съ имъ поступили. Послѣ войны и ему не дали бы такъ звѣрствовать при новомъ положеніи... Ну, да, видно, такъ Господь ему опредѣлилъ!—промолвилъ старикъ словно бы въ какомъ-то раздумьѣ.

— Но почему вы увѣрены, что Сбойникова убили свои? Быть-можетъ, и непріятель?

— Свои!—увѣренно и рѣзко проговорилъ Кирилычъ.

— Видѣли вы, что ли?—нарочно спрашивалъ я, чтобы заставить его разсказать подробности.

— Знаю!—строго и значительно промолвилъ Кирилычъ и опять вздохнулъ.—Въ тѣ поры я при емъ состоялъ. Перевели его опять съ бакстіона и назначили траншейнымъ майоромъ. Должность самая опасливая, Но только онъ и этой должности не боялся и шлялся по траншеямъ да осматривалъ по ночамъ секреты часто и подъ пулями, словно заговоренный какой-то отъ пуль. И какъ назначили его на эту должность, выбралъ онъ четверыхъ человѣкъ, чтобы безсмѣнно при емъ состояли, и меня въ томъ числѣ съ четвертаго бакстіона взялъ... Собралъ это онъ насъ на Малаховомъ курганѣ,—у его тамъ маленькій былъ свой блиндажекъ по новой должности,—облаялъ первымъ дѣломъ и стращалъ запороть, если кто не сполнитъ въ точности какого его приказанія, а затѣмъ велѣлъ, чтобы къ девяти часамъ всѣ къ ему явились, и чтобы у каждаго было по штуцеру и по линьку въ карманѣ. Да приказалъ, чтобы линьки были хорошіе, «а то я на васъ самихъ, сучьи дѣти, говоритъ, попробую!..» Ладно... Вышли мы...

— А зачѣмъ линьки?—перебилъ я.

— А вотъ узнаете, вашескобродіе... Просили сказывать, такъ не сбивайте!—съ неудовольствіемъ замѣтилъ Кирилычъ И затѣмъ продолжалъ:

— Вышли мы отъ его и тутъ же раздобыли линьки отъ унтерцеровъ... Выдали намъ по штуцеру да припасу, и завалились мы спать въ матросскомъ блиндажѣ... просили побудить въ восьми часамъ и къ назначенному сроку явились... А ужъ онъ готовъ... въ солдатской шинели, Егорій на груди... сабля черезъ плечо. «Идемъ!—говоритъ:—да смотри, ни-гу-гу... чтобы неслышно идти...» Вышли за укрѣпленія. Онъ впереди, а мы за имъ. А ночь темная... Только звѣзды горятъ... Идемъ это, значитъ, обходимъ траншеи, повѣряемъ секреты, все ли въ исправкѣ, не спятъ ли «секретные»... Кругомъ тихо... Только слышно, какъ *онъ* въ своихъ траншейкахъ работаетъ противъ нашихъ, совсѣмъ близко, такъ близко, что иной разъ слышно, какъ онъ лопочетъ по-своему... Вдругъ Сбойниковъ остановился. «Сюда!»—чуть слышно скомандовалъ. Мы всѣ подскочили.—«Въ линьки вотъ этого!»—и пальцемъ указываетъ на человѣка... А онъ, значитъ, спалъ въ траншейкѣ передъ самымъ непріятелемъ... Увидалъ я, что у человѣка офицерскіе погоны, и на-ухо докладываю: «офицеръ, вашескобродіе», а онъ замѣсто отвѣта — меня въ зубы и опять же скомандовалъ: «Въ линьки да во всю!» Мы и начали лупцовать. Ту-жъ

минуту вскочилъ офицеръ на ноги: «Какъ, говоритъ, вы смѣете, господинъ траншейный майоръ... Я, говоритъ, арміи капитанъ!»—«Извините, говоритъ, г. капитанъ, въ темнотѣ обознался. Полагалъ, солдатъ. Никакъ, говоритъ, не разсчитывалъ, чтобы офицеръ, да еще начальникъ секрета, могъ заснуть на своемъ посту!» И пошелъ дальше. Такъ, бывало, ходили мы съ имъ каждую ночь и возвращались къ разсвѣту. И многихъ онъ учивалъ линьками—не разбиралъ, значитъ, званія. Жаловались на его высшему начальству. А онъ и ему свое, значитъ, лепортуетъ: «Обознался... Никакъ, говоритъ, не могъ думать, чтобы офицеръ долга своего по присягѣ не сполнялъ!»—Такъ этакъ черезъ недѣлю, какъ Сбойникова сдѣлали траншейнымъ майоромъ, небось, никто больше не спалъ, кому не полагалось... Съ имъ не шути... Ходимъ мы съ имъ такимъ родомъ съ полмѣсяца... двоихъ унтерцеровъ, что были при емъ, убило, одного онъ самъ избилъ до полусмерти за то, что пьяный напился, да такъ избилъ, что надо было въ госпиталь идтить, и остался только я изъ прежнихъ, а троихъ новыхъ назначили... И былъ одинъ, Собачкинымъ прозывался, съ той батареи, гдѣ Сбойниковъ первое время служилъ и этого самаго Собачкина прежестоко наказалъ, а младшаго его брата—молодого матросика—такъ прямо, можно сказать, загубилъ, поставилъ его на банкетъ, а его черезъ минуту пулей и срѣзало. А былъ этотъ Собачкинъ очень озлобленъ на Сбойникова и за себя и за брата, но только по скрытности своей въ себѣ злобу таилъ и никакого вида не оказывалъ, и такъ старался, что въ скорости Сбойниковъ ему Егорія выхлопоталъ и унтерцеромъ сдѣлалъ, и часто своими деньгами награждалъ... Однако Собачкинъ не облестился этимъ... Бывало, взглянетъ на генералъ-арестанта такими недобрыми глазами, что страсть... А былъ этотъ Собачкинъ, надо сказать, башковатый человѣкъ и ничего себѣ матросъ—только загуливать любилъ... За это-то самое и терпѣлъ. Потому и на службѣ, случалось, пьяный бывалъ... И вотъ однимъ разомъ, какъ собрались мы идтить въ ночной обходъ, Собачкинъ и говоритъ: — «А вѣдь доброе дѣло, братцы, бѣшеную собаку убить. По крайности, говоритъ, никого кусать больше не будетъ. Какъ вы, братцы, про это полагаете?» Догадались это мы, про кого онъ. Молчимъ. А онъ опять. И складно такъ у его выходило, что нужно собаку изничтожить. «Ужъ давно, молъ, ждутъ матросы не дождутся; все надѣялись: пуля, молъ, непріятельская уложитъ бѣшеную собаку». Молчимъ. Однако кинули трехкопеечникъ.

Кирилычъ на минуту примолкъ.

— Пошли мы въ ночной обходъ. Ночь была темная-претемная. Какъ шли назадъ, такъ около разсвѣта подошли къ траншейкамъ впереди четвертаго бастіона. А тамъ наши работали, чинили батарейку—тихо такъ, чтобы непріятель не слыхалъ... А онъ услыхалъ. Раздались выстрѣлы—и какъ бросились французы!.. Пошла тревога... Наши держатся... А ихъ, видно, много... Одолѣваютъ... У насъ затрубили отступать... Уходимъ, значитъ, на-утекъ... А онъ вдогонку за нами... Идемъ это мы за Сбойниковымъ... Онъ все ругается, что армейскіе прозѣвали, молъ, французовъ... Пули такъ вокругъ насъ и свищутъ... Начало свѣтать... Вдругъ Собачкинъ упалъ... Мы всѣ къ нему... взять хотимъ. «Оставьте, говоритъ, братцы... все равно помираю... Уговоръ только помните!»... Сказалъ это онъ—и духъ вонъ... Хотѣли-было все-таки подобрать его, да нельзя... французъ насѣдаетъ... Однако съ бастіоновъ подмога тѣмъ временемъ шла... и французы на-утекъ... А мы уже близко къ Малахову подходимъ... Стрѣльба еще идетъ... Вотъ тутъ-то и вышло это самое!.. — шопотомъ проговорилъ Кирилычъ.

— Догадался онъ, что его свои убили?—спросилъ я.

— А Господь знаетъ. Подняли его—еще дышалъ, а говорить ничего не говорилъ... только рукой на шинель показывалъ... Скоро и померъ, а какъ на Малаховомъ снимали съ его часы, то въ карманѣ нашли пакетъ, а въ емъ пять тысячъ, и на пакетѣ написано, что, молъ, кровныя его эти денежки въ случаѣ смерти отдать въ экипажъ и раздѣлить матросамъ.

Кирилычъ замолчалъ и глубоко вздохнулъ.

— Вы потомъ опять на четвертый бастіонъ поступили?

— На четвертый.

— Тамъ и ногу оторвало?

— Тамъ.

Онъ, видимо, неохотно отвѣчалъ на вопросы и, закуривая трубку, промолвилъ:

— Однако и поздно, должно-быть.

Я поспѣшилъ оставить Кирилыча и, простившись съ нимъ, тихо пошелъ на хуторъ.

Оглянувшись, я увидалъ въ полосѣ луннаго свѣта фигуру поднявшагося старика около своей сторожки. Онъ истово и усердно крестился.

Ночь стояла чудная.

МАКСИМКА.

(Посвящается Тусику).

I.

Только-что пробилъ колоколъ. Было шесть часовъ прелестнаго тропическаго утра на Атлантическомъ океанѣ.

По бирюзовому небосклону, безконечно-высокому и прозрачно-нѣжному, мѣстами подернутому, словно бѣлоснѣжнымъ кружевомъ, маленькими перистыми облачками, быстро поднимается золотистый шаръ солнца, жгучій и ослѣпительный, заливая радостнымъ блескомъ водяную холмистую поверхность океана. Голубыя рамки далекаго горизонта ограничиваютъ его безпредѣльную даль.

Какъ-то торжественно-безмолвно кругомъ.

Только могучія свѣтло-синія волны, сверкая на солнцѣ своими серебристыми верхушками и нагоняя одна другую, плавно переливаются съ тѣмъ ласковымъ, почти нѣжнымъ ропотомъ, который точно нашептываетъ, что въ этихъ широтахъ, подъ тропиками, вѣковѣчный старикъ-океанъ всегда находится въ добромъ расположеніи духа.

Бережно, словно заботливый нѣжный пѣстунъ, несетъ онъ на своей исполинской груди плывущіе корабли, не угрожая морякамъ бурями и ураганами.

Пусто вокругъ!

Не видно сегодня ни одного бѣлѣющагося паруса, не видно ни одного дымка на горизонтѣ. Большая океанская дорога широка.

Изрѣдка блеснетъ на солнцѣ серебристою чешуйкой летучая рыбка, покажетъ черную спину играющій китъ и шумно выпуститъ фонтанъ воды, высоко прорѣетъ въ воздухѣ темный фрегатъ или бѣлоснѣжный альбатросъ, пронесется надъ водой маленькая сѣрая петрель, направляясь къ далекимъ берегамъ

Африки или Америки, и снова пусто. Снова рокочущій океанъ, солнце да небо, свѣтлые, ласковые, нѣжные.

Слегка покачиваясь на океанской зыби, русскій военный паровой клиперъ «Забіяка» быстро идетъ къ югу, удаляясь все дальше и дальше отъ сѣвера, мрачнаго, угрюмаго и все-таки близкаго и дорогого сѣвера.

Небольшой, весь черный, стройный и красивый, со своими тремя чуть-чуть подавшимися назадъ высокими мачтами, съ верху до низу покрытыми парусами, «Забіяка» съ попутнымъ и ровнымъ, вѣчно дующимъ въ одномъ и томъ же направленіи сѣверо-восточнымъ пассатомъ, бѣжитъ себѣ миль по семи-восьми въ часъ, слегка накренившись своимъ подвѣтреннымъ бортомъ. Легко и граціозно поднимается «Забіяка» съ волны на волну, съ тихимъ шумомъ разсѣкаетъ ихъ своимъ острымъ водорѣзомъ, вокругъ котораго пѣнится вода и разсыпается алмазною пылью. Волны ласково лижутъ бока клипера. За кормой стелется широкая серебристая лента.

На палубѣ и внизу идетъ обычная утренняя чистка и уборка клипера къ подъему флага, то-есть къ восьми часамъ утра, когда на военномъ суднѣ начинается день.

Разсыпавшись по палубѣ въ своихъ бѣлыхъ рабочихъ рубахахъ съ широкими откидными синими воротами, открывающими жилистыя, загорѣлыя шеи, матросы, босые, съ засученными до колѣнъ штанами, моютъ, скребутъ и чистятъ палубу, борты, пушки и мѣдь, словомъ, убираютъ «Забіяку» съ тою щепетильною внимательностью, какою отличаются моряки при уборкѣ своего судна, гдѣ всюду, отъ верхушекъ мачтъ до трюма, должна быть умопомрачающая чистота, и гдѣ все, доступное кирпичу, суконкѣ и бѣлиламъ, должно блестѣть и сверкать.

Матросы усердно работали и весело посмѣивались, когда «горластый» боцманъ Матвѣичъ, старый служака съ типичнымъ боцманскимъ лицомъ стараго времени—краснымъ и отъ загара и отъ береговыхъ кутежей, съ выкаченными сѣрыми глазами, «чумѣя», какъ говорили матросы, во время «убирки»,—выпаливалъ какую-нибудь ужъ очень затѣйливую ругательную импровизацію, поражавшую даже привычное ухо русскаго матроса. Дѣлалъ Матвѣичъ это не столько для поощренія, сколько, какъ онъ выражался, «для порядка».

Никто за это не сердился на Матвѣича. Всѣ знаютъ, что Матвѣичъ добрый и справедливый человѣкъ, кляузъ не заводитъ и не злоупотребляетъ своимъ положеніемъ. Всѣ давно привыкли къ тому, что онъ не могъ произнести трехъ словъ безъ ругани, и порой восхищаются его безконечными варіаціями. Въ этомъ отношеніи онъ былъ виртуозъ.

Время отъ времени матросы бѣгали на бакъ, къ кадкѣ съ водой и къ ящику, гдѣ тлѣлъ фитиль, чтобы наскоро выкурить трубочку острой махорки и перекинуться словомъ. Затѣмъ снова принимались чистить и оттирать мѣдь, наводить глянецъ на пушки и мыть борты, и особенно старательно, когда приближалась высокая, худощавая фигура старшаго офицера, съ ранняго утра носившаяся по всему клиперу, заглядывая то туда, то сюда.

Вахтенный офицеръ, молодой блондинъ, стоявшій вахту съ четырехъ до восьми часовъ, уже давно разогналъ дрему перваго получаса вахты. Весь въ бѣломъ, съ разстегнутою ночною сорочкой, онъ ходитъ взадъ и впередъ по мостику, вдыхая полной грудью свѣжій воздухъ утра, еще не накаленный жгучимъ солнцемъ. Нѣжный вѣтеръ пріятно ласкаетъ затылокъ молодого лейтенанта, когда онъ останавливается, чтобы взглянуть на компасъ—по румбу ли правятъ рулевые, или на паруса — хорошо ли они стоятъ, или на горизонтъ — нѣтъ ли гдѣ шквалистаго облачка.

Но все хорошо, и лейтенанту почти нечего дѣлать на вахтѣ въ благодатныхъ тропикахъ.

И онъ снова ходитъ взадъ и впередъ и слишкомъ рано мечтаетъ о томъ времени, когда вахта кончится, и онъ выпьетъ стаканъ-другой чаю со свѣжими горячими булками, которыя такъ мастерски печетъ офицерскій кокъ, если только водку, которую онъ требуетъ для поднятія тѣста, не вольетъ въ себя.

II.

Вдругъ по палубѣ пронесся неестественно-громкій и тревожный окрикъ часоваго, который, сидя на носу судна, смотрѣлъ впередъ:

— Человѣкъ въ морѣ!

Матросы кинули мгновенно работы и, удивленные и взволнованные, бросились на бакъ и устремили глаза на океанъ.

— Гдѣ онъ, гдѣ?—спрашивали со всѣхъ сторонъ часового, молодого бѣлобрысаго матроса, лицо котораго вдругъ побѣлѣло какъ полотно.

— Вонъ,—указывалъ дрогнувшей рукой матросъ.—Теперь скрылся. А сейчасъ видѣлъ, братцы... На мачтѣ держался... привязанъ, что ли,—возбужденно говорилъ матросъ, напрасно стараясь отыскать глазами человѣка, котораго только-что видѣлъ.

Вахтенный лейтенантъ вздрогнулъ отъ окрика часового и впился глазами въ бинокль, наводя его въ пространство передъ клиперомъ.

Сигнальщикъ смотрѣлъ туда же въ подзорную трубу.

— Видишь?—спросилъ молодой лейтенантъ...

— Вижу, ваше благородіе... Лѣвѣе извольте взять...

Но въ это мгновеніе и офицеръ увидѣлъ среди волнъ обломокъ мачты и на ней человѣческую фигуру.

И взвизгивающимъ, дрожащимъ голосомъ, торопливымъ и нервнымъ, онъ крикнулъ во всю силу своихъ здоровыхъ легкихъ:

— Свистать всѣхъ наверхъ! Гротъ и фокъ на гитовы! Баркасъ къ спуску!

И, обратившись къ сигнальщику, возбужденно прибавилъ:

— Не теряй изъ глазъ человѣка!

— Пошелъ всѣ наверхъ!—рявкнулъ сипловатымъ баскомъ боцманъ послѣ свистка въ дудку.

Словно бѣшеные, матросы бросились къ своимъ мѣстамъ.

Капитанъ и старшій офицеръ уже вбѣгали на мостикъ. Полусонные, заспанные офицеры, надѣвая на ходу кителя, поднимались по трапу на палубу.

Старшій офицеръ принялъ команду, какъ всегда бываетъ при авралѣ, и, какъ только раздались его громкія, отрывистыя командныя слова, матросы стали исполнять ихъ съ какою-то лихорадочною порывистостью. Все въ ихъ рукахъ точно горѣло. Каждый словно бы понималъ, какъ дорога каждая секунда.

Не прошло и семи минутъ, какъ почти всѣ паруса, за исключеніемъ двухъ-трехъ, были убраны, «Забіяка» лежалъ въ дрейфѣ, недвижно покачиваясь среди океана, и баркасъ съ шестнадцатью гребцами и офицеромъ у руля спущенъ былъ на воду.

— Съ Богомъ! — крикнулъ съ мостика капитанъ на отвалившій отъ борта баркасъ.

Гребцы наваливались изо всѣхъ силъ, торопясь спасти человѣка.

Но въ эти семь минутъ, пока остановился клиперъ, онъ успѣлъ пройти больше мили, и обломка мачты съ человѣкомъ не видно было въ бинокль.

По компасу замѣтили все-таки направленіе, въ которомъ находилась мачта, и по этому направленію выгребалъ баркасъ, удаляясь отъ клипера.

Глаза всѣхъ моряковъ «Забіяки» провожали баркасъ. Какою ничтожною скорлупою казался онъ, то показываясь на гребняхъ большихъ океанскихъ волнъ, то скрываясь за ними.

Скоро онъ казался маленькой черной точкой.

III.

На палубѣ царила тишина.

Только порой матросы, тѣснившіеся на ютѣ и на шканцахъ, мѣнялись между собой отрывистыми замѣчаніями, произносимыми вполголоса:

— Должно, какой-нибудь матросикъ съ потопшаго корабля.

— Потонуть кораблю здѣсь трудно. Развѣ вовсе плохое судно.

— Нѣтъ, видно, столкнулся съ какимъ другимъ ночью...

— А то и сгорѣлъ.

— И всего-то одинъ человѣкъ остался, братцы!

— Можетъ, другіе на шлюпкахъ спасаются, а этого забыли..

— Живой ли онъ?

— Вода теплая. Можетъ, и живой.

— И какъ это, братцы, акулъ-рыба его не съѣла. Здѣсь этихъ самыхъ акуловъ страсть!

— Ддда, милые! Опаская эта флотская служба. Ахъ, какая опаская!—произнесъ подавляя вздохъ, совсѣмъ молодой чернявый матросикъ съ серьгой, первогодокъ, прямо отъ сохи попавшій въ кругосвѣтное плаваніе.

И, съ омраченнымъ грустью лицомъ, онъ снялъ шапку и медленно перекрестился, точно безмолвно моля Бога, чтобы Онъ сохранилъ его отъ ужасной смерти гдѣ-нибудь въ океанѣ.

Прошло три четверти часа общаго томительнаго ожиданія.

Наконецъ сигнальщикъ, не отрывавшій глаза отъ подзорной трубы, весело крикнулъ:

— Баркасъ пошелъ назадъ!

Когда онъ сталъ приближаться, старшій офицеръ спросилъ сигнальщика:

— Есть на немъ спасенный?

— Не видать, ваше благородіе!—уже не такъ весело отвѣчалъ сигнальщикъ.

— Видно, не нашли!—проговорилъ старшій офицеръ, подходя къ капитану.

Командиръ «Забіяки», низенькій, коренастый и крѣпкій брюнетъ пожилыхъ лѣтъ, заросшій сильно волосами, покрывавшими мясистыя щеки и подбородокъ густою, черною, засѣдѣвшею щетиной, съ небольшими круглыми, какъ у ястреба, глазами, острыми и зоркими,—недовольно вздернулъ плечомъ и, видимо сдерживая раздраженіе, проговорилъ:

— Не думаю-съ. На баркасѣ исправный офицеръ и не вернулся бы такъ скоро, если-бъ не нашелъ человѣка-съ.

— Но его не видно на баркасѣ.

— Быть-можетъ, внизу лежитъ, потому и не видно-съ... А впрочемъ-съ, скоро узнаемъ...

И капитанъ заходилъ по мостику, то и дѣло останавливаясь, чтобы взглянуть на приближавшійся баркасъ. Наконецъ онъ взглянулъ въ бинокль и хоть не видѣлъ спасеннаго, но по спокойно-веселому лицу офицера, сидѣвшаго на рулѣ, рѣшилъ, что спасенный на баркасѣ.

И на сердитомъ лицѣ капитана засвѣтилась довольная улыбка.

Еще нѣсколько минутъ, и баркасъ подошелъ къ борту и вмѣстѣ съ людьми былъ поднятъ на клиперъ.

Вслѣдъ за офицеромъ изъ баркаса стали выходить гребцы, красные, вспотѣвшіе, съ трудомъ переводившіе дыханіе отъ усталости. Поддерживаемый однимъ изъ гребцовъ, на палубу вышелъ и спасенный — маленькій негръ лѣтъ десяти-одиннадцати, весь мокрый, въ рваной рубашкѣ, прикрывавшей небольшую часть его худого, истощеннаго, чернаго, отливавшаго глянцемъ, тѣла.

Онъ едва стоялъ на ногахъ и вздрагивалъ всѣмъ тѣломъ, глядя ввалившимися большими глазами съ какою-то безумною радостью и въ то же время недоумѣніемъ, словно не вѣря своему спасенію.

— Совсѣмъ полумертваго съ мачты сняли; едва привели въ чувство бѣднаго мальчишку,—докладывалъ капитану офицеръ, ѣздившій на баркасѣ.

— Скорѣе его въ лазаретъ!—приказалъ капитанъ.

Мальчика тотчасъ же отнесли въ лазаретъ, вытерли насухо, уложили въ койку, покрыли одѣялами, и докторъ началъ его отхаживать, вливая въ ротъ ему по нѣсколько капель коньяку.

Онъ жадно глоталъ влагу и умоляюще глядѣлъ на доктора, показывая на ротъ.

А наверху ставили паруса, и минутъ черезъ пять «Забіяка» снова шелъ прежнимъ курсомъ, и матросы снова принялись за прерванныя работы.

— Арапчонка спасли!—раздавались со всѣхъ сторонъ веселые матросскіе голоса.

— И какой же онъ щуплый, братцы!

Нѣкоторые бѣгали въ лазаретъ узнавать, что̀ съ арапчонкомъ.

— Докторъ отхаживаетъ. Небось, выходитъ!

Черезъ часъ марсовой Коршуновъ принесъ извѣстіе, что арапчонокъ спитъ крѣпкимъ сномъ послѣ того, какъ докторъ далъ ему нѣсколько ложечекъ горячаго супа...

— Нарочно для арапчонка, братцы, кокъ супъ варилъ, вовсе, значитъ, пустой, безо всего, такъ, отваръ быдто, — съ оживленіемъ продолжалъ Коршуновъ, довольный и тѣмъ, что ему, извѣстному вралю, вѣрятъ въ данную минуту, и тѣмъ, что онъ на этотъ разъ не вретъ, и тѣмъ, что его слушаютъ.

И, словно бы желая воспользоваться такимъ исключительнымъ для него положеніемъ, онъ торопливо продолжаетъ:

— Фершалъ, братцы, сказывалъ, что этотъ самый арапчонокъ по-своему что-то лопоталъ, когда его кормили, просилъ, значитъ: «дайте больше, молъ, этого самаго супу»... И хотѣлъ даже вырвать у доктора чашку... Однако не допустили: значитъ, братъ, сразу нельзя... Помретъ, молъ.

— Что-жъ арапчонокъ?

— Ничего, покорился...

Въ эту минуту къ кадкѣ съ водой подошелъ капитанскій вѣстовой Сойкинъ и закурилъ остатокъ капитанской сигары. Тотчасъ же общее вниманіе было обращено на вѣстового, и кто-то спросилъ:

— А не слышно, Сойкинъ, куда дѣнутъ потомъ арапчонка?

Рыжеволосый, веснушатый, франтоватый, въ собственной тонкой матросской рубахѣ и въ парусиныхъ башмакахъ, Сойкинъ не безъ достоинства пыхнулъ дымкомъ сигары и авторитетнымъ тономъ человѣка, имѣющаго кое-какія свѣдѣнія, проговорилъ:

— Куда дѣть? Оставятъ на Надежномъ мысу, когда, значитъ, придемъ туда.

«Надежнымъ мысомъ» онъ называлъ мысъ Доброй Надежды.

И, помолчавъ съ важнымъ видомъ, не безъ пренебреженія прибавилъ:

— Да и что съ имъ дѣлать, съ черномазой нехристью? Вовсе даже дикіе люди.

— Дикіе не дикіе, а все Божья тварь... Пожалѣть надо!— промолвилъ старый плотникъ Захарычъ.

Слова Захарыча видимо вызвали общее сочувствіе среди кучки курильщиковъ.

— А какъ же арапчонокъ оттель къ своему мѣсту вернется? Тоже и у его, поди, отецъ съ матерью есть! — замѣтилъ кто-то.

— На Надежномъ мысу всякихъ араповъ много. Небось, дознаются, откуда онъ,—отвѣтилъ Сойкинъ и, докуривъ окурокъ, вышелъ изъ круга.

— Тоже вѣстовщина. Полагаетъ о себѣ!—сердито пустилъ ему вслѣдъ старый плотникъ.

IV.

На другой день мальчикъ-негръ хотя и былъ очень слабъ, но настолько оправился послѣ нервнаго потрясенія, что докторъ, добродушный пожилой толстякъ, радостно улыбаясь своею широкою улыбкой, потрепалъ ласково мальчика по щекѣ и далъ ему цѣлую чашку бульона, наблюдая, съ какою жадностью глоталъ онъ жидкость и какъ потомъ благодарно взглянулъ своими большими черными, выпуклыми глазами, зрачки которыхъ блестѣли среди бѣлковъ.

Послѣ этого докторъ захотѣлъ узнать, какъ мальчикъ очутился въ океанѣ и сколько времени онъ голодалъ, но разговоръ съ пацiентомъ оказался рѣшительно невозможнымъ, несмотря даже на выразительныя пантомимы доктора. Хотя маленькій негръ, повидимому, былъ сильнѣе доктора въ англiйскомъ языкѣ, но такъ же, какъ и почтенный докторъ, безбожно коверкалъ нѣсколько десятковъ англiйскихъ словъ, которыя были въ его распоряженiи.

Они другъ друга не понимали.

Тогда докторъ послалъ фельдшера за юнымъ мичманомъ, котораго всѣ въ каютъ-компанiи звали «Петенькой».

— Вы, Петенька, отлично говорите по-англiйски, поговорите-ка съ нимъ, а у меня что-то не выходитъ! — смѣясь проговорилъ докторъ.—Да скажите ему, что дня черезъ три я его выпущу изъ лазарета!—прибавилъ докторъ.

Юный мичманъ, присѣвъ около койки, началъ свой допросъ, стараясь говорить короткiя фразы тихо и раздѣльно, и маленькiй негръ видимо понималъ если не все, о чемъ спрашивалъ мичманъ, то во всякомъ случаѣ кое-что, и спѣшилъ отвѣчать рядомъ словъ, не заботясь объ ихъ связи, но зато подкрѣпляя ихъ выразительными пантомимами.

Послѣ довольно продолжительнаго и труднаго разговора съ мальчикомъ-негромъ, мичманъ разсказалъ въ каютъ-компанiи болѣе или менѣе вѣрную въ общихъ чертахъ исторiю мальчика, основанную на его отвѣтахъ и мимическихъ движенiяхъ.

Мальчикъ былъ на американскомъ бригѣ «Бетси» и принадлежалъ капитану («большому мерзавцу»,—вставилъ мичманъ), которому чистилъ платье, сапоги и подавалъ кофе съ коньякомъ или коньякъ съ кофе. Капитанъ звалъ слугу своего «боемъ» *), и мальчикъ увѣренъ, что это его имя. Отца и матери онъ не знаетъ. Капитанъ годъ тому назадъ купилъ

*) Воу по-англiйски—мальчикъ.

маленькаго негра въ Мозамбикѣ и каждый день билъ его. Бригъ шелъ изъ Сенегала въ Ріо съ грузомъ негровъ. Двѣ ночи тому назадъ бригъ сильно стукнуло другое судно (эту часть разсказа мичманъ основалъ на томъ, что маленькій негръ нѣсколько разъ проговорилъ: «кра, кра, кра» и затѣмъ слабо стукнулъ своимъ кулачкомъ по стѣнкѣ лазаретной каютки), и бригъ пошелъ ко дну. Мальчикъ очутился въ водѣ, привязался къ обломку мачты и провелъ на ней почти двое сутокъ...

Но несравненно краснорѣчивѣе всякихъ словъ, если бы такія и могъ сказать мальчикъ объ своей ужасной жизни, говорило и его удивленіе, что съ нимъ ласково обращаются, и забитый его видъ, и эти благодарные его взгляды загнанной собачонки, которыми онъ смотрѣлъ на доктора, фельдшера и на мичмана, и—главное—его, покрытая рубцами, блестящая, черная, худая спина съ выдающимися ребрами.

Разсказъ мичмана и показанія доктора произвели сильное впечатлѣніе въ каютъ-компаніи. Кто-то сказалъ, что необходимо поручить этого бѣдняжку покровительству русскаго консула въ Каптоунѣ и сдѣлать въ пользу негра сборъ въ каютъ-компаніи.

Пожалуй, еще большее впечатлѣніе произвела исторія маленькаго негра на матросовъ, когда въ тотъ же день подъ-вечеръ молодой вѣстовой мичмана, Артемій Мухинъ—или, какъ всѣ его звали, Артюшка—передавалъ на бакѣ разсказъ мичмана, при чемъ не отказалъ себѣ въ нѣкоторомъ злорадномъ удовольствіи украсить разсказъ нѣкоторыми прибавленіями, свидѣтельствующими о томъ, какой былъ дьяволъ этотъ американецъ-капитанъ.

— Каждый день, братцы, онъ мучилъ арапчонка. Чуть что, сейчасъ въ зубы: разъ, другой, третій, да въ кровь, а затѣмъ сниметъ съ крючка плетку, а плетка, братцы, отчаянная, изъ самой толстой ремешки—и давай лупцовать арапчонка!—говорилъ Артюшка, вдохновляясь собственною фантазіей, вызванною желаніемъ представить жизнь арапчонка въ самомъ ужасномъ видѣ. — Не разбиралъ, анаѳема, что передъ нимъ безотвѣтный мальчонка, хоть и негра... У бѣдняги и посейчасъ вся спина исполосована... Докторъ сказывалъ: страсть поглядѣть! — добавилъ впечатлительный и увлекавшійся Артюшка.

Но матросы, сами бывшіе крѣпостные и знавшіе по собственному опыту, какъ еще въ недавнее время «полосовали» имъ спины, и безъ Артюшкиныхъ прикрасъ жалѣли арапчонка и посылали по адресу американскаго капитана самыя

недобрыя пожеланія, если только этого дьявола ужъ не сожрали акулы.

— Небось, у насъ ужъ объявили волю хрестьянамъ, а у этихъ мериканцевъ, значитъ, крѣпостные есть?—спросилъ какой-то пожилой матросъ.

— То-то есть!

— Чудно что-то... Вольный народъ, а поди-жъ ты!—протянулъ пожилой матросъ.

— У ихъ арапы быдто въ родѣ крѣпостныхъ!—объяснялъ Артюшка, слыхавшій кое-что объ этомъ въ каютъ-компаніи.— Изъ-за этого самаго у ихъ промежъ себя и война идетъ *). Одни мериканцы, значитъ, хотятъ, чтобы всѣ арапы, что живутъ у ихъ, были вольные, а другіе на это никакъ не согласны—это тѣ, которые имѣютъ крѣпостныхъ араповъ,—ну и жарятъ другъ дружку, страсть!.. Только господа сказывали, что которые мериканцы за араповъ стоятъ, тѣ одолѣютъ! Начисто раздѣлаютъ помѣщиковъ мериканскихъ! — не безъ удовольствія прибавилъ Артюшка.

— Не бойсь, Господь имъ поможетъ... И арапу на волѣ жить хочется... И птица клѣтки не любитъ, а человѣкъ и подавно!—вставилъ плотникъ Захарычъ.

Чернявый молодой матросикъ-первогодокъ, тотъ самый, который находилъ, что флотская служба очень «опаская», съ напряженнымъ вниманіемъ слушалъ разговоръ и наконецъ спросилъ:

— Теперь, значитъ, Артюшка, этотъ самый арапчонокъ вольный будетъ?

— А ты думалъ какъ? Извѣстно, вольный! — рѣшительно проговорилъ Артюшка, хотя въ душѣ и не вполнѣ былъ увѣренъ въ свободѣ арапчонка, не имѣя рѣшительно никакихъ понятій объ американскихъ законахъ насчетъ правъ собственности.

Но его собственныя соображенія рѣшительно говорили за свободу мальчика. «Чорта-хозяина» нѣтъ, къ рыбамъ въ гости пошелъ, такъ какой тутъ разговоръ!

И онъ прибавилъ:

— Теперь арапчонку только новый пачпортъ выправить на Надежномъ мысу. Получи пачпортъ и айда на всѣ четыре стороны!

Эта комбинація съ паспортомъ окончательно разсѣяла его сомнѣнія.

---

*) Разсказъ относится ко времени междоусобной войны въ Соединенныхъ Штатахъ.

— То-то и есть!—радостно воскликнулъ чернявый матросикъ-первогодокъ.

И на его добродушномъ, румяномъ лицѣ съ добрыми, какъ у щенка, глазами засвѣтилась тихая свѣтлая улыбка, выдававшая радость за маленькаго несчастнаго негра.

Короткія сумерки быстро смѣнились чудною, ласковою тропическою ночью. Небо зажглось міріадами звѣздъ, ярко мигающихъ съ бархатной выси. Океанъ потемнѣлъ вдали, сіяя фосфорическимъ блескомъ у бортовъ клипера и за кормою.

Скоро просвистали на молитву, и затѣмъ подвахтенные, взявши койки, улеглись спать на палубѣ.

А вахтенные матросы коротали вахту, притулившись у снастей, и лясничали вполголоса. Въ эту ночь во многихъ кучкахъ говорили объ «арапчонкѣ».

V.

Черезъ два дня докторъ, по обыкновенію, пришелъ въ лазаретъ въ семь часовъ утра и, обслѣдовавъ своего единственнаго паціента, нашелъ, что онъ поправился, можетъ встать, выйти наверхъ и ѣсть матросскую пищу. Объявилъ онъ объ этомъ маленькому негру больше знаками, которые были на этотъ разъ быстро поняты поправившимся и повеселѣвшимъ мальчикомъ, казалось, уже забывшимъ недавнюю близость смерти. Онъ быстро вскочилъ съ койки, обнаруживая намѣреніе идти наверхъ погрѣться на солнышкѣ, въ длинной матросской рубахѣ, которая сидѣла на немъ въ видѣ длиннаго мѣшка, но веселый смѣхъ доктора и хихиканье фельдшера, при видѣ черненькаго человѣчка въ такомъ костюмѣ, нѣсколько смутили негра, и онъ стоялъ среди каюты, не зная, что ему предпринять, и не вполнѣ понимая, къ чему докторъ дергаетъ его рубаху, продолжая смѣяться.

Тогда негръ быстро ее снялъ и хотѣлъ-было юркнуть въ двери нагишемъ, но фельдшеръ удержалъ его за руку, а докторъ, не переставая смѣяться, повторялъ:

— No, no, no...

И вслѣдъ затѣмъ знаками приказалъ негру одѣть свою рубашку-мѣшокъ.

— Во что бы одѣть его, Филипповъ?—озабоченно спрашивалъ докторъ щеголеватаго, курчаваго фельдшера, человѣка лѣтъ тридцати.—Объ этомъ-то мы съ тобой, братецъ, и не подумали...

— Точно такъ, вашескобродіе, объ этомъ мечтанія не было. А ежели теперь обрѣзать ему, значитъ, рубаху примѣрно до колѣнъ, вашескобродіе, да, съ позволенія сказать, пере-

хватить талію ремнемъ, то будетъ даже довольно «обоюдно», вашескобродіе,—заключилъ фельдшеръ, имѣвшій несчастную страсть употреблять некстати слова, когда онъ хотѣлъ выразиться покудрявѣе или, какъ матросы говорили, «позанозистѣе».

— То-есть какъ «обоюдно»?—улыбнулся докторъ.

— Да такъ-съ... обоюдно. Кажется, всѣмъ извѣстно, что̀ обозначаетъ «обоюдно», вашескобродіе!—обиженно проговорилъ фельдшеръ.—Удобно и хорошо, значитъ.

— Едва ли это будетъ «обоюдно», какъ ты говоришь. Одинъ смѣхъ будетъ, вотъ что̀, братецъ. А впрочемъ, надо же какъ-нибудь одѣть мальчика, пока не попрошу у капитана разрѣшенія сшить мальчику платье по мѣркѣ.

— Очень даже возможно хорошій костюмъ сшить... На клиперѣ есть матросы по портной части. Сошьютъ.

— Такъ устраивай свой обоюдный костюмъ.

Но въ эту минуту въ двери лазаретной каюты раздался осторожный почтительный стукъ.

— Кто тамъ? Входи!—крикнулъ докторъ.

Въ дверяхъ показалось сперва красноватое, нѣсколько припухлое, неказистое лицо, обрамленное русыми баками, съ подозрительнаго цвѣта носомъ и воспаленными, живыми и добрыми глазами, а вслѣдъ затѣмъ и вся небольшая, сухощавая, довольно ладная и крѣпкая фигура форъ-марсоваго Ивана Лучкина.

Это былъ пожилой матросъ, лѣтъ сорока, прослужившій во флотѣ пятнадцать лѣтъ и бывшій на клиперѣ однимъ изъ лучшихъ матросовъ и отчаянныхъ пьяницъ, когда попадалъ на берегъ. Случалось, онъ на берегу пропивалъ все свое платье и являлся на клиперъ въ одномъ бѣльѣ, ожидая на слѣдующее утро наказанія съ самымъ, казалось, беззаботнымъ видомъ.

— Это я, вашескобродіе,—проговорилъ Лучкинъ сиповатымъ голосомъ, переступая большими ступнями босыхъ жилистыхъ ногъ и теребя засмоленной, шершавой рукой обтянутую штанину.

Въ другой рукѣ у него былъ узелокъ.

Онъ глядѣлъ на доктора съ тѣмъ застѣнчиво-виноватымъ выраженіемъ и въ лицѣ и въ глазахъ, которое часто бываетъ у пьяницъ и вообще у людей, знающихъ за собой порочныя слабости.

— Что̀ тебѣ, Лучкинъ... Заболѣлъ, что ли?

— Никакъ нѣтъ, вашескобродіе,—я вотъ платье арапчонку принесъ... Думаю: голый, такъ сшилъ и мѣрку еще раньше снялъ. Дозвольте отдать, вашескобродіе.

— Отдавай, братецъ... Очень радъ,—говорилъ докторъ, нѣсколько изумленный. — Мы вотъ думали, во что бы одѣть мальчика, а ты раньше насъ подумалъ о немъ.

— Способное время было, вашескобродіе, — какъ бы извинялся Лучкинъ.

И съ этими словами онъ вынулъ изъ ситцеваго платка маленькую матросскую рубаху и такіе же штаны, сшитые изъ холста, встряхнулъ ихъ и, подавая ошалѣвшему мальчику, весело и уже совсѣмъ не виноватымъ тономъ, какимъ говорилъ съ докторомъ, сказалъ, ласково глядя на негра:

— Получай, Максимка! Одежа самая, братецъ ты мой, веригутъ. Одѣвай да носи на здоровье, а я посмотрю, какъ сидитъ... Вали, Максимка!

— Отчего ты его Максимкой зовешь?—разсмѣялся докторъ.

— А какъ же, вашескобродіе? Максимка и есть, потому какъ его въ день святого угодника Максима спасли, онъ и выходитъ Максимка... Опять же имени у арапчонка нѣтъ, а надо же его какъ-нибудь звать.

Радости мальчика не было предѣловъ, когда онъ облачился въ новую, чистую пару. Видимо, такого платья онъ никогда не носилъ.

Лучкинъ осмотрѣлъ свое издѣліе со всѣхъ сторонъ, обдергалъ и пригладилъ рубаху и нашелъ, что платье во всемъ аккуратѣ.

— Ну, теперь валимъ наверхъ, Максимка... Погрѣйся на солнышкѣ! Дозвольте, вашескобродіе.

Докторъ, сіяя добродушной улыбкой, кивнулъ головой, и матросъ, взявъ за руку негра, повелъ его на бакъ и, показывая его матросамъ, проговорилъ:

— Вотъ онъ и Максимка! Не бойсь, теперь забудетъ идола-мериканца, знаетъ, что россійскіе матросы его не забидятъ.

И онъ любовно трепалъ мальчика по плечу и, показывая на его курчавую голову, сказалъ:

— Ужо, братъ, и шапку справимъ... И башмаки будутъ, дай срокъ!

Мальчикъ ничего не понималъ, но чувствовалъ по всѣмъ этимъ загорѣлымъ лицамъ матросовъ, по ихъ улыбкамъ, полнымъ участія, что его не обидятъ.

И онъ весело скалилъ свои ослѣпительно-бѣлые зубы, нѣжась подъ горячими лучами родного ему южнаго солнца.

Съ этого дня всѣ стали его звать Максимкой.

VI.

Представивъ матросамъ на бакѣ маленькаго, одѣтаго по-матросски негра, Иванъ Лучкинъ тотчасъ же объявилъ, что будетъ «доглядывать» за Максимкой и что беретъ его подъ свое особое покровительство, считая, что это право принадлежитъ исключительно ему ужъ въ силу того, что онъ «обрядилъ мальчонка» и далъ ему, какъ онъ выразился, «форменное прозвище».

О томъ, что этотъ заморенный, худой маленькій негръ, испытавшій на зарѣ своей жизни столько горя у капитана-американца, возбудилъ необыкновенную жалость въ сердцѣ одинокаго, какъ перстъ, матроса, жизнь котораго, особенно прежде, тоже была не изъ сладкихъ, и вызвалъ желаніе сдѣлать для него возможно пріятными дни пребыванія на клиперѣ,—о томъ Лучкинъ не проронилъ ни слова. По обыкновенію русскихъ простыхъ людей, онъ стыдился передъ другими обнаруживать свои чувства и, вѣроятно, поэтому объяснилъ матросамъ желаніе «доглядывать» за Максимкой исключительно тѣмъ, что «арапчонокъ занятный, въ родѣ облизьяны, братцы». Однако, на всякій случай, довольно рѣшительно заявилъ, бросая внушительный взглядъ на матроса Петрова, извѣстнаго задиру, любившаго обижать безотвѣтныхъ и робкихъ «первогодковъ» матросовъ,—что если найдется такой, «прямо сказать, подлецъ», который забидитъ «сироту», то будетъ имѣть дѣло съ нимъ, съ Иваномъ Лучкинымъ.

— Не бойсь, искровяню морду въ самомъ лучшемъ видѣ!— прибавилъ онъ, словно бы въ поясненіе того, что̀ значитъ имѣть съ нимъ дѣло.—Забижать дитё—самый большой грѣхъ... Какое ни на есть оно: хрещеное или арапское, а все дитё... И ты его не забидь!—заключилъ Лучкинъ.

Всѣ матросы охотно признали заявленныя Лучкинымъ права на Максимку, хотя многіе скептически отнеслись къ рачительному исполненію принятой имъ добровольно на себя хлопотливой обязанности.

Гдѣ, молъ, такому «отчаянному матрознѣ» и забулдыгѣ-пьяницѣ возиться съ арапчонкомъ?

И кто-то изъ старыхъ матросовъ не безъ насмѣшки спросилъ:

— Такъ ты, Лучкинъ, значитъ, въ родѣ бывто няньки будешь у Максимки?

— То-то за няньку!—отвѣчалъ съ добродушнымъ смѣхомъ Лучкинъ, не обращая вниманія на ироническія усмѣшки и улыбки...—Нешто я въ няньки не гожусь, братцы? Не къ

барчуку вѣды!... Тоже и этого черномазаго надо обрядить... другую смѣну одежи сшить, да башмаки, да шапку справить... Дохтуръ исхлопочетъ, чтобы, значитъ, товаръ казенный выдали... Пущай Максимка добромъ вспомнитъ россійскихъ матросиковъ, какъ оставятъ его безпризорнаго на Надежномъ мысу. По крайности не голый будетъ ходить.

— Да какъ же ты, Лучкинъ, будешь лопотать съ эстимъ самымъ арапчонкомъ? Ни ты его, ни онъ тебя!..

— Не бойсь, договоримся! Еще какъ будемъ-то говорить!— съ какою-то непостижимой увѣренностью произнесъ Лучкинъ.— Онъ даромъ что арапскаго званія, а понятливый... я его, братцы, скоро по-нашему выучу... Онъ пойметъ...

И Лучкинъ ласково взглянулъ на маленькаго негра, который, притулившись къ борту, любопытно озирался вокругъ.

И негръ, перехвативъ этотъ, полный любви и ласки, взглядъ матроса, тоже въ отвѣтъ улыбался, оскаливая зубы, широкой благодарной улыбкой, понимая безъ словъ, что этотъ матросъ другъ ему.

Когда въ половинѣ двѣнадцатаго часа были окончены всѣ утреннія работы, и вслѣдъ затѣмъ вынесли на палубу ендову съ водкой и оба боцмана и восемь унтеръ-офицеровъ, ставши въ кружокъ, засвистали призывъ къ водкѣ, который матросы не безъ остроумія называютъ «соловьинымъ пѣніемъ»,—Лучкинъ, радостно улыбаясь, показалъ мальчику на свой ротъ, проговоривъ: «сиди тутъ, Максимка!» и побѣжалъ на шканцы, оставивъ негра въ нѣкоторомъ недоумѣніи.

Недоумѣніе его, впрочемъ, скоро разрѣшилось.

Острый запахъ водки, распространявшійся по всей палубѣ, и удовлетворенно-серьезныя лица матросовъ, которые, возвращаясь со шканцевъ, утирали усы своими засмоленными шершавыми руками, напомнили маленькому негру о томъ, что и на «Бетси» разъ въ недѣлю матросамъ давали по стакану рома, и о томъ, что капитанъ пилъ его ежедневно и, какъ казалось мальчику, больше чѣмъ бы слѣдовало.

Лучкинъ, уже вернувшійся къ Максимкѣ и послѣ большой чарки водки бывшій въ благодушномъ настроеніи, весело трепанулъ мальчика по спинѣ и, видимо желая подѣлиться съ нимъ пріятными впечатлѣніями, проговорилъ:

— Бонъ водка! Вери-гутъ шнапсъ, Максимка, я тебѣ скажу.

Максимка сочувственно кивнулъ головой и промолвилъ:

— Вери-гутъ!

Это быстрое пониманіе привело Лучкина въ восхищеніе, и онъ воскликнулъ:

— Ай-да молодца, Максимка! Все понимаешь... А теперь валимъ, мальчонка, обѣдать... Небось, ѣсть хочешь?

И матросъ довольно наглядно задвигалъ скулами, открывая ротъ.

И это понять было не трудно, особенно когда мальчикъ увидалъ, какъ снизу одинъ за другимъ выходили матросы-артельщики, имѣя въ рукахъ изрядные деревянные баки (мисы) со щами, отъ которыхъ шелъ вкусный паръ, пріятно щекотавшій обоняніе.

И маленькій негръ довольно краснорѣчиво замахалъ головой, и глаза его блеснули радостью.

— Ишь вѣдь, все понимаетъ! Башковатый!—промолвилъ Лучкинъ, начинавшій уже нѣсколько пристрастно относиться и къ арапчонку и къ своему умѣнію разговаривать съ нимъ понятно, и, взявъ Максимку за руку, повелъ его.

На палубѣ, прикрытой брезентами, уже разсѣлись, поджавъ ноги, матросы небольшими артелями, человѣкъ по двѣнадцати, вокругъ дымящихся баковъ со щами изъ кислой капусты, запасенной еще изъ Кронштадта, и молча и истово, какъ вообще ѣдятъ простолюдины, хлебали варево, заѣдая его размоченными сухарями.

Осторожно ступая между обѣдающими, Лучкинъ подошелъ съ Максимкой къ своей артели, расположившейся между гротъ и фокъ-мачтами, и проговорилъ, обращаясь къ матросамъ, еще не начинавшимъ, въ ожиданіи Лучкина, обѣдать:

— А что, братцы, примете въ артель Максимку?

— Чего спрашиваешь зря? Садись съ арапчонкомъ!—проговорилъ старый плотникъ Захарычъ.

— Можетъ, другіе которые... Сказывай, ребята!—снова спросилъ Лучкинъ.

Всѣ въ одинъ голосъ отвѣчали, что пусть арапчонокъ будетъ въ ихъ артели, и потѣснились, чтобы дать имъ обоимъ мѣсто.

И со всѣхъ сторонъ раздались шутливые голоса:

— Не бойсь, не объѣстъ твой Максимка!

— И всю солонину не съѣстъ!

— Ему и ложка припасена, твоему арапчонку.

— Да я, братцы, по той причинѣ, что онъ негра... некрещеный, значитъ,—промолвилъ Лучкинъ, присѣвши въ баку и усадивши около себя Максимку:—но только я полагаю, что у Бога всѣ равны... Всѣмъ хлѣбушка ѣсть хочется...

— А то какъ же? Господь на землѣ всѣхъ терпитъ... Не бойсь, не разбираетъ. Это вотъ развѣ который дуракъ, какъ вѣстовщина Сойкинъ, мелетъ безо всякаго разсудка объ нехристяхъ!—снова промолвилъ Захарычъ.

Всѣ видимо раздѣляли мнѣніе Захарыча. Недаромъ же русскіе матросы съ замѣчательной терпимостью относятся къ людямъ всѣхъ расъ и исповѣданій, съ какими приходится имъ встрѣчаться.

Артель отнеслась къ Максимкѣ съ полнымъ радушіемъ. Одинъ далъ ему деревянную ложку, другой придвинулъ размоченный сухарь, и всѣ глядѣли ласково на затихшаго мальчика, видимо не привыкшаго къ особенному вниманію со стороны людей бѣлой кожи, и словно бы приглашали его этими взглядами не робѣть.

— Однако и начинать пора, а то щи застынутъ!—замѣтилъ Захарычъ.

Всѣ перекрестились и начали хлебать щи.

— Ты что же не ѣшь Максимка, а? Ѣшь, глупый! Шти, братецъ, скусныя. Гутъ щи!—говорилъ Лучкинъ, показывая на ложку.

Но маленькій негръ, котораго на бригѣ никогда не допускали ѣсть вмѣстѣ съ бѣлыми и который питался объѣдками одинъ, гдѣ-нибудь въ темномъ уголкѣ, робѣлъ, хотя и жадными глазами посматривалъ на щи, глотая слюну.

— Эка пужливый какой! Видно, застращалъ арапчонка этотъ самый дьяволъ-мериканецъ!—промолвилъ Захарычъ, сидѣвшій рядомъ съ Максимкой.

И съ этими словами старый плотникъ погладилъ курчавую голову Максимки и поднесъ къ его рту свою ложку...

Послѣ этого Максимка пересталъ бояться и черезъ нѣсколько минутъ уже усердно уписывалъ и щи, и накрошенную потомъ солонину, и пшенную кашу съ масломъ.

А Лучкинъ то и дѣло его похваливалъ и повторялъ:

— Вотъ это бонъ, Максимка. Вери-гутъ, братецъ ты мой. Кушай себѣ на здоровье!

VII.

По всему клиперу раздается храпъ отдыхающихъ послѣ обѣда матросовъ. Только отдѣленіе вахтенныхъ не спитъ, да кто-нибудь изъ хозяйственныхъ матросовъ, воспользовавшись временемъ, тачаетъ себѣ сапоги, шьетъ рубаху или чинитъ какую-нибудь принадлежность своего костюма.

А «Забіяка» идетъ да идетъ себѣ съ благодатнымъ пассатомъ, и вахтеннымъ рѣшительно нечего дѣлать, пока не набѣжитъ грозовое облачко и не заставитъ моряковъ на время убрать всѣ паруса, чтобы встрѣтить тропическій шквалъ съ проливнымъ дождемъ готовыми, то-есть съ оголенными мачтами, представляя его ярости меньшую площадь сопротивленія.

Но горизонтъ чистъ. Ни съ одной стороны не видно этого маленькаго сѣренькаго пятнышка, которое, быстро вырастая, несется громадной тучей, застилающей горизонтъ и солнце. Страшный порывъ валитъ судно на бокъ, страшный ливень стучитъ по палубѣ, промачиваетъ до костей, и шквалъ такъ же быстро проносится далѣе, какъ и появляется. Онъ нашумѣлъ, облилъ дождемъ и исчезъ.

И снова ослѣпительное солнце, лучи котораго быстро сушатъ и палубу, и снасти, и паруса, и матросскія рубахи, и снова безоблачное голубое небо и ласковый океанъ, по которому бѣжитъ, снова одѣвшись всѣми парусами, судно, подгоняемое ровнымъ пассатомъ.

Благодать кругомъ и теперь. Тишина и на клиперѣ. «Команда отдыхаетъ», и въ это время нельзя безъ особой крайности безпокоить матросовъ—такой давно установившійся обычай на судахъ.

Притулившись въ тѣни у фокъ-мачты, не спитъ сегодня и Лучкинъ, къ удивленію вахтенныхъ, знавшихъ, что Лучкинъ «здоровъ спать».

Мурлыкая себѣ подъ носъ пѣсенку, словъ которой не разобрать, Лучкинъ кроилъ изъ куска парусины башмаки и по временамъ взглядывалъ на растянувшагося около него, сладко спавшаго Максимку и на его ноги, чернѣющіяся изъ-за бѣлыхъ штанинъ, словно бы соображая, правильна ли мѣрка, которую онъ снялъ съ этихъ ногъ тотчасъ же послѣ обѣда.

Повидимому, наблюденія вполнѣ успокаиваютъ матроса, и онъ продолжаетъ работу, не обращая больше вниманія на маленькія черныя ноги.

Что-то радостное и теплое охватываетъ душу этого безшабашнаго пропойцы при мысли о томъ, что онъ сдѣлаетъ «на первый сортъ» башмаки этому бѣдному безпризорному мальчишкѣ и справитъ ему все, что̀ надо. Вслѣдъ затѣмъ невольно проносится вся его матросская жизнь, воспоминаніе о которой представляетъ довольно однообразную картину: безшабашнаго пьянства и по̀рокъ за пропитыя казенныя вещи.

И Лучкинъ не безъ основательности заключаетъ, что не будь онъ отчаяннымъ марсовымъ, безстрашіе котораго приводило въ восторгъ всѣхъ капитановъ и старшихъ офицеровъ, съ которыми онъ служилъ, то давно бы ему быть въ арестантскихъ ротахъ.

— За службу жалѣли!—проговорилъ онъ вслухъ и почему-то вздохнулъ и прибавилъ:—то-то она и загвоздка!

Къ какому именно обстоятельству относилась эта «загвоздка»: къ тому ли, что онъ отчаянно пьянствовалъ при съѣздахъ

на берегъ и дальше ближайшаго кабака ни въ одномъ городѣ (кромѣ Кронштадта) не бывалъ, или къ тому, что онъ былъ лихой марсовой и потому только не попробовалъ арестантскихъ ротъ,—рѣшить было трудно. Но несомнѣннымъ было одно: вопросъ о какой-то «загвоздкѣ» въ его жизни заставилъ Лучкина на нѣсколько минутъ прервать мурлыканье, задуматься и въ концѣ концовъ проговорить вслухъ:

— И хуфайку бы нужно Максимкѣ... А то какой же человѣкъ безъ хуфайки?

Въ продолженіе часа, полагавшагося на послѣобѣденный отдыхъ команды, Лучкинъ успѣлъ скроить передки и приготовить подошвы для башмаковъ Максимки. Подошвы были новыя, изъ казеннаго товара, пріобрѣтенныя еще утромъ въ долгъ у одного хозяйственнаго матроса, имѣвшаго собственные сапоги, при чемъ «для вѣрности», по предложенію самого Лучкина, знавшаго, какъ трудно у него держатся деньги, въ особенности на твердой землѣ, уплату долга долженъ былъ произвести боцманъ, удержавъ деньги изъ жалованья.

Когда раздался боцманскій свистокъ и вслѣдъ затѣмъ команда «горластаго» боцмана Василія Егоровича или «Егорыча», какъ звали его матросы, Лучкинъ сталъ будить сладко спавшаго Максимку. Онъ хоть и пассажиръ, а все же долженъ былъ, по мнѣнію Лучкина, жить по-матросски, какъ слѣдуетъ по расписанію, во избѣжаніе какихъ-либо непріятностей, главнымъ образомъ со стороны Егорыча. Егорычъ хоть и былъ, по убѣжденію Лучкина, «доберъ» и дрался не зря, а съ «большимъ разсудкомъ», а все-таки, подъ сердитую руку, могъ съѣздить по уху и арапчонка за «непорядокъ». Такъ ужъ лучше и арапчонка къ порядку пріучать.

— Вставай, Максимка! — говорилъ ласковымъ тономъ матросъ, потряхивая за плечо негра.

Тотъ потянулся, открылъ глаза и поглядѣлъ вокругъ. Увидавъ, что всѣ матросы встаютъ и Лучкинъ собираетъ свою работу, Максимка торопливо вскочилъ на ноги и, какъ покорная собачонка, смотрѣлъ въ глаза Лучкина.

— Да ты не бойся, Максимка... Пшь, глупый... всего боится! А это, братецъ, тебѣ будутъ башмаки...

Хотя негръ рѣшительно не понималъ, что говорилъ ему Лучкинъ, то показывая на его ноги, то на куски скроенной парусины, тѣмъ не менѣе улыбался во весь свой широкій ротъ, чувствуя, вѣроятно, что ему говорятъ что-нибудь хорошее. Довѣрчиво и послушно пошелъ онъ за помахивавшимъ его Лучкинымъ на кубрикъ и тамъ любопытно смотрѣлъ, какъ матросъ уложилъ въ парусинный чемоданчикъ, наполнен-

ный бѣльемъ и платьемъ, свою работу, и снова ничего не понималъ и только опять благодарно улыбался, когда Лучкинъ снялъ свою шапку и, показывая пальцемъ то на нее, то на голову маленькаго негра, тщетно старался объяснить и словами и знаками, что и у Максимки будетъ такая же шапка съ бѣлымъ чехломъ и лентой.

Но зато негръ чувствовалъ всѣмъ своимъ маленькимъ сердцемъ расположеніе этихъ бѣлыхъ людей, говорившихъ совсѣмъ не на томъ языкѣ, на которомъ говорили бѣлые люди на «Бетси», и особенно доброту этого матроса съ краснымъ носомъ, напоминавшимъ ему стручковый перецъ, и съ волосами, похожими цвѣтомъ на паклю,—который подарилъ ему такое чудное платье, такъ хорошо угостилъ его вкусными яствами и такъ ласково смотритъ на него, какъ никто не глядѣлъ на него во всю жизнь, кромѣ пары чьихъ-то большихъ черныхъ на выкатѣ глазъ на женскомъ чернокожемъ лицѣ.

Эти глаза, добрые и нѣжные, жили въ его памяти, какъ далекое смутное воспоминаніе, нераздѣльное съ представленіемъ шалашей, крытыхъ бананами, и высокихъ пальмъ. Были ли это грезы или впечатлѣнія дѣтства—онъ, конечно, не могъ бы объяснить; но эти глаза, случалось, жалѣли его во снѣ. И теперь онъ увидалъ и наяву добрые, ласковые глаза.

Да и вообще эти дни пребыванія на клиперѣ казались ему тѣми хорошими грезами, которыя являлись только во снѣ,—до того они не похожи были на недавніе, полные страданій и постояннаго страха.

Когда Лучкинъ, бросивъ объясненія насчетъ шапки, досталъ изъ чемоданчика кусокъ сахара и далъ его Максимкѣ, мальчикъ былъ окончательно подавленъ. Онъ схватилъ мозолистую, шершавую руку матроса и сталъ ее робко и нѣжно гладить, заглядывая въ лицо Лучкина съ трогательнымъ выраженіемъ благодарности забитаго существа, согрѣтаго лаской. Эта благодарность свѣтилась и въ глазахъ и въ лицѣ... Она слышалась и въ дрогнувшихъ гортанныхъ звукахъ нѣсколькихъ словъ, порывисто и горячо произнесенныхъ мальчикомъ на своемъ родномъ языкѣ передъ тѣмъ, какъ онъ засунулъ сахаръ въ ротъ.

— Ишь вѣдь, ласковый! Видно, не зналъ добраго слова, горемычный!—промолвилъ матросъ съ величайшею нѣжностью, которую только могъ выразить его сиповатый голосъ, и потрепалъ Максимку по щекѣ.—Ѣшь сахаръ-то. Скусный!—прибавилъ онъ.

И здѣсь, въ этомъ темномъ уголкѣ кубрика, послѣ обмѣна

признаній, закрѣпилась, такъ сказать, взаимная дружба матроса съ маленькимъ негромъ. Оба, казалось, были вполнѣ довольны другъ другомъ.

— Безпремѣнно надо выучить тебя, Максимка, по-нашему, а то и не разобрать, что̀ ты лопочешь, черномазый! Однако валимъ наверхъ! Сейчасъ антиллеринское ученье. Поглядишь!

Они вышли наверхъ. Скоро барабанщикъ пробилъ артиллерійскую тревогу, и Максимка, прислонившись къ мачтѣ, чтобъ не быть сбитымъ съ ногъ, сперва испугался при видѣ бѣгущихъ стремглавъ къ орудіямъ матросовъ, но потомъ скоро успокоился и восхищенными глазами смотрѣлъ, какъ матросы откатывали большія орудія, какъ быстро совали въ нихъ банники и, снова выдвигая орудія за бортъ, недвижно замирали около нихъ. Мальчикъ ждалъ, что будутъ стрѣлять, и недоумѣвалъ, въ кого это хотятъ стрѣлять, такъ какъ на горизонтѣ не было ни одного судна. А онъ уже былъ знакомъ съ выстрѣлами и даже видѣлъ, какъ близко шлепнулась какая-то штука за кормою «Бетси», когда она, спустившись по вѣтру, удирала во всѣ лопатки отъ какого-то трехмачтоваго судна, которое гналось за шкуной, наполненной грузомъ негровъ. Мальчикъ видѣлъ испуганныя лица у всѣхъ на «Бетси» и слышалъ, какъ ругался капитанъ, пока трехмачтовое судно не стало значительно отставать. Онъ не зналъ, конечно, что это былъ одинъ изъ военныхъ англійскихъ крейсеровъ, назначенный для ловли негропромышленниковъ, и тоже радовался, что шкуна убѣжала, и такимъ образомъ его мучитель-капитанъ не былъ пойманъ и не вздернутъ на нока-реѣ за позорную торговлю людьми *).

Но выстрѣловъ не было, и Максимка такъ ихъ и не дождался. Зато съ восхищеніемъ слушалъ барабанную дробь и не спускалъ глазъ съ Лучкина, который стоялъ у баковаго орудія комендоромъ и часто нагибался, чтобы прицѣливаться.

Зрѣлище ученья очень понравилось Максимкѣ, но не менѣе понравился ему и чай, которымъ послѣ ученья угостилъ его Лучкинъ. Сперва Максимка только диву давался, глядя, какъ всѣ матросы дуютъ горячую воду изъ кружекъ, закусывая сахаромъ и обливаясь потомъ. Но когда Лучкинъ далъ и ему

*) Въ прежнее время, когда особенно процвѣтала торговля неграми, состоялась международная конвенція между всѣми почти государствами Европы о противодѣйствіи этому злу. Въ силу этой конвенціи, Франція и Англія посылали къ берегамъ Африки и Америки военные крейсеры для ловли негропромышленниковъ. Съ пойманными расправлялись строго. Капитана и помощника его вѣшали, а матросовъ отправляли въ каторжныя работы. Негровъ объявляли свободными, а пойманныя суда дѣлались призомъ поймавшихъ.

кружку и сахару, Максимка вошелъ во вкусъ и выпилъ двѣ кружки.

Что же касается перваго урока русскаго языка, начатаго Лучкинымъ въ тотъ же день, передъ вечеромъ, когда начала спадать жара и когда, по словамъ матроса, было «легче войти въ понятіе», то начало его—признаться—не предвѣщало особенныхъ успѣховъ и вызывало немало-таки насмѣшекъ среди матросовъ, при видѣ тщетныхъ усилій Лучкина объяснить ученику, что его зовутъ Максимкой, а что учителя зовутъ Лучкинымъ.

Однако Лучкинъ, хоть и не былъ никогда педагогомъ, тѣмъ не менѣе обнаружилъ такое терпѣніе, такую выдержку и мягкость въ стремленіи во что бы то ни стало заложить, такъ сказать, первое основаніе обученія,—каковымъ онъ считалъ знаніе имени,—что имъ могли бы позавидовать патентованные педагоги, которымъ, вдобавокъ, едва ли приходилось преодолѣвать трудности, представившіяся матросу.

Придумывая болѣе или менѣе остроумные способы для достиженія заданной себѣ цѣли, Лучкинъ тотчасъ же приводилъ ихъ и въ исполненіе.

Онъ тыкалъ въ грудь маленькаго негра и говорилъ: «Максимка», затѣмъ показывалъ на себя и говорилъ: «Лучкинъ». Продѣлавъ это нѣсколько разъ и не достигнувъ удовлетворительнаго результата, Лучкинъ отходилъ на нѣсколько шаговъ и вскрикивалъ: «Максимка!» Мальчикъ скалилъ зубы, но не усвоивалъ и этого метода. Тогда Лучкинъ придумалъ новую комбинацію. Онъ попросилъ одного матросика крикнуть: «Максимка!»—и когда матросъ крикнулъ, Лучкинъ не безъ нѣкотораго довольства человѣка, увѣреннаго въ успѣхѣ, указалъ пальцемъ на Максимку и даже для убѣдительности осторожно затѣмъ встряхнулъ его за шиворотъ. Увы! Максимка весело смѣялся, но, очевидно, понялъ встряхиваніе за приглашеніе потанцовать, потому что тотчасъ же вскочилъ на ноги и сталъ отплясывать, къ общему удовольствію собравшейся кучки матросовъ и самого Лучкина.

Когда танецъ былъ оконченъ, маленькій негръ отлично понялъ, что пляской его остались довольны, потому что многіе матросы трепали его и по плечу, и по спинѣ, и по головѣ, и говорили, весело смѣясь:

— Гутъ, Максимка! Молодца, Максимка!

Трудно сказать, насколько бы увѣнчались успѣхомъ дальнѣйшія попытки Лучкина познакомить Максимку съ его именемъ,—попытки, къ которымъ Лучкинъ хотѣлъ-было вновь приступить, но появленіе на бакѣ мичмана, говорящаго по-ан-

глійски, значительно упростило дѣло. Онъ объяснилъ мальчику, что онъ не «бой», а Максимка, и кстати сказалъ, что Максимкина друга зовутъ Лучкинъ.

— Теперь, братъ, онъ знаетъ, какъ ты его прозвалъ!—проговорилъ, обращаясь къ Лучкину, мичманъ.

— Премного благодаренъ, ваше благородіе!—отвѣчалъ обрадованный Лучкинъ и прибавилъ:—а то я, ваше благородіе, долго бился... Мальчонка башковатый, а никакъ не могъ взять въ толкъ, какъ его зовутъ.

— Теперь знаетъ... Ну-ка, спроси?

— Максимка!

Маленькій негръ указалъ на себя.

— Вотъ такъ ловко, ваше благородіе... Лучкинъ!—снова обратился матросъ къ мальчику.

Мальчикъ указалъ пальцемъ на матроса.

И оба они весело смѣялись. Смѣялись и матросы и замѣчали:

— Арапчонокъ въ науку входитъ...

Дальнѣйшій урокъ пошелъ какъ по маслу.

Лучкинъ указывалъ на разные предметы и называлъ ихъ, при чемъ, при малѣйшей возможности исковеркать слово, коверкалъ его, говоря вмѣсто рубаха—«рубахъ», вмѣсто мачта—«мачтъ», увѣренный, что при такомъ измѣненіи словъ они болѣе похожи на иностранныя и легче могутъ быть усвоены Максимкой.

Когда просвистали ужинать, Максимка уже могъ повторять за Лучкинымъ нѣсколько русскихъ словъ.

— Ай да Лучкинъ! Живо обучилъ арапчонка. Того и гляди, до Надежнаго мыса понимать станетъ по-нашему!—говорили матросы.

— Еще какъ пойметъ-то! До Надежнаго ходу никакъ не меньше двадцати денъ... А Максимка понятливый!

При словѣ «Максимка» мальчикъ взглянулъ на Лучкина.

— Ишь, твердо знаетъ свою кличку!.. Садись, братецъ, ужинать будемъ!

Когда, послѣ молитвы, роздали койки, Лучкинъ уложилъ Максимку около себя на палубѣ. Максимка, счастливый и благодарный, пріятно потягивался на матросскомъ тюфячкѣ, съ подушкой подъ головой, и подъ одѣяломъ—все это Лучкинъ исхлопоталъ у подшкипера, отпустившаго арапчонку койку со всѣми принадлежностями.

— Спи, спи, Максимка! Завтра рано вставать!

Но Максимка и безъ того уже засыпалъ, проговоривъ довольно недурно для перваго урока: «Максимка» и «Лючики», какъ передѣлалъ онъ фамилію своего пѣстуна.

Матросъ перекрестилъ маленькаго негра и скоро уже храпѣлъ во всю ивановскую.

Съ полуночи онъ всталъ на вахту и вмѣстѣ съ форъ-марсовымъ Леонтьевымъ полѣзъ на форъ-марсъ.

Тамъ они присѣли, осмотрѣвъ предварительно: все ли въ порядкѣ, и стали «лясничать», чтобы не одолѣвала дрема. Говорили о Кронштадтѣ, вспоминали командировъ... и смолкли.

Вдругъ Лучкинъ спросилъ:

— И никогда ты, Леонтьевъ, этой самой водкой не занимался?

Трезвый, степенный и исправный Леонтьевъ, уважавшій Лучкина, какъ знающаго форъ-марсоваго, работавшаго на нокѣ, и нѣсколько презиравшій въ то же время его за пьянство,— категорически отвѣтилъ:

— Ни въ жисть!

— Вовсе, значитъ, не касался?

— Развѣ когда стаканчикъ въ праздникъ.

— То-то ты и чарки своей не пьешь, а деньги за чарки забираешь?

— Деньги-то, братецъ, нужнѣе... Вернемся въ Россію, ежели выйдетъ отставка, при деньгахъ ты завсегда обернешься...

— Это что̀ и говорить...

— Да ты къ чему это, Лучкинъ, насчетъ водки?..

— А къ тому, что ты, Леонтьевъ, задачливый матросъ...

Лучкинъ помолчалъ и затѣмъ опять спросилъ:

— Сказываютъ: заговорить можно отъ пьянства?

— Заговариваютъ люди, это вѣрно... На «Копчикѣ» одного матроса заговорилъ унтерцеръ... Слово такое зналъ... И у насъ есть такой человѣкъ...

— Кто?

— А плотникъ Захарычъ... Только онъ въ секретѣ держитъ. Не всякаго уважитъ. А ты нешто хочешь бросить пьянство, Лучкинъ?—насмѣшливо промолвилъ Леонтьевъ.

— Бросить не бросить, а чтобы, значитъ, безъ пропою вещей...

— Попробуй пить съ разсудкомъ...

— Пробовалъ. Ничего не выходитъ, братецъ ты мой. Какъ дорвусь до винища—и пропалъ. Такая моя линія!

— Разсудку въ тебѣ нѣтъ настоящаго, а не линія,—внушительно замѣтилъ Леонтьевъ.—Каждый человѣкъ долженъ себя понимать... А ты все-таки поговори съ Захарычемъ. Можетъ, и не откажетъ... Только врядъ ли тебя заговоритъ!—прибавилъ насмѣшливо Леонтьевъ.

— То-то и я такъ полагаю! Не заговоритъ!—вымолвилъ Лучкинъ и самъ почему-то усмѣхнулся, точно довольный, что его не заговорить.

VIII.

Прошло три недѣли, и хотя «Забіяка» былъ недалеко отъ Каптоуна, но попасть въ него не могъ. Свѣжій противный вѣтеръ, дувшій, какъ говорятъ моряки, прямо «въ лобъ» и по временамъ доходившій до степени шторма, не позволялъ клиперу приблизиться къ берегу; при этомъ вѣтеръ и волненіе были такъ сильны, что нечего было и думать пробовать идти подъ парами. Даромъ потратили бы уголь.

И, въ ожиданіи перемѣны погоды, «Забіяка» съ зарифленными марселями держался недалеко отъ береговъ, стремительно покачиваясь на океанѣ.

Такъ прошло дней шесть-семь.

Наконецъ вѣтеръ стихъ. На «Забіякѣ» развели пары, и скоро, попыхивая дымкомъ изъ своей бѣлой трубы, клиперъ направился къ Каптоуну.

Нечего и говорить, какъ рады были этому моряки.

Но былъ одинъ человѣкъ на клиперѣ, который не только не радовался, а, напротивъ, по мѣрѣ приближенія «Забіяки» къ порту, становился задумчивѣе и угрюмѣе.

Это былъ Лучкинъ, ожидавшій разлуки съ Максимкой.

За этотъ мѣсяцъ, въ который Лучкинъ, противъ ожиданія матросовъ, не переставалъ пѣстовать Максимку, онъ привязался къ Максимкѣ, да и маленькій негръ въ свою очередь привязался къ матросу. Они отлично понимали другъ друга, такъ какъ и Лучкинъ проявилъ блистательныя педагогическія способности, и Максимка обнаружилъ достаточную понятливость и могъ объясниться кое-какъ по-русски. Чѣмъ болѣе они узнавали одинъ другого, тѣмъ болѣе дружили. Ужъ у Максимки были двѣ смѣны платья, башмаки, шапка и матросскій ножъ на ремешкѣ. Онъ оказался смышленымъ и веселымъ мальчикомъ и давно уже сдѣлался фаворитомъ всей команды. Даже и боцманъ Егорычъ, вообще не терпѣвшій никакихъ пассажировъ на суднѣ, какъ людей ничего не дѣлающихъ, относился весьма милостиво къ Максимкѣ, такъ какъ Максимка всегда во время работъ тянулъ вмѣстѣ съ другими снасти и вообще старался чѣмъ-нибудь да помочь другимъ и, такъ сказать, не даромъ ѣсть матросскій паекъ. И по вантамъ взбѣгалъ, какъ обезьяна, и во время шторма не обнаруживалъ ни малѣйшей трусости, однимъ словомъ былъ во всѣхъ статьяхъ «морской мальчонка».

Необыкновенно добродушный и ласковый, онъ нерѣдко забавлялъ матросовъ своими танцами на бакѣ и родными пѣснями, которыя распѣвалъ звонкимъ голосомъ. Всѣ его за это баловали, а мичманскій вѣстовой Артюшка нерѣдко нашивалъ ему остатки пирожнаго съ каютъ-компанейскаго стола.

Нечего и прибавлять, что Максимка былъ преданъ Лучкину какъ собачонка, всегда былъ при немъ и, что̀ называется, смотрѣлъ ему въ глаза. И на марсъ къ нему лазилъ, когда Лучкинъ бывалъ тамъ во время вахты, и на носу съ нимъ сидѣлъ на часахъ, и усердно старался выговаривать русскія слова...

Уже обрывистые берега были хорошо видны... «Забіяка» шелъ полнымъ ходомъ. Къ обѣду должны были стать на якорь въ Каптоунѣ.

Невеселый былъ Лучкинъ въ это славное солнечное утро и съ какимъ-то особеннымъ ожесточеніемъ чистилъ пушку. Около него стоялъ Максимка и тоже подсоблялъ ему.

— Скоро прощай, братъ Максимка!—заговорилъ наконецъ Лучкинъ.

— Зачѣмъ прощай?—удивился Максимка.

— Оставятъ тебя на Надежномъ мысу... Куда тебя дѣвать?..

Мальчикъ, не думавшій о своей будущей судьбѣ и не совсѣмъ понимавшій, что̀ ему говоритъ Лучкинъ, тѣмъ не менѣе догадался, по угрюмому выраженію лица матроса, что сообщеніе его не изъ радостныхъ, и подвижное лицо его, быстро отражавшее впечатлѣнія, внезапно омрачилось, и онъ сказалъ:

— Мой не понимай Лючика.

— Айда, братъ, съ клипера... На берегу оставятъ... Я уйду дальше, а Максимка здѣсь.

И Лучкинъ пантомимами старался пояснить, въ чемъ дѣло.

Повидимому, маленькій негръ понялъ. Онъ ухватился за руку Лучкина и молящимъ голоскомъ проговорилъ:

— Мой нѣтъ берегъ... Мой здѣсь. Максимка, Лючика, Лючика, Максимка. Мой люсска матлосъ... Да, да, да...

И тогда внезапная мысль озарила матроса. И онъ спросилъ:

— Хочешь, Максимка, русска матросъ?

— Да, да,—повторялъ Максимка и изо всѣхъ силъ кивалъ головой.

— То-то бы отлично! И какъ это мнѣ раньше невдомекъ... Надо поговорить съ ребятами и просить Егорыча... Онъ доложитъ старшему офицеру...

Черезъ нѣсколько минутъ Лучкинъ на бакѣ говорилъ собравшимся матросамъ:

— Братцы! Максимка желаетъ остаться съ нами. Будемъ

просить, чтобы дозволили ему остаться... Пусть плаваетъ на «Забіякѣ»! Какъ вы объ этомъ полагаете, братцы?

Всѣ матросы выразили живѣйшее одобреніе этому предложенію.

Вслѣдъ затѣмъ Лучкинъ пошелъ къ боцману и просилъ его доложить о просьбѣ команды старшему офицеру, и прибавилъ:

— Ужъ ты, Егорычъ, уважь, не откажи... И попроси старшаго офицера... Максимка самъ, молъ, желаетъ... А то куда же бросить безпріютнаго сироту на Надежномъ мысу. И вовсе онъ пропасть тамъ можетъ, Егорычъ... Жаль мальчонку... Хорошій онъ вѣдь, исправный мальчонка.

— Что-жъ, я доложу... Максимка мальчишка аккуратный. Только какъ капитанъ... Согласится ли арапскаго званія негру оставить на россійскомъ кораблѣ... Какъ бы не было въ этомъ загвоздки...

— Никакой не будетъ загвоздки, Егорычъ. Мы Максимку изъ арапскаго званія выведемъ.

— Какъ такъ?

— Окрестимъ въ русскую вѣру, Егорычъ, и будетъ онъ, значитъ, русскаго званія арапъ.

Эта мысль понравилась Егорычу, и онъ обѣщалъ немедленно доложить старшему офицеру.

Старшій офицеръ выслушалъ докладъ боцмана и замѣтилъ:

— Это, видно, Лучкинъ хлопочетъ.

— Вся команда тоже проситъ за арапчонка, ваше благородіе... А то куда его бросить? Жалѣютъ... А онъ бы у насъ замѣсто юнги былъ, ваше благородіе! Арапчонокъ исправный, осмѣлюсь доложить. И ежели его окрестить, вовсе душу, значитъ, можно спасти...

Старшій офицеръ обѣщалъ доложить капитану.

Къ подъему флага вышелъ наверхъ капитанъ. Когда старшій офицеръ передалъ ему просьбу команды, капитанъ сперва было-отвѣчалъ отказомъ. Но, вспомнивъ, вѣроятно, своихъ дѣтей, тотчасъ же перемѣнилъ рѣшеніе и сказалъ:

— Что-жъ, пусть останется. Сдѣлаемъ его юнгой... А вернется въ Кронштадтъ съ нами... что-нибудь для него сдѣлаемъ... Въ самомъ дѣлѣ, за что его бросать, тѣмъ болѣе, что онъ самъ этого не хочетъ!.. Да пусть Лучкинъ останется при немъ дядькой... Пьяница отчаянный этотъ Лучкинъ, а подите... эта привязанность къ мальчику... Мнѣ докторъ говорилъ, какъ онъ одѣлъ негра.

Когда на бакѣ было получено разрѣшеніе оставить Максимку, всѣ матросы чрезвычайно обрадовались. Но больше всѣхъ, конечно, радовались Лучкинъ и Максимка.

Въ часъ дня клиперъ бросилъ якорь на Каптоупскомъ рейдѣ, и на другой день первая вахта была отпущена на берегъ. Собрался ѣхать и Лучкинъ съ Максимкой.

— А ты смотри, Лучкинъ, не пропей Максимки-то!—смѣясь, замѣтилъ Егорычъ.

Это замѣчаніе, видимо, очень кольнуло Лучкина, и онъ отвѣтилъ:

— Можетъ, изъ-за Максимки и я вовсе тверезый вернусь!

Хотя Лучкинъ и вернулся съ берега мертвецки пьянымъ, но, къ общему удивленію, въ полномъ одѣяніи. Какъ потомъ оказалось, случилось это благодаря Максимкѣ, такъ какъ онъ, замѣтивъ, что его другъ черезчуръ пьетъ, немедленно побѣжалъ въ сосѣдній кабакъ за русскими матросами, и они унесли Лучкина на пристань и положили въ шлюпку, гдѣ около него безотлучно находился Максимка.

Лучкинъ едва вязалъ языкомъ и все повторялъ:

— Гдѣ Максимка? Подайте мнѣ Максимку... Я его, братцы, не пропилъ, Максимку... Онъ мнѣ первый другъ... Гдѣ Максимка?

И, когда Максимка подошелъ къ Лучкину, тотъ тотчасъ же успокоился и скоро заснулъ.

Черезъ недѣлю «Забіяка» ушелъ съ мыса Доброй Надежды, и вскорѣ послѣ выхода Максимка былъ не безъ торжественности окрещенъ и вторично названъ Максимкой. Фамилію ему дали по имени клипера «Забіякинъ».

Черезъ три года Максимка вернулся на «Забіякѣ» въ Кронштадтъ четырнадцатилѣтнимъ подросткомъ, умѣвшимъ отлично читать и писать по-русски, благодаря мичману «Петенькѣ», который занимался съ нимъ.

Капитанъ позаботился о немъ и опредѣлилъ его въ школу фельдшерскихъ учениковъ, а вышедшій въ отставку Лучкинъ остался въ Кронштадтѣ, чтобы быть около своего любимца, которому онъ отдалъ всю привязанность своего сердца и ради котораго уже теперь не пропивалъ вещей, а пилъ «съ разсудкомъ».

ЖЕРТВЫ МОРЯ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Очерки эти составлены главнымъ образомъ по «Лѣтописи крушеній и пожаровъ судовъ русскаго флота», изданной морскимъ ученымъ комитетомъ въ двухъ томахъ.

Первый томъ, вышедшій въ 1855 году, содержитъ описаніе 285-ти крушеній за 140 лѣтъ (1713—1853 г.), а второй, появившійся въ свѣтъ въ 1874 году, даетъ описаніе 22-хъ крушеній за 17 лѣтъ (1853—1870 г.). Описанія эти составлены по строго провѣреннымъ даннымъ: по рапортамъ командировъ, по показаніямъ очевидцевъ и участниковъ, если только не всѣ погибали, и по слѣдственнымъ и судебнымъ дѣламъ, объяснявшимъ причины крушеній и степень виновности тѣхъ или другихъ прикосновенныхъ лицъ.

За первыя 140 лѣтъ существованія русскаго флота приходится по 2,03 крушенія въ годъ, а за послѣдующія 17 лѣтъ только по 1,35 крушеній въ годъ. Но эта разница объясняется значительнымъ уменьшеніемъ численности судовъ нашего флота съ 1855 года. Если сравнивать процентъ крушеній того и другого періода, принимая въ соображеніе количество плававшихъ судовъ, то процентъ этотъ, къ сожалѣнію, окажется далеко не въ пользу позднѣйшаго періода, когда, вмѣсто парусныхъ судовъ, плавали только паровыя и броненосныя.

Нельзя не пожалѣть, что поучительная скорбная «Лѣтопись крушеній», предпринятая морскимъ вѣдомствомъ по распоряженію покойнаго генералъ-адмирала, великаго князя Константина Николаевича, не продолжается. Точно такъ же и въ «Морскомъ Сборникѣ» не объясняются, какъ бывало прежде, причины того или другого несчастія. Молчатъ и спеціалисты-моряки на страницахъ официальнаго органа, тогда какъ въ

прежніе годы каждое морское несчастіе вызывало живой обмѣнъ мнѣній. Такъ, напримѣръ, по поводу ужасной гибели въ 1856 году корабля «Лефортъ», затонувшаго въ нѣсколько минутъ со всѣми людьми на глазахъ эскадры, въ «Морскомъ Сборникѣ» появился рядъ статей, составившій цѣлую литературу, а о недавней гибели «Русалки» ни въ одномъ изъ органовъ морского министерства не сказано ни слова.

Такимъ образомъ причины аварій, крушеній, а иногда и ужасной гибели судовъ,—какъ, напримѣръ, недавняя гибель «Русалки», — бывшихъ за послѣднія двадцать лѣтъ, могутъ остаться для моряковъ невыясненными, и они, при всемъ желаніи, лишены возможности изъ несчастныхъ случаевъ прошедшаго извлекать полезные уроки для будущаго. А именно въ этомъ отношеніи и полезны правдивыя описанія съ изложеніемъ причинъ. Поучительность для моряковъ основательнаго знакомства съ этими причинами отлично сознавалась морскимъ вѣдомствомъ, что̀ видно изъ слѣдующихъ словъ предисловія ученаго морского техническаго комитета ко второму тому «Лѣтописи»:

«Насколько славные подвиги прошедшаго могутъ подвинуть къ подражанію доблестямъ, настолько знаніе несчастныхъ случаевъ оберегетъ въ подобныхъ же обстоятельствахъ, потому что въ большинствѣ случаевъ несчастія происходили отъ непредвидѣнія той или другой мѣры предосторожности, или нарушенія того или другого забытаго правила. Изъ этого слѣдуетъ, что описаніе крушеній и другихъ бѣдствій, претерпѣнныхъ военными судами, составляетъ необходимый матеріалъ для каждаго командира судна и эскадры и можетъ, такъ сказать, замѣнить ему совокупную опытность всѣхъ предшествовавшихъ плавателей, находившихся въ критическомъ положеніи».

Спѣшимъ однако оговориться. Быть-можетъ, почтенная работа морского вѣдомства и продолжается, но еще не опубликована. Мы этого не знаемъ.

Авторъ.

I. Гибель «Ингерманланда».

I.

24-го іюля 1842 года семидесятичетырехпушечный, только-что построенный въ Архангельскѣ корабль «Ингерманландъ» вышелъ, подъ командою капитана 1-го ранга П. М. Трескина, изъ названнаго порта для слѣдованія въ Кронштадтъ.

На злополучномъ кораблѣ находилось: 822 человѣка нижнихъ чиновъ, 32 офицера, докторъ, священникъ и 28 женщинъ съ 8 дѣтьми, сопровождавшихъ мужей и родственниковъ. Всего на «Ингерманландѣ» было 892 человѣка.

Плаваніе изъ Архангельска до Нордкапа было благополучное. Но, обогнувъ мысъ, корабль встрѣтилъ свѣжій противный вѣтеръ, дувшій нѣсколько недѣль подъ-рядъ, и «Ингерманландъ» принужденъ былъ все время лавировать, подвигаясь впередъ на самое незначительное разстояніе. Наконецъ 21-го августа вѣтеръ, къ общей радости пловцовъ, перемѣнился. Задулъ довольно свѣжій, попутный нордъ-остъ, съ которымъ «Ингерманландъ» подъ зарифленными парусами и добѣжалъ къ утру 26-го августа до Скагеррака—пролива, отдѣляющаго южный берегъ Норвегіи отъ сѣверо-западной части полуострова Ютландіи.

Въ полдень слѣдующаго дня сдѣланы были астрономическія наблюденія, опредѣлившія истинное мѣсто корабля, и къ вечеру увидали ютландскій берегъ. Между тѣмъ вѣтеръ свѣжѣлъ и, измѣнивъ направленіе, уже не былъ попутнымъ. Пришлось лавировать въ проливѣ, дѣлая небольшіе галсы (концы), чтобы не приблизиться ни къ тому ни къ другому берегу въ виду рифовъ и мелей, которые тянутся около береговъ. Вѣтеръ крѣпчалъ. На другой день небо покрылось облаками, спасительное солнце не показывалось, и обсерваціи взять было уже нельзя. Приходилось довольствоваться счисленіемъ, то-есть пройденными разстояніями корабля, измѣряемыми лагомъ, и такимъ образомъ опредѣлять свое мѣсто на картѣ. Нечего и говорить, что такой способъ опредѣленія своего мѣста не можетъ быть точенъ и вблизи береговъ — и особенно въ Скагерракѣ, гдѣ дѣйствуютъ сильныя и быстро мѣняющіяся теченія, сносящія корабли въ ту или другую сторону—влечетъ за собою бѣды, если капитанъ слишкомъ довѣрится счисленію. Вдобавокъ нельзя было точно опредѣлиться и по пеленгамъ (угловымъ разстояніямъ) по какому-нибудь высокому примѣтному мѣсту на берегу, обозначенному на картѣ. Такихъ мѣстъ, къ сожалѣнію, не видали.

«Ингерманландъ» продолжалъ лавировать въ проливѣ, когда утромъ 30-го августа съ корабля снова увидали берегъ Ютландіи въ 16 миляхъ. Корабль сейчасъ же поворотилъ на другой галсъ, взялъ курсъ на норвежскій берегъ и подъ зарифленнымъ гротъ-марселемъ и штормовою бизанью медленно подвигался по полтора узла ($1^3/_4$ мили) въ часъ. Вѣтеръ ревѣлъ съ силою шторма и развелъ громадное волненіе.

Былъ десятый часъ вечера на исходѣ. По счисленію счи-

тали себя въ 25 миляхъ отъ норвежскаго берега. Никто и не подозрѣвалъ о близости ужасной катастрофы. Подвахтенные матросы и офицеры, женщины и дѣти были внизу, и многіе спали. Наверху находились только вахта, капитанъ, вахтенный начальникъ и старшій штурманъ.

Вдругъ съ подвѣтренной стороны увидали огонь. Въ первую секунду его приняли за огонь встрѣчнаго судна. Но огонь не приближался. На кораблѣ усомнились и тотчасъ же скомандовали поворотъ черезъ фордевиндъ, чтобы скорѣй отойти отъ этого подозрительнаго огня, мерцающаго во мракѣ ночи... Прошла еще минута-другая, корабль уже дѣлалъ поворотъ, какъ три послѣдовательные удара о камни потрясли его во всѣхъ членахъ. Удары, по словамъ очевидцевъ, были жестокіе.

Какъ оказалось впослѣдствіи, «Ингерманландъ» находился у входа въ Христіанзундскій заливъ, снесенный туда теченіемъ, и огонь, видѣнный съ корабля, былъ маячнымъ огнемъ, предостерегающимъ объ опасности.

Брошенный немедленно лотъ показалъ сперва 30-саженную глубину и затѣмъ уже не доставалъ дна.

Между тѣмъ пробитый корабль быстро наполнялся водой и накренился такъ, что нельзя было стоять на ногахъ. Теченіе несло его теперь къ W. Неимовѣрная прибыль воды въ трюмахъ не позволяла думать о спасеніи корабля. Надо было думать о спасеніи людей среди бушующаго моря и ночной темноты. Общимъ совѣтомъ командира и офицеровъ рѣшено было идти въ берегъ и поставить корабль на мель поближе къ предполагавшемуся недалеко берегу. Но — увы! — это оказалось неисполнимымъ: корабль, пробитый ударами, все болѣе и болѣе наполнялся водой. Тогда рѣшились, чтобъ облегчить корабль, срубить фокъ- и гротъ-мачты. Въ то же время, по словамъ «Лѣтописи», «безпрерывно отливаясь помпами, кадками, ведрами и киверами, производили непрерывную пальму и жгли фальшфееры; чтобы не относило корабль далѣе отъ берега, бросили одинъ за другимъ всѣ четыре якоря, въ надеждѣ задержаться ими, буде достанутъ дна; стали кидать за бортъ орудія верхняго дека, переносить балластъ, ядра изъ кранцевъ; подрубали ютъ, чтобы онъ служилъ плотомъ, однако-жъ не успѣли его подрубить; обрубали найтовы на рострахъ и гребныхъ судахъ, стаскивая гребныя суда на шканцы; выносили наверхъ люки, трапы и все, что могло удерживаться на водѣ».

Къ двумъ часамъ ночи вода клокотала въ кораблѣ, наполнивъ его по самую верхнюю палубу, на которую уже вкаты-

вались волны. Съ этой минуты никто ужъ не распоряжался. Дѣлать что-нибудь не было возможности. Раздался послѣдній выстрѣлъ изъ пушки на верхней палубѣ, взывающій о помощи. Всѣ въ ужасѣ столпились наверху, преимущественно посрединѣ, многіе садились въ баркасъ и въ другія шлюпки, ожидая немедленнаго погруженія корабля и смерти въ волнахъ бушующаго Скагеррака.

И смерть всѣхъ этихъ 892 человѣкъ, казалось, наступала. Корабль, борты котораго были почти въ уровень съ водой, затрещалъ; его бросало то вправо, то влѣво. Онъ вздрогнулъ, сталъ прямо и началъ медленно погружаться...

Въ эту ужасную минуту священникъ, поднявъ крестъ, громкимъ голосомъ сталъ читать отходную. Все замерло въ тишинѣ. Люди обнажили головы. И только-что окончилась молитва, какъ, по свидѣтельству очевидцевъ, раздалось троекратное прощальное «ура» нѣсколькихъ сотенъ людей, заглушивъ вой вѣтра и шумъ моря. Набѣжавшія волны прокатились по головамъ и, между прочимъ, смыли священника, который тотчасъ же утонулъ.

Верхняя палуба уже была подъ водой. Только ютъ да бугшпритъ (носъ) нѣсколько надъ ней возвышались. Волны свободно теперь перекатывались по кораблю, ломая шлюпки и все, что попадалось на пути, потрясая обломанный рангоутъ и смывая людей, не уцѣпившихся за что-нибудь.

Прошло еще нѣсколько безконечныхъ секундъ. Корабль болѣе не погружался; онъ оставался въ этомъ полузатопленномъ положеніи, сохраняя свою плавучесть благодаря выброшеннымъ изъ батарейной палубы орудіямъ и другимъ тяжестямъ и благодаря тому, что въ трюмѣ находилось множество пустыхъ бочекъ.

Надежда на спасеніе закралась въ сердца людей. Всякій старался выбрать возвышенное мѣсто, ждать разсвѣта и, быть-можетъ, помощи съ берега. Кучи народа толпились на ютѣ и на бакѣ, не бывшими подъ водой, и облѣпили ванты (веревочная лѣстница) и марсъ несрубленной бизань-мачты. Оставшіеся, въ моментъ погруженія корабля, между ютомъ и бакомъ, на пространствѣ, гдѣ клокотала вода и ходили буруны, спѣшили пробраться на ютъ и погибали на этомъ пути. Одному изъ десяти удавалась эта опасная переправа. Остальныхъ смывало въ море волной, убивало обломками бившагося рангоута или раздавливало. Сорвавшійся съ ростровъ баркасъ сразу убилъ нѣсколько десятковъ людей. И въ первые же часы крушенія погибло нѣсколько офицеровъ, женщинъ съ дѣтьми и много матросовъ. Предсмертные крики ужаса и

отчаянія, плачъ дѣтей, мольбы о помощи раздавленныхъ людей усиливали эту картину страшнаго бѣдствія. Происходили душу раздирающія сцены.

Такъ, по словамъ одного изъ участниковъ этого крушенія, мичмана Говорова, описаніе котораго частью цитируется въ «Лѣтописи», старшая дочь полковника Борисова (бывшаго пассажиромъ на кораблѣ съ двумя дочерьми) при переходѣ на ютъ запуталась косою въ желѣзной уключинѣ изломаннаго баркаса, выброшеннаго съ ростровъ на шканцы. Рангоутъ билъ всѣхъ, находившихся подлѣ несчастной Борисовой. Она долго рвалась и кричала, а между тѣмъ за нее схватились другіе погибавшіе. Совершенно избитая, обезображенная, выбившись изъ силъ—она смолкла, но бездушное тѣло ея еще долго терзалось волнами. Младшая сестра ея, ухватившись за запасные ростры, употребляла всѣ усилія удержаться на нихъ, и уже унтеръ-офицеръ Немудрый бросился-было къ ней на помощь, но поздно: ростры повернулись, и несчастную снесло въ море... Капитанъ-лейтенантъ Истоминъ и штабъ-лѣкарь Саковичъ, перебираясь на ютъ, были уже на концѣ переправы, но ударомъ баркаса Истомина придавило къ ютовому бимсу; сплюснутый имъ, онъ и не вскрикнулъ; только съ юта видѣли, какъ его втащило въ водоворотъ офицерскаго люка на шканцахъ. Саковичъ подвергся той же участи. Кто могъ, бросали съ юта бившимся въ водѣ концы веревокъ. Лейтенантъ Деркачевъ, унтеръ-офицеръ 8-го рабочаго экипажа Корниловъ и нѣсколько матросовъ вытаскивали со шканцевъ нѣкоторыхъ еще живыхъ, другихъ уже изступленныхъ и потерявшихъ разсудокъ, но болѣе трупы. Въ числѣ утонувшихъ, выхваченныхъ матросами, была тетка жены лейтенанта Сверчкова. Супруга его, выброшенная изъ баркаса на шканцы, долго гребла руками, поддерживаясь на какой-то доскѣ, пока огромнымъ отломкомъ коечныхъ сѣтокъ не ударило ее по спинѣ, и, облитая кровью, она погрузилась въ общую могилу».

II.

Наступилъ разсвѣтъ, освѣтившій ужасную картину.

Погруженный въ водѣ корабль качался на волнахъ. Ютъ и бугшпритъ, полные людьми, все болѣе и болѣе уходили въ воду. Только одна бизань-мачта высилась надъ водой, качаясь надъ моремъ, съ верху до низу облѣпленная, словно муравьями, человѣческими фигурами. Вдали, въ разстояніи 15 миль, еле виднѣлась тонкая полоска норвежскаго берега. На горизонтѣ ни одного паруса, дающаго надежду на помощь.

Вокругъ полузатонувшаго корабля—обломки рангоута, доски, люки, трапы, двѣ срубленныя мачты. И на всемъ этомъ сотни людей. Число ихъ съ каждой минутой уменьшается. Болѣе слабыхъ и утомленныхъ море неустанно принимаетъ въ свои холодныя объятья. Безчисленныя стада касатокъ шныряютъ вокругъ корабля, кувыркаясь и играя, въ ожиданіи обильной добычи. Вѣтеръ не стихалъ, а волны бушевали. Всѣ гребныя суда были поломаны и снесены въ море.

У поломаннаго двѣнадцативесельнаго катера, полнаго воды, держались люди. Нѣсколько человѣкъ забралось на катеръ, и туда же подняли сброшеннаго въ море капитана корабля, избитаго, потерявшаго сознаніе и въ бреду. Его жена, не зная объ участи мужа, оставалась на кораблѣ.

Нѣсколько времени катеръ держался у корабля, но вдругъ его понесло въ море. Гибель полузатопленной шлюпки казалась неизбѣжной, но отчаяніе удесятерило силы пловцовъ. Пятеро гребли; остальные откачивали воду; сломанный руль замѣнили кускомъ весла. Цѣлый день носился катеръ по морю. Уже два человѣка на немъ умерли отъ истощенія. Наконецъ какимъ-то чудомъ къ вечеру прибило теченіемъ катеръ къ берегу, близъ маяка, недалеко отъ какой-то деревеньки. Обезсиленные пловцы не могли сами выйти изъ шлюпки; ихъ выносили рыбаки на рукахъ и пріютили въ деревнѣ. Несчастный командиръ корабля, невольно оставившій свой постъ, тогда какъ по морскому уставу долженъ оставлять свой корабль послѣднимъ,—нѣсколько оправившись отъ потрясенія, разослалъ во всѣ стороны гонцовъ съ просьбой выслать поскорѣй суда на помощь оставшимся на кораблѣ. Почти увѣренный, что всѣ люди погибли, капитанъ на другой же день написалъ слѣдующее донесеніе въ Петербургъ въ главный штабъ:

«Ваше превосходительство! Приготовьтесь узнать о величайшемъ несчастіи, какое можетъ постигнуть на морѣ человѣка: корабль «Ингерманландъ» погибъ, ударившись о подводные каменья въ 15—20 миляхъ отъ норвежскихъ береговъ, не обозначенные на картахъ. Вмѣстѣ съ кораблемъ погибло все казенное и частное имущество и почти всѣ люди...»

Между тѣмъ положеніе людей, оставшихся на кораблѣ, съ каждымъ часомъ становилось отчаяннѣе. Недаромъ одинъ изъ участниковъ этого крушенія говорилъ, что «часъ казался днемъ». Ютъ уже наполовину былъ въ водѣ. Надъ водой оставались только бугшпритъ, бизань-мачта да часть корабельнаго борта, и всѣ мѣста на этихъ маленькихъ простран-

ствахъ были переполнены измокшими, продрогшими людьми. Каждый вершокъ такихъ мѣстъ берегся, какъ зѣница ока. На крюйсъ-марсѣ ухитрились помѣститься пятьдесятъ человѣкъ. Полуодѣтые, безъ шапокъ, они лежали рядами другъ на другѣ. Закоченѣвшіе и обезсиленные люди то и дѣло валились съ вантъ цѣлыми кучами и находили смерть въ водѣ. Ихъ мѣста тотчасъ же занимались другими... Трупы носились по кораблю, пока не выбрасывались волнами въ море. Многіе не преодолѣвали сонливости и засыпали вѣчнымъ сномъ. Надежда у оставшихся въ живыхъ съ каждой минутой уменьшалась. Каждый ждалъ смерти.

Вдругъ на горизонтѣ показались три паруса, и скоро обозначились три небольшіе лоцманскіе боты, летѣвшіе къ кораблю.

Громкое радостное «ура» раздалось съ двухъ мѣстъ корабля, бывшихъ надъ водою: съ бизань-мачты и съ бугшприта. Люди крестились и шептали молитвы. Невообразимая радость свѣтилась на лицахъ. Глаза всѣ впились въ приближавшіеся боты. Вотъ ближе и ближе... Они держатъ на корму.

— Къ намъ, къ намъ!—кричатъ сидящіе на носу...

И, охваченные нетерпѣніемъ поскорѣй спастись, многіе, спасавшіеся на бугшпритѣ, бросились на ютъ, стараясь туда добраться вплавь. Произошла страшная толкотня. Множество людей гибло, снесенные волнами, перекатывавшимися въ видѣ буруновъ черезъ корабль. Бывшіе на ютѣ, не дожидаясь приближенія ботовъ, бросились въ море, надѣясь доплыть до нихъ, и тоже гибли.

Но радость, оживившая людей при видѣ ботовъ, вдругъ смѣнилась отчаяніемъ. Боты держались въ почтительномъ отдаленіи, не рѣшаясь подойти къ кораблю изъ опасенія быть разбитыми или залитыми бурунами, ходившими вокругъ корабля. Вдобавокъ и вѣтеръ былъ свѣжій, и волненіе большое... Нѣсколько минутъ продержались боты около и затѣмъ повернулись и ушли... Крикъ отчаянія вырвался изъ сотенъ человѣческихъ грудей...

Въ полдень снова явилась надежда на спасеніе.

Съ крюйсъ-марса увидали на горизонтѣ бѣлое пятно, которое все увеличивалось, и затѣмъ обрисовался корпусъ брига, идущаго подъ гротъ-марселемъ прямо на корабль. Скоро купеческій бригъ подъ англійскимъ флагомъ подошелъ совсѣмъ близко. Съ бугшприта, съ бизань-мачты, съ моря, на которомъ люди еще держались на мачтахъ и на обломкахъ рангоута, взывали о спасеніи. Казалось, вотъ-вотъ бригъ сейчасъ ляжетъ въ дрейфъ и спуститъ баркасъ. Это казалось тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что вѣтеръ начиналъ стихать, и баркасъ

могъ совершенно безопасно подойти къ подвѣтренной сторонѣ корабля.

На бригѣ уже стали брасопить паруса. Повидимому, тамъ колебались, но недолго. Къ позору англійскаго капитана брига, колебаніе это быстро рѣшилось въ пользу безсердечія, и бригъ, спустившись по вѣтру, ушелъ, безжалостно предоставивъ погибающихъ своей участи.

Всѣми овладѣло мрачное отчаяніе. Началась настоящая агонія, безконечная и неописуемая.

Всѣ держались на возвышенныхъ мѣстахъ, но съ каждымъ часомъ силы ослабѣвали, и кучи падавшихъ увеличивались. Иззябшіе, страдавшіе отъ голода и жажды, многіе радостно отдались охватывавшему сну и засыпали навѣки. Мертвая и грозная тишина царила на этомъ плавучемъ уголкѣ смерти. Ютъ погрузился совсѣмъ въ воду, и бывшихъ на немъ срывало за бортъ. Мачта, на которой лѣпились люди, стала качаться. На вантахъ рѣшительно не было ни одного свободнаго вершка. Ванты, подъ давленіемъ массы народа, ослабѣвали, и съ нихъ люди падали... Всякій кусочекъ, бывшій надъ водой, былъ занятъ людьми. Нѣкоторые ухитрялись висѣть на веревкахъ и раскачивались по воздуху. Страдая отъ холода, многіе спускались съ вантъ и погружались въ воду, чтобы согрѣться, но назадъ на ванты возвратиться не могли. Ни просьбы ни угрозы не помогали; мѣста ихъ уже заняты были другими. И желавшіе согрѣться гибли изнуренные въ водѣ.

Особенно мучила всѣхъ жажда, и несчастные глотали по нѣсколько капель соленой воды, но это только усиливало жажду... Многіе галлюцинировали. «Имъ,—по словамъ очевидца:—казалось, что они сидятъ на совершенно спокойныхъ мѣстахъ, имъ видѣлись сады, рощи, комнаты. Потомъ вдругъ мерещились громъ, трескъ, море, камни—они представляли себѣ начало крушенія и произносили безсвязныя слова».

Чтобы какъ-нибудь согрѣться, головы прикрывали найденнымъ на ютѣ флагдукомъ и флагами, которые разрывали на куски. Изъ крюйселя, бизани и клювера дѣлали чалмы и всевозможныя хламиды, чтобы прикрыть иззябшее тѣло. Не гнушались и платьемъ умершихъ.

«На остаткахъ корабельнаго борта,—говоритъ «Лѣтопись», цитируя описаніе мичмана Говорова:—отъ лѣвой крамболы до колокола, то-есть на протяженіи не болѣе двухъ саженъ, столпилось человѣкъ до сорока. Въ числѣ прочихъ здѣсь были супруга командира и жена боцмана Завьялова съ грудянымъ на рукахъ младенцемъ. Положеніе жены капитана было мучительное: въ одномъ платьѣ, которое изорвало волнами, съ непо-

крытой головою, съ избитыми руками и ногами, съ обагреннымъ кровью лицомъ, пять разъ смываемая волнами, она должна была выдерживать невыносимыя истязанія. Но, среди общаго бѣдствія, страданія не производили сильнаго впечатлѣнія. Общая участь поставила всѣхъ насъ въ безчувственную безнадежность, заставляя забывать различія пола, возраста и званія; я не могъ однако-жъ быть равнодушнымъ при видѣ одной изъ несчастныхъ матерей—это была жена боцмана Завьялова. Она не выпускала изъ рукъ своего ребенка и безпрестанно молилась—молилась только о спасеніи своего младенца. Ребенокъ пробылъ двое сутокъ безъ пищи и питья, въ одной тонкой рубашечкѣ. Два раза онъ падалъ изъ рукъ матери въ бурунъ и былъ вытаскиваемъ матросами на сѣтки, но и здѣсь волны, ежеминутно перекатываясь черезъ наши головы, затрудняли ему дыханіе. И не диво ли? Ребенокъ этотъ остался живъ и здоровъ, оправясь совершенно въ первый день нашего спасенія».

Уже вторыя сутки длилась агонія страдальцевъ. Наступило утро 1-го сентября, свѣтлое, солнечное. Вѣтеръ стихъ, и волны улеглись. Сильно порѣдѣли ряды погибавшихъ. Кругомъ на обломкахъ почти никого уже не было видно. Гротъ-мачту съ спасавшимися на ней людьми еще наканунѣ унесло въ море, и послѣ цѣлыхъ сутокъ проходившій лоцманскій ботъ снялъ нѣсколькихъ, еще оставшихся въ живыхъ, закоченѣвшихъ людей.

Дожившіе до этого яркаго солнечнаго утра уже ни на что не надѣялись и какъ-то безучастно глядѣли на умиравшихъ товарищей, ожидая своей очереди. Голодные и обезсиленные, многіе звали смерть.

Но спасеніе было близко. Въ 11 часовъ утра на горизонтѣ показался тендеръ и скоро приблизился къ кораблю. Всѣ стали молиться. На этотъ разъ надежда не обманула. Тендеръ былъ спеціально посланъ для спасенія погибавшихъ. Вслѣдъ за тендеромъ подошла и шкуна, и скоро всѣ оставшіеся въ живыхъ были сняты съ «Ингерманланда» и перевезены въ маленькій городокъ Мандаль, жители котораго спѣшили наперерывъ оказать помощь злополучнымъ русскимъ морякамъ.

Изъ экипажа «Ингерманланда» погибло всего 389 человѣкъ, въ томъ числѣ 20 офицеровъ, 21 женщина и 7 дѣтей. Спаслось 503 человѣка, въ числѣ которыхъ 11 офицеровъ, 7 женщинъ и 1 ребенокъ—младенецъ Завьяловъ.

III.

По полученіи въ Петербургѣ первыхъ извѣстій (изъ иностранныхъ газетъ) о гибели «Ингерманланда»,—извѣстій, какъ оказалось впослѣдствіи, не совсѣмъ вѣрныхъ,—императоръ Николай написалъ на сдѣланномъ ему 15-го сентября докладѣ слѣдующую резолюцію: «Строжайше изслѣдовать, какимъ образомъ спаслись 16 офицеровъ, тогда какъ нижнихъ чиновъ только 150. Ожидаю подробнаго донесенія о семъ несчастномъ происшествіи».

Затѣмъ, на докладѣ 17 сентября высшаго начальства по тому же дѣлу, императоръ Николай помѣтилъ: «По прибытіи командира отдать подъ судъ и строго изслѣдовать, отчего при столь маломъ числѣ нижнихъ чиновъ спаслось столько офицеровъ».

Судъ оправдалъ командира и одобрилъ поведеніе команды во время крушенія.

И, по докладѣ приговора суда, императоръ Николай написалъ такую резолюцію:

«Объявить капитану, что я его не виню въ потерѣ корабля, а офицерамъ и нижнимъ чинамъ, что я совершенно доволенъ ихъ поведеніемъ во время сего несчастія».

Я былъ еще ребенкомъ, когда Марья Давыдовна Трескина, жена командира «Ингерманланда», бывала у насъ въ домѣ, и помню, какое ужасное впечатлѣніе произвелъ на меня, двѣнадцатилѣтняго мальчика, разсказъ ея о пережитыхъ двухъ суткахъ въ Скагерракѣ.

Позже я слышалъ отъ одного старика, отставного матроса, бывшаго на «Ингерманландѣ», нѣсколько эпизодовъ объ этомъ крушеніи. И, закончивъ свой разсказъ, старикъ прибавилъ:

— Это Богъ въ наказаніе командиру послалъ такое несчастіе.

— За что?—спросилъ я.

— Очень ужъ онъ былъ жестокъ съ людьми.

Дѣйствительно, «строгость» бывшаго командира «Ингерманланда» была извѣстна во флотѣ и выдѣлялась даже въ тѣ «жестокія времена».

II. Гибель «Камчадала».

Бываютъ крушенія судовъ, если такъ можно выразиться, «парадныя», въ родѣ похоронъ по первому разряду. Блестя-

щій катафалкъ съ перьями, роскошный гробъ, усыпанный вѣнками и цвѣтами, восемь лошадей цугомъ въ пышныхъ попонахъ, множество факельщиковъ въ приличныхъ нарядахъ, толпа разодѣтыхъ пѣвчихъ, полицейскіе, жандармы, масса провожающихъ и длинная вереница каретъ.

И каждый прохожій, при видѣ такого кортежа, невольно глазѣетъ и любопытствуетъ узнать, кого это хоронятъ, и прочитываетъ въ газетахъ некрологъ покойнаго.

Зато едва ли кто обратитъ вниманіе на дроги съ крашенымъ простымъ гробомъ, везомыя клячей въ порыжѣвшей попонѣ, съ оборваннымъ возницей въ траурной хламидѣ и смятомъ цилиндрѣ, и, конечно, не поинтересуется узнать, кого везутъ на кладбище, кто это былъ горемыка, сзади гроба котораго одиноко плетется какая-то женщина или сиротка-дѣвочка.

Сравненіе это—не натяжка. Терпитъ крушеніе или гибнетъ какое-нибудь большое военное судно, на которомъ и командиръ и офицеры имѣютъ много родныхъ и знакомыхъ въ обществѣ, и о такомъ крушеніи говорятъ, пишутъ въ газетахъ... Оно возбуждаетъ сенсацію, вызываетъ вполнѣ понятную скорбь, заставляетъ искать виновниковъ, непосредственныхъ и косвенныхъ.

Но когда гдѣ-нибудь въ далекой глуши гибнетъ небольшое и не блестящее, такъ сказать, «не аристократическое» судно, скромное назначеніе котораго снабжать провіантомъ захолустья и дыры нашего далекаго сибирскаго побережья,—когда, говорю, трагически и безъ свидѣтелей погибаетъ такое судно, которымъ вдобавокъ командуетъ несчастный горемыка-штурманъ, «какой-нибудь» Ивановъ, Петровъ или Прокофьевъ, о такой гибели никто не интересуется. О ней не говорятъ, и знаютъ о ней лишь офиціальныя лица, производящія обычное разслѣдованіе.

Это—тотъ же простой крашеный гробъ въ столицѣ, везомый клячей, за которымъ одиноко плетется сиротка-дѣвочка.

Къ числу такихъ «не нарядныхъ», безвѣстныхъ крушеній, попадающихъ въ скорбные офиціальные анналы морскихъ несчастій, принадлежитъ гибель тендера сибирской флотиліи «Камчадалъ» со всѣми своими скромными героями-мучениками составлявшими его экипажъ. Эти безвременно погибшіе люди, судя по даннымъ слѣдственнаго дѣла и по запискѣ одного адмирала, приложенной къ дѣлу,—являются не столько жертвами моря, сколько жертвами безпечности и халатности мѣстнаго морского начальства.

Было это ужасное «происшествіе» въ 1858 г., поздней осенью.

Тендеръ «Камчадалъ», судно, построенное въ 1843 г. и уже настолько ветхое и ненадежное, что, по словамъ генералъ-аудиторіата, «во время починки его (для изготовленія къ плаванію) стоило много трудовъ, чтобы уменьшить въ немъ течь», былъ отправленъ, по распоряженію начальства, изъ Николаевска-на-Амурѣ въ Удскъ для снабженія захолустнаго Удскаго края мукой и провіантомъ.

Изъ слѣдственнаго дѣла видно, что «Камчадалъ» снялся съ якоря, когда морозъ доходилъ до 6°, что октябрь сопровождается въ Амурскомъ лиманѣ метелями и сильными вѣтрами, и что тендеръ «Камчадалъ» едва ли могъ считаться благонадежнымъ для зимняго плаванія въ столь бурное и суровое время.

Нечего и говорить, что командиръ «Камчадала», штурманскій прапорщикъ Кузьминъ, разумѣется, и не подумалъ протестовать противъ такого назначенія, почти равносильнаго посылкѣ на вѣрную смерть, и безпрекословно подчинился данному приказанію: идти въ Охотское море. Положимъ, онъ и могъ бы донести, что плаваніе въ Охотскомъ морѣ, гдѣ свирѣпствуютъ бури, да на такомъ суднѣ, которое и на рейдѣ текло,—крайне опасно и грозитъ вѣроятной гибелью. Но такое представленіе могло грозить капитану весьма непріятными послѣдствіями. Приказано—не разсуждай, а иди. Это во-первыхъ. А во-вторыхъ, какой же морякъ, особенно изъ молодыхъ и самолюбивыхъ, рѣшится намекнуть объ опасности? Изъ понятной горделивой боязни, чтобы не заподозрѣли въ трусости, молодой человѣкъ не побоится пойти хоть на утлой ладьѣ въ океанъ, если бы того потребовало чье-нибудь легкомысліе или профессіональное невѣжество.

И прапорщикъ Кузьминъ, вмѣстѣ со своимъ помощникомъ прапорщикомъ Алексѣевымъ, одиннадцатью матросами и одной женщиной, женой боцмана, 11-го октября 1858 года ушелъ на тендерѣ «Камчадалъ» въ рискованное плаваніе, надѣясь, вѣроятно, не столько на свое судно, сколько на милость Божію. При тендерѣ, въ качествѣ перевозочныхъ средствъ, имѣлся только одинъ маленькій четырехвесельный ялъ.

Кто такіе были родители капитана и были ли они въ живыхъ, «Лѣтопись» не сообщаетъ, но о прапорщикѣ Алексѣевѣ съ трагическимъ лаконизмомъ говоритъ, что онъ былъ сынъ смотрителя николаевскаго госпиталя, и что «бѣдные» родители его нарочно поселились на Амурѣ, чтобы быть вмѣстѣ съ сыномъ.

Ушелъ «Камчадалъ», и всѣ о немъ забыли въ Николаевскѣ-на-Амурѣ, кромѣ двухъ бѣдныхъ родителей Алексѣева. За-

были, несмотря на то, что весь октябрь дули свѣжіе вѣтры и свирѣпствовала метель. Никому не приходила даже въ голову мысль, въ виду бурной погоды, начавшейся вслѣдъ за уходомъ тендера, послать бывшій въ то время въ Николаевскѣ пароходъ осмотрѣть хоть устье Амура...

Прошелъ такъ мѣсяцъ, Амуръ сковался льдомъ. Наступилъ ноябрь, и въ послѣднихъ числахъ его въ городѣ разнесся слухъ, что какое-то судно поздней осенью погибло въ сѣверной части широкаго Амурскаго лимана. При первомъ же слухѣ невольно приходила на умъ мысль о злополучномъ «Камчадалѣ». Чтобы провѣрить эти слухи, главный командиръ сибирской флотиліи и портовъ послалъ немедленно къ указанному мѣсту капитанъ-лейтенанта Болтина и полицеймейстера, хорунжаго Матвіевскаго. Когда они вернулись, гибель тендера была уже не слухомъ, а ужасной истиной, и они привезли съ собою тѣло замерзшаго унтеръ-офицера, найденное на льду между тендеромъ и берегомъ. Тѣло это было крѣпко перевязано веревками, что подало поводъ предполагать какое-нибудь насиліе со стороны туземцевъ-гиляковъ. Но спрошенные по этому поводу гиляки отвѣчали, что у нихъ такой обычай. Они связываютъ веревками всякаго покойника.

Посланная вслѣдъ затѣмъ къ мѣсту крушенія слѣдственная комиссія нашла тендеръ «Камчадалъ» на банкѣ (отмели) у малаго Пуирскаго фарватера, лежащимъ на правомъ боку. Вся правая сторона по ватеръ-вейсу отошла на 1/2 фута, а правая раковина отстала болѣе чѣмъ на футъ. Палуба переломлена, и вся носовая часть опустилась; фокъ-мачта сломана, ванты съ обѣихъ сторонъ и весь бѣгучій такелажъ перерублены; бугшпритъ сломанъ у самаго форштевня; руль положенъ на бортъ, но вышибленъ изъ петель, и палуба около него разворочена; около тендера и въ особенности на правой сторонѣ громада льдинъ, и вся носовая часть покрыта льдомъ и снѣгомъ на полторы сажени толщиной.

Таковъ былъ наружный видъ разбитаго судна, свидѣтельствовавшій о силѣ разрушенія этого ветхаго тендера, когда онъ выскочилъ на мель.

Но гдѣ же погибшіе люди? Наверху, на палубѣ не нашли ни одного.

Тогда прорубили въ кормовой части палубу и крючками вытащили тѣло Алексѣева. Онъ былъ одѣтъ въ теплое форменное пальто и въ шерстяную рубашку; на шеѣ теплый шарфъ, на ногахъ большіе сапоги. Потомъ вытащили тѣла жены боцмана и еще четырехъ матросовъ. Остальныхъ людей экипажа не было въ тендерѣ. Изъ судебно-медицинскихъ свидѣтельствъ

видно, что смерть всѣхъ произошла отъ апоплексіи вслѣдствіе замерзанія.

Изъ опроса гиляковъ оказалось, что нѣкоторые видѣли судно подъ парусами, шедшее съ моря къ Сахалину, послѣ чего четыре дня былъ штормъ со снѣгомъ, такъ что ничего не было видно: послѣ же шторма судно оказалось на томъ мѣстѣ, гдѣ было теперь. Когда именно произошло крушеніе, гиляки опредѣлить не могли. По словамъ ихъ, это было около половины прошедшей луны, когда еще не сталъ вездѣ ледъ. Одинъ гилякъ показалъ, что это было за четыре дня до пріѣзда казака Огибалова въ гиляцкую деревню, который, какъ выяснилось, былъ тамъ 16-го ноября.

Этотъ же самый гилякъ показалъ, что послѣ сильнаго вѣтра увидѣлъ судно съ одной мачтой безъ парусовъ на мели. Черезъ три дня онъ отправился къ нему на лодкѣ; въ этотъ день была тоже большая волна. Судно съ одной стороны было полно воды; носъ былъ цѣлъ, а корма сломана. На палубѣ былъ ледъ. Живыхъ никого не было. На палубѣ, на носу видѣлъ два тѣла, на кормѣ и по серединѣ палубы еще одно. Это послѣднее гиляки взяли съ собой, но другія взять не согласились товарищи свидѣтеля. Не дали знать объ этомъ въ Николаевскъ потому, что еще ледъ не сталъ. Всѣ эти гиляки попользовались, конечно, найденными въ тендерѣ вещами, преимущественно ружьями и мукой.

Розыски остальныхъ не найденныхъ пяти тѣлъ продолжались. Разспрашивали окрестныхъ гиляковъ, но разспросы ни къ чему не привели. Одинъ изъ членовъ слѣдственной комиссіи, командированный для собранія свѣдѣній о гибели тендера «Камчадалъ» на островъ Сахалинъ, донесъ, что 15-го января онъ переѣхалъ Амурскій лиманъ противъ острова Сахалина, въ Хаземпоръ, и сталъ собирать свѣдѣнія отъ гиляковъ въ первой попавшейся деревнѣ, но гиляки объяснили, что они ничего не знаютъ и никакихъ вещей не имѣютъ, кромѣ мѣшковъ съ мукой, которые выкидывало на берегъ въ исходѣ іюля или въ началѣ августа, но что въ деревнѣ Теньги, къ сѣверу по Сахалину, есть у гиляковъ вещи, какъ-то: ружье, пистолетъ, двѣ шкатулки и много водки.

По словамъ члена слѣдственной комиссіи, прапорщика Петрова, «гиляки деревни Теньги безъ всякаго сопротивленія отдали двѣ китайскія шкатулки, обрѣзки бѣлыхъ платковъ, которые они взяли цѣлымъ кускомъ и, раздѣливъ между собой, сшили рубашки; казенное ружье и пистолетъ были переданы въ другую деревню Тельво. Всѣ эти вещи были закупорены въ ящикъ и выкинуты, по словамъ гиляковъ, въ концѣ іюля

или въ началѣ августа. Затѣмъ гиляки объявили, что на другой день послѣ того, какъ выкинуты были вещи, найдены три мертвыхъ тѣла и черезъ нѣсколько дней желѣзная шлюпка, и что тѣла они погребли, а шлюпку вытащили на берегъ. Осенью же найденъ боченокъ съ водкой, замерзшій во льду на отмели; водка вся выпита. Муки въ этой деревнѣ видѣлъ пудовъ до пятидесяти, пересыпанной въ ящики, но подмоченной и сопрѣвшей. О тендерѣ они только и знаютъ, что онъ прошелъ утромъ при W вѣтрѣ къ сѣверу подъ парусами».

Затѣмъ прапорщикъ Петровъ отправился къ мѣсту, гдѣ погребены тѣла, и приказалъ разрыть одну могилу. Покойникъ былъ положенъ въ теплой синей рубахѣ и нижнихъ панталонахъ лицомъ внизъ, по обычаю гиляковъ. Когда покойника подняли, лица его нельзя было различить, такъ какъ тѣло уже сгнило, но на головѣ видны были свѣтлорусые волосы. По словамъ гиляковъ, другія два тѣла положены въ такой же одеждѣ и въ одно время.

Г. Петровъ посѣтилъ еще нѣсколько деревень къ сѣверу и ничего существеннаго больше не узналъ.

Не видно тоже изъ слѣдственнаго дѣла, кто были эти покойники: матросы ли съ «Камчадала», или другія жертвы моря. Точно такъ же не опредѣлено, откуда желѣзная шлюпка,— на тендерѣ такой не было.

Но такъ или иначе—не было ни малѣйшаго сомнѣнія, что погибли всѣ до одного люди съ тендера «Камчадалъ», который, судя по опросамъ, былъ выброшенъ на мель во время жесточайшаго шторма.

Дѣло о гибели «Камчадала» разсматривалось въ генералъ-аудиторіатѣ, вершившемъ всѣ дѣла до учрежденія военно-морскихъ судовъ. И одинъ изъ членовъ генералъ-аудиторіата, контръ-адмиралъ Завойка, прежде долгое время бывшій начальникомъ портовъ Восточнаго океана и командиромъ сибирской флотиліи, представилъ, по приказанію управляющаго морскимъ министерствомъ, которымъ въ то время былъ адмиралъ баронъ Врангель, особую записку по дѣлу о гибели «Камчадала». Извлеченіе изъ нея напечатано въ «Лѣтописи». Въ виду поучительности и для нашихъ временъ взглядовъ почтеннаго адмирала, привожу это извлеченіе изъ его записки цѣликомъ:

«Прочитавши извѣстіе о гибели изъ амурской флотиліи тендера «Камчадалъ» съ продовольствіемъ, предназначеннымъ для Охотскаго края, я скорблю душой о потерѣ людей, которые дороги мнѣ, какъ дѣти, ибо каждый человѣкъ бывшаго 46-го флотскаго экипажа перенесъ со мною столько трудовъ, что

трудъ сродилъ насъ. Такъ же скорблю о томъ бѣдномъ народонаселеніи въ пустыняхъ, которое обречено два года бѣдствовать отъ недоставленія къ нимъ продовольствія: сколько погибнетъ отъ этого людей и страдальческою смертью.

«Тендеръ «Камчадалъ», построенный въ 1843 или въ 1845 году, постоянно былъ въ работѣ и уже не могъ быть достаточно проченъ для зимняго плаванія въ 1858 году; за симъ стоитъ взять метеорологическіе журналы и заглянуть въ нихъ, то окажется, что съ октября начинаются въ той странѣ значительные морозы (въ мою бытность, 10-го октября ледъ покрылъ устье рѣки Амура, и я ходилъ по льду). Тендеръ «Камчадалъ» отправленъ 15-го октября *)—и куда?? Въ Удское! въ мѣсто, которому только наглядно составлена опись, а входить въ устье рѣки Уды возможно только пять дней до новолунія и пять послѣ новолунія. Не угодно ли для ясности прочесть Кузьмина опись **) о входѣ въ рѣку Уду? Въ устьяхъ рѣки Уды жилья нѣтъ, а селеніе около 90 верстъ въ верховьяхъ рѣки, и помощи ожидать нельзя съ берега—пустыня совершенная. Въ октябрѣ, въ исходѣ, день бываетъ часовъ до шести, морозы за 10^0, штормa; отъ пара, исходящаго изъ воды, съ наступленіемъ морозовъ бываетъ постоянный туманъ, доходящій до мглы; теченіе около Удскаго берега и Шантарскихъ острововъ, по измѣренію г. Кузьмина, доходитъ до 4 миль въ часъ, а въ самыхъ устьяхъ р. Уды теченіе при низкихъ водахъ доходитъ до 8 узловъ, но приливы превозмогаютъ быстроту рѣки, останавливая, а иногда обращая теченіе ея на разстояніе 10 верстъ. На тендерѣ шлюпка-двойка***). На этой двойкѣ командиру предстояла работа: имѣть сообщеніе съ берегомъ при означенномъ теченіи, промѣрить устье рѣки, поставить створы для входа. Все это онъ долженъ сдѣлать на двойкѣ при теченіи и морозахъ и затѣмъ ожидать новолунія, а первое новолуніе послѣ выхода его изъ Амура было 25-го октября, а если вѣтеръ не благопріятствовалъ бы въ это новолуніе, то ожидать слѣдующаго, до 23 ноября. Итакъ, вышеозначенныя ожиданія всѣ должны исполниться на открытомъ рейдѣ при морозѣ и штормахъ, а затѣмъ, къ означенному времени, какъ значится по наблюденіямъ Кузьмина, рѣка Уда 21-го октября покрывается льдомъ.

«Какъ же не оградить отъ несчастій въ этой дальней странѣ

---

*) Адмиралъ ошибся. Тендеръ вышелъ не 15-го, а 11 октября.

**) Опись эта составлена поручикомъ корпуса флотскихъ штурмановъ Кузьминымъ (однофамильцемъ погибшаго командира тендера) въ 1831 году по порученію бывшей россійско-американской компаніи.

***) Маленькая шлюпка съ двумя гребцами.

закономъ: не высылать судовъ позже 20-го сентября въ рейды съ продовольствіемъ? Какъ же не дать средствъ для поданія помощи судамъ, подходящимъ къ пустыннымъ берегамъ съ продовольствіемъ, а черезъ неимѣніе этихъ средствъ предоставлять людей, живущихъ въ пустыняхъ, рисковать снабженіемъ въ продовольствіи, безъ котораго они въ суровомъ климатѣ остаются аки птицы небесныя, не имѣя что съѣсть. Но у птицъ крылья есть, онѣ долетятъ къ пищѣ, а человѣку невозможно по пустынямъ перескочить 1.200 верстъ до перваго жилья—города Якутска.

«Я предвижу,—заключаетъ адмиралъ:—если не отмѣнится въ такихъ способахъ снабженіе продовольствіемъ Удскаго и Охотскаго краевъ, какъ произведено въ 1858 году, то бѣдствія судовъ и людей будутъ неизбѣжно повторяться и впредь».

По поводу этой записки возбуждена была переписка съ генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири и начальникомъ Приморской области и командиромъ портовъ Восточнаго океана, пославшимъ ветхій тендеръ въ столь позднее время года. Адмиралъ губернаторъ Приморской области отвѣчалъ, что въ то время въ Николаевскѣ-на-Амурѣ не было другого судна, и потому онъ послалъ «Камчадалъ», при чемъ, между прочимъ, объяснилъ, что командиръ погибшаго судна не видѣлъ опасности плаванія.

Генералъ-аудиторіатъ, разсмотрѣвъ слѣдственное дѣло и соображая всѣ обстоятельства, нашелъ, что соображенія, высказанныя въ запискѣ адмирала Завойка, вполнѣ основательны, что тендеръ «Камчадалъ» едва ли могъ считаться благонадежнымъ для зимняго плаванія, и что объясненія мѣстнаго начальства, что командиръ «Камчадала» полагалъ плаваніе безопаснымъ, не могутъ быть признаны достаточными для устраненія сомнѣній о томъ, «не вслѣдствіе ли слишкомъ поздняго и несвоевременнаго отправленія тендера «Камчадалъ» послѣдовала гибель онаго и всей бывшей на немъ команды».

Несмотря на такое заключеніе генералъ-аудиторіата, онъ однако не нашелъ «достаточныхъ основаній» къ положительному обвиненію кого-либо въ самой погибели тендера и направленію дѣла къ судебному разбирательству и постановилъ: «слѣдственное о семъ дѣло оставить безъ дальнѣйшихъ послѣдствій», поставивъ лишь на видъ главному портовому начальству въ портахъ Восточнаго океана вышеупомянутыя соображенія генералъ-аудиторіата, «для предупрежденія на будущее время подобныхъ гибельныхъ послѣдствій, которыя въ

извѣстныхъ случаяхъ могутъ быть нерѣдко предотвращаемы благовременной заботливостью и ближайшей попечительностью мѣстнаго начальства».

И затѣмъ дѣло о гибели «Камчадала» было предано забвенію. Не забыли о несчастномъ тендерѣ и, быть-можетъ, о предполагаемыхъ виновникахъ его гибели лишь семьи почившихъ.

III. Взрывъ «Пластуна».

Отрядъ судовъ, состоящій изъ корветовъ «Рында» и «Новикъ» и клипера «Пластунъ», подъ командой флигель-адъютанта, капитана 1-го ранга А. А. Попова, имѣвшаго свой брейдъ-вымпелъ на «Рындѣ», возвращался изъ трехлѣтняго кругосвѣтнаго плаванія на родину и былъ уже въ Финскомъ заливѣ. 18-го августа 1860 года эта маленькая эскадра, пользуясь свѣжимъ попутнымъ вѣтромъ, неслась домой подъ всѣми парусами, узловъ по десяти въ часъ. Еще день плаванія, и всѣ три товарища, плывшіе изъ Копенгагена вмѣстѣ, будутъ наконецъ въ Кронштадтѣ.

Нечего и прибавлять, что моряки, возвращавшіеся домой, были въ самомъ радостномъ настроеніи.

Еще наканунѣ съ флагманскаго корвета былъ сдѣланъ сигналъ: «имѣете время привести судно въ порядокъ»,—и на всѣхъ судахъ эскадры прибрались: чистились, красились, мылись, скоблились, чтобы явиться домой въ томъ нарядномъ, безукоризненномъ видѣ, какимъ вообще отличаются военныя суда.

На «Пластунѣ» въ этотъ день приводили въ порядокъ и вычищали крюйтъ-камеру,—небольшое, тщательно закрытое мѣсто въ передней части судна, быстро наполняемое водой, въ случаѣ необходимости,—гдѣ хранятся порохъ, снаряды и все, касающееся артиллерійскаго снабженія. Разумѣется, были приняты всѣ обычныя мѣры предосторожности, обязательныя въ такихъ случаяхъ: всѣ огни были потушены на клиперѣ, команда вызвана наверхъ, и въ крюйтъ-камеру для ея очистки отправились завѣдующій ею артиллерійскій унтеръ-офицеръ Савельевъ и пять человѣкъ матросовъ, которые работали тамъ при особо-устроенномъ, герметически закрытомъ фонарѣ, зажигаемомъ извнѣ, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ старшаго офицера и ревизора.

Къ пяти часамъ пополудни всѣ работы въ крюйтъ-камерѣ были окончены, и, по показанію одного изъ немногихъ оставшихся въ живыхъ свидѣтелей, въ ней еще находился лишь

одинъ унтеръ-офицеръ Савельевъ,—какъ въ пять часовъ восемь минутъ раздался страшный взрывъ...

«Мы бросились наверхъ,—такъ описываетъ первый моментъ послѣ взрыва бывшій на «Новикѣ» докторъ Вышеславцевъ, извѣстный авторъ «Очерковъ кругосвѣтнаго плаванія перомъ и карандашомъ»:—«Пластунъ» еще шелъ... Вся передняя его часть отъ грота-мачты была закрыта массою бѣлаго, тяжелаго дыма, бригротъ въ клочкахъ, гротъ-марсель и брамсель еще стояли... Страшная, незабвенная минута!.. Но не было времени ужасаться или молиться; каждаго изъ насъ призывалъ долгъ—долгъ скорой помощи. Первый понялъ это нашъ капитанъ, и громкій голосъ его наэлектризировалъ людей, готовыхъ броситься, казалось, за бортъ, чтобы подать помощь погибавшимъ товарищамъ... Мы въ одинъ моментъ спустились; едва положили руль на бортъ, всѣ бросились на другую сторону, чтобы не потерять даже минуты, но «Пластуна» уже не было... Дымъ непроницаемый, тяжелый поднялся отъ воды, поверхность которой грозно клокотала. Мы увидѣли на обломкахъ деревъ, на всплывшихъ койкахъ людей, по временамъ вскрываемыхъ волненіемъ. «Новикъ», спустившись, быстро подошелъ къ мѣсту катастрофы и съ невообразимой быстротой сбросилъ всѣ шлюпки, въ которыя кинулись всѣ, кому слѣдовало быть на нихъ».

Съ момента взрыва клиперъ (вѣрнѣе, часть его) пробылъ на водѣ всего три минуты и затѣмъ исчезъ на глубинѣ 70 саженъ.

Благодаря быстротѣ, съ которой бросились на помощь шлюпки съ корветовъ «Рында» и «Новикъ», были спасены три офицера, докторъ и 30 матросовъ. Погибли при взрывѣ и частью утопли: командиръ, старшій офицеръ, ревизоръ и четыре офицера, всего 7 офицеровъ и 68 нижнихъ чиновъ, въ числѣ которыхъ, разумѣется, и артиллерійскій унтеръ-офицеръ Савельевъ, игравшій въ этой гибели, какъ ходила молва, роль мстителя за жестокое съ нимъ обращеніе командира и старшаго офицера.

Трагическая гибель клипера произвела въ то время потрясающее впечатлѣніе на моряковъ и вызвала массу толковъ. Какъ-то не вѣрилось, чтобы на суднѣ въ эскадрѣ А. А. Попова, извѣстнаго во флотѣ своей энергіей, настойчивостью и требовательностью, взрывъ могъ произойти отъ неосторожности при очисткѣ крюйтъ-камеры. Къ тому же «Пластунъ» былъ всегда въ образцовомъ порядкѣ, и командиръ его и старшій офицеръ были педантическіе служаки. Вотъ почему въ морскомъ обществѣ циркулировали слухи объ умышленности

взрыва вмѣстѣ съ разсказами о жестокомъ будто бы обращеніи капитана и его помощника съ командой и въ особенности съ артиллерійскимъ унтеръ-офицеромъ Савельевымъ.

И это казалось тѣмъ болѣе страннымъ, что въ то время во флотѣ уже проектировалась реформа объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній, и новыя, просвѣтительныя и гуманныя вѣянія явились какъ бы реакціей противъ прежней жестокости. Благодаря просвѣщеннымъ взглядамъ тогдашняго генералъ-адмирала, великаго князя Константина Николаевича, бывшаго убѣжденнымъ врагомъ позорныхъ наказаній, даже и завзятые любители порокъ писали въ то время статьи въ «Морскомъ Сборникѣ» противъ тѣлесныхъ наказаній, и всѣ вообще старались на судахъ практиковать болѣе мягкое обращеніе съ матросами. Таково было знаменіе времени наканунѣ шестидесятыхъ годовъ!

Къ этому надо прибавить, что и начальникъ отряда А. А. Поповъ далеко не былъ покровителемъ жестокости. Онъ и въ это плаваніе съ своимъ отрядомъ и затѣмъ въ послѣдующія свои дальнія плаванія съ эскадрами, въ качествѣ флагмана-адмирала, отличался и необыкновенной заботливостью о матросахъ и гуманнымъ къ нимъ отношеніемъ, и строго слѣдилъ, чтобы на судахъ его эскадры командиры и офицеры не проявляли жестокости и избѣгали тѣлесныхъ наказаній и кулачной расправы.

Я хорошо помню, какъ почтенный адмиралъ, пріѣхавшій изъ Россіи къ намъ на эскадру Тихаго океана въ 1861 году, былъ возмущенъ, когда узналъ, что на одномъ изъ корветовъ одинъ юный гардемаринъ приказалъ высѣчь матроса. Адмиралъ «разнесъ» тогда и капитана, допустившаго у себя на суднѣ такой «произволъ», и такъ «налетѣлъ» на гардемарина, такъ бѣшено кричалъ на него, грозя по своему обыкновенію, во время гнѣвныхъ вспышекъ, надѣть на виновнаго матросскую куртку, такъ срамилъ его при всѣхъ, что этотъ «разносъ» надолго остался въ памяти на эскадрѣ.

И однако, какъ несомнѣнно выяснилось на слѣдствіи изъ показаній большей части свидѣтелей нижнихъ чиновъ (офицеры-свидѣтели почему-то умалчивали или отрицали), на клиперѣ «Пластунъ» свирѣпствовали дѣйствительно «жестокіе» нравы. Командиръ и старшій офицеръ далеко не отличались мягкостью и нарушали законъ, наказывая тѣлесно даже и тѣхъ нижнихъ чиновъ унтеръ-офицерскаго званія, которые по закону были избавлены отъ такихъ наказаній.

Незнаніе начальника отряда о такомъ обращеніи могло объясняться лишь тѣмъ, что «Пластунъ» не всегда находился въ

составѣ отряда, а имѣлъ отдѣльныя плаванія, а на смотрахъ, которые дѣлалъ клиперу флагманъ, никакихъ претензій на жестокое обращеніе не заявлялось. Почему не заявлялось—это осталось открытымъ вопросомъ и послѣ слѣдствія.

Особая комиссія подъ предсѣдательствомъ вице-адмирала Панфилова, назначенная, по приказанію генералъ-адмирала, для выясненія причинъ взрыва клипера, не пришла ни къ какому опредѣленному заключенію, ограничившись предположеніемъ, что взрывъ могъ произойти отъ неосторожности или отъ злого умысла, и такъ какъ во время взрыва въ крюйтъ-камерѣ находился одинъ унтеръ-офицеръ Савельевъ, то и то и другое могло произойти непосредственно отъ него.

Подозрѣніе на то, что клиперъ былъ умышленно взорванъ Савельевымъ, высказано было передъ слѣдственной комиссіей артиллерійскимъ же кондукторомъ Ѳедоровымъ. По его словамъ, Савельевъ могъ быть озлобленъ на командира. Обращеніе съ командой было худое, команда не любила своего капитана за его жестокое обращеніе. За всякую малость, если кто плюнетъ на палубу, давалъ по сту линьковъ. Однажды старшій офицеръ потребовалъ отъ баталера *) уксусу, и когда тотъ отвѣтилъ ему: «вы не пустили меня безъ приказанія командира на берегъ, то и я безъ приказанія командира не могу вамъ дать уксусу»,—то старшій офицеръ подалъ рапортъ командиру и далъ баталеру 328 линьковъ.

По словамъ того же свидѣтеля, обращеніе съ Савельевымъ было невозможное: его очень часто били и наказывали линьками какъ самъ командиръ, такъ и старшій офицеръ. Однажды Савельевъ, по приказанію старшаго офицера, за нечистоту въ крюйтъ-камерѣ, былъ привязанъ на бакѣ къ бугшприту, руки назадъ. Разъ дали ему пять линьковъ за то, что въ кубрикѣ, за которымъ онъ смотрѣлъ, валялась матросская шинель. Ѳедоровъ тѣмъ болѣе предполагалъ умышленность взрыва со стороны Савельева, что старшій офицеръ велѣлъ Савельеву, по окончаніи работъ въ крюйтъ-камерѣ въ день взрыва, идти на бакъ, и слышалъ, что приказано было приготовить линьки для наказанія его. Савельевъ же во время работъ былъ замѣтно выпивши—онъ выпилъ двѣ чарки рома,—а хмельной онъ былъ отчаянный и не слушалъ въ то время даже офицеровъ. Трезвый онъ былъ смирный. Пьянствовать началъ Савельевъ по выходѣ изъ Николаевска и въ Шербургѣ купилъ у матроса Макарова за мѣсяцъ впередъ винную порцію.

---

*) Унтеръ-офицеръ, завѣдующій провизіей.

Показаніе кондуктора Ѳедорова объ обращеніи командира было подтверждено и свидѣтельскими показаніями 18 человѣкъ нижнихъ чиновъ. По ихъ словамъ, и командиръ и старшій офицеръ часто (одинъ свидѣтель утверждалъ, что каждый день) били Савельева по лицу, наказывали линьками, ставили на ванты, сажали на бакъ. Боцманъ Ларіоновъ показалъ, что онъ, по приказанію начальства, два раза наказывалъ Савельева линьками, а матросъ Алексѣевъ говорилъ, что передъ взрывомъ старшій офицеръ спросилъ Савельева: «Скоро ли онъ окончитъ работу?» и приказалъ, по окончаніи ея, отправиться на бакъ.

Что значило это: «отправиться на бакъ», гдѣ обыкновенно производятся экзекуціи, Савельевъ, разумѣется, отлично зналъ.

Изъ показаній офицеровъ на слѣдствіи приводится лишь одно категорическое отрицаніе жестокости тѣлесныхъ наказаній. Другіе свидѣтели-офицеры показывали только, что они «не помнятъ, чтобы на ихъ вахтахъ наказывали тѣлесно Савельева».

Но кто этотъ Савельевъ, котораго, по признанію самой слѣдственной комиссіи, дѣйствительно жестоко наказывали и настолько придирчиво и систематически, что могли, по ея словамъ, «довести до отчаянія»? Что онъ, въ самомъ дѣлѣ, былъ закоренѣлый негодяй, буйный строптивецъ, съ которымъ не могло быть иной «справы», кромѣ порки и битья!?

Къ крайнему изумленію, изъ дѣла выяснилось, что эта жестокость примѣнялась къ человѣку, о характерѣ и поведеніи котораго *всѣ* нижніе чины клипера дали одобрительные отзывы. По словамъ матросовъ, «Савельевъ былъ человѣкъ хорошій, тихаго и кроткаго нрава, и даже выпивши не былъ человѣкъ задорный, а только дѣлался веселѣе». Такіе же отзывы дали о немъ и офицеры, какъ спасшіеся съ «Пластуна», такъ и прежде на немъ служившіе и знавшіе Савельева. Всѣ они засвидѣтельствовали, что Савельевъ былъ «тихаго нрава, но лѣнивъ и безпеченъ; хотя онъ и бывалъ иногда въ хмельномъ видѣ, но не дѣлался черезъ то дерзкимъ».

На основаніи жестокости обращенія съ Савельевымъ командира и старшаго офицера, слѣдственная комиссія и допускала возможность умышленности взрыва и въ подтвержденіе своего мнѣнія приводила, между прочимъ, слѣдующее:

«Савельевъ былъ человѣкъ лѣнивый, безпечный и не совсѣмъ трезвый. Строгость же командира и старшаго офицера нерѣдко доходила до того, что, кромѣ тѣлесныхъ наказаній, его ставили на ванты, привязывали къ бугшприту и били по лицу, такъ что рѣдкій день могъ пройти ему безъ обиды. По-

нятно, что такая жизнь въ продолженіе трехъ лѣтъ могла довести до отчаянія; передъ самымъ же взрывомъ старшій офицеръ приказалъ ему идти на бакъ для наказанія по окончаніи работъ. Савельевъ же, съ нѣкотораго времени предававшійся излишнему употребленію вина и, какъ должно полагать, въ утѣшеніе отъ испытываемаго имъ взысканія, въ этотъ день также выпилъ двойную порцію рому. Хотя послѣ того прошло уже пять часовъ, но, работая въ душной и тѣсной крюйтъ-камерѣ, доведенный побоями и угрозами до крайности, онъ, подъ вліяніемъ предстоящаго наказанія, *могъ*, при своей безхарактерности и малодушіи, въ минуту досады рѣшить положить всему конецъ—лишить себя жизни вмѣстѣ со всѣми своими сослуживцами на клиперѣ».

Давая такое заключеніе, имѣвшее, разумѣется, вѣроятность съ психологической точки зрѣнія, слѣдственная комиссія однако оговаривается, что большинство сослуживцевъ Савельева отвергаетъ возможность этого умысла, и только одинъ кондукторъ Ѳедоровъ предполагаетъ его.

Слѣдственное дѣло поступило обычнымъ порядкомъ въ морской генералъ-аудиторіатъ, который самымъ энергичнымъ образомъ отрицалъ умышленность взрыва, находя, что важность подобнаго преступленія воспрещаетъ взводить такое подозрѣніе хотя бы и на умершаго человѣка, даже въ смыслѣ вѣроятности о возможности такого злоумышленнаго поступка.

У почтенныхъ адмираловъ, членовъ верховнаго судилища, была другая «психологическая» точка зрѣнія на человѣческую натуру, и они полагали, что «человѣкъ не съ злодѣйскими наклонностями можетъ рѣшиться на подобное злое дѣло не иначе, какъ въ минуту совершеннаго опьянѣнія, доходящаго до самозабвенія, или какъ въ порывѣ яростнаго умопступленія, затмевающаго всякое сознаніе о своемъ дѣйствіи».

Ничего подобнаго изъ дѣла предположить нельзя, по мнѣнію генералъ-аудиторіата, и потому онъ положилъ: «устранить всякое подозрѣніе на погибшаго унтеръ-офицера Савельева въ умышленномъ взрывѣ».

Тѣмъ не менѣе возможность сего подозрѣнія заставила почтенныхъ адмираловъ вникнуть въ причины его, и вотъ что, между прочимъ, высказали они, въ справедливое поученіе, не теряющее своего значенія и нынѣ, объ обязанностяхъ флотскаго офицера:

«Изъ дѣла обнаруживается, что обращеніе командовавшаго клиперомъ и старшаго офицера съ командою вообще, а съ унтеръ-офицеромъ Савельевымъ въ особенности, не отличалось человѣколюбивою обходительностью, сопровождаясь превыше-

ніемъ власти, что̀ заслуживаетъ всякаго порицанія. Изъ совокупности показаній надо заключить, что командовавшій клипером и старшій офицеръ считали побои своими руками дѣломъ обыкновеннымъ, тогда какъ подобное взысканіе не только не дозволяется положеніемъ объ исправительныхъ наказаніяхъ, но, въ виду собственнаго достоинства офицеровъ и въ предупрежденіе дурныхъ послѣдствій, строго воспрещается начальствомъ. Никогда флотскій офицеръ, истинно понимающій свой долгъ, не долженъ обращаться къ подобному излія-нію своего неудовольствія. Такъ, независимо побоевъ Савельева по лицу, часто повторяющихся, онъ былъ подвергаемъ и наказанію линьками и постановленію на ванты, тогда какъ унтеръ-офицерское званіе его и возложенныя на него обязанности артиллерійскаго содержателя—должности, которыя требуютъ непремѣнно для усерднаго ихъ исполненія нѣкотораго нравственнаго поощренія — обязывали командовавшаго клипером не допускать какого бы то ни было униженія Савельева въ глазахъ команды. Наконецъ, еще приводимый Ѳедоровымъ примѣръ о дачѣ баталеру 328 линьковъ подтверждается и другими нижними чинами. Въ сихъ-то причинахъ, поселившихъ нелюбовь и непріязненныя чувства въ нижнихъ чинахъ къ командовавшему клипером и старшему офицеру, и заключается объясненіе того, почему появилась мысль о возможности умышленности взрыва со стороны унтеръ-офицера Савельева».

Устранивъ такимъ образомъ предположеніе о злом умыслѣ, морской генералъ-аудиторіатъ не пришелъ, какъ не пришла и слѣдственная комиссія, къ опредѣлительному выводу, отъ чего именно и какимъ именно образомъ послѣдовало воспламененіе въ крюйтъ-камерѣ и затѣмъ взрывъ ея, и полагалъ: «1) гибель клипера «Пластунъ» отнести къ несчастью по неосторожности, вслѣдствіе бывшаго на немъ безпорядка по артиллерійской части; 2) такъ какъ виновные въ этихъ безпорядкахъ погибли при послѣдовавшемъ взрывѣ, то настоящее дѣло оставить безъ дальнѣйшихъ послѣдствій, а убытки по стоимости клипера и всего бывшаго на немъ и у нижнихъ чиновъ имущества принять на счетъ казны, и 3) спасшимся съ клипера «Пластунъ» офицерамъ, медику и нижнимъ чинамъ, какъ ни въ чемъ непричастнымъ въ гибели клипера, выдать невзачетъ, на основаніи 641 ст. III книги свода морскихъ уголовныхъ постановленій: офицерамъ полугодовое, а нижнимъ чинамъ годовые оклады жалованья, и сверхъ того выдать нижнимъ чинамъ обмундированіе, какое кому слѣдовать будетъ».

Такимъ образомъ закончилось это дѣло о трагической ги-

бели «Пластуна», и истинная причина взрыва, какъ видятъ читатели, осталась погребенною на днѣ моря вмѣстѣ съ его жертвами, среди которыхъ одинъ только злосчастный человѣкъ, испытавшій на клиперѣ всѣ ужасы жестокости и обидъ, могъ бы повѣдать настоящую правду и разрѣшить психологическую загадку.

Несмотря однако на то, что начальство сняло съ памяти Савельева тяжкое обвиненіе, среди матросовъ еще долго ходили разсказы, принявшіе потомъ нѣсколько легендарный характеръ, о томъ, что «Пластунъ» былъ взорванъ изъ мести тихимъ и кроткимъ человѣкомъ, доведеннымъ до отчаянія.

Въ 1860 году, черезъ два мѣсяца послѣ катастрофы съ «Пластуномъ», я отправился въ кругосвѣтное плаваніе на корветѣ «Калевала». На этомъ корветѣ служилъ одинъ матросъ, спасшійся, въ числѣ немногихъ, съ «Пластуна». Это былъ молодой, славный и добродушный парень, служившій на погибшемъ клиперѣ юнгой.

Однажды во время спокойной ночной вахты въ тропикахъ, когда обыкновенно матросы въ тихихъ бесѣдахъ коротаютъ эти волшебныя тропическія ночи, полныя мягкой свѣжести, я услышалъ, что въ одной кучкѣ, собравшейся на ютѣ, кто-то говоритъ о взрывѣ «Пластуна».

Я подошелъ къ матросамъ. Разсказывалъ молодой матросъ, служившій на «Пластунѣ», и съ увѣренностью объяснялъ слушателямъ, что клиперъ былъ взорванъ Савельевымъ.

— Его рукъ дѣло. Не кто какъ онъ!—заключилъ молодой матросъ.

— Ты и на допросахъ такъ показывалъ?—спросилъ кто-то.

— Нѣтъ, братцы... Когда меня привели въ эту самую «слѣдовательную» комиссію, и какъ увидалъ я адмираловъ и капитановъ, такъ оторопь меня взяла... Знать, молъ, ничего не знаю, ваше превосходительство! Да и какъ скажешь зря на человѣка... А, можетъ, это и не онъ... Кто его знаетъ?

— Такъ вѣдь ты говоришь, что онъ?

— Безпремѣнно онъ!—снова повторилъ съ увѣренностью матросикъ.

И, помолчавъ, прибавилъ:

— Такъ я про себя, по совѣсти полагаю, братцы, а ежели заставь меня на него доказывать... Слава Богу, на мнѣ крестъ есть... Ни слова про него не скажу... Зачѣмъ тревожить покойника!—прибавилъ матросикъ и смолкъ...

IV. Крушеніе эскадры и гибель тендера.

I.

Зимой по временамъ у сѣверо-восточнаго побережья Чернаго моря свирѣпствуютъ жестокіе ураганы, извѣстные подъ мѣстнымъ названіемъ «боры».

Разрушительная сила этого страшнаго вихря, несущагося съ горъ, ужасна, но, по счастью, бора страшна лишь для судовъ, находящихся у самыхъ береговъ. Чѣмъ дальше отъ нихъ, тѣмъ бора слабѣе. Находясь въ значительномъ разстояніи отъ берега, моряки иногда даже и не догадываются о борѣ.

Районъ ея не великъ и захватываетъ часть кавказскаго берега отъ Анапы до Туапсе (бывшій портъ Вельяминова). Южнѣе она слабѣетъ и переходитъ въ довольно свѣжій зюйдъ-остъ, не имѣющій ни стремительности ни порывистости настоящей боры.

Страшна бора во всемъ своемъ владѣніи, но нигдѣ она не бушуетъ съ такою яростью, какъ въ Новороссійскомъ заливѣ, въ вершинѣ котораго расположенъ Новороссійскъ. Въ этомъ заливѣ, окруженномъ горами, бора дѣлается такимъ ужаснымъ, разрушительнымъ ураганомъ, сравнить который можно только съ ураганомъ Индійскаго океана.

Предвѣстниками боры въ Новороссійскѣ являются небольшіе клочки облаковъ, которые, при совершенно чистомъ небѣ, показываются на горахъ; эти облачки вскорѣ словно бы отрываются и исчезаютъ, и вмѣсто нихъ появляются изъ-за горъ новыя. Въ то же время съ горъ налетаютъ первые порывы вѣтра, мѣняясь въ своемъ направленіи болѣе чѣмъ на четыре румба. Порывы эти набѣгаютъ все чаще и чаще, сильнѣе и сильнѣе, и наступаетъ настоящая бора.

Одинъ изъ моряковъ стараго черноморскаго флота, испытавшій не разъ бору, даетъ слѣдующую ея картину:

«Несясь съ невыразимою силою съ горъ порывами, бора достигаетъ залива, вздымаетъ воду частыми гребнями, срываетъ верхи ихъ и, несясь водяной пылью, кропитъ ею на берегу зданія и отдаленныя деревья, срываетъ желѣзныя крыши и сворачиваетъ ихъ въ тонкую трубку. Человѣкъ, застигнутый порывомъ боры на площади, прилегаетъ къ землѣ и, предавшись волѣ вѣтра, катится до первой преграды. Зимою, при морозѣ въ 16 градусовъ и болѣе, срываемая вѣтромъ вода, примерзая къ корпусу и рангоуту судовъ, образуетъ родъ ледяной коры, безпрестанно увеличивающейся въ объемѣ.

Люди, обрубая ледъ, смѣняются постоянно, язвимые въ лицо, какъ бы иглами, мерзнущею водяною пылью; платье на нихъ леденѣетъ; всѣ члены костенѣютъ. На суднѣ, сквозь оглушительный, заунывный свистъ вѣтра, нѣтъ никакой возможности отдавать приказанія; вода въ заливѣ, при порывистыхъ вихряхъ боры, кажется клокочущею. Отъ страшнаго завыванія вѣтра, сопровождаемаго протяжнымъ, сливающимся въ одинъ гулъ, оглушительнымъ трескомъ, въ нѣсколькихъ кабельтовахъ нельзя слышать пушечныхъ выстрѣловъ; весь заливъ покрывается густою, мрачною мглою, сквозь которую никакое зрѣніе не можетъ отличить предметовъ въ нѣсколькихъ саженяхъ. Иногда только въ зенитѣ видно, небольшимъ кругомъ, чистое небо. Ночью, отъ густоты воздуха и необыкновенной быстроты его теченія, звѣзды какъ будто дрожатъ на небѣ».

II.

Двѣнадцатаго января 1848 года отрядъ судовъ черноморскаго флота, посланный для крейсерства у береговъ Кавказа, стоялъ на Новороссійскомъ рейдѣ. Въ тѣ времена непрерывной войны съ горцами присутствіе судовъ было необходимо и для содѣйствія нашимъ войскамъ, дѣйствовавшимъ на восточномъ побережьѣ, и для снабженія ихъ продовольствіемъ, и наконецъ для блокады береговъ.

Эскадру, бывшую подъ начальствомъ контръ-адмирала Юрьева, составляли: фрегатъ «Мидія», корветъ «Пиладъ», бригъ «Паламедъ», шкуна «Смѣлая» и тендеръ «Струя». Кромѣ того на рейдѣ стояли суда кавказскаго вѣдомства: пароходъ «Боецъ» и транспортъ «Гостогай».

Суда отряда были на «мертвыхъ» якоряхъ, т. е. имѣли цѣпи свои приклепанными къ рымамъ бочекъ, которыя держатся на нѣсколькихъ якоряхъ, а «Боецъ» и «Гостогай» стояли на своихъ якоряхъ, такъ какъ бочекъ съ мертвыми якорями на рейдѣ больше не было.

Всѣ суда отряда были, разумѣется, въ томъ образцовомъ порядкѣ, какимъ всегда щеголялъ черноморскій флотъ во времена Лазарева, и командирами судовъ были лихіе моряки-черноморцы, считавшіе за честь, когда ихъ суда посылали въ зимнее, полное опасности, кавказское крейсерство.

Съ утра этого январскаго дня погода стояла непостоянная, и вѣтеръ дулъ, переходя всѣ румбы. Въ полдень начали показываться смерчи—покажутся и исчезнутъ. Одинъ изъ нихъ, появившійся подъ носомъ корвета «Пиладъ», съ такою силою обрушился на корветъ, что цѣпи его, толщиною въ $1^3/_8$ дюйма, мгновенно лопнули, и корветъ былъ сорванъ съ бочки. Тот-

часъ же были брошены на корветѣ свои два якоря, и корветъ задержался. Это нападеніе смерча было, такъ сказать, предвѣстникомъ дальнѣйшихъ бѣдствій.

Вѣтеръ начиналъ свѣжѣть съ страшной быстротой. Барометръ падалъ. Все предвѣщало бору, и съ адмиральскаго фрегата былъ сдѣланъ сигналъ: «спустить стеньги и нижнія реи».

Сигналъ былъ тотчасъ же исполненъ, и на всѣхъ судахъ приготовились къ встрѣчѣ страшнаго врага.

Но онъ свирѣпѣлъ все болѣе и болѣе. Горы и рейдъ покрылись непроницаемымъ туманомъ, воздухъ былъ наполненъ оледянѣлыми брызгами, которыя примерзали къ стеньгамъ и рангоуту и образовывали огромныя глыбы льда, грозившія серьезной опасностью погрузить своею тяжестью бѣдствующія суда.

Настала ночь—ужасная ночь, полная ужаса и непроницаемаго мрака. Бора ревѣла съ силой бѣшенаго урагана при морозѣ въ 14 градусовъ. Среди дьявольскаго гула бури и мрака ночи на каждомъ изъ судовъ работали моряки, полузамерзшіе, часто зашибаемые кусками льда, величиною съ пушечное ядро, падающими со снастей, употребляя невѣроятныя усилія, чтобы спасти свои суда... Въ эту ночь съ флагманскаго фрегата видѣли по направленію къ тендеру вспышки двухъ сигнальныхъ ракетъ, слышали какъ будто четыре выстрѣла, и адмиралъ ночнымъ сигналомъ приказалъ повторить чужой сигналъ; но сигналъ повторенъ не былъ, и огонекъ ужъ не мелькнулъ.

Наступилъ разсвѣтъ, но не принесъ утѣшенія. Бора достигла апогея своей силы. Все кругомъ было въ водяной мглѣ, и ничего не было видно въ нѣсколькихъ саженяхъ. Въ девятомъ часу утра нѣсколько расчистилось, и тогда представилась слѣдующая картина.

На рейдѣ оставались на своихъ якоряхъ только флагманскій фрегатъ «Мидія», погруженный носомъ въ воду почти до клюзовъ, и шкуна «Смѣлая», едва виднѣющаяся въ туманѣ и почти до бортовъ сидѣвшая въ водѣ.

Бригъ «Паламедъ» съ переломленной грот-мачтой безпомощно бился на каменномъ рифѣ; пароходъ «Боецъ» лежалъ совсѣмъ на боку, на мели, выброшенный къ берегу, а дальше за карантиномъ транспортъ «Гостогай» тоже былъ на мели кормою, но еще удерживаемый якорями противъ вѣтра. Корветъ «Пиладъ» дрейфовалъ къ берегу, и подъ вѣтромъ у «Пилада» кипѣли буруны, какъ вода въ паровомъ котлѣ... Но корветъ еще держался и только къ ночи, потерявъ руль, былъ брошенъ на мель.

Но гдѣ же тендеръ «Струя», этотъ красавецъ и хорошій ходокъ, со своей высокой мачтой?

Вмѣсто тендера надъ бѣснующимся моремъ торчала лишь верхушка мачты, словно крестъ надъ свѣжей могилой, въ которой погребенъ былъ весь экипажъ: командиръ, оставившій сиротами жену и пять человѣкъ дѣтей, два офицера и сорокъ пять человѣкъ команды.

Тендеръ погибъ, погруженный массою льда, покрывшаго судно сплошной корой и отъ котораго тщетно хотѣли избавиться бѣдные моряки.

Впослѣдствіи, когда тендеръ былъ поднятъ со дна моря, оказалось, что командиромъ приняты были всѣ мѣры къ отвращенію гибели: бугшпритъ вдвинутъ, орудія перетащены на корму (для облегченія обледенѣвшаго носа), цѣпи отъ бочки расклепаны, вѣроятно, съ цѣлью идти въ берегъ, когда наступила минута гибели. Носовая часть оказалась вся покрытой массою льда, и изломанные топоры, интрипели и другое абордажное оружіе свидѣтельствовали, съ какимъ усиліемъ отчаянія матросы обрубали ледъ, желая освободиться отъ этого жестокаго врага, насѣдающаго на тендеръ. И въ то время, когда все на немъ замерзло, быть-можетъ, все-таки надежда до послѣдней минуты не замерзла въ сердцахъ этихъ людей, отстаивавшихъ свою жизнь.

Еще раньше того, чѣмъ былъ поднятъ тендеръ, спускавшіеся водолазы нашли нѣсколько жертвъ, но различить трупы не было возможности. Только трупъ капитана узнали по его часамъ, найденнымъ въ карманѣ. Они остановились на 10½ часахъ. Это было единственное свидѣтельство, по которому можно было, хотя приблизительно, опредѣлить часъ трагической гибели тендера.

III.

Бора не утихала, и на судахъ, терпѣвшихъ крушеніе, переживали безконечно долгіе и безконечно мучительные часы.

Первымъ «страдальцемъ» новороссійской боры былъ бригъ «Паламедъ».

Его сорвало съ мертвыхъ якорей ночью. Бросили свои три якоря, и бригъ держался, но сильное волненіе выбило передній бортъ, и съ этой минуты положеніе брига стало весьма опаснымъ. Три раза пробовали заколачивать бортъ изнутри досками, и напрасно. Волны легко выпирали эти доски, отбрасывая работающихъ людей, вливаясь на бакъ, и, превращаясь въ ледъ, погружали переднюю часть брига все болѣе и болѣе. Масса наружнаго льда, покрывавшаго носовую часть,

увеличивала серьезность положенія. Бригъ съ трудомъ поднимался на волненіи, и волны свободно перекатывались черезъ бакъ, дѣлая невозможнымъ обрубать ледъ.

Въ четвертомъ часу бригъ сталъ дрейфовать. Онъ ударился кормою о рифъ и потерялъ руль. Удары продолжались все чаще и сильнѣе, трюмъ и кубрикъ наполнились водой, и бригъ повалило совсѣмъ на бокъ и било о рифъ всѣмъ лагомъ, отчего сломалась и упала за бортъ гротъ-мачта.

Гибель людей казалась неизбѣжною. Тогда капитанъ приказалъ обрубить канатъ якоря съ правой стороны, и на разсвѣтѣ бригъ прибило къ берегу въ близкомъ разстояніи отъ карантиннаго дома.

Но до спасенія еще было далеко. Бора не стихала, и установить сообщеніе разбивающагося брига съ берегомъ было, казалось, невозможнымъ.

Однако пять удальцовъ-матросовъ вызвались передать «конецъ», т. е. веревку, на шестеркѣ, сорванной волненіемъ съ баканцовъ и державшейся на привязи у борта. Перекрестившись, смѣльчаки сѣли въ небольшую шлюпку и направились къ берегу, напутствуемые молитвами товарищей. Всѣ съ замираніемъ сердца слѣдили за маленькой шлюпкой, то скрывающейся, то вновь показывающейся на гребняхъ клокочущихъ волнъ. Уже половина разстоянія до берега была благополучно пройдена ловкими гребцами, и радостная надежда свѣтилась на лицахъ оставшихся на бригѣ, какъ вдругъ... всѣ стали безмолвно креститься. Шлюпка исчезла, опрокинутая волненіемъ, и пятеро смѣльчаковъ сдѣлались жертвами своего самоотверженія.

Наконецъ послѣ полудня бора чуть-чуть ослабѣла, и съ помощью страшныхъ усилій собравшихся на берегу жителей экипажъ брига былъ свезенъ на берегъ. Спасти ничего не могли. Бригъ былъ весь полонъ воды.

Командиръ, всѣ офицеры и многіе изъ матросовъ тотчасъ же отправлены были въ госпиталь. У всѣхъ у нихъ были отморожены руки и ноги.

«Боецъ» отдѣлался сравнительно легко. Подъ разведенными парами и на якоряхъ онъ удерживался на мѣстѣ до четырехъ часовъ утра, но свирѣпая бора заставила его дрейфовать, и къ седьмому часу утра пароходъ былъ прибитъ къ берегу, недалеко отъ пристани. Люди всѣ были спасены.

Транспортъ «Гостогай» былъ выброшенъ на мель вблизи карантина. Спасеніе людей представило большія затрудненія, такъ какъ большая часть матросовъ закоченѣла отъ стужи и едва держалась на ногахъ.

Корветъ «Пиладъ» отстаивался болѣе другихъ судовъ, потерпѣвшихъ крушеніе. На разсвѣтѣ 13-го января, послѣ отчаянной ночи, во время которой никто не смыкалъ глазъ и всѣ заняты были очисткой рангоута и снастей отъ льда, корветъ стало дрейфовать на трехъ якоряхъ къ берегу и продрейфовало саженъ шестьдесятъ. Но затѣмъ якоря задержали, и «Пиладъ» стойко держался противъ боры и только стремительно качался на неправильномъ волненіи, разведенномъ борой, имѣя подъ вѣтромъ страшные буруны. Когда къ полудню ураганъ чуть-чуть ослабѣлъ, у всѣхъ на корветѣ ожила надежда удержаться на якоряхъ, выйдя побѣдителемъ грозной боры. Но послѣ полудня она снова задула съ прежней силой, и бѣдняга-корветъ не выдержалъ новаго нападенія. Его стало дрейфовать, и къ 7 часамъ вечера у него за кормой было 16 футовъ глубины. Вслѣдъ затѣмъ началъ стучать руль: его сняли съ петель и спустили въ воду. Въ девятомъ часу раздался сильный ударъ о дно, и корветъ сталъ биться, все болѣе и болѣе относимый къ берегу. Въ полночь открылась сильная течь, такъ что всѣ пущенныя помпы едва успѣвали откачивать воду. На разсвѣтѣ 14-го января корветъ плотно стоялъ на мели, по счастію, на песчаномъ грунтѣ, въ 40 саженяхъ отъ берега.

Оставалось теперь думать о спасеніи людей. Съ помощью протянутаго на берегъ леера (толстой веревки) начали перевозку экипажа. Первыми, какъ водится, были перевезены больные съ врачомъ и священникомъ. Но съ двухъ часовъ дня снова засвѣжѣло; переправа была остановлена и возобновлена была только на разсвѣтѣ слѣдующаго дня. Благодаря хладнокровію капитана и образцовому порядку, вся команда (бо́льшая часть которой имѣла отмороженныя руки и ноги) была спасена, и къ полудню всѣ матросы и офицеры уже были въ безопасности на берегу. Капитанъ еще оставался на своемъ суднѣ, вода въ которомъ прибывала все болѣе и болѣе. Ледъ, покрывавшій всю его носовую часть съ бугшпритомъ, составлялъ сплошную массу, подъ которою передняя часть судна значительно погрузилась, и трюмъ корвета былъ наполненъ водой наравнѣ съ горизонтомъ моря.

Наконецъ и капитанъ оставилъ корветъ.

Какъ и съ другихъ потерпѣвшихъ крушеніе судовъ, бо́льшая часть офицеровъ корвета и сорокъ человѣкъ команды были отправлены въ госпиталь. Командиръ пострадалъ не менѣе другихъ.

Не едва ли не самыя тяжкія испытанія за эти двое сутокъ борьбы съ борой были перенесены экипажемъ отстоявшейся

шкуны «Смѣлой», спасшейся отъ гибели, подобной гибели тендера «Струя», лишь благодаря нечеловѣческой энергіи и выносливости матросовъ.

По словамъ «Лѣтописи», сообщающей объ этихъ крушеніяхъ, изъ рапорта командира шкуны «Смѣлая» видно, что съ начала боры, въ продолженіе болѣе 47 часовъ, онъ, офицеры и команда находились въ безпрерывной авральной работѣ, занимаясь очисткой льда съ корпуса судна, рангоута и снастей, для чего употреблялось все то, что могло служить къ этой цѣли, даже и абордажное оружіе, раскаленное желѣзо и кипятокъ. Заблаговременно сброшены были съ крамболъ якоря, орудія перетащены къ кормѣ; но всѣ эти предосторожности мало помогали. Шкуна погружалась все болѣе и болѣе, и ей угрожала неминуемая гибель. Въ такомъ положеніи находилась она въ четыре часа утра 14-го января. Не теряя присутствія духа, командиръ прибѣгнулъ къ послѣднимъ средствамъ для облегченія судна. Приказано было сбросить брифокъ-рею, обрубить бугшпритъ съ бакштагами и штагами, и съ величайшею опасностью посланы были матросы для обрубки на мачтахъ всего такелажа. Хотѣли выбросить за бортъ орудія, но къ тому не было никакой возможности. Всѣ орудія, со своими станками, какъ будто приросли къ своимъ мѣстамъ, составляя сплошныя массы льда. Нельзя было также и подумать открыть борты. Всѣ усилія были обращены къ обрубкѣ льда вездѣ, гдѣ только возможно. Командиръ и офицеры, находясь безотлучно при работѣ, несмотря на изнеможеніе и жестокую стужу, поощряли людей. Нѣкоторые изъ офицеровъ и многіе изъ нижнихъ чиновъ подвергались ушибамъ «отъ падающихъ съ мачтъ и стенегъ ледяныхъ глыбъ».

«Такимъ-то напряженнымъ усиліямъ,—заканчиваетъ «Лѣтопись»:—экипажъ и судно обязаны были своимъ спасеніемъ».

Къ этому слѣдуетъ прибавить, по справедливости, и то обстоятельство, что бора, послѣ двухъ сутокъ бѣшенства, наконецъ стихла. Вѣдь есть же предѣлъ и человѣческой энергіи! Люди, безпрерывно работавшіе при жестокой стужѣ болѣе 47 часовъ, могли наконецъ и обезсилѣть въ борьбѣ съ ежеминутно нарастающимъ льдомъ...

Продолжайся бора еще сутки, быть-можетъ, не только маленькая шкуна «Смѣлая», но и адмиральскій фрегатъ «Мидія», погруженный отъ тяжести намерзшаго на его скулахъ (бокахъ у носа) и бугшпритѣ льда до самыхъ клюзовъ, не избавился бы отъ трагической участи, постигшей несчастный тендеръ.

Когда послѣ боры солнце поднялось изъ-за горъ и освѣтило заштилѣвшій новороссійскій рейдъ, изъ всей эскадры, еще двое сутокъ тому назадъ красовавшейся во всемъ великолѣпіи лихихъ военныхъ судовъ, да еще судовъ «Лазаревскаго» черноморскаго флота,—на рейдѣ одинъ только фрегатъ «Мидія» могъ идти въ море. Остальныя, словно раненые звѣри, безпомощно лежали у береговъ. А шкуна «Смѣлая» безъ бугшприта, безъ такелажа, точно ощипанная птица, неподвижно стояла, не имѣя возможности двинуться.

Такова «бора» на Черномъ морѣ.

КРУШЕНІЕ МАТВѢЯ ИВАНОВИЧА.

I.

Однимъ дождливымъ и вѣтренымъ осеннимъ петербургскимъ вечеромъ я отправился навѣстить Матвѣя Ивановича Поморцева, стараго одинокаго холостяка, давно оставившаго морскую службу, сулившую ему видную карьеру, и жившаго на скромную пенсію въ одной изъ дальнихъ линій Васильевскаго острова.

Я зналъ Матвѣя Ивановича еще въ то время, когда онъ былъ на службѣ и считался однимъ изъ лучшихъ капитановъ во флотѣ. Его часто посылали въ дальнія плаванія, и служить съ нимъ было пріятно. Я молодымъ юнцомъ-гардемариномъ служилъ два года съ Матвѣемъ Ивановичемъ, и это время осталось однимъ изъ лучшихъ воспоминаній моей жизни. Да и всѣ офицеры, служившіе съ нимъ, вспоминали всегда о Матвѣѣ Ивановичѣ съ уваженіемъ и любовью, а среди матросовъ, плававшихъ съ нимъ, имя его пользовалось необыкновенной популярностью и чуть ли не являлось въ легендарномъ ореолѣ. Попасть къ нему на судно считалось счастьемъ. Необыкновенно справедливый, заботливый о матросахъ, умѣвшій привязывать къ себѣ людей, онъ никогда не прибѣгалъ къ тѣлеснымъ наказаніямъ даже и въ тѣ старыя времена, когда они считались лучшимъ средствомъ для выучки матросовъ и были на корабляхъ въ большой модѣ.

Въ отставку Матвѣй Ивановичъ вышелъ совсѣмъ неожиданно, изъ-за столкновенія съ адмираломъ, начальникомъ эскадры. Дѣло было въ томъ, что Матвѣй Ивановичъ заступился за одного изъ офицеровъ своего фрегата—молодого мичмана, котораго адмиралъ велѣлъ списать съ судна и отправить въ Россію. Матвѣй Ивановичъ считалъ, что съ молодымъ человѣкомъ было поступлено несправедливо и жестоко, и поставилъ во-

просъ ребромъ, прося измѣнить распоряженіе. Адмиралъ былъ упрямъ и не хотѣлъ сознать свою несправедливость. Между нимъ и капитаномъ произошелъ крупный разговоръ, и Матвѣй Ивановичъ вышелъ въ отставку.

Я особенно любилъ Матвѣя Ивановича за его правдивость, доброту и за ту деликатность чувствъ и чистоту души, которыя такъ рѣдко сохраняются людьми въ житейской сутолокѣ. Одинъ видъ этого невысокаго, сутуловатаго, сѣдого старика,—бодраго, крѣпкаго и отзывчиваго на все доброе, несмотря на свои шестьдесятъ лѣтъ, съ мягкимъ взглядомъ большихъ, ясныхъ сѣрыхъ глазъ и ласковой улыбкой на загорѣломъ, грубоватомъ, суровомъ съ виду лицѣ, благодаря сѣдымъ взъерошеннымъ бровямъ,—успокаивалъ, приводилъ васъ въ хорошее настроеніе, бодрилъ, какъ бодритъ все честное и свѣтлое. Невольно чувствовалось, что этотъ скромный и даже застѣнчивый человѣкъ не зналъ никогда сдѣлокъ съ совѣстью, и жизнь его, полная въ былое время трудовъ и опасностей, чиста, какъ хрусталь.

Занималъ онъ квартирку въ двѣ комнаты съ кухней въ 15-й линіи, у Малаго проспекта, отличавшуюся необыкновеннымъ порядкомъ и удивительной чистотой, столь любимыми моряками. Въ этихъ двухъ маленькихъ, скромно убранныхъ комнаткахъ все блестѣло и сіяло, словно на палубѣ военнаго судна, благодаря усердію Егорова, бывшаго вѣстового Матвѣя Ивановича въ послѣднемъ кругосвѣтномъ плаваніи и съ тѣхъ поръ съ нимъ не разставававшагося. Старый отставной матросъ исполнялъ обязанности и камердинера и повара, при случаѣ и прачки, и еженедѣльно по воскресеньямъ къ вечеру былъ «зарифившись», то-есть напивался пьянъ. Пьяненькій старикъ, очень чувствительный во хмелю, въ такіе воскресные вечера обыкновенно бесѣдовалъ, потягивая водку въ своей сверкавшей чистотой кухнѣ, съ «Куцымъ», неказистой пѣгой дворняжкой, спасенной какъ-то Егоровымъ изъ рукъ фурманщика и съ той поры водворенной на кухнѣ. Заплетая слегка языкомъ, Егоровъ изливался передъ Куцымъ въ своей любви къ барину и разсказывалъ, какъ онъ съ нимъ плавалъ по дальнимъ морямъ и въ какихъ только земляхъ они ни бывали!

И умная пѣгая собачонка съ обрубленнымъ хвостомъ, казалось, внимательно слушала своего хозяина, настороживъ уши и не спуская со старика глазъ, зная очень хорошо, что этотъ человѣкъ съ рыжими засѣдѣвшими баками, короткими щетинистыми усами и осоловѣлыми выцвѣтшими глазами, съ неказистымъ, раскраснѣвшимся, морщинистымъ лицомъ,—непремѣнно дастъ ей, по опростаніи двухъ сороковушекъ, кусокъ сахара.

Въ теченіе недѣли зато Егоровъ не бралъ въ ротъ ни капли вина и работалъ, не зная усталости, заботясь о чистотѣ и порядкѣ гораздо болѣе, чѣмъ желалъ этого Матвѣй Ивановичъ. Въ этой неустанной заботѣ Егоровъ, казалось, весь жилъ и клалъ въ нее свою душу, считая и Матвѣя Ивановича и его квартиру чѣмъ-то нераздѣльнымъ съ собой. Въ свободное время, послѣ того какъ онъ окончитъ уборку, отготовитъ и приберетъ на диво кухню, онъ то и дѣло что-нибудь чистилъ или вытиралъ, мылъ или скоблилъ. А по вечерамъ, когда и баринъ и онъ отпивали чай, Егоровъ обыкновенно снималъ свой старенькій сюртукъ и присаживался къ кухонному столу чинить и вообще приводить въ порядокъ платье и бѣлье Матвѣя Ивановича. При этомъ старикъ обыкновенно мурлыкалъ какую-нибудь пѣсенку, подъ которую сладко засыпалъ свернувшійся у ногъ его Куцый. Матвѣй Ивановичъ пробовалъ не разъ умѣрять усердіе Егорова, совѣтуя ему лучше отдохнуть, но Егоровъ послѣ такихъ замѣчаній ворчалъ про себя и, случалось, день-другой обиженно дулся на бывшаго своего капитана.

II.

— Здравствуйте, Егоровъ! Матвѣй Ивановичъ дома?

— Здравія желаю, вашескобродіе! Дома, пожалуйте, — весело и отрывисто, по-матросски, отвѣчалъ Егоровъ, сопровождаемый Куцымъ, привѣтливо вилявшимъ обрубкомъ хвоста.—Давно не изволили быть...

И, снимая пальто, конфиденціально прибавилъ надтреснутымъ баскомъ:

— Очень хорошо надумали, что пожаловали, вашескобродіе...

— А что?

— Онъ что-то сегодня заскучивши,—проговорилъ съ тревогой въ голосѣ Егоровъ, мотнувъ своей четыреугольной головой съ мѣдной сережкой въ ухѣ по направленію къ комнатамъ.

— Нездоровъ Матвѣй Ивановичъ?

— Не должно быть... Кушали за обѣдомъ, какъ слѣдуетъ... исправно... И съ виду не оказываетъ... А только сталъ этта онъ послѣ обѣда перебирать какія-то старыя письма, что ли, и... вовсе заскучилъ... Такъ къ чаю и не притронулся... Ужъ вы разгуляйте барина, вашескобродіе... Другіе вонъ въ адмиралы повыходили, а онъ, голубчикъ-то, за свою праведность... Тьфу!

Егоровъ сердито сплюнулъ и отворилъ мнѣ дверь въ комнаты.

По пахучему мату, смолистый пріятный запахъ котораго напоминалъ запахъ корабельной палубы, я прошелъ черезъ гостиную и въ то же время столовую, съ цвѣтами у оконъ и двумя ручными канарейками въ клѣткахъ, и остановился на порогѣ кабинета Матвѣя Ивановича.

Небольшой письменный столъ, два шкапа съ книгами, морскія фотографіи по стѣнамъ, модель карвета, которымъ долго командовалъ Матвѣй Ивановичъ, на особенной подставѣ, и низенькая японская ширма, за которой стояли кровать и умывальникъ,—вотъ и все убранство этой маленькой, необыкновенно опрятной комнатки съ свѣжимъ чистымъ воздухомъ. Самъ Матвѣй Ивановичъ, въ короткомъ морскомъ буршлатѣ, застегнутомъ на всѣ пуговицы, съ высокими, остроконечными старомодными воротничками безукоризненно чистой сорочки, тщательно выбритый (по старой флотской привычкѣ, онъ бороды не носилъ), сидѣлъ въ плетеномъ, вывезенномъ еще давно изъ Батавіи, креслѣ у письменнаго стола, прибраннаго съ тою же щепетильною аккуратностью, съ какой прибиралось все въ его квартирѣ. На столѣ лежала открытая книга, но онъ не читалъ ее, а, откинувшись въ креслѣ, казалось, погруженъ былъ въ задумчивость. Мягкій свѣтъ лампы подъ зеленымъ абажуромъ захватывалъ его лицо. Оно было некрасивое, съ грубыми, топорными и черезчуръ крупными чертами, но эта некрасивость скрашивалась выраженіемъ доброты и ума и той печатью «искры Божіей», которая свидѣтельствуетъ о душевной красотѣ человѣка. Оно было подернуто тихой грустью въ эту минуту—это простое славное лицо, и большіе сѣрые глаза, мягкіе и добрые, глядѣли куда-то передъ собой. Мысли его, очевидно, витали гдѣ-то далеко, и мысли эти были, видимо, не веселыя.

— Добраго вечера, Матвѣй Иванычъ!

Онъ встрепенулся, точно пробуждаясь отъ грезъ, взглянулъ, приставивъ широкую руку къ глазамъ, въ мою сторону и, узнавъ меня, поднялся съ живостью молодого человѣка. Крѣпко пожимая руку, Матвѣй Ивановичъ привѣтствовалъ меня съ обычнымъ своимъ радушіемъ, проявляемымъ къ людямъ, къ которымъ онъ былъ расположенъ.

— Вотъ спасибо, что навѣстили стараго медвѣдя въ его берлогѣ, несмотря на такую даль и подлѣйшую погоду... Въ морѣ-то теперь свѣженько, — вставилъ Матвѣй Ивановичъ. — Спасибо, голубчикъ, — съ чувствомъ произнесъ старикъ своимъ громкимъ, рѣзкимъ голосомъ, какимъ говорятъ по большей части много плававшіе моряки. — Конечно, чай будемъ вмѣстѣ пить?

— Съ удовольствіемъ, если не помѣшаю вамъ.

— Какъ вы можете помѣшать? Какія-такія у меня дѣла?— съ горечью усмѣхнулся Матвѣй Ивановичъ.—Развѣ что перваго числа сходить въ главное казначейство да получить восемьдесятъ семь рублей пенсіи? Вотъ и всего-то мохъ дѣлъ... А вы: помѣшать! Очень радъ, что заглянули... Вѣдь я одинъ, постоянно одинъ въ своей берлогѣ... Мало кто навѣщаетъ... Родныхъ, какъ вы знаете, ни души... Вотъ только племянница... Ну, забѣжитъ когда на четверть часа... Торопится... некогда... Лекціи и все такое... И что ей-то, молодой, со старикомъ разговаривать! Скучно! Вы когда зайдете, да еще одинъ-другой добрый знакомый, вотъ и всего...

— А вы развѣ нигдѣ не бываете, Матвѣй Иванычъ?

— Рѣдко гдѣ бываю, да, признаться, и не тянетъ въ общество...

— Что такъ?

— Да вездѣ все одни и тѣ же эти нынѣшніе, знаете ли, разговоры о мѣстахъ, назначеніяхъ, кто кому ножку подставилъ или собирается подставить, кто жалованье какое получаетъ... Разныя тамъ сплетни... Богъ съ ними... Да и у людей-то интересы нынче какіе-то стали, какъ бы это сказать... низменные, что ли... Все больше о пустякахъ заботятся... И старые и молодые... Изъ-за карьеры другъ дружкѣ, кажется, горло готовы перервать... ну, и правилъ поэтому никакихъ нѣтъ... А вѣдь безъ нихъ ежели жить, то и совсѣмъ не хорошо... Слушать то все это и докучно... Ну, и сидимъ мы тутъ вдвоемъ съ Егоровымъ... Онъ все чистотой занимается, а я больше почитываю... Вотъ и передъ вашимъ приходомъ читалъ и, знаете ли, даже размечтался... Молодость вспомнилъ...

— А вы что читали, Матвѣй Иванычъ?

— Перечитывалъ одну хорошую старую вещь... «Дворянское гнѣздо»,—послѣ паузы проговорилъ онъ и вдругъ какъ-то застѣнчиво взглянулъ на меня, нѣсколько смущенный. — Не ожидали, что я на старости лѣтъ любовныя исторіи читаю?.. Да, батенька, нехорошая женщина, вотъ какъ жена Лаврецкаго, можетъ такой штормъ задать порядочному человѣку съ сердцемъ, что вся жизнь испортится! — прибавилъ въ какомъ-то раздумьѣ Матвѣй Ивановичъ.

Я ничего не зналъ о сердечныхъ тайнахъ Матвѣя Ивановича. Вообще очень откровенный со мной, онъ никогда, даже намекомъ, не касался этой интимной стороны своей жизни, и для меня всегда было загадкой, какъ такой человѣкъ какъ Матвѣй Ивановичъ, съ кроткой, привязчивой душой, требо-

вавшей любви, не обзавелся семьей и остался одинокимъ холостякомъ.

Этотъ грустный тонъ по поводу женщины, эти письма, которыя разбиралъ, по словамъ Егорова, Матвѣй Ивановичъ и послѣ которыхъ захандрилъ, наконецъ это застѣнчивое смущеніе послѣ признанія, что онъ перечитывалъ «Дворянское гнѣздо», заставили меня подумать, что въ жизни стараго моряка была какая-нибудь серьезная сердечная драма, о которой онъ вспомнилъ теперь въ своемъ одиночествѣ.

— Нынче, впрочемъ, это какъ-то проще дѣлается, — продолжалъ Матвѣй Ивановичъ.—Полюбилъ, разлюбилъ, сошелся, разошелся... Эй, Егоровъ! — вдругъ крикнулъ онъ, обрывая разговоръ.

Егоровъ, по старой своей привычкѣ, почти бѣгомъ явился на зовъ.

— Поставь-ка намъ, братецъ, самоваръ,—приказалъ Матвѣй Ивановичъ.

— Есть, вашескородіе! Ставлю.

— А коньякъ у насъ есть?

— Полъ-бутылки, вашескородіе!

— Ну, этого намъ за глаза хватитъ, — улыбнулся Матвѣй Ивановичъ, который, сколько я его помню, ничего не пилъ и развѣ, въ рѣдкихъ случаяхъ, вливалъ ложечку-другую коньяку въ чай.

— И лимонъ достань, Егоровъ. Нашъ дорогой гость пьетъ чай съ лимономъ.

— Извѣстны объ эфтомъ, вашескородіе. Не извольте безпокоиться. И лимонъ найдемъ... А можетъ, и закусить прикажете подать?—весело и радушно спрашивалъ Егоровъ, переступая съ ноги на ногу въ своихъ самодѣльныхъ парусинныхъ башмакахъ.

— Закусить? Развѣ найдется что-нибудь?

— Какъ не найдется... У насъ, слава Богу, завсегда все найдется... Что вы это изволите говорить, вашескородіе! — обиженно замѣтилъ Егоровъ.—Заливное изъ телячьей головки есть... къ завтрему изготовилъ... Грибки соленые... Маринадъ изъ лососины,—съ гордымъ видомъ перечислялъ Егоровъ.

— Да мнѣ есть не хочется,—замѣтилъ я.

— Можетъ, и надумаете, вашескородіе! Вечеръ-то дологъ!—замѣтилъ Егоровъ.

— Ужъ вы не отказывайтесь, не обижайте Егорова... Пусть подаетъ!—промолвилъ Матвѣй Ивановичъ.

Егоровъ ушелъ, а Матвѣй Ивановичъ проговорилъ:

— Золотой человѣкъ этотъ Егоровъ... На всѣ руки... Замѣ-

тили, какъ за честь дома вступился, а?—усмѣхнулся Матвѣй Ивановичъ.—И бережетъ какъ мою копейку, если-бъ вы знали! Съ нимъ я какъ у Христа за пазухой... Отлично живу на свою пенсію...

Старикъ деликатно умолчалъ, что эта «отличная жизнь» была болѣе чѣмъ скромная и даже не безъ лишеній, такъ какъ изъ пенсіи, получаемой имъ, онъ удѣлялъ тридцать рублей въ мѣсяцъ своей племянницѣ-курсисткѣ, о чемъ я случайно узналъ отъ самой молодой дѣвушки.

— Ну, теперь разсказывайте, что хорошаго дѣлается на свѣтѣ... По газетамъ-то ничего особенно хорошаго нѣтъ на свѣтѣ... Можетъ-быть, по слухамъ есть что-нибудь пріятное, а?... Вы, какъ литераторъ, должны знать.

— Ничего не знаю, Матвѣй Иванычъ...

— А не знаете, такъ я вамъ скажу, что непремѣнно должно быть на свѣтѣ что-нибудь хорошее... И есть, да и будетъ... И обязательно будетъ!—оживленно воскликнулъ старикъ.—Духомъ-то падать добрымъ людямъ нечего. Правда на свѣтѣ свое возьметъ, будьте увѣрены-съ!

И Матвѣй Ивановичъ, самъ до извѣстной степени потерпѣвшій въ жизни за правду и, казалось, имѣвшій нѣкоторое право не совсѣмъ довѣрять ея торжеству, тѣмъ не менѣе говорилъ объ этомъ торжествѣ съ чисто юношескою вѣрой и, по обыкновенію, самыми свѣтлыми красками рисовалъ будущее людское благополучіе, когда не будетъ войнъ, не будетъ ни богатыхъ ни бѣдныхъ, и люди окончательно убѣдятся, что несравненно выгоднѣе и спокойнѣе жить по совѣсти...

Эти мечтанія, юношески-наивныя, плохо обоснованныя, но искреннія и горячія, были любимымъ «конькомъ» Матвѣя Ивановича, вообще любившаго отвлеченныя бесѣды. Слушая его, я только дивился, какъ могъ сохранить столько жизненности, вѣры и увлеченія этотъ, далеко не избалованный жизнью, шестидесятилѣтній старикъ. И какъ онъ хорошъ былъ въ эти минуты! Какой благородной увѣренностью, какой добротой дышало его некрасивое лицо... Какимъ огнемъ загорались его глаза!

Мы долго сидѣли за столомъ, на которомъ давно уже разставлены были закуски, поданныя Егоровымъ. И Егоровъ видимо былъ счастливъ, что его старый командиръ «разговорился», выпилъ два стакана чая, вливъ въ него нѣсколько ложекъ коньяку, и отвѣдалъ закусокъ... Старикъ много разсказывалъ въ этотъ вечеръ: вспоминалъ службу, прежнихъ крутыхъ адмираловъ, свои плаванія, старыхъ сослуживцевъ...

— Вы много-таки поплавали на своемъ вѣку, Матвѣй Иванычъ.

— Порядочно-таки... Три раза кругомъ свѣта ходилъ... Не любилъ я никогда на берегу засиживаться...

— Вы, кажется, и крушеніе потерпѣли въ Охотскомъ морѣ, командуя шкуной?—спросилъ я, надѣясь, что онъ разскажетъ объ этомъ крушеніи, въ которомъ онъ, какъ я слышалъ, проявилъ замѣчательную находчивость и истинное мужество, благодаря чему весь экипажъ былъ спасенъ.

Но старикъ не сталъ вдаваться въ подробности и только замѣтилъ:

— Было и это... Разбивался я тогда у Гижиги... Спасибо, судъ вполнѣ оправдалъ... Всего, батенька, было... Сами были морякомъ и знаете, какова морская служба... Кто много плавалъ, тотъ переживалъ такія минуты, которыя никогда не забываются... А все-таки я любилъ эту службу. Признаться, даже и теперь, на старости лѣтъ, иногда тоскую по морю, по его безбрежному простору... Тамъ живется полнѣй, человѣкъ становится лучше и какъ-то проще, да и всякое, даже тяжелое горе переживается легче, — прибавилъ старикъ и вдругъ примолкъ и задумался.

Среди наступившей тишины въ маленькую комнатку донесся съ улицы вой вѣтра. Заунывно гудѣлъ онъ и въ трубахъ.

Чтобы отвлечь старика отъ какихъ-то, видимо, тяжелыхъ воспоминаній, вдругъ снова овладѣвшихъ имъ, я спросилъ:

— А когда вы были, Матвѣй Иванычъ, въ самой серьезной опасности въ своей жизни? Во время крушенія шкуны или—помните?—когда фрегатъ ночью вскочилъ на каменья?

Матвѣй Ивановичъ покачалъ отрицательно головой и промолвилъ:

— Самую серьезную опасность я видѣлъ не въ морѣ, а на берегу.

— На берегу?—удивился я.

— На берегу,—значительно подтвердилъ онъ.—И не избѣжалъ ея, и потерпѣлъ крушеніе... Оно похуже и штормовъ и каменьевъ... Сегодня еще я вспоминалъ его! — раздумчиво проговорилъ Матвѣй Ивановичъ.

Я ничего не понималъ, догадываясь только, что тутъ дѣло о сердечной драмѣ.

— Вы развѣ ничего не слыхали?—спросилъ онъ послѣ минуты молчанія.

— Нѣтъ, Матвѣй Иванычъ.

— И не знаете, что я былъ женатъ?

— Я всегда считалъ васъ холостякомъ.

— Я былъ холостякомъ, хотя и былъ женатъ. Странно, не правда ли?—горько усмѣхнулся старикъ.

— Странно,—согласился я.

— Да, голубчикъ, много страннаго бываетъ въ жизни... И крушеніе мое тоже было странное... И она была довольно странная женщина... Но въ концѣ концовъ во всемъ одинъ я виноватъ... да... Не принялъ, знаете ли, въ соображеніе обстоятельствъ и вообразилъ, что могъ со своей неказистой персоной косолапаго морского медвѣдя, да въ нѣкоторомъ родѣ въ калачный рядъ... Бываетъ затменіе ума, когда, можно сказать, буруна передъ собой не видишь въ самый ясный день... Тоже мечталъ въ ту пору о взаимной привязанности, о тихой жизни, о семьѣ... Ну, и сѣлъ на мель. Врѣзался, что называется, вплотную... и доживаю вѣкъ свой одинокимъ, ни кому не нужнымъ бобылемъ... Да-съ!..

Снова Матвѣй Ивановичъ примолкъ, повидимому, колеблясь: продолжать или нѣтъ.

Я, разумѣется, молчалъ.

Наконецъ старикъ рѣшительно проговорилъ, точно отвѣчая на свои мысли:

— А впрочемъ, началъ исповѣдываться, такъ ужъ надо и кончить, коли вамъ не скучно будетъ прослушать исторію моего личнаго и полнаго крушенія... Кстати, она какъ нарочно сегодня мнѣ особенно живо припомнилась, эта старая исторія, и навела-таки, признаться, хандру... Глупо, положимъ, скорбѣть заднимъ числомъ, ну, а все-таки скорбишь... Такъ хотите?—спросилъ Матвѣй Ивановичъ...

Я, конечно, выразилъ полное мое согласіе.

— Да, батенька, женщина иногда всю жизнь наизнанку вывернетъ, особенно женщина, которая знаетъ, что вы за нее душу положите... На этотъ счетъ онѣ чутки,—предпослалъ въ видѣ краткаго предисловія Матвѣй Ивановичъ и затѣмъ, откашлявшись, продолжалъ:

— Я тогда только-что вернулся изъ двухлѣтняго плаванія на парусномъ бригѣ «Забіяка». Можетъ, слышали? Когда-то хорошее суденышко было... ну, и ничего себѣ, плавали, не срамились... За плаваніе получилъ Анну на шею, годовой окладъ, шестимѣсячный отпускъ, словомъ, все какъ слѣдуетъ, и кромѣ того лестное предложеніе высшаго начальства командовать фрегатомъ, который въ слѣдующемъ году долженъ былъ идти въ Тихій океанъ. Нечего и говорить, какъ я былъ польщенъ. Сами понимаете: въ чинѣ капитанъ-лейтенанта—мнѣ тогда было тридцать пять лѣтъ—и такое назначеніе!

Даютъ новый, строящійся паровой фрегатъ. Всѣ дивились, что я безъ всякой протекціи, безъ всякаго пролазничества— и вдругъ командиръ такого судна. Однако товарищи отъ души поздравляли... я имѣлъ счастье не возбуждать зависти... Ну, разумѣется, послѣ двухлѣтняго отсутствія, я первое время развлекался: жилъ въ Петербургѣ, посѣщалъ знакомыхъ, ходилъ на лекціи, въ театры... Жилось хорошо... Собирался я, было, въ Смоленскую губернію, навѣстить старшую сестру, что̀ жила въ нашей маленькой деревушкѣ—кромѣ сестры у меня никого родныхъ въ живыхъ не осталось—да такъ и не собрался... Не могъ уѣхать изъ Петербурга, догадываетесь почему? А было бы лучше, если-бъ уѣхалъ!

Послѣ небольшой паузы, Матвѣй Ивановичъ продолжалъ:

— Увидалъ я *ее* въ первый разъ у однихъ знакомыхъ и съ перваго же раза, знаете ли, почувствовалъ къ ней нѣчто совсѣмъ особенное. Такъ меня всего и захватило что-то. Никогда прежде со мною ничего подобнаго не бывало. И вообще-то я всегда былъ робокъ и застѣнчивъ съ дамами, понималъ, что при моей неказистой наружности ужъ куда мнѣ, а тутъ, какъ представили меня этой красавицѣ, я и совсѣмъ, знаете, смѣшался и былъ дуракъ-дуракомъ. Такъ весь вечеръ просидѣлъ какъ пень и только украдкой взглядывалъ на эту стройную, изящную молодую дѣвушку съ чуднымъ строгимъ профилемъ и съ самымъ, можно сказать, яснымъ и свѣтлымъ взоромъ большихъ голубыхъ глазъ... Казалось, такіе глаза могли быть только у идеальнаго созданія... Такимъ ее я и считалъ съ той минуты... Когда мы прощались, она какъ-то ласково такъ взглянула на меня, а мать ея, старая дама, очень любезно пригласила меня бывать у нихъ... Къ чему? Что̀ мнѣ, такому медвѣдю, знакомиться съ этой изящной красавицей, дочерью извѣстнаго адмирала, замѣчательнаго деспота и вообще крутого человѣка... Что̀ мнѣ у нихъ дѣлать?.. Однако черезъ нѣсколько дней, когда я опять посѣтилъ своихъ знакомыхъ, тамъ мнѣ сказали, что адмиральша и дочь спрашивали обо мнѣ и удивляются, что я не прихожу. Это меня, дурака, подстрекнуло. Я и въ самомъ дѣлѣ подумалъ, что моей персоной нѣсколько заинтересовались, и вотъ въ одно воскресенье одѣлъ вицмундиръ, побывалъ у парикмахера и разлетѣлся къ нимъ съ визитомъ... Очень ужъ меня тянуло хоть еще одинъ разъ повидать эту дѣвушку... Меня обласкали. И адмиральша и Антонина (ее звали Антониной) были необыкновенно любезны и внимательны. Вошелъ въ гостиную на пять минутъ и самъ адмиралъ, обошелся со мною привѣтливо, къ видимой радости дамъ. Когда я сталъ про-

щаться, адмиральша просила меня бывать запросто и пригласила на другой день обѣдать. И Антонина крѣпко пожала мнѣ руку и ласково проговорила: «Смотрите же, приходите!..» Разумѣется, я пришелъ и просидѣлъ тамъ цѣлый вечеръ, оставаясь бо́льшую часть вечера вдвоемъ съ Антониной. Адмиральша, сославшись на головную боль, ушла къ себѣ, а адмиралъ послѣ обѣда уѣхалъ въ клубъ. Въ этотъ вечеръ Антонина такъ мило и просто разговаривала со мной, что моя застѣнчивость значительно поуменьшилась, я разговорился, а она такъ внимательно слушала, такъ сочувствовала моимъ словамъ и такъ по временамъ ласково взглядывала на меня своими чудными свѣтлыми глазами, что я ушелъ въ тотъ вечеръ окончательно очарованный и, такъ сказать, возвышенный въ своихъ собственныхъ глазахъ... До этого на меня, вообще, женщины не обращали никакого вниманія, а тутъ вдругъ такая красавица и такъ ласкова со мной... Я былъ счастливъ, какъ могъ быть счастливъ человѣкъ, полюбившій со всей силой первой страсти и радовавшійся уже тому, что съ нимъ добры и привѣтливы. Разумѣется, въ ту пору я и не думалъ о женитьбѣ. Я не смѣлъ и мечтать, чтобы она—у которой могли быть прекрасныя партіи—отвѣтила на мое чувство и пошла за меня замужъ... Но меня неудержимо тянуло къ ней, я часто ходилъ туда и скоро сдѣлался у нихъ своимъ человѣкомъ. Антонина была очень мила и ласкова, называла меня «другомъ», нерѣдко звала гулять съ собой, а адмиральша видимо поощряла наши дружескія отношенія. Одинъ адмиралъ по временамъ какъ-то подозрительно взглядывалъ на дочь и сурово косился на нее. Со мною, впрочемъ, онъ былъ относительно привѣтливъ.

Прошло этакъ мѣсяца съ два... и теперь помню этотъ вечеръ, когда я пришелъ туда и засталъ въ гостиной красиваго, статнаго молодого полковника. Насъ познакомили, и онъ, мнѣ показалось, съ особенною внимательностью и какъ-то странно на меня поглядѣлъ. Онъ пробылъ недолго и уѣхалъ. Антонина была въ этотъ вечеръ грустна, серьезна и молчалива. Адмиральша, напротивъ, безъ умолку болтала, веселая и точно возбужденная, и была особенно со мною любезна. А этотъ красавецъ-полковникъ поднялъ въ душѣ моей цѣлую бурю. Я ревновалъ его. Мнѣ почему-то казалось, что онъ будущій женихъ Антонины, и что она его любитъ. Но отчего она такая грустная? ломалъ я себѣ голову. Разговаривая съ адмиральшей, я украдкой взглядывалъ на прелестное, поблѣднѣвшее лицо Антонины и разъ или два поймалъ на себѣ ея пристальный, задумчивый взглядъ. Она тотчасъ же ласково

улыбнулась мнѣ, но улыбка была какая-то странная. «Голова болитъ!»—вдругъ сказала она и поднялась съ мѣста.—«Только вы не уходите,—прибавила она:—я скоро выйду, и мы поболтаемъ». Я, конечно, остался. Антонина давно видѣла, что я ея покорный рабъ.

Адмиральша заговорила о дочери, хвалила ея характеръ, ея умъ, и какъ-то невзначай сказала, что Нина очень ко мнѣ расположена. Я, натурально, обрадовался, но этотъ полковникъ не давалъ мнѣ покоя, и я спросилъ о немъ. Адмиральша какъ будто смутилась, но скоро оправилась и отвѣчала, что это старый ихъ знакомый, женатый на близкой подругѣ дочери.—«Женатый!»—воскликнулъ я радостно. Адмиральша замѣтила, конечно, мою радость и незамѣтно свела рѣчь на счастіе семейной жизни...—«А вы что не женитесь?»—неожиданно спросила она меня. Я, знаете ли, совсѣмъ растерялся отъ этого вопроса и что-то проговорилъ насчетъ того, что кто же за меня пойдетъ, хотя бы я и полюбилъ. Адмиральша наговорила комплиментовъ насчетъ моей скромности и спросила: «А вы любите кого-нибудь?» Она продолжала допросъ такъ сочувственно, такъ ласково, что я наконецъ сознался, что люблю Антонину, и умолялъ ее не говорить ей объ этомъ. Но она, напротивъ, обрадованная, расцѣловала меня и сказала, что сейчасъ же скажетъ Антонинѣ. Она увѣрена, что и Антонина охотно согласится быть моей женою.—«Я давно замѣтила, что она къ вамъ неравнодушна,—прибавила она:—а я отъ души хочу имѣть васъ своимъ зятемъ». Я не вѣрилъ своимъ ушамъ и бросился цѣловать руки адмиральши. Она всплакнула, что-то сказала насчетъ моей доброты и насчетъ того, что истинная любовь все прощаетъ, и между прочимъ посовѣтовала не откладывать свадьбы. Я тогда ничего не понималъ и только радовался, похожій на сумасшедшаго... Адмиральша ушла, черезъ нѣсколько минутъ вернулась, торжественно обняла меня, шепнула: «согласна»—и приказала идти къ Антонинѣ.

Я вошелъ въ ея роскошное гнѣздышко. Она стояла прекрасная, какъ ангелъ, блѣдная, какъ смерть, протягивая мнѣ обѣ свои руки и нѣжно глядя своими ясными глазами.—«Неужели согласны?» — спросилъ я, все еще не вѣря этому счастію.—«Согласна!»—«И хоть немножко любите меня?»—«Люблю!»—прошептала она, лаская какъ-то загадочно меня своимъ долгимъ, манящимъ взглядомъ и пожимая своими вздрагивающими холодными ручками мои. Я приникъ къ этимъ маленькимъ прозрачнымъ ручкамъ, осыпая ихъ поцѣлуями и слезами. Господи! какъ я былъ счастливъ, безконечно

счастливъ, и какъ недолго продолжалось это призрачное счастье!

Матвѣй Ивановичъ остановился. Грустное выраженіе стояло въ его лицѣ и въ его глазахъ. И вся его фигура какъ-то съежилась, точно онъ вновь переживалъ острую боль прошлаго горя. Егоровъ, сумрачный и сердитый, нѣсколько разъ появлялся въ дверяхъ, дѣлалъ мнѣ какіе-то таинственные знаки и снова исчезалъ.

— На другой день я, по совѣту дамъ,—продолжалъ Матвѣй Ивановичъ:—отправился въ кабинетъ къ адмиралу. Онъ, видимо, уже былъ предупрежденъ и, обыкновенно суровый при всѣхъ, тутъ одинъ, у себя въ кабинетѣ, былъ мягче. Адмиралъ непривычно-ласково поглядѣлъ на меня, пожимая руку и указывая головой на кресло у письменнаго стола, за которымъ сидѣлъ... Это меня пріободрило, и я объяснилъ старику, зачѣмъ пришелъ.

— Знаю. Жена сказывала, — проговорилъ отрывистымъ, рѣзкимъ голосомъ адмиралъ и, снова поглядѣвъ на меня, прибавилъ:—Только я вамъ не совѣтую, молодой человѣкъ.

— Вы не согласны, ваше превосходительство?—спросилъ я упавшимъ голосомъ.

— Напротивъ, очень радъ былъ бы имѣть зятемъ такого порядочнаго человѣка и браваго моряка... очень радъ... но не совѣтую... Она вамъ не пара... Тщеславна и лжива... Главное: лжива...

Я былъ пораженъ, какъ громомъ, этимъ жестокимъ отзывомъ отца о дочери и, разумѣется, возмутился. Это обвиненіе показалось мнѣ чудовищной клеветой стараго, бездушнаго, суроваго эгоиста, выживающаго изъ ума и ненавидѣвшаго дочь. Развѣ могутъ быть лживы эти ясные, чистые, какъ хрусталь, глаза! И къ чему ей лгать мнѣ? Какая я «партія» для такой блестящей красавицы въ двадцать два года? И если она выходитъ за меня, за офицера, живущаго на одно жалованье, замужъ, то, разумѣется, единственно по любви.

И я почти съ ненавистью посмотрѣлъ на этого сѣдого, изжившаго старика, вспомнилъ разсказы объ его жестокости съ матросами и съ негодованіемъ воскликнулъ:

— Вы клевещете на дочь... Это—ангелъ!

Я ждалъ гнѣвной вспышки, но старикъ вмѣсто того какъ-то болѣзненно искривилъ губы, участливо взглянулъ на меня и промолвилъ:

— Ну, какъ знаете... Я васъ предупредилъ... Пеняйте послѣ на себя... Дѣлайте глупость, женитесь на Антонинѣ... Я не препятствую... Предупреждаю: большого приданаго за ней нѣтъ... Я живу на жалованье...

— Оно мнѣ не нужно...

— Вижу... Дай вамъ Богъ счастья, будущій зятекъ!—иронически замѣтилъ адмиралъ.—Слышалъ, назначены въ дальнее плаваніе?

— Назначенъ, но попрошу назначить меня во внутреннее плаваніе.

— Напрасно... Назначены, надо идти... Когда хотите жениться?

— Если позволите, какъ можно скорѣй...

— Это кто же такъ торопитъ?—подозрительно какъ-то спросилъ адмиралъ, хмуря брови.—Антонина или вы?

— Я.

— Ну, что-жъ, какъ угодно. А то подождали бы годъ, молодой человѣкъ? Обдумали бы?..

— Я обдумалъ все,—сухо замѣтилъ я.

— Обдумали?.. Ну, такъ если обдумали, женитесь хоть завтра. Мнѣ все равно,—проворчалъ старикъ и кивнулъ головой, давая знать, что разговоръ нашъ конченъ.

Я прошелъ къ дамамъ и, конечно, не сказалъ объ этомъ дикомъ разговорѣ, а объявилъ только, что адмиралъ согласенъ.—«И позволилъ не откладывать свадьбы?»—спросила адмиральша и очень обрадовалась, когда я отвѣтилъ, что позволилъ. Антонина слушала этотъ разговоръ и тоже, повидимому, была довольна. Она такъ ласково пожала мнѣ руку, когда я выражалъ радость, что все такъ хорошо устроилось, и, когда мы остались одни, прижалась ко мнѣ и просила тотчасъ же послѣ свадьбы уѣхать за границу, чтобъ быть счастливыми гдѣ-нибудь подальше отъ людскихъ глазъ. Я, конечно, обрадовался и выразилъ свое согласіе горячимъ поцѣлуемъ. Рѣшено было вѣнчаться черезъ два мѣсяца. Меня офиціально объявили женихомъ. Торопились съ приданымъ. Я былъ на седьмомъ небѣ. Чѣмъ болѣе я узналъ Антонину, тѣмъ болѣе привязывался. Это было такое мягкое, доброе и правдивое, казалось, созданіе. Отецъ положительно оклеветалъ ее. Правда, она любила наряжаться, любила блескъ, но какая же изъ молодыхъ свѣтскихъ дѣвушекъ не любитъ этого... Одно только смущало меня... Чѣмъ ближе становилось время нашей свадьбы, тѣмъ Антонина дѣлалась нервнѣй, и часто я заставалъ ее въ слезахъ. Она объясняла это нервами и успокаивала меня, кладя свою голову на мою грудь... И я цѣловалъ ея пепельные волосы, цѣловалъ ея лицо... И она не противилась и повторяла, что меня любитъ...

. . . . . .

Матвѣй Ивановичъ перевелъ духъ и воскликнулъ:

— Боже ты мой!.. Возможно ли было такъ лгать и въ то

же время такъ ясно глядѣть своими чудными свѣтлыми глазами... И такое прекрасное созданье... Взгляните... какая прелесть!

Онъ принесъ изъ кабинета портретъ прелестной молодой дѣвушки. Казалось, сама ангельская невинность одухотворяла это чудное лицо съ правильными, тонкими, точно выточенными чертами и съ большими голубыми глазами съ дѣтски-яснымъ выраженіемъ.

— Неужели она лгала?..

— Лгала... съ первой же нашей встрѣчи,—грустно промолвилъ Матвѣй Ивановичъ.

— И вы объ этомъ узнали послѣ свадьбы?

— До свадьбы...

— До свадьбы? И все-таки женились?—удивленно воскликнулъ я.

— Все-таки женился. Да вотъ дослушайте, ужъ конецъ моего крушенія близокъ.

Матвѣй Ивановичъ отхлебнулъ холоднаго чая и продолжалъ:

— Какъ теперь помню, это было въ воскресенье, и число помню: 10-го января, и помню, что былъ яркій солнечный морозный день, и что у меня было свѣтло и радостно на душѣ. Пришелъ я на Сергіевскую съ подаркомъ для Антонины, съ кольцомъ съ бирюзой, осыпанной брильянтами, чтобъ надѣть на ея крошечный мизинецъ. Она любила кольца и знала, что они идутъ къ ея бѣленькимъ холенымъ ручкамъ. Въ передней двери были отворены, и я вошелъ безъ звонка, никѣмъ не замѣченный, и усѣлся въ гостиной, въ ожиданіи появленія дамъ. Вдругъ изъ-за опущенной портьеры до меня донесся голосъ Антонины, которая по-французски просила мать сказать мнѣ теперь же *все*. Адмиральша назвала ее безумной... Она ужъ намекала мнѣ и *все* скажетъ послѣ свадьбы. Такъ лучше, а пока пусть онъ ни о чемъ не догадывается.

Я такъ и застылъ въ какомъ-то ужасѣ на креслѣ. А Антонина продолжала своимъ мягкимъ, пѣвучимъ голосомъ:

— Такъ ужъ ты это все устрой, мама, а я буду слушать его влюбленный бредъ, какъ это ни скучно.

— Разбирать нечего послѣ того, что случилось... Слава Богу, что подвернулся хоть Матвѣй Ивановичъ, который ничего о тебѣ не слыхалъ... Черезъ четыре мѣсяца будетъ ужъ поздно... Узнай отецъ, что съ тобой будетъ? А Матвѣй Ивановичъ добрый и безумно любитъ... Онъ все проститъ, и вы будете счастливы...

— Счастливы? Но я его не люблю.

— Ты скрывай это... Послѣ привыкнешь.

— Никогда... Онъ мнѣ противенъ.

— Онъ уйдетъ въ плаванье...

Весь этотъ разговоръ я слышалъ отъ слова до слова, и онъ у меня до сихъ поръ сохранился отчетливо въ памяти, точно все это было вчера... Дальше я уже не слушалъ и незамѣтно вышелъ изъ гостиной и очутился на улицѣ. Гдѣ и какъ провелъ я этотъ день—не помню. Помню, что былъ гдѣ-то за городомъ, на островахъ, и вернулся домой поздно ночью. Ночь я не спалъ... Мнѣ все казалось невозможнымъ, чтобы эти чудные глазки... это лицо Мадонны... и такое лицемѣріе... такая ложь... То, что я пережилъ въ эту ночь, непередаваемо, да что объ этомъ говорить... Одно только знаю, что, несмотря на опозоренное свое чувство, несмотря на обманъ, я все-таки любилъ это бѣдное лживое созданіе и безконечно жалѣлъ его... Вотъ подите же!—какъ бы оправдываясь, проговорилъ Матвѣй Ивановичъ и виновато взглянулъ на меня.

— Что-жъ было дальше? Зачѣмъ вы женились?.. Не понимаю.

— Первое время я хотѣлъ отказаться отъ женитьбы, но, подумавши, рѣшилъ, что мой отказъ окончательно погубилъ бы дѣвушку... Отецъ, повторяю, былъ суровый человѣкъ и узнай, что его дѣвица-дочь готовится быть матерью—не остановился бы ни передъ чѣмъ... Въ немъ крѣпко засѣли предразсудки, и не такой онъ былъ человѣкъ, чтобы простить... И кромѣ того вѣдь я любилъ ее... И на другой день я пошелъ къ ней... Должно-быть, я очень былъ блѣденъ и подавленъ, потому что она испуганно взглянула на меня и спросила: что со мной? здоровъ ли я? И, замѣтивъ, что я не поцѣловалъ ее, какъ цѣловалъ обыкновенно при встрѣчѣ,—она обвила мою шею и, прижимаясь ко мнѣ, еще тревожнѣе спросила, что со мной, отчего я вчера не былъ...

Я тихо освободился изъ ея объятій и сказалъ, что вчера имѣлъ несчастіе слышать ея разговоръ. Она такъ и обомлѣла. Ужасъ и стыдъ исказили ея прелестное лицо, она поспѣшила закрыть его руками. А мнѣ хотѣлось плакать. Мнѣ было такъ жаль ее, и я ее такъ любилъ и зналъ, что я ей противенъ! Я просилъ ее меня выслушать, и когда она, убитая, сидѣла, опустивъ голову,—я сказалъ, что люблю ее попрежнему, что она такъ же будетъ свободна, какъ и теперь, и никакихъ правъ мужа предъявлять не буду, и если нуженъ будетъ разводъ, я къ ея услугамъ и вину приму на себя...

Слезы катились по ея блѣдному лицу, и она прошептала: «Добрый вы!»

— И согласилась на вашу жертву?—съ досадой перебилъ я.

— Положеніе ея было безвыходное, и наконецъ, какъ потомъ оказалось, она не вполнѣ довѣряла моему отреченію отъ супружескихъ правъ и думала, что я великодушіемъ хотѣлъ купить ея любовь и пользоваться ея ласками. У нея взглядъ на мужчинъ былъ, какъ видите, далеко не возвышенный.

Черезъ двѣ недѣли мы обвѣнчались и въ тотъ же вечеръ уѣхали за границу. Старикъ-адмиралъ какъ-то особенно сердечно простился со мной и между прочимъ спросилъ: иду ли я на фрегатѣ лѣтомъ въ Тихій океанъ. Я отвѣчалъ, что иду, и крѣпко пожалъ ему руку. Онъ съ соболѣзнованіемъ покачалъ головой. Кажется, онъ догадывался о чемъ-то и вычеркнулъ изъ списка приглашенныхъ на свадьбу молодого статнаго полковника.

Странную брачную пару представляли мы во время нашего путешествія. Мы мало разговаривали, и каждый изъ насъ занятъ былъ своими мрачными думами. Мы занимали въ гостиницахъ разныя комнаты, и Антонина наконецъ убѣдилась, что я свято держалъ свое обѣщаніе; она, кажется, втайнѣ подсмѣивалась надо мной и даже пробовала кокетничать... Всего было!.. Черезъ четыре мѣсяца она родила дѣвочку; мы оставили ее за границей, у одной нѣмки на воспитаніе, и вернулись въ Россію. Лѣтомъ я ушелъ въ кругосвѣтное плаваніе и... оттуда, по просьбѣ жены, прислалъ обставленное по формѣ лжесвидѣтельство... Спасибо, консулъ помогъ... Когда я возвратился, она была уже замужемъ за блестящимъ сановникомъ, и—каюсь—я нарочно ходилъ около ея дома, чтобъ взглянуть на нее хоть издали. Я тогда все еще любилъ ее, несмотря на то, что она исковеркала мнѣ жизнь, оставивъ навѣкъ бездомнымъ бобылемъ... Да... Но я не раскаиваюсь, что поступилъ такъ, а не иначе. Не женись тогда я на ней, что бы съ ней было? Совсѣмъ бы пропала женщина... Отецъ бы выгналъ ее на улицу! А теперь она важная и вліятельная дама... Патронесса разныхъ благотворительныхъ обществъ!—грустно усмѣхаясь, заключилъ Матвѣй Ивановичъ.

— А что сталось съ ея дочерью?—спросилъ я.—Она взяла ее къ себѣ?

— Я выписалъ ее сюда, помѣстилъ въ гимназію, а теперь она на курсахъ...

— Такъ эта «племянница» она?

— Она,—смущенно подтвердилъ Матвѣй Ивановичъ.

— И не знаетъ матери?

— Не знаетъ... Да и мать, я думаю, очень рада, что объ

ея прошломъ грѣхѣ ни слуху ни духу... А можетъ-быть, я и ошибаюсь... Можетъ-быть, она и скорбитъ въ душѣ... Кто знаетъ? Человѣкъ, батенька, очень сложный инструментъ... Ну что, не надоѣлъ я вамъ своею исповѣдью... нѣтъ? И вы, конечно, не смѣетесь надъ моимъ крушеніемъ, а?..

Смѣяться!? Напротивъ, я ушелъ отъ Матвѣя Ивановича въ эту позднюю ночь, еще болѣе влюбленный въ этого славнаго старика.

ДВА МОРЯКА.

Посвящается А. Н. Альмедингену.

I.

Отставной вице-адмиралъ Максимъ Ивановичъ Волынцевъ только-что поднялся съ жестковатаго дивана, проспавши свой положенный часъ послѣ обѣда.

Откашлявшись, Максимъ Ивановичъ снялъ халатъ, бережно повѣсилъ его въ шкапъ и облекся въ старенькій, но опрятный сюртукъ съ адмиральскими поперечными, какъ у отставныхъ, погонами, прошелся щеткой по сѣдой, коротко остриженной головѣ, расчесалъ бѣлую пушистую бороду и усы, закурилъ толстую папиросу и присѣлъ въ плетеное кресло у небольшого письменнаго стола.

Не спѣша, вынулъ онъ изъ футляра очки и взялъ со стола аккуратно сложенную газету.

Несмотря на потертую обивку старомодной мебели и старенькія вещи, бывшія въ кабинетѣ, все въ этой небольшой комнатѣ имѣло необыкновенно опрятный и даже привѣтливый видъ, сіяя тою умопомрачающею чистотой, какая только бываетъ на военныхъ корабляхъ.

Полъ сверкалъ, точно зеркало. Дверныя ручки, оконныя задвижки и мѣдныя кнопки гвоздиковъ, на которыхъ висѣли, занимая сплошь всю стѣну, фотографіи въ черныхъ простыхъ рамкахъ, — блистѣли подъ лучами рѣдкаго петербургскаго солнца, свѣтившаго въ теченіе цѣлаго августовскаго дня. Занавѣски на окнахъ были ослѣпительной бѣлизны; фикусы, араліи и пальмочки вымыты и выхолены, однимъ словомъ, рѣшительно все въ комнатѣ свидѣтельствовало о привычкѣ хозяина къ порядку и щепетильной чистотѣ и все, казалось, дышало привѣтливостью.

Даже хорошенькая «Вѣрушка», какъ звалъ Максимъ Ива-

новичъ маленькую канарейку, и та, заливавшаяся во все горло, казалась необыкновенно чистенькой и веселой, а клѣтка, которую адмиралъ собственноручно чистилъ два раза въ день, просторная бѣлая клѣтка, усыпанная пескомъ, содержалась въ безукоризненномъ порядкѣ.

Кабинетъ напоминалъ каюту, и въ немъ даже пахло немного кораблемъ отъ остраго смолистаго запаха мата, лежавшаго, вмѣсто коврика, подъ ногами адмирала.

И самъ онъ своимъ внѣшнимъ видомъ производилъ впечатлѣніе той же опрятности и привѣтливости, которыми отличались кабинетъ и вся скромная его обстановка.

Это былъ небольшого роста, сутуловатый и сухощавый старикъ лѣтъ шестидесяти, крѣпкій и бодрый на видъ. Вся его небольшая фигура съ перваго же раза внушала къ себѣ невольную симпатію. И въ выраженіи его стараго, морщинистаго лица, отливавшаго здоровымъ румянцемъ, и особенно въ выраженіи небольшихъ, еще живыхъ и острыхъ темныхъ глазъ, было что-то необыкновенно хорошее: доброе и ласковое и въ то же время застѣнчивое, говорящее о душевной чистотѣ и о честно прожитой жизни.

И дѣйствительно, вся его жизнь была лямкой добросовѣстнаго морского служаки, который даже и въ прежнія суровыя времена отличался добротой и былъ любимъ матросами за то, что обращался съ ними по-человѣчески. Честный до щепетильности, онъ никогда не пользовался казенной копейкой, никогда не подлаживался къ начальству, не зналъ протекціи и, считаясь однимъ изъ лучшихъ моряковъ, много плавалъ, но особенной карьеры не сдѣлалъ. Напротивъ, испортилъ ее своею независимостью, принужденный выйти въ отставку уже контръ-адмираломъ вслѣдствіе того, что не поладилъ съ высшимъ морскимъ начальствомъ. Онъ, конечно, ничего не имѣлъ и скромно жилъ съ семьей на скромную пенсію.

Максимъ Ивановичъ принялся за газетный фельетонъ, чтеніе котораго онъ всегда откладывалъ до вечера. Утромъ адмиралъ прочитывалъ всѣ остальные отдѣлы и читалъ ихъ сплошь, отъ первой строки до послѣдней, начиная съ передовой статьи.

Это былъ одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ читателей, которые не пропускаютъ ни одного извѣстія и не просто читаютъ, а, такъ сказать, священнодѣйствуютъ.

Максимъ Ивановичъ привыкъ къ своей газетѣ, но не вѣрилъ ей безусловно и частенько-таки не соглашался съ ея мнѣніями. Прочитывая иногда въ передовой статьѣ о томъ, что «Россія не допуститъ» того-то и того-то, и вникая въ

смыслъ взмыленныхъ quasi-патріотическихъ фразъ, полныхъ безшабашнаго шовинизма, старый адмиралъ, пробывшій всю осаду Севастополя на одномъ изъ бастіоновъ и получившій за храбрость еще въ лейтенантскомъ чинѣ Георгіевскій крестъ, бѣлѣвшій въ петлицѣ его сюртука,—неодобрительно покачивалъ головой и, случалось, говорилъ вслухъ:

— Тоже пишетъ! Молода, во Саксоніи не была! Послать бы тебя, стрекулиста, самого на войну!

Но особенно старика возмущало, когда газета, не жалѣя красокъ, восхваляла какого-нибудь вновь назначеннаго сановника.

И тогда его, обыкновенно добродушное, лицо выражало нескрываемое презрѣніе, и онъ приговаривалъ, обращаясь, повидимому, къ автору хвалебной статейки:

— И кто тебя, льстеца, за языкъ дергаетъ? Раненько, братъ, хвалишь... Нехорошо!..

Зато, если Максиму Ивановичу статейка нравилась, и онъ находилъ мысли ея «правильными и благородными»,—онъ съ увлеченіемъ прочитывалъ вслухъ особенно понравившіяся ему выраженія и восклицалъ:

— Ай-да молодчага! Ловко!.. Такъ и надо писать, коли Богъ тебѣ таланть далъ!..

И, случалось, писалъ въ редакцію газеты письмо, въ которомъ выражалъ благодарность неизвѣстному автору статьи за доставленное имъ удовольствіе.

За завтракомъ Максимъ Ивановичъ обыкновенно передавалъ въ болѣе или менѣе короткихъ извлеченіяхъ все интересное, прочитанное въ газетѣ, своей женѣ и дочери.

И хотя и жена и дочь сами уже прочли послѣ адмирала газету, но обѣ онѣ, обожавшія старика, внимательно слушали, пока онъ не спохватывался и не говорилъ со своею добродушною улыбкой:

— Да вы ужъ читали...

— Ничего, ничего, разсказывай...

Но Максимъ Ивановичъ не продолжалъ, а переходилъ къ обсужденію прочитаннаго и нерѣдко критиковалъ газету.

Сегодня адмиралу, повидимому, не понравился фельетонъ. Во время чтенія онъ дергалъ плечами и наконецъ проговорилъ:

— Тоже фанаберія... Скажи, пожалуйста! А у самого-то на грошъ амуниціи!

Въ эту минуту въ кабинетъ вошла легкой, слегка плывущей походкой, съ подносомъ въ рукахъ, дочь адмирала Наташа, или, какъ звалъ ее отецъ, Нита, высокая и худощавая, стройная и граціозная въ своихъ движеніяхъ блондинка, лѣтъ

двадцати пяти, съ большими, ясными сѣрыми глазами. Въ ея лицѣ, свѣтившемся умомъ и тою одухотворенною красотою, какую можно встрѣтить лишь у избранныхъ натуръ, было то же выраженіе душевной чистоты и мягкости, что̀ и у отца, но лицомъ она совсѣмъ на него не походила. Одѣта она была очень скромно, но съ тѣмъ изяществомъ, которое свидѣтельствовало о вкусѣ не одной только портнихи. На ней была шерстяная черная юбка, открывавшая маленькія ноги, и свѣтло-сѣрый лифъ съ высокимъ воротникомъ, закрывавшимъ шею. И все это на ней сидѣло такъ ловко и такъ шло къ ея свѣжему лицу молочной бѣлизны съ нѣжнымъ румянцемъ. Ни серегъ въ ея маленькихъ ушахъ, ни колецъ на ея красивыхъ, тонкихъ рукахъ съ длинными породистыми пальцами не было. Только маленькая брошка съ тремя брильянтиками—подарокъ отца—блестѣла у шеи.

— Ты кого это, папа?—спросила она, улыбаясь, когда поставила на столъ стаканъ чая и блюдечко съ вареньемъ.

— Да этого «Вито»... Не люблю я его... Ломается... Читала сегодняшній фельетонъ?

— Читала, папа.

— И тебѣ не нравится?

— Не нравится.

— У насъ съ тобой одинаковые вкусы, Ниточка!—проговорилъ отецъ и взглянулъ на дочь взглядомъ, полнымъ любви и обожанія.

Вмѣсто отвѣта Нита поцѣловала старика.

— Славная ты моя!—промолвилъ умиленно старикъ.—Скоро вотъ и другой нашъ славный вернется,—оживленно прибавилъ Максимъ Ивановичъ...

— А когда?

— Дня черезъ три, я думаю, они придутъ въ Кронштадтъ, если ничто ихъ не задержитъ. Въ морѣ вѣдь нельзя, Ниточка, точно разсчитывать. Вѣрно, Сережа протелеграфируетъ о выходѣ изъ Копенгагена, а изъ Кронштадта мнѣ дадутъ знать телеграммой, какъ только «Витязь» покажется у Толбухина маяка. Ужъ я просилъ объ этомъ... Мы всѣ и поѣдемъ встрѣчать Сережу... Вѣдь я голубчика шесть лѣтъ не видалъ!—прибавилъ Максимъ Ивановичъ.

Дѣйствительно, отецъ въ послѣдній разъ видѣлъ сына передъ выпускомъ его изъ корпуса, восемнадцатилѣтнимъ юношей, и, назначенный начальникомъ эскадры Тихаго океана, уѣхалъ на три года, а когда вернулся въ Россію, не засталъ сына. Тотъ ушелъ въ дальнее плаваніе.

Старикъ помолчалъ и прибавилъ:

— Надѣюсь, Сережа бравый морской офицеръ и не забылъ совѣтовъ отца, какъ надо служить. Онъ вѣдь славный мальчикъ всегда былъ, только морской корпусъ его нѣсколько портилъ. Нынче тамъ больше на манеры обращаютъ вниманіе... Это тщеславіе... Эта дружба съ богатенькими князьками... Помнишь, какъ мы ссорились съ нимъ изъ-за этого?.. Ну, да тогда онъ былъ юнцомъ, и все это, конечно, прошло съ годами... Онъ вѣдь умный и честный мальчикъ!—горячо прибавилъ старикъ.

— Еще бы!—такъ же горячо воскликнула Нита и, словно бы чѣмъ-то обезпокоенная, порывисто прибавила:—но только знаешь ли что, папа?

— Что, Нита?

— Сережа иногда напускаетъ на себя больше фатовства, а онъ не такой. И ты не обращай на это вниманія, если тебѣ покажется въ немъ что-нибудь такое... наносное...

Она старалась заранѣе приготовить отца къ тому, что онъ увидитъ. Письма, которыя она изрѣдка получала отъ брата, не нравились ей; въ нихъ чувствовалось что-то такое, что глубоко огорчало ее и, конечно, огорчитъ старика. Да и раньше жизнь брата, въ отсутствіе отца, не отвѣчала ея вкусамъ, а—главное—его взгляды, его убѣжденія казались ей такими несимпатичными. И Нита, любившая своего единственнаго брата до безумія, не разъ горячо съ нимъ спорила, стараясь переубѣдить его.

И теперь, при мысли о скорой встрѣчѣ брата съ этимъ честнымъ, безупречнымъ отцомъ, предчувствіе чего-то тяжелаго невольно закрадывалось въ ея сердце. О, какъ ей хотѣлось, чтобы предчувствіе это оказалось ложнымъ, и чтобы Сережа не былъ такимъ практическимъ человѣкомъ, какимъ выставлялъ себя въ письмахъ.

— Ну, конечно, наносное... Нынче это въ модѣ. И моряки щеголяютъ тѣмъ, чего мы въ молодые годы стыдились... Такой ужъ духъ нынче во флотѣ, къ сожалѣнію... Идеалъ гроша царитъ... Какое-то торгашество... Да, Ниточка, моряки теперь не тѣ, что были прежде! Прежде мы не думали поражать франтовствомъ да по моднымъ ресторанамъ шататься... Прежде мы были хоть и замухрышками, но зато, знаешь ли, на сдѣлки разныя съ совѣстью не пускались, по переднимъ у начальства не торчали, къ тетенькамъ за протекціей не ѣздили, а тянули себѣ лямку по совѣсти... А теперь... Ну, да что говорить... Я увѣренъ только, что нашъ Сережа — сынъ своего отца и никогда не заставитъ его краснѣть за себя... Не такъ ли, моя голубушка?.. Ты вѣдь у меня славная дѣвочка и умница!

Нита поспѣшила согласиться съ отцомъ, но, когда пришла въ свою маленькую свѣтлую комнатку, мысли о Сережѣ заставили ее снова задуматься. И ей было почему-то безкопечно жаль отца.

II.

— Анна Васильевна! Нита! Готовы ли вы? Черезъ четверть часа пора ѣхать, чтобъ поспѣть на пароходъ! — говорилъ, стуча въ началѣ девятаго часа утра поочередно въ двери комнатъ жены и дочери, веселый и радостный старикъ, бодрый и свѣжій, пріодѣвшійся въ новый сюртукъ и надѣвшій на шею большой крестъ Владиміра второй степени, спрятавшійся подъ густою бородой адмирала.

Онъ то-и-дѣло посматривалъ на свои старинные золотые часы и, никогда не опаздывавшій въ своей жизни, за пять минутъ до отъѣзда снова стучался въ комнаты своихъ.

Дамы были готовы; два извозчика уже стояли у подъѣзда, и вся семья за десять минутъ до девяти часовъ была на кронштадтскомъ пароходѣ.

Утро стояло хорошее, солнечное и теплое, и Волынцевы сидѣли на палубѣ, радостно взволнованные, въ ожиданіи свиданія съ Сережей.

Наконецъ и Кронштадтъ.

Волынцевы съ пристани отправились въ купеческую гавань, и тамъ адмиралъ нанялъ яликъ до Малаго рейда.

— А не страшно на яликѣ, Максимъ Ивановичъ? — спрашивала адмиральша, женщина лѣтъ пятидесяти, высокая и статная, сохранившая еще въ своемъ лицѣ остатки былой красоты, боязливо поглядывая на маленькій яликъ...

— Не извольте безпокоиться, барыня. И въ погоду ѣздимъ, а не то что въ тишь, какъ теперь! — проговорилъ старикъ-яличникъ.

— Садись, садись, Анна Васильевна, не бойся!—успокаивалъ адмиралъ.—Ты привыкла все на катерахъ ѣздить, да на большихъ, ну, а теперь мы въ отставкѣ, катеровъ намъ не полагается!—шутливо прибавилъ адмиралъ.

— Сережа могъ бы прислать за нами катеръ!—замѣтила адмиральша, усѣвшись при помощи мужа въ яликъ.

— Почемъ онъ знаетъ, что мы съ первымъ пароходомъ ѣдемъ къ нему. Онъ, быть-можетъ, и не ждетъ насъ... Эка погода-то славная!.. Хорошо сегодня на морѣ!—воскликнулъ адмиралъ, вдыхая полной грудью свѣжій морской воздухъ.

Дѣйствительно было хорошо. Стоялъ мертвый штиль, и море

разстилалось зеленоватой гладью. Съ безоблачнаго неба весело глядѣло солнце.

Вдали, на Большомъ рейдѣ виднѣлось нѣсколько броненосцевъ, грозныхъ, но неуклюжихъ, а поближе, на Среднемъ рейдѣ, стоялъ крейсеръ «Витязь», весь черный и красивый со своими высокими тремя мачтами, паутиной снастей и съ двумя бѣлыми дымовыми трубами.

Яликъ ходко шелъ, приближаясь къ «Витязю».

Адмиралъ такъ и впился въ него своими зоркими глазами лихого моряка, гордившагося, бывало, образцовымъ порядкомъ и щегольскимъ видомъ судовъ, которыми онъ командовалъ въ теченіе своей службы, и тою любовью, какую питали къ нему матросы и офицеры. Онъ любилъ и эту службу, полную борьбы и опасностей, любилъ и эти дальнія плаванья на океанскомъ просторѣ, любилъ и матросовъ, этихъ славныхъ, добрыхъ тружениковъ моря, готовыхъ изъ кожи лѣзть, если только съ ними обращаются по-человѣчески и признаютъ въ нихъ людей, а не одну только рабочую силу. И Максимъ Ивановичъ пожалѣлъ, что онъ въ отставкѣ и уже не въ той родной средѣ, съ которою такъ сжился. Но не онъ виноватъ, что его удалили изъ флота... Онъ слишкомъ цѣнитъ чувство человѣческаго достоинства, чтобы оставаться во флотѣ цѣною подлаживанія къ высшему начальству.

Повидимому, Максимъ Ивановичъ остался доволенъ внѣшнимъ видомъ «Витязя». Рангоутъ выправленъ безукоризненно, реи—тоже. Посадка судна превосходная.

— Славное суденышко, молодцомъ глядитъ!—нѣжно, почти любовно произнесъ старый морякъ.—Полюбуйся-ка, Нита.

— Ужъ я и то любуюсь, папочка!

— Я радъ, что Сережа сдѣлалъ кругосвѣтное плаваніе не на броненосцѣ, а на крейсерѣ. По крайней мѣрѣ знаетъ, какъ ходятъ подъ парусами, а то теперь молодые офицеры совсѣмъ не знаютъ парусовъ... Все только подъ парами гуляютъ!

Чѣмъ ближе подходилъ яликъ къ крейсеру, тѣмъ нетерпѣливѣе становились пассажиры ялика.

Еще нѣсколько минутъ, и яликъ присталъ къ парадному трапу «Витязя». Фалгребные матросы въ синихъ рубахахъ съ откидными воротниками, открывавшими загорѣлыя шеи, стояли по бокамъ трапа, отдавая честь отставному адмиралу.

Молодой вахтенный мичманъ встрѣтилъ прибывшихъ у входа на палубу.

— Я хотѣлъ бы видѣть лейтенанта...

Но старикъ не докончилъ.

Лейтенантъ, котораго онъ такъ страстно хотѣлъ видѣть,

уже цѣловалъ руки и лицо матери, а Анна Васильевна, вся всхлипывая, осыпала поцѣлуями коротко остриженную бѣлокурую голову и молодое красивое лицо, которое въ первое мгновеніе показалось Максиму Ивановичу незнакомымъ, чужимъ,—до того оно возмужало и мало напоминало то нѣжное, безбородое лицо юнца, какое помнилъ отецъ.

Еще минута, и Сережа, осторожно освободившись изъ объятій матери, поцѣловался съ отцомъ и потомъ съ сестрой... У всѣхъ на глазахъ сверкали слезы...

Всѣмъ хотѣлось говорить, и всѣ говорили не то, что хотѣлось.

— Здѣсь у насъ еще идетъ чистка, папа. Пойдемъ лучше въ каюту!—проговорилъ наконецъ Сережа низкимъ пріятнымъ баритономъ, бросая быстрый взглядъ на костюмъ Ниты и отводя глаза съ довольнымъ выраженіемъ.

— Веди, куда хочешь, Сережа! — взволнованно отвѣчалъ отецъ.

— Вотъ нашъ капитанъ, папа... Позволь тебѣ его представить.

И, не дожидаясь согласія отца, онъ подвелъ капитана, пожилого, приземистаго брюнета, заросшаго волосами, и представилъ его отцу, матери и сестрѣ.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ разговора, въ которомъ капитанъ очень хвалилъ молодого лейтенанта, всѣ спустились въ каютъ-компанію. Офицеры, сидѣвшіе тамъ, встали и поклонились. Сережа опять представилъ своимъ двухъ молодыхъ офицеровъ, въ томъ числѣ одного съ княжеской фамиліей.

— Познакомь ужъ со всѣми, Сережа! — проговорилъ тихо адмиралъ, замѣтивши, что сынъ хотѣлъ вести его въ каюту.

Всѣ были представлены, и послѣ того Сережа ввелъ своихъ въ просторную, свѣтлую, щегольски убранную каюту.

— А вѣдь я тебя, Сережа, не узналъ въ первую минуту... Такъ ты измѣнился... возмужалъ съ тѣхъ поръ, какъ мы не видались. Ну-ка, дай я на тебя погляжу.

И съ этими словами старикъ крѣпко сжалъ въ своей худой, костлявой, но сильной рукѣ мягкую, пухлую, холеную руку сына и глядѣлъ на него долгимъ любовнымъ, полнымъ безконечной нѣжности, взглядомъ.

— Экій ты молодецъ какой!—наконецъ проговорилъ онъ, отводя глаза, и сталъ разглядывать Сережину каюту.

Высокій, хорошо сложенный, свѣжій и румяный, съ тонкими чертами красиваго и умнаго, слегка загорѣвшаго лица, опушеннаго свѣтло-русой бородкой, подстриженной по-модному, a la Henri IV, молодой человѣкъ, недавно только-что произ-

веденный въ лейтенанты, дѣйствительно глядѣлъ молодцомъ и притомъ имѣлъ тотъ нѣсколько-самоувѣренный, хлыщеватый и въ то же время солидный видъ, какимъ въ послѣднее время стали, по примѣру серьезныхъ молодыхъ франтовъ изъ свѣтскаго общества, щеголять и многіе моряки молодого поколѣнія, совсѣмъ не похожіе на прежній средній типъ моряка, отличавшійся отсутствіемъ всякаго хлыщества, скромностью и даже застѣнчивостью въ обществѣ и нѣкоторою, словно бы умышленною небрежностью костюма. Дескать, моряку стыдно заниматься такими глупостями, какъ франтовство!

Молодой Волынцевъ, напротивъ, былъ франтоватъ до мелочей и, видимо, тщательно занимался и своей особой и своимъ туалетомъ.

Щегольской сюртукъ, сшитый не совсѣмъ по формѣ—длиннѣе, чѣмъ слѣдовало—сидѣлъ на немъ, какъ облитой. Стоячіе воротники, съ загнутыми впереди кончиками, сіяли ослѣпительной бѣлизной, а креповый черный галстукъ, завязанный отъ руки морскимъ узломъ, былъ безукоризненъ. На ногахъ были модные остроносые ботинки безъ каблуковъ. Отъ бороды и усовъ, чуть-чуть закрученныхъ вверху, шелъ тонкій ароматъ духовъ. На мизинцѣ одной изъ рукъ была красивая бирюза, и золотой браслетъ—porte-bonheur—виднѣлся изъподъ рукава сорочки.

Сережа походилъ на сестру, но выраженіе его лица и карихъ глазъ было совсѣмъ не то, что у отца и сестры. И въ лицѣ и въ глазахъ Сережи было что-то самоувѣренное, жестковатое и холодное. Чувствовалось, что, несмотря на молодость, это человѣкъ съ характеромъ.

Обрадованный свиданіемъ, Максимъ Ивановичъ въ первыя минуты не замѣтилъ ни изысканнаго франтовства, ни самоувѣреннаго, полнаго апломба, вида Сережи и, оглядѣвъ каюту, промолвилъ:

— Однако и ящиковъ тутъ у тебя. Много же ты навезъ вещей, Сережа.

— Тутъ еще не всѣ, папа... Еще въ ахтеръ-люкѣ есть.

— Куда столько?..

— И для васъ и для себя...

— Но вѣдь это денегъ стоитъ, и большихъ... Или ты, голубчикъ, себѣ во всемъ отказывалъ, чтобы навезти столько?..

Сережа чуть-чуть покраснѣлъ и торопливо проговорилъ:

— На все хватало, папа... А для тебя, Нита, есть и креповы китайскіе для нарядныхъ платьевъ, и вѣера, и бразильскія мушки для серегъ, и хорошіе изумруды для браслета... Хочешь посмотрѣть?

— Не надо, потомъ, потомъ... Намъ хочется на тебя поглядѣть, Сережа. Спасибо тебѣ, но только зачѣмъ мнѣ? Я вѣдь не выѣзжаю.

— Она у насъ домосѣдка, Ниточка!—вставилъ отецъ.—Все больше за книжками сидитъ.

— Напрасно. Ты стала такая хорошенькая, что могла бы выѣзжать и сдѣлать хорошую партію!—смѣясь, проговорилъ Сережа.

Нита вспыхнула. Этотъ тонъ не нравился ей. Поморщился и адмиралъ.

— Ну, ну, не сердись, Нита... Хочешь быть монашкой и ученой—твоя княжая воля.

И онъ обнялъ сестру.

Анна Васильевна не сводила глазъ съ Сережи—такой онъ казался ей красивый и элегантный. Она разсказывала о родныхъ, о знакомыхъ, смѣясь, говорила, что многія барышни ждутъ его не дождутся. Сережа весело улыбался и покручивалъ свои выхоленные усы.

А Максимъ Ивановичъ слушалъ, приглядывался и только теперь замѣтилъ, какой Сережа франтъ, и его, старика, особенно непріятно поразилъ этотъ браслетъ на рукѣ сына.

«Точно женщина—браслетъ носитъ!»—подумалъ онъ. Однако ничего не сказалъ.

Нита какъ-то испуганно переводила глаза съ отца на брата.

— Ну, а ты, папа, какъ поживаешь?—спрашивалъ Сережа.

— Отлично поживаю, какъ видишь... Ты вѣдь знаешь, почему я вышелъ въ отставку?—неожиданно спросилъ старикъ.

— Знаю, ты писалъ...

— Но ты тогда ничего мнѣ не отвѣтилъ...

— Что-жъ было писать?—уклончиво проговорилъ Сережа.

— Какъ что? Я ждалъ, что ты одобришь мое рѣшеніе.

— Извини, папа, но я очень сожалѣлъ, что ты оставилъ службу... Вѣдь флотъ нуждается въ хорошихъ адмиралахъ...

— Ну, положимъ, нуждается...

Нита затаила дыханіе. Она знала, что братъ не одобрялъ рѣшенія отца и въ письмѣ къ ней называлъ выходъ его въ отставку «мальчишествомъ», тогда какъ она гордилась поступкомъ отца.

— А если нуждается,—продолжалъ слегка докторальнымъ тономъ молодой человѣкъ:—то логичнѣе было бы, мнѣ кажется, не оставлять флота... Извини, папа... Но я высказываю свое мнѣніе, разъ ты меня спрашиваешь...

— Конечно, спрашиваю... И нечего тутъ извиняться... Такъ ты считаешь, что мнѣ слѣдовало ѣхать къ начальству и про-

сить извиненія за то, что я былъ правъ?— спрашивалъ Максимъ Ивановичъ, взглядывая на сына и вдругъ чувствуя себя словно бы въ положеніи подсудимаго.

Вмѣстѣ съ тѣмъ старикъ почувствовалъ, что сынъ давно уже произнесъ свой приговоръ. Онъ это видѣлъ въ снисходительномъ взглядѣ Сережи. Онъ это слышалъ въ тонѣ его голоса. И прежній юнецъ Сережа словно бы пропалъ. Передъ нимъ былъ основательный, не по лѣтамъ практическій молодой человѣкъ, который могъ бы поучить его, старика, какъ надо вести себя.

— Сережа вовсе этого не думаетъ, папочка! Не правда ли, Сережа?—вступилась Нита, какъ бы давая понять брату, что слѣдуетъ ему отвѣтить.

Сережа не соблаговолилъ отвѣтить сестрѣ и проговорилъ, обращаясь къ отцу:

— Мнѣ кажется, можно было бы устроить дѣло и безъ извиненій, если они такъ были тебѣ непріятны, что ты изъ-за нихъ бросилъ службу, которую любишь... Въ такихъ случаяхъ всегда есть посредники, которые улаживаютъ недоразумѣнія... Но ты, папа, погорячился... Ты дѣйствовалъ подъ вліяніемъ чувства, конечно, благороднаго, но изъ-за этого флотъ лишился превосходнаго адмирала!—прибавилъ Сережа.

Старикъ попробовалъ-было улыбнуться, но улыбка вышла какая-то кислая. Однако онъ промолвилъ:

— Ты, можетъ-быть, и правъ, мой милый... Даже навѣрное правъ... Мы, старики, слишкомъ впечатлительны и часто забываемъ правила житейской мудрости... Но съ темпераментомъ ничего не подѣлаешь, Сережа... Я вотъ и вышелъ въ отставку, и флотъ лишился, какъ ты говоришь, хорошаго адмирала.

— Ты не сердись, папа, что я позволилъ себѣ откровенно высказать свое мнѣніе...

— Что ты, Сережа! За что же сердиться? Ты просто благоразумнѣе меня, вотъ и все... Ну, разсказывай, голубчикъ, доволенъ ли ты службой?.. Полюбилъ ли море?..

Сережа признался, что моря особенно онъ не любитъ, но что служитъ добросовѣстно и на хорошемъ счету у капитана. Два года какъ онъ ревизоромъ *) послѣ того, какъ прежній ревизоръ заболѣлъ и уѣхалъ въ Россію.

— Хлопотливая эта обязанность... Напрасно ты согласился принять ее.

---

*) Ревизоръ -офицеръ, завѣдующій хозяйственной частью.

— Да, работы много, но, разъ капитанъ просилъ, я не счелъ возможнымъ отказаться.

Сережа между тѣмъ взглянулъ на часы и подавилъ пуговку электрическаго звонка.

У порога каюты вытянулся молодой вѣстовой. По напряженной его физіономіи и нѣсколько испуганному взгляду сразу можно было догадаться, что этотъ бѣлобрысый матросикъ съ голубыми, слегка выкаченными глазами, побаивается молодого лейтенанта.

— Узнай, скоро ли завтракать?—сухимъ и повелительнымъ тономъ произнесъ Сережа.

— Есть, ваше благородіе!

Вѣстовой хотѣлъ-было уйти.

— Постой!—рѣзко остановилъ его Сережа.

Вѣстовой замеръ на мѣстѣ и, не моргая, глядѣлъ на лейтенанта.

— Скажи буфетчику, чтобы накрылъ три лишнихъ прибора... Понялъ?

— Понялъ, ваше благородіе!

— Ступай!

И этотъ рѣзкій, повелительный тонъ Сережи рѣзанулъ ухо отца. Вспомнилъ онъ свое отношеніе къ вѣстовымъ, вспомнилъ, какіе преданные, славные были у него вѣстовые, какъ они бывали коротки съ нимъ и нисколько его не боялись, и спросилъ сына:

— Давно онъ у тебя, Сережа?

— Съ самаго начала плаванія... А что?

— Нѣтъ, я такъ... Славное у этого матроса лицо... Доволенъ ты имъ?

— Ничего... Безтолковъ только очень! — небрежно кинулъ Сережа.

— Онъ изъ какой губерніи?

— А не знаю... Не интересовался, папа... Я, признаться, съ матросами не фамильярничаю... А то, того и гляди, забудутся...

— Въ наше время они не забывались!—проронилъ адмиралъ и замолкъ.

Черезъ нѣсколько минутъ вѣстовой, уже въ нитяныхъ перчаткахъ, доложилъ, что завтракъ готовъ.

— Папа, мама, пойдемте... Нита!..

Всѣ они пошли въ каютъ-компанію, гдѣ, въ ожиданіи гостей, никто не садился. Адмиральшу и адмирала посадили на почетныя мѣста, около нихъ сѣли капитанъ, приглашенный на завтракъ въ каютъ-компаніи, и старшій офицеръ. Сережа

сѣлъ рядомъ съ сестрой, посадивъ около нея молодого лейтенанта съ княжескимъ титуломъ.

Завтракъ прошелъ оживленно. Пили шампанское за благополучное возвращеніе на родину. Чокались другъ съ другомъ, говорили спичи.

Отъ Максима Ивановича, долго на своемъ вѣку плававшаго и сразу умѣвшаго уловить настроеніе каютъ-компаніи, не укрылось, что въ каютъ-компаніи на «Витязѣ» не было той товарищеской связи, которая соединяла бы всѣхъ. Онъ замѣтилъ, что штурманскіе офицеры, докторъ и нѣсколько молодыхъ моряковъ какъ бы составляютъ одну партію и не особенно расположены къ другимъ офицерамъ, въ числѣ которыхъ былъ и Сережа. Чувствовалось, что отношеніе къ нему далеко не дружеское, не сердечное.

Вскорѣ послѣ завтрака Волынцевы уѣхали съ крейсера. Имъ дали, конечно, катеръ.

Сережа не могъ ѣхать съ ними—обязанности ревизора мѣшали ему,—но онъ обѣщалъ пріѣхать на другой день.

Прощаясь съ сестрой, Сережа шепнулъ ей:

— Понравился тебѣ, Нита, князь Усольцевъ? Обрати на него вниманіе... Онъ славный малый, и у него двадцать тысячъ годового дохода... Я привезу его къ вамъ.

Нита вспыхнула и шепнула:

— Пожалуйста, не привози.

Старый адмиралъ вернулся въ Петербургъ какъ будто не особенно веселый.

За обѣдомъ онъ былъ задумчивъ и разсѣянъ — не такого Сережу надѣялся онъ встрѣтить!

Зато Анна Васильевна была въ восторгѣ и находила, что онъ совершенство.

— Не правда ли, какой славный Сережа? Какъ ты его нашелъ, Максимъ Ивановичъ? Ты какъ будто не особенно доволенъ имъ?—спрашивала Анна Васильевна, нѣсколько удивленная и огорченная недостаточнымъ, по ея мнѣнію, восхищеніемъ отца сыномъ.

— Что ты, что ты, Анна Васильевна! Конечно, Сережа славный, честный мальчикъ! — горячо промолвилъ старикъ, скрывая отъ жены и дочери то тяжелое впечатлѣніе, которое произвелъ на него сынъ при первой встрѣчѣ и которое мучило теперь старика.

Его любовь къ Сережѣ боролась съ этимъ первымъ впечатлѣніемъ. Онъ хотѣлъ во что бы то ни стало обвинить себя въ излишней поспѣшности сужденія о сынѣ. Какъ отецъ, онъ, быть-можетъ, слишкомъ требователенъ, и въ глазахъ его

мелкіе недостатки приняли большіе размѣры и многое показалось не въ томъ свѣтѣ. Въ самомъ дѣлѣ, и эта рѣзкость съ вѣстовымъ и это франтовство сына не такія ужъ преступленія, а его практичность и солидность доказываютъ только, что Сережа, несмотря на молодость, живетъ не однимъ сердцемъ... Во всякомъ случаѣ онъ честный и хорошій молодой человѣкъ! Онъ пріѣдетъ, раскроетъ свою душу, и тогда отецъ убѣдится, что первое впечатлѣніе было ложно.

И старикъ, словно бы утѣшая себя, продолжалъ:

— И знаешь ли, Анна Васильевна, мнѣ даже нравится въ немъ эта увѣренность въ себѣ, серьезность и практичность...

— Сережа напускаетъ больше на себя... Вовсе онъ не такой практичный, папа!—вступилась Нита.

Адмиралъ взглянулъ на дочь ласковымъ, благодарнымъ взглядомъ за это противорѣчіе, которое такъ хотѣлось ему слышать.

III.

Со времени возвращенія Сережи прошелъ мѣсяцъ, но Сережа не торопился раскрывать своей души передъ отцомъ и вообще избѣгалъ высказываться, хотя при случаѣ и не скрывалъ, что смотритъ на многое совсѣмъ не такъ, какъ отецъ и Нита. Онъ видимо нѣсколько снисходительно относился къ ихъ взглядамъ, но споровъ избѣгалъ, несмотря на то, что старикъ, какъ будто нарочно, старался заводить ихъ. Да и дома Сережа оставался недолго во время пріѣздовъ своихъ въ Петербургъ. Пообѣдаетъ или заглянетъ на часъ, да и уѣдетъ то по дѣламъ, то къ знакомымъ, то въ театръ. И останавливался онъ не у своихъ—хотя для него и приготовлена была прежняя маленькая его комната,—а у своего друга, князя Усольцева, котораго Сережа, несмотря на протестъ сестры, все-таки привезъ къ своимъ.

Масса подарковъ Сережи украшала теперь скромную квартиру Волынцевыхъ. Чудныя японскія вазы, столики, разныя китайскія вещи изъ черепахи и слоновой кости стояли въ гостиной и въ комнатѣ Анны Васильевны. У адмирала въ кабинетѣ красовались великолѣпные китайскіе шахматы съ громадными фигурами, а у Ниты въ комодѣ были китайскія и японскія матеріи, вѣера, страусовыя перья и много разныхъ цѣнныхъ бездѣлокъ. Такими же роскошными вещами Сережа одарилъ нѣкоторыхъ знакомыхъ, и кромѣ того кронштадтская его квартира была полна привезенными вещами.

Отецъ только удивлялся. Онъ зналъ, что всѣ эти предметы роскоши стоили большихъ денегъ; нельзя было навезти ихъ

столько на жалованье. Кромѣ того Максима Ивановича поражала и жизнь сына въ Петербургѣ: эти лихачи, эта дружба съ княземъ Усольцевымъ, завтраки и обѣды въ ресторанахъ, театры...

Откуда у него на это деньги?

И аккуратный старикъ, никогда въ жизни не имѣвшій долговъ, съ ужасомъ подумалъ, что сынъ запутался въ долгахъ.

Не рѣшаясь изъ деликатности прямо спросить объ этомъ, онъ какъ-то стороной завелъ однажды рѣчь о молодыхъ людяхъ, запутывающихся въ долгахъ, но Сережа, понимая, къ чему клонитъ отецъ, смѣясь проговорилъ:

— Успокойся, папа. У меня нѣтъ ни копейки долга.

«Откуда-жъ у тебя деньги?» — чуть было не сорвалось у отца, но онъ удержался и промолчалъ.

И вдругъ адмиралъ вспомнилъ, что сынъ его ревизоръ. Онъ хорошо зналъ, что въ послѣднее время ревизоры и многіе капитаны нисколько не стѣсняются пользоваться незаконными доходами и даже громко хвастаются этимъ.

«Господи! Неужели и Сережа?»

Ужасное подозрѣніе закралось въ эту честную сѣдую голову, и выраженіе страха и страданія исказило черты лица адмирала, когда онъ остался одинъ въ своемъ кабинетѣ.

«Не можетъ быть! Это неправда!»

Онъ гналъ эти подозрѣнія. Онъ ни слова не говорилъ сыну, ожидая, что тотъ самъ объяснитъ это недоразумѣніе. Быть-можетъ, Сережа выигралъ крупную сумму въ карты — вѣдь моряки любятъ поиграть въ азартныя игры на берегу!

Но Сережа молчалъ, и подозрѣнія снова назойливо закрадывались въ голову старика и терзали его.

Въ послѣдніе дни они не давали покоя. Куда дѣвалось его прежнее добродушіе и веселость? Какъ ни старался онъ скрыть отъ жены и дочери свои страданія, его скорбный растерянный видъ выдавалъ его. Онъ сдѣлался молчаливъ и большую часть времени проводилъ у себя въ кабинетѣ.

Анна Васильевна съ тревогой спрашивала: «здоровъ ли онъ?» и старикъ, чтобы отдѣлаться, сваливалъ свое дурное расположеніе на ревматизмъ. Чуткая Нита догадывалась, что поведеніе Сережи причиняетъ страданія отцу, чаще ласкалась къ старику, заглядывая къ нему въ кабинетъ, и чаще предлагала почитать вслухъ.

И старикъ нѣжно цѣловалъ ее и говорилъ:

— Спасибо, спасибо, Ниточка, не надо... Ревматизмъ-подлецъ даетъ себя знать... Я полежу... А ты иди къ матери...

Однажды онъ возвратился домой совсѣмъ убитый. Онъ

только-что вернулся изъ одного ресторана на Васильевскомъ островѣ, куда ходилъ читать англійскія газеты и выпить чашку кофе, и тамъ слышалъ разговоръ нѣсколькихъ молодыхъ моряковъ объ его сынѣ. Они его не бранили—о, нѣтъ!—напротивъ, съ одобреніями и завистью говорили, что онъ «ловкій ревизоръ», тысячъ десять привезъ изъ плаванія кромѣ вещей... Молодецъ Волынцевъ! Не зѣвалъ!

Точно оплеванный вышелъ адмиралъ изъ ресторана, дошелъ домой и заперся въ кабинетѣ.

«Не можетъ быть... На Сережу клевещутъ!» — все еще не хотѣлъ вѣрить честнѣйшій старикъ и рѣшилъ, что надо переговорить съ сыномъ.

Онъ опровергнетъ всѣ эти мерзости!.. О, навѣрное!

И надежда смѣнялась отчаяніемъ, отчаяніе надеждой. Безграничная любовь къ Сережѣ ожесточенно боролась противъ очевидности.

Но болѣе терпѣть онъ не могъ. Надо же наконецъ узнать правду и не подозрѣвать напрасно сына.

И однако страхъ охватывалъ этого неустрашимаго моряка, видавшаго на своемъ вѣку не мало опасностей, при мысли о подобномъ объясненіи съ сыномъ.

Думалъ ли онъ, что ему придется имѣть такія объясненія?!

Въ этотъ день Сережа обѣдалъ дома. Веселый и довольный, онъ между прочимъ сообщилъ, что командиръ «Витязя» назначается командиромъ броненосца «Побѣдный» и что онъ зоветъ его къ себѣ ревизоромъ.

— И ты согласился? — съ какою-то тревогой въ голосѣ спросилъ старикъ.

— Разумѣется, папа!—отвѣтилъ Сережа.—Черезъ годъ «Побѣдный» идетъ на два года въ Средиземное море!—прибавилъ онъ.

«И, значитъ, доходы будутъ большіе», — невольно пронеслось въ головѣ старика.

Когда окончился обѣдъ, адмиралъ какъ-то смущенно проговорилъ:

— А ты зайди-ка ко мнѣ, въ кабинетъ, Сережа... Хочу тебѣ показать чертежи новаго англійскаго крейсера... интересные... Прелестный будетъ крейсеръ...

Нита испуганно взглянула на отца и, замѣтивъ его смущеніе, поняла, что не о чертежахъ будетъ рѣчь. И ей стало страшно за отца.

IV.

— Присядь, Сережа... Видишь ли... Ужъ ты извини, голубчикъ... Никакихъ чертежей нѣтъ... Я такъ, чтобы, пони-

маешь ли... мать и сестра... Зачѣмъ имъ знать?.. А мнѣ нужно съ тобой поговорить... ты самъ поймешь, что очень нужно, и извинишь отца, что онъ... въ нѣкоторомъ родѣ...

Адмиралъ конфузился и говорилъ безсвязно, видимо не рѣшаясь объяснить сущности дѣла.

Сережа, напротивъ, былъ спокоенъ и, взглянувъ ясными, нѣсколько удивленными глазами на отца, сказалъ:

— Ты, папа, говори прямо... не стѣсняйся... О чемъ ты хочешь говорить со мной?

Этотъ самоувѣренный видъ и спокойный тонъ обрадовали старика, и онъ продолжалъ:

— Я конечно, такъ и думалъ, что все это подлая ложь... Но меня все-таки, знаешь ли, мучило... Какъ смѣютъ про тебя говорить...

— Что же про меня говорятъ, папа?

— Что будто ты былъ ловкимъ ревизоромъ и привезъ изъ плаванія десять тысячъ...

И адмиралъ даже засмѣялся.

По красивому, румяному лицу молодого лейтенанта разлилась краска. Но глаза его такъ же ясно и рѣшительно смотрѣли на отца, когда онъ проговорилъ:

— Это вѣрно, папа. Тысячъ восемь я привезъ!

Адмиралъ, казалось, не вѣрилъ своимъ ушамъ. Такъ просто и спокойно проговорилъ эти слова сынъ.

— Потому, что былъ ревизоромъ? — наконецъ спросилъ старикъ упавшимъ голосомъ.

— Да, папа. Я дѣлалъ то, что дѣлаютъ почти всѣ, и долженъ тебѣ сказать, что не вижу въ этомъ никакой подлости... Напрасно ты такъ близко принимаешь это къ сердцу, папа. Не возьми я своей части, все пошло бы одному капитану... Съ какой стати!.. И вѣдь эти восемь тысячъ, которыя мнѣ достались, собственно говоря, ни отъ кого не отняты... Никакихъ злоупотребленій мы не дѣлали ни съ углемъ ни съ провизіей... Все покупали по справочнымъ цѣнамъ, которыя давали намъ консула... Но эти обычныя скидки десяти процентовъ со счетовъ, которыя практикуются вездѣ, что съ ними дѣлать?.. Записывать ихъ на приходъ по книгамъ нельзя... Оставлять ихъ поставщикамъ, что ли? Это было бы совсѣмъ глупо... Ну, онѣ и дѣлятся между капитаномъ и ревизоромъ... И никто не видитъ въ этомъ ничего предосудительнаго...

— Но вѣдь это... воровство!.. Вѣдь эти скидки должны поступать въ казну... Или ты съ капитаномъ этого не понимаете?.. Неужели не понимаете?.. О, Господи, какіе вы не-

понятливые!.. И ты, сынъ человѣка, который въ жизни никогда не пользовался никакими скидками, ты тоже не находишь ничего предосудительнаго?..

— Ты, папа, извини, слишкомъ большой идеалистъ и требуешь отъ людей какого-то геройства, и притомъ ни къ чему ненужнаго. А я смотрю на жизнь нѣсколько иначе... Я не...

— Вижу... Довольно... Мы другъ друга не понимаемъ,— перебилъ старикъ, и голосъ его звучалъ невыразимою грустью,—Теперь во флотѣ не понимаютъ даже, что̀ предосудительно и что̀ нѣтъ... И даже такіе молодые... То-то ты и отставки моей не одобряешь... Ты разсудителенъ не по лѣтамъ... И, вѣрно, карьеру сдѣлаешь... Иди... иди, Сережа... Намъ больше не о чемъ разговаривать!.. Не говори только объ этомъ сестрѣ... Она тоже не пойметъ тебя...

Сережа пожалъ плечами, словно бы удивленный этими ламентаціями старика, и вышелъ изъ кабинета, а Максимъ Ивановичъ какъ-то безпомощно опустилъ свою сѣдую голову.

Когда Нита принесла чай, Максимъ Ивановичъ попрежнему сидѣлъ за столомъ, скорбный и мрачный. Увидавъ дочь, онъ попробовалъ улыбнуться, но улыбка была печальная.

Нита молча обняла старика. Онъ крѣпко-крѣпко прижалъ ее къ своей груди, и слезы блестѣли на глазахъ стараго адмирала.

МЕСТЬ.

Разсказъ стараго боцмана.

I.

— Сами изволили служить во флотѣ, вашескобродіе, такъ можете понимать, какая она есть флотская служба. Извѣстно, вода—не сухой путь, и коли ты, значитъ, въ своемъ разсудкѣ, съ ей не шути, а уважай ее и Бога-то завсегда помни. Всего бывало. Ну и учили въ старину нашего брата не по-нонѣшнему, а больше боемъ и линьками, особливо сжели командиръ или старшій офицеръ были къ этому привержены. Такое тогда положеніе было, что быдто безъ эстаго никакъ невозможно...

— И долго вы служили, Захарычъ?

— Двадцать три года отслужилъ царю, вашескобродіе. Боцманомъ восемь лѣтъ былъ, три раза въ «дальнюю» ходилъ... Всего, можно сказать, видалъ. Бились мы съ клипером на каменьяхъ у Сахалинъ-острова, не разъ въ окіанѣ, во время погоды, Господа милосерднаго вспоминали, но только, прямо доложу вамъ, вовѣкъ не забыть, какъ это мы на «Чайкѣ» домой, въ Рассею, ворочались. Слыхали про «Чайку»-то? Вѣдь почти къ Кронштадту подходили... Видно, Господь несчастіе послалъ намъ въ наказаніе. «Помни, молъ, флотъ рассейскій, что за грѣхи бываетъ!» Тридцать шесть годовъ, почитай, прошло съ тѣхъ поръ, а и теперь, какъ вспомнишь...

Низенькій, коренастый и сѣдой, какъ лунь, Захарычъ, съ которымъ мы, сидя въ небольшой лодкѣ, ловили раннимъ лѣтнимъ утромъ окуней на ряжахъ, недалеко отъ Ораніенбаума, внезапно смолкъ и, весь вниманіе, напряженно глядѣлъ своими маленькими, оживившимися глазками на поплавокъ. Еще секунда, и Захарычъ вытащилъ изъ воды крупнаго окуня.

— Окунекъ форменный!—прошепталъ Захарычъ, снимая съ крючка трепыхавшуюся рыбу и бросая ее въ бачекъ съ водой.—Здѣсь имъ водъ, вашескобродіе!

Онъ основательно насадилъ червяка, поплевалъ на него, закинулъ удочку и, закуривъ маленькую трубочку, набитую махоркой, примолкъ.

Мнѣ было не до окуней.

Узнавъ, что Захарычъ былъ на злополучной «Чайкѣ», о трагической катастрофѣ которой мнѣ довелось слышать въ юности, я, разумѣется, хотѣлъ узнать отъ очевидца подробности, тѣмъ болѣе, что о причинахъ несчастія въ свое время ходили темные слухи.

— Такъ вы были, Захарычъ, на «Чайкѣ»?—воскликнулъ я.

— То-то былъ... На форъ-марсѣ служилъ... Ноковымъ, вашескобродіе... Господь вызволилъ... Немного тогда насъ съ «Чайки» спаслось,—почти шопотомъ говорилъ Захарычъ, не спуская глазъ съ поплавка.—Ишь вѣдь шельмецъ, потрогалъ, а настояще брать не беретъ!—прибавилъ онъ, покачивая головой.

— Разскажите, Захарычъ, о «Чайкѣ»... Все, что помните, разскажите.

— Лучше, какъ отловимъ рыбку, тогда. А то рыба не любитъ разговору... Даромъ что рыба, а и въ ей разсудокъ.

— Да вы, Захарычъ, тихо разсказывайте, она и не услышитъ. А потомъ мы какъ слѣдуетъ закусимъ и ужъ будемъ удить молча.

— Развѣ что ежели тихо,—согласился Захарычъ, видимо нѣсколько заинтересованный вопросомъ о закускѣ и бросая любопытный и умильный взоръ на стоявшую на кормѣ корзинку, изъ которой торчала бутылка съ водкой.

— Можетъ, и теперь стаканчикъ выпьете?—предложилъ я.

— Что-жъ, вашескобродіе, вреды не будетъ, ежели и выпить,—весело отвѣчалъ Захарычъ, замѣтно оживившись.—Вмѣсто какъ бы то чая. Оно даже пользительно, и самое время... Солнышко-то высоко поднялось. Скоро и флагу поднимъ... Эка вѣдь коровы!—съ насмѣшливымъ презрѣніемъ прибавилъ Захарычъ, указывая побурѣвшею, съ надувшимися жилами, рукой на стоявшіе у Кронштадта два броненосца, отчетливо виднѣвшіеся на чистомъ горизонтѣ.—Никакого въ ихъ виду нѣтъ... Не то, какъ старинныя суда... Мачты кургузыя, голыя... Только одно званіе что мачты,—говорилъ Захарычъ, пока я откупоривалъ бутылку.

Съ благоговѣйною осторожностью взялъ онъ своими скрюченными, костлявыми пальцами маленькій, до краевъ налитый

стаканчикъ, затѣмъ снялъ съ головы измызганный картузъ и, перекрестившись и пожелавъ мнѣ быть здоровымъ, медленно, съ наслажденіемъ пьяницы, сталъ цѣдить водку.

— Покорнѣйше благодарю, вашескобродіе. Славная водка!— одобрительно вымолвилъ онъ, возвращая стаканчикъ.

— А закусить?—предложилъ я, протягивая Захарычу бутербродъ.

— Много благодарны, вашескобродіе... Я его погодя съѣмъ,— сказалъ онъ, пряча бутербродъ въ карманъ своего ветхаго куцаго пальтишки.

Наладивъ удочку, Захарычъ закинулъ ее и тихимъ, слегка сипловатымъ баскомъ началъ свой разсказъ среди мертвой тишины лѣтняго погожаго утра на штилѣвшемъ морѣ.

II.

— Ходили мы на этой самой «Чайкѣ» безъ малаго три года, вашескобродіе, по разнымъ мѣстамъ. Клиперъ нашъ подъ парусами ловко ходилъ; ежели въ бакштагъ или полвѣтра, такъ узловъ по двѣнадцати отжаривалъ и парусину легко носилъ. Ходкое было судно и рулю послушливое, и носомъ не рыло воды. Добрый былъ клиперокъ. Ну и подъ парами, когда для нужности, узловъ по семи хаживалъ. Обошли мы на немъ почитай весь свѣтъ. Были и на мысу на Надежномъ*), и въ Китаѣ, и въ Японіи, во Франціскахъ въ Америкѣ, заходили и на разные острова, гдѣ черный народъ, бытто дикій, живетъ. Всякую, значитъ, диковину довелось увидать по жаркимъ-то землямъ, вашескобродіе... Но только эти три года намъ въ родѣ вѣку показались, потому, прямо сказать, плаваніе было каторжное, и какъ «Чайка» вошла, значитъ, въ Финскій заливъ, то всѣ мы крестились и благодарили Господа, что, молъ, конецъ каторгѣ... А главная тому причина—командиръ...

— Сердитый былъ?

— Прямо сказать, злобный человѣкъ, и съ имъ матросамъ была одна тоска. Изъ нѣмцевъ, вашескобродіе, сказывали, изъ ревельскихъ бароновъ. Такой изъ себя сухопарый и долговязый, ровно цапель, и съ матросомъ гордый-прегордый. Никогда отъ его никто не слыхалъ добраго слова. Выйдетъ это онъ наверхъ и ходитъ, какъ индюкъ, по шканцамъ. Молчитъ и только бачки свои рыжіе пощипываетъ. А взглянетъ ежели на матроса лягушечьими глазами, то въ родѣ бытто на червяка или на мразь какую. Очень онъ высоко себя полагалъ.

---

*) Мысъ Доброй Надежды.

Изъ нѣмцевъ-господъ многіе, сказываютъ, такъ себя полагаютъ, что кровь у нихъ быдто не та, что у простого человѣка, а я такъ разсчитываю, что Богъ кровь всѣмъ одну далъ, вашескобродіе. Вѣстовой у его былъ, Акимка,—царство ему небесное!—изъ одной деревни мы были. Такъ и съ имъ даже не допускалъ себя до разговору. «Скотина!», «свинья!»—вотъ и всего, а то больше знакомъ приказывалъ. Долженъ понимать! И терпѣлъ отъ его Акимка—ахъ, какъ терпѣлъ!—завсегда съ разбитою мордой ходилъ. Сбѣжать даже съ клипера собирался этотъ самый Акимка, однако ребята отговорили. А жилъ бы теперь Акимка въ Америкѣ въ вольномъ званіи.

Захарычъ на минуту примолкъ, оглядѣлъ удочку, закурилъ трубку и, попыхивая дымкомъ, продолжалъ:

— Не одинъ Акимка терпѣлъ; всѣ мы терпѣли,—что тутъ подѣлаешь? И такая тоска была, что не приведи Богъ. И всталъ съ тоской и легъ съ тоской... Всякихъ командировъ видалъ я на своемъ вѣку, вашескобродіе, и лютыхъ, и заносистыхъ, и, прямо сказать, бѣшеныхъ, однако другого такого, какъ этотъ самый баронъ Шлига, Господь не насылалъ ни раньше ни послѣ. Другой и зубы тебѣ отшлифуетъ безо всякаго, можно сказать, разсудка, и форменно отдеретъ, какъ Сидорову козу, но ты можешь понять, что онъ хоть и тиранитъ тебя по своей должности и по характеру, а все-таки тобой не пренебрегаетъ. «Такой же, молъ, и матросъ человѣкъ есть, но только другого, значитъ, званія». И, какъ отойдетъ сердце, онъ на тебя звѣремъ не смотритъ и доброе слово скажетъ... А нѣмецъ-то этотъ Шлига матросомъ пренебрегалъ, брезговалъ, значитъ, и всѣ мы это понимали... Небось, матросъ наскрозь начальника понимаетъ, кто чего стоитъ и отъ какихъ причинъ звѣрствуетъ. А этотъ дрался, можно сказать, безъ всякаго пыла, злобственно и ненасытно. Чуть какая неисправка, сейчасъ поманитъ тебя пальцемъ—бѣги, значитъ, къ ему. И станетъ кулакомъ морду расписывать не спѣша, съ разстановкой... Вдаритъ и подождетъ. Цокнетъ по зубамъ и дастъ кулаку отдыхъ... И опять и опять, доколь не отпуститъ матроса съ вздутымъ рыломъ, въ крови. И норовилъ, чтобы почувствительнѣе. На это онъ ловокъ былъ. Такъ «дьяволомъ» да «анаѳемой» и звали его матросы промежъ себя, другого названія ему и не было. И, прямо сказать, дьяволъ, не тѣмъ будь помянутъ покойникъ. Никакой жалости къ людямъ не имѣлъ, словно безчувственный какой. У меня о сю пору знакъ отъ него остался.

Захарычъ поднялъ картузъ и указалъ на шрамъ у виска.

— Это онъ мнѣ «бинкомъ»*), вашескобродіе, високъ раскроилъ.

— За что?

— А за то, что на форъ-марсѣ вышла заминка—марсель чуть-чуть опоздали закрѣпить. На секундъ, на другой, что ли... А онъ требовалъ, чтобы ни на одинъ секундъ опоздать не смѣли. На этотъ счетъ строгъ былъ. Ну, въ числѣ прочихъ марсовыхъ и меня... Кулакъ-то, видно, усталъ, по зубамъ ѣздивши, такъ онъ со всей силы меня «бинкомъ»... Однако казенный бинокъ попортилъ, и это его осердило... Велѣлъ тогда всыпать. «Двадцать пять!»—говоритъ. А боцманамъ онъ приказывалъ наказывать по всей строгости и не торопясь, чтобы, значитъ, продлить терзаніе. И самъ завсегда на бакѣ стоялъ и смотрѣлъ, какъ наказывали... Стоитъ и цыгарку куритъ. И требовалъ, чтобы линекъ былъ форменный. Одно слово, мучитель былъ, что̀ и говорить... Однако безъ вины не наказывалъ—клепать нечего, но только при его строгости завсегда вина находилась... Рѣдко кто уберегался... Всѣмъ попадало, и не было, кажется, на «Чайкѣ» ни одного человѣка, который отъ его не терпѣлъ. И всѣ Шлигу ненавидѣли. Офицеры тоже недолюбливали командира. Онъ и съ ими не очень-то нѣжничалъ. Вѣстовые тогда сказывали, что въ каютъ-компаніи очень имъ были недовольны и быдто собирались, по возвращеніи въ Рассею, жаловаться на его... Но Шлига и въ усъ не дулъ... Очень ужъ гордый и упрямый былъ человѣкъ... ну, и, надо правду сказать, по своему дѣлу капитанъ лихой и отчаянный... Бывало, штурмуемъ форменно, а онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, стоитъ на мостикѣ, зубы затиснулъ да только бачки свои пощипываетъ... Разъ, доложу вамъ, трепало насъ въ Индійскомъ океанѣ двое сутокъ, потеряли мы гротъ-мачту, клиперъ бросало словно щепку, волны такъ и ходили ходуномъ черезъ палубу,—думали, тутъ конецъ намъ, а у самого Шлиги никакого страха нѣтъ, одна отчаянность. Стоитъ, рыжій дьяволъ, у штурвала, около рулевыхъ, не моргнувши глазомъ, и только покрикиваетъ: «Право!», «лѣво!»—чтобы поперекъ волны клиперъ не бросило на погибель, да нѣтъ-нѣтъ по зубамъ рулевыхъ, ежели оплошали. И видъ у его все тотъ же: гордый-прегордый, быдто ему, отчаянному, и штурма ни почемъ, и смерть не страшна... И еще осрамилъ одного мичмана... Самъ-то лба не перекрестилъ ни разу, а какъ замѣтилъ, что мичманъ вахтенный въ страхѣ крестится, говоритъ ему: «Вы бы замѣсто флота лучше въ монахи шли, коли, говоритъ, моря трусите.

*) Биноклемъ.

На вахтѣ, говоритъ, не молятся, а службу справляютъ!» Мичманъ и сгорѣлъ отъ этихъ словъ... Такъ почитай двое сутокъ простоялъ Шлига у штурвала... ни на кого не полагался. На часъ, на другой спустится внизъ отдохнуть, оставивши замѣсто себя старшаго офицера, и опять къ своему мѣсту... И стоитъ въ кожанѣ и зюйдвесткѣ весь мокрый отъ воды и вокругъ посматриваетъ... И ѣсть ему Акимка наверхъ подавалъ. Принесетъ это кусокъ сыру, да галетку, да рюмку хересу... Съѣстъ Шлига сыръ, а галетку помочитъ въ винѣ и посасываетъ... Матросы все это видятъ и только диву даются его отчаянности. «Ишь вѣдь, дьяволъ, какой спокойный!» Это про его говорятъ, и, глядя на командира, и въ насъ быдто страхъ пропадалъ. Управится, молъ, анаѳема! И вѣдь точно управился, вашескобродіе, даромъ что и мачту потеряли, и ураганъ былъ не приведи Богъ! Чуть бы командиръ растерялся, быть всѣмъ на днѣ. На третьи сутки полегчало. Поставили мы форъ-марсель въ четыре рифа и курцъ взяли на Цейлонъ-островъ. А Шлига осмотрѣлъ клиперъ, приказалъ, что̀ поломано, починить и ушелъ спать. Спалъ онъ цѣлыя сутки, а когда вышелъ наверхъ, то, вмѣсто добраго слова за то, что во время штурмы всѣ старались, онъ плотниковъ въ кровь разбилъ... Плохо, молъ, починка идетъ! Да и боцманамъ попало... Онъ этимъ не стѣснялся... Всѣхъ равнялъ и боцманамъ чистилъ зубы, какъ и другимъ прочимъ... Это замѣсто молебна-то! Думали, велитъ честь-честью молебенъ благодарственный отслужить батюшкѣ, а онъ свой молебенъ отслужилъ, Шлига-то!.. Денъ черезъ десять добрались мы до Цейлонъ-острова, справили тамъ новую гротъ-мачту, вооружили ее какъ слѣдуетъ, и айда дальше... Онъ не любилъ застаиваться въ портахъ и самъ рѣдко съѣзжалъ на берегъ... Все, бывало, сидитъ одинъ, какъ перстъ, въ своей каютѣ и все письма пишетъ своей бароншѣ.

— Женѣ?

— Никакъ нѣтъ, вашескобродіе, невѣстѣ. Была у его, значитъ, оставлена въ Рассеѣ, подъ Ревелемъ, невѣста. Жениться хотѣлъ по возвращеніи. Какъ уходили мы изъ Кронштадта, она со своею маменькой пріѣзжала къ нему прощаться. Такая высокая, статная и пригожая. Лицомъ чистая, бѣлая и лѣтъ этакъ двадцати. Сказывали, тоже изъ нѣмокъ и тоже баронскаго званія. И они все по-нѣмецки говорили, а когда прощались, она очень плакала, и онъ заскучимши былъ. И, надо полагать, очень обожалъ свою нѣмку. Акимка сказывалъ, что патреты этой самой баронши по всѣмъ мѣстамъ были въ капитанской каютѣ: и надъ койкой,

и по переборкамъ, и на письменномъ столѣ, и такъ, въ патретной книгѣ. И Шлига часто на ихъ смотрѣлъ. Стоитъ и любуется, и въ тое время самъ онъ, сказывалъ Акимка, добрѣе становился, не глядѣлъ звѣремъ, какъ наверху. А какъ придемъ въ портъ, и концырь письма привезетъ, такъ Шлига и вовсе обрадуется,—запрется у себя въ каютѣ и читаетъ, да по нѣскольку разъ сызнова, не начитается, что ему нѣмка пишетъ. И что бы вы думали, вашескобродіе? Акимка видѣлъ, какъ онъ письма-то эти цѣловалъ, а у самого слезы... Поди-жъ ты! Значитъ, и у его для этой баронши сердце-то смягчалось. То-то оно и есть! И я такъ полагаю, вашескобродіе, что у всякаго человѣка, самаго злого, что-нибудь да найдется доброе, поэтому ежели ты на всѣхъ зло имѣешь и никого на свѣтѣ не любишь, такъ и самому нѣтъ житья. И страсть сколько онъ изводилъ бумаги на письма! Акимка говорилъ, что толстые пакеты посылалъ... Все, значитъ, къ ей... И много подарковъ везъ. А на себя скупъ былъ, и не было у его положенія, какъ у другихъ командировъ, къ себѣ приглашать на обѣдъ офицеровъ. Такъ одинъ и обѣдалъ всѣ три года... И все одинъ да одинъ съ нѣмкиными патретами... Только не довелось ему свидѣться съ бароншей... Господь наказалъ... А она, сказывали, какъ узнала про судьбу его, разсудку рѣшилась.

Захарычъ снова вытянулъ окуня. Наладивъ удочку, онъ не спѣша закинулъ ее, но вмѣсто того, чтобы продолжать разсказъ, дипломатически покашливалъ, бросая и на меня и на корзинку такіе выразительные взгляды, что я догадался предложить Захарычу выпить.

— Вовсе даже необходимо промочить глотку, вашескобродіе,—съ живостью согласился старикъ, и его темно-красное, изрытое морщинами лицо просіяло:—а то пересохла отъ разговору... Быдто першитъ въ ей...

— А не много ли будетъ, Захарычъ, цѣлаго стаканчика натощакъ?—спросилъ я, собираясь наливать.

Захарычъ вытаращилъ на меня глаза съ видомъ обиженнаго человѣка.

— Много?.. Это старому-то боцману?

И не безъ достоинства прибавилъ:

— Мнѣ, вашескобродіе, ежели и всю вашу бутылку сразу, такъ не много, а не то что такой наперстокъ. Слава Богу, пивали и знаемъ свою плепорцію!

Съ этими словами крѣпкій еще на видъ, несмотря на свой седьмой десятокъ, Захарычъ какъ-то молодцовато выпрямился на скамьѣ и задорно приподнялъ голову, какъ будто приглашая полюбоваться его особой.

Онъ съ прежнимъ наслажденіемъ припалъ къ водкѣ, затѣмъ закусилъ маленькимъ кусочкомъ бутерброда и крякнулъ съ видомъ удовлетворенія.

— Вотъ теперь и разсказывать поспособнѣе. Водка эту самую мокроту гонитъ, вашескобродіе,—пояснялъ Захарычъ. — И ежели кашель, ничего лучше нѣтъ, какъ водка. И отъ всякой нутренности помогаетъ.

И, сплюнувъ въ воду, продолжалъ:

III.

— Такимъ-то манеромъ маялись мы, вашескобродіе, на «Чайкѣ» съ эстимъ самымъ Шлигой и всячески проклинали его. Соберемся, бывало, это на бакъ покурить или передъ сномъ лясничаемъ въ палубѣ, только и разговору, что про Шлигу. «Такой, молъ, сякой!» Разговоромъ, значитъ, сердце облегчаемъ. Обидно вѣдь, что на другихъ судахъ матросы какъ люди живутъ, а у насъ ровно бы арестантскія роты. И такъ, я вамъ доложу, иной разъ приходилось нудно, что, кажется, взбунтуй кто насъ въ тѣ поры, пошли бы на бунтъ противъ командира... Отъ одного старика-матроса я потомъ слыхалъ, что въ старину было такое дѣло на фрегатѣ «Отважномъ». Можетъ, слыхали, вашескобродіе?

— Нѣтъ, не слыхалъ.

— А было такое дѣло, вашескобродіе, — понижая голосъ, внушительно повторилъ Захарычъ.—Матросъ, что̀ разсказывалъ, въ то время на этомъ фрегатѣ служилъ. Тоже, значитъ, у ихъ командиръ звѣрствовалъ безо всякаго предѣла, и разъ ночью въ окіанѣ боцмана и унтерцеры просвистали въ дудки и крикнули всѣ въ одинъ голосъ: «Пошелъ всѣ наверхъ командира за бортъ кидать!» Вся команда выскочила наверхъ... И быть бы форменному бунту, вашескобродіе, если-бъ въ ту пору не догадался старшій офицеръ и не повернулъ все дѣло... Башковатый былъ и, сказывали, доберъ съ матросомъ.

— Что̀ же онъ сдѣлалъ?

— Выскочилъ это онъ наверхъ, видитъ, народъ шумитъ, и, ни слова не говоря, на полуютъ, а оттуда какъ зыкнетъ громовымъ голосомъ: «По мѣстамъ стоять! Къ повороту!» Матросы, значитъ, услыхавши команду, бросились по своимъ мѣстамъ. Извѣстно, привыкли къ службѣ. А онъ все командуетъ: «Кливеръ-шкотъ, фока-шкотъ раздернуть! Право на бортъ!» И давай фрегату повороты дѣлать: то оверштагъ, то фордевиндъ. И этакимъ родомъ примѣрно съ часъ цѣлый все повороты давалъ и вовсе умаялъ народъ. Устали, значитъ, ма-

тросы, и пылъ у нихъ прошелъ. А тѣмъ временемъ старшій офицеръ все дѣло объяснилъ капитану. «Такъ и такъ, молъ, хотѣли за бортъ васъ кидать отъ вашей жестокости. Я, говоритъ, бунтъ пока прекратилъ, а теперь, говоритъ, вашего ума дѣло!» Тогда командиръ вышелъ наверхъ и будто ничего не знаетъ. «Команду во фрунтъ!»—приказалъ. Стали во фрунтъ. «Молодцы, говоритъ, ребята. Лихо работали. Съ такими молодцами, говоритъ, и линьковъ не нужно!» И тую-жъ минуту приказалъ боцманамъ и унтерцерамъ линьки за бортъ покидать. Матросы: «Рады, молъ, стараться!»—и разошлись... И послѣ этого ужъ звѣрства не было. Наказывали съ разсудкомъ, и народъ вздохнулъ... А командиръ собралъ всѣхъ офицеровъ и просилъ все это дѣло въ скрытности держать, чтобы никто въ Рассею не давалъ знать. Клятву, сказывали, взялъ. Потому, значитъ, по совѣсти понималъ, что его вина, и не хотѣлъ матросовъ за бунтъ губить. Объяви онъ все, какъ было, пронало бы много народу. А онъ будто ничего не слыхалъ, и ничего какъ будто на фрегатѣ и не было. Но-благородному поступилъ, и матросы были имъ вполнѣ довольны. А какъ вышелъ онъ въ адмиралы, очень даже заботливый и ласковый былъ къ матросу начальникъ. Я съ нимъ на флагманскомъ кораблѣ служилъ и на адмиральскомъ вельботѣ гребцомъ состоялъ. Ни разу не дрался и, бывало, завсегда награждалъ по чаркѣ, какъ отвозили его на вельботѣ.

Захарычъ примолкъ и словно бы въ раздумьѣ тихо покачалъ головой.

— Вотъ до какого грѣха,—снова заговорилъ Захарычъ:—можно довести матроса, даромъ что нашъ-то, рассейскій матросъ и терпокъ и покоренъ. Теперь-то легче служить... Не то положеніе, что въ старину... Права дадены. Судись, коли что... А тогда, сами знаете... Однако терпѣли мы на «Чайкѣ», можно сказать, со всею покорностью. Все думается, не вѣкъ же терпѣть, впереди, Богъ дастъ, и ослабка будетъ. И точно, ослабка вышла. Какъ пошли мы домой, въ обратную, Шлига-то нашъ будто маленько потише сталъ и не такъ тиранствовалъ, видно, отъ радости, что съ нѣмкою со своей скоро свидится. Ну, да и то сказать: работали у насъ на клиперѣ, прямо сказать, въ лоскъ, какъ бѣшеные. Въ три минуты марселя мѣняли, вашескобродіе. За три-то года Шлига вышколилъ и навелъ страху. И какъ пришли мы въ Копенгавань *),—а оттеда до Кронштадта рукой подать,—всѣмъ намъ радостнѣе стало. Шабашъ, молъ, скоро Шлигѣ!

*) Копенгагенъ.

Одинъ только на клиперѣ человѣкъ, антиллерійскій унтерцеръ Яшкинъ, не радовался, а быдто еще угрюмистѣе сталъ и отъ тоски мѣста себѣ не находилъ. И смотритъ, бывало, на море сердито такъ, точно думу недобрую про себя думаетъ. Тогда-то намъ и невдомекъ, а, кажется, онъ и взаправду недоброе замышлялъ. Очень ужъ большую злобу онъ противъ Шлиги имѣлъ и не могъ, значитъ, осилить сердца. Бывало, только заговорятъ при немъ о командирѣ, такъ Яшкинъ весь задрожитъ, побѣлѣетъ съ лица, а глаза у его загорятся злобно-презлобно. Со стороны глядя, и то жутко... Царство ему небесное, прости ему Господь, ежели его рукъ было это дѣло...

И Захарычъ, снявъ картузъ, медленно и торжественно перекрестился и тихо, чуть-чуть нараспѣвъ, продолжалъ:

— А былъ этотъ самый Яшкинъ изъ кантонистовъ, вашескобродіе, и, сказывали, адмиральскій быдто сынъ, не въ законѣ прижитый отъ матросской женки, молодой парень, годовъ не болѣе какъ тридцати, изъ себя очень даже видный и съ форцомъ, особливо вначалѣ, какъ Шлига его еще не донялъ. Сапоги, значитъ, со скрипомъ, часы при цѣпочкѣ, перстенекъ, одно слово: фу ты ну! И любилъ по-господски говорить разныя такія слова... Хвасталъ, что умѣетъ. И, надо правду сказать, былъ этотъ самый Яшкинъ человѣкъ съ умомъ, но только норовистый и злопамятливый, и очень о себѣ воображалъ, совсѣмъ не по своему званію... Нами гнушался и компаніи не водилъ. «Я, молъ, матросу не чета!» Офицеры его не допускали до разговору, — извѣстно, нижній чинъ и другого званія. И такое, значитъ, ему было положеніе: отъ однихъ отсталъ, а къ другимъ не пристalъ. Ни пава ни ворона! Якшался онъ больше съ писаремъ да фершаломъ, вмѣстѣ съ ними и на берегъ ѣздилъ... И при всемъ-то этомъ его воображеніи, Шлига ему зубы чистилъ и поролъ отчаянно, даромъ что Яшкинъ унтерцеромъ былъ.

— За что?

— А за все, вашескобродіе. А главная причина: понималъ онъ непокорность Яшкина и хотѣлъ ее искоренить вовсе, чтобы, значитъ, не смѣлъ онъ о себѣ воображать. Въ скорости, какъ вышли мы изъ Кронштадта, сталъ Шлига Яшкина донимать. Пристalъ онъ къ ему ровно клещъ. А тогда Яшкинъ во всемъ своемъ форцѣ былъ; думаетъ: унтерцеръ антиллерійскій, и что съ нимъ по-благородному, — Шлиги-то не зналъ. Хорошо. Вызвали это какъ-то всѣхъ наверхъ, къ авралу, значитъ. Вышелъ и Яшкинъ и на бакѣ зря стоитъ, въ родѣ быдто пассажира. Шлига примѣтилъ это и, какъ кончился

авралъ, потребовалъ Яшкина къ себѣ. Тотъ безъ всякаго сумлѣнія идетъ это къ капитану на мостикъ, форсисто такъ, подошелъ, фуражку снялъ и въ глаза Шлигѣ смѣло смотритъ. А Шлига это тихо таково спрашиваетъ: «Вы кто такой на клиперѣ есть?»—и въ насмѣшку «выкаетъ». — «Я, говоритъ, антиллерійскій унтерцеръ!» — «Изъ кантонистовъ будете?» — «Точно такъ, вашескобродіе, изъ учебной команды». — «Изъ учебной команды?.. Ахъ ты, говоритъ, подлецъ! Изъ учебной, а лодарничать на авралѣ?..»—И разъ, другой, третій по зубамъ, и отчесалъ, я вамъ доложу, по всей формѣ. Ушелъ отъ его Яшкинъ совсѣмъ оконфуженный... Лицо въ крови... Это при его-то форцѣ. Обидно! И злобный-презлобный, отъ сраму ни на кого не глядя, спустился онъ на кубрикъ и цѣльный день примочки прикладывалъ, чтобы знаковъ на лицѣ не оказывало. И съ того самаго разу и началась у его злоба противъ Шлиги. Боялся его, какъ огня, и злобу имѣлъ. И что дальше, то больше, потому что и Шлига Яшкина терпѣть не могъ и, чуть что, всячески унижалъ его, словно изничтожить хотѣлъ. Спуску ему не было — и дубасилъ и поролъ. Разъ, какъ теперь помню, вернулся Яшкинъ съ берега (въ Гонконгѣ мы стояли) треснувши и, замѣсто того, чтобъ идти спать, сталъ на бакѣ въ пьяномъ видѣ грозить Шлигѣ... всячески ругалъ его... «И злодѣй, и такой, и сякой». Убрали Яшкина внизъ, а Шлига-то все слышалъ и на слѣдующій день приказалъ его выдрать. Да такъ и велѣлъ боцманамъ: «Спустить, говоритъ, этому мерзавцу шкуру!» И отодрали бѣднягу безъ всякаго милосердія... Дали ему триста линьковъ и замертво снесли въ лазаретъ. Недѣлю отлеживался и въ себя, значитъ, приходилъ. Съ той поры Яшкинъ окончательно заскучилъ и въ злобу вошелъ. «Я, говоритъ, самъ пропаду и его, говоритъ, изведу, злодѣя!» Такъ опосля фершалъ сказывалъ,—ему онъ во всемъ открывался... Однако послѣ этой самой, прямо сказать, арестантской порки Яшкинъ съ виду присмирѣлъ и всячески старался, чтобы не проштрафиться, и по своей должности былъ исправнымъ. И избѣгалъ попадаться на глаза Шлигѣ. Какъ ежели Шлига выйдетъ наверхъ, Яшкинъ внизъ, на кубрикъ, и отсиживается... Но только и Шлига золъ и упрямъ былъ. Чуть какая неисправка около орудій—въ зубы, а то на бакъ... Терпѣлъ Яшкинъ, про себя зло таилъ и весь свой прежній форцъ потерялъ... Сидитъ больше внизу, думы думаетъ, а то книжку какую отъ офицеровъ достанетъ; читаетъ-читаетъ и слезами зальется... А смиренія все въ немъ не было... И разъ, послѣ того, какъ его за что-то выпороли, онъ такъ на Шлигу посмотрѣлъ, и такой у его былъ взглядъ, что самъ Шлига

глаза опустилъ и прочь пошелъ,—понялъ, значитъ, что довелъ человѣка до послѣдней отчаянности... И впрямь, совсѣмъ обезпутилъ человѣка! Прежде, бывало, съѣдетъ Яшкинъ на берегъ, честь-честью, больше по-благородному время проводилъ, въ кіятръ сходитъ, выпьетъ самую малость, а потомъ сталъ пьянствовать, какъ на берегъ урвется, и привозили его на клиперъ въ самомъ, можно сказать, послѣднемъ видѣ. Его завсегда уносили, бывало, поскорѣе внизъ, чтобы Шлига не видалъ,—жалѣли Яшкина. А внизу онъ грозится и страшныя самыя слова кричитъ противъ Шлиги. «Убью, говоритъ, безпремѣнно злодѣя за всѣ мои мученія. Онъ, говоритъ, всю мою жисть извелъ!» И плачетъ, бывало, спьяна, ревмя реветъ,—жалко смотрѣть. А на утро протрезвится, и мрачный такой ходитъ да глазами исподлобья посверкиваетъ, — совсѣмъ на душегуба похожъ... Въ послѣдній годъ однако Яшкину стало легче жить... Увѣрился ли Шлига въ его покорности, или жалость его взяла, но только бросилъ онъ его утѣснять, далъ, значитъ, отдышку. Однако Яшкинъ зла не забывалъ—не таковскій онъ былъ человѣкъ, чтобы обиду простить, и чѣмъ ближе мы подходили къ Рассеѣ, тѣмъ онъ какъ бы потерянѣе становился. Видно, злоба не давала ему спокою, и онъ тосковалъ... Пришли мы въ Копенгавань, всѣ радуются, что скоро домой, а ему быдто отъ этого тошнѣе, и онъ ровно не въ своемъ умѣ былъ человѣкъ. И на берегъ не съѣзжалъ—не пожелалъ... А ночью на рейдѣ, — стоялъ я на вахтѣ съ полуночи, — смотрю, Яшкинъ пробирается къ капитанской каютѣ. «Зачѣмъ это онъ?» — думаю. И страхъ меня взялъ. Однако вахтенный мичманъ его замѣтилъ и окликнулъ: «Ты, говоритъ, куда?»—«Вѣстового, отвѣчаетъ, повидать нужно!»—а голосъ его дрожитъ.—«Завтра повидаешь!» Яшкинъ назадъ... Недоброе, должно-быть, замышлялъ. На другой день вышли мы всею эскадрой: два конверта и два клипера—въ Копенгавани, значитъ, «рандева» (рандеву) была — и въ скорости вошли въ Финскій заливъ... Радуемся... Вѣтеръ попутный... жаримъ подъ всѣми парусами и клиперъ свой прибираемъ, чтобы домой во всемъ паратѣ придти. Погода славная... Солнышко свѣтитъ сверху... Назавтра и въ Кронштадтѣ... Всѣ матросы наверху, каждый за своимъ дѣломъ... Вышелъ и Шлига, и тоже веселый такой,—и ему, значитъ, лестно. Приказалъ крюйтъ-камеру *) вычистить, все тамъ въ порядокъ привести... Ну, извѣстно, это Яшкина дѣло... Спустился онъ туда съ двумя матросами, надѣли, какъ слѣдуетъ, коты,

*) Мѣсто, гдѣ хранится порохъ.

фонари взяли безопасные... Послѣ фершалъ сказывалъ, что былъ бытто Яшкинъ въ потемненности, когда шелъ внизъ... Но только безъ вниманія тогда оставили... Знали, что Яшкинъ чудитъ... Прошло такъ около часу времени. Шлига спрашиваетъ у антиллерійскаго офицера: «Готово, молъ, у васъ?»— «Все, отвѣтилъ, готово». — «Ну, говоритъ, пойдемте посмотримъ!» И пошли себѣ, не думая, что больше не видать имъ Божьяго свѣта.

Захарычъ протяжно вздохнулъ.

— Какъ теперь помню, пробило шесть склянокъ, значитъ, три часа пополудни. На счастье свое, былъ я въ ту пору на шканцахъ, собирался на вельботъ лѣзть уключины чистить. Стою я это пока, взглядываю на Гоганъ-островъ,—мы мимо шли,—какъ вдругъ загремѣло, словно изъ тысячи орудій пальнули... Взрывъ, значитъ. Клиперъ подпрыгнулъ, затрясся весь, а я ужъ на другой сторонѣ шканцевъ ничкомъ оглушенный лежу,—откинуло. Поднялся въ страхѣ и ажно волосъ дыбомъ. Смотрю, впереди все въ бѣломъ дыму и пламя пышетъ, а оттеда крикъ и стоны... Не приведи Богъ ихъ слышать! Еще примѣрно секундъ, и все стихло, а половины клипера уже нѣтъ, и вижу я, что и корма сейчасъ тонетъ. Перекрестился я и въ воду... ухватился за стеньгу... А кругомъ наши, что живые остались, стараются отплыть отъ клипера, кто за что хватается... А волна большая была... Вѣтеръ свѣжій... Нѣкоторые тонутъ... Держусь я за стеньгу, и фершалъ приплылъ, ухватился... Надѣемся. Видимъ, со всѣхъ судовъ шлюпки на спасенье идутъ... Обернулись мы на «Чайку» взглянуть, а ея и званія нѣтъ... только обломки поверхъ воды плаваютъ... Перекрестились мы съ фершаломъ и ждемъ... Ну, тутъ въ скорости подошли шлюпки и начали подбирать людей... Коихъ подобрали, а кои потопли, царство имъ небесное!

— А много спаслось?

— Третья часть спаслась команды и изъ офицеровъ десять человѣкъ, а всѣхъ офицеровъ было восемнадцать.

— И вы думаете, Захарычъ, что это Яшкинъ взорвалъ?

— Полагать надо, что его это грѣхъ отъ злобы на командира. И на слѣдствіи многіе такъ показывали.

— А, можетъ, взрывъ произошелъ отъ неосторожности?

— Сумнительно, вашескобродіе, потому, сами изволите знать, крюйтъ-камера такое мѣсто, что въ ей завсегда строгую опаску имѣютъ... Едва ли... А впрочемъ, одинъ Господь Всемогущій знаетъ, какъ было дѣло, а людямъ не доискаться настоящей правды.

Мы оба нѣсколько времени сидѣли молча, не обращая вни-

манія на удочки. Былъ мертвый штиль, и на морѣ стояла какая-то торжественная тишина.

— Однако не пора ли и закусить, вашескобродіе? — прервалъ молчаніе Захарычъ. — За разговоромъ, гляди-ко-сь, и солнышко вовсе поднялось... И славный же день сегодня!.. На рѣдкость по здѣшнимъ мѣстамъ!—добавилъ Захарычъ.

Мы стали закусывать.

ИСАЙКА.

I.

Не только господа офицеры и баковая аристократія, но и всѣ матросы звали этого тщедушнаго на видъ, маленькаго блѣднолицаго человѣка съ типичнымъ еврейскимъ крючковатымъ носомъ, тонкими губами и серьезнымъ и въ то же время нѣсколько пугливымъ взглядомъ большихъ, необыкновенно кроткихъ, черныхъ глазъ,—не по фамиліи, какъ обыкновенно водится, а съ уменьшительнымъ именемъ Исайки. Другой клички ему не было, хотя Исайкѣ уже минуло сорокъ и онъ былъ старымъ матросомъ, отслужившимъ шестнадцать лѣтъ, изъ обязательныхъ въ прежнія времена двадцати пяти лѣтъ, въ званіи корабельнаго парусника, т. е. мастерового, шившаго и чинившаго паруса.

Исайка давно привыкъ къ этой кличкѣ. Онъ получилъ ее вслѣдъ за тѣмъ, какъ блѣдный, какъ смерть, тонкій, какъ спичка, въ засаленномъ, рваномъ лапсердакѣ и въ пейсахъ, явился, въ числѣ другихъ, въ рекрутское присутствіе, засѣдавшее въ одномъ изъ городовъ Сѣверо-Западнаго края и, несмотря на свою узкую грудь и малый ростъ, на которые онъ такъ надѣялся, услышалъ роковое: «лобъ». Какъ ни рыдала мать и какъ ни кланялся въ ноги военному доктору отецъ, Исайку «забрили». Забрили и почему-то назначили во флотъ (вѣроятно, вслѣдствіе малаго роста), и вскорѣ отправили съ партіей въ Кронштадтъ. Во флотскомъ экипажѣ, куда попалъ Исайка, его съ перваго же дня стали называть не по фамиліи, а Исайкой.

Такъ съ тѣхъ поръ онъ и остался на всю жизнь Исайкой.

«Не въ кличкѣ дѣло, а въ томъ, чтобы на службѣ не били и не наказывали линьками и розгами!»—разсуждалъ про себя Исайка и нисколько не обижался, что его зовутъ не такъ,

какъ русскихъ, тѣмъ болѣе, что отношеніе къ нему матросовъ было превосходное и не лишенное даже нѣкоторой почтительности. Рѣшительно всѣ, не исключая боцмановъ и унтеръ-офицеровъ, уважали Исайку, какъ вполнѣ «правильнаго» человѣка, честнаго, тихаго и усерднаго работягу въ своемъ дѣлѣ и притомъ «башковатаго» и съ «большимъ понятіемъ», умѣвшаго при случаѣ объяснить то, чего никто другой на кораблѣ не могъ. А Исайка, по словамъ матросовъ, «все могъ». И говорилъ онъ такъ убѣдительно и краснорѣчиво, что его съ удовольствіемъ слушали, несмотря на еврейскій акцентъ. Исайка, поступивъ на службу, самъ выучился грамотѣ и читалъ не однѣ еврейскія книги, а и русскія. Онъ любилъ «заняться книжкой», что въ тѣ времена было рѣдкостью среди матросовъ, въ огромномъ большинствѣ безграмотныхъ, и охотно бесѣдовалъ о прочитанномъ.

Это-то и давало ему авторитетъ «ученаго» человѣка, которымъ онъ умѣло пользовался.

Репутація Исайки давно установилась въ экипажѣ, въ которомъ онъ служилъ со дня поступленія въ матросы, и ни одно пятно не омрачило этой заслуженной репутаціи.

Правда, нѣкоторые изъ матросовъ находили, что хотя Исайка и хорошій человѣкъ, но все-таки «жидъ» и какъ-никакъ, а до извѣстной степени виноватъ въ томъ, что Іуда предалъ Спасителя за тридцать сребренниковъ, и что предки Исайки, хотя и отдаленные, распяли Христа. Однако личныя качества Исайки, неспособнаго обидѣть даже мухи, а не то что предать или распять кого-нибудь,—въ значительной мѣрѣ смягчали виновность его за распятіе Христа даже въ глазахъ нѣсколькихъ отчаянныхъ юдофобовъ, среди которыхъ особенно отличался категоричностью мнѣній рыжій и толстый писарь изъ кантонистовъ, Авдеевъ, разсказывавшій про евреевъ самыя невозможныя вещи. Но и онъ въ концѣ концовъ принужденъ былъ согласиться, что Исайка совсѣмъ не похожъ на «поганаго жида» и не рѣшится на «ихнія подлыя продѣлки». Убѣдило его главнымъ образомъ то, что Исайка не жаденъ къ деньгамъ. Послѣднее обстоятельство было хорошо извѣстно Авдееву, который года три не отдавалъ занятыхъ имъ у Исайки трехъ рублей, пользуясь его деликатностью.

И писарь высказывалъ иногда сожалѣніе, что Исайка не выкрестится.

— Тогда вполнѣ былъ бы форменнымъ человѣкомъ!—прибавлялъ онъ.

Говорили объ этомъ Исайкѣ раньше и другія лица.

Отецъ Спиридоній, басистый іеромонахъ съ Валаамскаго

монастыря *), бывшій на кораблѣ нѣсколько кампаній священникомъ, которому Исайка не разъ вычищалъ и совсѣмъ заново вычинивалъ ряску, послѣ того какъ отецъ Спиридоній бывалъ на берегу,—завелъ однажды рѣчь объ этомъ щекотливомъ предметѣ.

— Очень ужъ ты, Исайка, добросердый и не корыстный человѣкъ,—говорилъ своимъ густымъ, нѣсколько осипшимъ послѣ «берега», басомъ отецъ Спиридоній, принимая отъ Исайки рясу...—Вотъ, напримѣръ, чинишь ты служителю Божію и совсѣмъ чужой тебѣ вѣры и никакой мзды за сіе не требуешь... Развѣ это не показываетъ въ тебѣ, Исайка, истинно-христіанской добродѣтели?.. Другой вотъ и православный, а возьметъ съ попа гривенникъ, а ты жидъ, лишенъ благодати Божіей, а не берешь,—продолжалъ іеромонахъ, весьма довольный, что Исайка никогда не заикался о какомъ-нибудь вознагражденіи за работу.—И знаю, что и впредь, ежели придется прибѣгнуть къ твоей услугѣ, не откажешь. Не такъ ли, Исайка?

Исайка отвѣчалъ, что онъ всегда съ удовольствіемъ, если что̀ починить.

— То-то и есть... Я и говорю, что въ тебѣ душа христіанская, даромъ что вѣра твоя, прямо ежели сказать, поганая. Ужъ ты не сердись за правду, Исайка, а всѣ полагаютъ, что поганая!—настаивалъ отецъ Спиридоній, и при этомъ его полное, слегка опухшее лицо добродушно и весело улыбалось.

Исайка не возражалъ. Но, видимо не желая продолжать разговора въ этомъ щекотливомъ направленіи, осторожно и почтительно спросилъ:

— Такъ вамъ ничего больше не потребуется, батюшка?

— Нѣтъ, ты, Исайка, постой. Я имѣю тебѣ сказать нѣчто.

— Извольте сказывать, а я буду слушать,—деликатно отвѣчалъ Исайка, склонивъ чуть-чуть на бокъ свою курчавившуюся голову.

— Знаешь что̀, Исайка? Брось ты свою жидовскую вѣру... ну се. Воспріими-ка, братецъ, благодать Божію и пріобщись къ лону чадъ православныхъ. Главное — жалко мнѣ тебя, Исайка... очень ужъ ты добронравный человѣкъ, а между тѣмъ душа твоя пропадаетъ. Вѣрь слову: пропадаетъ! Жидамъ

*) Въ тѣ отдаленныя времена, въ началѣ тридцатыхъ годовъ, на суда флота назначались мало образованные, нигдѣ не окончившіе курса, монахи для исполненія требъ. Впослѣдствіи выборъ дѣлался болѣе тщательно.

на томъ свѣтѣ, ты думаешь, гдѣ мѣсто? Въ геенѣ огненной, въ пещи, значитъ. А что имъ предназначено? Какъ ты полагаешь?

— Вамъ лучше знать,—дипломатически молвилъ Исайка.

— Уголья глотать!—категорически объяснилъ отецъ Спиридоній и прибавилъ:—Перекрестись лучше...

— Что дѣлать! Если ужъ милосердый Богъ такой на жида сердитый, какъ вы говорите, что велитъ горячій уголь глотать, я буду и уголь глотать, коли его на всѣхъ жидовъ хватитъ, а вѣры не перемѣню. Въ своей вѣрѣ родился, въ ней и помру, батюшка,—отвѣчалъ Исайка.

И, повертѣвъ въ рукахъ шапку, снова спросилъ:

— Такъ я, съ вашего позволенія, уйду, ежели вамъ больше ничего не требуется?

— Глупый ты человѣкъ, Исайка, ежели не хочешь души спасти.

— Видно, и есть глупый,—согласился Исайка, и по его лицу скользнула тонкая, едва замѣтная улыбка.—А, можетъ, еще что починить требуется?

— Спасибо, Исайка. Пока все въ аккуратѣ... Вижу: глухъ ты къ истинѣ. А ты о моихъ словахъ подумай.

— Зачѣмъ не подумать? О всякомъ словѣ надо подумать—на то всякому человѣку Богъ разсудокъ далъ. И жида не обидѣлъ!—прибавилъ съ едва слышной иронической ноткой Исайка и шмыгнулъ изъ каюты.

«Не внемлетъ!»—подумалъ, вздохнувъ, отецъ Спиридоній.

И, полюбовавшись отлично починенной люстриновой ряской, пожалѣлъ, что такому доброму жиду, какъ Исайка, во всякомъ случаѣ придется плохо на томъ свѣтѣ.

II.

Была и другая, болѣе серьезная попытка на Исайкину душу со стороны одной пожилой адмиральши въ Кронштадтѣ, которая на склонѣ лѣтъ, послѣ веселой жизни, имѣвшей мало общаго съ ея позднѣйшими взглядами на женскую добродѣтель и супружескій долгъ, расточала еще обильный запасъ чувства ужъ не на земныя, а на духовныя побѣды.

Исайка шилъ адмиральшѣ ботинки (онъ былъ искусный башмачникъ и шилъ съ «фасономъ»), получая за работу «что пожалуютъ». Пользуясь тѣмъ, что Исайка казенный человѣкъ и присланъ былъ къ ней подначальнымъ мужу экипажнымъ командиромъ, адмиральша «жаловала» безсовѣстно мало, но зато непрочь была спасти душу Исайки, обративъ его на путь истины.

И вотъ однажды, вручивъ Исайкѣ двугривенный за работу изящнѣйшихъ ботинокъ съ французскими каблуками и милостиво кивнувъ головой въ отвѣтъ на «много благодаренъ, ваше превосходительство!», адмиральша сдѣлала нѣсколько шаговъ, чтобы попробовать, ловко ли сидятъ ботинки, и, удовлетворенная, присѣла затѣмъ на кресло и сказала:

— Вѣдь ты жидъ, Исайка?

— Точно такъ, ваше превосходительство!—отвѣчалъ Исайка, отступая къ дверямъ.

Адмиральша вздохнула и повела рѣчь о заблудшихъ душахъ. Говорила она не безъ одушевленія объ истинѣ и духовномъ возрожденіи, о тьмѣ и свѣтѣ, видимо наслаждаясь собственнымъ своимъ краснорѣчіемъ, и окончила рѣчь совѣтомъ креститься, обѣщая Исайкѣ, кромѣ спасенія духовнаго, еще нѣкоторыя матеріальныя блага. Она знаетъ, что Исайка хорошій и честный человѣкъ, и попроситъ мужа, чтобы Исайку произвели въ унтеръ-офицеры и оставили при берегѣ.

Предложеніе было заманчивое, особенно перспектива быть постоянно на твердой землѣ, которую Исайка всегда считалъ несравненно пріятнѣе и удобнѣе морской стихіи.

Онъ такъ внимательно и, казалось, проникновенно, не моргнувши глазомъ, слушалъ адмиральшу, стоя на вытяжкѣ, съ руками по швамъ, у дверей столовой, въ которой происходило это духовное назиданіе, что адмиральша почти не сомнѣвалась въ спасеніи Исайки и, благосклонно устремивъ на него когда-то красивые глаза и встряхнувъ легкимъ движеніемъ головы пару сѣдыхъ буклей, украшавшихъ поблекшія щеки, не безъ нѣкоторой торжественности произнесла:

— Ты, конечно, хочешь быть христіаниномъ, Исайка? А я буду твоей крестной матерью!—прибавила она и милостиво улыбнулась.

Понимавшій самъ и умѣвшій цѣнить тонкое обращеніе и вообще по натурѣ очень мягкій человѣкъ, Исайка призвалъ на помощь все свое дипломатическое искусство и всю силу своей изворотливости, чтобы не оскорбить адмиральшу и не возбудить ея неудовольствія сколько-нибудь непочтительнымъ отказомъ отъ ея столь любезнаго предложенія. Да, признаться, вдобавокъ и трусилъ, какъ бы не вышло для него какой-нибудь серьезной непріятности. Мало ли что вздумаетъ начальство? При одной этой мысли у Исайки упало сердце.

И онъ началъ съ того, что нѣсколько разъ низко и усердно кланялся и благодарилъ, что такая превосходительная барыня удостоила обратить на недостойнаго Исайку свое милостивое вниманіе. Смѣлъ ли онъ ожидать такой чести?

И Исайка продолжалъ кланяться и благодарить въ самыхъ изысканныхъ выраженіяхъ, какія только могъ придумать, однако на вопросъ адмиральши не отвѣчалъ и даже рискнулъ отъ благодарностей довольно ловко перейти къ предложенію сдѣлать ея превосходительству лѣтніе башмачки самаго послѣдняго заграничнаго фасона, какіе привезла изъ Парижа адмиральша Гвоздева.

— Я у ихъ видѣлъ эти башмачки... Ай какой красивый фасонъ, ваше превосходительство, ай какъ аккуратно сработаны!—восхищался Исайка.—И обойдутся всего два рубля съ моимъ товаромъ!—прибавилъ Исайка, рѣшившись приплатить свои полтора рубля, чтобы только задобрить скупую адмиральшу и отклонить ея вниманіе отъ спасенія его грѣшной души.

Адмиральша благосклонно приняла предложеніе и разспросила Исайку въ подробностяхъ о заграничныхъ башмакахъ адмиральши Гвоздевой, и Исайка думалъ-было окончательно откланяться, пообѣщавъ постараться надъ башмаками и доставить ихъ черезъ пять дней, какъ адмиральша спросила:

— Что-жъ ты, Исайка, на мой вопросъ не отвѣтилъ. Хочешь ты креститься?

Исайка принялъ вдругъ серьезный и таинственный видъ и, понижая голосъ, проговорилъ нѣсколько конфиденціальнымъ тономъ:

— Никакъ не смѣю, ваше превосходительство.

— Отчего не смѣешь?

— Изъ-за папеньки и маменьки, ваше превосходительство. Ихъ жалко.

— Почему же жалко?—удивилась адмиральша.

— Они, ваше превосходительство, старые, глупые люди, живутъ въ глуши и по необразованію своему скажутъ: «Развѣ можно свою вѣру мѣнять, какъ, съ позволенія сказать, ночной «кустюмъ», ваше превосходительство, и подумаютъ, что ихній сынокъ Исайка продалъ свою совѣсть и поступилъ, осмѣлюсь доложить, какъ самый послѣдній человѣкъ. Мои папенька и маменька люди безъ большихъ понятіевъ, ваше превосходительство, не знаютъ, какая вѣра самая правильная, и спросятъ: «По какой-такой причинѣ, Исайка, русскіе не мѣняютъ своей вѣры и живутъ, въ какой родятся, а ты, Исайка, перемѣнилъ, а?» И скажутъ: «Будь ты за это проклятъ, Исайка!» И будутъ все плакать и плакать, что у ихъ такой сынъ, и съ горя помрутъ, ваше превосходительство! И мнѣ будетъ очень стыдно и обидно, если изъ-за меня папенька и маменька помрутъ. Ай какъ стыдно! А за ваше

милостивое вниманіе къ моей грѣшной душѣ дай Богъ вашему превосходительству счастья и здоровья... И господину супругу вашему и дѣткамъ... Не прикажете ли и имъ сапожки сдѣлать?—неожиданно прибавилъ Исайка и снова закланялся.

Не лишенная находчивости ссылка Исайки на папеньку и на маменьку, которые давно ужъ мирно почивали въ могилахъ, доводы, вложенные Исайкой въ уста этихъ «глупыхъ» людей, и наконецъ дѣйствительно баснословная дешевизна башмаковъ, обѣщанныхъ Исайкой, все это вмѣстѣ произвело на адмиральшу благопріятное впечатлѣніе, и она, въ виду затруднительности положенія Исайки, не настаивала болѣе на спасеніи его души и даже похвалила Исайку за его любовь и почтеніе къ родителямъ.

— Мальчикамъ пока не надо сапогъ, Исайка. У нихъ еще хорошіе.

Значительно успокоенный и даже повеселѣвшій Исайка сентенціозно замѣтилъ, что «всякій человѣкъ долженъ почитать родителей», и прибавилъ:

— Такъ на башмачки пряжки прикажете поставить, ваше превосходительство?

— Не лучше ли банты, Исайка?

— Какъ прикажете, ваше превосходительство, но только, осмѣлюсь доложить, пряжки будутъ прочнѣе бантиковъ... Конечно, можно и бантики, но послѣдній фасонъ—пряжки, и у адмиральши Гвоздевой на башмачкахъ пряжки.

— Такъ поставь и мнѣ пряжки.

— Слушаю, ваше превосходительство.

Исайка теперь не спѣшилъ уходить, увѣренный, что щекотливаго разговора больше не будетъ. Замѣтивъ хорошее расположеніе адмиральши, онъ возымѣлъ смѣлую мысль въ свою очередь воспользоваться адмиральшей, чтобъ избавиться, при ея посредствѣ, отъ плаваній и устроиться при берегѣ, не рискуя собственной душой.

И, осторожно переступивъ съ ноги на ногу, онъ сказалъ:

— А ужъ я, ваше превосходительство, постараюсь, чтобы башмачки вышли не хуже заграничныхъ. И завсегда, что̀ изволите приказать, сработаю на первый сортъ и вамъ и молодымъ барчукамъ. Вотъ только лѣтомъ никакъ не могу, потому въ море посылаютъ... Лѣтомъ самый износъ сапожкамъ у молодыхъ барчуковъ,—подчеркнулъ Исайка:—а Исайки нѣтъ... Будь я при берегѣ, ваше превосходительство, тогда и ежели насчетъ починки, и новые сапожки... Только извольте потребовать.

— Что-жъ, я скажу мужу,—промолвила адмиральша.

— Премного буду благодаренъ, ваше превосходительство! Счастливо оставаться, ваше превосходительство! — отвѣтилъ обрадованный Исайка и, повернувшись, какъ слѣдовало по формѣ, налѣво кругомъ, вышелъ.

Однако Исайка при берегѣ не остался и въ то же лѣто былъ отправленъ въ плаваніе. Адмиральша забыла про свое обѣщаніе и вскорѣ послѣ разговора съ Исайкой переѣхала съ мужемъ въ Петербургъ, и Исайкѣ просить было некого. Да вдобавокъ имъ и дорожили на кораблѣ, какъ отличнымъ парусникомъ.

Но зато, съ отъѣздомъ адмиральши, уже не было больше ни съ какой стороны попытокъ спасти Исайкину душу, и онъ, твердый въ своей вѣрѣ, свято исполнялъ предписанные его религіей обычаи, по мѣрѣ возможности. Необыкновенно религіозный, Исайка каждую пятницу по вечерамъ, на берегу ли, въ плаваніи ли, забирался куда-нибудь въ укромный уголокъ и, накинувъ на себя молитвенный плащъ, долго и горячо молился, распѣвая тихимъ и гнусавымъ голосомъ свои однообразные и монотонные канты. Блѣдное, худое лицо Исайки, съ большими черными глазами, въ такія минуты свѣтилось восторженнымъ умиленіемъ и какой-то тихой скорбью, и голосъ его дрожалъ отъ наплыва религіознаго чувства.

О чемъ онъ молился? Чего просилъ?

И никогда никто изъ матросовъ не позволилъ себѣ ни насмѣшки ни какого-нибудь оскорбительнаго замѣчанія. Напротивъ! Всѣ съ осторожной почтительностью обходили стоявшаго на молитвѣ еврея, и многіе, дивясь его восторженной молитвѣ, тихо, въ какомъ-то удивленномъ раздумьѣ говорили:

— Жидъ, а какой старательный къ своему Богу Исайка!

III.

Не ставилось въ осужденіе Исайкѣ и его боязни моря, особенно когда оно начинало волноваться, и какого-то непреоборимаго, чисто физическаго страха къ риску и опасностямъ, сопряженнымъ съ настоящимъ матросскимъ дѣломъ.

Дѣйствительно, Исайка не могъ побороть въ себѣ этого чувства, и изъ него, конечно, не вышло моряка. Всѣ шестнадцать лѣтъ своей службы онъ пробылъ «нестроевымъ», занимаясь мастерствомъ парусника. Ни разу не могъ онъ подняться до марса—трусилъ и, переступивъ нѣсколько вантинъ, спускался, чувствуя себя на палубѣ безконечно счастливѣе, и не рѣшался болѣе повторять этихъ добровольныхъ попытокъ въ началѣ службы, такъ какъ званіе нестроевого избавляло

его отъ спеціально-матросскаго дѣла. И только во время авраловъ, когда вызывали всѣхъ наверхъ, Исайка долженъ былъ исполнять обязанности простой рабочей силы: вмѣстѣ съ другими тянуть внизу, на палубѣ, какую-нибудь снасть, стоять у вымбовокъ на шпилѣ, при подъемѣ якоря и т. п., что онъ и исполнялъ всегда съ замѣчательнымъ усердіемъ. Онъ добросовѣстно «трекалъ» снасть или наваливался грудью на вымбовку, напрягая всѣ свои слабыя силы и полный самолюбиваго задора показать, что и онъ можетъ работать не хуже другихъ.

Но всего, что было на кораблѣ выше палубы, онъ боялся и съ боязливымъ почтеніемъ взглядывалъ на верхушки высокихъ мачтъ. При одной мысли о томъ, что его вдругъ могли бы послать въ свѣжую погоду крѣпить марсель, стоя на веревочномъ «пертѣ» стремительно качающейся реи, или на зарывающійся въ воду бугшпритъ—убирать кливера, Исайка весь холодѣлъ, жмурилъ глаза и какъ-то безпомощно отмахивался, словно отъ страшнаго призрака, своими маленькими и худыми, совсѣмъ не матросскими руками, съ тонкими костлявыми пальцами, мастерски владѣвшими громадной парусной иглой.

— Такимъ ужъ, значитъ, пужливымъ Исайку Господь создалъ, а онъ не виноватъ. И радъ былъ бы, а не можетъ. Нутро не принимаетъ. Пошли Исайку, примѣрно на брамъ-рею,—со страху помретъ!

— И не доползетъ, а свалится въ море.

— Совсѣмъ не матросскаго званія человѣкъ Исайка.

— И силенки въ немъ никакой нѣту.

Такъ о немъ разсуждали матросы и, готовые осудить и поскалить зубы надъ всякимъ проявленіемъ трусости въ товарищахъ, въ сужденіяхъ объ Исайкѣ, съ чуткостью пониманія, прикладывали къ нему особую мѣрку; и если нѣкоторые старые матросы, случалось, и подсмѣивались по этому поводу надъ Исайкой, то самымъ добродушнымъ образомъ и безъ всякаго намѣренія унизить или оскорбить его, тѣмъ болѣе, что и самъ Исайка не скрывалъ своей слабости.

— Всего мнѣ далъ Богъ,—говорилъ Исайка:—и разсудка, и старанія, и терпѣнія, а вотъ матросской храбрости не далъ, братцы... Видно, всякому человѣку своя доля, и Богъ не желаетъ, чтобъ еврей былъ матросомъ... «Будь ты мастеровой и живи на сухомъ пути!» вотъ что повелѣлъ Господь еврею,—прибавлялъ Исайка, приписывая Господу Богу свои собственныя завѣтныя желанія.

— А что, Исайка, ежели вдругъ да старшій офицеръ пошлетъ тебя на высидку на нокъ!—шутилъ кто-нибудь изъ унтеръ-офицеровъ или старыхъ матросовъ.

— Не пошлетъ! Зачѣмъ меня посылать?

— А за наказаніе.

— Пхе! За что меня наказывать? Я чиню себѣ паруса въ подшкиперской, и никто меня не видитъ... И справляю свое дѣло аккуратно... Старшій офицеръ умный человѣкъ...

— Умный-то умный, а ежели взъерепенится, такъ и умъ потеряетъ... Мало ли за что можно придраться зря... Точно не знаешь. Увидитъ тебя на палубѣ и крикнетъ: «Послать Исайку на нокъ. Пусть Исайка провѣтрится!»

Въ необыкновенно живомъ воображеніи Исайки, хорошо знавшемъ, какія бываютъ случайности на военномъ кораблѣ, уже мелькало представленіе о возможности чего-либо подобнаго и мгновенно складывалось въ яркую картину. И онъ испуганно воскликалъ:

— Ууу!.. Не можетъ этого быть!

И вслѣдъ затѣмъ такъ же быстро соображалъ, что это вздоръ и что съ нимъ шутятъ, и самъ улыбался и добродушно-спокойно говорилъ:

— А ты, Матвѣичъ, не пужай. Я и безъ того пужаюсь.

Въ свѣжую погоду Исайка обыкновенно чувствовалъ себя нехорошо и тревожно, хотя его и не укачивало, и когда, случалось, большой деревянный корабль, выдерживая трепку, стоналъ и скрипѣлъ всѣми своими членами, Исайка, притихшій, съ широко-раскрытыми глазами, шепталъ поблѣднѣвшими устами молитвы, забившись въ уголокъ подшкиперской каюты и прислушиваясь къ бульканью воды, ударявшейся о бортъ. Наверхъ онъ не выходилъ въ такую погоду, не желая глядѣть на эти свинцовыя расходившіяся волны, подбрасывавшія трехдечный старинный корабль, какъ щепку, и вселявшія въ сердце Исайки паническій страхъ. И онъ предпочиталъ пережидать бурю въ одиночествѣ, въ полутемной каютѣ, заваленной парусами и кругами веревокъ и тросовъ, не показываясь на глаза людямъ и не стыдясь вздрагивать и охать при каждомъ стремительномъ подергиваніи судна.

Но если свистали: «всѣхъ наверхъ, четвертый рифъ брать!»— Исайка съ тоской на сердцѣ, проклиная злосчастную свою судьбу, стремительно однако выбѣгалъ вмѣстѣ съ другими на верхнюю палубу и старательно тянулъ снасти, летомъ перебѣгая съ мѣста на мѣсто, и избѣгалъ поднимать глаза на бѣснующееся море. Зачѣмъ на него, постылое, смотрѣть!

И въ такія минуты, какъ нарочно, задорно пробѣгали мысли о маленькомъ спокойномъ углѣ гдѣ-нибудь на твердой землѣ, въ которомъ онъ сидитъ въ теплѣ, на маленькой табуреткѣ, и тачаетъ себѣ сапоги или башмаки самаго послѣдняго фасо-

на въ то время, какъ въ головѣ толпятся разнообразныя мысли насчетъ разныхъ дѣлъ человѣческихъ и Божьихъ, которыя занимаютъ его пытливый и дѣятельный умъ.

«Ужъ лучше бы забрили въ солдаты!»

Трусливый самъ, Исайка зато съ какимъ-то особеннымъ почтеніемъ и въ то же время съ замираніемъ сердца порой смотрѣлъ на марсовыхъ, которые въ такую бурю лихо взбѣгали по вантамъ, затѣмъ, словно гигантскіе муравьи, расползались по реямъ и, припадая къ бѣлому парусу, захватывали надувшуюся мякоть его какою-то невидимой силой.

— Уффъ!—вырывалось изъ Исайкиной груди восклицаніе, выражавшее и одобреніе и ужасъ, что вотъ кто-нибудь да сорвется и упадетъ въ море или съ шумомъ шлепнется на палубу, размозженный и окровавленный.

Такіе случаи бывали почти въ каждое плаваніе и всегда потрясали Исайку.

И онъ поспѣшно опускалъ свои глаза и снова смотрѣлъ себѣ подъ носъ, невольно проговоривъ сосѣду, словно бы желая излить свое восторженное изумленіе:

— Ай, какіе же храбрые! И какъ они ничего не боятся!

— Кто это, Исайка?

— Да они, наши матросики!—шепталъ Исайка не безъ горделиваго чувства за тѣхъ, которые были такъ непохожи на него.

IV.

Но несравненно болѣе качающихся рей и бурь боялся Исайка линьковъ, розокъ и кулачной расправы. Тѣлесныя наказанія вселяли въ него не одинъ только паническій страхъ физическаго страданія, но и инстинктивный ужасъ позора поруганнаго человѣческаго достоинства. А оно было сильно развито у Исайки, какъ и у многихъ евреевъ, въ нравахъ которыхъ нѣтъ привычки къ унизительнымъ наказаніямъ, съ дѣтства знакомымъ русскому крѣпостному народу того времени.

Этотъ страхъ, доходившій у Исайки до какой-то болѣзненности и постоянно державшій его въ нервномъ напряженномъ состояніи боязни не вызвать чѣмъ-нибудь гнѣва въ комъ-либо изъ начальствующихъ лицъ, обратился въ привычку. И, несмотря на шестнадцать лѣтъ благополучно проведенной службы, Исайка всегда былъ насторожѣ, словно заяцъ, чуявшій близость собакъ. Вѣдь въ тѣ отдаленныя времена, когда матросовъ дрессировали жестокими порками за малѣйшую оплошность и когда самая жестокость была въ модѣ среди моряковъ, такъ легко и возможно было нарваться даже и при чуткой осторожности Исайки!

Исайка былъ необыкновенно чувствителенъ для того «жестокаго» времени. Видъ обнаженной матросской спины, на которую съ тихимъ шлепаньемъ падали удары линьковъ, наносимые сердитыми, подчасъ озвѣрѣвшими унтеръ-офицерами или боцманами, подъ зоркимъ наблюденіемъ привыкшаго къ такимъ зрѣлищамъ офицера, это покрывающееся синими полосами съ багровыми подтеками тѣло, эти покорные вначалѣ стоны человѣка, переходящіе потомъ въ какой-то дикій вопль беззащитнаго животнаго и затѣмъ иногда совсѣмъ затихавшіе отъ потери чувствъ,—наполняли душу Исайки невыразимымъ ужасомъ и состраданьемъ. И когда ему случалось быть свидѣтелемъ такихъ наказаній, производившихся въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ присутствіи всей команды корабля,—Исайка, блѣдный, какъ смерть, вздрагивая всѣмъ своимъ тщедушнымъ тѣломъ, едва стоялъ на ногахъ и украдкой вытиралъ невольныя слезы, страшась, чтобъ ихъ не замѣтили.

Само собою разумѣется, Исайка добровольно никогда не рѣшился бы присутствовать на такихъ экзекуціяхъ. Когда, послѣ ученій и авраловъ, раздавалось, бывало, приказаніе наказать кого-нибудь, и поблѣднѣвшій матросъ шелъ на бакъ, покорный или съ напускнымъ видомъ безшабашнаго удальства,—Исайка улепетывалъ внизъ, въ подшкиперскую каюту, забивался въ уголъ и, затыкая уши, потрясенный, взволнованно шепталъ молитвы, и его большіе, кроткіе и испуганные глаза свѣтились невыразимою скорбью.

— Жалостливый Исайка!—говорили про него.

А Исайка не только сострадалъ, но и невольно изумлялся выносливости и мужеству, съ какими многіе матросы выдерживали наказанія, наводившія на Исайку такой трепетъ.

Особенно поражалъ его одинъ изъ его близкихъ пріятелей, какимъ, по странному контрасту, былъ Иванъ Рябой, коренастый, широкоплечій, сильный и приземистый матросъ лѣтъ сорока, лихой и безстрашный марсовой, ходившій на штыкъ-болтъ, т. е. исполнявшій самое трудное и опасное дѣло на нокѣ (оконечности рея), и при этомъ отчаянный забулдыга и пьяница, не особенно строгихъ правилъ человѣкъ, во хмелю буйный и невоздержный на языкъ. Рябого пороли довольно часто и допороли до того, что онъ, бывало, бился объ закладъ на чарку водки, что не пикнетъ до пятидесяти ударовъ. И дѣйствительно не ронялъ звука, и только блѣдный, съ злобно-искаженнымъ лицомъ, на которомъ блестѣли крупныя капли пота, стискивалъ зубы. Послѣ выигрыша чарки Рябой начиналъ слегка вскрикивать. Отъ крика, по его словамъ, «не

такъ духъ спирало». Получивъ иногда сто линьковъ, Рябой надѣвалъ спущенную съ плечъ рубаху и уходилъ, какъ встрепанный, выкурить трубку махорки. Затѣмъ обыкновенно спускался внизъ къ Исайкѣ, который въ подшкиперской чинилъ паруса, и говорилъ:

— Сотню, подлецы, всыпали, Исайка.

— Сотню? Ай, ай, ай!!—испуганно вскрикивалъ Исайка, не совсѣмъ, впрочемъ, довѣряя счету пріятеля, такъ какъ и бодрый видъ его и тонъ голоса далеко не соотвѣтствовали полученію такого количества ударовъ.

— И лупцовали-жъ, я тебѣ скажу, Исайка! Особенно этотъ дьяволъ Чекушкинъ наваливался... Изъ-за вчерашняго пьянства. Сказывали: сгрубилъ вахтенному начальнику... А я, хоть убей, не помню... Ты, братъ, мази своей приготовь. Ужо попрошу товарища спину вымазать.

Исайка умѣлъ приготовлять какую-то мазь, облегчавшую, по словамъ матросовъ, боль въ спинѣ послѣ наказанія, и многіе пользовались Исайкиною мазью.

— Какъ просвищутъ: «отдыхать!»—приготовлю. Фершалъ припасу дастъ,—отвѣчалъ Исайка и какъ-то боязливо спросилъ:—А очень больно?

Лицо Исайки имѣло такой страдальческій видъ, что со стороны можно было подумать, будто наказанный былъ Исайка, а не Рябой, загорѣлое, грубое и смѣлое лицо котораго, полное выраженія какой-то безшабашной удали, съ бойкими, добродушно-плутоватыми сѣрыми маленькими глазами—не имѣло въ себѣ ничего страдальческаго.

— Затѣмъ, братецъ ты мой, и порютъ, чтобъ было больно! А ты думалъ такъ, здря? — отвѣчалъ, усмѣхнувшись, Рябой. А ужъ я подлецу Чекушкину на берегу морду искровяню, будь спокоенъ, даромъ что унтерцеръ. Тѣсто изъ его хайла сдѣлаю!—неожиданно прибавилъ матросъ.

И обыкновенно добродушный взглядъ загорѣлся злымъ огонькомъ.

— Ай, ай, Иванычъ! За что?

— А за то, чтобы онъ, живодеръ, не старался! Ты бей, коли твоя должность такая собачья, по формѣ, а не звѣрствуй надъ своимъ же братомъ!

— Хуже будетъ, Иванычъ. Онъ тебѣ послѣ припомнитъ, если опять...

Исайка деликатно не доканчивалъ и, вздыхая, прибавлялъ:

— Все изъ-за вина.

— То-то изъ-за вина, Исайка. Ты вотъ башковатый человѣкъ, а не поймешь, что матросу надо погулять... Безъ вина,

братецъ ты мой, совсѣмъ бы служба опоскудѣла.. Ты это возьми въ толкъ, Исайка.

— Отчаянный ты, Иванычъ... Ничего не боишься... Сто линьковъ?.. Ай, ай! И какъ ты только выдерживаешь?

— Шкура-то пообилась. И не такую плепорцію, слава Богу, выдерживалъ!—не безъ хвастливости говорилъ Рябой.— Не бойсь, унижаться передъ ими, подлецами, не стану, коли они за безпамятство съ тебя шкуру сдираютъ. Сгруби, значитъ, я тверезый, запори на смерть, это правильно, а съ пьянаго развѣ можно взыскивать?.. Развѣ это по совѣсти?..

— Совѣсть-то люди давно забыли, Иванычъ,—раздумчиво говорилъ Исайка.

— То-то и есть. Люди забыли, и я, значитъ, пьянствую... Пори, сдѣлай милость... Пори только съ разсудкомъ, не наваливайся!.. Я и три сотни приму и въ лазаретъ не лягу!

— Ишь ты!—шепталъ Исайка и съ какимъ-то почтительнымъ изумленіемъ взглядывалъ на Рябого...

— А ты, небось, Исайка, и пятидесяти линьковъ не примешь? И отъ такой малости изъ тебя духъ вонъ. Ужъ вовсе ты щуплый, Исайка!—смѣялся Рябой, посматривая на тщедушную фигуру Исайки съ снисходительнымъ сожалѣніемъ здороваго, крѣпкаго человѣка.

Исайка жмурился отъ страха при этихъ словахъ и взволнованно, съ какою-то необыкновенной серьезностью въ голосѣ произносилъ:

— А срамъ? Отъ одного срама помереть можно... И-и-и!

И Исайка даже взвизгивалъ.

— Какой срамъ?—недоумѣвалъ Рябой.—Это ты, Исайка, со страха мелешь!.. Ежели кому срамъ—такъ тому, кто человѣка не жалѣетъ и за всякую малость велитъ тебя полосовать... Тому такъ срамъ... А матросу никакого срама нѣтъ... Богъ-то ему за то на томъ свѣтѣ всѣ грѣхи проститъ... Потому—матросикъ все стерпѣлъ.

На этомъ пунктѣ Исайка никогда не сходился съ Рябымъ, и тутъ они другъ друга совсѣмъ не понимали.

Сблизились они лѣтъ семь тому назадъ совсѣмъ неожиданно и по особенному случаю.

Оба они были въ одной ротѣ на берегу и оба въ лѣтнія морскія кампаніи плавали вмѣстѣ на 84-пушечномъ кораблѣ «Поспѣшномъ», но отношенія ихъ другъ къ другу были холодныя и даже не особенно дружелюбныя. Тихій и мирный Исайка хоть и преисполненъ былъ почтительнаго уваженія къ безшабашной удали лихого матроса, считавшагося первымъ марсовымъ на кораблѣ, но его грубый разгулъ на берегу,

его не особенно щекотливыя понятія насчетъ способовъ добыванія денегъ на выпивку, слухи о томъ, что Рябой будто бы въ темныя осеннія ночи уходитъ изъ казармы и непрочь въ глухомъ переулкѣ ограбить запоздавшаго офицера,— все это далеко не располагало Исайку къ забулдыгѣ Рябому. И тотъ, въ свою очередь, смотрѣлъ на Исайку съ нѣкоторымъ презрѣніемъ, какъ на «поганаго жида» и вдобавокъ отчаяннаго труса. Однако никогда не задиралъ его, считая это ниже своего достоинства... Стоитъ ли Исайка того?

Однажды, отпущенный въ воскресенье со двора, Рябой поздно ночью былъ приведенъ въ казармы въ безчувственномъ состояніи и почти голымъ. Сапоги и казенная шинель были пропиты Рябымъ. Даже и онъ оробѣлъ, когда, проснувшись на слѣдующее утро, узналъ, что случилось. Въ ротѣ тотчасъ же стало извѣстно, что Рябой пропилъ казенныя вещи, и всѣ говорили, что за это его отдерутъ «форменно», какъ сидорову козу, меньше какъ пятьсотъ розогъ за такое дѣло не дадутъ—шинель новая.

Фельдфебель нѣсколько разъ съѣздилъ Рябого по уху, больше для соблюденія своего престижа, чѣмъ для вразумленія такого отпѣтаго человѣка,—что ему, молъ, отъ боя!—и обѣщалъ скрыть отъ ротнаго командира до вечера, если Рябой добудетъ шинель.

А онъ даже не помнитъ, за сколько она была оставлена въ знакомомъ кабакѣ, гдѣ Рябой постоянно пьянствовалъ. И какъ добыть шинель? Гдѣ достать такія деньги?

— Придется, видно, шкурой заплатить за шинель, Авдей Трифонычъ! — объявилъ онъ развязнымъ тономъ, стараясь скрыть передъ фельдфебелемъ свою душевную тревогу.

— Въ этомъ не сумлѣвайся, блудящій кобель, пьяная твоя рожа! Отполируютъ тебя, подлеца, начисто, во всемъ аккуратѣ... Проймутъ и твою барабанную шкуру, не бойся. А то, пожалуй, еще и подъ судъ отдадутъ, попадешь въ арестантскія роты... Какъ ротный на это дѣло взглянетъ... Не въ первый это разъ ты казну объегориваешь...

Старикъ-фельдфебель (онъ же боцманъ первой вахты на «Поспѣшномъ») говорилъ, повидимому, суровымъ, безстрастнымъ тономъ, прибавляя ругательства безъ всякаго увлеченія. Однако въ его глазахъ свѣтилось участіе. Ужъ очень удалый и безстрашный былъ марсовой, этотъ забулдыга и пьяница!

— Ужъ ты попытай, извернись какъ-нибудь, безпардонный дьяволъ, а я до вечера докладывать не буду! А дальше не могу. Самъ службу понимаешь! — прибавилъ не безъ

теплой нотки въ голосѣ старикъ и словно бы оправдываясь.

— Спасибо и на томъ, Авдей Трифонычъ, но только ужъ все равно съ утреннимъ лепортомъ доложите ротному... Чего еще ждать?

— А ты форцу на себя не напущай, не куражься... Не бойсь, всыпка будетъ отчаянная... Да и вовсе пропасть можешь... Попытай, говорю... Или еще не проспался, сучій ты сынъ? Слышь: до вечера ротному не доложу.

Исайка, уже давно сидѣвшій въ своемъ уголкѣ, за работой, прослышалъ про то, какая грозила бѣда Рябому, и лицо его отразило жалость и въ то же время какую-то внутреннюю борьбу. Такъ просидѣлъ онъ, ожесточенно двигая шиломъ, минутъ пять и наконецъ, полный рѣшимости, всталъ и пошелъ на другой конецъ казармы, гдѣ угрюмо сидѣлъ Рябой.

— А что я тебѣ скажу, братецъ,—проговорилъ своимъ тоненькимъ голоскомъ, слегка нараспѣвъ и нѣсколько таинственно Исайка, подходя къ Рябому.

Рябой вопросительно поднялъ на Исайку злые глаза и равнодушно опустилъ ихъ.

— Знаешь, что я тебѣ скажу?

— Ну что пристадъ: «скажу да скажу»? Сказывай.

— За сколько ты пропилъ шинель?

— А тебѣ что?.. Чего лѣзешь?

— Ты только скажи, а мнѣ есть дѣло! — продолжалъ Исайка и одобрительно и ласково подмигнулъ глазомъ.

— А чортъ его знаетъ за сколько?

— Гмм... Денегъ не бралъ?.. Пилъ только?.. А много ты примѣрно выпилъ?.. Штофа два?

— И полведра вали. Я вѣдь не жидъ, а хрещеный.

— Ай, ай, полведра!—ахнулъ Исайка.

— Да ты къ чему это гнешь?.. — уже мягче спросилъ Рябой, взглядывая на Исайку и пораженный необыкновенно участливымъ выраженіемъ его лица.

— Хочу шинель твою достать!—кротко промолвилъ Исайка.— Объясни, въ какомъ кабакѣ ты ее оставилъ. А ужъ я шинель принесу.

— Ты?—выговорилъ только Рябой.

И больше не могъ въ первое мгновеніе ни слова прибавить, тронутый до глубины души этимъ великодушнымъ предложеніемъ.

— Ввѣкъ не забуду, Исайка! Вызволилъ!—наконецъ дрогнувшимъ голосомъ проговорилъ Рябой и, вѣроятно, желая выразить свои чувства во всей полнотѣ, прибавилъ: — жидъ, а какой добрый!

Исайка чуть-чуть усмѣхнулся отъ этого комплимента и сталъ разспрашивать, гдѣ кабакъ, въ которомъ Рябой вчера пьянствовалъ.

Рябой подробно объяснилъ и смущенно прибавилъ:

— Только цѣловальникъ сдеретъ... Пожалуй, рублей пять заломитъ!

На физіономіи Исайки появилось дѣловое выраженіе кровнаго еврея, собирающагося сдѣлать коммерческое дѣло, и онъ снова подмигнулъ глазомъ, на этотъ разъ не безъ нѣкотораго лукавства, и сказалъ:

— Не бойсь, Исайка будетъ торговаться. Исайка лишней копейки не дастъ.

Онъ тотчасъ же отпросился у фельдфебеля со двора и отправился въ указанный Рябымъ кабакъ.

Прожженный молодой ярославецъ-кабатчикъ, увидѣвъ Исайку, вопросительно повелъ на него глазами. Исайка деликатно объяснилъ, что пришелъ за шинелью Ивана Рябого.

— А деньги принесъ?

— Вамъ сколько денегъ?

— Семь рублей,—не мигнувъ глазомъ, отвѣчалъ кабатчикъ.

— Не много ли будетъ? — прищуривъ глаза, протянулъ Исайка.

— А много, такъ уходи.

— Я бы и ушелъ, да товарища жалко... Вы сами знаете, казенная вещь... Ему достанется... Казенная вещь—царская... Какъ ротный узнаетъ, что вы у матроса взяли царскую вещь, большія непріятности выйдутъ... Ай, ай, ай! какія непріятности!.. Полиція и все такое. Царская вещь не можетъ пропасть.—И Исайка съ серьезнымъ видомъ покачалъ головой.— Рябой приказалъ отдать полтора рубля и просить шинель и сапоги... А ужъ затѣмъ какъ вамъ будетъ угодно! — прибавилъ Исайка равнодушнымъ, казалось, тономъ и сдѣлалъ видъ, будто собирается уходить.

— Да ты постой!..

— Извините!.. Мнѣ некогда... Я казенный человѣкъ. Меня самъ господинъ фельдфебель послалъ, Авдей Трифонычъ—изволите знать? Онъ тоже у васъ вино беретъ—ходи, говоритъ, Исайка, за шинелью, чтобъ не было, говоритъ, непріятностей.

Начали торговаться. Исайка нѣсколько разъ выходилъ изъ кабака и возвращался, желая сберечь свои кровныя деньги, которыя онъ хранилъ, какъ зѣницу ока. И было-то у него прикоплено всего-на-всего рублей двадцать отъ двугривенныхъ, которые ему давали—и то не всегда—за его работу.

Наконецъ шинель и сапоги были выкуплены за два рубля двадцать копеекъ, и Исайка, завернувъ вещи въ узелъ, ушелъ веселый и торжествующій изъ кабака, не обращая никакого вниманія на то, что обозленный сидѣлецъ выругалъ его вслѣдъ подлой жидовской харей.

Съ этого дня Иванъ Рябой и Исайка сдѣлались большими пріятелями, хотя и не совсѣмъ понимали другъ друга.

V.

Много ума, осторожности, изворотливости и такта нужно было Исайкѣ, чтобы за 16 лѣтъ своей службы въ тѣ старыя жестокія времена уберечься отъ наказаній. Но Исайка съ первыхъ же дней службы былъ такъ усерденъ, такъ безукоризненно велъ себя, такъ старался, что рѣшительно не было возможности къ нему и придраться. Да и невольно жаль было какъ-то этого безотвѣтнаго, боязливаго, смирнаго и совсѣмъ тщедушнаго человѣка съ большими кроткими глазами. Когда, въ первый годъ службы, какой-то унтеръ-офицеръ избилъ Исайку, Исайка такъ горько плакалъ цѣлую ночь, что даже унтеръ-офицеръ, избившій его, почувствовалъ нѣчто, похожее на угрызенія совѣсти.

Вдобавокъ Исайка, по неспособности къ строевой службѣ, состоя въ мастеровыхъ, находился и вдали отъ глазъ начальства на кораблѣ. Ближайшихъ начальниковъ у него было только двое: шкиперъ—офицеръ изъ бывшихъ боцмановъ, да подшкиперъ, съ которыми Исайка умѣлъ отлично ладить и задабривать ихъ при случаѣ. А прочее начальство, особенно строгое съ матросами, до него и не касалось. Сиди себѣ въ подшкиперской и чини паруса да выходи наверхъ лишь во время авраловъ.

Помимо того, что Исайка, что называется, изъ кожи лѣзъ, отличаясь безустанной работой и безукоризненнымъ поведеніемъ, онъ, какъ человѣкъ умный и наблюдательный, зналъ, чѣмъ взять, кромѣ усердія. На берегу онъ постоянно шилъ и ротнымъ своимъ командирамъ и фельдфебелямъ сапоги, обшивалъ ихъ женъ и дѣтей, а лѣтомъ то же самое дѣлалъ для шкипера и его помощника, разумѣется, даромъ. И всѣ обходились съ Исайкой ласково, считая его золотымъ человѣкомъ. На всякое ремесло онъ былъ мастеръ. Разъ даже игрушку хорошую сдѣлалъ и поднесъ сынишкѣ экипажнаго командира, супругѣ котораго, конечно, шилъ башмаки.

Исайка каждый день благодарилъ Бога, что служба, которой онъ такъ боялся вначалѣ, оказалась для него не особенно страшной—море только его пугало! Но ужъ служить остава-

лось немного. Года черезъ четыре его, навѣрное, уволятъ въ безсрочный отпускъ, и тогда конецъ этимъ вѣчнымъ страхамъ! Вольный человѣкъ!

И онъ иногда мечталъ, какъ будетъ жить постоянно на твердой землѣ, займется мастерствомъ въ Кронштадтѣ, гдѣ его всѣ знаютъ, и заживетъ себѣ спокойно и тихо, какъ слѣдуетъ честному еврею.

Одно обстоятельство только смущало Исайку въ послѣднее время. Онъ былъ неравнодушенъ къ одной матросской вдовѣ, извѣстной на кронштадтскомъ рынкѣ, гдѣ лѣтомъ она торговала зеленью, а по зимамъ имѣла ларь съ разнымъ мелочнымъ товаромъ, подъ именемъ «рыжей Анки». Эта «рыжая Анка», здоровая и толстая баба, лѣтъ тридцати пяти, съ широкими бедрами и рыхлымъ лицомъ, покрытымъ веснушками, тоже посматривала на Исайку своими голубыми, лукавыми глазами не безъ вызывающаго кокетства. Ея любовникъ-матросъ ушелъ на три года въ «дальнюю», и она была свободна. А Исайка былъ обстоятельный человѣкъ и умѣлъ давать ей отличные совѣты по части торговли. Безъ него у нея едва хватало на хлѣбъ да на квасъ, а какъ онъ съ ней познакомился—совсѣмъ другой оборотъ вышелъ. Уменъ Исайка на торговлю— откуда только выдумка шла. И башмаки ей великолѣпные сдѣлалъ, и въ долгъ на покупку товара десять рублей далъ!

И «Анка» непрочь была бы связаться съ «жидомъ»—пусть на рынкѣ смѣются—наплевать. И то уже смѣются!

Но Исайка не дѣлалъ рѣшительныхъ авансовъ, не имѣя смѣлости признаться Анкѣ въ своей склонности. Да и согласится ли она жить съ жидомъ? О бракѣ Исайка, разумѣется, и не думалъ.

По всей вѣроятности, робкій Исайка такъ бы и остался тайнымъ вздыхателемъ, если-бъ въ началѣ лѣта, когда уже «Поспѣшный» вытянулся на рейдъ, Исайка однажды утромъ въ воскресенье не зашелъ купить у Анки на копейку луку.

Выбравъ пучокъ и поразспросивъ Анку о дѣлахъ, Исайка хотѣлъ-было уходить, какъ Анка, заглянувъ въ глаза Исайки, лукаво спросила:

— Только луку тебѣ отъ меня и надо, Исайка?

— Чего-жъ я смѣю кромѣ луку, Анна Спиридоновна?—значительно протянулъ Исайка.

— Чего?.. Ахъ ты, лукавый Исайка!—разсмѣялась Анка и нѣжно прибавила: — нечего на корабль идтить; ужо приходи ко мнѣ пить чай!

Съ того дня Исайка сталъ чаще съѣзжать на берегъ и,

когда «Поспѣшный» ушелъ въ море, Исайка принялся шить Анкѣ самые фасонистые башмаки и написалъ ей два письма, въ которыхъ съ трогательнымъ краснорѣчіемъ изливалъ передъ ней душу, закончивъ дѣловыми совѣтами насчетъ зимней торговли, которую ужъ они вели теперь сообща послѣ памятной покупки пучка лука.

VI.

Ахъ, какъ не хотѣлось Исайкѣ идти на слѣдующее лѣто въ море!

Ему не хотѣлось разставаться съ «рыжей Анкой», къ которой онъ серьезно привязался, но—главное—его тревожило назначеніе новаго командира экипажа и корабля «Поспѣшнаго». Про него ходили неутѣшительные слухи какъ объ отчаянномъ «мордобоѣ», который, командуя фрегатомъ, поролъ безъ всякой пощады и, когда пылилъ, то былъ ровно бѣшеный. Объ этомъ только и было толковъ среди матросовъ, и даже Иванъ Рябой какъ-то сказалъ Исайкѣ, что броситъ нить...

— Звѣрь, сказываютъ!

И дѣйствительно, это лѣто Исайкѣ приходилось чуть ли не ежедневно улепетывать внизъ и забиваться въ уголъ, вздрагивая отъ ужаса. Почти ни одного ученья не проходило безъ того, чтобы не было экзекуцій. Наказывали по нѣсколько человѣкъ. Капитанъ требовалъ, чтобы матросы работали «какъ черти», и если, напримѣръ, паруса крѣпили не въ три, а въ три съ половиной минуты, то всѣхъ опоздавшихъ марсовыхъ и съ ихъ унтеръ-офицерами пороли линьками. Въ тѣ времена было щегольство на быстроту работъ, и каждый капитанъ хотѣлъ отличиться. Это былъ особенный морской шикъ.

Все это плаванье Исайка постоянно находился въ какомъ-то напряженномъ состояніи страха и особенно боялся авраловъ, когда и ему приходилось выбѣгать наверхъ и видѣть этого высокаго, широкоплечаго человѣка съ суровымъ, краснымъ лицомъ, стоявшаго на ютѣ, разставивъ ноги, и грозно посматривавшаго на работы. Мертвое молчаніе царило въ такія минуты на палубѣ. Матросы старались изо всѣхъ силъ, взлетали какъ бѣшеные по вантамъ, разбѣгались, точно по гладкому полу, по реямъ и крѣпили паруса съ лихорадочною поспѣшностью страха. Какой-то трепетъ чувствовался всѣми, не исключая и боцмановъ. И офицеры съ испуганной озабоченностью стояли у своихъ мачтъ, поднявши кверху головы, и лишь изрѣдка тихо ругались, замѣтивъ, что гдѣ-нибудь работаютъ не такъ скоро или какая-нибудь снасть «заѣла», т.-е. не идетъ.

И этотъ одинъ человѣкъ, заставлявшій всѣхъ трепетать, радовался, что въ два мѣсяца такъ «подтянулъ» всѣхъ. Лицо его свѣтилось довольной улыбкой, когда паруса «сгорали», или когда на артиллерійскомъ ученьѣ большія орудія откатывались, какъ легкія перышки, въ рукахъ надрывавшихся матросовъ...

Но случалось — и нерѣдко — лицо капитана вдругъ багровѣло, глаза наливались кровью, и онъ, съ поднятыми кулаками, точно изступленный, кидался внизъ, несся на бакъ и билъ боцмановъ, билъ попавшихся подъ руку матросовъ, оглашая воздухъ ругательствами.

— Запорю!—кричалъ онъ, не помня себя отъ ярости.

Оказывалось, что на бакѣ громко разговаривали или не скоро убрали кливеровъ...

Въ такія минуты Исайка замиралъ отъ страха.

Плаваніе уже кончалось къ общей радости матросовъ и офицеровъ. «Поспѣшный» возвращался подъ всѣми парусами въ Кронштадтъ съ попутнымъ брамсельнымъ вѣтромъ изъ Балтійскаго моря.

У Гогланда налетѣлъ шквалъ, и, по оплошности вахтеннаго офицера, не убравшаго во-время парусовъ, разорвало форъ-марсель въ клочки.

Капитанъ разсвирѣпѣлъ и напустился на офицера, грозя его отдать подъ судъ. Засвистали мѣнять форъ-марсель. Подшкиперъ бросился въ подшкиперскую и второпяхъ указалъ прибѣжавшимъ матросамъ не на тотъ марсель, какой надо было взять, а на другой, еще требовавшій починки. Никто этого не замѣтилъ. Не замѣтилъ и Исайка.

Минутъ черезъ восемь разорванный марсель былъ отвязанъ и принесенный въ видѣ огромнаго, длиннаго, свернутаго узкаго мѣшка—привязанъ. Его распустили и—о ужасъ!—нѣсколько дыръ зіяло на парусѣ.

Исайка увидалъ и сталъ бѣлѣй рубашки.

Капитанъ уже былъ на бакѣ.

— Подшкипера сюда... Парусника!..

Подшкиперъ и Исайка стояли передъ капитаномъ.

— Ты парусникъ? — спросилъ капитанъ, вперяя налитые кровью глаза на дрожавшаго, какъ листъ, Исайку и окидывая его уничтожающимъ взглядомъ.

— Я, ваше высокоблагородіе!—едва пролепеталъ Исайка.

— Ты, подлецъ? Боцмана! Въ линьки его! Сію минуту.

Исайка затрясся, точно въ лихорадкѣ. Зрачки глазъ расширились. Судороги пробѣгали по его лицу...

— Ваше высокоблагородіе... Я не... не виноватъ.

— Не виноватъ!?. Эй!.. Спустить ему шкуру!.. Онъ не виноватъ!..—безсмысленно повторялъ капитанъ.

Уже два унтеръ-офицера подбѣжали къ Исайкѣ, чтобы взять его, какъ вдругъ Исайка бросился въ ноги капитану и, конвульсивно рыдая, говорилъ:

— Я не могу... ваше высокоблагородіе... помилуйте... ваше...

Было что-то раздирающее въ этомъ отчаянномъ воплѣ. Стоявшій тутъ же старшій офицеръ отвернулся. Матросы потупили глаза. Мертвая тишина царила на палубѣ.

Эта мольба, казалось, привела капитана въ бо́льшую ярость. Онъ брезгливо пнулъ распростертаго Исайку ногой и крикнулъ:

— Взять его... Показать, какъ онъ не можетъ!

Но въ эту минуту Исайка уже вскочилъ на ноги, и это былъ уже совсѣмъ не прежній кроткій Исайка.

Въ его мертвенно-блѣдномъ лицѣ со сверкающими глазами было что-то такое странно-спокойное и рѣшительное, что капитанъ невольно отступилъ назадъ...

. . . . . .

— Такъ будь ты проклятъ, злодѣй!

И съ этими словами вспрыгнулъ на сѣтки и съ жалобнымъ крикомъ отчаянія бросился въ море.

Матросы оцѣпенѣли въ безмолвномъ ужасѣ. Капитанъ видимо опѣшилъ.

Иванъ Рябой, отличный пловецъ, въ одно мгновеніе былъ за бортомъ. Но Исайки уже не было на поверхности. Онъ какъ ключъ пошелъ ко дну.

— Эка жидюга проклятая! — наконецъ проговорилъ капитанъ и велѣлъ лечь въ дрейфъ и спустить катеръ, чтобы спасти Рябого.

Матросы крестились.

НЕПОНЯТЫЙ СИГНАЛЪ.

I.

На «Орлѣ» всѣ господа офицеры носы повѣсили и только-что спустились внизъ, въ каютъ-компанію, послѣ паруснаго ученія, словно въ воду опущенные. Разсердился адмиралъ, начальникъ эскадры, собравшейся въ Нагасаки,—извѣстный въ тѣ далекія времена, о которыхъ идетъ рѣчь, какъ отчаянный «разноситель», вспыльчивый и необузданный человѣкъ, приходившій иногда въ раздраженіе изъ-за пустяковъ.

Парусное ученье на всей эскадрѣ прошло, казалось, хорошо, и адмиралъ былъ доволенъ, но подъ конецъ онъ вдругъ насупился и сталъ мраченъ. Густыя брови адмирала сдвинулись.

А когда адмиралъ сердился и начиналъ, по выраженію моряковъ, «штурмовать», то даже самые храбрые, съ воловьими нервами, люди испытывали нѣкоторый страхъ и мысленно взывали ко Господу Богу: «Господи! За что это *онъ* разсердился? Успокой, Боже, адмиральскую душу!»

Но несмотря, однако, что подобныя моленія искренно и горячо возносились рѣшительно всѣми офицерами на корветѣ, гдѣ «сидѣлъ», то-есть имѣлъ свое мѣстопребываніе, адмиралъ,—начиная съ капитана, пожилого, смѣлаго моряка, не боявшагося океанскихъ штормовъ, но трусившаго, какъ огня, начальства, и кончая младшимъ механикомъ — Господь Богъ адмиральскую душу не смягчилъ.

Состояніе духа адмирала видимо приближалось къ «штормовому». Барометръ быстро падалъ, предвѣщая бурю.

Быстрой и нервной походкой ходилъ адмиралъ взадъ и впередъ по шканцамъ среди царившей вокругъ тишины, наблюдаемый зоркимъ и испуганнымъ взглядомъ молодого вахтеннаго офицера, замершаго на мостикѣ. Адмиралъ ходилъ, словно

негодующій звѣрь въ клѣткѣ, весь вздрагивалъ, крякалъ, снималъ съ своей сѣдой, остриженной подъ гребенку, головы фуражку и судорожно мялъ ее въ своихъ толстыхъ короткихъ пальцахъ, словно желая уничтожить эту бѣлую фуражку.

«Начинается!» — подумалъ молодой офицеръ, не спуская очарованныхъ глазъ съ адмирала, словно робкая антилопа передъ страшнымъ боа, готовымъ схватить ее.

Но адмиралъ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на трепетавшаго въ ожиданіи «разноса» мичмана и продолжалъ ходить. По временамъ съ его устъ вылетали отрывистыя выраженія самаго морского характера. Онъ былъ по этой части настоящій виртуозъ и такой, что боцмана и матросы только ухмылялись, дивясь его неистощимой фантазіи.

Изъ себя адмиралъ былъ кряжистый, сутуловатый, небольшого роста, сильный и крѣпкій человѣкъ, лѣтъ за пятьдесятъ, пользовавшійся репутаціей лихого и безстрашнаго моряка. Лицо энергичное, рѣзкое, крупное, загорѣлое, гладко выбритое, съ колючими усами и съ парой черныхъ круглыхъ глазъ. Глаза эти, выпуклые, съ кровяными жилками на бѣлкахъ, казалось, вотъ-вотъ сейчасъ выскочатъ и съѣдятъ васъ живьемъ... По крайней мѣрѣ такое впечатлѣніе производили они на моряковъ, когда адмиралъ начиналъ «штормовать». Во время штиля глаза эти, напротивъ, были мягкіе, добрые и привѣтливые.

Матросы благополучно удалились на бакъ и оттуда посматривали, что̀ будетъ дальше. И страшно и въ то же время любопытно было глядѣть на гнѣвнаго адмирала. Матросы хоть и боялись его, но были расположены къ нему. Онъ не поролъ, не дрался, заботился о людяхъ и былъ, главнымъ образомъ, лишь грозой офицеровъ.

— Гляди, ребята,—шопотомъ говорилъ молодой рыжій матросикъ Акимъ Чижовъ, попавшій изъ деревни въ «кругосвѣтку»: — какъ енъ шапку-то деретъ. Гляди, братецъ ты мой!—возвысилъ голосъ Акимъ.

— Тише, дурень, тише... Неравно услышитъ! — отвѣчалъ чуть слышно товарищъ, толкая Чижова въ бокъ.

— Нѣтъ... Да ты, Егорка, погляди... Ишь вѣдь...

Проходившій въ эту самую минуту боцманъ съѣздилъ молодого матроса по шеѣ и прервалъ дальнѣйшую рѣчь Чижова.

Адмиралъ въ это время на секунду остановился и крикнулъ вахтенному офицеру:

— Господъ офицеровъ наверхъ!

— Есть!—отвѣтилъ мичманъ и послалъ вахтеннаго унтеръ-офицера передать адмиральское приказаніе.

Черезъ минуту офицеры стояли, выстроившись, на шканцахъ. Никто не зналъ причины адмиральскаго гнѣва. Всѣ знали отлично лишь одно: что адмиралъ въ «штормовыя» минуты «разносилъ вообще» и безъ какой-либо непосредственной причины, и каждый болѣе или менѣе испытывалъ гнетущее ощущеніе служебнаго страха, ожидая, что именно его «разнесетъ» адмиралъ, любившій-таки огорошивать подобными сюрпризами.

Капитанъ, весь красный, пыхтѣлъ и отдувался, нервно теребя длинные усы. Старшій офицеръ недоумѣвающе поглядывалъ своими рачьими глазами и въ сотый разъ припоминалъ: могъ ли адмиралъ замѣтить какую-нибудь неисправность на корветѣ, или не могъ?.. Казалось, на корветѣ все въ исправности. Старый штурманъ былъ покорно-угрюмъ, а старшій артиллеристъ весь замеръ въ какой-то трепетной истомѣ, находя въ этомъ состояніи, повидимому, даже нѣкоторое удовольствіе и умѣя трепетать передъ начальствомъ съ замѣчательной виртуозностью, полагая, что излишній трепетъ дѣла не испортитъ. Милѣйшій первый лейтенантъ Андрей Петровичъ, рыхлый, пухлый и краснощекій, на котораго каждый «разносъ» адмирала производилъ дѣйствіе сильнаго слабительнаго, совсѣмъ палъ духомъ, и толстыя его губы шептали «укрощающую» молитву. Онъ хвалился, что знаетъ такую, и нерѣдко прибѣгалъ къ ея помощи, хотя и не всегда съ успѣхомъ.

Нужно ли говорить о другихъ? Даже самъ неустрашимый мичманъ Сережкинъ, пописывавшій про адмирала юмористическіе стишки и легкомысленно хвастывавшій не разъ въ каютъ-компаніи, что онъ нисколько его не боится,—и тотъ слегка поблѣднѣлъ, хоть и старался сохранить хладнокровный и даже нѣсколько небрежный видъ, и на его юномъ лицѣ ясно проглядывала мысль: «Попадетъ или нѣтъ?»

Въ эту минуту палуба корвета представляла собою картину недоумѣнія и страха. И только два существа относились, казалось, безразлично къ адмиральскому гнѣву: адмиральскій камердинеръ Тимошка и корветскій песъ, изъ породы водолазовъ, Милордка. Онъ довольно комфортабельно устроился на припекѣ, у пушки, и, не обращая ни малѣйшаго вниманія на адмирала, лѣниво вылизывалъ свои мохнатыя черныя лапы.

II.

Адмиралъ продолжалъ ходить и, вдругъ остановившись передъ офицерами, началъ:

— Не разъ уже я замѣчалъ... э-э-э... замѣчалъ, что вы,

господа... э-э-э... относитесь къ службѣ не съ должною серьезностью...

Адмиралъ, вообще не отличавшійся ораторскими способностями, сдѣлалъ длинную паузу и продолжалъ:

— Прошу помнить, что служба не шутка... э-э-э... Наши незабвенные учителя, Павелъ Степановичъ Нахимовъ и Владиміръ Алексѣичъ Корниловъ... э-э-э... оставили намъ завѣтъ, какъ нужно служить... служить... э-э-э... чтобы быть примѣрными офицерами... Многіе изъ васъ не являются къ подъему флага... Срамъ-съ!.. Многіе не бываютъ у своихъ мачтъ, когда идетъ работа... Стыдъ! А я приказывалъ... Берегитесь!.. Шутить не буду!—вдругъ крикнулъ адмиралъ. — Служба не шутка-съ... Не шутка-съ, господа!

Всѣ «господа» внимательно слушали, приложивъ пальцы къ козырькамъ фуражекъ. Пальцы артиллериста замѣтно дрожали.

Адмиралъ видимо затруднялся продолжать далѣе рѣчь и сердито поводилъ на всѣхъ глазами. Какъ вдругъ онъ весь побагровѣлъ и быстро наскочилъ на юнаго гардемарина, который почтительно слушалъ адмирала, но въ его быстрыхъ и лукавыхъ глазахъ играла невольная улыбка. Эта улыбка, говорившая, казалось, что юнецъ понимаетъ затруднительное положеніе оратора, и привела адмирала въ бѣшенство.

— Вы что?—крикнулъ онъ, какъ оглашенный, наступая на гардемарина.

— Ничего-съ, ваше превосходительство! — отвѣчалъ тотъ самымъ почтительнымъ тономъ.

— Подъ арестъ его!.. Я по-ка-жу... э-э-э... какъ служить... Я по-ка-жу!—гремѣлъ адмиралъ.

Адмиралъ смолкъ и, отойдя отъ гардемарина, снова заходилъ. Минуты черезъ двѣ онъ сказалъ, обращаясь къ офицерамъ:

— Можете идти, господа, но прошу помнить, что я вамъ сказалъ. Служба не шутка-съ!

Никто, разумѣется, не сомнѣвался въ этомъ, и потому всѣ довольно стремительно спустились въ каютъ-компанію, продолжая недоумѣвать, что именно вызвало гнѣвъ адмирала.

«Гардемарина съ улыбкой» посадили подъ арестъ, т.-е. въ каюту.

— За что это васъ?—спрашивали офицеры.

— Спросите у адмирала.

— Не улыбайтесь впередъ!—пошутилъ кто-то.

Когда офицеры разошлись, адмиралъ крикнулъ:

— Флагъ-офицера послать!

Передъ адмираломъ тотчасъ же предсталъ флагъ-офицеръ. Адмиралъ любилъ этого бойкаго и расторопнаго молодого человѣка и называлъ его исполнительнымъ. И правда: лицо и немного подавшаяся впередъ фигура флагъ-офицера въ эту минуту выражали готовность не только исполнить приказаніе, но даже и броситься немедленно въ синеву моря, омывающаго красивые берега Нагасаки.

— Сейчасъ поѣзжайте къ командиру, у котораго не поняли сигнала: «мѣнять марселя» и потому запоздали... Попросить его ко мнѣ!

— Есть, ваше превосходительство!

И флагъ-офицеръ было-пошелъ.

— Да бѣгомъ, бѣгомъ-съ! — крикнулъ вдогонку адмиралъ, и такъ крикнулъ, что молодой флагъ-офицеръ, словно лошадь, получившая шенкеля, сдѣлавъ весьма граціозный скачокъ, пробѣжалъ среднимъ галопомъ къ трапу, вскочилъ въ шлюпку и отвалилъ отъ корвета.

Отъѣхавъ этакъ саженъ тридцать отъ корвета, флагъ-офицеръ нѣсколько пришелъ въ себя и вслѣдъ затѣмъ подумалъ: «Куда же ѣхать? За какимъ капитаномъ? Гдѣ не поняли сигнала?»

Кромѣ адмирала, никто этого не видалъ—не замѣтилъ и флагъ-офицеръ, наблюдавшій за сигналами. Казалось, на всѣхъ судахъ эскадры во-время подымались сигнальные отвѣты... Въ порывѣ служебнаго усердія, флагъ-офицеръ не спросилъ адмирала, какого онъ требуетъ капитана. Да и какъ было спросить? Онъ долженъ былъ знать и безъ спроса!

«Господи! Куда-жъ я поѣду?—терзался бѣдный исполнительный молодой человѣкъ.—Корветовъ на рейдѣ цѣлыхъ четыре. Ну, была не была, ѣду къ Анисимову... Вѣрно, его требуетъ! У него, кажется, позже всѣхъ перемѣнили марселя—и вообще адмиралъ его чаще всѣхъ разноситъ!»—рѣшилъ вдругъ флагъ-офицеръ и направилъ вельботъ на корветъ «Проворный».

Петръ Дмитріевичъ Анисимовъ въ это время благодушествовалъ въ своей каютѣ. Толстый, съ большимъ брюшкомъ, онъ лежалъ безъ сюртука на диванѣ и пилъ чай. Самыя радужныя мысли бродили въ головѣ толстяка-капитана. Черезъ два дня его корветъ отдѣлится отъ эскадры и будетъ плавать отдѣльно. Можно будетъ отдохнуть безъ адмирала... А то эти постоянные разносы!..

Столь пріятныя думы были прерваны неожиданнымъ появленіемъ флагъ-офицера.

Онъ поздоровался и испуганно проговорилъ:

— Адмиралъ очень сердится, Петръ Дмитріевичъ.

— Что вы? За что?

— Да у васъ поздно перемѣнили марселя! — продолжалъ флагъ-офицеръ.

— Ну, положимъ, чуть-чуть опоздали..

Флагъ-офицеръ ожилъ.

— Васъ требуетъ адмиралъ!—проговорилъ онъ, довольный, что не ошибся и нашелъ именно того, кого требовалъ адмиралъ.

— Такъ и зналъ!—воскликнулъ Петръ Дмитріевичъ съ тоскою въ голосѣ.—Такъ и зналъ... Минутой позже и сейчасъ—выговоръ... Это чортъ знаетъ что такое! Что, какъ онъ? Очень того? Штормуетъ?—допрашивалъ капитанъ.

— Въ самомъ разгарѣ...

— А фуражку топчетъ?

Адмиралъ, случалось, въ минуту сильнаго возбужденія, бросалъ фуражку на палубу и топталъ ее ногами.

— Нѣтъ еще...

— Эй, Липкинъ!—крикнулъ Петръ Дмитріевичъ.

Явился вѣстовой.

— Бѣгомъ наверхъ... Приготовить вельботъ!..

Флагъ-офицеръ вышелъ изъ каюты и, вернувшись на «Орелъ», доложилъ адмиралу, что приказаніе исполнено.

Нѣсколько минутъ спустя громко стукнувшая дверь адмиральской каюты привела въ радостное настроеніе вахтеннаго мичмана. Адмиралъ ушелъ къ себѣ.

Въ это же время толстый капитанъ, мысленно призывая Господа Бога на помощь и тихонько крестясь, приставалъ на щегольскомъ вельботѣ къ адмиральскому корвету. Какъ-то осторожно ступая, шелъ онъ къ адмиральской каютѣ.

— Что, какъ онъ?—спросилъ онъ мимоходомъ у вахтеннаго офицера.

Мичманъ безнадежно махнулъ головой и промолвилъ:

— Штормъ 12 балловъ, Петръ Дмитричъ!

Передъ тѣмъ, какъ войти къ адмиралу, Петръ Дмитріевичъ заглянулъ въ его буфетную и спросилъ у адмиральскаго камердинера Тимошки:

— Гдѣ, братецъ, адмиралъ?..

— У себя-съ.

— Очень онъ... того... сердитъ?

— Есть-таки! Да мнѣ-то что!—съ нахальной развязностью отвѣчалъ Тимошка.

Этотъ Тимошка, вольноотпущенный, изъ дворовыхъ, наглый и дерзкій, съ плутовскимъ круглымъ лицомъ, покрытымъ веснушками, былъ продувная бестія. Знавшій всѣ привычки ба-

рина, ловкій и расторопный, онъ умѣлъ угождать ему и сдѣлаться необходимымъ, не боялся грубить и немилосердно обиралъ своего барина, стараго холостяка. Адмиралъ былъ большой хлѣбосолъ и не жалѣлъ денегъ. Онъ любилъ, чтобы у него все было отлично, и приглашалъ каждый день къ обѣду, кромѣ штабныхъ и капитана, еще нѣсколько человѣкъ офицеровъ и гардемариновъ. Тимошка распоряжался всѣмъ хозяйствомъ и, разумѣется, охулки на руки не клалъ.

— Что̀, можно къ нему войти? Какъ онъ?

— Извѣстно звѣрствуетъ... Развѣ его не знаете? Вотъ сейчасъ графинъ кокнулъ съ сердцовъ!—проговорилъ Тимошка.

Петръ Дмитріевичъ струсилъ. Въ головѣ его моментально пролетѣла мысль: «Ну, будетъ, значитъ, форменный разносъ!»

— Доложи!—какъ-то оборвалъ толстякъ.

И, внезапно почувствовавъ приливъ отваги, словно бы онъ шелъ на абордажъ съ сильнѣйшимъ непріятелемъ, Петръ Дмитріевичъ пріосанился и, по возвращеніи Тимошки, рѣшительно и храбро вошелъ въ адмиральскую каюту.

Адмиралъ ходилъ. Петръ Дмитріевичъ поклонился. Адмиралъ остановился, пожалъ руку капитану и смотрѣлъ недоумѣвающе своими круглыми глазами на капитана.

Оба нѣсколько мгновеній молчали. Адмиралъ продолжалъ безмолвно смотрѣть на Петра Дмитріевича. Тотъ чувствовалъ легкое обмираніе и усиленно сопѣлъ.

— Честь имѣю явиться, ваше превосходительство!

— Зачѣмъ?

— Изволили требовать, ваше превосходительство.

— Нѣтъ-съ, не требовалъ!

Петръ Дмитріевичъ отвѣсилъ поклонъ, пожалъ протянутую адмираломъ руку и исчезъ изъ каюты со скоростью десяти узловъ.

— Эй, Тимошка!—крикнулъ адмиралъ.

Никто не отзывался.

— Тимошка!.. Заснулъ, каналья?..

— Ну, чего вамъ?—проговорилъ, входя, Тимошка.

— Ивана Петровича послать!

Явился трепещущій флагъ-офицеръ.

— За кѣмъ я васъ посылалъ?

Молчаніе.

— Глухи вы? За кѣмъ я васъ посылалъ?

Флагъ-офицеръ безмолвствовалъ.

— Я васъ посылалъ за Наумовымъ. Какого же чорта вы мнѣ Анисимова подали, а?..

— Я, ваше превосходительство, думалъ...

Едва только молодой человѣкъ произнесъ послѣднее слово, какъ адмиралъ, начинавшій-было успокаиваться, внезапно побагровѣлъ.

— Думали? А кто просилъ васъ думать?

Флагъ-офицеръ молчалъ. Вся его поза выражала покорное сознаніе вины.

— Онъ думалъ!? Надо исполнять приказаніе, а не думать-съ! А то: думалъ! Я вообще замѣтилъ... э-э-э... что вы послѣднее время стали думать...

— Я, ваше пре-вос-хо-ди-тельство, ста-ра-юсь не ду-мать! — коснѣющимъ языкомъ лепеталъ флагъ-офицеръ.

— Стараетесь, а все-таки думаете,—смягчился адмиралъ.— Оттого и дѣлаете глупости... Размышленія тамъ разныя годятся на берегу, а не на морѣ... Прошу помнить-съ... Ступайте и не думайте!..

— Прикажете съѣздить за Наумовымъ?

— Не надо!—рѣзко оборвалъ адмиралъ.

Флагъ-офицеръ улепетнулъ изъ каюты и, придя въ каютъ-компанію, объявилъ, что «штормъ» проходитъ. Адмиралъ его «разнесъ» совсѣмъ легко.

— Совѣтовалъ не думать?—иронически замѣтилъ кто-то изъ молодежи.

III.

Чудный вечеръ смѣнилъ жаркій день и принесъ съ собою прохладу. Адмиралъ вышелъ изъ каюты и сталъ гулять по палубѣ. Онъ мало-по-малу «стихалъ».

Матросы толпились на бакѣ и «лясничали». Въ одной изъ кучекъ, примостившейся у орудія, старый матросъ Никулинъ разсказывалъ о томъ, какіе бываютъ начальники въ гнѣвѣ.

— У всякаго, братецъ ты мой, свой характеръ... Всякій пылитъ по-своему. Нашъ осерчаетъ, то ровно ведмѣдь... ломитъ все... ну и реветъ, словно его подъ микитки рогатиной шаркнули... Однако отходчистый, и нѣтъ того, чтобы драться...

— Это ты правильно, отходчистый... Загорится, запылитъ, а потомъ и забылъ!..—замѣтилъ кто-то изъ слушателей.

— Другой сердце свое больше на матросскихъ зубахъ срываетъ,—философствовалъ на эту тему Никулинъ: — какъ отжаритъ съ десятокъ мордъ, пылъ-то и пройдетъ... Знавалъ я такого начальника... Ужъ и лютъ же былъ на зубы, ахъ лютъ, а вобче ничего себѣ... адмиралъ былъ форменный... А то, братцы, былъ у насъ на кораблѣ капитаномъ Севрюгинъ... Нонче онъ, сказывали, въ отставку ушелъ... Жаловаться нечего, командиръ былъ добрый, поролъ съ большимъ разсуд-

комъ, а опять же свою привычку имѣлъ: въ сердцахъ плевался. Ты, примѣрно, на рулѣ стоишь и ужъ не зѣвай, братецъ ты мой, ежели Севрюгинъ сердитъ. Рыкнулъ на четь румба, а ужъ онъ и плюнулъ сверху, да такъ и норовитъ въ самую морду попасть, такъ и норовитъ... И наловчился же попадать...

— Ишь ты...

— Самъ этта плюнетъ да и кричитъ: «Что, молъ, такой-сякой, попалъ?»—«Точно такъ, вашескобродіе!» — отвѣчаешь и оботрешься. Исплюется и ничего... Сердце и отойдетъ.

— А страшной нашъ-то... у-у-у, страшной! — замѣчаетъ Акимъ Чижовъ, тотъ самый молодой матросикъ, простодушный и впечатлительный, которому попало отъ боцмана за слишкомъ живое выраженіе своего мнѣнія насчетъ адмирала.

— Это кто?

— Да адмиралъ.

— Деревня ты, Акимка. Ты настоящихъ страшныхъ еще и не видалъ... Нашъ-то доберъ съ матросомъ.

— Я, братцы, на его даве глядѣлъ... Страшной! Этта какъ озлился... Такой глазастый... буркулы заходили, какъ у волка... Самъ весь дрожитъ... А усъ евойный такъ и ощетинился... Глядѣть было страшно... Кула...

Вдругъ голосъ Акима осѣкся на полусловѣ, и самъ онъ стоитъ ни живъ ни мертвъ. Передъ самымъ его носомъ, въ вечерней темнотѣ, обрисовалась плотная фигура адмирала въ бѣломъ кителѣ.

Невообразимый страхъ обуялъ молодого матросика. Мурашки забѣгали по спинѣ. Онъ инстинктивно присѣлъ, пробрался за пушку и, ровно мышенокъ, что прячется отъ кота, проскочилъ къ люку, спустился на палубу и заметался тамъ, испуганный и блѣдный.

— Ты это что, Акимка?—спросилъ его матросъ изъ кантонистовъ Петровъ, извѣстный на корветѣ зубоскалъ, любившій поднимать на смѣхъ и морочить молодыхъ матросовъ.

Акимъ разсказалъ и испуганно спросилъ:

— Что теперь мнѣ будетъ?

Петровъ мрачно покачалъ головой и съ самымъ серьезнымъ видомъ отвѣтилъ:

— А будетъ тебѣ то, что адмиралъ сейчасъ крикнетъ: «Кинуть, молъ, грубьяна Акимку Чижова за бортъ!» Вотъ что будетъ. Эхъ, жалко мнѣ тебя, Акимка!

Акимъ совсѣмъ замеръ въ страхѣ. Онъ и вѣрилъ и не вѣрилъ словамъ Петрова. Ему было жутко.

«Что будетъ съ нимъ? Вѣдь что онъ сдѣлалъ, о, Господи!»—

думалъ молодой матросъ, считавшій себя въ эту минуту великимъ преступникомъ.

И, охваченный паническимъ страхомъ, онъ бросился къ корветскому образу и припалъ ничкомъ въ горячей молитвѣ.

А въ ушахъ его раздавался страшный голосъ: «Кинуть Акимку Чижова за бортъ!»

Но прошло нѣсколько минутъ, а адмиралъ не приказывалъ кидать Акимку за бортъ и не отдавалъ насчетъ его никакого приказанія, хоть и слышалъ мнѣніе матроса о себѣ. Совсѣмъ уже стихшій, онъ сказалъ капитану, чтобы освободили изъ-подъ ареста наказаннаго гардемарина. Затѣмъ въ раздумьѣ пришелъ въ свою каюту, приказалъ Тимошкѣ подавать чай, достать кексовъ и варенья и пригласить къ чаю только-что освобожденнаго изъ-подъ ареста «гардемарина съ улыбкой».

Матросы скоро успокоили «деревенскую простоту»—Акимку, повѣрившаго «кантонищинѣ». Страхъ простодушнаго матросика прошелъ совсѣмъ, когда онъ убѣдился, что наказывать его не намѣрены. И съ той поры Акимъ почувствовалъ расположеніе къ адмиралу и находилъ, что онъ «доберъ», хоть и страшенъ въ гнѣвѣ.

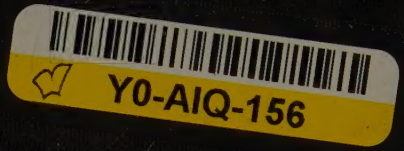
Оглавленіе

IV ТОМА.

Морскіе разсказы

Стр.

Грозный адмиралъ 5
Нянька 79
Куцый 136
Побѣгъ 156
Въ тропикахъ.
I. Ночь 177
II. Утро 188
Отмѣна тѣлесныхъ наказаній 205
Свѣтлый праздникъ 213
Отъ Бреста до Мадеры 222
Матроска 241
Кирилычъ 294
Максимка 315
Жертвы моря. 343
I. Гибель «Ингерманланда» 344
II. Гибель «Камчадала» 353
III. Взрывъ «Пластуна». 361
IV. Крушеніе эскадры и гибель тендера 369
Крушеніе Матвѣя Ивановича 377
Два моряка 395
Месть 413
Исайка 427
Непонятый сигналъ 449


Y0-AIQ-156